

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2019. Том 55

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

2019. Том 55

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2018. Volume 55

Association "Rus" (Chisinau, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Михаил Губогло

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Русsev

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Mikhail Gubglo

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭТНОКОНТАКТНОЙ ЗОНЕ (СЕДЬМЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ И.А. АНЦУПОВА)»	
<i>Синика В.С., Тельнов Н.П., Разумов С.Н.</i>	
Посуда фракийского облика из скифских погребений конца V–IV в. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра (по материалам раскопок 2015 и 2018 гг.) ..	18
<i>Чореф М.М.</i>	
Звездовидная надчеканка I в. до н. э. на боспорском оболе III в. до н. э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан	34
<i>Шербак В.О.</i>	
Молдавські походи українських козаків в 70-х рр. XVI ст.	44
<i>Элезович Д.М.</i>	
Письма Ференца II Ракоци из Мукачево Эльжбете Сенявской 1709 и 1710 гг.	58
<i>Палиенко М.Г., Срибняк И.В.</i>	
Вклад Дмитрия Бантыш-Каменского в развитие исторической биографистики (по оценкам современников)	68
<i>Кривошея І.І., Кривошея Ір.І.</i>	
«Місто на кордоні»: умань – урбанізований простір міжетнічного компромісу (взаємодії) чи конфлікту? (1616–2018 рр.)	84
<i>Давидюк Р.П.</i>	
Ровенское русское православное благотворительное общество в межвоенный период	113
<i>Чемакин А.А.</i>	
Союз русских национальных общин в 1918–1920 гг.: история создания, идеология и деятельность	133
<i>Лобко Н.В.</i>	
Военнопленные русины в Лебединском уезде Харьковской губернии в годы Первой мировой войны	149
<i>Дегтярев С.И., Завгородняя В.Н.</i>	
Украинско-румынские дипломатические и торгово-экономические отношения на фоне бессарабской проблемы в 1918 г.	169
<i>Папакін А.Г.</i>	
Між Болградом і Сороками: польські військові формування в Бессарабії в листопаді 1917 – березні 1918 р.	192
<i>Саган Г.В.</i>	
Роль релігійного чинника в утвердженні етнічної ідентичності русинів на Балканах	224

<i>Степнов А.О., Фоминых С.Ф.</i>	
Национальные дискурсы советской исторической политики в эпоху Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах сибирской прессы)	241
<i>Любчик І.Д.</i>	
Лемки-русини у предметному полі сучасних академічних дискурсів України	260
<i>Суляк С.Г.</i>	
К вопросу о терминологии Карпатской Руси	272
<i>Грек И.Ф.</i>	
Антропонимия жителей поселка Болгарский в Казахстане (к вопросу этногенеза гагаузов в Буджаке)	317
<i>Петрикова А., Плишкова А.</i>	
Анализ словообразовательных способов и типов в русинском языке	353
<i>Колесник В.А.</i>	
К вопросу о карпатизмах и балканизмах в болгарских говорах юга Украины: овцеводство	371
<i>Абрамович С.Д.</i>	
Храмовая гора в венецианском пейзаже А.М. Кашшая	391

НЕКРОЛОГ

Памяти Георгия Константиновича Кожоляно	406
--	------------

СОДЕРЖАНИЕ

Editorial.....	9
THE INTERNATIONAL CONFERENCE "INTER-ETHNIC COOPERATION IN THE AREA OF ETHNIC CONTACTS (THE SEVENTH I.A. ANTUSPOV READINGS)"	
<i>Sinika V.S., Telnov N.P., Razumov S.N.</i>	
Thracian-type ware from the Scythian burials of the late 5th - 4th century BC from the left bank of the Lower Dniester (a case study of excavations of 2015 and 2018)	18
<i>Choref M.M.</i>	
Star-shaped countermark of the 1st century BC on the Bosporan obolus of the 3rd century BC as evidence of interethnic contacts between the population of Bosporus the Aspurgians	34
<i>Shcherbak V.</i>	
Moldavian campaigns of Ukrainian Cossacks the 1570s	44
<i>Elezovic D.M.</i>	
Letters of Francis II Rákóczi from Mukachevo to Elżbieta Sieniawska in 1709 and 1710	58
<i>Paliienko M.G., Sribnyak I.V.</i>	
Dmitri Bantysh-Kamensky's impact on the development of historical biographical studies (according to contemporary estimates)	68
<i>Kryvosheia I.I., Kryvosheia I.I.</i>	
"City on the border": Uman as an urbanized space of inter-ethnic compromise (interaction) or conflict? (1616–2018)	84
<i>Davydiuk R.</i>	
Rivne Russian Orthodox Charity Association in the interwar period	113
<i>Chemakin A.A.</i>	
The Union of Russian National Communities in 1918–1920: History of creation, ideology and activity	133
<i>Lobko N.V.</i>	
Rusin prisoners of war in Lebedyn district of Kharkiv province during World War I	149
<i>Degtyarev S.I., Zavorodnia V.N.</i>	
Ukrainian-Romanian diplomatic and economic relations in the context of the Bessarabian question in 1918	169
<i>Papakin A.H.</i>	
Between Bolgrad and Soroka: Polish military troops in Bessarabia from November 1917 to march 1918	192

<i>Sagan G.V.</i>	
The religious factor in the formation of the Rusin ethnic identity in the Balkans	224
<i>Stepnov A.O., Fominykh S.F.</i>	
National discourses of Soviet historical policy during the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on Siberian periodicals)	241
<i>Lyubchyk I.D.</i>	
The Lemkos-Rusins in the subject field of modern academic discussions in Ukraine	260
<i>Sulyak S.G.</i>	
On the Carpathian Rus' terminology	272
<i>Greek I.F.</i>	
Anthroponymy of the residents of Bolgarsky village in Kazakhstan (on ethnogenesis of the Gagauz in Budjak)	317
<i>Petrikova A., Plishkova A.</i>	
Analysis of word-formation methods and types in the Rusin language	353
<i>Kolesnik V.A.</i>	
On Carpathisms and Balkanisms in the Bulgarian dialects of the South Ukraine: sheep breeding terminology	371
<i>Abramovich S.D.</i>	
Temple Mount in A. Kashshai's Venetian landscape	391

OBITUARY

In memory of Georgy Kozholyanko	406
--	-----

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

25–26 октября 2018 г. редакция международного исторического журнала «Русин», Общественная ассоциация «Русь», Национальный исследовательский Томский государственный университет и Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака провели в Тараклии Международную научно-практическую конференцию «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Седьмые чтения памяти И.А. Анцупова)».

Это мероприятие – дань памяти известному молдавскому историку Ивану Антоновичу Анцупову (3.08.1920–28.10.2004). И.А. Анцупов изучал этническую историю русских, украинцев, гагаузов, болгар, поляков, цыган, чехов, немцев Бессарабии.

Он родился 3 августа 1920 г. в крестьянской семье в Липецкой области. Окончив педагогическое училище, обучал детей на Дальнем Востоке, а затем в родном селе Дубовое. Накануне Великой Отечественной войны был призван в армию. Воевал, получил ранение, был награжден десятью боевыми наградами.

После войны поступил на исторический факультет Кишиневского государственного университета. Защитил диссертацию об аграрных отношениях в Бессарабии XIX в. В 60–80-е гг. XX в. увидели свет его научные труды: «Государственная деревня в Бессарабии в XIX в.» (1966), «Аграрные отношения на юге Бессарабии. 1812–1870 гг.» (1978), «Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в.» (1981), «Крестьяне левобережного Поднепровья в дореформенный период» (1990). Им написаны главы в монографиях «Исторические корни связей украинского и молдавского народов» (1980), «История Молдавской ССР» (1982), «Исторический акт 1812 года и его значение в судьбах молдавского народа» (1982), «История РСС Молдовенешть» (1987). В 90-е гг. XX в. Анцупов выпустил книги «Русское население Бессарабии и левобережного Поднепровья в конце XVIII – начале XX в.» (1996), «Казачество российское между Бугом и Дунаем» (2000), «Русские на Очаковской земле» (2003). Он участвовал в составлении сборника документов «История Молдовы» (1992–1996).

И.А. Анцупов, зная, что выход моей монографии «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии» (2003) вызовет неоднозначную реакцию со стороны румынских и украинских

националистов, согласился стать ее рецензентом, за что я ему всегда буду благодарен.

С 2017 г. «Чтения памяти И.А. Анцупова» стали проводиться в Тараклии на базе Тараклийского государственного университета им. Г. Цамблака. Одним из соорганизаторов конференции также стал Санкт-Петербургский государственный университет. Тараклийский государственный университет, созданный в 2004 г. в регионе компактного проживания болгар Молдовы, является одним из центров сохранения и изучения истории и культуры болгар Бессарабии. В университете хранится личный архив Ивана Антоновича. Конференция, прошедшая 26–27 октября 2017 г., собрала 65 работников научно-образовательных учреждений Молдовы (включая Приднестровье), России, Украины, Сербии, Словакии, Чехии, предоставивших 51 доклад. Не всем, к сожалению, удалось приехать. Но благодаря онлайн-связи аудитория имела возможность ознакомиться с мнениями многих авторов и задать им вопросы.

На «Седьмые чтения памяти И.А. Анцупова» был заявлен 61 участник с 52 докладами из Молдовы (включая Приднестровье), России, Украины, Болгарии, Словакии, Сербии. Программа мероприятия размещена на сайте конференции: http://conference.tsu.ru/antsupov/&conference_page=text&pageid=209. Рабочими языками форума были русский, украинский, болгарский, русинский.

Санкт-Петербургский государственный университет, в частности, представляли доктор исторических наук А.В. Майоров, Ф.Н. Веселов («Царские инсигнии галицких князей: происхождение и особенности»); доктор филологических наук Е.Н. Зиновьева, кандидат филологических наук Ю.А. Кузнецов («Идеологемы в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. как отражение межэтнического взаимодействия»); кандидат филологических наук Н.И. Милютенко («Жития и службы сербским правителям в русской традиции»); доктор философских наук Л.П. Морина, доктор культурологии А.М. Алексеев-Апраксин («Стратегии сохранения этнокультурной идентичности»); кандидат исторических наук С.Г. Суляк («К вопросу о терминологии Карпатской Руси»); кандидат исторических наук А.А. Чемакин («Союз русских национальных общин в 1918–1920 гг.: история создания, идеология и деятельность») и др.

В.Я. Дыханов, кандидат исторических наук из калининградского Балтийского федерального университета им. И. Канта, рассказал о процессах самоидентификации этнических групп в полиэтнических регионах на примере Буджака. Вызвали интерес и другие темы выступлений российских участников конференции, представлявших вузы и институты различных регионов России, в т. ч. числе и Сибири.

Впервые широко были представлены украинские вузы. Доктор исторических наук И.В. Срибняк (Международный научно-образовательный консорциум им. Л. Февра, Киевский университет им. Б. Гринченко) дал оценку вклада Дмитрия Бантыш-Каменского в развитие российской биографистики; доктор филологических наук В.А. Колесник (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова) привела примеры карпато-балканизмов в болгарских говорах юга Украины; доктор исторических наук Р.П. Давидюк (Ровенский государственный гуманитарный университет) рассказала о деятельности ровенского Русского православного благотворительного общества в межвоенный период; кандидат исторических наук Н.В. Лобко (Сумский государственный университет) поведала о положении военнопленных русинов в Лебединском уезде Харьковской губернии в годы Первой мировой войны; ее коллега доктор исторических наук С.И. Дегтярев в своем выступлении рассказал об украинско-румынских дипломатических и торгово-экономических отношениях на фоне бессарабской проблемы в 1918 г.; кандидат исторических наук И.Д. Любчик (Ивано-Франковский национальный медицинский университет) поднял проблему изучения истории лемков-русинов на Украине и т.д.

В конференции приняли участие представители Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко – кандидаты исторических наук П.М. Шорников («Как развязывали Буджакский узел»), В.А. Содоль («Украинско-молдавские церковные контакты во второй половине 1940 – начале 1960-х гг.»), В.С. Синика («Посуда фракийского облика из скифских погребений конца V–IV в. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра (по материалам раскопок 2015 и 2018 гг.)» и Т.И. Царан («Антирелигиозная деятельность Союза воинствующих безбожников в МАССР»).

Приняли широкое участие в конференции и болгаристы. Причем не только из Одесского национального университета им. И.И. Мечникова и Болгарии (онлайн-участники), но из Института культурного наследия Министерства образования, культуры и исследований Республики Молдова: Н.В. Кара («Православные святые в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины»), Э.С. Банкова («Традиционная пища болгар и гагаузов Молдовы в семейной обрядности»), А.И. Ковалов («Новые праздники болгар Республики Молдова») и др.

Известный молдавский историк и политолог, кандидат исторических наук И.Ф. Грек в своем выступлении проанализировал антропонию жителей поселка Болгарский в Казахстане.

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамбалака был представлен докторами филологии В.И. Кондовым («К вопросу о за-

падноболгарском типе говора в Молдове и Украине»), Н.Н. Тодоровым («Проблемы этнокультурной идентичности болгарского населения Буджака»), доктором педагогики В.Н. Велисар («Некоторые методические аспекты внедрения музыкального фольклора мультиэтнической среды в доуниверситетском образовании»), М.П. Сухининой («Диалектические характеристики семейно-вокальной лексики болгар Тараклии и ее географическое распределение на болгарской языковой и этнокультурной территории») и др.

Ученик И.А. Анцупова Иван Федорович Грек так отозвался о проведенном мероприятии: «Вчера принимал участие в первом дне работы Международной научно-практической конференции "Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне". Она проходит как "Седьмые чтения памяти И.А. Анцупова", известного молдавского историка, оставившего заметный след в исследовании социально-экономической истории и этнического многообразия Бессарабии и Левобережья Днестра XIX в. Иван Антонович – мой учитель, которому я обязан всем, что сделал в изучении истории и культуры Буджака, главным образом истории и культуры бессарабских болгар и гагаузов. Завтра, 27 октября, исполнится ровно 14 лет, как Иван Антонович под грохот очередного сильного землетрясения, достигшего Кишинев из Вранчи, покинул грешную землю. Я участвовал в четырех "Анцуповских чтениях", и у меня есть что с чем сравнивать. Если первая конференция состоялась, насколько я помню, благодаря неимоверным усилиям председателя общественной организации "Русь" С.Г. Суляка, то теперь ее организаторами стали международный исторический журнал "Русин", Национальный исследовательский Томский государственный университет и Тараклийский государственный университет им. Гр. Цамблака. Если в первой конференции ("Первые чтения памяти И.А. Анцупова" прошли 23–24 ноября 2006 г. в Кишиневе. – С.С.) участвовали ученые двух берегов Днестра, то в последней география участников охватила Молдову, Россию, Украину, Сербию, Словакию, Болгарию. Тематика первой конференции в основном ограничивалась историей Молдовы, в то время как доклады последней охватывали практически все научные направления: археологию, историю, этнологию и этнографию, языкознание, социологию и политологию. Особо отмечу выросший профессиональный состав участников конференции и научный уровень самих докладов. Дискуссионный характер некоторых из них, в том числе и моего, никак не ставит под сомнение это утверждение. Заслуживает отметить, что Тараклийский госуниверситет выступил не только соорганизатором конференции, предоставив площадку для ее проведения, но он, во-первых, обеспечил и студенческую аудиторию слушателей, что немаловажно в

его учебном процессе, и, во-вторых, взял на себе и все заботы по обеспечению всем необходимым прибывших издалека участников конференции, включая и культурно-познавательную программу. Ну и не могу не спросить Сергея Георгиевича Суляка, как ему удается все это организовать и доводить до конца в наших условиях дефицита всего, начиная от финансового обеспечения конференции, издания докладов и заканчивая дефицитом сопереживания, вспомоществования, понимания необходимости и целесообразности посредством таких научных мероприятий поддерживать науку и научную мысль, без которых цивилизации не могут развиваться, они погибают».

Цель проведения данной конференции – активизация разработки истории Карпато-Днестровских земель и проживающих в регионе этносов, в т. ч. и русинов, коренного населения данного региона, изучение вопросов межэтнических взаимодействий. Это особенно актуально для Республики Молдова, где вместо национальной истории преподается история только одного из национальных меньшинств страны – румын.

В ходе конференции состоялись конструктивное обсуждение вопросов межэтнического взаимодействия в этноконтактной зоне и обмен научными знаниями, было положено начало разработке общих подходов к освещению проблемных вопросов этнической истории Карпатских земель и выработке общей терминологии.

Часть статей, написанных на материалах докладов конференции, опубликованы в данном номере «Русина», другие будут изданы в журналах, выпускаемых Томским государственным университетом.

С.Г. Суляк
главный редактор

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

The Editorial Board of *International Historical Journal Rusin, Rus Public Association*, National Research Tomsk State University and G. Tsamblak Taraclia State University held the International Conference *Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Seventh I.A. Antsupov Readings)* on October 25–26, 2018, in Taraclia.

The conference is a tribute to the memory of a well-known Moldavian historian Ivan Antonovich Antsupov (August 3, 1920 – October 28, 2004). I.A. Antsupov studied the ethnic history of Russians, Ukrainians, Gagauz, Bulgarians, Poles, Gypsies, Czechs, and Germans of Bessarabia.

He was born on August 3, 1920, in a peasant family in Lipetsk Region. After graduating from the pedagogical school, he taught children in the Far East, and then in his native village Dubovoe. On the eve of World War II, he was drafted into the army. He fought, was wounded and awarded ten combat awards.

After WWII, he entered the Faculty of History of Chişinău State University, where he defended his thesis on agrarian relations in Bessarabia in the 19th century. In the 1960–80s, he published a number of works, among which are *The State Village in Bessarabia in the 19th Century* (1966), *Agrarian Relations in the South of Bessarabia. 1812–1870* (1978), *The Agricultural Market of Bessarabia in the 19th Century* (1981), *Peasants of the Left Bank Region in the Pre-Reform Period* (1990). He is the author of chapters in *Historical Roots of Relations Between the Ukrainian and Moldavian Peoples* (1980), *History of the Moldavian SSR* (1982), *The Historical Act of 1812 and Its Significance for the Moldavian People* (1982), *RSS Moldovenesht History* (1987). In the 1990s, he published *Russian Population of Bessarabia and the Left-Bank Dniester in the Late 18th – Early 20th Centuries* (1996), *Russian Cossacks between the Bug and the Danube* (2000), *Russians on the Ochakov Land* (2003). He participated in the compilation of *The History of Moldova* (1992–1996).

Knowing that my book *Shards of Holy Russia. Essays on the Ethnic History of Rusins in Moldavia* (2003) would provoke an acute reaction from the Romanian and Ukrainian nationalists, I.A. Antsupov agreed to become its reviewer, for which I will always be grateful to him.

Since 2017, *I.A. Antsupov Readings* have been held in Taraclia in G. Tsamblak Taraclia State University. In 2017, St. Petersburg State

University joined the Conference as a co-organizer. Established in 2004 in a region densely populated by the Bulgarians of Moldova, Taraclia State University is a centre for preserving and studying the history and culture of the Bessarabian Bulgarians and houses I.A. Antsupov's personal archive. The conference held on October 26–27, 2017, was attended by 65 scholars from Moldova (including Transnistria), Russia, Ukraine, Serbia, Slovakia, and the Czech Republic. Though not all managed to come to Taraclia in person, they could express their opinions, ask and answer questions in real time via Skype. The program of the event is available from: http://conference.tsu.ru/antsupov/&conference_page=text&pageid=209. The working languages were Russian, Ukrainian, Bulgarian, and Rusin.

St. Petersburg State University was represented by Dr. A.V. Mayorov, F.N. Veselov (“Tsar insignia of the Galician princes: origin and characteristics”); Dr. E.N. Zinovieva, PhD Yu.A. Kuznetsov (“Ideologems in the everyday language of Muscovite Russia of the 16th – 17th centuries as a reflection of interethnic interaction”); PhD N.I. Milyutenko (“Lives and services of the Serbian rulers in the Russian tradition”); Dr. L.P. Morina, Dr. A.M. Alekseev-Apraksin (“Strategies for the Preservation of Ethnocultural Identity”); PhD S.G. Sulyak (“On the terminology of Carpathian Rus”); PhD A.A. Chemakin (“Union of Russian national communities in 1918–1920: the history of creation, ideology and activity”), etc.

PhD V.Ya. Dykhanov from Immanuel Kant Baltic Federal University spoke about the processes of self-identification of ethnic groups in multiethnic regions on the example of Budjak. Presenters from other Russian universities, including those of Siberia, were also met with great interest.

For the first time, we enjoyed a wide representation of Ukrainian universities. Dr. I.V. Sribnyak (L.Febvre International Scientific and Educational Consortium, Borys Grinchenko Kyiv University) assessed the contribution of Dmitry Bantysh-Kamensky to the development of Russian biographical studies; Dr. V.A. Kolesnik (Odesa I.I. Mechnikov National University) provided examples of Carpatho-Balkanisms in the Bulgarian dialects of the south of Ukraine; Dr. R.P. Davidyuk (Rivne State Humanitarian University) spoke about the activities of the Russian Orthodox Charity Association in the interwar period; PhD N.V. Lobko (Sumy State University) told about the Rusin prisoners of war in Lebedyn district of Kharkiv Province during World War I; Dr. S.I. Degtyarev discussed the Ukrainian-Romanian diplomatic, trade and economic relations against the background of the Bessarabian problem in 1918; PhD I.D. Lyubchik (Ivano-Franksivsk National Medical University) raised the problem of studying the history of Lemko-Rusins in Ukraine, etc.

T.G. Shevchenko Transnistria State University was represented by PhD P.M. Shornikov (“How the Budjak Knot was untied”), PhD V.A. Sodol (“Ukrainian-Moldovan church contacts in the second half of 1940 – early 1960s”), PhD V.S. Sinika (“Thracian dishes from the Scythian burials of the end of the 5th – 4th centuries BCE. From the left bank of the Lower Dniester (according to the excavations of 2015 and 2018”) and PhD T.I. Tsaran (“Anti-religious activities of the Union of Militant Atheists in the MASSR”).

The Conference attracted many specialists in Bulgaria studies from I Odesa I.I. Mechnikov National University and Bulgarian institutions (via Skype). The Institute of Cultural Heritage of the Ministry of Education, Culture and Research of the Republic of Moldova was represented by N.V. Kara (“Orthodox saints in the song folklore of the Bulgarians of Moldova and Ukraine”), E.S. Bankova (“Traditional food of the Bulgarians and Gagauz of Moldova in family rituals”), A.I. Kovalov (“New holidays of the Bulgarians of the Republic of Moldova”), etc.

PhD I.F. Grek, a famous Moldavian historian and political expert. I.A. Antsupov’s disciple, analysed the anthroponimics of the village Bolgarsky in Kazakhstan.

G. Tsambalak Taraclia State University was represented by Dr. V.I. Kondovyy (“On the Western Bulgarian type of dialect in Moldova and Ukraine”), Dr. N.N. Todorov (“Problems of the ethnocultural identity of the Budjak Bulgarian population”), Dr. V.N. Veliksar (“Some methodological aspects of introducing musical folklore of a multi-ethnic environment in pre-university education”), Dr. M.P. Sukhinina (“Dialectic characteristics of the Bulgarian family vocal vocabulary of Taraclia and its geographical distribution in the Bulgarian language and ethno-cultural territory”), etc.

I.F. Grek commented: “Yesterday I took part in the first day of the *Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Seventh I.A. Antsupov Readings)*”. I.A. Antsupov is a well-known Moldavian historian who made a great contribution in the study of the socio-economic history and ethnic diversity of Bessarabia and the Left Bank of the Dniester of the 19th century. Ivan Antonovich was my teacher, to whom I owe everything that I achieved in studying the history and culture of Budjak, mainly the history and culture of the Bessarabian Bulgarians and Gagauz. Tomorrow, October 27, will be 14 years from the day when Ivan Antonovich, under the crash of another strong earthquake that reached Chisinau from Vrancea, left the sinful earth. I have participated in four *I.A. Antsupov Readings* and I can draw a comparison. As far as I remember, the first conference could be held due to the incredible efforts of S.G. Sulyak, Chairman of the Rus Public Association. Now it is supported by *The International Historical Journal Rusin*, National

Research Tomsk State University and G. Tsamblak Taraclia State University. If the first conference (*The First I.A. Antsupov Readings* took place on November 23–24, 2006, in Chisinau. – S.S.) attracted scholars from the two banks of the Dniester, this geography of this conference covers Moldova, Russia, Ukraine, Serbia, Slovakia, Bulgaria. While the first conference mainly focused on the history of Moldova, the reports at this conference cover almost all research areas: archeology, history, ethnology and ethnography, linguistics, sociology and political science. I would especially note the growing professional level of the conference presenters and their reports, which is proved by the polemical character of many reports, including mine. It should be noted, that Taraclia State University, which acted as a co-organizer of the conference, provided not only the conference ground, but also the audience of students, which is important for the educational process. The University also took care of all guest participants and organised a cultural and educational program. I cannot help asking Sergei Georgievich Sulyak about how he manages to keep in mind and care about even minute things in the situation of total shortage of everything: from lack financial support, difficulties with report publication to the lack of empathy, support, understanding of the role of conferences in supporting science. If scientific thought does not develop, civilisations are destined to collapse.”

The Conference aims at intensifying the research on ethnic interaction and the history of the Carpathian-Dniester lands and regional ethnic groups, including Rusins, the regional indigenous population. This is especially relevant for the Republic of Moldova, where instead of national history, they teach the history of Romanians, which is one of the country’s national minority.

The participants discussed the problems of ethnic interaction in the ethno-contact zone and exchange of knowledge. They also started to develop common approaches to the issues of the ethnic history of the Carpathian lands and common terminology.

Some of the articles based on the conference reports are published in this issue of *Rusin*, others will be published in journals of Tomsk State University.

S.G. Sulyak,
Editor-in-Chief

УДК 903.23(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/2

ПОСУДА ФРАКИЙСКОГО ОБЛИКА ИЗ СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ КОНЦА V–IV в. ДО Н. Э. С ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДНЕСТРА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2015 И 2018 гг.)

В.С. Синика¹, Н.П. Тельнов², С.Н. Разумов³

¹Приднестровский государственный университет
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107
E-mail: sinica80@mail.ru

²Институт культурного наследия Академии наук Молдовы
Молдова, 2001, Кишинев, бул. Штефана чел Маре, 1
E-mail: telnovnikolai@mail.ru

³Приднестровский государственный университет
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107
E-mail: razum_22@rambler.ru

Авторское резюме

В работе анализируются пять лепных керамических сосудов, обнаруженных в ходе исследования курганных групп «Сад» и «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра в 2015 и 2018 гг. Две чашки (с налестами на тулове и с загнутым внутрь венчиком) и три кувшина (с возвышающейся над венчиком ручкой) свидетельствуют о фракийском влиянии на скифский керамический комплекс и, шире, на материальную культуру скифов. Одно из погребений (с лепным кувшином) было совершено на рубеже V–IV вв. до н. э. Три других датируются второй половиной IV в. до н. э. Одно из захоронений содержало две чашки, два других – по одному лепному кувшину. С учетом новых материалов из скифских захоронений на левобережье Нижнего Днестра конца V–II вв. до н. э. (курганные группы «Водовод» и «Сад» с погребениями второй половины V – первой трети III в. до н. э., могильник у с. Глиное III–II вв. до н. э.) очевидно, что фракийское влияние на скифскую матери-

альную культуру прослеживается с конца V в. до н. э., при этом со второй половины IV в. до н. э. оно становится более заметным. На это указывают в т. ч. и лепные керамические сосуды.

Ключевые слова: фракийское влияние, скифская материальная культура, конец V – IV в. до н. э., погребальные памятники, Нижнее Поднестровье, лепные сосуды, чашки, кувшины.

THRACIAN-TYPE WARE FROM THE SCYTHIAN BURIALS OF THE LATE 5TH - 4TH CENTURY BC FROM THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER (EXCAVATIONS OF 2015 AND 2018)

V.S. Sinika¹, N.P. Telnov², S.N. Razumov³

¹Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25 Street, Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: sinica80@mail.ru

²The Institute of Cultural Patrimony of the Academy of Sciences of
Moldova

1 Stefan cel Mare Avenue, Chişinău, 2001, Moldova
E-mail: telnovnikolai@mail.ru

³Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25 Street, Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: razum_22@rambler.ru

Abstract

The paper dwells on five handmade ceramic vessels excavated from the barrow groups “Garden” (russ. “Sad”) and “Sluiceway” (russ. “Vodovod”) near Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester in 2015 and in 2018. Two cups (with bulges on the body and a mouth-rim curved inside) and three jars (with a handle raised above the mouth-rim) demonstrate the Thracian influence on the Scythian ceramics and on the Scythian material culture in general. One of the burials (with a jar) dates back to the turn of 4th century BC. The other three date back to the second half of the 4th century BC. One of the

burials contained two cups, two others contained one jar each. Taking into account the new data related to the handmade ceramic vessels from Scythian burials on the left bank of the Lower Dniester dated back to the late 5th–2nd century BC (the barrow groups “Sluiceway” and “Garden” with burials of the second half of the 5th – the first third of the 3rd century BC and the barrow cemetery near Glinoe of the 3rd–2nd century BC), the Thracian influence on the Scythian material culture can be traced from the late 5th century BC to become more obvious from the second half of the 4th century BC.

Keywords: Thracian influence, Scythian material culture, late 5th–4th century BC, funeral sites, Lower Dniester, handmade vessels, cups, jars.

Влияние фракийской материальной культуры на скифскую, отраженное в археологических артефактах из скифских погребальных памятников Северо-Западного Причерноморья, привлекает внимание специалистов-археологов на протяжении более чем 60 лет. Самый весомый вклад в изучении фрако-скифских контактов в регионе принадлежит А.И. Мелюковой, которая в результате многолетних исследований пришла к выводу, что археологические материалы не подтверждают присутствия сколь-нибудь значительных групп фракийцев в степной зоне Северного Причерноморья как в предскифский, так и в скифский периоды (Мелюкова 1979: 250–254; Мелюкова 1995: 31).

К этой проблеме обращались и другие исследователи. Так, было уделено внимание таким изделиям фракийского облика из скифских погребальных памятников Северо-Западного Причерноморья, как фибулы, серьги с шишечками и лировидные подвески (Оанча 1988). Были опубликованы некоторые фибулы фракийского типа, обнаруженные в скифских захоронениях левобережья Нижнего Дуная (Редина 1993). Кроме того, в научный оборот была введена серия однолезвийных мечей из скифских памятников этого региона (Редина 1999). Все категории погребального инвентаря (фибулы, лировидные подвески и другие украшения, однолезвийные мечи, предметы конского снаряжения, лепная керамика), испытавшие фракийское влияние либо выполненные во фракийской манере, рассматривались и в совокупности (Редина 2000; Redina 2005).

В 2000 г. были выделены три этапа (VI в. до н. э., конец VI–V в. до н. э. и конец V – IV в. до н. э.) фрако-скифских отношений. При этом было отмечено, что синтеза культур и формирования синкретической фрако-скифской общности не произошло (Андрух 2000: 71–72). В то же время было высказано предположение, что появление общего врага (Македонии) привело к установлению союзнических отноше-

ний между фракийцами и скифами и способствовало углублению их хозяйственных контактов. По мнению С.И. Андрух, именно это стало причиной продвижения фракийцев на восток, что нашло, в частности, отражение в погребениях III–II вв. до н. э. Тираспольской группы (Андрух 2000: 72).

Как показали исследования скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра в 1995–2012 гг. и 2017 г. (Тельнов и др. 2016; Сеника, Тельнов 2018b), т. н. Тираспольская группа памятников представляет собой совокупность скифских курганов, которые сооружались с рубежа IV–III вв. до н. э. и до конца II в. до н. э. Анализ находок из скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное показал, что соседство с фракийскими племенами на этом памятнике нашло свое отражение в единственном предмете вооружения (двулезвийный топор) и немногих украшениях (браслет со змеиными головками на окончаниях, браслеты и серьги с лопаточковидными окончаниями, серьги с коническими шишечками на окончаниях, серебряная и железная конусовидные подвески), но наиболее выражено в керамическом комплексе (профилировка сосудов и различные элементы декора) (Тельнов, Сеника 2012; Тельнов, Сеника 2014; Тельнов и др. 2012: 10; Тельнов и др. 2016: 972–977, 981; Сеника, Тельнов 2018b: 254–255). В 2016 г. был опубликован бронзовый нахрапник / наносник конской узды фракийского облика, обнаруженный на поселении Слободзея-VI на левобережье Нижнего Днестра (Сеника, Иващенко 2017: 225–226, рис. 1, 3).

Дальнейшие исследования у с. Глиное (2013–2018 гг.) привели к обнаружению скифских курганов и погребений, дата которых укладывается в интервал второй половины V – первой трети III в. до н. э. Эти комплексы сосредоточены в

Рис. 1. Лепная посуда фракийского облика из скифских погребений на левобережье Нижнего Днестра: 1, 2 – чашки из захоронения 2/2 группы «Сад»; 3 – кувшин из катакомбы 13/3 группы «Сад».

группах «Водовод» (Синика, Тельнов 2016b; Синика, Тельнов 2016c; Синика, Тельнов 2017b; Синика, Тельнов 2017c; Панковский, Синика 2017; Синика и др. 2017; Синика, Тельнов 2018; Синика и др. 2018c) и «Сад» (Синика, Тельнов 2016d; Синика, Тельнов 2017a; Sinika et al. 2017; Синика, Тельнов 2018a; Синика и др. 2018a; Синика и др. 2018b; Синика и др. 2018d). В этих курганах были найдены различные украшения и аксессуары костюма фракийского облика, которые уже введены в научный оборот и проанализированы (Синика, Тельнов 2018c: 164–170, рис. 1). Кроме того, здесь же были обнаружены пять лепных керамических сосудов фракийского облика, которые будут рассмотрены в настоящей работе. Ниже приводятся их описания, аналогии и датировки.

1. *Погребение 2/2 группы «Сад» у с. Глиное Слободзейского района* (раскопки 2015 г.). **Фрагменты тулова лепной черноглиняной чашки.** Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые. Цвет внешней поверхности черный, серый; внутренней – светло-серый. Тесто с примесью шамота. Диаметр тулова – около 90 мм, диаметр придонной части – 65 мм, толщина стенок – 4,5–6,5 мм, придонной части – до 7 мм. Несколько выше изгиба корпуса сосуд украшен усеченно-коническим, подокруглым в разрезе, налепом с закругленным краем. Высота налепа – 10 мм, диаметр в основании – около 15 мм, диаметр в средней части – 7 мм (рис. 1, 1).

Этот сосуд на основании данного элемента декора аналогичен двум горшкам из скифских комплексов второй половины IV в. до н. э. Северо-Западного Причерноморья. На плече обоих сосудов симметрично расположены четыре налепа. Один из них происходит из кургана 1 у с. Семеновка на правом берегу Днестровского лимана (Субботин и др. 2017: рис. 6, 2), второй – из кургана 2 у с. Каменка Измаильского района Одесской области Украины на левобережье Нижнего Дуная (Редина 2000: 250, рис. 2, 8). Подобный элемент декора является свидетельством фракийского влияния на скифскую материальную культуру (Синика 2007: 199–200).

2. *Погребение 2/2 группы «Сад» у с. Глиное Слободзейского района.* **Лепная сероглиняная чашка.** Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые. Тесто с примесью шамота и незначительными вкраплениями дресвы. Венчик горизонтально уплощен, со слегка выступающим внешним краем. Дно плоское, с закраинами. По ребру прослеживаются неглубокие пальцевые вдавления (иногда с неглубокими следами отпечатков ногтя) вследствие формовки сосуда. С одной стороны внешнего среза венчика нанесено ногтевое вдавление. Высота чашки – 46–49 мм, диаметр венчика – 110 мм, диаметр тулова – 113 мм, диаметр дна – 83 мм (рис. 1, 2).

Этот сосуд по профилю можно относить к чашкам с загнутым внутрь венчиком. В то же время это чашка с выделенным ребром. Оба эти признака являются отражением фракийского влияния на скифский керамический комплекс (Тельнов, Четвериков, Синика 2016: 975–976). Чашки с загнутым внутрь венчиком известны на левобережье Нижнего Дуная: в погребении 6/2 второй половины IV в. до н. э. могильника Мреснота Могила (Гудкова и др. 1985: 81, рис. 49: 5), а также в захоронениях конца IV – первой половины III в. до н. э. 13/1 (Синика, Тельнов 2016а: 309) и 14/1 могильника Дербент (Гудкова, Суничук 1985: 16, табл. 41: 4, 5; 50: 7). Кроме того, аналогичные сосуды известны в погребениях III–II вв. до н. э. 99/1, 103/1, 105/2 и 109/1 (чашки с загнутым внутрь венчиком), а также в захоронениях 27/1, 37/1, 99/1 и 105/2 (чашки с выделенным ребром) могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов и др. 2016: 975–976). Также ногтевое вдавление на внешнем срезе венчика данной сероглиняной чашки из погребения 2/2 группы «Сад» является репликой типичной орнаментации скифской лепной посуды (Гаврилюк 2013: 422).

Погребение 2/2 группы «Сад» у с. Глиное датируется последней третью IV в. до н. э. (Синика, Тельнов 2017а: 296).

3. *Погребение 13/3 группы «Сад» у с. Глиное Слободзейского района* (раскопки 2018 г.). **Лепной кувшин** с ленточной ручкой, возвышающейся над венчиком. Венчик воронковидный, с закругленным краем. Тулово с максимальным расширением в средней части. Дно слегка вогнутое, несколько зауженное, с закругленным краем, изнутри плоское. Ручка овальная в сечении, сверху – со слабо выраженным продольным желобком. Тесто с примесью мелкого шамота, включениями мелкого песка. Цвет серый, темно-серый, черный. Поверхности подлощены. Высота сосуда вместе с ручкой – 161 мм, без ручки – 139–142 мм. Высота венчика – 22–24 мм. Диаметр венчика – 106 × 99 мм, диаметр шейки – 94 × 84 мм. Максимальный диаметр корпуса – 131 мм, диаметр дна – 75 × 74 мм. Ширина сечения сосуда в плоскости ручки – 147 мм. Толщина венчика – 5–6 мм. Толщина стенок – до 6 мм; в придонной части – до 8–9 мм. Толщина дна в центре – 8 мм, у стенки – до 9 мм; вогнуто до 1,2 мм. Высота ручки – 110 мм. Размеры сечения ручки в верхней части – 31,5 × 16 мм, в средней части – 32–32,5 × 13–14,5 мм, в нижней части – 34 × 14,5 мм. Ручка возвышается над срезом венчика на 21–22 мм (рис. 1, 3).

Погребение 13/3 группы «Сад» у с. Глиное датируется рубежом V–IV в. до н. э.

4. *Погребение 10/2 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района* (раскопки 2018 г.). **Лепной кувшин** с петельчатой ручкой,

возвышающейся над венчиком. Край воронковидного венчика слегка отогнут, утолщен и закруглен. На срезе венчика в плоскости, перпендикулярной плоскости ручки, слева от нее, сформирован желобчатый слив-носик. Тулово с максимальным расширением в средней части. Сосуд орнаментирован по шейке поясом из 22 вертикальных подтреугольных вдавлений. Ручка подокруглая в сечении, с внутренней стороны верхней части – продольный желобок. Дно вогнутое, с зауженным поддоном с закругленным краем, изнутри плоское. Тесто с примесью шамота. Цвет желтый, желтовато-серый, серовато-желтый; в изломе – черный. Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые. Высота сосуда вместе с ручкой – 115 мм, без ручки – 107–110 мм. Высота венчика – 17–25 мм. Диаметр венчика – 81–83 мм, диаметр шейки – 70–74 мм. Максимальный диаметр тулова – 104 мм, диаметр дна – 64 мм. Высота ручки – 63 мм. Размеры сечения ручки в верхней части – 14 × 9 мм, в средней части – 12 × 12 мм, в нижней части – 14 × 13 мм. Ручка возвышается над срезом венчика на 5–8 мм. Ширина слива-носика – до 15 мм, высота – до 9 мм, глубина выемки – до 4 мм, выступает на расстояние до 5 мм. Толщина венчика – 5–6 мм. Толщина стенок – 2,5–6 мм, у дна – до 7,5 мм. Толщина дна – 6 мм; у стенок – до 9 мм; дно вогнуто до 2 мм (рис. 2, 1).

Погребение 10/2 группы «Водовод» у с. Глиное датируется третьей четвертью IV в. до н.э.

5. Погребение 16/4 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района (раскопки 2018 г.).

Лепной кувшин с ленточной ручкой, возвышающейся над венчиком. Венчик воронковидный; срез приплюснут горизонтально, углы закруглены. Тулово с максимальным расширением в средней части. Ручка подпрямоугольная в сечении, с внутренней стороны вертикальной части – выраженный

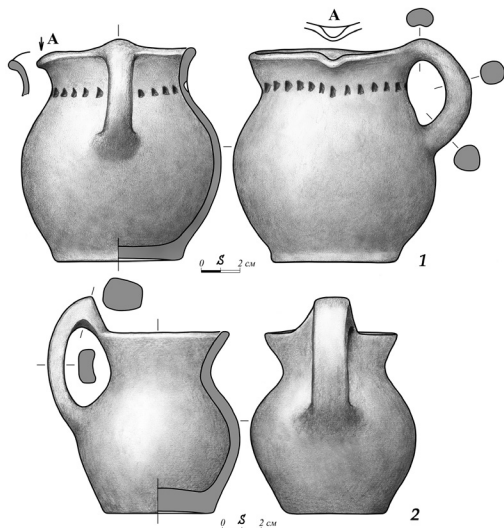

Рис. 2. Лепные кувшины фракийского облика: 1 – из погребения 10/2 группы «Водовод»; 2 – из захоронения 16/4 группы «Водовод».

продольный желобок. Дно слегка вогнутое, изнутри выпуклое. Верхний край ручки в профиле заострен. Тесто с примесью шамота. Цвет желтовато-серый, серовато-желтый, темно-серый. На тулове местами черный нагар. Поверхности заглаженные. Высота сосуда вместе с ручкой – 111,5 мм, без ручки – 93 мм. Высота венчика – 20 мм. Диаметр венчика – 68 мм, диаметр шейки – 51 мм. Высота ручки – 72 мм, ширина – 18–20 мм. Толщина ручки – 8–9 мм. Ручка возвышается над срезом венчика – на 19 мм. Максимальный диаметр тулова – 84 мм, диаметр дна – 56 × 57 мм. Толщина венчика – 4,5–4,7 мм, толщина стенок – 5–6 мм. Толщина дна в центре – до 12 мм, у стенок – до 11 мм; вогнуто до 1 мм (рис. 2, 2).

Погребение 16/4 группы «Водовод» у с. Глиное датируется третьей четвертью IV в. до н. э.

Отметим, что лепные кувшины из погребений 13/3 группы «Сад», а также из захоронений 10/2 и 16/4 группы «Водовод» объединяет наличие ручки (ленточной либо округлой в сечении), возвышающейся над венчиком. Такие ручки являются характерной частью различных сосудов (черпаков, кувшинов, канфаров) из фракийских памятников Румынии VI–III вв. до н. э. (Moscalu 1983: pl. LXXI–LXXIII). В скифских погребальных памятниках степей Северо-Западного Причерноморья до настоящего времени было известно всего девять лепных кувшинов с подобными ручками. На левобережье Нижнего Дуная это сосуды из захоронений 1/1 могильника Табаки (Субботин и др. 1992: 6, рис. 4, 3) и 24/1 могильника Курчи (Андрух, Чернов 1990: 155, рис. 1, 24). На правобережье Нижнего Днестра это кувшин из катакомбы 1/7 у с. Мерены (Дергачев, Сава 2003, 537, рис. 10, 2), на левобережье – сосуды из погребения 4/1 могильника Буторы I (Синика и др. 2013: 44, 114, рис. 21, 4), из кургана 5 у г. Дубоссары (Кетрару и др. 2014: 58, 202, рис. 46, 6), а также из катакомб 33/1, 46/4, 53/1 и 67/5 могильника у с. Глиное (Тельнов и др. 2016: 975).

В завершении работы необходимо отметить, что в настоящее время, с учетом новых материалов из скифских погребальных комплексов на левобережье Нижнего Днестра конца V–II в. до н. э. (курганные группы «Водовод» и «Сад» с погребениями второй половины V – первой трети III в. до н. э., могильник у с. Глиное III–II вв. до н. э.), очевидно, что фракийское влияние на скифскую материальную культуру прослеживается с конца V в. до н. э., при этом со второй половины IV в. до н. э. оно становится более заметным. В частности, на это указывают лепные керамические сосуды, публикуемые в настоящей работе.

ЛИТЕРАТУРА

Андрух 2000 – *Андрух С.И.* «...Смешанные с фракийцами скифы» // Вестник древней истории. 2000. № 3. С. 63–73.

Андрух, Чернов 1990 – *Андрух С.И., Чернов С.И.* Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья // Советская археология. 1990. № 2. С. 149–163.

Гаврилюк 2013 – *Гаврилюк Н.А.* Экономика Степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев: Издатель Олег Филук, 2013. 712 с.

Гудкова, Суничук 1985 – *Гудкова А.В., Суничук Е.Ф.* Полевой отчет Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г. Научный архив ИА НАНУ. № 1984/3а. Киев, 1985. 103 с. + 180 табл.

Гудкова, Тощев, Фокеев, Андрух 1985 – *Гудкова А.В., Тощев Г.М., Фокеев М.М., Андрух С.И.* Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. Научный архив ИА НАНУ. № 1984/158. Киев, 1985. 124 с.

Дергачев, Сава 2003 – *Дергачев В.А., Сава Е.Н.* Исследование курганов в окрестностях сел Мерень и Кирка // *Stratum plus*. [2001–2002], 2003. № 2. С. 526–562.

Кетрару, Синика, Разумов, Тельнов 2014 – *Кетрару Н.А., Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П.* Дубоссарские курганы (Археологические памятники Приднестровья. II). Тирасполь: *Stratum plus*, 2014. 240 с.

Мелюкова 1979 – *Мелюкова А.И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. 256 с.

Мелюкова 1995 – *Мелюкова А.И.* Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV–III вв. до н.э. // Российская археология. 1995. № 1. С. 28–36.

Оанча 1988 – *Оанча Е.С.* О некоторых типах украшений фракийского облика из скифских памятников Днестро-Дунайского междуречья // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: тез. докл. IV конференции молодых ученых ИА АН ССР. М.: ИА АН СССР. С. 119–121.

Панковский, Синика 2017 – *Панковский В.Б., Синика В.С.* Роговой гребень из скифского погребения у с. Глиное // *Stratum plus*. 2017. № 3. С. 343–359.

Редина 1993 – *Редина Е.Ф.* Классификация фибул из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического музея. Одесса: ОАМ АН Украины, 1993. С. 50–52.

Редина 1999 – *Редина Е.Ф.* К вопросу о фрако-скифских культурных взаимоотношениях (скифское однолезвийное оружие) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье: ЗГУ, 1999. С. 222–227.

Редина 2000 – *Редина Е.Ф.* Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали та

даслідження. Зб. наук. робіт, прысвечана 135-річчю Одеського державного університету ім. І.І. Мечнікова. Одеса: АстроПринт, 2000. С. 243–252.

Синика 2007 – Синика В.С. Погребальные памятники скифской культуры VII – начала III в. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 238 с.

Синика, Иващенко 2017 – Синика В.С., Иващенко М.В. Комплекс находок III в. до н. э. из поселения Слободзея-VI // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19, № 3. С. 223–228.

Синика, Разумов, Тельнов 2013 – Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Курганы у села Буторы (Археологические памятники Приднестровья. I). Тирасполь: Полиграфист, 2013. 148 с.

Синика, Тельнов 2016а – Синика В.С., Тельнов Н.П. Крючки-застежки из скифских памятников Северного Причерноморья // Археологія та етнологія півдня Східної Європи. Дніпро: Ліра, 2016. С. 304–316.

Синика, Тельнов 2016b – Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // Емінак. 2016. № 4 (16). С. 45–53.

Синика, Тельнов 2016с – Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV–III вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 258–272.

Синика, Тельнов 2016d – Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра // Стародавнє Причорномор'я. XI. Одеса: ОНУ, 2016. С. 488–499.

Синика, Тельнов 2017а – Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // Новое прошлое. 2017. № 4. С. 286–306.

Синика, Тельнов 2017b – Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». № 8 (257). 2017. Вып. 42. С. 5–12.

Синика, Тельнов 2017с – Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре // Stratum plus. 2017. № 3. С. 131–152.

Синика, Тельнов, Закордонец 2017 – Синика В.С., Тельнов Н.П., Закордонец О.А. Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 108–113.

Синика, Тельнов 2018а – Синика В.С., Тельнов Н.П. Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо-Западного Причерноморья // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 133–144.

Синика, Тельнов 2018b – Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное // Древности. Исследования и

проблемы. Сб. статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев; Тирасполь: Stratum plus. 2018. С. 223–266.

Синика, Тельнов 2018с – Синика В.С., Тельнов Н.П. Фракийские украшения и аксессуары костюма из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра (находки 2016–2017 гг.) // Народы и культуры Нижнего Дуная в древности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Измаил, 23–26 августа 2018 г.). Измаил: Ирбис, 2018. С. 163–172.

Синика, Тельнов, Лысенко 2018а – Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 1. С. 111–119.

Синика, Тельнов, Лысенко 2018b – Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 2018. № 1. С. 125–138.

Синика, Тельнов, Лысенко 2018с – Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2018. Т. 20, № 3. С. 234–244.

Синика, Тельнов, Лысенко 2018d – Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 78–93.

Субботин, Островерхов, Охотников, Редина 1992 – Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев: Препринт, 1992. 48 с.

Субботин, Разумов, Синика 2017 – Субботин Л.В., Разумов С.Н., Синика В.С. Семеновские курганы (Археологические памятники Приднестровья. IV). Тирасполь: Stratum plus, 2017. 186 с.

Тельнов, Синика 2012 – Тельнов Н.П., Синика В.С. Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // Revista arheologică S. n. 2012. Vol. VIII, № 1–2. С. 69–83.

Тельнов, Синика 2014 – Тельнов Н.П., Синика В.С. Миски из скифских погребальных памятников конца IV–II в. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // Tyragetia. S. n. 2014. Vol. VIII (XXIII), № 1. С. 287–316.

Тельнов, Четвериков, Синика 2012 – Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.: материалы Междунар. науч. конф., г. Тирасполь, 16–19 октября. Тирасполь: ПГУ, 2012. С. 5–15.

Тельнов, Четвериков, Синика 2016 – Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное (Археологические

памятники Приднестровья. III). Тирасполь: Stratum plus, 2016. 1096 с.

Moscalu 1983 – *Moscalu E.* Ceramica traco-getică (Biblioteca muzeologică). București: Muzeul național de istorie, 516 p.

Redina 2005 – *Redina E.* Scytho-Thracian cultural contacts in the north-western Black Sea littoral // *The Culture of Thracians and their Neighbours. Proceedings of the International Symposium in Memory of Prof. Mieczyslaw Domaradzki, with a Round Table «Archaeological Map of Bulgaria».* BAR International Series 1350. Oxford: Archaeopress, 2005. P. 231–238.

Sinika, Lysenko, Telnov 2017 – *Sinika V.S., Lysenko S.D., Telnov N.P.* Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the «Garden» group on the Left Bank of the Lower Dniester // *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств.* 2017. № 4 (2). P. 156–173.

REFERENCES

Andrukh, S.I. (2000) "... The Scythians Mixed with the Thracians". *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History.* 3. pp. 63–73 (In Russian).

Andrukh, S.I. & Chernov, S.I. (1990) *Novye skifskie pamyatniki Dunay-Dnestrovskogo mezhdurech'ya* [New Scythian sites of the Danube-Dniester interfluve]. *Sovetskaya arkheologiya.* 2. pp. 149–163.

Gavrilyuk, N.A. (2013) *Ekonomika Stepnoy Skifii VI–III vv. do n.e.* [The Economy of the Steppe Scythia in the 6th – 3rd century BC]. Kyiv: Oleg Filyuk.

Gudkova, A.V. & Sunichuk, E.F. (1985) *Polevoy otchet Orlovskogo kurgannogo otryada Budzhakskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1984 g.* [Field report of the Orlovka Barrow Team, Budzhak Archaeological Expedition, in 1984]. *Nauchnyy arkhiv IA NANU.* 1984/3a.

Gudkova, A.V., Toshchev, G.M., Fokeev, M.M. & Andrukh, S.I. (1985) *Otchet o rabote Izmail'skoy novostroechnoy ekspeditsii v 1984 g.* [Report on the field-works of the Izmail Expedition in 1984]. *Nauchnyy arkhiv IA NANU.* 1984/158.

Dergachev, V.A. & Sava, E.N. (2001–2002) *Issledovanie kurganov v okrestnostyakh sel Meren' i Kirka* [Excavations of the barrows near the villages Mereni and Kirka]. *Stratum plus.* 2. pp. 526–562.

Ketraru, N.A., Sinika, V.S., Razumov, S.N. & Telnov, N.P. (2014) *Dubossarskie kurgany (Arkheologicheskie pamyatniki Pridnestrov'ya. II)* [Dubossary Barrows. Archaeological Sites of Pridnestrovie. II]. Tiraspol: Stratum plus.

Melyukova, A.I. (1979) *Skifiya i frakiyskiy mir* [Scythia and the Thracian World]. Moscow: Nauka.

Melyukova, A.I. (1995) *Novye dannye o skifo-frakiyskikh vzaimootnosheni-yakh v IV–III vv. do n.e.* [New data about Scythian-Thracian relationship in the 6th–3rd century BC]. *Rossiyskaya arkheologiya.* 1. pp. 28–36.

Oancha, E.S. (1988) *O nekotorykh tipakh ukrasheniya frakiyskogo oblika iz*

skifskikh pamyatnikov Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ya [On some types of the Thracian adornments from the Scythian sites of the Dniester-Danube interfluve]. In: Abramov, A.Ya. et al. *Drevnee proizvodstvo, remeslo i trgovlya po arkheologicheskim dannym* [Ancient Production, Craft and Trade in Archaeological Data]. Moscow: Institute of Archeology, AS USSR. pp. 119–121.

Pankovskiy, V.B. & Sinika, V.S. (2017) Rogovoy greben' iz skifskogo pogrebeniya u s. Glinoe [The Scythian red deer antler comb from the Glinoe cemetery]. *Stratum plus*. 3. pp. 343–359.

Redina, E.F. (1993) Klassifikatsiya fibul iz skifskikh pogrebeniy Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [Classification of fibulae from Scythian burials of the North-West Black Sea Region]. In: Redina, E.F. et al. *Drevneye Prichernomor'ye* [Ancient Black Sea Region]. Odessa: AS of Ukraine. pp. 50–52.

Redina, E.F. (1999) K voprosu o frako-skifskikh kul'turnykh vzaimootnosheni-yakh (skifskoe odnolezviynoe oruzhie) [On the Thracian-Scythian relationship (Scythian one-bladed weapon)]. In: Tolochko, P.P. (ed.) *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Problems of the Scythian and Sarmatian Archaeology of the North Black Sea Region]. Zaporozhe: Zaporozhe State University. pp. 222–227.

Redina, E.F. (2000) Nizhniy Dunay v sisteme kul'turnykh kontaktov skifov i frakiytsev [The Lower Danube in the cultural contacts between the Scythians and Thracians]. In: Redina, E.F. et al. *Arkheologiya ta yetnologiya Skhidnoi'Evropi* [Archaeology and Ethnology of the Eastern Europe]. Odessa: AstroPrint. pp. 243–252.

Sinika, V.S. (2007) *Pogrebal'nye pamyatniki skifskoy kul'tury VII – nachala III v. do n. e. na territorii Dnestro-Prutsko-Dunayskikh stepey* [Funeral sites of the Scythian Culture of the 7th – early 3rd century BC on the territory of the Dniester-Prutus-Danube interfluve]. History Cand. Diss. Moscow.

Sinika, V.S. & Ivashchenko, M.V. (2017) Complex of finds of the 3rd century BC from Slobodzeya. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 19 (3). pp. 223–228 (In Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N. & Telnov, N.P. (2013) *Kurgany u sela Butory (Arkheologicheskiye pamyatniki Pridnestrov'ya. I)* [Barrows near Butory. Archaeological Sites of Pridnestrovie. I]. Tiraspol: Poligrafist.

Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2016a) Kryuchki-zastezhki iz skifskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Hooked clasps from the Scythian sites of the North Black Sea Region]. In: Marina, Z.P. (ed.) *Arkheologiya ta yetnologiya pivdnya Skhidnoi'Evropi* [Archaeology and Ethnology of the South of the Eastern Europe]. Dnipro: Lira. pp. 304–316.

Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2016b) Skifskiy kurgan № 1 gruppy “Vodovod” na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow 1 of the “Sluiceway” Group of the Left Bank of the Lower Dniester]. *Yeminak - Eminak*. 4 (16). pp. 45–53.

Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2016c) Scythian burial with tamga of the turn of 4–3 centuries BC from the left bank of the Lower Dniester. *Novoe proshloe – The New Past*. 4. pp. 258–272 (In Russian).

Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2016d) Scythian burial with scarabeoid of yellow glass from the left bank of the Lower Dniester. In: Nemchenko, I.V. (ed.) *Starodavnê Prichornomor'ya* [Ancient Black Sea Region]. Vol. 11. Odesa: Odesa National University. pp. 488–499 (In Russian).

Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2017a) Scythian Barrows 2 and 3 from the “Garden” Group in the Lower Dniester Region. *Novoe proshloe – The New Past*. 4. pp. 286–306 (In Russian).

Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2017b) Scythian burial with unique amulet from the left bank of the Lower Dniester region. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya – Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Politicalogy*. 8 (42). pp. 5–12 (In Russian).

Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2017c) The Scythian Grave with Fibula of the Thracian Type from the Lower Dniester Region. *Stratum plus*. 3. pp. 131–152 (In Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. & Zakordonets, O.A. (2017d) Scythian barrow Nr. 4 of the “Sluiceway” group on the left bank of the Lower Dniester. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 2 (19). pp. 108–113 (In Russian).

Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2018a) Barrow 5 of the “Sluiceway” Group on the left bank of the Lower Dniester and Scythian Cenotaphs of the North-West Black Sea Region. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 1 (22). pp. 133–144 (In Russian).

Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2018b) Skifskiy kurgan 116 pervoy poloviny III v. do n.e. u s. Glinoe [Scythian barrow 116 of the first half of the 3rd century BC near Glinoe village]. In: Sinika, V.S. & Rabinovich, R.A. (eds) *Drevnosti. Issledovaniya i problemy* [Antiquities. Studies and Issues]. Chişinău; Tiraspol: Stratum plus. pp. 223–266.

Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2018c) [Thracian adornments and costume accessories from Scythian graves on the left bank of the Lower Dniester (findings of 2016–2017)]. *Narody i kul'tury Nizhnego Dunaya v drevnosti* [Peoples and Cultures of the Lower Danube in Ancient Times]. Proc. of the International Conference. Izmail. August 23–26, 2018. Izmail: Irbis. pp. 163–172 (In Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. & Lysenko, S.D. (2018a) Scythian graves from Barrow 4 of the “Garden” Group on the left bank of the Lower Dniester. *Vestnik Nizhneartovskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bulletin of Nizhneartovsk State University*. 1. pp. 111–119.

Sinika, V.S., Telnov, N.P. & Lysenko, S.D. (2018b) Skifskiy kurgan 7 gruppy “Sad” v Nizhnem Podnestrov'e [Scythian Barrow 7 of the “Garden” Group in the Lower Dniester Region]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya”*. 1. pp. 125–138.

Sinika, V.S., Telnov, N.P. & Lysenko, S.D. (2018c) Skifskiy kurgan 8 gruppy "Vodovod" na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow 8 of the "Sluiceway" Group on the left bank of the Lower Dniester]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 20 (3). pp. 234–244.

Sinika, V.S., Telnov, N.P. & Lysenko, S.D. (2018d) Scythian Barrow 8 of the "Garden" Group on the left bank of the Lower Dniester. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2. pp. 78–93 (In Russian).

Subbotin, L.V., Ostroverkhov, A.S., Okhotnikov, S.B. & Redina, E.F. (1992) *Skifskie drevnosti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ya* [Scythian antiquities of the Dniester-Danube interfluve]. Kyiv: Preprint.

Subbotin, L.V., Razumov, S.N. & Sinika, V.S. (2017) *Semenovskie kurgany (Arkheologicheskie pamyatniki Pridnestrov'ya. IV)* [Semyonovka Barrows. Archaeological Sites of Pridnestrovie. IV]. Tiraspol: Stratum plus.

Telnov, N.P. & Sinika, V.S. (2012) Frakiyskie vliyaniya na material'nyu kul'turu i pogrebal'nyy obryad skifov III–II vv. do n.e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Thracian influence on the Scythian material culture and funeral ritual of the 3rd – 2nd century BC on the left bank of the Lower Dniester]. *Revista arheologica*. 8 (1-2). pp. 69–83.

Telnov, N.P. & Sinika, V.S. (2014) Bowls from the Scythian burial sites of the late 4th – 2nd century BC on the left bank of the Lower Dniester]. *Tyragetia*. 8 (1). pp. 287–316 (In Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A. & Sinika, V.S. (2012) [Scythian Cemetery of the 3rd – 2nd century BC near Glinoe Village (preliminary results of investigation)]. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n.e.* [Antiquities of the North Black Sea Region in the 3rd – 2nd century BC]. Proc. of the International Conference. Tiraspol. October 16–19, 2012. Tiraspol: PSU. pp. 5–15 (In Russian).

Telnov, N.P. Chetverikov, I.A. & Sinika, V.S. (2016) *Skifskiy mogil'nik III–II vv. do n.e. u s. Glinoe (Arkheologicheskie pamyatniki Pridnestrov'ya. III)* [Scythian cemetery of the 3rd – 2nd century BC near Glinoe Village. Archaeological Sites of Pridnestrovie. III]. Tiraspol: Stratum plus.

Moscalu, E. (1983) *Ceramica traco-getică (Biblioteca muzeologica)* [Traco-Getic ceramics (Museological Library)]. Bucharest: Muzeul național de istorie.

Redina, E. (2005) Scytho-Thracian cultural contacts in the northwestern Black Sea littoral. *The Culture of Thracians and their Neighbours*. Proc. of the International Symposium in Memory of Prof. Mieczyslaw Domaradzki. Oxford: Archaeopress. pp. 231–238.

Sinika, V.S., Lysenko, S.D. & Telnov, N.P. (2017) Scythian complexes of Barrows 5 and 6 from the "Garden" Group on the left bank of the Lower Dniester. *Tractus aevorum: evolyutsiya sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv – Tractus Aevorum: The Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces*. 4 (2). pp. 156–173.

Синика Виталий Степанович – кандидат исторических наук, заведующий НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова).

Vitalij S. Sinika – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova).

E-mail: sinica80@mail.ru

Тельнов Николай Петрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы (Молдова).

Nicolai P. Telnov – Academy of Sciences of Moldova (Moldova).

E-mail: telnovnikolai@mail.ru

Разумов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова).

Sergey N. Razumov – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova).

E-mail: razum_22@rambler.ru

УДК 94(395)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/3

ЗВЕЗДОВИДНАЯ НАДЧЕКАНКА I в. ДО Н. Э. НА БОСПОРСКОМ ОБОЛЕ III в. ДО Н. Э. КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ НАСЕЛЕНИЯ БОСПОРА И АСПУРГИАН

М.М. Чорев

Нижевартовский государственный университет

Россия, 628602, Нижевартовск, ул. Ленина, 56

E-mail: choref@yandex.ru

Авторское резюме

В работе публикуется боспорский бронзовый обол III в. до н. э. с изображением безбородого сатира на аверсе и головы быка на реверсе. Он необычен, поскольку на его обеих сторонах в I в. до н. э. были оттиснуты надчеканки. Очевидно, что в результате денежного кризиса III в. до н. э. бронзы этой серии выпали из обращения. Поэтому столь продолжительное использование монеты можно объяснять ее длительным хождением на периферии Боспорского государства, куда приток вновь выпущенных платежных средств был ограничен, вследствие чего прежние выпуски могли долго оставаться в обращении. По всей видимости, изучаемая монета ценилась местными жителями как амулет, о чем свидетельствует отверстие для подвешивания. Установить регион обращения таких монет не составляет особого труда, поскольку надчеканка, оттиснутая на изучаемом оболе, содержит знак аспургиан. Есть все основания полагать, что эту контрамарку оттискивали Митридатиды, нашедшие убежище на территории данного племени в период борьбы с Полемоном I. Вероятно, изучаемая монета была надчеканена в 12 г. до н. э.

В результате ее изучения представляется возможность проследить контакты между Боспором и варварским населением его периферии, в данном случае с аспургианами. Очевидно, что они использовали платежные средства этого государства уже с III в. до н. э. Далее, аспургиане, как и жители Боспора, почитали сатира. Так что есть все основания констатировать наличие явных развитых межэтнических контактов между эллинами и эллинизированным населением Боспора и аспургианами по данным нумизматики.

Ключевые слова: история, археология, нумизматика, Боспор, аспургиане, надчеканка.

STAR-SHAPED COUNTERMARK OF THE 1ST CENTURY BC ON THE BOSPORAN OBOLUS OF THE 3RD CENTURY BCE AS EVIDENCE OF INTERETHNIC CONTACTS BETWEEN THE POPULATION OF BOSPORUS AND THE ASPURGIANS

M.M. Choref

Nizhnevartovsk State University
56 Lenin Street, Nizhnevartovsk, 628602, Russia
E-mail: choref@yandex.ru

Abstract

The article represents a Bosporan bronze obol of the 3rd century BC with the beardless Satyr on the obverse and the head of a bull on the reverse. The obol is unusual, since its both sides have countermarks dated by the 1st century BC. As far as bronze coins of this series fell out of circulation as a result of the financial crisis of the 3rd century BC, such long use of the coin can be explained by its long circulation on the periphery of the Bosporus state, where the limited inflow of new means of payment stipulated longer circulation of previous issues. Judging by a hanging hole, the locals might value the coin described as an amulet. Since the countermark on the coin contains the sign of the Aspurgians, the region of its circulation can be easily identified. The author assumes that this countermark was stamped around the year 12 BC by the Mithridatides, who had taken refuge in the territory of this tribe during the struggle with Polemon I. This study allows tracing the contacts between the Bosporus and barbarian population of its periphery, in this case with the Aspurgians, who obviously used the means of payment of this state starting from the 3rd century BC. The Aspurgians, like the Bosporians, revered Satyr. Thus, the data of numismatics show that there were well-developed inter-ethnic contacts between the Hellenes and the Hellenized population of Bosporus and the Aspurgians.

Keywords: history, archeology, numismatics, Bosporus, Aspurgians, countermark.

Уже не первое столетие продолжается изучение нумизматики Боспорского государства. В результате в научный оборот введено множество разновидностей золота, электра, серебра, меди и бронзы его чекана. Однако вопросы все еще остаются. Так, все еще не изучены многочисленные и разнообразные надчеканки, известные на его

выпусках понтийского и римского периодов¹. Попытаемся приблизить разрешение этой проблемы. Продолжая ранее начатое исследование (Чореф 2015: 279–299), перейдем к изучению монеты, изображение² которой приведено на рис. 1, 1.

На первый взгляд, она ничем не примечательна. Действительно, это ординарный боспорский бронзовый обол III в. до н. э. Установлено, что такие монеты выпускали при Спартоке III (304/303–284/283 гг. до н. э.), точнее, в 294–284 гг. до н. э. (Анохин 1986: 141, № 124, табл. 4: 124; Анохин 1999: 75, рис. 17, 8; Анохин 2011: 153–154, № 1038). Изучаемая бронза интересна самим фактом наложения на нее надчеканок. На них размещена композиция * – восьмиконечная звезда, между лучами которой просматривается знак ▲. Замечу, что такие контрамарки на оболах III в. до н. э. до публикации этой монеты известны не были.

Учитывая это обстоятельство, опишем объект нашего изучения. На лицевой стороне монеты выбит бюст безбородого сатира влево. Голова изображенного увенчана венком из плюща. Примечателен разрез его глаз. Дело в том, что у большинства сатиров, изображенных на оболах этой разновидности, их уголки опущены, а на изучаемой монете – приподняты. Но это не дает оснований считать изучаемую монету фальшивой. Дело в том, что весьма схожий портрет сатира известен на подлинных оболах боспорского чекана³ (рис. 1, 2). На аверсе монеты выбита интересующая нас контрамарка. На оборотной стороне монеты отчеканена голова быка, повернутая влево. Левее ее различим символ «П»⁴. Похоже, что это фрагмент буквосочетания «ПАН» – эмиссионной метки монетного двора Пантикапея, использовавшейся в эпохи правления Археанактидов и Спартокидов (Анохин 1986: 25, 27–28, 31–71). Поверх морды быка оттиснута та же контрамарка.

Обращаем внимание на следующее обстоятельство. Штемпели, с помощью которых накладывали надчеканки * на изучаемую монету, не были сопряжены, судя по тому, что их оттиски отстоят на разных расстояниях от края монетного поля⁵ (рис. 1, 1). Но это довольно странно. Дело в том, что с помощью сопряженных штемпелей накладывать контрамарки было бы проще – одним ударом. Изучаемый же обол надчеканивали в два этапа. Учитывая это обстоятельство, допускаем, что операцию контрамаркирования проводили не на официальном монетном дворе, а во временной мастерской, персонал которой не имел навыков, необходимых для ее проведения.

Вполне возможно, что эта мастерская находилась за пределами какого-либо значимого ремесленного центра. Однако штампы контрамарок выполнены по всем правилам. Они явно подлинные. Сле-

Рис. 1. К вопросу о составе денежного обращения на Боспоре к концу правления Асандра: 1, 2 – оболы Спартока III с надчеканкой «*» (1) и без нее (2); 3–6 – оболы понтийского периода с надчеканкой «*»: Митридата VI Евпатора Диониса (3), общины Пантикапея времен царствований Фарнака II (4) и Асандра (6), а также периода архонтата Асандра (5).

довательно, мастерская, в которой была надчеканена интересующая нас монета, получила оборудование, необходимое для проведения этой операции⁶.

Скорее всего, мастерам, надчеканивавшим изучаемую монету, выдали сопряженные штемпели контрамарок. Но они не смогли освоить этот инструмент и вскоре его сломали. Причем один из штемпелей был разрушен или деформирован до такой степени, что уже не мог быть использован в монетном производстве. Вследствие этого незадачливые монетчики были вынуждены дважды накладывать один и тот же штамп. Находим это обстоятельство крайне интересным.

Монета пробита, причем таким образом, что отверстие проделано в верхней части головы сатира и над мордой быка (рис. 1, 1). Это говорит о том, что монету ценили не столько за металл, сколько за оттиснутые на ней изображения. Вполне возможно, что она служила амулетом. Причем артефакт получил сакральные функции после выпадения из обращения и использовался как амулет довольно долго. Такой вывод можно сделать судя по тому, что отверстие, пробитое в нем, во-первых, не было деформировано в результате наложения надчеканки на реверс и, во-вторых, его края значительно расширены и потерты, что свидетельствует о длительном ношении на каком-то тонком и гибком, податливом носителе, вероятнее всего, на тонкой полоске кожи или бечевке.

Отнюдь не последние обстоятельства привлекли наше внимание к этой монете, ведь оболы с изображением безбородого сатира и быка основательно изучены. Как уже было сказано выше, их выпускали в III в. до н. э. Куда интереснее сам факт наложения надчеканки.

Объясним, чем примечателен этот факт. Прежде всего, заметим, что контрамарка * на боспорских монетах нередка и хорошо известна. Но до настоящего времени ее находили только на меди I в. до н. э. Было принято считать, что эту надчеканку накладывали на оболы⁷ I в. до н. э.: на анонимные – времен правления Митридата VI Евпатора Диониса (121–63 гг. до н. э.) (рис. 1, 3), выпущенные в период царствований Фарнака II (63–47 гг. до н. э.) и Асандра (48/47–19/18 гг. до н. э.) от имени общины Пантикапея (рис. 1, 4, 6), а также на эмитированные за четыре года архонтата последнего из перечисленных государей (рис. 1, 5). Т. е. контрамарка * до недавнего времени была известна только на монетах понтийского периода (Чореф 2015: 283–284, рис. 1). Но, как уже было сказано выше, рассматриваемая нами бронза значительно древнее. Сам факт наличия на ее аверсе и реверсе контрамарки * говорит о том, что она находилась в денежном обращении на момент смерти Асандра, т. е. когда все еще ходили вышеперечисленные разновидности разменной монеты понтийского периода.

Этот факт объяснить довольно трудно. Дело в том, что со времени выпуска привлечшего наше внимание оболы до момента его контрамаркирования прошло более 250 лет. А за это время Боспор пережил финансовый кризис III в. до н. э., в результате которого состав денежного обращения неоднократно менялся (Анохин 1986: 48–60). Так что факт столь длительного использования оболы Спартока III весьма примечателен. Определенно он заслуживает объяснения.

Начнем с того, что дать ответ на этот вопрос можно лишь в том случае, если удастся учесть и истолковать все выявленные факты. Во-первых, обол с безбородым сатиром и быком использовался как платежное средство значительно дольше периода обращения однотипной монеты. Во-вторых, его надчеканили не на основном, а на вспомогательном денежном дворе, который не располагался в значимом ремесленном центре и лишь использовал переданное ему для работы оборудование. И, в-третьих, после выпадения из обращения изучаемая монета служила амулетом.

К счастью, все это неплохо увязывается. Дело в том, что надчеканку * накладывали в восточной части Боспорского государства (Чореф 2015: 285–287), т. е. на территории, неподконтрольной Полемону I (14/13 гг. до н. э. – 9/10 гг. н. э.) (Сапрыкин 2002: 128). Этот правитель не единожды менял стопу боспорской меди (Анохин 1986:

82, 148–149, № 256–258, 270–283, табл. 10: 256–258, 270–275, 11: 276–283; Анохин 1999: рис. 31: 2–14; Анохин 2011: 192–195, № 1346–1359; Фролова 1997: 182–192; Чореф 2017b: 451–453, рис. 1). Так что нет оснований ожидать от него проведения контрамаркирования всех прежних выпусков с целью упорядочивания состава денежного обращения. Следовательно, надчеканка прошла в период царствования Полемона I, но не от его имени. В таком случае ее могли санкционировать только Митридатиды на Северном Кавказе. Допускаем, что они могли инициировать проведение контрамаркирования на подконтрольной им территории. Основываясь на этом выводе, заключаем, что наложение на оболы контрамарки * произошло в 12 г. до н. э.

Заметим, что в знаке ▲ есть все основания видеть эмиссионный символ монетного двора, находившегося на территории племени аспургиан (Чореф 2012: 51–53, рис. 4: 2). Оно поддерживало Митридатидов в борьбе с Полемоном I (Чореф 2015: 287).

Выясненное обстоятельство позволяет прояснить причину надчеканивания. Допустим, что с помощью этой операции Митридатиды пытались решить финансовые проблемы. Они узаконили обращение меди и бронзы крупнейшего номинала, подтвердив их достоинство нанесением контрамарок. Полагаю, что проведение этой операции следует увязывать с поступлением в обращение первой серии монет с монограммой на реверсе⁸.

В таком случае становится понятной спешность проведения надчеканивания. Митридатиды должны были одновременно узаконить курс медных и бронзовых монет крупнейшего номинала, обращавшихся в регионе. Эта задача была крайне сложна. Дело в том, что слабое экономическое развитие племенной территории аспургиан и сопредельных с ними племенных образований привело к использованию местными жителями разновременных монет. Так что денежная масса в регионе была крайне разношерстной. Монеты же ходили не только в силу своей металлической стоимости или распоряжений правительства, но и потому, что на них были отчеканены популярные и, по-видимому, сакральные для местных жителей изображения (Чореф 2017a: 128–149; Шауб 2017: 24–47), в нашем случае – фигуры сатира и быка. Так что не стоит удивляться тому, что контрамарка * известна не только на медных, но и на бронзовых оболах.

Полагаем, что нам удалось выявить, описать, изучить и ввести в научный оборот уникальный памятник – боспорскую бронзовую монету, веками обращавшуюся на землях аспургиан. Можно сделать вывод, что они использовали монеты как платежные средства. В ином случае обнаружение боспорской бронзы, надчеканенной их эмблемой, было

бы необъяснимо. Однако вряд ли они ценили ее за металл. Очевидно, аспургиане ценили ее за изображение почитаемого божества.

Полагаем, что сам факт публикации обола III в. до н. э. с надчеканкой I в. до н. э. увеличит интерес к нумизматике Боспора. Надеемся, что в музейных собраниях Северо-Восточного Причерноморья и Крыма будут выявлены не менее интересные нумизматические артефакты, что позволит продолжить наше исследование.

Однако этот факт позволяет сделать не только нумизматические, но и исторические выводы. Во-первых, меоты ценили монеты как средства платежа, причем даже выпущенные из недрагоценных металлов. Во-вторых, спрос на деньги определялся наличием соответствующих изображений. Этим обстоятельством можно объяснить столь длительное нахождение в обращении изучаемого обола. И, наконец, в-третьих, сам факт надчеканивания монеты на землях аспургиан позволяет по-новому осветить проблему контактов варварского населения периферии Боспорского царства и его центров. Очевидно, что аспургиане использовали платежные средства этого государства уже с III в. до н. э. Они, как и жители центральных районов Боспора, почитали сатира. Так что есть все основание по данным нумизматики констатировать наличие явных развитых межэтнических контактов между эллинами и эллинизированным населением Боспора и варварами.

Примечания

1. Речь идет о контрамарках «колос» и «кадуцей», выявленных на тетрахаках Пантикапея и Фанагории квазиавтономного чекана. Причины их появления пока не ясны. В римский период истории Боспора его монеты также надчеканивали. Описаны контрамарки на бронзовых и латунных (Смекалова, Дюков 2001: 101–103) монетах конца I – начала III в. н. э. Речь идет о надчеканках «голова Септимия Севера», «орел» и «В». Надчеканки – бюсты мужчин были выявлены В.К. Голенко на монетах середины – второй половины III в. н. э. (Голенко 1957: 46–48). По мнению исследователя, их накладывали для подтверждения номинала (Голенко 1957: 48). Однако до сих пор не установлено, чьи изображения помещали этих контрамарках.

2. Опубликовано на сайте bosporan-kingdom.com (bosporan-kingdom.com: 1).

3. Фотография этой монеты размещена на сайте bosporan-kingdom.com (bosporan-kingdom.com: 2).

4. Отверстие было проделано на том участке поля реверса, на котором была отчеканена буква «А». Символ «N» был сглажен в результате наложения надчеканки * на аверс.

5. На аверсе надчеканку оттиснули как положено – у края, а на реверсе – почти по середине поля. В результате изображение сатира на лицевой стороне сильно расплущено.

6. Находим это обстоятельство очень важным и обратимся к его истолкованию несколько ниже.

7. Фотографии этих монет размещены на сайте bosporan-kingdom.com (bosporan-kingdom.com: 3; bosporan-kingdom.com: 4; bosporan-kingdom.com: 5; bosporan-kingdom.com: 6).

8. Принимаем их классификацию, предложенную Н.А. Фроловой (Фролова 1997: 182–192).

ЛИТЕРАТУРА

Анохин 1986 – *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 184 с.

Анохин 1999 – *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 240 с.

Анохин 2011 – *Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос, 2011. 328 с.

Голенко 1957 – *Голенко К.В.* Надчеканки на медных боспорских монетах III в. н. э. // Труды ГИМ. Вып. XXVI: Нумизматический сборник. М.: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1957. Ч. II. С. 43–49.

Сапрыкин 2002 – *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 271 с.

Смекалова, Дюков 2001 – *Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л.* Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира / Чижик В.И. (ред.). СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2001. 204 с.

Фролова 1997 – *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н.э.). Ч. I: Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н. э. 210/211 гг. н. э. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 448 с.

Чореф 2012 – *Чореф М.М.* «Calamitas virtutis occasio», или К истории последних лет царствования Фарнака II // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. Вып. 22, № 7 (126). С. 44–59.

Чореф 2015 – *Чореф М.М.* Надчеканки на медных монетах боспорского ахонта Асандра // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2015. Вып. 7. С. 279–299. DOI: 10.24411/2219-8857-2015-00005

Чореф 2017а – *Чореф М.М.* Изображения на ранних боспорских серебряных монетах: атрибуция и причины появления // Новое прошлое. 2017. № 4. С. 128–149.

Чорев 2017b – *Чорев М.М.* Надчеканки на боспорских монетах Полемонона I как источник исторической информации // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2017. Вып. 9. С. 441–467. DOI 10.24411/2219-8857-2017-00020

Шайб 2017 – *Шайб И.Ю.* Монстры в культуре скифов // *Новое прошлое*. 2017. № 4. С. 24–47.

bosporan-kingdom.com: 1 – Паспорт монеты: 000-4754-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-4754/1.html> (дата обращения: 08.01.2017).

bosporan-kingdom.com: 2 – Паспорт монеты: 124-3007-50. URL: <https://bosporan-kingdom.com/124-3007/50.html> (дата обращения: 08.01.2017).

bosporan-kingdom.com: 3 – Паспорт монеты: 124-3352-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/124-3352/1.html> (дата обращения: 08.01.2017).

bosporan-kingdom.com: 4 – Паспорт монеты: 212-3035-6. URL: <https://bosporan-kingdom.com/212-3035/6.html> (дата обращения: 08.01.2017).

bosporan-kingdom.com: 5 – Паспорт монеты: 224-3094-3. URL: <https://bosporan-kingdom.com/224-3094/3.html> (дата обращения: 08.01.2017).

bosporan-kingdom.com: 6 – Паспорт монеты: 226-4141-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/226-4141/1.html> (дата обращения: 08.01.2017).

REFERENCES

Anokhin, V.A. (1986) *Monetnoe delo Bospora* [Coinage of Bosporus]. Kiev: Naukova dumka.

Anokhin, V.A. (1999) *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo* [History of Cimmerian Bosporus]. Kiev: Odigitriya.

Anokhin, V.A. (2011) *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient coins of the Northern Black Sea Coast]. Kyiv: Stilos.

Golenko, K.V. (1957) Nadchekanki na mednykh bosporskikh monetakh III v. n.e. [Countermarks on the copper Bosporus coins of the 3rd century BC]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. 24(2). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'skoy literatury. pp. 43–49.

Saprykin, S.Yu. (2002) *Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh* [The Kingdom of Bosporus of the Verge of Two Epochs]. Moscow: Nauka.

Smekalova, T.N., Dyukov, Yu.L. (2001) *Monetnye splayy gosudarstv Prichernomor'ya. Bospor, Olviya, Tira* [Coin alloys from the Black Sea States. Bosporus, Olbia, Tiras]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Frolova, N.A. (1997) *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.)*. [Bosporan Coinage (the mid-1st century BCE – the mid-4th century CE)]. Moscow: Editorial URSS.

Choref, M.M. (2012) “Calamitas virtutis occasion”, ili K istorii poslednikh let tsarstvovaniya Farnaka II [“Calamitas virtutis occasion”, or to the history

of the last years of Pharnaces III's reign]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Belgorod State University Scientific Bulletin*. 22 (7). pp. 44–59.

Choref, M.M. (2015) Countermarks on copper coins of the Bosphorus archon Asander. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma – Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*. 7. pp. 279–299 (In Russian). DOI: 10 24411 2219-8857-2015-00005

Choref, M.M. (2017) Images on early Bosphorian silver coins: Attribution and causes]. *Novoe proshloe – The New Past*. 4. pp. 128–149 (In Russian).

Choref, M.M. (2017) Countermarks on Bosphorus coins of Polemon I as a source of historical information. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma – Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*. 9. pp. 441–467 (In Russian). DOI: 10 24411 2219-8857-2017-00020

Shaub, I.Yu. (2017) Monsters in the Scythian culture. *Novoe proshloe – The New Past*. 4. pp. 24–47 (In Russian).

Passport of coin: 000-4754-1. [Online] Available from: <https://bosporan-kingdom.com/000-4754/1.html> (Accessed: 1st August 2017).

Passport of coin: 124-3007-50. [Online] Available from: <https://bosporan-kingdom.com/124-3007/50.html> (Accessed: 1st August 2017).

Passport of coin: 124-3352-1. [Online] Available from: <https://bosporan-kingdom.com/124-3352/1.html> (Accessed: 1st August 2017).

Passport of coin: 212-3035-6. [Online] Available from: <https://bosporan-kingdom.com/212-3035/6.html>. (Accessed: 1st August 2017).

Passport of coin: 224-3094-3. [Online] Available from: <https://bosporan-kingdom.com/224-3094/3.html> (Accessed: 1st August 2017).

Passport of coin: 226-4141-1. [Online] Available from: <https://bosporan-kingdom.com/226-4141/1.html> (Accessed: 1st August 2017).

Чорев Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований Нижневартковского государственного университета (Россия).

Mikhail M. Choref – Nizhnevartovsk State University (Russia).

E-mail: choref@yandex.ru.

УДК 94(477+498.3+438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/4

МОЛДАВСЬКІ ПОХОДИ УКРАЇНСЬКИХ КОЗАКІВ В 70-х рр. XVI ст.

В.О. Щербак

Київський університет ім. Б. Грінченка
Україна, 04212, м. Київ, вул. Тимошенка, 13-Б
E-mail: v.shcherbak@kubg.edu.ua

Авторське резюме

У статті висвітлюються походи українських козаків до Молдавського князівства 70-х рр. XVI ст. Акцентується увага на причинах їх активізації після створення реєстрового війська в Речі Посполитій, козаки якого отримали станові права і привілеї. Реєстровці мали нести службу на прикордонні, але дуже часто вони спільно із запорожцями здійснювали морські і сухопутні походи на територію Османської імперії. Під час експедицій козаки не лише здобували т. зв. «козацький хліб», але й визволяли з полону українців, а також втручалися у внутрішні справи сусідніх держав. При цьому їх підтримували місцеві урядники на південному прикордонні, які отримували частину прибутку. Після турецького завоювання у Молдавії спостерігалася політична нестабільність, обумовлена боротьбою за монарший престол. Яскравим епізодом втручання українських козаків у внутрішні справи держави була справа Івана Підкови. На прохання молдавських бояр, які визнали в ньому брата вбитого турками правителя Івана III Воде Лютого, він організував військовий похід козаків. Після захоплення столиці Ясси Підкова був проголошений монархом, а потім попросив султана затвердити його на молдавському троні. Проте Мурад III силами військ придунайських держав допоміг Петру VI Кульгавому повернути престол. З поверненням в Україну Іван Підкова був заарештований і за наказом короля Стефана Баторія страчений у Львові. Але ця прилюдна страта не зупинила бажання козаків знову заволодіти Молдавією.

Ключові слова: Молдавське князівство, походи козаків, Іван Підкова, Туреччина, Річ Посполита.

МОЛДАВСКИЕ ПОХОДЫ УКРАИНСКИХ КАЗАКОВ В 70-х гг. XVI в.

В.А. Щербак

Киевский университет им. Б. Гринченко
Украина, 04212, г. Киев, ул. Тимошенко, 13-Б
E-mail: v.shcherbak@kubg.edu.ua

Авторское резюме

В статье освещаются походы украинских казаков в Молдавское княжество в 70-х гг. XVI в. Акцентируется внимание на причинах их активизации после создания реестрового войска в Речи Посполитой, казаки которого получили сословные права и привилегии. Реестровцы должны были нести службу на пограничье, но очень часто они вместе с запорожцами осуществляли морские и сухопутные походы на территорию Османской империи. Во время экспедиций казаки не только добывали т. н. «казацкий хлеб», но и освобождали с плена украинцев, а также вмешивались во внутренние дела соседних государств. При этом они имели поддержку со стороны местных урядников на южном пограничье, которые получали часть прибыли. После турецкого завоевания Молдавии там наблюдалась политическая нестабильность, обусловленная борьбой за монарший престол. Ярким примером вмешательства украинских казаков во внутренние дела государства было дело Ивана Подковы. По просьбе молдавских бояр, которые признали в нем брата убитого турками правителя Иоанна III Водэ Лютого, он организовал военный поход казаков. После захвата столицы государства Яссы Подкова был провозглашен монархом, а затем попросил султана утвердить его на молдавском троне. Однако Мурад III силами войск придунайских государств помог Петру VI Хромому вернуть престол. По возвращении на Украину Иван Подкова был арестован и по приказу короля Стефана Батория казнен в Львово. Но эта публичная казнь не остановила желаний казаков вновь завладеть Молдавией.

Ключевые слова: Молдавское княжество, казацкие походы, Иван Подкова, Турция, Речь Посполитая.

MOLDAVIAN CAMPAIGNS OF UKRAINIAN COSSACKS IN THE 1570S

V. Shcherbak

Borys Grinchenko Kyiv University
13-B Tymoshenko Street, Kyiv, 04212, Ukraine
E-mail: v.shcherbak@kubg.edu.ua

Abstract

The article focuses on the Cossack campaigns in the Moldavian principality of the 1570s and their intensification after the formation of the Registered troops in the Polish-Lithuanian Commonwealth (Rzecz Pospolita), when the Cossacks got the estate rights and privileges. The registrants had to serve in the frontier, yet they often carried out sea and overland campaigns to the Ottoman Empire together with Zaporozhian Cossacks. During the expeditions, the Cossacks not only acquired the so-called "Cossack bread", but also freed Ukrainian prisoners from captivity and interfered in the internal affairs of the neighbouring states, being supported by local government officials at the southern border, who received their share of the profit. The Turkish conquest of Moldova brought about political instability due to the struggle for the royal throne. Having got it, a nominee had to get the support of the sultan, which cost a lot of money. This situation was actively used by sovereigns and authorities of Poland, Transylvania, Voloshchyna. Subsequently, Ukrainian Cossacks began to join in as a powerful military force. The vivid intervention episode was the case of Ivan Pidkova. At the request of Moldavian boyars, who recognized him as the brother to John III the Terrible, murdered by the Turks, he organized a military campaign in the autumn of 1577. After gaining the capital of the Principality, Iassy, Pidkova was proclaimed monarch, and asked Sultan to enthrone him in Moldova. Sultan Murad III arranged his troops in the Danube states and helped Peter the Lambe to regain the lost throne. On returning to Ukraine, Pidkova was arrested by the order of King Stephen Bathory and executed in Lviv. However, his public execution did not prevent the Cossacks from trying to seize Moldova again.

Keywords: Moldavian principality, Cossack campaigns, Ivan Pidkova, Turkey, Rzecz Pospolita.

Південні кордони новоствореної Речі Посполитої залишалися контактною зоною українського козацтва і народів держав-сателітів Османської імперії – Молдавії, Кримського ханства, Волощини та Трансільванії. Характер цих стосунків зумовлювався різними обста-

винами внутрішнього життя країн та зовнішньополітичними планами їх правителів. Водночас вони були вагомими факторами міжнародної політики у Південно-Східній Європі другої половини XVI ст.

Головною причиною козацьких походів було так зване «здобуття козацького хліба», під час яких нерідко доводилося вступати у збройні конфлікти. Результатом експедицій інколи ставало звільнення українських бранців з неволі. Мало місце також втручання козацтва у внутрішні справи сусідніх держав. З'ясуванню останнього напрямку його діяльності щодо Молдавського князівства і присвячена дана стаття.

Проблематика стосунків козацтва із південно-західними сусідами була присутня в цілому ряді тогочасних джерел: «Літопис Землі Молдавської» Григорія Уреке (Ureche 2006), «Хроніка польська» Мартіна Бельського (Kronika 1856), «Хроніка Європейської Сарматії» Алессандро Гваньїні (Гваньїні 2009). Опис багатьох подій теми знайшов відбиток на сторінках румунських та українських збірників документів (Hurmuzaki 1900; Documente 1953; Історія 1986). Молдавсько-козацькі відносини 70-х рр. XVI ст. і, зокрема, постать Івана Підкови висвітлені в окремих наукових студіях українських, румунських та молдавських вчених (Стороженко 1904; Мохов 1957; Мохов 1961; Spieralski 1967; Хадшеу 1967; Яворницький 1990; Голобуцький 1994; Грушевський 1995; Леп'явко 1999; Ciobanu 2013; Мойсей 2014). Популяризації фігури славного атамана сприяли також художні твори. Разом з тим багато важливих аспектів тематики залишилися поза увагою дослідників, що диктує потребу формулювання нового погляду на дане питання.

Запровадження реєстрового козацького війська в Речі Посполитій на початку 70-х рр. XVI ст., яке отримало суспільні привілеї, справило суттєвий вплив на свідомість «людей лицарських». Особливу активність козацтво проявило з приходом на престол войовничого короля Стефана Баторія в 1576 р. Він намагався використати українських козаків у війні проти Московської держави. Амбіції козацьких ватажків сягали також далеко за межі Речі Посполитої, оскільки через турецьку загрозу військова потуга запорожців цікавила багатьох європейських монархів.

Зростанням чисельності козацтва та розширенням ареалу його діяльності помітно позначилося й на південно-західному напрямку. Значною мірою це було зумовлено внутрішньополітичним становищем Молдавії. Завоювання князівства за султана Сулеймана Пишного в 1538 р. призвело до визнання зверхності Оттоманської Порти із обов'язком сплати щорічної данини. Крім того, господар мав давати нерегулярні хабарі та подарунки турецьким чиновникам й утримувати османське військо на своїй території (Леп'явко 1999: 58).

В умовах турецької зверхності в Молдавії постійно йшла запекла боротьба місцевої боярської верхівки за господарський престол. За його отримання претендент сплачував сюзерену по декілька сотень тисяч золотих, тому султанський двір був зацікавлений частою зміною господарів. Вочевидь нестабільністю в Молдавському князівстві намагалися скористатися й сусідні правителі та можновладці, що суттєво послаблювало державу. Зокрема, до цього долучився й Дмитро Вишневецький, родина якого за переказами мала сімейні зв'язки з господарем Стефаном Великим. Влітку 1563 р. український князь за намовою польського авантюриста Ольбрахта Ласького пішов до Молдавії, але під час битви поблизу Сучави був захоплений в полон і переданий туркам на страту (Винар 1992: 174).

Діяльність Дмитра Вишневецького мала символічне значення для українського козацтва. Тому в обставинах, які склалися, воно виступило лише в ролі одного із учасників великої гри навколо Молдавського князівства, хоча й внесло в неї свої особливості. Характерним прикладом низки авантур в 70-х рр. стала справа Івана Підкови, детально висвітлена сучасником – польським хроністом Мартіном Бельським. Чимало інформації про неї містять також універсали та листи короля Речі Посполитої Стефана Баторія.

Влітку 1577 р. на Запорозжжі козаки активно готувалися до нового військового походу, оскільки татари під час чергового набігу на Волинь зруйнували багато сіл та містечок, чинячи насильство над мирним населенням. У середовищі січовиків перебував і учасник багатьох експедицій, відважний козак Іван Підкова, прозваний так, очевидно, за фізичну силу – міг легко ламати підкови (Гваньїні 2009: 430). Згідно з легендою, він був братом молдавського господаря Івана III Воде Лютого, вбитого турками 1574 р. (Мойсей 2014: 30). Дізнавшись про Підкову, на Запорозжжя приїхали молдавські бояри із проханням прибути до Ясс і зайняти державний престол, на якому перебував посаджений турецьким султаном Мурадом III жорстокий правитель Петро VI Кульгавий.

Задля запобігання невдоволення майбутнім походом уряду Речі Посполитої через чинне перемир'я з Туреччиною бояри направили листи, скріплені печатками впливових молдавських вельмож, на адресу київського воєводи Костянтина Острозького та барського старости Миколая Творовського. Вони просили посприяти Підкові у поході лише до Дністра, де чекатимуть його з військом (Гваньїні 2009: 430). Однак представники властей не підтримали козацьку експедицію, повідомивши про її підготовку короля Речі Посполитої. Вбачаючи у козацтві зростаючу силу, яка почала самостійно вступати у зносини із сусідніми державами, Стефан Баторій намагався не допустити її зміцнення.

Водночас соратником Івана Підкови у підготовці експедиції став один із учасників війни Івана Воде знаний у середовищі козацтва барський шляхтич Станіслав Копицький (Kronika 1856: 1430–1431). Він пообіцяв матеріальну підтримку і разом з молдаванином за походженням Чапою Волошиним зібрав загін із 330 козаків. Військовим керівником або ж гетьманом на раді був обраний досвідчений козацький ватажок Яків Шах, який привів Підкови 600 запорожців (Голобуцький 1994: 141). Однак перший похід виявився невдалим через перевагу сил Петра Кульгавого. Довелося відступити від Дністра і повернутися на Поділля (Гваньїні 2009: 431). Поблизу Немирова козаки зупинилися у маєтку брацлавського воєводи князя Януша Збараського, який, очевидно, був цілком позитивно налаштований щодо запорожців.

Невдала спроба Підкови зайняти молдавський престол збіглася у часі із завершенням турецько-польських переговорів про укладення миру між державами. Повертаючись із Стамбулу через Молдавію, польський посол галицький каштелян Ян Сенінський дізнався про справу Підкови і отримав відповідного листа від турецького чауша. Порушення козаками спокою у Молдавії трактувалося в документі як порушення миру з Туреччиною (Sokołowski 1886: 520). Перед польською стороною ставилася вимога покарати винних і більше не допускати подібних випадків. Відповідно король Стефан Баторій, отримавши дану інформацію, наказав польному гетьману Миколаю Синявському заарештувати Івана Підкову і звернувся до деяких «руських панів» посприяти у пошуку місця знаходження бунтівника (Kronika 1856: 1431).

Для арешту Підкови до Немирова прибули три роти жовнірів на чолі з ротмістром Казимиром Боболецьким. Однак їм не вдалося піймати козацького ватажка, який почувався досить впевнено під прикриттям міського урядника. Таким аргументом Миколай Синявський виправдовувався перед королем. Цьому сприяли і настрої серед жовнірів, а саме небажання розправи над «свавільними людьми» і козаками, з якими вони нерідко спільно боронили державні кордони.

Король негайно прореагував на цей випадок, вживши заходів у відведених для нього правових рамках, що знайшло документальне підтвердження в наказах, надісланих на Поділля 5 листопада 1577 р. У листі до Януша Збараського Баторій звинуватив князя в утриманні в своєму маєтку людей, які чинили напади на молдавські землі. Монарх вимагав видати Підкову спеціально посланому королівському дворянину Валентину Маковецькому (Początki 1877: 229–230).

Одночасно на південне прикордонні було послано королівського комісара Станіслава Белявського для забезпечення дотримання миру

з турками. Він мав перевірити скарги з боку Молдавії, відшукати за поданими списками всіх турецьких в'язнів на території Речі Посполитої та винних у порушенні миру і покарати їх. У разі опору наказувалося комісару діяти відповідно «права посполитого» (Początki 1877: 231). Все це мало забезпечити йому досягнення поставленої мети.

Інші плани виношував Іван Підкова. У Немирові він провів ґрунтовну підготовку, і наприкінці листопада розпочалася нова військова експедиція до Молдавії. Підкова урочисто був проголошений господарем, і на шляху до столиці козаки не зустрічали серйозних перепон. За інформацією Мартіна Бельського, «чернь прийняла його за пана» (Kronika 1856: 1433), звідки напрашується висновок, що в самій Молдавії була проведена боярами відповідна робота. Заволодівши добре укріпленою фортецею Сороки, Підкова швидко рушив до Ясс.

Тим часом, заручившись підтримкою півтисячного загону турецьких воїнів, назустріч козакам виступив Петро Кульгавий. Вирішальна битва відбулася на р. Прут неподалік столиці. Гориста місцевість не дозволила туркам використати перевагу в артилерії. А вже перша їх атака призвела до численних втрат. Не вдалася спроба й оточення козацького табору, що змусило Петра Кульгавого прийняти рішення про відступ. Сам він покинув військо і втік до сусідньої Мультянії. Звідти господар надіслав Мураду III скаргу на Підкову і просив допомоги, але отримав грізний наказ самому розправитися з козаками (Kronika 1856: 1433). За повідомленнями від султана битва під Яссами тривала три дні і лише, переконавшись у переважанні сил козаків, Петро Кульгавий відступив (Исторические связи 1965: 146).

На день св. Андрія 13 грудня 1577 р. Іван Підкова був офіційно проголошений у Яссах господарем. Він випустив кілька сотень українських в'язнів, які чекали на викуп, зокрема сина луцького судді Бокія. В подяку за звільнення сина батько послав на допомогу козакам двісті вершників. Своє оточення як господар Підкова сформував із довірених соратників. Маршалком став Чапа Волошин, Стефан Копицький – хотинським баркулабом, а Яків Шах – молдавським гетьманом (Kronika 1856: 1433). На найвищу адміністративну посаду логофета був призначений найвідоміший із молдавських бояр Василь Балтаца. Очевидно, саме він був ініціатором запрошення Івана Підкови на господарство (Леп'явко 1999: 66).

Новий володар розпочав своє правління в руслі усталених традицій. Він видав кілька поземельних актів православним монастирям, а також надіслав листи до сусідніх придунайських володарів з пропозиціями про встановлення дружніх відносин (Мохов 1961: 59). Крім того, для утвердження на молдавському троні необхідно було заручитися згодою турецького султана. З цією метою Іван Підкова

відіслаў до Стамбулу веліке пасольство, адже кожны новы гасподар, незалежна від абставін яго появі на престо́лі, мав шансі знайці прыхільність пры султанському двору, особливо пры наявності грошей. Але по дарозі до століці Османськой імперіі посланця Пíдкава було перахоплено, очевидно, людзьмі Кульгавого (Kronika 1856: 1433).

З свого боку Мурад III наказав сілістрійському бею зібрати войскá з прыдунайськіх володінь Туреччыны і надіслаў ліста трансільванському воєводі Сігізмунду Баторію про дапамогу Кульгавому (Исторические связи 1965: 145–146). З новымі сіламі бей виступіў до Ясс. Першы бій поблізу Доколіна выявіўся невдалым через велікий спротив і эфектыўні дзіі козацькой кінноты. Проте з пíдходом войскá Баторія сытуацыя кардынальна змінлася. Іван Пíдкава змушены быў повернуцца до століці і распачаць пíдготовку до відходу ў Украіну.

Захопіўшы ў Яссах багаті трофеі, серед якіх і 14 гармат, на пачатку січня 1578 р. Пíдкава пакінуў Молдавію і через Сорокі по засніжэному шляху відступіў на Брацлаўщыну (Гваньіні 2009: 433). Тым часом Стефан Баторій атрымаў грізнаго ліста від Мурада III з вимогою пакарати козаків, в іншому разі пагрожуваў агресією. Реалізуваць султанську вимогоу кароль доручыў князю Янушу Збаразькому. Він зустрів Пíдкава поблізу Немирова, але не наважыўся відразу вступіць в бій, зважаючы на сілу козацького войскá. Згодом воєвода запросыў до свого двору Якова Шаха з кílькома старшынямі і расповіў про стурбованість короля козацькім походам до Молдавіі, якік даў прывід турецькому падышаху порушыць перемір'я. Він просыў Шаха пераконаты Пíдкава поїхаты до Варшавы для заспокоення короля, гарантуючы від себе асобысту безпеку (Лепаўко 1999: 67).

Згодывшысь на подорож до століці Речі Псполытоі, Іван Пíдкава зважаў на традыцыі прыкордонных свавільств, іх негласной пíдтрымкі в шляхетськіх колах, а іноді й в урядовых. Він падаруваў Янушу Збаразькому дванадцять гармат, а потім разам з ним вирушыў до рэзіденцыі польного гетьмана Миколая Сянваського в Бар. Звідты Пíдкава відправыўся до Варшавы, де за наказом короля быў заарэштываны (Kronika 1856: 1435).

На черговому засіданні вального сейму ў Варшаві окремі сенаторы высловляўалыся за звільнення Івана Пíдкава, зважаючы на яго аўтарытет серед запорожців та заслугы ў боротьбі проты турецько-татарськой агресіі. Проте Стефан Баторій выношуваў далеглядні планы вйны проты Масковськой державы, тому прагнуў міру з Османськой імперією (Голобуцькый 1994: 143). З цією метою він выдаў універсал, адрэсованы місцевым урядныкам, в якому йшлося про небезпеку козацькіх походаў в Молдавію. Водночас кароль створыў спецыяльную комісію на чолі з люблінськім воєводаю Яном Тарлом для пока-

рання «свавільців» і їх посібників. Київському воєводі Костянтину Острозькому було наказано рушати на Дніпро, щоб вигнати звідти козаків. З південного напрямку до Запорозжя мали підійти кримські татари (Akta historyczne 1881: 31–37). Щоправда такий план був малореалістичний і свідчив про нерозуміння королем ситуації на південному прикордонні Речі Посполитої, де козаків підтримували місцеві урядники.

Арешт Івана Підкови не міг принципово змінити ситуацію на молдавському напрямку, адже залишалися причини, які проковували нові виправи. Відважні авантюристи намагалися спиратися на запорозьке козацтво з підтримкою ласих до наживи шляхтичів. Так навесні 1578 р. двотисячний загін, переважно вихідців з-під Києва, Канева, Черкас і Брацлава, очолив новий претендент на молдавський престол Олександр, який видавав себе за брата Підкови. Гетьманом в черговий раз став Яків Шах, а найближчим соратником – Василь Балтаца, колишній логофет Підкови.

Розгромивши військо Петра Кульгавого, Олександр зайняв Ясси і перебував на господарському престолі близько місяця (Мохов 1961: 62). Проте, як і в попередній раз, козаки не зуміли зорганізувати значних сил для належної відсічі ворогу та отримати належної підтримки з боку місцевої еліти. Це дозволило сілістрійському бею оточити їх в столиці і з допомогою турків та трансільванських підрозділів Сигізмунда Баторія остаточно розгромити. Під час одної з сутичок загинув Шах, а Олександр і 20 чол. з його оточення потрапили в полон. Турки зібрали близько тисячі відрубаних голів, серед яких була Олександра, Балтаца та якогось козака «з його барабаном та прапором», очевидно, соратника Шаха. Їх голови були відправлені султану як символ перемоги над козаками (Исторические связи 1965: 153–155).

Мурад III направив листа до Стефана Баторія, в якому нагадав, що той став польським королем при допомозі турків. Але за короткий період його правління козаки неодноразово приходили на землі Османської імперії. Султан картав також короля за відсутність покарань керівників черкаської, канівської та брацлавської фортець, які були «гніздами» бунтівного козацтва. Мурад III наполягав на стриманні місцевих урядників від допомоги козакам і негайно стратити Івана Підкову, щоб цим залякати всіх інших порушників миру (Тверинтинова 1974: 295–308).

У середині травня до королівського двору у Львові прибув турецький чауш і передав категоричну вимогу султана видачі Івана Підкови та Костянтина Лакусти, або їх голови. Останній ніби-то був сином молдавського господаря Стефана Лакусти. Король взяв з нього

обіцянку не покидати королівський двір і не вести власну політичну гру. Проте Стефану вдалося втекти, а Баторій прийняв рішення про страту Підкови, що викликало обурення багатьох сучасників, адже воно йшло в розріз із звичаями українського прикордоння.

Король наказав коморнику Андрію Лозевицькому привезти козацького ватажка з містечка Рави, де той перебував під арештом, до столиці Червоної Русі. 16 червня 1578 р. перед львівською ратушею відбулася страта Івана Підкови. Детальний опис цієї події залишив тосканський дипломат Філіп Тальдуччі: «Барабанный бій і гамір юрби лунали на ратушній площі. Пройшовши двічі по місцю страти, погладжуючи бороду і поглядаючи на людей без страху перед смертю, Підкова просив народ заспокоїтись, і коли настала тиша, звернувся до нього з такою промовою: “Панове поляки, я приведений на страту і не знаю за що, оскільки не відаю за собою ніякої провини, яка б заслуговувала такої кари. Знаю лише одне, що я завжди боровся проти ворогів християнського імені і завжди дбав про користь для нашої батьківщини; бути оплотом проти невірних було постійною моєю думкою – утримати їх у межах і не дозволити їм переправлятися через Дунай...”» (Listy Annibała 1852: 256–257; Історія Львова 1986: 42–43). Потім Підкова звернувся до побратимів із проханням поховати його за козацьким звичаєм. Тальдуччі зауважує, що після цих слів багато хто з присутніх заплакав. Іншого свідка розправи над козацьким ватажком польського ксьондза Яна Піотровського вразило прихильне ставлення львів'ян до Івана Підкови (Стороженко 1904: 61).

Страта Підкови не зупинила подальших спроб козаків робити виправи у молдавські землі. Вже в липні з'являється новий претендент на господарський трон – Петро (Петрило), який називав себе сином господаря Олександра-Петра Лопушняну (Grabowski 1840: 467). Для відвернення походу Стефан Баторій вживає енергійних заходів. Король наказав польному гетьману Миколаю Синявському рушити до Бокоти для розгрому загону самозванця. Окремий універсал був надісланий з Варшави і на Запорозжя. Баторій вимагав від запорожців відмовитися від походу на Молдавію, погрожуючи в разі непослуху конфіскацією майна і смертною карою. Водночас повідомив, що він має намір найняти їх на службу для війни проти Московії, де кожен міг би мати плату і заслужити славу (Akta historyczne 1881: 130–132).

У серпні король отримав повідомлення від молдавського господаря, що йому вдалося впіймати і стратити самозванця Петра, хоча козаки спалили Сороки і повернулися назад. Господар належно оцінив зусилля Баторія, зокрема, направлення до Молдавії трансільванських підрозділів і дякував йому за це. У листі до султана король вважав визначальним їх участь у розгромі війська нового претендента (Sprawy

војенне 1877: 124). Та перепочинок виявився нетривалим, бо вже незабаром загін, очолюваний козацьким гетьманом Петром Мітлоу рушив до Молдавії. Але Петро Кульгавий отримав добру практику у відпорі таким набігам і швидко розправився із незваними гостями.

Отже, походи до Молдавії в 70-х рр. XVI ст. свідчили про зростання військової потужності українського козацтва. Воно в черговий раз проявило послідовність дотримання головної орієнтації на війну проти всіх «неприятелів Святого Хреста». Яскравим проявом такої позиції стала справа Івана Підкови. Під час молдавських походів козацтво почало діяти як провідна сила, від якої залежав розвиток подій, тобто ставало суб'єктом міжнародних відносин у Південно-Східній Європі.

ЛІТЕРАТУРА

Винар 1992 – *Винар Л.* Князь Дмитро Вишневецький. Силуети епох. Дрогобич, 1992. 184 с.

Гваньїні 2009 – *Олександр Гваньїні.* Хроніка Європейської Сарматії. Київ: Києво-Могилянська академія, 2009. 1006 с.

Голобуцький 1994 – *Володимир Голобуцький.* Запорозьке козацтво. Київ: Вища школа, 1994. 439 с.

Грушевський 1995 – *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Київ: Наукова думка, 1995. Т. 7. 624 с.

Історія 1986 – *Історія Львова в документах і матеріалах.* Збірник документів та матеріалів. Київ: Наукова думка, 1986. 320 с.

Исторические связи 1965 – *Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в.* Документы и материалы. М.: Наука, 1965. Т. 1. 363 с.

Леп'явко 1999 – *Леп'явко С.А.* Українське козацтво у міжнародних відносинах (1561–1591). Чернігів: Сіверянська думка, 1999. 212 с.

Мойсей 2014 – *Антоний Мойсей, Аркадий Мойсей.* Украинцы в этнокультурных стереотипах молдавских летописцев, румынских историков и писателей: образ Ивана Подковы – казацкого предводителя и молдавского князя // *Codrul Cosminului. Anul XX. № 1.* С. 25–48.

Мохов 1957 – *Мохов Н.* Боевое содружество украинских казаков и молдаван в 70–80-х годах XVI в. и деятельность И. Подковы // *Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР. Серия историческая.* 1957. Т. 6. С. 29–41.

Мохов 1961 – *Мохов Н.А.* Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев: Штиница, 1961. 214 с.

Стороженко 1904 – *Стороженко А.* Стефан Баторий и днепровское казачество. Киев, 1904. 327 с.

Тверитинова 1974 – *Тверитинова А.С.* Письмо турецкого султана Мурада III польскому королю Стефану Баторию // *Восточные документы по истории*

- народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Т. 3. С. 295–308.
- Хашдеу 1967 – *Хашдеу Богдан*. Иоан-Водэ чел Кумплит // Опере алесе. Кишинэу: Картя молдовеняскэ, 1967. Вол. II. П. 7–137.
- Яворницький 1990 – *Яворницький Д.І.* Історія запорозьких козаків. Київ: Наукова думка, 1990. Т. 2. 558 с.
- Akta historyczne 1881 – Akta historyczne do panowania Stefana Batorego króla Polskiego. Warszawa, 1881. 325 s.
- Ciobanu 2013 – Tiberiu Ciobanu, Ioan Nicoară Potcoavă, domn al Moldovei (1537–1558). URL: <http://www.agerostuttgart.de/REVISTA-AGERO/ISTORIE/Ioan%20Nicoara%20Potcoava%20de%20Tiberiu%20Ciobanu.htm> (останній перегляд: 20 December 2013).
- Documente privind istoria României (Moldova). Sec. XVI. București, 1953, Vol. III, doc. 514. 425 p.
- Hurmuzaki 1900 – *Eudoxiu Hurmuzaki*. Documente privitoare la Istoria Românilor. București, 1900. XI. P. XXXIV. Note 3.
- Grabowski 1840 – *Grabowski A.* Starożytnosci historyczne Polskie. Kraków, 1840. T. 2. 534 s.
- Kronika 1856 – Polska Marcina Bielskiego, ed. K. J. Turowski. Sanok, 1856. T. 3. S. 1223–1790.
- Listy Annibala 1852 – Listy Annibala z Kapui, arcybiskupa Neapolitańskiego, nuncjusza w Polsce. Warszawa, 1852. 372 s.
- Początki 1877 – Początki panowania w Polsce Stefana Batorego. 1575–1577 // *Źródła dziejowe*. Warszawa, 1877. T. 4. 292 s.
- Sokołowski 1886 – *Sokołowski A.* Kilka słów o tureckiej polityce Stefana Batorego // *Ateneum*. Warszawa, 1886 (R.11). T. 1. Zeszyt 3. S. 515–534.
- Spierski 1967 – *Spierski Zd.* Awantury mołdawskie. Warszawa, 1967. 248 s.
- Sprawy wojenne 1877 – Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Kraków, 1877. 210 s.
- Ureche 2006 – *Ureche G.* Letopisețul Țării Moldovei... De la Dragoș-Vodă până la Aron-Vodă // *Letopisețul Țării Moldovei*. Grigore Ureche. Miron Costin. Ion Neculce / Ed. by T. Celac. Chișinău: Editura Universul, 2006.

REFERENCES

- Vynar, L. (1992) *Knyaz' Dmitro Vishnevets'kiy. Silueti epoch* [Prince Dmitry Vyshnevetsky. Silhouettes of the Epoch]. Drohobych: Vidrozhennya.
- Guagnini, A. (2009) *Khronika Evropeys'koï Sarmatii* [The Chronicle of European Sarmatia]. Kyiv: Kievo-Mogilyans'ka akademiya.
- Golobutsky, V. (1994) *Zaporoz'ke kozatstvo* [Zaporozhian Cossacks]. Kyiv: Vishcha shkola.
- Grushevsky, M.S. (1995) *Istoriya Ukraini-Rusi* [History of Ukraine-Rus]. Vol. 7. Kyiv: Naukova dumka.

- Brik, M.V. (ed.) (1986) *Istoriya L'vova v dokumentakh i materialakh* [History of Lviv in documents and materials]. Kyiv: Naukova dumka.
- Grosul, Ya.S. (ed.) (1965) *Isticheskie svyazi narodov SSSR i Rumynii v XV – nachale XVIII v. Dokumenty i materialy* [Historical links between the peoples of the USSR and Romania in the 15th – early 18th centuries. Documents and materials]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- Lepyavko, S.A. (1999) *Ukrains'ke kozatstvo u mizhnarodnikh vidnosinakh (1561–1591)* [Ukrainian Cossacks in International Relations (1561–1591)]. Chernigiv: Siveryans'ka dumka.
- Moysey, An. & Moysey, Ar. (2014) Ukrainians in ethnocultural stereotypes of medieval Moldavian chroniclers, modern and contemporary Romanian historians and writers: Image of Ivan Pidkova as leader of Cossacks and Moldavian Prince. *Codrul Cosminului*. 20 (1). pp. 25–48 (In Russian).
- Mokhov, N. (1957) Boevoe sodruzhestvo ukrainskikh kazakov i moldavan v 70–80-kh godakh XVI v. i deyatel'nost' I. Podkovy [The fighting commonwealth of Ukrainian Cossacks and Moldovans in the 70–80s of the 16th century and activity of I. Podkiva]. *Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury Moldavskogo filiala AN SSSR. Seriya istoricheskaya*. 6. pp. 29–41.
- Mokhov, N.A. (1961) *Ocherki istorii moldavsko-russko-ukrainskikh svyazey* [Essays on the history of Moldovan-Russian-Ukrainian relations]. Chişinău: Shtinitsa.
- Storozhenko, A. (1904) *Stefan Batoriy i dneprovskoe kazachestvo* [Stephan Bathory and the Dnieper Cossacks]. Kyiv: [s.n.].
- Tveritina, A.S. (1974) Pis'mo turetskogo sultana Murada III pol'skomu korolyu Stefanu Batoriyu [A letter of the Turkish Sultan Murad III to the Polish King Stephan Bathory]. In: Tveritina, A.S. (ed.) *Vostochnye dokumenty po istorii narodov Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy* [Oriental documents on the History of the Peoples of South-Eastern and Central Europe]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 295–308.
- Hasdeu, B.P. (1967) *Opere alese* [Selected Works]. Vol. 2. Chişinău: Cartea Moldoveneasca. pp. 7–137.
- Yavornitskiy, D.I. (1990) *Istoriya zaporoz'kikh kozakiv* [History of Zaporizhia Cossacks]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.
- Poland. (1881) *Akta historyczne do panowania Stefana Batorego króla Polskiego* [Historical records for the reign of Stephan Bathory, king of Poland]. Warsaw: [s.n.].
- Ciobanu, T. & Nicoară, I. (n.d.) *Potcoavă, domn al Moldovei (1537–1558)* [Potcoavă, the Lord of Moldavia (1537–1558)]. [Online] Available from: <http://www.agerostuttgart.de/REVISTA-AGERO/ISTORIE/loan%20Nicoara%20Potcoava%20de%20Tiberiu%20Ciobanu.htm> (Accessed: 20th December 2013).
- Roller, M. (ed.) (1953) *Documente privind istoria României (Moldova)* [Documents on the history of Romania (Moldova)]. Vol. 3. Bucharest: Editura Academiei Republicii Populare Romane.

Hurmuzaki, E. (1900) *Documente privitoare la Istoria Românilor* [Documents on the History of Romanians]. Bucharest: [s.n.].

Grabowski, A. (1840) *Starożytnosci historyczne Polskie*. Vol. 2. Krakow: [s.n.].

Turowski, K.J. (ed.) (1856) *Kronika polska Marcina Bielskiego* [Marcin Bielsky's Polish Chronicle]. Vol. 3. Sanok: [s.n.]. pp. 1223–1790.

Przedziecki, A. (ed.) (1852) *Listy Annibala z Kapui, arcybiskupa Neapolitańskiego, nuncyusza w Polsce*. Warsaw: [s.n.].

Anon. (1877) *Początki panowania w Polsce Stefana Batorego. 1575–1577* [Early reign of Stephan Bathory in Poland. 1575–1577]. In: *Zróżdła dziejów* [Sources of History]. Vol. 4. Warsaw: [s.n.].

Sokołowski, A. (1886) *Kilka słów o tureckiej polityce Stefana Batorego* [A few words about Turkish politics of Stephan Bathory]. *Ateneum*. 1(3). pp. 515–534.

Spierski, Z. (1967) *Awantury mołdawskie* [Moldovan Adventures]. Warsaw: Wiedza Powszechna.

Anon. (1877) *Sprawy wojenne króla Stefana Batorego* [War cases of King Stephan Bathory]. Krakow: [s.n.].

Ureche, G. (2006) *Letopisețul Țării Moldovei... De la Dragoș-Vodă până la Aron-Vodă*. In: Celac, T. (ed.) *Letopisețul Țării Moldovei. Grigore Ureche. Miron Costin. Ion Neculce*. Chișinău: Editura Universul.

Щербак Віталій Алексеевич – доктор історических наук, професор кафедри історії України історико-філософського факультета Київського університету ім. Б. Грінченка (Україна).

Щербак Віталій Олексійович – доктор історичних наук, професор кафедри історії України історико-філософського факультету Київського університету ім. Б. Грінченка (Україна).

Vitalii O. Shcherbak – Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

E-mail: v.shcherbak@kubg.edu.ua

УДК 929.732(439)'1709/1710"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/5

ПИСЬМА ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ ИЗ МУКАЧЕВО ЭЛЬЖБЕТЕ СЕНЯВСКОЙ 1709 И 1710 гг.

Д.М. Элезович

Университет в Приштине

Сербия, 38220, г. Косовска-Митровица, ул. Филипа Вишнича, б/н

E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

Авторское резюме

В основу работы легла переписка Ференца II Ракоци и Эльжбеты Сенявской, которую трансильванский князь вел во время своего пребывания в Мукачево в историческом Закарпатье в период антигабсбургского восстания 1709–1710 гг. Мукачево в период восстания Ференца II Ракоци было одним из ключевых мест венгерского сопротивления власти Габсбургов. В переписке частного характера прослеживаются и важнейшие политические идеи, бытовавшие в Европе в то бурное историческое время. Княгиня Эльжбета Сенявская из рода Любомирских, которая с мужем, каштеляном Кракова, жила в Варшаве и вращалась в кругу доверенных людей королевы, была активной участницей политической жизни Польши. С Ференцем II Ракоци у Эльжбеты Сенявской был бурный любовный роман. Благодаря ей Ракоци установил контакты с влиятельными людьми из политической элиты Польши. Политические события в Польше 1706 г. уверили Сенявскую в том, что создались условия, которые могут принести пользу ее другу, поэтому она посетила его в Мукачево в марте 1707 г. Эльжбета Сенявская попыталась продвинуть кандидатуру Ференца II Ракоци на освободившийся польский престол, что объективно не могло увенчаться успехом. Любовники часто встречались в Мукачево и Варшаве и активно переписывались. Переписка между Ференцем II Ракоци и Эльжбетой Сенявской является источником ценных сведений о том бурном времени, проектах и дипломатической деятельности. Письма представляют собой важный источник информации по истории Закарпатья и всего региона, в особенности по истории международных отношений в Европе начала XVIII в.

Ключевые слова: Ференц II Ракоци, Эльжбета Сенявская, восстание Ракоци, Мукачево, Закарпатье, переписка.

LETTERS OF FRANCIS II RÁKÓCZI FROM MUKACHEVO TO ELŻBIETA SIENIAWSKA IN 1709 AND 1710

D.M. Elezovic

University of Pristina

Filip Visnic Street, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia

E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

Abstract

The paper discusses the correspondence of Francis II Rákóczi with Elżbieta Sieniawska, related to his stay in Mukachevo in historical Trans-Carpathia region (Zakarpattia) during the uprising against the Habsburgs in 1709 and 1710. During the Rákóczi uprising, Mukachevo was a crucial place of the Hungarian resistance to the Habsburg government. The private correspondence sheds light on essential political ideas that were popular in Europe of that troubled time. Princess Elżbieta Sieniawska of the Polish family Lubomirski, was married to the castellan of Krakow, with whom she lived in Warsaw, where she met a lot of people close to the crown and was an active participant in the Polish political life. She had a hectic love affair with Francis II Rákóczi and helped him establish contact with people of weight from the Polish political elite. After political events in Poland in 1706, Sieniawska considered that the circumstances in which her friend Francis II Rakoczi could benefit had occurred, and in March 1707, she visited him in Mukachevo. Sieniawska tried to promote Francis II Rákóczy to the vacant Polish throne, though he hardly had a chance. The lovers used to meet in Mukachevo and Warsaw and intensely corresponded. The correspondence between Francis II Rákóczi and Elżbieta Sieniawska gives us valuable data on the current historical time and diplomatic activities and projects. It is an essential source for the history of Zakarpattia and the entire region, especially for the history of international relations in Europe since the early 18th century.

Keywords: Francis II Rákóczi, Elżbieta Sieniawski, Rákóczi's War of Independence, Mukachevo, Zakarpattia, correspondence.

Переписка между людьми, принадлежавшими к определенным условиям, оказывала значительное влияние на распространение идей и эмоций, связывавших индивидуума с обществом, в котором он находился. Наличие разветвленной сети эпистолярной коммуникации

стала характерной чертой для Европы Нового времени (Camiciotti 2014: 17). Ференц II Ракоци (1676–1735) был венгерским феодалом, а с 1704 г. – и трансильванским князем. Когда Габсбурги в 1701 г. вступили в войну за испанское наследство, опираясь на помощь французского короля Людовика XIV (1643–1715), он поднял восстание против них. Однако заговор был раскрыт, и Ракоци бежал в Польшу. После нового бунта в Венгрии в 1703 г. он вернулся назад и издал манифест, призывая к восстанию всех венгерских и хорватских феодалов.

В детстве Ференц II Ракоци часто проводил свое время в принадлежавшем его семье замке в Мукачево. Там же он жил некоторое время после смерти отца. В 1703 г. город Мукачево и сам замок первыми были очищены от австрийских войск отрядами мятежников-куруцв под командованием Ракоци. Куруцы боролись в конце XVII – начале XVIII в. против власти Габсбургов в Венгрии. В указанный период они участвовали в ряде мятежей, самым важным из которых, безусловно, стало восстание Ференца II Ракоци. В основном они пользовались тактикой герильи. Больше всего в их рядах было венгров, а также значительное число представителей славянского населения. В 1707 г. Государственное собрание в Оноде по соглашению с Людовиком XIV утвердило предложенный Ференцом II Ракоци закон о детронизации Габсбургов с венгерского престола, а венгерские сословия доверили Ференцу II Ракоци управление страной. Из-за отсутствия ожидавшейся французской помощи восстание после поражения в битве при Тренчине в 1708 г. провалилось, и вскоре наступила агония. Наконец, в 1711 г. венгерские феодалы подписали с Габсбургами Сатмарский мир, который сам Ракоци не признавал. Последовали годы скитаний по Польше, Франции, Англии и Турции. Ференц II Ракоци ушел из жизни в эмиграции в Турции (Köpeczi 1977: 5–26; Пал 2004: 155–164).

Цель нашей работы – представить переписку Ференца II Ракоци с Эльжбетой Сенявской, т. е. показать его дипломатическую деятельность, осуществлявшуюся из важнейшего центра восстания, а также место, к которому он был лично привязан с самого детства. Значение этого места подчеркивают еще и такие факты, что в регионе исторического Закарпатья Ракоци имел мощную поддержку, что восстание началось именно здесь и что Мукачево после подписания Сатмарского мирного договора сдалось последним, из-за чего сам город и даже весь регион сильно пострадали. Известно, что в ряды войск Ференца II Ракоци в 1703 г. вступали русины всего региона, а также часть словаков. Важность Мукачево как центра деятельности Ракоци усиливается еще и тем, что в этом городе он встречался с Эльжбетой Сенявской, там развивались их отношения, там они стали участниками политических игр Европы того времени.

Говоря о пространстве, охватывающем наше исследование, мы берем во внимание весь регион, включенный в важнейшие политические события начала XVIII в. В контексте его исторической продолжительности данный регион необходимо рассматривать в более широких географических рамках. Некоторые исследователи считают, что не только Западное и Восточное Подолье, но и территорию между подножьем Восточных Карпат и Пруто-Днестровских земель русские хроники называют галицийским Понизьем. Восстание Ракоци сильно повлияло на жизнь местного славянского населения всего региона, а после него вся Венгрия оказалась под властью Габсбургов (Суляк 2005: 56; Суляк 2013: 9).

Княгиня Эльжбета Сенявская (1670–1729) из польского рода Любомирских, которая с мужем, каштеляном Кракова, жила в Варшаве и вращалась в кругу доверенных людей королевы, была активной участницей политической жизни Польши. Интересен факт, говорящий о влиянии Сенявской: на крещение своей дочери она пригласила Петра I (1682–1725), польского короля Августа II (1697–1704; 1709–1733) и трансильванского князя Ференца II Ракоци. С Ракоци у Эльжбеты Сенявской возник бурный любовный роман. Благодаря ей он установил контакты с значимыми фигурами политической жизни Польши. Ее влиятельный муж предоставил лидерам куруцев убежище в своем имении. За короткое время с начала восстания против Габсбургов войско Ференца II Ракоци заняло почти всю Трансильванию и Верхнюю Венгрию. Ситуация в Польше вынуждала Эльжбету Сенявскую к политическому маневрированию между Августом II и Карлом XII (1697–1718) и их союзниками. Политические события 1706 г. в Польше убедили Эльжбету Сенявскую, что наступили обстоятельства, которые могут принести пользу ее другу, поэтому в марте 1707 г. она приехала к нему в Мукачево. Эльжбета Сенявская попыталась лоббировать кандидатуру Ференца II Ракоци на освобожденный польский престол, но это объективно не могло увенчаться успехом (Köpeczi 2004: 9–17).

В работе рассматриваются письма Ференца II Ракоци к Эльжбете Сенявской из Мукачево в период сложной политической ситуации в последней фазе восстания Ракоци против власти Габсбургов. В первом письме, датированном 8 сентября 1709 г., он пишет, что представил венгерскому палатину свое видение развязки восстания, но ему известно, что тот является «вассалом императора». Ракоци сообщает о том, что поедет из Мукачево в город Патак для завершения дел и для того чтобы они смогли повидаться. Жалуется, что ему сильно мешают бесконечные новости, поступающие со всех сторон. Он просит Сенявскую помочь в продаже его имения в Ярославле, что говорит о его

сложном финансовом положении. Эльжбета Сенявская должна была просить и Александра Меньшикова (1673–1729), советника Петра Великого, чтобы тот помог Ференцу II Ракоци распродать имущество, поскольку «ему нужны наличные деньги». Письмо заканчивается тревожной мыслью о том, что на горизонте назревает мир, который, несомненно, будет для него неблагоприятным (Rákóczi 2004: 80–81).

Второе письмо содержит больше личного. Оно написано в Мукачево 19 мая 1710 г. Ференц II Ракоци пишет госпоже о том, что прошла «целая вечность» с того момента, когда он получал от нее вести. Ему остается лишь утешать себя тем, что причина тому – не банальная забывчивость, а невозможность для нее писать. Сообщает, что как только приехал в Мукачево, сразу же уведомил господина Иоганна Урбиха, русского посла в Вене, о бегстве и измене палатина города Кийов, стараясь устранить недоверие русской стороны. Ракоци специально приехал в Мукачево на несколько дней, чтобы поделиться с возлюбленной новостью: первого июня он выезжает, чтобы наблюдать за прохождением различных отрядов войск, собранных к тому моменту. Он сомневается, что скоро снова появится в Мукачево, поэтому будет «лишен удовольствия» принять ее ответ. Ракоци просит не забывать его и уверяет, что чувства, которые он смиренно питает к ней, крепки, а их отношения представляют собой «идеальную дружбу» (Rákóczi 2004: 84–85).

28 мая в Мукачево Ференц II Ракоци снова пишет Эльжбете Сенявской письмо, из которого ясно, что за прошедший период он получил сразу несколько ее писем, доставивших ему особую радость. Это были долгожданные письма утешения, полученные после «вековой тишины». Он уверяет, что ни в чем перед ней не согрешил и питает твердую надежду на непоколебимую стойкость их дружбы. Кроме этого, Ракоци сообщает Сенявской, что венгерский палатин подстрекает против него врагов, однако он надеется, что этим козням скоро придет конец, а правда о нем откроется. Из писем видно, что он уже писал русскому двору и отправил определенные документы, дабы получить поддержку той стороны. Ференц II Ракоци сетует на то, что его обвиняют в дружбе со шведами из-за помощи, оказанной при прохождении шведского короля. В упомянутом обеспечении прохождения шведов участвовали и сербы, о чем Ракоци также упоминает в письме (Rákóczi 2004: 86–87). Восстание Ференца II Ракоци отразилось впоследствии и на сербском народе. Откликнувшись на его призыв, сербы из Срема и Бачки сначала согласились присоединиться к мятежу, однако потом перешли на сторону Габсбургов. Венский двор предоставил сербам привилегии, чем обеспечил поддержку со стороны духовенства, несмотря на то, что светские лидеры были готовы сражаться на стороне

Ракоци. Под давлением, которое постоянно оказывали венгерские магнаты на сербов, последние в итоге перешли на сторону Габсбургов, сильно пострадав в этой борьбе (Форишковић 1986: 78–85).

Вторая часть письма Ференца II Ракоци повествует о том, что русские отошли от границ Венгрии, что является очень плохим знаком. У него не было дополнительных войск, которые бы охраняли границы, прилегающие к Молдавии, и обеспечивали прохождение шведскому королю Карлу XII. Он просит Сенявскую передать палатину, чтобы он в связи с этим принял меры, поскольку лучше всех понимал интересы Польши в подобных обстоятельствах. Ракоци разочарован политикой польского правителя. Единственное, что его утешает, – это любовь к Эльжбете Сенявской, на которую та отвечала взаимностью. Он сообщает (в зашифрованном виде), что получил от нее «подарки», которые его очень обрадовали, и посылку от своего человека из Голландии (Rákóczi 2004: 87–88).

Следующее письмо из Мукачево Ференц II Ракоци отправил княгине спустя полгода – 17 ноября. Очевидно, сложность политической ситуации вызвала невозможность чаще бывать в центре, где у него был надежный тыл. Ракоци пишет, что ей должно быть все ясно из письма, полученного от генерала Миклоша Берчени (1665–1725), и что он ждал ее ответа на письмо, отправленное им ранее. Рассказывает, что ему хорошо в Мукачево, и убеждает, что она может быть уверена в его чувствах. Жалуеться, что оказался в очень сложной ситуации. Его особенно огорчил отъезд в Польшу генерала Берчени, одного из предводителей восстания, в связи с чем он решил обойти участников восстания и их приободрить (Rákóczi 2004: 97).

Следующее письмо к Сенявской от 20 ноября того же года свидетельствует об ухудшении ситуации и положения Ракоци, становившегося все более отчаянным. Он говорит о своей любви к ней и о переживаниях из-за ее болезни, причиняющей ему «двойное страдание». Пишет, что ничего не изменилось после отъезда Берчени, для которого не было иных причин, кроме его болезни. Просит Сенявскую поручиться за него и постараться обеспечить благосклонность короля Августа, чтобы тот предоставил убежище венграм в Польше. Если этого не произойдет, то они будут просить о помощи в другом месте – у турок и шведов. Письмо изобилует параноидальными заявлениями, тревогой за судьбу восставших и мыслями о том, что близится день, когда он будет виноват в переломе этого эпизода истории (Rákóczi 2004: 98–99).

Спустя восемь дней полный тревог Ференц II Ракоци снова обращается к Эльжбете Сенявской, надеясь, что его письмо она не получила из-за страха чумы и, собственно, потому и не отвечает. Вернувшись

в Мукачево, он сразу же хотел сообщить плохие новости: в Словакию на его эскорт напали и сорвали поставку в Мукачево трехсот бочек вина. В этой стычке он потерял 50 человек. Жалуется на палатина Эстерхази. Были и хорошие новости, которыми он спешил поделиться, поэтому задержал курьера. В тот момент Ракоци доставляют десятое письмо, в котором Эльжбета Сенявская сообщает, что скоро отправится в путь. Узнав о подобных планах, он просит ее задержаться еще на несколько дней в том месте, где она находится, и дожждаться выехавшего туда генерала Берчени для встречи с ним. Также он надеется, что муж Сенявской, если хоть немного ценит его, разрешит ей остаться еще на пару дней, поскольку от этого зависит «судьба страны» (Rákóczi 2004: 100–101).

Письмо от 4 декабря вновь начинается признаниями в любви и воспоминанием о том, что она писала ему нечто подобное 30 ноября. В который раз Ференц II Ракоци пытается сбросить свои надежды и с помощью Эльжбеты Сенявской обеспечить союз со шведами или турками. Он пишет, что хочет продать свои владения в Ярославле по цене, которую он сам заплатил, – 30 000 талеров. Из письма видно, что Ракоци в еще более отчаянном положении. Он просит Сенявскую купить эти владения, кроме того, у него были определенные обязательства перед Берчени. Пишет, что поедет из Мукачево в Трансильванию для осмотра своих войск, и что в Молдавии и в окрестностях Тимишоары под турками находятся несколько сотен дворян, живущих, вопреки немецкому давлению, нормально (Rákóczi 2004: 102–104).

Следующее письмо из Мукачево датировано 22 декабря. Оно повествует об удручающей ситуации, в которой находится Ференц II Ракоци. Завершив осмотр войска, он вернулся в Мукачево два дня назад, где застал местное население в плачевном состоянии. Падение Прешова далось ему особенно тяжело: он не знал, была это измена буржуазии или слабость командования города. Он как раз получил письмо от княгини, которое его слегка утешило (в нем говорилось о том, что результаты русско-турецкой войны неизвестны). В своем письме Ракоци обещает, что выполнит задание, касающееся госпожи Оршойи Эстерхази, жены венгерского палатина Пала I Эстерхази (1635–1713), и упоминает, что уже дважды видел ее на обеде. Остается неясным, что конкретно он должен был предпринять, но, видимо, он должен был заполучить благосклонность той особы к Польше. Ожидал он и поддержки супруга Эльжбеты – Адама Сенявского (Rákóczi 2004: 107–108).

Очевидно, что по мере приближения восстания к развязке Ференц II Ракоци все чаще писал Эльжете Сенявской. Она стала для него

последней надеждой. Во втором письме от 22 декабря Ракоци упрекает ее, что она давно ему не писала, и не знает, получила ли она его письма, отправленные ранее. Хочет послать к ней своего секретаря с бочками вина в подарок. Между строк читается, что он ждет от нее определенных сведений из лагеря Габсбургов, поскольку информации, полученной ранее, явно недостаточно (Rákóczi 2004: 109).

В последнем письме, написанном Ференцем II Ракоци Эльжбете Сенявской из Мукачево 28 декабря, он сообщает, что получил от Берчени срочное послание, в котором тот упоминает разговор, состоявшийся с русским послом в Польше Василием Лукичом Долгоруковым (1672–1739). Он очень сожалеет, что у него не было возможности лично пообщаться с русским дипломатом в присутствии Сенявской. Повторно просит поручиться за него и организовать встречу с русским представителем. Не теряя надежды, он шлет послание из Мукачево – «я твой навсегда» (Rákóczi 2004: 110).

Переписка между Ференцем II Ракоци и Эльжбетой Сенявской 1709–1710 гг. велась во время самой тяжелой фазы восстания. Она показывает дезориентацию венгерского магната в новостях, получаемых им со всех сторон, которые он затем передавал княгине. Свои несбыточные надежды он лечил чувствами, на которые Сенявская отвечала взаимностью. Однако восстание провалилось, а зная, бывшая когда-то его опорой, перешла на сторону Габсбургов, подписав с ними в 1711 г. мирное соглашение в Сатмаре. Все имущество Ференца II Ракоци перешло в руки Габсбургов. Замок в Мукачево был среди последних, сложивших оружие перед австрийской армией, из-за чего город сильно пострадал. В последующие годы Ракоци много путешествовал по европейским странам, напрасно пытаясь найти опору для нового восстания. Он скончался в эмиграции в Турции.

Переписка Ференца II Ракоци с Эльжбетой Сенявской из Мукачево интересна тем, что повествует о важнейших политических событиях, а также дает представление о личных взаимоотношениях двух друзей. Они активно контактировали, посещая друг друга в Мукачево и Варшаве, и интенсивно переписывались. Это было время, когда территория исторического Закарпатья стала центром европейской политической сцены. Здесь начались и завершились борьба и политические интриги восстания Ференца II Ракоци. Переписка показывает, что Мукачево было центром активных действий, здесь рождались идеи, решавшие судьбу восстания. Корреспонденция содержит ценные сведения о том бурном времени, дипломатической деятельности и проектах. Этот источник информации имеет большое значение для истории Закарпатья и всего региона, в особенности для истории международных отношений в Европе начала XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Пал 2004 – Пал Т. Дипломатска активност Ференца Ракоција II // Истраживања. 2004. № 15. С. 155–169.

Суляк 2005 – Суляк С.Г. Русини: страници историји // Русин. 2005. № 1 (1). С. 49–60.

Суляк 2013 – Суляк С.Г. Православие в Карпато-Днестровских землях (К 200-летию основания Кишиневской епархии и 100-летию Второго Мармарош-Сиготского процесса) // Русин. 2013. № 4 (34). С. 8–15. DOI: 10.17223/18572685/34/1

Форишковић 1986 – Форишковић А. Срби у Хабзбуршкој Монархији и покрет Франје (Ференца) II Ракоција (1703–1711). Историја српског народа. књ. 4, св. 1. Београд: Српска књижевна задруга. С. 78–85.

Camiciotti 2014 – Camiciotti G.L. Letters and Letter Writing in Early Modern Culture: An Introduction // Journal of Early Modern Studies. 2014. № 3. P. 17–35. DOI: 10.13128/JEMS-2279-7149-14163

Köpeczi 1977 – Köpeczi B. François Rákóczi, L'autobiographie d'un prince rebelle / confession et memoires de François Rákóczi; choix de textes preface et commentaires par Béla Köpeczi. Budapest: Corvina, 1977. P. 5–43.

Köpeczi 2004 – Köpeczi B. Introduction, Correspondance de François II Rákóczi et de la Palatine Elżbieta Sieniawska: 1704–1727 / publiée avec collaboration de Gábor Tüskés; par Ilona Kovács et Béla Köpeczi. Budapest: Balassi, 2004. P. 9–17.

Rákóczi 2004 – Rákóczi F. Correspondance de François II Rákóczi et de la Palatine Elżbieta Sieniawska: 1704–1727 / publiée avec collaboration de Gábor Tüskés; par Ilona Kovács et Béla Köpeczi. Budapest: Balassi, 2004. 187 p.

REFERENCES

Pal, T. (2004) Diplomatic activity Ferentsa Rakotsija II [Diplomatic activity of Francis II Rákóczi]. *Istrazhivanja*. 15. pp. 155–169.

Sulyak, S.S. (2005) Rusiny: stranitsy istorii [Rusins: pages of history]. *Rusin*. 1 (1). pp. 49–60 (In Russian).

Sulyak, S.S. (2013) To the 200th Anniversary of the Kishinev Diocese and the 100th Anniversary of the Second Marmarosh-Sighet Trial. *Rusin*. 4 (34). pp. 8–15 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/34/1

Forishkovich, A. (1986) Srbi u Habzburshkoj Monarhiji i pokret Franje (Ferentsa) II Rakotsiya (1703–1711) [Serbs in the Habsburg Monarchy and the movement François Rákóczi (1703–1711)]. *Istoriya srpskog naroda*. 4 (1). pp. 78–85.

Camiciotti, G.L. (2014) Letters and Letter Writing in Early Modern Culture: An Introduction. *Journal of Early Modern Studies*. 3. pp. 17–35. DOI: 10.13128/JEMS-2279-7149-14163

Köpeczi, B. (1977) *François Rákóczi, L'autobiographie d'un prince rebelle / confession et memoires de François Rákóczi; choix de textes preface et commentaires par Béla Köpeczi* [The autobiography of a rebel prince, confession and memoirs of François Rákóczi]. Budapest: Corvina. pp. 5–43.

Köpeczi, B. (2004) Introduction [Introduction]. In: Rákóczi, F. *Correspondance de François II Rákóczi et de la Palatine Elżbieta Sieniawska: 1704–1727* [Introduction, Correspondence of Francis II Rákóczi and Palatine Elżbieta Sieniawska: 1704–1727]. Budapest: Balassi. pp. 9–17.

Rákóczi, F. (2004) *Correspondance de François II Rákóczi et de la Palatine Elżbieta Sieniawska: 1704–1727* [Correspondence of Francis II Rákóczi and Palatine Elżbieta Sieniawska: 1704–1727]. Budapest: Balassi.

Элезович Далибор Милорадович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Университета в Приштине (Сербия).

Dalibor M. Elezovic – University of Pristina (Serbia).

E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

УДК 811.930.9(947. 25)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/6

ВКЛАД ДМИТРИЯ БАНТЫШ-КАМЕНСКОГО В РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИСТИКИ (ПО ОЦЕНКАМ СОВРЕМЕННОКОВ)

М.Г. Палиенко¹, И.В. Срибняк²

¹Киевский национальный университет им. Т. Шевченко
Украина, 01601, г. Киев, ул. Владимирская, 60
E-mail: mpalienenko@gmail.com

²Киевский университет им. Б. Гринченко
Украина, 04212, г. Киев, ул. Тимошенко, 13-Б
E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

Авторское резюме

Проведен краткий анализ биографических произведений Д. Н. Бантыш-Каменского через призму их оценок современниками. Составленные Бантыш-Каменским очерки жизни видных деятелей российской истории стали важной частью научного наследия ученого, снискав их автору широкую известность. Они явились одними из первых тематических биографических сборников, при составлении которых был использован значительный и многообразный фактический материал, собранный и впервые введенный автором в научный оборот. Доступность, четкость и достоверность повествования, живой литературный язык, достаточно крупный для своего времени тираж – все это способствовало ознакомлению широкого круга читателей с жизнью и деятельностью российских полководцев, министров, дипломатов, писателей. Биографические очерки Д.Н. Бантыш-Каменского представляли собой оригинальные произведения, которые в значительной степени способствовали росту общественного интереса к изучению истории.

Ключевые слова: история, биография, историческая биографистика, сборник, Дмитрий Бантыш-Каменский.

DMITRI BANTYSH-KAMENSKY'S IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF HISTORICAL BIOGRAPHICAL STUDIES (ACCORDING TO CONTEMPORARY ESTIMATES)

M.G. Paliienko¹, I.V. Sribnyak²

¹Taras Shevchenko National University of Kyiv
60 Volodymyrska Street, Kyiv, 6001601, Ukraine
E-mail: mpaliienko@gmail.com

²Borys Grinchenko Kyiv University
13-B Tymoshenko Street, Kyiv, 04212, Ukraine
E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

Abstract

The article provides a brief analysis of biographical works by Dmitri Bantysh-Kamensky, based on contemporary estimates. Bantysh-Kamensky's biographical analytical reviews and collections of stories about famous Russian historians constitute an important part of his academic heritage, which gained him wide fame. In fact, these works were one of the first Russian topic-based biographical collections of stories, based on rich and various factual materials, collected and introduced by the researcher into the academic circulation. Written in a clear, comprehensible and faithful manner, in a living literary language, the works by Bantysh-Kamensky had a large circulation, which made them very popular with non-specialist audience, who wanted to learn more about life and activity of famous Russian commanders, ministers, diplomats, and writers. D. Bantysh-Kamensky's biographical sketches were original works that considerably promoted public interest in history studies.

Keywords: history, biography, historical biography studies, collection of stories, Dmitri Bantysh-Kamensky.

К исследованию профессиональной деятельности Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского обращался целый ряд украинских историков, однако его многолетний подвижнический труд по развитию исторической биографистики не нашел в их публикациях сколько-либо системного изложения и оценки. Причиной стало то, что все они сосредоточивали свои усилия преимущественно на рас-

крытии вклада Д. Бантыш-Каменского в украинскую историографию, оставляя в тени его заслуги в деле развития российской исторической науки (Кравченко 1992: 65–67; Ясь 2006: 343–361; Атаманенко 2008: 159–174; Ясь 2009: 160–194).

В свою очередь российские историки в своих статьях ограничивались или коротким перечислением общеизвестных фактов биографии Д. Бантыш-Каменского с указанием названий некоторых его опубликованных произведений (Голик 2006: 129), или же излишне кратко (в рамках двух абзацев) останавливались на обстоятельствах написания ним «Истории Малой России» (Дудка 2012: 105–106). Следует отметить, что подобный лаконизм никоим образом не способствовал созданию целостной и всесторонней картины жизни и деятельности Д. Бантыш-Каменского.

Между тем составленные Бантыш-Каменским биографические очерки о видных представителях высшей российской бюрократии стали одной из важных частей его научного наследия. В этом ряду следует отметить три основные его работы («Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого», «Словарь достопамятных людей русской земли», «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов»), снискавшие их автору всероссийскую известность.

К моменту написания первого крупного историко-литературного исследования Бантыш-Каменский уже имел определенный литературный опыт, опубликовав шесть небольших своих произведений, по большей части историко-биографических (Палиенко, Срибняк 2018: 224–227, 233). И хотя они не представляли собой особого интереса в историческом плане, следует отметить то обстоятельство, что они вышли из-под пера начинающего историка и литератора (в 1813 г. Д. Бантыш-Каменскому исполнилось только лишь 25 лет), не получившего специального образования. Вместе с тем путевые заметки Бантыш-Каменского «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» уже свидетельствовали о литературных дарованиях их автора (Бантыш-Каменский 1810).

Как это ни парадоксально, в таком юном возрасте Д. Бантыш-Каменский был достаточно подготовлен для написания объемных исторических трудов. Он уже выработал у себя необходимые для каждого серьезного историка качества и умения: тщательный отбор и анализ исторических документов, добросовестность и правдивость в изложении их содержания. Особенный интерес Бантыш-Каменский проявлял к составлению жизнеописаний целого ряда представителей российского правящего класса еще недалекой от него эпохи. Их биографии являли для него историю, дух времени, а также

пример служения державе. Закономерен и выбор персонажей – виднейших представителей эпохи преобразования Московского царства в российский имперский организм.

Следует отметить, что тогдашние российские историографы рассматривали реформы Петра I и саму личность российского самодержца с диаметрально противоположенных позиций. Одни (Б.И. Куракин, П.П. Шафиров, Н.М. Карамзин) высоко оценивали их последствия для становления Российской империи, другие (М.М. Щербатов), напротив, видели в Петре губителя России, приведшего к гибели ее национальной самобытности, к «повреждению нравов»; они прославляли «золотой век» допетровской Руси и видели спасение в самобытном пути ее развития. Таким образом, фигура Петра I и его сподвижников постоянно находилась в центре внимания российской исторической науки, и поэтому видится закономерным то обстоятельство, что первый исторический труд Д. Бантыш-Каменского был посвящен изучению этой эпохи.

«Деяния...» представляют собою достаточно объемное произведение в двух томах. Всего в нем приведены биографии 22 сподвижников Петра I с их портретами. В первый том вошли биографии адмирала Ф.Я. Лефорта, генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, князя Ф.М. Ромодановского, генерал-адмирала графа Ф.М. Апраксина, генералиссимуса князя А.Д. Меншикова, канцлера графа Г.И. Головкина, генерал-фельдмаршала князя А.И. Репнина, генерал-адмирала князя М.М. Голицына, генерал-фельдмаршала сенатора Я.В. Брюса (Бантыш-Каменский 1812 – 1813а). Второй том составили биографии сенатора князя Я.Ф. Долгорукова, князя Б.И. Куракина, генерал-фельдмаршала князя В.В. Долгорукова, сенатора графа П.А. Толстого, сенатора барона П. П. Шафирова, генерал-прокурора Сената графа П.П. Ягужинского, генерал-аншефа И.И. Бутурлина, вице-канцлера графа А.И. Остермана, генерал-аншефа, сенатора графа А.И. Румянцева, генерал-аншефа, сенатора графа Г.П. Чернышова, князя Д.К. Кантемира, графа А.И. Ушакова (Бантыш-Каменский 1812 – 1813б).

Приступая к созданию «Деяний...», Д. Бантыш-Каменский определил свою задачу следующим образом: «...цель моя, при издании в свет сего сочинения, состоит том, чтоб быть полезным соотечественникам». В предисловии он излагает цель написания книги, основные критерии отбора лиц и материала, приводит использованные им источники – архивные дела, рукописи и книги, хранившиеся в московском архиве Коллегии иностранных дел. Среди них документы дипломатических сношений России с разными государствами, жалованные грамоты, материалы Верховного тайного совета, эпистолярные записки историографа Г.Ф. Миллера, Х.Г. Манштейна, Г. Беркгольца и др. (Бантыш-

Каменский 1812–1813а: X–XI, XVI). Только исходя из этого краткого перечня, можно сделать вывод, что Д. Бантыш-Каменский при написании биографий использовал все многообразие опубликованных ранее или найденных им источников. За исключением трех, указанных автором, все остальные биографии являются оригинальными произведениями Бантыш-Каменского, основанными на творческой переработке значительного количества материалов.

Предложенные Д. Бантыш-Каменским читателю биографии по своей структуре значительно отличаются от привычных нам, современным ученым, лаконичных энциклопедических справок или литературно-публицистических очерков. Для них характерен витиеватый, образный стиль начала XIX в., во многом они перегружены незначительными деталями. Однако следует учитывать, что они являлись не только первым литературным опытом Бантыш-Каменского в большой литературе, но и первым тематическим биографическим сборником россиян. В то время только начинали вырабатываться компоненты, составляющие основу биографического очерка. Начиная биограф Д. Бантыш-Каменский эмпирическим путем, методом проб и ошибок составлял свои первые жизнеописания для задуманной книги.

Первый опыт оказался успешным во многом благодаря тому, что автор сумел достаточно полно представить картину правления Петра I, передав ее яркими историческими красками, используя для ее раскрытия узнаваемые образы сподвижников российского самодержца, которые своей деятельностью способствовали становлению Российской империи. Все без исключения биографии насыщены фактическим материалом, не вступающим в противоречие с ходом исторического развития. Автор с видимой симпатией повествует о достижениях своих героев на государственном и ратном поприще. При этом Д. Бантыш-Каменский одобряет реформы Петра I, положительно отзываясь об их результатах.

Без всякого сомнения, труд Д. Бантыш-Каменского оставил заметный след в российской историографии. Он был полезен и актуален для своего времени как с научной, так и с общеобразовательной точек зрения. Это был первый опыт написания биографий государственных лиц, внесших весомый вклад в российскую историю. Причем эти биографии – также впервые – были включены в тематический сборник, где их объединяли одна эпоха, одни цели, схожие судьбы. Перед читателем впервые предстала галерея министров и полководцев Петра I. Их портреты были написаны талантливо, живым современным языком. И именно литературная форма произведения давала возможность широкому кругу читателей познакомиться с

основными фигурантами событий XVIII в., ощутить дух петровских преобразований.

Самым представительным по своему объему стал «Словарь достопамятных людей русской земли», над которым Д. Бантыш-Каменский работал около 20 лет. Первые пять его томов вышли в 1836 г., а в 1847 г. были изданы три дополнительных тома. Всего в восьми томах помещен 631 биографический очерк. Д. Бантыш-Каменский проделал огромную работу по собиранию, отбору и переработке материала для биографий. При этом следует учесть тогдашнее состояние хранения архивных документов, очень малое количество опубликованных источников, а также тот факт, что библиографической службы и каталогов тогда не существовало вовсе.

Вследствие этого отбор был осуществлен довольно бессистемно. В биографические очерки вошел весь собранный автором материал, вне зависимости от его важности и целесообразности. Кроме того, Д. Бантыш-Каменский не определил с самого начала структуру своей работы, поэтому построение книги приобрело известную бессистемность. Биографии расположены в алфавитном порядке, но и он фактически был нарушен выходом трех дополнительных томов. «Словарь...» не имеет и энциклопедического характера, рамки отдельных статей не ограничиваются определенными принципами построения, одни биографии занимают несколько страниц, другие – несколько десятков. Рядом с действительно выдающимися личностями соседствуют малозначительные.

Однако в целом «Словарь...» являет собой биографическую летопись российской истории, охватывающую обширные временные рамки – от периода Древней Руси до первой половины XIX в. Важным представляется и то, что каждая статья «Словаря...» была снабжена сноской на источник информации, что дает возможность составить их примерный перечень. Кроме репрезентативного списка историко-биографических книг, Д. Бантыш-Каменский также использовал многочисленные родовые архивы, генеалогии, устные рассказы и предания, дипломатическую переписку, журнальные статьи, неопубликованные воспоминания, автобиографии.

В отличие от «Деяний...» «Словарь...» привлек пристальное внимание прессы, т. к. Бантыш-Каменский к тому времени стал уже действительно заметной фигурой на историческом и литературном небосклоне. Оценки, данные авторами отзывов, разнились диаметрально – от безусловного признания до беспощадной критики, отрицания значимости и полезности «Словаря...». К числу наиболее негативных отзывов следует отнести критическую статью на «Словарь...», опубликованную в журнале «Отечественные запи-

ски» (СДЛРЗ 1847: 95–100), издававшемся в Петербурге А. Краевским.

Критик, апеллируя к Плутарху как к безусловному авторитету в сфере биографистики, пытался уверить читателя в том, что Бантыш-Каменский никоим образом ему не соответствовал. Далее в рецензии справедливо обращается внимание на бессистемность в составлении книги, и высказывается предположение, что в случае избрания какой-либо одной категории «достопамятных людей» (духовных лиц, литераторов, воителей) книга Д. Бантыш-Каменского только бы выиграла, получив «сомкнутый круг» своих героев (СДЛРЗ 1847: 96–97). Однако критик забывал одно важное обстоятельство – то, что Д. Бантыш-Каменский преследовал более сложную цель: создание энциклопедического словаря выдающихся личностей России. Можно согласиться с тем, что осуществить это полностью автору не удалось, но сама идея была достаточно интересна и полезна.

На страницах журнала критик поставил абсолютно резонный вопрос: а каким, собственно, должно быть «мерило, которым бы определялись достопамятные люди» (СДЛРЗ 1847: 97)? Но, ставя под сомнение выбор Д. Бантыш-Каменским некоторых персон для «Словаря...», его оппонент не пытался в то же время выдвинуть свои критерии отбора. Визави Бантыш-Каменского отрицал, к примеру, правомерность включения в «Словарь...» биографий И. Басманова, И.И. Мелиссино и некоторых других, с чем можно было согласиться. Упомянутых личностей нельзя назвать выдающимися, однако они тоже оставили свой след в истории, а их имена упоминаются в исторических хрониках. Так, в частности, И. Басманов во времена правления Бориса Годунова был пожалован титулом окольничего, участвовал в подавлении известного восстания Хлопка (Косолапа); И. Мелиссимо при Екатерине II занимал должности директора Московского университета и обер-прокурора Синода.

Недоброжелательность и даже враждебность по отношению к Д. Бантыш-Каменскому и его «Словарю...» настолько застлала глаза рецензенту, что позволила последнему обвинить его в плагиаторстве на том основании, что якобы Бантыш-Каменский «сам составляет свои биографии из готовых чужих трудов. Например, все знаменитые и известные лица нашей отечественной войны, вошедшие в его “Словарь” – Барклай-де-Толли, Витгенштейн, Кутузов, Ланжерон, Дибич, Капцевич – описаны почти словами историков славной войны нашей, г[оспод] Михайловского-Данилевского и Бутурлина. Таким образом легко составлять толстые книги!» (СДЛРЗ 1847: 97). Но правомерность подобного обвинения может быть поставлена под сомнение при обращении к первоисточнику. Выше уже указывалось,

что биографические очерки имели подробные указатели источников информации со сносками на страницы. Приведенный обширный документальный материал, выписки из полусотни исторических трудов и т. д. свидетельствуют о самостоятельной работе Д. Бантыш-Каменского с материалами.

В противоположность рецензенту из «Отечественных записок» известный критик М.П. Погодин на страницах журнала «Москвитянин» дал положительную оценку «Словарю достопамятных людей», назвав Бантыш-Каменского одним из «достоинейших исторических писателей наших, украшающих литературу своими сочинениями». И продолжал далее: «Исчислим главное, чтоб устыдить незваных рецензентов "Современника" и "Отечественных записок", которые старались закидать его своей грязью, и вместе с тем, чтоб предупредить читателей в пользу последнего сочинения...». Более того, по оценкам М.П. Погодина, каждое из произведений Д. Бантыш-Каменского «имеет свои неоспоримые достоинства и заключает драгоценные припасы для истории» (Погодин 1848: 53–54).

Положительной рецензией на «Словарь...» откликнулся и петербургский журнал «словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод» «Библиотека для чтения», который отнес Д. Бантыш-Каменского «к числу тех немногих трудолюбивых писателей, которые предпочли легким занятиям словесностью неблестящие и тяжелые труды собирателя и исследователя. Отечественная история – страсть его, и он ей посвящает все досуги между службою отечеству» (Словарь достопамятных людей 1837: 60).

Автор рецензии в упомянутом журнале назвал «Словарь...» ярким явлением на литературном небосклоне и высоко оценил работу Д. Бантыш-Каменского, причислив ее к «самым утешительным событиям нашей литературы». Отмечая заслуги автора по собиранию и обработке многочисленных источников для ее написания, рецензент отметил при этом и недостатки «Словаря...», в частности, указал на «пропуск имен весьма достопамятных, например Адашева, Суворова, Шелихова, Платона митрополита» (все упомянутые тут персоны впоследствии вошли в дополнительные тома «Словаря...»). Он также обратил внимание на отсутствие в книге «духа строгой критики», нецелесообразность обширных заимствований «из Карамзина» в силу устарелости литературных суждений последнего, излишнюю детализацию некоторых сюжетов.

Однако главным во всем этом оставался ответ на вопрос: прибавляет ли книга что-нибудь новое к прежде известному? По мысли рецензента, «здесь, по крайней мере, половина всего нового». Уже поэтому «книга г[осподина] Каменского останется настольной книгой

любителя и исследователя русской истории, особенно истории от времен Петра Великого. Тут есть материалы редкие и превосходные...». Всем же недоброжелателям Бантыш-Каменского рецензент рекомендовал следующее: «...обрабатывайте, дополняйте, совершенствуйте и почитите заслугу автора» (Словарь достопамятных людей 1837: 61–62).

Общеобразовательное и воспитательное значение «Словаря...» отметил М.И. Семевский в редактировавшемся им журнале «Русская старина»: «С чувством особой личной благодарности вспоминает пишущий эти строки Д.Н. Бантыш-Каменского: его "Словарь" был одним из первых по времени историко-биографических сочинений, которое с живейшим интересом еще на школьной скамье было нами прочитано и привязало нас к русско-исторической литературе» (Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский 1888: 516).

Редактором журнала также было опубликовано письмо Д. Бантыш-Каменского цензору его «Словаря...» (этот документ был передан ему дочерью Дмитрия Николаевича Анною), которое имело непосредственное отношение к изданию книги. Оно представляло собой своеобразные тезисы, опровергавшие замечания цензора, проливая свет на взаимоотношения автора с официальной цензурой (Д.Н. Бантыш-Каменский 1888: 525–526). Ознакомление с его содержанием позволит утверждать, что Бантыш-Каменский последовательно отстаивал историческую правду, объективно оценивал поступки видных государственных деятелей, не боялся с теплотой и симпатией высказаться о «вольномудстве» А.Н. Радищева: «Он был нрава прямого и пылкого, умел сносить горести с[о] стоической твердостью, никогда не изгибался, не знал лести и был в дружбе непоколебим» (Бантыш-Каменский 1836: 263).

«Словарь...» Д. Бантыш-Каменского удостоился упоминания в одном из наиболее авторитетных энциклопедических изданий России – и прежде всего благодаря тому, что он основывался «на множестве архивных источников, фамильных документов и изустных сообщениях» (Брокгауз, Ефрон 1891: 12). По мнению большинства современников, он представлял собой значительное явление в развитии исторической науки. «Это была в свое время незаменимая книга для ознакомления преимущественно с новым периодом русской истории, почти не существовавшим в систематической обработке», – отмечал автор фундаментального издания «Опыт русской историографии», декан историко-филологического факультета Императорского университета св. Владимира профессор В.С. Иконников (Иконников 1891: 93).

К заключительному периоду научного творчества Д.Н. Бантыш-Каменского принадлежит пятитомник «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов». Он представляет собой

свод биографий виднейших военных и государственных деятелей, расположенных в порядке правления российских самодержцев, начиная с Петра I, который ввел в русской армии упомянутые в названии воинские звания. В предисловии автор кратко освещает основные факты, связанные с введением в России этих званий. По подсчетам Бантыш-Каменского, в русской истории было 3 генералиссимуса и 48 генерал-фельдмаршалов, причем некоторые из них получили свои жезлы не за проведение военных операций и блистательные победы на поле брани, а за долговременную военную и гражданскую службу (Бантыш-Каменский 1840: IV).

Д. Н. Бантыш-Каменский справедливо отмечал, что звание генерал-фельдмаршала давалось не только за заслуги, но и в силу знатности происхождения. Часто большую роль играли личные пристрастия императриц, благодаря чему жезлы получали, как выразился автор, «любимцы счастья» – Я. Сапега в царствование Екатерины I, Разумовские при Елизавете I, Шуваловы в царствование Петра III и Екатерины II. «Из них Разумовский (граф Кирилл Григорьевич) деятельно служил Отечеству на гражданском поприще, Шувалов (граф Петр Иванович) оказал услуги на военном, по артиллерийской части, но они и братья их не находились ни в одном сражении, а крамольный Сапега до получения фельдмаршальского жезла, гоняясь за почестями, содействовал Карлу XII в опустошении своей родины» (Бантыш-Каменский 1840: IV).

Эта книга была хорошо принята современниками, на нее появились положительные отклики в печати. В журнале «Библиотека для чтения» за 1841 г. на «аннотирование» нового издания было отведено несколько десятков страниц (Биографии российских генералиссимусов 1841: 1–48). К сожалению, в статье не был дан критический анализ приведенных биографий, а лишь совершен экскурс «читателей в эту портретную галерею русских полководцев, в эту *Валгаллу* витязей, проливавших кровь за землю, на которой вы живете» (Биографии российских генералиссимусов 1841: 2).

Свой отзыв на это издание оставил и редактор журнала «Маяк современного просвещения и образованности» П. Корсаков, который прежде всего отметил ценность биографических книг: «Биографии людей государственных суть драгоценный материал для современной истории», выделяя произведения Д. Бантыш-Каменского «как по важности самого предмета и добросовестности труда, так равно и по верности указания источников, на которых автор основывает свои факты; многие из них без г[осподина] Бантыш-Каменского остались бы и теперь в неизвестности». П. Корсаков настаивал, что «отличительное достоинство книги – положительность, верность и ясность

изложения. Тут чистая история, без пристрастия и прикрас», и она «по духу и направлению своему достойна украшать все отечественные библиотеки, и никогда не могла выйти более кстати, как в наше время, когда жажда исторических сведений сделалась прототипом народных требований в литературе» (Корсаков 1841: 114).

Рецензент одобрительно отозвался об авторском стиле изложения, отметил то обстоятельство, что Д. Бантыш-Каменский предпринял попытку объективно, не опускаясь до восхваления, осветить основные моменты жизни своих героев. «Многие из описываемых автором лиц сделались уже достоянием истории, другие живы еще, но тем не менее стоят так высоко, что при иной методе изложения автор попал бы, несомненно, в самое критическое положение, сделавшись, как то случалось с биографами иноземцами, или безусловным панегириком своего героя, или завистливым его зоилом: но, отклонив от себя всякое преувеличение, может быть, исполняя тем самым желание сих знаменитых мужей, он, по нашему мнению, умел весьма удачно избегнуть от грозившей ему опасности попасть в общую колею современных биографов» (Корсаков 1841: 115).

И хотя Д. Бантыш-Каменский ни в коем случае не был первооткрывателем жанра биографистики (к его предтечам следует отнести рукописные жития святых и жизнеописания князей Древней Руси), его заслуга заключалась в том, что он впервые составил тематические биографические сборники, а также издал их достаточно крупным для своего времени тиражом. Благодаря этому у широкого круга читателей впервые появилась возможность познакомиться с жизнью и деятельностью видных российских полководцев, министров, дипломатов, писателей.

Эти биографические очерки не представляли собой глубокого исследования человеческой личности, индивидуальности, общественно-политического мировоззрения. С научной точки зрения, их ценность заключалась в обильном и многообразном фактическом материале, собранным и обработанным автором, часть которого сегодня утрачена в оригинале. Доступность, ясность и правдивость изложения, живой литературный язык были по достоинству оценены современниками Бантыш-Каменского.

«Деяния знаменитых полководцев и министров...», «Биографии российских генералиссимусов...» и «Словарь достопамятных людей русской земли» явились наиболее полными биографическими сочинениями, своего рода энциклопедиями видных деятелей Российского государства. Они представляли собой оригинальные произведения, основанные на богатом фактическом материале, и способствовали росту общественного интереса к изучению истории.

Вместе с тем, оценивая вклад Д. Бантыш-Каменского в развитие российской биографистики, не следует забывать о том, что он всегда оставался человеком своего времени, ни на секунду не переставая быть «столпом» официальной российской историографии, работы которого объективно служили укреплению имперского величия России. Последнее обстоятельство дает основания говорить об определенной тенденциозности по крайней мере части упоминаемых в данной статье работ Д. Бантыш-Каменского, а также о необходимости переосмысления оценок его творческого наследия.

ЛИТЕРАТУРА

Атаманенко 2008 – *Атаманенко А.* Дмитро Бантиш-Каменський як історик України // Наукові записки. Історичні науки. Острог, 2008. Вип. 12. С. 159–174.

Бантыш-Каменский 1840 – *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 1. 314 с.

Бантыш-Каменский 1812–1813а – *Бантыш-Каменский Д.Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого: в 2 т. М., 1812–1813. Т. 1. 290 с.

Бантыш-Каменский 1812–1813б – *Бантыш-Каменский Д.Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого: в 2 т. М., 1812–1813. Т. 2. 352 с.

Бантыш-Каменский 1836 – *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории, составленный Д.Н. Бантыш-Каменским и изданный Александром Ширяевым в пяти частях. М., 1836. Т. 4. 372 с.

Бантыш-Каменский 1810 – *Д. Б. К. [Бантыш-Каменский Д.Н.]* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810. 192 с.

Биографии российских генералиссимусов 1841 – Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов, составленные Д. Н. Бантыш-Каменским // Библиотека для чтения. СПб., 1841. Т. 46.

Брокгауз, Ефрон 1891 – *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 5.

Голик 2006 – *Голик Б.* Вклад Бантыш-Каменских в российскую историческую науку // Русин. 2006. № 2 (4).

Д.Н. Бантыш-Каменский 1888 – Д.Н. Бантыш-Каменский цензору его «Словаря» // Русская старина. СПб., 1888. Т. 60, № 11.

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский 1888 – Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский [*Семевский М.И.*] // Русская старина. СПб., 1888. Т. 60, № 11.

Дудка 2012 – Дудка А.И. Историографические аспекты проблемы развития русско-украинских отношений в великорусских губерниях юга России в пореформенный период (на примере Курской и Воронежской губерний) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 19 (138), вып. 24.

Иконников 1891 – Иконников В. Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1891. Т. 2.

Корсаков 1841 – Корсаков П. «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» Д.Н. Бантыш-Каменского // Маяк. СПб., 1841. Ч. XIV.

Кравченко 1992 – Кравченко В.В. Рукописна «История Малой России» Д.М. Бантыша-Каменського // Київська старовина. 1992. № 5.

Палиенко, Срибняк 2018 – Палиенко М., Срибняк И. Дмитрий Бантыш-Каменский (1788–1850): портрет историка в контексте эпохи // Русин. 2018. № 2 (52). DOI: 10.17223/18572685/52/16

Погодин 1848 – Погодин М.П. «Словарь достопамятных людей» Д.Н. Бантыш-Каменского // Москвитянин. М., 1848. № 6, ч. 3.

СДЛРЗ 1847 – «Словарь достопамятных людей русской земли» Д.Н. Бантыш-Каменского. Критические заметки // Отечественные записки. СПб., 1847. № 8, т. 53.

«Словарь достопамятных людей» 1837 – «Словарь достопамятных людей» Д.Н. Бантыш-Каменского // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20.

Ясь 2006 – Ясь О. «История Малой России» Д. Бантыша-Каменського у світлі дослідницького інструментарію // Український археографічний щорічник. 2006. Вип. 10/11.

Ясь 2009 – Ясь О.В. «Свій» серед «чужих», «чужий» серед «своїх». «История Малой России» Д. Бантыша-Каменського у світлі українсько-російського культурного перехрестя (до 220-річчя Дмитра Бантыша-Каменського) // Український історичний журнал. 2009. № 2.

REFERENCES

Atamanenko, A. (2008) Dmytro Bantysh-Kamens'kyi yak istoryk Ukrayiny [Dmitry Bantysh-Kamensky as a Historian of Ukraine]. *Naukovi zapysky. Istorychni nauky – Scientific notes. History.* 12. pp. 159–174.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1840) *Biografii rossiyskikh generalissimov i general-fel'dmarshalov* [Biographies of Russian generalissimoes and field marshal generals]. St. Petersburg: [s.n.].

Bantysh-Kamensky, D.N. (1812–1813a) *Deyaniya znamenitykh polkovodtsev i ministrov, sluzhivshikh v tsarstvovanie Petra Velikogo* [Acts of famous comman-

ders and ministers who served in the reign of Peter the Great]. Vol. 1. Moscow: N.S. Vsevolozhskiy.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1812–1813b) *Deyaniya znamenitykh polkovodtsev i ministrov, sluzhivshikh v tsarstvovanie Petra Velikogo* [Acts of famous commanders and ministers who served in the reign of Peter the Great]. Vol. 2. Moscow: N.S. Vsevolozhskiy.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1836) *Slovar' dostopamyatnykh lyudey russkoy zemli, sodержashchiy v sebe zhizn' i deyaniya znamenitykh polkovodtsev, ministrov i muzhey gosudarstvennykh, velikikh ierarkhov pravoslavnoy tserkvi, otlichnykh literatorov i uchenykh, izvestnykh po uchastiyu v sobyitiyakh otechestvennoy istorii, sostavlennyy D.N. Bantysh-Kamenskim i izdannyy Aleksandrom Shiryayevym v pyati chastyakh* [The Dictionary of Memorable People of the Russian Land, Containing the Life and Deeds of Famous Commanders, Ministers and Men of State, Great Hierarchs of the Orthodox Church, Excellent Writers and Scholars, Known for Participating in Events in Russian History, Compiled by D. N. Bantysh-Kamensky and Published by Alexander Shiryayev in Five Parts]. Moscow: [s.n.].

Bantysh-Kamensky, D.N. (1810) *Puteshestvie v Moldaviyu, Valakhiyu i Serbiyu* [Travel to Moldova, Wallachia and Serbia]. Moscow: A. Reshetnikov.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1841) *Biografii rossiyskikh generalissimusov i general-fel'dmarshalov, sostavlennyye D.N. Bantysh-Kamenskim* [Biographies of Russian generalissimos and general field marshals compiled by D.N. Bantysh-Kamensky]. *Biblioteka dlya chteniya*. 46.

Brokhaus, F.A. & Efron, I.A. (1891) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 5. St. Petersburg: F.A. Brokgauz – I.A. Efron.

Golik, B. (2006) *Vklad Bantysh-Kamenskikh v rossiyskuyu istoricheskuyu nauku* [The contribution of Bantysh-Kamensky to the Russian historical studies]. *Rusin*. 2 (4). pp. 126–129.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1888) D. N. Bantysh-Kamenskiy tsenzoru yego "Slovary" [D.N. Bantysh-Kamensky to the censor of his "Dictionary"]. *Russkaya starina*. 60 (11).

[Semevskiy, M.I.] (1888) Dmitriy Nikolaevich Bantysh-Kamenskiy [Dmitriy Nikolayevich Bantysh-Kamenskiy]. *Russkaya starina*. 60 (11).

Dudka, A.I. (2012) *Istoriograficheskie aspekty problemy razvitiya russko-ukrainskikh otnosheniy v velikorusskikh guberniyakh yuga Rossii v poreformennoy period (na primere Kurskoy i Voronezhskoy guberniy)* [Historiographical aspects of the development of Russian-Ukrainian relations in the Great Russian provinces of southern Russia in the post-reform period (a case study of Kursk and Voronezh provinces)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya – Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Politicalology*. 19–24 (138).

Ikonnikov, V. (1891) Dmitriy Nikolaevich Bantysh-Kamenskiy [Dmitriy Nikolaevich Bantysh-Kamenskiy]. In: Vengerov, S.A. *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh*

pisateley i uchonykh [Critical and Biographical Dictionary of Russian Writers and Scholars]. Vol. 2. St. Petersburg: Semen. tipo-lit.

Korsakov, P. (1841) "Biografii rossiyskikh generalissimusov i general-fel'dmarshalov" D.N. Bantysh-Kamenskogo ["Biographies of Russian Generalissimoses and Field Marshal Generals" by D.N. Bantysh-Kamensky]. *Mayak*. 14.

Kravchenko, V.V (1992) Rukopysna "Ystoryya Maloy Rossyy" D.M. Bantysha-Kamens'koho [D.M. Bantysh-Kamensky's manuscript "History of Little Russia"]. *Kyivs'ka starovyna*. 5.

Paliienko, M. & Sribnyak, I. (2018) Dmitri Bantysh-Kamensky (1788-1850): a portrait of the historian within his era. *Rusin*. 2(52). pp. 221–237 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/16

Pogodin, M.P. (1848) "Slovar' dostopamyatnykh lyudey" D.N. Bantysh-Kamenskogo ["Dictionary of Memorable People" by D.N. Bantysh-Kamensky]. *Moskvityanin*. 6 (3).

Anon. (1847) "Slovar' dostopamyatnykh lyudey russkoy zemli" D.N. Bantysh-Kamenskogo Kriticheskiye zametki (1847) ["Dictionary of Memorable People of the Russian land" by D.N. Bantysh-Kamensky. Critical notes]. *Otechestvennyye zapiski*. 8 (53).

Anon. (1837) "Slovar' dostopamyatnykh lyudey" D.N. Bantysh-Kamenskogo (1837) ["Dictionary of Memorable people" by D.N. Bantysh-Kamensky]. *Biblioteka dlya chteniya*. 20.

Yas, O. (2006) "Istoriya Maloy Rossii» D. Bantysha-Kamens'koho u svitli doslidnyts'koho instrumentariyu ["The History of Little Russia" by D. Bantish-Kamensky in terms of research tools]. *Ukrayins'kyy arkheohrafichnyy shchorichnyk*. 10/11.

Yas, O.V. (2009) "Sviy" sered "chuzhykh", "chuzhyy" sered "svoyikh". "Istoriya Maloy Rossii" D. Bantysha-Kamens'koho u svitli ukrayins'ko-rosiys'koho kul'turnoho perekhrestya (do 220-richchya Dmytra Bantysha-Kamens'koho) ["At home among strangers, a stranger among their own." "The History of Little Russia" by D. Bantish-Kamensky in the light of Ukrainian-Russian cultural crossroads (to the 220th anniversary of Dmitry Bantysh-Kamensky)]. *Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal*. 2.

Палиенко Марина Геннадиевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

Maryna G. Paliienko – Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

E-mail: mpaliienko@gmail.com

Срибняк Игорь Владимирович – доктор философии Украинского вольного университета (Мюнхен, Германия), доктор исторических наук, профессор, заведующий

кафедрой всемирной истории историко-философского факультета Киевского университета им. Б. Гринченко, ведущий научный сотрудник отдела теории и методологии всемирной истории государственного учреждения «Институт всемирной истории НАН Украины».

Ihor V. Sribnyak – Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

УДК 94 (477.46)"1616/2018"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/55/7

«МІСТО НА КОРДОНІ»: УМАНЬ – УРБАНІЗОВАНИЙ ПРОСТІР МІЖЕТНІЧНОГО КОМПРОМІСУ (ВЗАЄМОДІЇ) ЧИ КОНФЛІКТУ? (1616–2018 рр.)

І.І. Кривошея¹, Ір.І. Кривошея²

Уманський державний педагогічний університет ім. П. Тичини
Україна, 20300, м. Умань, вул. Садова, 28

¹E-mail: igorkryvosheia@gmail.com

²E-mail: iivahnuk@i.ua

Авторське резюме

Кожне місто має свою історію, але не кожне місто виникає та розвивається на фронтірі. Умань опинилася на кількох: географічному, цивілізаційному, військово-му, політичному, етноконфесійному, культурному. Кордони рухаються, а місто залишається на місці. Утім, у ньому вже сформовані своєрідні внутрішні кордони. Умань як населений пункт виникає на Великому Степовому кордоні. Упродовж XVII–XVIII ст. Умань була однією з найважливіших фортець у регіоні, де спочатку зіштовхувалися інтереси Речі Посполитої, Запорозької Січі, а згодом Війська Запорозького, Кримського ханства та Оттоманської імперії, Молдавської держави та багатьох інших. Наприкінці XVIII ст. місто у результаті другого поділу Речі Посполитої перейшло під юрисдикцію Російської імперії, що позначилося на його історії аж до 1917 р. Складний відбиток залишили перипетії ХХ ст. У міста з багатим та контраверсійним минулим сформувалися яскраві етноконфесійні та ментальні особливості. Від часу заснування Умані тут мешкають представники різних етнічних спільнот і соціальних станів зі своїм менталітетом та конфесійними орієнтирами: українці, євреї, поляки, росіяни, вірмени, молдавани та ін. Події історії Умані трактуються по-різному, адже в її урбанізованому просторі співіснували спільноти, які конфліктували, взаємодіяли або обирали формат компромісу.

Ключові слова: Україна, Умань, фронтір, Запорізька Січ, Кримське ханство, Річ Посполита, Російська імперія, хасидизм.

«ГОРОД НА ГРАНИЦЕ»: УМАНЬ – УРБАНИЗИРОВАННОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА (ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ) ИЛИ КОНФЛИКТА? (1616–2018 гг.)

И.И. Кривошея¹, Ир.И. Кривошея²

Уманский государственный педагогический университет
им. П. Тычины

Украина, 20300, г. Умань, ул. Садовая, 28

¹E-mail: igorkryvosheia@gmail.com

²E-mail: iivahnuk@i.ua

Авторское резюме

Каждый город имеет свою историю, но не каждый город возникает и развивается на фронтире. Умань оказалась на нескольких: географическом, цивилизационном, военном, политическом, этноконфессиональном, культурном. Границы двигаются, а город остается на месте. Впрочем, в нем уже сформированы своеобразные внутренние границы. Умань как населенный пункт возникает на степном фронтире. В течение XVII–XVIII вв. Умань была одной из важнейших крепостей в регионе. Здесь вначале сталкивались интересы Речи Посполитой, Запорожской Сечи, а впоследствии Войска Запорожского, Крымского ханства и Османской империи, Молдавского государства и многих других. В конце XVIII в. город в результате второго раздела Речи Посполитой попал под юрисдикцию Российской империи, что сказалось на его истории вплоть до 1917 г. Серьезный отпечаток оставили все события XX в. У города с богатым и контрверсионным прошлым сформировались яркие этноконфессиональные и ментальные особенности. С момента основания Умани здесь проживают представители различных этнических и социальных групп со своим менталитетом и конфессиональными ориентирами: украинцы, евреи, поляки, русские, армяне, молдаване и др. События истории Умани сейчас трактуются по-разному, ведь в ее урбанизированном пространстве сообщества сосуществовали, конфликтовали, взаимодействовали или выбирали формат компромисса.

Ключевые слова: Украина, Умань, фронтир, Запорожская Сечь, Крымское ханство, Речь Посполитая, Российская империя, хасидизм.

"CITY ON THE BORDER": UMAN AS AN URBANIZED SPACE OF INTER-ETHNIC COMPROMISE (INTERACTION) OR CONFLICT? (1616–2018)

I.I. Kryvosheia¹, I.I. Kryvosheia²

Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University
28 Sadovaya Street, Uman, 20300, Ukraine

¹ E-mail: igorkryvosheia@gmail.com

² E-mail: iivahnuk@i.ua

Abstract

Each city has its own history, but not every city emerges and develops on the frontier. Uman was the zone of several frontiers: geographical, civilizational, military, political, ethno-confessional, and cultural. While the frontier was moving, the city remained where it was, with its own internal borders already formed. Uman as a locality appeared on the Great Steppe Frontier. The first written mention dates back to 1616. Since then, the city has been the centre of magnate latifundias (Kalinowski, Potocki), an administrative-territorial centre (regiment, county, district), an important military unit (a regiment, a centre of military settlements, a permanent troops disposition), playing a significant role in the economic development of the region. During the 17th–18th centuries, Uman was one of the most important fortresses in the region, where the interests of the Commonwealth, Zaporozhian Sich, later the Zaporozhian Army, the Crimean Khanate and the Ottoman Empire, Moldova and many others clashed. With the 1793 Second Partition of Poland, Uman became part of the Russian Empire until 1917. The events of the 20th century had a great impact on the city, which, due to its rich and controversial past, has formed bright ethnic-confessional and mental features. The history of Uman has always been interpreted differently, because since its foundation, it has hosted representatives of various ethnic communities and social states, with their mentality and religious denominations – Ukrainians, Jews, Poles, Russians, Armenians, Moldovans, and others, – who conflict, interact, cut corners to coexist in its urbanized space. The 400-year-old history of Uman with many tragic and heroic pages creates its tourist potential, with 20 % of all historical, architectural and cultural sites of Cherkasy region concentrating here.

Keywords: Ukraine, Uman, Frontier, Zaporozhian Sich, Crimean Khanate, Commonwealth of Poland, Russian Empire, Hasidism.

Своєго часу десь у світі було місто, де вершилися величні справи. Воно вирізнялося атмосферою надзвичайної відкритості: тут прихильно ставилися до купців, що розмовляли дивними мовами, і до завезених ними іноземних традицій. Тут створювалося багато нового, що приносило жителям добробут і процвітання (Турунен 2018: 12).

Мабуть, ці слова можуть слугувати епіграфом до історії багатьох міст на планеті. Думається нам так, що й до історії Умані вони цілком прикладаються. Різноаспектні підходи в сучасній «фронтирній» історії дозволяють помислити в річищі цієї теорії про історію невеликого міста Південно-Східного Поділля, що лише через географічний фактор опинилося на кількох кордонах одразу. Умань було засновано на землях, названих пізніше поляками Кресами Речі Посполитої. Проте це були українські землі, давно контрольовані козацькою спільнотою. Після 1648 р. місто стало полковим центром однойменного полку. Уманський полк завжди дотикався Степу, через що контакти з татарами й турками стали звичними для мешканців міста. Ці обставини означили для Умані наявність кількох фронтирів: цивілізаційного (землеробська / кочова), військового, релігійного, ще й ускладненого кількома конфесіями (католики / іудеї / православні / мусульмани), етнічного та культурного. Відтак, історія й культура міста розвивалися дуже динамічно й станом на сьогодні утворили різноманітне й складне полотно. Воно наповнене як конфліктами, так і вражаючими взаємодіями. І ті, й інші в новітній українській історіографії неодноразово ставали предметом розгляду.

Теоретично засадничими в нашому дослідженні були праці зарубіжних та українських учених, у яких розглядаються історичні проблеми крізь призму «теорії фронтиру», насамперед, О. Латимора, В. Мак-Ніла, А. Каппелера, А. Рібера, Я. Дашкевича, В. Брехуненка, С. Леп'явка, Р. Шияна, В. Грибовського, І. Чорновола (McNiel 1964; Дашкевич 1990; Каппелер 2003; Рибер 2004; Брехуненко 2011; Леп'явко 2011; Поверх кордону 2011: 43–77; Шиян 2012; Грибовський 2012; Чорновол 2015).

Для усвідомлення міста як урбанізованого простору співіснування різних етносів, конфесій та соціальних груп, а також простору пам'яті важливими є ідеї та концепти, висловлені у виданнях за редакцією В. Глазичева, Г. Голюца та С. Карпова, Н. Мілерюса і Б. Коуна, а також у працях О. Трубіної, К. Шлегеля та А. Турунена (Глазичев и др. 1995; Ландшафты 2008; Трубина 2011; Шлегель 2017; Турунен 2018).

Методологічно вагомими є дослідження з української історичної урбаністики, культурного простору міста, вивчення міст як місць пам'яті, спільних для різних етнічних і соціальних груп населення, ландшафтів історичних міст, історії міського самоврядування. Такі

проблеми розглядали Я. Вірменич, А. Киридон, В. Константинова, П. Клименко, Ю. Єгоров, Ю. Нікітін та ін. (Клименко 2006; Єгоров 2009; Константинова 2010; Верменич 2011; Нікітін 2014; Киридон 2016).

Окремі аспекти заявленої теми, насамперед, єврейські сторінки історії Умані, історія родини Потоцьких у сув'язі з історією Уманщини, геральдика Умані, про Умань як місто на кордоні з Запорозькою Січчю, а також конфлікти й взаємодії на терені міста розглядалися в працях М. Ткаченка, Ю. Храбана, Ю. Бодрова, С. Васильєва, Т. Кузнець, І. Кривошеї, Ш. Шварцмана (Ткаченко 1927; Храбан 1989; Бодров 2001; Кузнець 2005; Кривошея 2005; Кривошея 2006; Кривошея 2008b; Кривошея 2009; Кривошея 2010b; Кривошея, Кривошея 2010; Кривошея 2011; Шварцман 2012; Васильєв 2015; Клименко 2016).

Джерельна база історії Умані широка за своєю географією, типологією та інформаційним потенціалом. Обсяг статті не дозволяє повністю проаналізувати виявлені опубліковані та архівні джерела, а також мемуари та періодичну пресу. Зауважимо, що лише в Україні великі масиви документів з історії міста зберігаються в Центральному державному історичному архіві України в м. Києві, Інституті рукопису Національної бібліотеки ім. В. Вернадського, Державних архівах Київської та Черкаської областей. Особливе місце займають нововиявлені акти в польських архівах. Цікава інформація про Умань міститься в опублікованих нарративних джерелах.

Від зародження козацтва й до ліквідації російським царатом останніх елементів української автономії важливою фігурою на геополітичній та військовій шахівниці Східної Європи була Запорозька Січ, яка контролювала значні території Степу. Населені пункти, що межували зі Степом і взаємодіяли з Січчю, відігравали значну військову (оборонно-наступальну) та геополітичну роль у регіоні. Саме в цій фронтірній зоні, на цивілізаційному розломі між землеробською й кочовою цивілізаціями, з'явилося місто Умань.

Точна дата заснування міста невідома. У судовому позові до власника Валенти Александра Калиновського від 10 серпня 1616 р. (перша писемна згадка про місто) є вказівка на те, що місто вже якийсь час існувало (Jabłonowski 1894: 579). Наголосимо: у джерелі вказано, що населений пункт (містечко) вже існує, а отже, питання про точну дату заснування залишається відкритим. Сама назва фігурує у відомій сеймовій ухвалі від 13 травня 1609 р., де згадується надана В. Калиновському «Гуманська пустка». Місцевість, де виникло поселення, знаходилася між двома татарськими невільницькими шляхами – Кривошаровським та Удицьким (Ткаченко 1927: 15). Один лише цей факт дозволяє зрозуміти, як жили тодішні мешканці Умані та чому ця зона визначається як фронтірна.

Упродовж XVII–XVIII ст. містом почергово володіли магнати Калиновські (намагалися перейменувати Умань на Калинград) і Потоцькі, які розуміли його важливість, а тому збудували тут фортецю та утримували надвірних козаків. Прикордонність Умані призводила до посиленого контролю над містом то Речі Посполитої (більшість часу), то Війська Запорозького (із 1648 р. – Уманський полк, а пізніше місто було резиденцією гетьмана Михайла Ханенка), інколи Кримського ханства, Оттоманської імперії, Московії. Уже у XVIII ст. Умань постійно турбували своїми нападами гайдамаки.

У роки, що передували Хмельниччині, містечко Умань трансформувалося у місто-фортецю, важливий стратегічний прикордонний форпост із потужним торгово-економічним потенціалом. Уманський полк у 1648 р. охоплював територію кількох сучасних районів Кіровоградської, Черкаської та Вінницької областей, що тяжіють до Умані. Пограничність Умані зауважив М. Грушевський, коли писав: «...Умань город "український" (пограничний), а військових людей у нім мало: одні побиті під Сучавою, інші в війську, а до Умані приїздить татари і вірмени з Криму, з Очакова і з різних кримських городів, наймають в місті двори й крамниці для свого краму, а поблизу, милі за три-чотири, й татари кочують та приїздить до міст» (Грушевський 1996: 687). Опис М. Грушевським міста стосується другої половини XVII ст., що засвідчує згадка про битву під Сучавою. Цікавішою є згадка про кочів'я татар під Уманню в цей період. Причому цей факт подано як звичний, нормальний, що характерно для фронтірної зони як зони взаємодії. Взаємодія при цьому могла бути різною: від торгівлі й до збройної сутички.

На пограничність Умані звертав увагу й автор монографії про Уманський полк Ю. Бодров (Бодров 2001: 114). Історик В. Кривошея відніс Уманський полк до полків січової орієнтації (Кривошея 2004: 17). Тобто на ситуацію в місті та регіоні значний вплив мала Запорозька Січ та постійні контакти з татарським Степом.

Через своє прикордонне розташування Умань була важливим містом у контексті взаємин із Кримом та Молдавією. Під час походів у молдавському напрямі козацьке військо рухалося через Умань, наприклад, у 1650 та 1652 рр. А згодом, після смерті Тимоша Хмельницького під Сучавою (1653 р.), гетьман Богдан Хмельницький наказав утримувати свого свата Василя Лупула, якого потім передав хану під вартою в Умані (Грушевський 1996: 584–597; Мицик 2002: 20, 25, 29).

Уманську фортецю постійно намагалися здобути війська Речі Посполитої, турки чи татари. Навесні 1653 р. польське військо на чолі з Станіславом Потоцьким і Стефаном Чарнецьким напало на Умань. Оборону міста керував Іван Богун. Фортеця була добре укріплена,

і поляки відступили (Величко 1991: 159). Павло Халебський, який супроводжував патріарха Макарія під час подорожі українськими землями, писав, що Умань у 1654 р. була великим містом, поділеним на три фортеці (Халебський 2008: 76). У січні 1655 р. об'єднане польсько-татарське військо оточило місто. Найбільша з трьох уманських фортець знаходилася в центрі міста на пагорбі. Її захищали 12 тис. козаків, очолюваних І. Богунтом. Штурм був невдалим. Поляки захопили лише перший вал і змушені були відступити до Охматова, де відбулася відома Дрижипільська битва (Кривошея 2010b: 6).

Після смерті Б. Хмельницького, коли козацька держава поринула в боротьбу за владу, правобережні гетьмани обирали своєю резиденцією Умань. Місто процвітало, зросла кількість населення, і 7 квітня 1663 р. король Речі Посполитої Ян II Казимир у Львові надав «право магдебурзьке місту Гумані на Україні» (AGAD 1: 32v.). У 1665 р. в Умані проголосив себе гетьманом Правобережжя Степан Опара, а через кілька років місто стало столицею гетьмана Михайла Ханенка (Кривошея 2010b: 6).

Фактор сусідства Умані з Запорожжям набуває більшого значення в 60-ті рр. XVII ст. На початку 1664 р., коли над Уманню й Уманщиною встановили контроль запорожці на чолі з І. Сірком, полк визнав владу московського царя, а в місті з'явилася військова залога на чолі з майором М. Свініним і запорозьким отаманом С. Туровцем. Того ж року, трохи пізніше, Умань було захоплено за наказом гетьмана І. Брюховецького (Бодров 2001: 130–131).

У наступні роки – 1670–1673 – спостерігаємо доволі міцний союз М. Ханенка та І. Сірка, спрямований як проти П. Дорошенка, так і проти Криму. Цей тандем гетьмана й кошового діяв із перемінним успіхом: то втрачаючи Умань і регіон, то знову встановлюючи на них свій контроль (Бодров 2001: 144–153). Так, у 1672 р. в Умані перебувало 1500 запорожців із полку М. Ханенка, які, щоправда, після того, як уманці перейшли на бік П. Дорошенка, встигли відступити в Білу Церкву (Мицик 2002: 91).

У серпні 1674 р. турецьке військо взяло місто Умань в облогу. Пізніше сюди ж на перемовини прибула козацька старшина гетьмана П. Дорошенка (Історія 1991: 228). Козаки й мешканці міста не бажали здаватися, але, зрозумівши своє катастрофічне становище, вислали парламентарів – полковника Стефана Яворського й представників козацької старшини. Залишившись без військового керівника, захисники уманської фортеці не змогли встояти перед чужинцями. Врівень із фортечними мурами турки насипали земляний вал і встановили власні гармати так, що влучно «в гармати уманські стріляно». Місцевість, де стояли турки, відтоді називають Турок. Одночасно турки розпочали

підкоп і заклали в нього велику кількість пороху. 25 серпня місто захоплено турками, загинуло близько 7 тис. місцевих жителів. За згадкою з літопису, людська кров лилася вулицями міста. Розлючені турки, які втратили не менше 13 тис. вояків, спалили місто (Софонович 1992: 259).

Французький найманець Клод де ла Магдален емоційно описує облогу й штурм Умані в мемуарах, вказавши: «Було майже неможливо крокувати вулицями загиблого міста, щоб не замочити ніг у кров та не наступити на мощі більш ніж 40 тис. його християнських мешканців» (Луняк 2013: 108–109). Ще цікавішим є його свідчення про перейменування Умані турками на Імамнію. Назване так на честь імама-вигнанця, завдяки якому нібито Умань із маленького селища перетворилася на велике місто (Луняк 2013: 109). Побіжно француз проливає світло на долю тодішнього уманського полковника С. Яворського, який вберігся від галер завдяки покровительству паші, і навіть порятував дружину й доньку, захоплених у полон яничаром. Проте П. Дорошенко вимагав стратити С. Яворського, через що більше року родину тримали в полоні нарізно. Магдален згадує й про платню, яку бранець заплатив, щоб позбутися кайданів – зрікся своєї віри. Пізніше С. Яворський був обозним полковим стародубським (1686), полковником піхотним охотницьким (?–1687–1693–?) (Кривошея 2010а: 778; Сокирко 2018: 89).

Місто довго оговтувалося після руйнацій 1674 р., проте козацтво на Уманщині мало свою організацію до остаточної ліквідації Уманського полку в 1713 р. (Бодров 2001: 168–169; 196). Процес переходу козаків та населення Уманського полку на Лівобережжя тривав хвилями з 70-х рр. XVII ст., розпочавшись ще до подій 1674 р. Масові переходи з Умані відбувалися, передусім, на територію Полтавського, такого ж південного, із січовою орієнтацією полку. Це засвідчує присяга козацьких полків на вірність царю Федору Олексійовичу в 1676 р. Тоді разом зі значним товариством військовим Полтавського полку присягали колишній полковник уманський Семен Гродзенко та колишній обозний полковий уманський Павло Красняк (РГАДА 1: 324). Генеалогічні дослідження В. Кривошеї доводять, що під час масового переходу населення з Уманського полку осіло по р. Орелі в кількох сотнях Полтавського полку (Орільська, Царичанська, Маяцька, Нехворощанська, Китайгородська) та Роменській сотні Лубенського полку (Кривошея 2008а: 352). Ю. Бодров, посилаючись на Ю. Гаєцького, стверджував, що Царичанка взагалі була заснована втікачами з Уманського полку в 1674 р. (Бодров 2001: 161–162). Населення Умані, яке, незважаючи на загрози, залишилося в місті, упродовж наступних десятиліть, аж до підписання угоди 1713 р., уповні зазнало поневірян, традиційних для театру воєнних дій. Упродовж вказаного періоду місто ще не раз

брали приступом, а його населення ставало татарськими бранцями. Фронтирний люд, вочевидь, мав особливу ментальність та опірність до стресів. Маючи можливість вибору, уманці обрали вільні на той час землі по р. Орелі. Тобто знову оселилися в такій же фронтирній зоні Лівобережжя, зазнаючи постійної загрози стати татарським ясиром.

У XVIII ст. Умань, місто неподалік від кордонів Речі Посполитої, Російської імперії та васала Оттоманської імперії – Кримського ханства, було центром володінь Потоцьких. А. Скальковський писав про ці часи так: «Умань як прикордонне укріплене містечко зазнавав постійних чисельних нападів, облог, штурмів, страждав від пожеж і грабунків» (Скальковский 1845: 26). Перейшовши у власність Потоцьких у 1726 р., місто поступово відроджується, відбувається повторна колонізація регіону. Проте близькість до Запорозжжя суттєво впливала на розвиток міста. Не варто забувати й про такий російський проект, як «Нова Сербія». Гайдамаки, які активно діяли на Правобережжі, постійно турбували населення Умані (1737, 1749–1750, 1757) (Бутич 1970: 97, 133, 137, 140, 200, 254; Гісцова 1998: 76, 274–276, 291–295, 328–329, 335–336, 388–389). Як і колись – на початку Хмельниччини – у XVIII ст. не припиняються етнічні допливи населення з Балкан і ближчої Валахії. Вони охоче включаються не лише в реалізацію колонізаційних проектів, а й долучаються до соціальних виступів (Суляк 2013: 42–61).

Всевладний магнат Францішек Потоцький прагнув перетворити місто на осередок міжнародної торгівлі. Про важливість уманських володінь для Потоцького свідчить той факт, що в 1760 р. в Умані було закладено фортецю, що мала стати могутнім форпостом магнатської держави в регіоні. 28 березня 1761 р. її спорудження (Старе Місто) було урочисто завершено. Земляний вал навколо фортеці, а також двоповерховий будинок уманського комісара були оточені дубовими палями. За фортечними мурами знаходилися будівлі монастиря й монастирської школи, костьол, церкви, синагога, ратуша, а також дерев'яні житлові будинки (Храбан 1989: 62–63).

Близькість до Степу й торгівельних шляхів сприяла проведенню в місті щороку 12 ярмарків. Торгували на цих ярмарках представники різних етносів, звісно, було чимало і євреїв. Саме організація торгівлі демонструє один із мирних сюжетів співжиття різних етнічних груп у регіоні. На початку 70-х рр. XVIII ст. була створена єврейська Уманська торгова компанія, яка не тільки займалася торгівлею з запорожцями, а й наймала їх для охорони мандрівних купців і торгівців від грабіжників. Кошовий отаман П. Калнишевський особисто дякував Уманському кагалу за подарунки й запрошував єврейських торгових людей на Запорозжжя. Єврейські купці, натомість, дякували запорожцям за те, що вони врятували уманських євреїв від розбійників (Мицик 2002: 117).

Проте запорожців в Умані раді були бачити не завжди. У їх листі до російської імператриці Єлизавети II, що датується 1749 р., зазначено, що в Умані з 1738 по 1747 р. було захоплено й страчено чимало січовиків, які поверталися з Дністровського походу 1734–1739 рр. (Мицик 2002: 113–114). Запорожці теж серйозно дошкуляли Умані та околицям. У квітні 1747 р. за наказом київського генерал-губернатора М. Леонтєва в Кошеві було розпочато розшук і повернення коней, грошей і майна, захоплених запорожцями в жителів с. Писарівка Уманського повіту Брацлавського воєводства. Ішлося також про повернення козаків, польських підданих, які втекли на Запорожжя й приєдналися до гайдамаків (Бутич 1970: 285). У той період на Уманщині розташовувалися слободи уманських козаків. Вони мали значні угіддя й отримували від Ф. Потоцького платню за службу. Сутички свідчать про те, що взаємини запорожців і надвірних козаків, які базувалися на Уманщині, були непростими.

Одним із прикладів запеклого соціального та етнічно-релігійного конфлікту в Умані слугують події літа 1768 р. У квітні–травні 1768 р. повстанські дії гайдамаків і запорожців охопили значну територію Правобережної України. На початку червня повстанці підійшли до Умані, взяття якої стало піком подій 1768–1769 рр., відомих під назвою «Коліївщина». Уманський сотник І. Гонта перейшов на бік загонів М. Залізняка й разом із ними штурмував місто. 9–10 червня 1768 р. (за н. ст. 20–21 червня) Умань була здобута. Багатоох мешканців міста, поляків та євреїв, чекала смерть. Наприкінці червня керівників повстання заарештували за допомогою російських військ під проводом генерала М. Кречетникова (Храбан 1989: 61–101). Ці події знову засвідчили зону етнічного й конфесійного конфлікту, що не згасав із середини XVII ст. На якийсь час місто спустіло, проте ніщо не завадило повернутися в місто не лише українцям-християнам, а і єврейській громаді. Вище наведено приклад, у якому йдеться про створення в 70-х рр. єврейської Уманської торгівельної компанії. Отже, євреї швидко повернулися до Умані, а місцевий кагал зростає.

Важливу роль прикордонне місто Умань відіграло під час Торговицької конфедерації 1792 р., адже очолив виступ проти короля та сейму Речі Посполитої його власник граф Станіслав Потоцький. Звісно він використав увесь мілітарний та господарський потенціал Умані. Торговицький демарш польської аристократії та політичні інспірації, а потім і військове вторгнення Російської імперії в межі Речі Посполитої призвели до її другого поділу (Кривошея 2008b: 139).

У результаті геополітичних змін, що пов'язані з поділами Речі Посполитої, у 1793 р. Умань, як і вся Правобережна Україна, потрапила

під юрисдикцію Російської імперії. Спочатку місто було центром округи, а потім повіту Брацлавської губернії. У 1795 р. у ході адміністративної реформи Умань стала повітовим містом Вознесенського намісництва, а в кінці 1796 р. – центром повіту Київської губернії (Кривошея 2010b: 9). Попри те, що з кінця XVIII ст. роль Умані як форпосту знецінюється, адже кордони Росії були відсунуті на південь аж до Чорного моря, у місті постійно перебували підрозділи різних військових частин.

Після смерті Станіслава Потоцького (1805 р.) Уманським маєтком опікувалася його вдова Софія, хоча за поділом спадщини ключ успадкував Александр Потоцький, який ще був неповнолітнім. У 1809 р. графиня Софія Потоцька пристала на пропозицію російського уряду продати повітове місто Умань до державної казни. Але через пожежу, яка знищила більшість дерев'яних споруд, та замалу ціну, яку пропонував уряд, ця фінансова операція не відбулася (ДАКО 2: 81).

Згодом, за участь у польському повстанні 1830–1831 рр. в А. Потоцького було конфісковано Умань й уманські маєтки. В останніх облаштували військові поселення, а саме місто стало центром 2-го округу (ЦДІАУК 1: 1). На початку XX ст. лунала ініціатива створити Уманську губернію, але вона так й не були реалізована (К вопросу 1914). До січня 1923 р. Умань функціонувала як повітовий центр Київської губернії, а з січня 1923 р. по жовтень 1930 р. була окружним центром Уманського округу. До складу округу входило 17 адміністративних районів. Із жовтня 1930 р. Умань стала районним центром Вінницької області. Частина історико-географічної Уманщини (Бабанський, Тальнівський райони) увійшли до складу Київської області. Умань та інші частини регіону приєдналися до останньої в 1932 р. (Кривошея 2010b: 12). Зі створенням Черкаської області Умань стала її районним центром. Має місто такий же статус протягом усіх років незалежності України.

У роки Другої світової війни Умань двічі ставала важливим місцем театру воєнних дій. Уперше, у липні – серпні 1941 р., неподалік міста біля с. Підвисоке, розгорнулася Уманська оборонна операція, яка призупинила просування німців у напрямку Києва. Із серпня 1941 до березня 1944 р. мешканці Умані відчували весь тягар війни: табір військовополонених «Уманська яма», 25 тис. розстріляних уманців у Сухому Яру, зруйноване місто. Удруге, коли під час Умансько-Ботошанської наступальної операції, своєрідного прологу надскладної Яссо-Кишинівської битви, радянські війська визволили 10 березня 1944 р. Умань від окупантів (Кривошея 2010b: 12).

Отже, зі зникненням Степового кордону, а пізніше у XVIII ст. з пересуванням державного кордону Російської імперії на південь, Умань стає містом центральної частини українських земель, незалежно від

того, до складу якої держави належали ці землі в різні відтинки часу. Військовий фронтір більше не визначав історію міста, хоча війни та локальні конфлікти Умань не оминали. Також зник з українського Поділля цивілізаційний кордон. Землеробська цивілізація відстояла землі до Чорного моря, а татари впродовж XVIII ст. поступово перестали бути значним фактором впливу на розвиток Умані. Ліквідація Запорозької Січі та включення Кримського ханства до складу Російської імперії остаточно ліквідували цей розлом.

Проте етноконфесійні та культурні конфлікти продовжили визначати історію міста. З часу свого постановня як місто на кордоні Умань мала складну етноконфесійну структуру. Місто одразу стало місцем численних культурних конфліктів та взаємодій. Саме цей чинник розвитку Умані залишається активним до сьогодні.

На початку XVII ст. Умань населяли переважно українці, поляки та євреї. Із часом етнічні допливи змінили структуру населення. Із початком Хмельниччини відчутним стає етнічний компонент із ближчих територіально Молдавії, Валахії й Трансільванії. Як зауважують дослідники, складна воєнно-політична ситуація, зумовлена османською агресією, витворила на ближчих до України територіях та Балканах прошарок соціально рухливого населення, основним способом існування якого була військова служба. Українські гетьмани охоче наймали їх на службу за суттєво меншу плату ніж німців (Сокирко 2018: 60).

Про наявність в Умані та регіоні вихідців із Молдавського князівства, яких тоді найчастіше називали «волохами», яскраво свідчить Реєстр 1649 р. Побіжний погляд на список уманських козаків у Реєстрі Війська Запорозького, укладеному після Зборівського миру в 1649 р., засвідчує їхнє кількісне зростання: Михайло Волошин та Григор Волошин – полкова сотня; Лазар Волошин та Антон Волошинець – Івангородська сотня; Антон Волошенко – Бузівська; Ярема Волошин – Бабанська; Мизин Волошин, Григораш Волошин, Олекса Волошин, Штефан Волошин – Бершадська; Кузь Волошинець, Андрій Волошин, Василь Басарабой – Кочубіївська; Матеш Волошин – Іванська; Іван Басарабей – Бутанська (Буцька?); Пилип Волошин та Гринець Волошин – Романівська; Василь Волошин та Трифон Волошин – Ладиженська. Усього вписано 29 осіб у 10 сотнях (всього 2 976 козаків у 14 сотнях) (Реєстр 1995: 204–232). Серед козаків полку бачимо також поляків, вихрещених євреїв, татар, литвинів. Їхня поява в козацькому реєстрі засвідчувала прийняття ними православної віри.

Окрім української, чисельними громадами в Умані були єврейська та – із XVIII ст. – польська. Зрозуміло, що польське населення почало зростати, коли власниками Умані стали Потоцькі. Повторна колонізація, економічний ріст дозволили Ф. Потоцькому (1700–1772)

звернутися до справ духовних і культурних, що часто були пов'язані. Спочатку в 1762–1763 рр., за пропозицією Ф. Потоцького, якого називали «малим королем Русі», та за його фінансової підтримки, і місті діяла кількамісячна семінарія з підготовки уніатських та «перекваліфікації» православних священників, очолювана єпископом Белзьким та Холмським Максиміліаном Рилом. За цей час відбулася посвята 150 греко-католицьких священників для церков Уманщини. Через два роки в Умані за сприяння Ф. Потоцького було відкрито василіанський монастир, а 1766 р. – школу при ньому. Особливою фундацією він передав у повне володіння монастирю сс. Гереженівку та Маньківочку (Монастирок), які давали щорічний прибуток 5 тис. злотих (Кривошея 2009: 177).

У вирі подій 1768 р. василіанський духовно-освітній осередок в Умані було розгромлено, частину вихованців і ректора вбили. Деяким вихованцям монастиря було подаровано життя, вони працювали писарями при канцелярії. Діяльність монастиря було відновлено після придушення повстання. Згодом у василіанських монастирях запроваджено нову програму навчання й виховання, згідно з якою вчили усіх незалежно від віри (Кривошея 2011: 8). У цей період у василіанських навчальних закладах збільшується кількість учнів римо-католиків, греко-католиків та православних, які представляли шляхетські та священницькі родини.

Після 1793 р. російський імперський уряд провадив політику зменшення впливу національно-релігійних (польської мови, католицького та греко-католицького віросповідань) і юридичних чинників на ситуацію в регіоні, заявивши про поширення на приєднані території загальноросійських законів. Це фактично скасовувало дію положень литовських статутів. При цьому закривали монастирі, училища при них, масово наvertsали греко-католиків у православ'я. Уманський василіанський монастир також було закрито. Агресивна російська політика в релігійному питанні була спрямована на домінування православ'я на Правобережжя (Кривошея 2008b: 138).

Після смерті Катерини II становище греко-католиків поліпшилося, новий імператор Павло I ставився до них більш прихильно. У 1796 р. було відновлено василіанський монастир в Умані. У час розквіту монастиря в першій третині XIX ст. у школі при ньому навчалася відома трійця представників «української школи» в польській літературі – Йозеф Богдан Залеський, Северин Гошинський та Міхал Грабовський, а також брати Грози. Троє приятелів утворили літературний гурток «За-Го-Гра», видавали шкільний журнал. Хлопці захопилися українськими піснями, народними переказами з часів Гайдамаччини. Варто зауважити, що поява поеми Тараса Шевченка «Гайдамаки» була навіяна

його візитами в Умань та стала своєрідною відповіддю польським поетам (Кривошея 2011: 9).

У 1830 р. під приводом боротьби з епідемією холери навчання у василіанській школі було призупинене. А після того як серед учасників Листопадового польського повстання було виявлено вихованців школи та одного ченця з Умані, сс. Гереженівка та Монастирок були конфісковані в 1831 р. до казни, а в 1832 р. закрито монастир. 5 березня 1834 р. монастир було остаточно ліквідовано (Кривошея 2009: 179). Після Листопадового повстання вплив поляків на соціальне, економічне та культурне життя міста зменшується.

Чисельність і вплив єврейської громади Умані були нестабільними. Переживши перипетії XVII ст., євреї знову поселилися в Умані. Не особливо їх відлякали й події 1768 р., про що йшла мова вище. Із кінця XVIII й до початку XX ст. чисельність євреїв серед населення міста невпинно зростала. Якщо в 1765 р. у місті проживала 301 особа євреїв обох статей (Архів ЮЗР 1890а: 195–196), то в 1776 р., після повстання, в Умані мешкало 277 євреїв обох статей (Архів ЮЗР 1890а: 280), у 1787 р. – 992 ч. с., у 1790 р. – 1906 осіб об. с. (990 чоловіків та 916 жінок), а в 1791 р. – 1862 особи (990 чоловіків та 872 жінок) (Архів ЮЗР 1890b: 577, 667, 701).

Після поділів Речі Посполитої Умань, як і всю Правобережну Україну, було включено до «смуги осілості». Це й стало причиною позитивної динаміки в збільшенні єврейської громади Умані. У 1797 р. у місті мешкало всього 1 505 осіб ч. с., із них 1 074 – євреї (ДАКО 1: 44зв.). Маємо дані за 1800 р.: із 2 227 осіб ч. с. євреями були 944 особи (ДАКО 2: 34зв.–35). У 1827 р. у місті було 1 008 будинків, у яких мешкало 5 858 осіб (3 242 чоловіків та 2 616 жінок), із них євреїв – 4 254 (2 125 чоловіків та 2 129 жінок) (ЦДІАУК 3: 39–40). У 1845 р. населення міста складало 7 681 особу (3765 чоловіків та 3 916 жінок), із них були євреями 4 824 особи (2 260 чоловіків та 2 564 жінок) (ІР НБУВ 1: 1).

За століття єврейська спільнота в м. Умань виросла з 1 862 осіб у 1791 р. до 17 709 осіб – у 1897 р. і складала 57 % всього населення міста (Кузнець 2005: 135). Напередодні Першої світової війни в місті мешкало 26 329 євреїв із 48 736 жителів. У 1920 р. в Умані проживало 25 252 євреї, тобто різниця в порівнянні з 1913 р. складає 1 077 осіб, що зумовлено подіями 1917–1920 рр., які суттєво вплинули на склад населення Умані та чисельність євреїв у місті (Кузнець 2005: 141). До війни в 1941 р. в Умані проживало близько 55 тис. населення, із них близько 10 тис. євреїв (Круглов 2016: 267).

Побачити динаміку зростання / зменшення єврейського населення Умані впродовж майже півтора століття допоможе групування наведених даних у таблиці.

Рік	Загальна кількість населення	Число євреїв	Частка, %
1765		301 об. с.	
1776		277 об. с.	
1787		992 ч. с.	
1790		1 906 об. с.	
1791		1 862 об. с.	
1797	1 505 ч. с.	1 074 ч. с.	71
1800	2 227 ч. с.	944 ч. с.	42
1827	5 858 об. ст.	4 254 об. ст.	73
1845	7 681	4 824	63
1897	31 016	17 709	57
1913	48 736	26 329	54
1920	44 159	25 252	57
03.1941	55 тис.	10 тис.	18

Отже, у кінці XVIII ст. – першій третині XIX ст. єврейське населення Умані становило 71–73 % від усього населення міста, і це число було відносно стабільним, починаючи з 1797 р. До 1845 р. чисельність єврейської громади мало зросла, тоді як загальна кількість населення збільшилася суттєво, тому частка євреїв зменшилася й складала 63 %. Ця тенденція з незначними відхиленнями зберігалася до початку XX ст., коли частка єврейського населення Умані коливалася між 54–57 %, зберігаючи тенденцію повільного зменшення. Пояснюються такі зміни розвитком міста впродовж століття.

У XIX ст. місто динамічно розвивалося. Про Умань у газеті «Киевские губернские ведомости» в січні 1854 р. писали, що місто стає схожим на Київ. З'явилося багато крамниць. Тут мешкало чимало шляхти й військових, що збільшило кількість кінних екіпажів, які разом із чумацькими валками створювали великий рух. Із 1846 р. діяла водолікарня, але загалом панувала колосальна антисанітарія, що зумовила епідемії холери в 1830, 1831, 1847, 1848 рр. (Кривошея 2010b: 12).

У мілітарному відношенні Умань зберегла своє значення. У місті, що було центром військових поселень, постійно концентрувалися значні підрозділи російської армії. Це мало стратегічне значення для розвитку інфраструктури міста. В Умані й так було достатньо будівель цивільного призначення для розквартирування військ, а ще велика кількість продовольчих складів (Военно-статистическое 1848: 179–181). Та потреби армії прискорили процеси розбудови міста, передусім, розбудову промисловості.

На початку 80-х рр. XIX ст. одна з київських газет характеризувала Умань як одне з найкращих міст Київської губернії, що відрізнялося

від інших вигідним розташуванням, торгівлею, промисловістю, значною кількістю навчальних закладів. Місто поступалося в торгівлі Бердичеву та Білій Церкві, але за промисловим розвитком їх переважало. Умань слугувала своєрідним центром усіх транзитних шляхів із Київської та Подільської губерній, передусім на південь, до Одеси. Уманські євреї постійно вивчали динаміку цін у південній «Пальмірі» та, закупаючи пшеницю та інші продукти в сусідніх повітах, митально реагували підвищення чи пониження ціни й доставляли товар у порт (Заря 1881: 3). Отже, зростання єврейського населення Умані чималою мірою визначалося швидкими темпами його економічного розвитку, а збільшення числа єврейських підприємців, у свою чергу, сприяло прискореному розвитку міста.

Фактично Умань у кінці XVIII – на початку XX ст. була єврейським містом, позаяк більшість населення в цей період складала євреї. Єврейська громада мала в місті синагоги, громадську школу (Талмуд-Тору), школи грамоти (хедери), приватне чоловіче та два жіночих училища, безліч крамничок і бібліотеку. Не складно збагнути внесок єврейського населення в розвиток місцевої культури. Хоча подібні тенденції культурного прогресу демонстрували всі національні громади міста.

Місто, яке асоціювалося з трагедією 1768 р., стало з XIX ст. осередком поширення хасидизму завдяки похованню в 1810 р., згідно з заповітом, на старому єврейському цвинтарі рабі Нахмана (1772–1810) із Брацлава (Бреслава), більше відомого як цадик Нахман (Лукин і др. 2000: 16). Правнук рабина Ізраїля бан Еліезера (1700–1760), відомий також під іменем Баал Шем Тов (Власник Доброго Імені), був одним із фундаторів хасидського руху. Хасидизм – містичний релігійний напрям іудейського віросповідання, започаткований у 30-х рр. XVIII ст. на Поділлі в середовищі єврейської бідноти. Благочестивий Нахман, місце якого так і не посів жоден із наступників, заповідав відвідувати його могилу на єврейській Новий рік (Рош ха-Шан). (Кривошея 2005: 130; Кривошея 2010b: 10).

Проте негативне ставлення до євреїв у Російській імперії приводило до етнокультурних конфліктів. Інколи їх провокували самі євреї. Так, у 1894 р. з Умані на два роки виселили рабина Борочина. Він забороняв євреям купувати продукти харчування в росіян та звелів побити торгівку молочними продуктами єврейку Бейзер, яка порушила заборону (ЦДІАУК 2: 3–38). Наприкінці XIX ст. євреям було обмежено доступ у «Софіївку» за національною ознакою, зокрема, їм продавали білет, який був дійсний у всі дні тижня, крім неділі та свят. (Киевское слово 1896: 1).

Ситуація значно погіршилася зі встановленням радянської влади. У 20–30-х рр. XX ст. було ліквідовано хедер (школу) при синагозі

брацлавських хасидів, а в 1937 р. було закрито й синагогу (Шварцман 2012: 29). У цей період спостерігається й різке скорочення єврейського населення в місті. Перед війною в Умані проживало близько 10 тис. євреїв, що становило приблизно 18 % усього населення (Круглов 2016: 267). Цифри свідчать про те, що сталінські репресії в різний спосіб значною мірою змінили етнічне обличчя Умані.

Найбільших втрат єврейська громада Умані зазнала в роки Другої світової війни. Від початку окупації євреям було дозволено мешкати лише в гетто (район Старого базару). У Судний день (Йом-Кіпур) у вересні 1941 р. у Сухому яру неподалік від Умані почалися масові розстріли. Згодом ще одним розстрільним місцем став Собківський ліс поблизу Умані. У цих двох місцях було розстріляно понад 20 тис. євреїв з Умані та околиць (Шварцман 2012: 34).

Місця концтаборів та масових розстрілів українців і євреїв в роки Другої світової війни сьогодні є місцями спільної пам'яті. Міський ландшафт Умані активно поповнюється знаками / пам'ятниками, що актуалізують історичну пам'ять і мають слугувати примиренню й спільній скорботі українців, євреїв та поляків. Хоча це вдається не завжди. У 2015 р. в Умані було встановлено кінний пам'ятник очільникам повстання 1768 р. І. Гонті та М. Залізняка, що стало предметом гордості значної частини містян. Проте це місце пам'яті є дразливим для поляків та євреїв, тому інколи призводить до конфліктів.

Минуле міста визначає його сьогоднішня. Умань знають у світі завдяки чарівному дендрологічному парку «Софіївка», збудованому коштом Станіслава Потоцького для дружини Софії, а також паломництву брацлавських хасидів до могили цадика Нахмана. Після проголошення Україною незалежності спостерігається швидке зростання числа прочан-хасидів (понад 20–30 тис. лише на Рош-га-Шан), яке творить у районі поховання Нахмана неповторну атмосферу єврейського життя.

Сучасна Умань активно бере участь у русі народної дипломатії, яка допомагає долати як зовнішні кордони, так й усталені стереотипи. Серед поріднених міст є міста з Великобританії, Грузії, Естонії, Ізраїлю, Литви, Польщі, Румунії, США та Франції. Попри складну та контраверсійну історію співіснування українців, поляків та євреїв, в Умані найбільше угод підписано з містами Польщі (4) та Ізраїлю (3), і вони є найбільш продуктивними.

Нині видається, що Умань – це урбанізований простір взаємодії, простір, у якому залишилося мало місця для конфлікту. Проте ця картина нагадує палімпсест. Варто лише трішки її потерти, як вповні проступає жива зона конфлікту, як мінімум культурного, а інколи – й етноконфесійного. Для прикладу можна поспостерігати за мешканцями міста та хасидами під час щорічного паломництва або почати

обговорювати котрუსь із непростих тем минулого Умані. Свідченням слугують цьогорічні наукові конференції, організовані українською науковою спільнотою до 250-ліття подій 1768 р. в Умані. Проявилися доволі різні погляди на складні події, що само по собі нормально. Проблема в тому, що при обговоренні болючих тем надто швидко зникає толерантність, навіть саме бажання почути іншого. А це надважливо для майбутнього міста, що формує спільні місця пам'яті для представників різних національностей, релігій і культур.

ЛІТЕРАТУРА

Архив ЮЗР 1890а – Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе: в 37 т. Киев, 1859–1914. Ч. 5, т. 2: Переписи еврейского населения в Юго-западном крае в 1765–1791 гг.: Вып. 1. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. С. 239, 1045.

Архив ЮЗР 1890b – Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе: в 37 т. Киев, 1859–1914. Ч. 5, т. 2: Переписи еврейского населения в Юго-западном крае в 1765–1791 гг., вып. 2. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. 239, 383–1045, IV с.

Бодров 2001 – *Бодров Ю.І.* Історія Уманського козацького полку. Київ, 2001. 276 с.

Брехуненко 2011 – *Брехуненко В.* Козаки на степовому кордоні: Типологія козацьких спільнот XVI–XVII ст. Київ, 2011. 503 с.

Бутич 1970 – *Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст.: зб. док. / Під ред. І. Бутича, Ф.П. Шевченка.* Київ: Наукова думка, 1970. 660 с.

Васільєв 2015 – *Васільєв С.А.* Умань в XVII – на початку XX ст.: формування внутрішньої інфраструктури, соціально-економічний та культурно-освітній розвиток: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Миколаїв, 2015. 20 с.

Величко 1991 – *Величко С.В.* Літопис. Київ, 1991. Т. I. 369 с.

Верменич 2011 – *Верменич Я.В.* Історична урбаністика в Україні: теорія містознавства і методика літочислення. Київ: Інститут історії України НАН України, 2011. 306 с.

Военно-статистическое 1848 – Военно-статистическое обозрение Российской империи / Издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. СПб.: в типографии Департамента Генерального штаба, 1848–1858. Т. 10. Ч. 1: Киевская губерния 1848. [2], 333 с., [13] л. табл.

Пісцова 1998 – *Архів Коша Нової Запорозької Січі.* Корпус документів.

1734–1775 / Упорядники: Гісцова Л.З. та ін. Київ, 1998. Т. 1. 696 с.

Глазычѳв и др. 1995 – *Глазычѳв В.А., Гольц Г.А., Карпов С.П. и др.* Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. 351 с.

Грибовський 2012 – *Грибовський В.* Поняття «фронтир» і «азійський кордон» як інструменти дослідження українського степового порубіжжя XVI–XVIII ст. Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 2012. Т. 25. С. 109–136.

Грушевський 1996 – *Грушевський М.* Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / рекол.: П. Сохань (голова) та ін. Київ: Наукова думка, 1996. Т. 9, кн. 1. 880 с.

ДАКО 1 – Державний архів Київської області (ДАКО). Ф. 2. Оп. 3. Спр. 376. Листування про питання щодо перетворення Київської губернії та укомплектування штатів судових закладів губернії (1797).

ДАКО 2 – Державний архів Київської області. Ф. 2. Оп. 3. Спр. 2164. Справа про продаж маєтку поміщиці графині Потоцької з додатками опису інвентаря та листування з губернським землеміром і Київською казенною палатою з цього питання (1809–1810).

Дашкевич 1990 – *Дашкевич Я.* Козацтво на Великому кордоні /Українське козацтво: сучасний стан та перспективи дослідження проблеми (Матеріали «круглого столу») // Український історичний журнал. 1990. № 2.

Єгоров 2009 – *Єгоров Ю.І.* Архітектура і ландшафт у розвитку історичних міст України. Київ, Умань: КНУБіА, 2009. 197 с.

Заря 1881 – *Н.І.В.* Внутренний отдел. Умань // Заря. 1881. 26 июля. № 164.
ІР НБУВ 1 – Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В. Вернадського (ІР НБУВ). Ф. ІІ. Спр. 28874. Відомості по Уманському повіту (1845).

Історія 1991 – Історія русів. Київ, 1991. 318 с.

К вопросу 1914 – К вопросу образования Уманской губернии // Голос Умани. 1914. 1 июня. № 94.

Каппелер 2003 – *Каппеллер А.* Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. 2003. № 1. С. 47–63.

Киевское слово 1896 – Ведомости из Умани // Киевское слово. 1896. 24 января. № 3003.

Киридон 2016 – *Киридон А.* Гетеротопії пам'яті: Теоретико-методологічні проблеми студій пам'яті. Київ.: Ніка-Центр, 2016. 320 с.

Клименко 2006 – *Клименко П.* З історії забудови Умані. Умань: АЛМІ, 2006.

Клименко 2016 – *Клименко Т.А.* Умань у XVII–XIX ст.: розквіт та занепад // Архіви України. 2016. № 1. С. 90–96.

Коваль 2007 – *Коваль А.У.* Україна незалежна: Літопис міста Умані. Умань: АЛМІ, 2007. 176 с.

Константинова 2010 – *Константинова В.М.* Урбанізація: південноукраїнський вимір (1861–1904 роки). Запоріжжя: АА ТанDEM, 2010. 596 с.

Кривошея 2004 – *Кривошея В.* Генеалогія україньскаго козацтва: Нариси історіі козацьких полків. Київ: Стилос, 2004. 391 с.

Кривошея 2005 – *Кривошея И.* Еврейские страницы истории города Умани // Материалы Двенадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. Т. II. С. 126–137.

Кривошея 2006 – *Кривошея И.* Умань и паломничество брацлавских хасидов к могиле цадика Нахмана: панорама местной прессы (80-е годы XX – начало XXI в.) // Материалы Тринадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М.: Сэфэр, 2006. С. 478–490.

Кривошея 2008а – *Кривошея В.В.* Козацька еліта Гетьманщини. Київ, 2008. 452 с.

Кривошея 2008b – *Кривошея И.И.* Польськіе аристократы Потоцкіе и украинско-польський діалог XVIII–XIX веков // Drogi i bezdroża komunikacji. Gniezno, 2008. S. 135–141.

Кривошея 2009 – *Кривошея І.І.* Місто Умань у власності графів Потоцьких (друга чверть XVIII – перша третина XIX ст.): територія конфлікту, компромісу чи взаємодії? Проблеме історії України XIX – початку XX ст. Київ: Інститут історії України, 2009. Вип. XVI. С. 173–183.

Кривошея 2010а – *Кривошея В.В.* Козацька старшина Гетьманщини. Енциклопедія. Київ: Стилос, 2010. 792 с.

Кривошея 2010b – *Кривошея І.І.* Історія та геральдика Умані. Умань: Софія, 2010. 24 с.

Кривошея 2011 – *Кривошея І.* Умань – місто на кордоні Речі Посполитої і Запорізької Січі // Гілея: Збірник наукових праць. Київ, 2011. Вип. 52. С. 180–184.

Кривошея, Кривошея 2010 – *Кривошея І.І., Кривошея Ір.І.* Внесок польських аристократів Потоцьких в історико-архітектурну спадщину Умані // Україньсько-польський науковий діалог в Умані. Вип. 2: Формування сучаснаго архітектурнаго середовища історичних міст на основі реабілітації історико-містобудівної спадщини. Умань; Гнезно; Ланьцут; Познань, 2010. С. 96–102.

Круглов 2016 – *Круглов А., Уманский А., Щупак И.* Холокост в Украине: Рейхскомиссариат «Украина», губернаторство «Транснистрия»: монографія. Дніпро: Украинский институт изучения Холокоста «Ткума»; ЧП «Лири ЛТД», 2016. 564 с.

Кузнець 2005 – *Кузнець Т.В.* Населення Уманщини XIX – початку XX століття. Київ: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2005. 195 с.

Ландшафты 2008 – *Ландшафты: оптики городских исследований: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп. Вильнюс: ЕГУ, 2008. 474 с.*

Леп'явко 2011 – *Леп'явко С.* Великі кордони українців // Гілея. 2011. Вип. 52. С. 72–88.

Лукин, Соколова, Хаймович 2000 – *Лукин В., Соколова А., Хаймович Б.* Сто єврейських местечек України. Исторический путеводитель. Вып. 2: Подолия. СПб., 2000. 704 с.

Луняк 2013 – *Луняк Є.* Козацька Україна XVI–XVIII ст. очима французьких сучасників: хрестоматія. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2013. 508 с.

Мицик 2002 – *Мицик Ю.А.* Умань козацька і гайдамацька. Київ: Києво-Могилянська Академія, 2002. 187 с.

Нікітін 2014 – *Нікітін Ю.О.* Пореформені міста Полтавської, Харківської та Чернігівської губерній у другій половині XIX ст.: історичний аспект самоврядування. Вінниця: Нілан, 2014. 251 с.: табл.

Поверх кордону 2011 – «Поверх кордону»: концепція прикордоння як об'єкт дослідження // Дискусія. Україна Модерна. 2011. № 18. С. 43–77.

РГАДА 1 – Российский государственный архив древних актов в г. Москва (РГАДА). Ф. 229. Оп. 2. Д. 42. Книга крестоприводная присяжная Государю царю и Великому князю Федору Алексеевичу 7184: а от Рождества Христова 1676 году.

Реєстр 1995 – Реєстр Війська Запорозького 1649 року. Київ: Наукова думка, 1995. 592 с.

Рибер 2004 – *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронтиру: сравнительно-исторический поход // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. И. Герасимов. Казань, 2004. С. 199–222.

Скальковский 1845 – *Скальковский А.А.* Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии. 1733–1768. Одесса: в Гор. тип., 1845. 230, II с.

Сокирко 2018 – *Сокирко О.* На варта булави. Надвірні війська українських гетьманів середини XVII – другої половини XVIII ст.: науково-популярне видання. Київ: Темпора, 2018. 184 с.

Софонович 1992 – *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. 333 с.

Суляк 2013 – *Суляк С.Г.* Казак Андрей Суляк (к вопросу об участии выходцев из Молдавии в гайдамацком движении 1734 г.) // Русин. 2013. № 2 (32). С. 42–61. DOI: 10.17223/18572685/32/4

Ткаченко 1927 – *Ткаченко М.* Гуманщина в XVI–XVII вв. Київ: Друкарня Української академії наук, 1927. 32 с.

Трубина 2011 – *Трубина Е.Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.: ил.

Турунен 2018 – *Турунен А.* Забуті історії міст. Як багатство та культурний розвиток здобуваються толерантністю. Київ: Ніка-Центр, Видавництво Анетти Антоненко, 2018. 288 с.

Халебський 2008 – *Халебський П.* Україна – земля козаків: Подорожній щоденник / упоряд. М.О. Рябий; післям. В.О. Яворівського. Київ: Укр. письменник; Ярославів Вал, 2008. 293 с.

Храбан 1989 – *Храбан Г.Ю.* Спалах гніву народнаго (антйфеодалнае народна-внзвольнае повстанна на Правобережнай Украіна ў 1768–1769 рр.). Кіаў: Від-во при Кіаў. ун-ті, 1989. 176 с.

ЦДІАУК 1 – Цэнтральнаы державнаы історычнаы архіа Украіна в м. Кіаеві (ЦДІАК Украіна). Ф. 442. Оп. 1 (т. III). Спр. 2169. Указ Сенату від 30 квтня 1838 р. про передачу м. Умані у відомство військоах поселень.

ЦДІАУК 2 – ЦДІАК Украіна. Ф.442. Оп. 844. Спр. 436. Спраа про внселенна з м. Умані рабна Борочна за заборону євреяа купуватн продукта харчуванна у росіяа та побнтта торгавкн молочнаа продуктаа єврейкн Бейзер, яка порушнла заборону, уманськнма євреяа.

ЦДІАУК 3 – ЦДІАК Украіна. Ф. 533. Оп. 2. Спр. 210. Відомість про чнсло мешканців в м. Умані, яке належнт помішкн Александрн Потоцькнму, з вказівкню про рїзнн будівлі та зааводн (2 вересня 1827 р.).

Чорновол 2015 – *Чорновол І.* Компаратнвн фронтнрн: світовнй і вїтчнзнаннй внмїр. Кіаў: Крнтка, 2015. 376 с.

Шварцман 2012 – *Шварцман Ш.* Еврейская жнзнь в Уманн. 4-е изд., доп. Умань, 2012. 60 с.

Шнян 2012 – *Шнян Р.І.* «Фронтнр зовнїшнїй» і «фронтнр внутрїшнїй»: канцепція пївденноукраїнського прикордонна мїж 1680-ма – 1750-ма рокаа. Науковн праці історычнаго факультету Запорїзького нацїонального унїверснтету. 2012. Внп. XXXII. С. 96–105.

Шлегель 2017 – *Шлегель К.* Украинский вызов. Открытие европейской страны. Кіаў: Дух і Літера, 2017. 368 с.

AGAD 1 – Archiwum Głównе Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). Metryka Koronna. Księga sigillat 7, k.32v. Nadanie prawa magdebuskiego miastu Humaniowi na Ukrainienie stojącemu.

Jabłonowski 1894 – *Źródła dziejowe.* Wyd. A. Jabłonowski. Warszawa, 1894. T. XXII.

Kryvosheia 2016 – *Kryvosheia I.* Basilian Monks in the West – East Dialogue: Cultural and Religious Aspect // World in Dialogue. Intercultural Problems in the Religious, Economic, Communication and Educational Context. Orbis Terrarum. Poznań, 2016. Vol. V. S. 93–107.

Kryvosheya, Zabolotna 2013 – *Kryvosheya I., Zabolotna O.* Uman pilgrimage: blessing or scourge? // Tourism in the circle on the European culture. Seria Orbis Terrarum. Gniezno, 2013. Vol. II. S. 141–150.

McNiel 1964 – *McNiel William H.* Europe's steppe Frontier. 1500–1800. Chicago; London, 1964. 264 s.

REFERENCES

Russia. (1890a) *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii, izdavaemyy vremennoy komissey dlya razbora drevnikh aktov, vysochayshe uchrezhdennoy pri Kievskom*

voennom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore: v 37 t. [The Archive of South-Western Russia, issued by a temporary commission consolidated by the Imperial Court under the Kiev military, Podolsk and Volhynia Governor-General to review ancient acts: In 37 vols]. Vol. 2. Kiev: G.T. Korchak-Novitsky. pp. 239, 1045.

Russia. (1890b) *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii, izdavaemyy vremennoy komissiiy dlya razbora drevnikh aktov, vysochayshe uchrezhdennoy pri Kievskom voennom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore: v 37 t.* [The Archive of South-Western Russia, issued by a temporary commission consolidated by the Imperial Court under the Kiev military, Podolsk and Volhynia Governor-General to review ancient acts: In 37 vols]. Vol. 2. Kiev: G.T. Korchak-Novitsky. pp. 239, 383–1045.

Bodrov, Yu.I. (2001) *Istoriya Umans'kogo kozats'kogo polku* [History of the Uman Cossack Regiment]. Kyiv: [s.n.].

Brekhunenko, V. (2011) *Kozaki na stepovomu kordoni: Tipologiya kozats'kikh spil'not XVI–XVII st.* [Cossacks on the steppe frontier: A typology of Cossack joint notes of the sixteenth and seventeenth century]. Kyiv.

Butich, F.P. & Shevchenko, F.P. (eds) (1970) *Gaydamats'kiy rukh na Ukraïni v XVIII st.* [The Haydamak movement in Ukraine in the 18th century]. Kyiv: Naukova dumka.

Vasiliev, S.A. (2015) *Uman' v XVII – na pochatku XX st.: formuvannya vnutrishn'oi infrastrukturi, sotsial'no-ekonomichniy ta kul'turno-osvitniy rozvitok* [Uman in the 17th – early 20th centuries: formation of the internal infrastructure, socio-economic, cultural and educational development]. Abstract of History Cand. Diss. Mykolaiv

Velichko, S.V. (1991) *Litopis* [Chronicle]. Vol. 1. Kyiv: [s.n.].

Vermenich, Ya.V. (2011) *Istorighna urbanistika v Ukraïni: teoriya mistoznavstva i metodika litochislennya* [Historical Urbanistics in Ukraine: Theory of city study and methodology of chronology]. Kyiv: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Russian General Staff Department. (1848) *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii / Izdavaemoe po Vysochayshemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo shtaba* [Military Statistics Review of the Russian Empire / Published by the Imperial Order at the 1st Branch of the General Staff Department]. Vol. 10. St. Petersburg: General Staff Department.

Gistsova, L.Z. (ed.) (1998) *Arkhiv Kosha Novoi Zaporoz'koi Sichi. Korpus dokumentiv. 1734–1775* [The Archive of Kosh Nova Zaporozhian Sich. Documents. 1734–1775]. Vol. 1. Kyiv: [s.n.].

Glazychev, V.A., Golts, G.A., Karpov, S.P. i dr. (1995) *Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsessa* [The city as a sociocultural phenomenon of the historical process]. Moscow: Nauka.

Gribovsky, V. (2012) Ponyattya “frontier” i “aziys'kiy kordon” yak instrumenti doslidzhennya ukraïns'kogo stepovogo porubizhzhya XVI–XVIII st. [The notion

“frontier” and “Asian border” as research tools of the Ukrainian steppe frontier of the 16th – 18th centuries]. *Naukovi zapiski. Zbirnik prats' molodikh vchenikh ta aspirantiv*. 25. pp. 109–136.

Hrushevsky, M. (1996) *Istoriya Ukraïni-Rusi: v 11 t.* [History of Ukraine-Russia: in 11 vols]. Vol 9. Kyiv: Naukova dumka.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO). (n.d.) *Listuvannya pro pitannya shchodo peretvorenniya Kiivs'koï gubernii ta ukomplektuvannya shtativ sudovikh zakladiv gubernii (1797)* [Correspondence on the transformation of the Kyiv province and the personnel of the state courts of the province (1797)]. Fund 2. List 3. File 376.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO). (n.d.) *Sprava pro prodazh maetku pomishchitsi grafini Potots'koï z dodatkami opisu inventarya ta listuvannya z guberns'kim zemleimrom i Kiivs'koyu kazennoyu palatoyu z ts'ogo pitannya (1809–1810)* [Case on the sale of the land by the landowner Countess Pototskaya with annexes describing the equipment and correspondence with the provincial land surveyor and the Kyiv State Chamber on this issue (1809–1810)]. Fund 2. List 3. File 2164.

Dashkevich, Ya. (1990) *Kozatstvo na Velikomu kordoni /Ukraïns'ke kozatstvo: suchasniy stan ta perspektivi doslidzhennya problemi (Materiali “kruglogo stolu”)* [Cossacks on the Great Border / Ukrainian Cossacks: Current State and Prospects for Researching the Problem (Materials of the Round Table)]. *Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal*. 2.

Egorov, Yu. I. (2009) *Arkhitektura i landshaft u rozvitku istorichnikh mist Ukraïni* [Architecture and landscape in the development of historical cities of Ukraine]. Kyiv, Uman: KNUBiA.

Zarya. (1881) N.I.B. Vnutrenniy otdel. Uman' [N.I.B. The interior department. Uman]. 26th July.

Institute of the Manuscript of the V. Vernadsky National Library of Ukraine (IR NBUV). (1845) *Vidomosti po Umans'komu povitu (1845)* [Information on the Uman County (1845)]. Fund II. File 28874.

Anon. (1991) *Istoriya Rusiv* [History of Ruthenians or Little Russia]. Kyiv: Veselka.

Golos Umani. (1914) K voprosu obrazovaniya Umanskoï gubernii [On the formation of Uman province]. 1st June.

Kapeller, A. (2003) The Russian Southern and Eastern Frontiers from the 15th to the 18th Centuries. *Ab Imperio. Teoriya i istoriya natsionalizma i imperii v postsovetskom prostranstve – Ab Imperio. Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 1. pp. 47–63 (In Russian).

Kievskoe slovo. (1896) *Vedomosti iz Umani* [News from Uman]. 24th January.

Kiridon, A. (2016) *Geterotopii pam'yati: Teoretiko-metodologichni problemi studiy pam'yati* [Heterotopia of memory: Theoretical and methodological problems of memory studies]. Kyiv: Nika-Tsentr.

Klimenko, P. (2006) *Z istorii zabudovi Umani* [From the history of Uman development]. Uman: ALMI.

Klimenko, T.A. (2016) Uman' u XVII–XIX st.: rozkvit ta zanepad [Uman in the 17th – 19th centuries: Heyday and decline]. *Arkhivi Ukraïni*. 1. pp. 90–96.

Koval, A.U. (2007) *Ukraïna nezalezhna: Litopis mista Umani* [Independent Ukraine. The Uman Chronicle]. Uman: ALMI.

Konstantinova, V.M. (2010) *Urbanizatsiya: pivdenoukraïns'kiy vimir (1861–1904 roki)* [Urbanization: Southern Ukrainian Dimension (1861–1904)]. Zaporizhzhya: AA Tandem.

Krivoshеya, V. (2004) *Genealogiya ukraïns'kogo kozatstva: Narisi istorii kozats'kikh polkiv* [Genealogy of the Ukrainian Cossacks: Essays on the history of the Cossack regiments]. Kyiv: Stilos.

Krivoshеya, I. (2005) Evreyskie stranitsy istorii goroda Umani [The Jewish Pages in the History of Uman]. In: Kaplanov, R.M. & Mochalova, V.V. (eds) *Materialy Dvenadtsatoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaïke* [Proceedings of the Twelfth Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies]. Vol. 2. Moscow: Sefer, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 126–137.

Krivoshеya, I. (2006) Uman' i palomnichestvo bratslavskikh khasidov k mogile tsadika Nakhmana: panorama mestnoy pressy (80-e gody XX – nachalo XXI v.) [Uman and the pilgrimage of Bratslav Hasidim to the grave of Tsadik Nachman: A panorama of the local press (1980s – early 21st century)]. In: Burmistrov, K.Yu., Kaplanov, R.M., Mochalova, V.V. & Podolskaya, I.I. (eds) *Materialy Trinadtsatoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaïke* [Proceedings of the Twelfth Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies]. Moscow: Sefer. pp. 478–490.

Krivoshеya, I.I. (2008) Pol's'kie aristokraty Pototskie i ukraïnsko-pol's'kiy dialog XVIII–XIX vekov [Polish aristocrats Pototsky and Ukrainian-Polish dialogue of the 18th – 19th centuries]. In: Łukomski, B. (ed.) *Drogi i bezdrozha komunikacji* [Roads and wilderness of communication]. Gniezno: Collegium Europaeum Gnesnense. pp. 135–141.

Krivoshеya, V.V. (2008) *Kozats'ka elita Get'manshchini* [The Cossack elite of the Hetmanate]. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine.

Krivoshеya, I.I. (2009) Misto Uman' u vlasnosti grafiv Potots'kikh (druga chvert' XVIII – persha tretina XIX st.): teritoriya konfliktu, kompromisu chi vzaemodii? [The city of Uman, owned by the Count of Potocki (the second quarter of the 18th – first third of the 19th century): the territory of conflict, compromise or interaction?] In: Reent, O.P. (ed.) *Problemi istorii Ukraïni XIX – pochatku XX st.* [Issues of History of Ukraine of the 19th – Early 20th Centuries]. Issue 16. Kyiv: Institute of history of Ukraine. pp. 173–183.

Krivoshеya, V.V. (2010) *Kozats'ka starshina Get'manshchini. Entsiklopediya* [Cossack elder of the Hetmanate. Encyclopedia]. Kyiv: Stilos.

Krivosheya, I.I. (2010) *Istoriya ta gerald'ika Umani* [Uman History and Heraldry]. Uman: Sofiya.

Krivosheya, I. (2011) Uman' – misto na kordoni Rechi Pospolitoi i Zaporiz'koï Sichi [Uman as a city on the border of the Commonwealth of Poland and Zaporizhzhya Sich]. *Gileya: Zbirnik naukovikh prats'*. 52. pp. 180–184.

Krivosheya, I.I. & Krivosheya, Ir.I. (2010) Vnesok pol's'kikh aristokrativ Potots'kikh v istoriko-arkhitekturnu spadshchinu Umani [Contribution of the Polish aristocrats Pototsky to the historical and architectural heritage of Uman]. In: Krivosheya, I.I. & Palamarchuk, S.V. (eds) *Ukrains'ko-pol's'kiy naukoviy dialog v Umani* [Ukrainian-Polish scientific dialogue in Uman]. Issue 2. Uman; Gnezno; Lantsut; Poznan. pp. 96–102.

Kruglov, A., Umansky, A. & Shchupak, I. (2016) *Kholokost v Ukraine: Reyhskomissariat "Ukraina", gubernatorstvo "Transnistriya"* [The Holocaust in Ukraine: Reich Commissariat "Ukraine", Transnistria Governorship]. Dnipro: Ukrainian Institute for Holocaust Studies "Tkuma"; PE "Lira LTD".

Kuznets, T.V. (2005) *Naselennya Umanshchiny XIX – pochatku XX stolittya* [The population of Uman in the 19th – early 20th centuries]. Kyiv: Kiïvs'kiy universitet.

Mileryus, N. & Koup, B. (2008) *Landshafty: optiki gorodskikh issledovaniy* [Landscapes: Optics of urban research]. Vilnius: ESU.

Lepyavko, S. (2011) Veliki kordoni ukraïntsiiv [The Great Borders of Ukrainians]. *Gileya*. 52. pp. 72–88.

Lukin, V., Sokolova, A. & Khaymovich, B. (2000) *Sto evreyskikh mestechek Ukrainy. Istoricheskiy putevoditel'* [Hundred Jewish Towns of Ukraine. A Historical Guide]. Issue 2. St. Petersburg: A. Gersht.

Lunyak, E. (2013) *Kozats'ka Ukraïna XVI–XVIII st. ochima frantsuz'kikh suchasnikiv* [Cossack Ukraine of the 16th – 18th centuries through the eyes of French contemporaries]. Nizhin: N. Gogol Nizhin State University.

Mitsik, Yu.A. (2002) *Uman' kozats'ka i gaydamats'ka* [Uman of Cossacks and Haydamaks]. Kyiv: Kyiv-Mohyla Academia.

Nikitin, Yu.O. (2014) *Poreformeni mista Poltav's'koï, Kharkiv's'koï ta Chernigiv's'koï guberniy u drugiy polovini XIX st.: istorichniy aspekt samovyaduvannya* [Post-reform Poltava, Kharkiv and Chernihiv provinces in the second half of the 19th century: Historical aspect of self-government]. Vinnitsa: Nilan.

Lepyavko, S., Kappeler, A., Plokhii, S. & Wolf, L. (2011) "Poverkh kordonu": kontsepsiya prikordonnya yak ob'ekt doslidzhennya ["Above the border": the concept of borderland as an object of research]. *Ukraïna Moderna*. 18. pp. 43–77.

The Russian State Archive of Ancient Acts. *Kniga krestoprivodnaya prisyzhnaya Gosudaryu tsaryu i Velikomu knyazyu Fedoru Alekseevichu 7184: a ot Rozhdestva Khristova 1676 godu* [The book is a cross-captive jury to the Tsar and Grand Duke Fyodor Alekseevich 7184: 1676 A.D.]. Fund 229. List 2. File 42.

Anon. (1995) *Reestr Viys'ka Zaporoz'kogo 1649 roku* [The Register of the Zaporozhian Army in 1649]. Kyiv: Naukova dumka.

Riber, A. (2004) *Menyayushchiesya kontseptsii i konstruktsii frontiru: sravnitel'no-istoricheskii pokhod* [The Changing Concepts and Designs of the Frontier: A Comparative Historical Campaign]. In: Gerasimov, I. (ed.) *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [New Imperial History of the Post-Soviet Space]. Kazan: Centre for the Study of Nationalism and Empire. pp. 199–222.

Skalkovsky, A.A. (1845) *Naezdy gaydamak na Zapadnyyu Ukrainu v XVIII stoletii. 1733–1768* [Gaidamak raids on Western Ukraine in the 18th century. 1733–1768]. Odessa: v Gor. tip.

Sokirko, O. (2018) *Na varta bulavi. Nadvirni viys'ka ukrains'kikh get'maniv seredini XVII – drugoi polovini XVIII st.* [To guard the maces. Extra troops of Ukrainian hetmans in the mid-17th – second half of the 18th centuries]. Kyiv: Tempora.

Sofonovich, F. (1992) *Khronika z litopistsiv starodavnikh* [Chronicle of the Ancient Chroniclers]. Kyiv: [s.n.].

Sulyak, S.G. (2013) The Cossack Andrey Sulyak (regarding the part of native Moldavians in the Haidamak Movement of 1734). *Rusin*. 2(32). pp. 42–61 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/32/4

Tkachenko, M. (1927) *Gumanshchina v XVI–XVII vv.* [Humanism in the 16th – 17th centuries]. Kyiv: Ukrainian Academy of Sciences.

Trubina, E.G. (2011) *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [City in theory: experiments in space comprehension]. Moscow: NLO.

Turunen, A. (2018) *Zabuti istorii mist. Yak bagatstvo ta kul'turniy rozvitok zdobuvayut'sya tolerantnistyu* [Forgotten city histories. How wealth and cultural development are acquired by tolerance]. Kyiv: Nika-Tsent, Vidavnitstvo Anetti Antonenko.

Khalebsky, P. (2008) *Ukraina – zemlya kozakiv: Podorozhnyi shchodennik* [Ukraine – the Land of Cossacks: A Travel Diary]. Kyiv: Ukr. pis'mennik; Yaroslaviv Val.

Khraban, G.Yu. (1989) *Spalakh gnivu narodnogo (antifeodal'ne narodnovizvol'ne povstannya na Pravoberezhnyi Ukraini u 1768–1769 rr.)* [People's anger outbreak (antifeudal popular liberation uprising in the Right-Bank Ukraine in 1768–1769)]. Kyiv: Vid-vo pri Kiiiv. un-ti.

Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv (Central State Historical Institute of Ukraine). *Ukaz Senatu vid 30 kvitnya 1838 r. pro peredachu m. Umani u vidomstvo viys'kovikh poselen'* [Decree of the Senate of April 30, 1838 on the transfer of the city of Uman to the military settlements]. Fund 442. List 1 (Vol. III). File 2169.

Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv (Central State Historical Institute of Ukraine). *Sprava pro viselennya z m. Umani rabina Borochina za zaboronu evreyam kupuvati produkti kharchuvannya u rosiyan ta pobittya torgovki molochnimi produktami evreyki Beyzer, yaka porushila zaboronu, umans'kimi*

evreyami [The case of the eviction from Uman of Rabbi Borokhin forbidding Jews to buy food from Russians and beating Jeyski Bayeriser, who has violated the prohibition, by Uman Jews]. Fund 442. List 844. File 436.

Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv (Central State Historical Institute of Ukraine). *Vidomist' pro chislo meshkantsiv v m. Umani, yake nalezhit' pomishchiku Aleksandru Potots'komu, z vkazivkoju pro rizni budivli ta zavodi (2 veresnya 1827 r.)* [A note on the number of inhabitants in Uman, which belongs to the landowner Alexander Pototsky, with reference to various buildings and plants (September 2, 1827)]. Fund 533. List 2. File 210.

Chornovol, I. (2015) *Komparativni frontiri: svitoviy i vitchiznyaniy vimir* [Combined Frontiers: World and National Dimension]. Kyiv: Kritika.

Shvartsman, Sh. (2012) *Evreyskaya zhizn' v Umani* [Jewish life in Uman]. 4th ed. Uman: [s.n.].

Shiyan, R.I. (2012) "Frontir zovnishniy" i "frontir vnutrishniy": kontsepsiya pivdenou-kraïns'kogo prikordonnya mizh 1680-mi – 1750-mi rokami [The external and internal frontier: the concept of the southern border between 1680 and 1750]. *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu*. 32. pp. 96–105.

Schlegel, K. (2017) *Ukrainskiy vyzov. Otkrytie evropeyskoy strany* [Ukrainian Challenge. The opening of a European country]. Translated from German. Kyiv: Dukh i Litera.

Central Archives of Historical Records in Warsaw (AGAD). *Metruka Kogonna. Księga sigillat 7, k.32v. Nadanie prawa magdebuskiego miastu Humanowi na Ukrainienie stojęcemu*.

Jałbonowski, A. (ed.) (1894) *Źródła dziejowe* [Historical Sources]. Vol. 22. Warsaw: [s.n.].

Kryvosheia, I. (2016) Basilian Monks in the West – East Dialogue: Cultural and Religious Aspect. In: *World in Dialogue. Intercultural Problems in the Religious, Economic, Communication and Educational Context*. Vol. V. Poznan: [s.n.]. pp. 93–107.

Kryvosheya, I. & Zabolotna, O. (2013) Uman pilgrimage: blessing or scourge? In: *Tourism in the circle on the European culture*. Vol. II. Gniezno: [s.n.]. pp. 141–150.

McNiel, W.H. (1964) *Europe's steppe Frontier. 1500–1800*. Chicago; London: University of Chicago Press.

Кривошея Игорь Иванович – кандидат исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и методик обучения Уманского государственного педагогического университета им. П. Тычины (Украина).

Кривошея Ігор Іванович – кандидат історичних наук, професор кафедри всесвітньої історії та методик навчання Уманського державного педагогічного університету ім. П. Тичини (Україна).

Igor I. Kryvosheia – Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: igorkryvosheia@gmail.com

Кривошея Ирина Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и методик обучения Уманского государственного педагогического университета им. П. Тычины (Украина).

Кривошея Ірина Іванівна – доктор історичних наук, професор кафедри всесвітньої історії та методик навчання Уманського державного педагогічного університету ім. П. Тичини (Україна).

Iryna I. Krivosheya – Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: iivahnuk@i.ua

УДК 94(477.81): 271.2(470+571)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/8

РІВНЕНСЬКЕ РОСІЙСЬКЕ ПРАВОСЛАВНЕ БЛАГОДІЙНЕ ТОВАРИСТВО У МІЖВОЄННИЙ ПЕРІОД

Р.П. Давидюк

Рівненський державний гуманітарний університет

Україна, 33028, м. Рівне, вул. С. Бандери, 12

E-mail: ruslanarivne1963@ukr.net

Авторське резюме

Після Першої світової війни і революційних подій територія колишньої Волинської губернії була розділена згідно Ризького мирного договору. Західна її частина відійшла до складу Другої Речі Посполитої, де було утворено у 1921 р. Волинське воєводство. Російське населення цього регіону було представлено як місцевими жителями, що мешкали тут з часів Російської імперії, так і російськими політичними емігрантами, які, не зважаючи на обмеження, встановлені польською владою, оселилися на цій території.

Автор, послуговуючись неопублікованими документами Державного архіву Рівненської області, Галузевого державного архіву Служби безпеки України м. Рівне, розглядає передумови утворення Російського православного благодійного товариства у м. Рівному, аналізує його статут, персональний склад, різні аспекти діяльності у міжвоєнний час. Доведено, що співпраця російських політичних емігрантів з місцевою російською громадою виявилася в опіці над приватною гімназією, утворенням бібліотек, спортивного клубу, гуртків, налагодженням культурно-просвітницької та благодійної роботи. На початку Другої світової війни частина громадських активістів з числа російського населення була арештована органами НКВС.

Ключові слова: Друга Річ Посполита, Волинське воєводство, російська політична еміграція, Російське православне благодійне товариство, культурно-просвітницька діяльність, благодійність, російська приватна гімназія.

РОВЕНСКОЕ РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Р.П. Давидюк

Ровенский государственный гуманитарный университет
Украина, г. Ровно, ул. С. Бандеры, 12
E-mail: ruslanarivne1963@ukr.net

Авторское резюме

После Первой мировой войны и революционных событий территория бывшей Волынской губернии была разделена в соответствии с Рижским мирным договором. Западная ее часть вошла в состав Второй Речи Посполитой, где было образовано в 1921 г. Волынское воеводство. Русское население этого региона было представлено как местными жителями, проживавшими здесь со времен Российской империи, так и русскими политическими эмигрантами, которые, несмотря на ограничения со стороны польских властей, поселились на данной территории.

Автор, используя неопубликованные документы Государственного архива Ровенской области, Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины г. Ровно, рассматривает предпосылки образования Русского православного благотворительного общества в Ровно, анализирует его устав, личный состав, различные аспекты деятельности в межвоенный период. Доказано, что сотрудничество русских политических эмигрантов с местной русской общиной проявилось в опеке над частной гимназией, образовании библиотек, спортивного клуба, кружков, налаживании культурно-просветительской и благотворительной деятельности. В начале Второй мировой войны многие общественные активисты из числа русского населения были арестованы органами НКВД.

Ключевые слова: Вторая Речь Посполитая, Волынское воеводство, русская политическая эмиграция, Русское православное благотворительное общество, культурно-просветительская деятельность, благотворительность, русская частная гимназия.

RIVNE RUSSIAN ORTHODOX CHARITY ASSOCIATION IN THE INTERWAR PERIOD

R. Davydiuk

Rivne State University of Humanities
12 S. Bandera Street, Rivne, 33028, Ukraine
E-mail: ruslanarivne1963@ukr.net

Abstract

After World War I and October Revolution, the territory of the former Volhynian province was divided under the Treaty of Riga. Its western part went to The Second Polish Republic, where the Volhynian voivodeship was formed in 1921. The Russian population of this region was represented by locals who lived here since the Russian Empire as well as Russian political emigrants who settled in this territory despite the restrictions established by the Polish authorities. The author uses the unpublished documents of the Rivne State Archives and the Branch State Archive of the Security Service of Ukraine in Rivne to considers the prerequisites for the formation of the Russian Orthodox Charity Association in Rivne and to analyse its charter, personnel and other aspects of activity during the interwar period. The cooperation of Russian political emigrants with the local Russian community resulted in supervision over a private gymnasium, formation of libraries, sports club, coteries and other educational and charitable activities. When World War II began, some of Russian public activists were arrested by the NKVD.

Keywords: Second Polish Republic, Volhynian voivodeship, Russian political emigration, Russian Orthodox Charitable Association, cultural and educational activity, charity, Russian private gymnasium.

Поява і діяльність міжвоєнної політичної еміграції, яка виникла внаслідок утвердження більшовицької влади, викликає зацікавлення у сучасних дослідників різних країн. Російська політична еміграція на території Другої Речі Посполитої досліджується російськими (Костерин 2018), польськими (Stanisławski 1996), українськими (Крамар 2016) вченими. Цю еміграцію часто іменують еміграцією першої хвилі, білою еміграцією. Водночас існує проблема термінології: одні дослідники називають еміграцію «русская», інші «російська», зустрічається визначення «русское зарубежье».

Перспективним, на нашу думку, є питання спільної участі емігрантів з місцевою російською громадою у громадському, культурному житті окремого міста, взаємозв'язки з представниками інших національностей та польською владою. Важливим є також персоніфікація основного кола діячів регіону, з'ясування їх подальшої долі.

Відроджена у 1918 р. Друга Річ Посполита була багатонаціональною державою, у якій проживали різні за чисельністю та впливом національні групи. За матеріалами польського перепису 1931 р., у Волинському воєводстві українці склали 69,89 %, поляки – 15,46 %, євреї – 9,71 %, німці – 2,16 %, чехи – 1,42 %, росіяни – 1,09 %. Росіяни жили переважно у містах і містечках регіону, зокрема у м. Рівному число росіян складало 2 792 особи (Drugí powszechny 1938: 28–29). Серед них значною була кількість колишніх державних службовців, інтелігенції, офіцерів царської армії, землевласників.

Російська громада скептично ставилася до результатів перепису, вважаючи, що її число свідомо применшується. Проблемою поставало визначення, кого у Польщі зараховувати до російської спільноти. У доповіді на «першому з'їзді російських меншин» у Польщі у 1931 р. констатовалося, що це населення розділяють на три групи: 1) «галицько-руські (по-польськи – русини, рускі); 2) руські старообрядці у Віленщині і Сувальщині (по-польськи – росіяни); 3) руські, що живуть на окраїнах та інших частинах Польщі (по-польськи – росіяни)» (ДАРО 8: 220). Врешті на з'їзді прийшли до висновку, що «русским является каждый, который сам себя считает таковым» (ДАРО 8: 221).

Національна політика польського уряду у міжвоєнний період характеризувалася намаганнями змінити етнічну структуру краю на користь поляків, при цьому використовувалися різні методи, що призводило до загострення міжнаціональних протиріч в регіоні. Як важлива проблема поставало питання громадянства (Микуленок 2015: 64–65). Росіяни, що проживали у Польщі, поділялися на такі групи: 1) ті, які проживали тут до початку Першої світової війни; 2) ті, що емігрували до 12 жовтня 1920 р.; 3) ті, хто потрапив в країну після 12 жовтня 1920 р. Емігранти, які не могли довести свого права на політичний притулок, зобов'язані були до 1 березня 1923 р. залишити територію Польщі (ДАРО 6: 3–4). Часто не надавалося право громадянства російським священикам, лікарям, адміністративна влада не визнавала «права громадянства за тими особами, які народилися і все життя проживали на території нинішньої Польщі, при цьому не виїжджали звідти навіть у період Великої війни» (ДАРО 8: 233).

Російська громада постраждала під час проведення земельної реформи, позаяк серед її представників було багато великих земельних власників, у яких відчужувався значний відсоток земель внаслідок

проведення парцеляції. На Волині велике поміщицьке землеволодіння зменшилося більш ніж удвічі, затягувався процес оплати за вилучені землі (ДАРО 8: 238).

В умовах Другої Речі Посполитої росіяни втратили можливості державної служби, тому в пошуках засобів до існування багато хто змушений був займатися дрібною торгівлею чи фізичною працею. Звичайно, перетворення із титульної нації у національну меншину болісно сприймалося російським населенням: «Багато довелося нам пережити від початку Світової війни, і в результаті всього цього опинилися ми у новій, незвичкій для нас ситуації, як російська меншина в Польщі» (ДАРО 8: 105).

У таких умовах, як основне поставало завдання збереження російської мови, віри і культури, водночас поширювалися монархічні ідеї, що призводило до встановлення пильного контролю польської влади за діяльністю російських «білогвардійських організацій». У червні 1922 р. було заборонено діяльність Російського комітету на Волині (Русский комитет на Волини) з центром у Рівному як нелегальної організації, що перебувала під впливом монархістів (ДАРО 2: 2).

Доброчинні організації представників різних національних груп на території Другої Речі Посполитої отримували право на існування. У місцях зосередження російської громади утворювалися осередки Російського православного благодійного товариства (Русское православное благотворительное общество – РПБО). Організація з центром у Варшаві виникла за ініціативи посла польського сейму Миколи Сєребряннікова (Николай Семенович Сєребрянников, 1873 р. н.), у минулому власника книжкового магазину. На території Волинського воєводства існували російські доброчинні осередки у містах і містечках, зокрема у Луцьку, Дубні, Кременці, Сарнах, Острозі, Здолбунові.

Найбільш організованим і діяльним було РПБО у Рівному, яке функціонувало не як філія Варшавської централі, а як самостійна одиниця (ДАРО 5: 9; ДАРО 19: 15, 18 зв.). Товариство, зареєстроване воєводським урядом 26 липня 1923 р., поширювало вплив на місто Рівне і Рівненський повіт (ДАРО 7: 17 зв.). Ініціювали утворення РПБО у Рівному редактор газети «Волинское слово» Ізмаїл Чернов (Измаил Александрович Чернов, 1873 р. н.), протоієрей Микола Рогальський (Николай Константинович Рогальский, 9 березня 1868 р. н. у с. Липне Новоград-Волинського повіту), судовий пристав Подобєд (Подобед), лікар Іван Копилов (Иван Иванович Копылов, 11 листопада 1874 р. н.) та ін. (ДАРО 7: 17 зв.). Зауважимо, що настоятель Рівненського православного собору Рогальський у 1923 р. був членом Рівненського повітового сеймику, належав до комісії громадської опіки (Дзвін 1923: 4).

Після травневого перевороту 1926 р. та повернення до влади Ю. Пілсудського статут РПБО було перезатверджено. Новий документ 24 жовтня 1927 р. завізував перший «санаційний» волинський воєвода В. Мех. Статут підписали, окрім згаданих вище засновників товариства, також Іларіон Михайлов (Иларион Иванович Михайлов, 30 березня 1875 р. н., з Кременеччини, за фахом бухгалтер) (ДАРО 8: 150), Ігор Новицький (Игорь Николаевич Новицкий, 17 жовтня 1874 р. н., з Києва, колишній помічник прокурора окружного суду, у міжвоєнний час працював касиром у кінотеатрі «Новий світ» у Рівному), Микола Попов (Николай Петрович Попов, 15 квітня 1873 р. н. у Холмі, банківський чиновник) (ДАРО 7: 64, 91). У статуті зазначалося, що мета товариства полягала у наданні «польським громадянам російської національності» моральної, матеріальної допомоги, поширення культурно-просвітницької роботи (ДАВО 1: 5 зв.). До того ж об'єднання клопоталося питаннями юридичної, медичної опіки, засновувало бюро праці, дешеві їдальні, утримувало школи, гімназії, бібліотеки, організовувало спортивні, драматичні гуртки, літературні дійства (ДАРО 7: 16–17 зв.).

Основну роль у роботі товариства відігравали росіяни – жителі Рівного і повіту, яким виповнився 21 рік, та представники російської політичної еміграції, які осіли у воєводстві. Тісний взаємозв'язок згаданих двох груп виявився у співпраці у межах РПБО. У роботі організації не виключалась участь осіб іншої національності, але основним критерієм особистісного складу було те, щоб його члени почувалися росіянами, всіляко захищали і поширювали російську культуру, церкву, мову. Серед представників інших національностей у товаристві працювали француз Микола Жолі (Николай Людвилович Жоли, 1900 р. н., м. Новоград-Волинський Житомирської губернії) (ДАРО 13: 15), німець за походженням барон Федір Штейнгель (Федор Рудольфович Штейнгель, 1870 р. н., м. Санкт-Петербург). Останній надавав значну фінансову та моральну допомогу РПБО. Хоча у минулому барон був членом Української Центральної Ради (УЦР), послом Української держави (Гетьманату Павла Скоропадського) у Берліні, але ментально належав не до української, а до російської політичної еміграції. Навесні 1935 р. у помісті Штейнгеля в Городку, що поблизу Рівного, відбувалися наради діячів РПБО (ДАРО 8: 155).

Керівними органами РПБО були загальні збори членів товариства, що збиралися раз на рік, та правління, склад якого обирався загальними зборами (ДАРО 7: 56). За особливі заслуги члени товариства отримували звання почесних. У 1935 р. таке звання отримав Є. Сіницький (Евгений Евгеньевич Сеницкий, 2 лютого 1874 р. н., за фахом адвокат) за значну організаційну роботу, насамперед у комітеті фонду

російської гімназії у Рівному (ДАРО 7: 136 зв.). У 1937 р. на загальних зборах почесними членами РПБО були обрані С. Панченко (Панченко Сергей Яковлевич) і К. Гефтінг (К. Гефтинг) (ДАРО 7: 140), а І. Новіцькому вирішили платити пожиттєву пенсію у розмірі 60 зл. щомісяця (ДАРО 7: 141). У документах не конкретизується, за які заслуги було прийнято подібне рішення, хоча можемо припустити, що це був вияв поваги, оцінка вагомої організаційної діяльності активістів російської громади міста, а також їхній поважний вік.

Першою очільницею благодійного товариства у Рівному стала Інна Прохорова (Инна Гавриловна Прохорова, 31 грудня 1881 р. н., м. Шостка Чернігівської губернії) (ДАРО 7: 45), а опікунською гімназійною радою керував її чоловік, лікар Микола Прохоров (Николай Николаевич Прохоров, 11 вересня 1873 р. н., помер у 1928 р.) (ДАРО 8: 126; ДАРО 11: 25). Працював у РПБО білогвардійський офіцер Олександр Логвінов (Александр Федорович Логвинов), прокурор царського періоду Георгій Лонгінов (Георгий Аркадьевич Лонгинов, помер у 1934 р.) (ДАРО 19: 19 зв.), Аполінарій Трембовицький (Апполинаруй Трембовицкий, 4 січня 1886 р. н., секретар прокурора царського окружного суду у Кам'янці-Подільському), дружина судді окружного суду, поміщиця Олена Піоро-Дембінська (Елена Пиоро-Дембинская), котра володіла маєтком Бриків у Кременецькому повіті, та ін. (ДАРО 11: 25–26).

Позаяк діяльність товариства була тісно пов'язана із православною церквою, то значну роль у його розбудові відіграв настоятель собору у Рівному протоієрей Микола Рогальський, а з 1932 р. його наступник Дмитро Сайкович (Дмитрий Сайкович) (ДАРО 8: 140). Переведення Д. Сайковича до Варшави РПБО розцінювало як велику втрату, згадуючи його як «чесного, стійкого, самовідданого працівника на ниві православ'я і благодійності» (ДАРО 7: 123). У 1934 р. настоятелем Рівненського собору став Михайло Яковлев (Михаил Федорович Яковлев, 1887 р. н., м. Таллінн (Естонія)) (ДАРО 17: 16 зв.). Попри тісну співпрацю із РПБО, новий протоієрей намагався налагоджувати контакти з українцями, зокрема з Товариством ім. митрополита Петра Могили, останнє ж усіляко підтримувало процеси українізації православної церкви в Польщі (ДАРО 2: 15–16).

У правлінні РПБО постійно відбувалася ротація працівників. Для прикладу, на початок 1929 р. до його складу належали: І. Прохорова (голова), полковник царської армії Михайло Німсадієв (Михаил Нимсадиев) (заступник), Є. Сіницький (секретар) (ДАРО 7: 84). З жовтня 1929 р. РПБО очолив Сергій Панченко, функції заступника виконував І. Новіцький, секретаря – М. Попов, скарбника – М. Рогальський (ДАРО 7: 84 зв.). Адвокат С. Панченко, зять протоієрея М. Рогальського,

очолював РПБО до початку Другої світової війни. Народився він 1893 р. у с. Немиринці Кам'янець-Подільської губернії, тут же вчився у семирічній школі. Подальшу освіту здобув у Першій Київській гімназії та юридичному факультеті Петербурзького університету (ДАРО 11: 14–14 зв.). У роки Першої світової війни служив у царській армії. У 1920 р. був мобілізований в армію Української Народної Республіки (УНР), разом з якою перейшов річку Збруч та оселився на території Польщі (ДАРО 11: 16–17). Незважаючи на ці факти біографії, почував себе не українцем, а росіянином, доклавши багато зусиль для культурно-освітнього розвитку російської громади у міжвоєнному Рівному.

У 1938–1939 рр. віце-головою РПБО був син місцевого адвоката Євгеній Сініцький (молодший). Функції скарбника правління виконував інженер Павло Богдановіч (Павел Богданович), а вже згаданий Аполінарій Трембовіцький трудився секретарем та бухгалтером. Серед членів правління були син судового чиновника і вчительки німецької мови Ігор Міхальченко (Игорь Сергеевич Михальченко, вчився у Львівському університеті на юридичному відділі), дочка судового пристава Євгенія Подобєд, офіцер царської армії, працівник міської пожежної команди Микола Шрубовіч (Николай Шрубович) (ДАРО 11: 25–26).

За інформацією польської влади, у 1933 р. РПБО нараховувало 465 членів, будучи однією із найбільших громадських організацій Рівненського повіту (ДАРО 5: 9). Водночас, члени правління звітували, що за списками товариства проходить 526 людей (ДАРО 7: 124). Крім сплати внесків, діячі РПБО систематично організовували вуличні збірки. Для прикладу, у 1929 р. подібні збірки проводили тричі: 12 серпня, 19 вересня, 14 жовтня, отриманий дохід цілковито йшов на користь товариства (ДАРО 7: 69).

Значну роль у роботі РПБО відігравали лікарі, які надавали безкоштовну медичну допомогу росіянам. З коштів товариства частково оплачувалися лікарські рецепти, або надавалася 30% знижка на їх придбання. Серед лікарів-членів РПБО знаходимо прізвища: М. Прохоров, І. Копилов, О. Віноградов, К. Гефтінг, В. Поспеловський, Л. Дубінський, М. Сегал, С. Хаджи та ін. (ДАРО 7: 125; ДАРО 8: 124). Зауважимо, що серед названих були не лише росіяни, а й єврей Меєр Сегал чи поляк Леонард Дубінський.

Для надання юридичної допомоги потребуючим діяв юридичний відділ, започаткований Г. Лонгіновим і І. Новіцьким. Працівники відділу надавали юридичні поради втікачам-росіянам і складали для них необхідні подання, представляли їхні інтереси у державних установах. У згаданому відділі працювали М. Рогальський, І. Чернов, С. Панченко, А. Трембовіцький та ін. Вся кореспонденція управи то-

вариства проходила через бюро, яке працювало щоденно від 10 до 14 години. Кореспонденцію опрацьовував І. Новіцький за безпосередньої участі Г. Лонгінова. У 1927 р. у зв'язку із збільшенням членів товариства і значним обігом коштів управа створила бухгалтерський відділ, який очолив І. Страшкевич (ДАРО 8 : 123).

Діячі РПБО представляли у Волинському воєводстві Російський комітет у Польщі, серед них І. Прохорова, М. Прохоров, О. Юшкевич (Алексей Юшкевич), І. Чернов, І. Копилов, С. Панченко та ін. (ДАРО 8: 127).

РПБО працювало у тісному зв'язку із Російським народним об'єднанням (Русское народное объединение – РНО), партією, зареєстрованою Міністерством внутрішніх справ Польщі 24 березня 1926 р. (ДАРО 8: 17, 155). Згідно статуту, РНО дотримувалося Конституції та існуючих законів Другої Речі Посполитої, маючи за мету консолідацію населення з питань національних, культурних, господарських, суспільних і релігійних інтересів російської громади в Польщі (ДАРО 8: 155а).

Уповноважений РНО у Волинському воєводстві Д. Прибульський (Дмитрий Прибульский) 8 червня 1926 р. інформував воєводську владу про початок діяльності РНО на території Волинського воєводства (ДАРО 8: 35). Згодом цю партію на території Рівненського та Луцького повітів очолив син барона Штейнгеля Володимир (ДАРО 8: 269; ДАРО 11: 23).

РНО брала участь у парламентських виборах, частина ж її діячів симпатизувала монархічним поглядам. Відтак, польська влада підозрювала їх у прагненні відновити Російську імперію, звинувачувала у тісних контактах із закордонними білоемігрантськими центрами, останні ж вважали Другу Річ Посполиту тимчасовим явищем. Подібні ідеї відновлення Російської імперії у її довоєнних кордонах суперечили польським державним інтересам (Станиславський 2006: 93). Загалом, відносини російської громади з польською владою були складними. У таємному повідомленні керівника слідчого відділу до старости Рівненського повіту повідомлялося, що акції монархістів у Рівному консолідувалися навколо РПБО (ДАРО 8: 179).

Непростими залишалися взаємини росіян та українців у регіоні. Значною мірою на них впливало релігійне питання: українці розгорнули рух за українізацію православної церкви в Польщі, впровадження до служби Божої української мови замість церковнослов'янської, що суперечило намірам росіян (ДАРО 8: 3–4). Російська громадськість різко негативно поставилася до процесів українізації церкви, говорила про «національно-культурну єдність всіх руських племен» (ДАРО 10: 20 зв.).

З критикою РПБО виступала газета «Дзвін» (виходила у м. Рівному і була підконтрольна колишньому отаману Армії УНР Володимирові Оскілку), вважаючи, що поява російського товариства суперечить українським інтересам: «Бажали б розвитку такому товариству десь в іншому місті, тільки не в Рівному і не на Волині» (Під білим орлом 1923: 2).

Незважаючи на непрості відносини із найбільшими національними громадами, РПБО розгорнуло активну роботу. При товаристві діяла культурно-просвітницька секція, що складалася із низки підсекцій: драматичної, літературної, релігійно-філософської, спортивної, шахової. Активісти проводили літературні вечори, концерти, ставили вистави, виступали з рефератами (ДАРО 7: 126). Під час концертів виконувалися російські романси, народні пісні, декламувалися вірші поетів, насамперед Олександра Пушкіна, ставилися сценки з різних сатиричних оповідань. Такі дійства називалися Дні російської культури, які приурочували до річниць життя російських класиків.

Членом літературного гуртка РПБО був поет Олександр Кондратьєв (Александр Алексеевич Кондратьев), який у 1916 р. переїхав із Петербурга у Волинську губернію до матері дружини Катерини Миколаївни Красовської, яка володіла до 180 га землі у містечку Дорогобуж. Поет виступав як літературний оглядач у газеті «Волинское слово», що виходила у Рівному, зокрема у статті «Переоценка ценностей» (Волинское слово 1923: 2) писав про необхідність відновлення репутації забутих авторів. О. Кондратьєв став відомий як автор збірки віршів «Славянские боги», роману «На берегах Яруни». Син поета Олексій із 1924 до 1932 р. навчався у російській гімназії м. Рівного, а після її закінчення продовжив навчання на рільничому факультеті Львівської політехніки (ДАРО 15: 9, 22). Молодшого Кондратьєва органи НКГБ заарештували 26 березня 1945 р., звинувачуючи у належності до Народно-трудового союзу нового покоління (Народно-трудова союз нового покоління – НТСНП), хоча він категорично відкидав подібні обвинувачення. Врешті справу за недостатністю доказів у жовтні 1945 р. припинили (ДАРО 15: 57).

У межах культурно-просвітницької секції РПБО працював гурток «Світлиця» («Светлица»). Керували гуртком у різні часи Олексій Пілінога (Алексей Пилинога), Євгеній Сініцький (молодший), господинею була Галина Масловська (Галина Масловская) (ДАРО 12: 11). Г. Масловська народилася у Петербурзі, у 1914 р. разом з батьками переїхала до Рівного із м. Косів Гродненської губернії, закінчила у 1935 р. російську приватну гімназію (ДАРО 12: 5). Батько Галини Євгеній Масловський (Евгений Андреевич Масловский, 29 липня 1882 р. н., поблизу м. Століно) з 1923 по 1939 р. мав власну адвокатську контору

у Рівному, був членом РНО і РПБО (ДАРО 8: 148). Г. Масловська брала активну участь у діяльності РПБО, організувала вечори, слідувала за чистотою, складала доповіді. У 1938 р. їздила у Варшаву на з'їзд російських студентів (ДАРО 12: 16). Працювала у культурно-просвітницькій секції, читала лекції, зокрема на тему «Історія народів», Олена Остольська (Елена Владимировна Остольская, 1912 р. н., с. Басів-Кут Рівненського повіту, за фахом вчителька), а також її дочка Люся (ГДА СБУ: 2–3).

Драматична секція ставила вистави у Рівному та навколишніх селах, а отримані від цього кошти поповнювали касу товариства. До того ж це давало можливість працевлаштувати безробітних російських акторів. Певний час цю секцію очолював Микола Гроль (Николай Александрович Гроль). Працював актором колишній учень гімназії Олександр Лубковський (Александр Николаевич Лубковский, 1908 р. н., м. Рівне), який у 1936 р. був затриманий при спробі нелегального переходу польсько-радянського кордону, заарештований, звинувачений як діяч білогвардійської організації «Братство Русской правды» (БРП) (ДАРО 18: 23–24).

Жіночий комітет РПБО опікувався проведенням балів, маскарадів, ігор (квестів), різного роду вечорів, виявив ініціативу у щоденному забезпеченні учнів гімназії чаєм і канапками (ДАРО 8: 125).

Бібліотека РПБО нараховувала 124 платних абоненти, її фонди склали понад 3 000 книг різного характеру, зокрема монархічної літератури, а також російських газет, що виходили за кордоном («Русское слово», «Русский голос», «Меч»). Бібліотекарем і завідувачем господарства РПБО був Микола Попов (ДАРО 18: 26).

Управа товариства у крайніх випадках виділяла грошові допомоги людям, які надто цього потребували. Грошову допомогу намагалися давати лише тоді, коли неможливо було виявити підтримку іншим чином. Значно частіше видавали споживчі картки, організували безкоштовні обіди. Нужденні росіяни отримували одяг, білизну, якими ділилися більш заможні члени товариства. У приміщенні РПБО було влаштовано нічліги для бездомних, переважно біженців з Радянської Росії, які не мали засобів для життя. Втікачам від більшовицьких арештів допомагали одягом, взуттям, білизною, їжею, опікувалися ними до часу влаштування на роботу чи виїзду з Рівного. З метою працевлаштування безробітних росіян управа товариства організувала майстерню шиття, таким чином вдавалося надати роботу десяткам осіб (ДАРО 8: 123).

Важливою справою для РПБО було спорудження власного дому, що вимагало великих матеріальних зусиль. Для будівництва «Русского дома» було виділено ділянку землі, що належала Рівненському

православному собору. Важка економічна ситуація серед росіян не дозволяла проводити добродійні акції у тому обсязі, який вимагала справа будівництва. Кошти переважно збирали під час балів, вечірок, ігор, частими були добровільні пожертви тощо. Очільниця управи І. Прохорова подарувала 80 американських доларів і 5 тис. злотих готівкою, барон Федір Штейнгель – 100 американських доларів, а житель Сарненського повіту Ф. Брунс, колишній урядовець спеціальних доручень при волинському губернаторові, та Матвєєв пожертвували три вагони будівельного матеріалу. План забудови розробив член товариства інженер Яскевіч. Під час будівництва загострилися взаємини з українською громадою, адже українці також претендували на відведену земельну ділянку. Поширювалися чутки, що нібито польський уряд після зведення будинку має намір його конфіскувати на власну користь (ДАРО 8: 126).

Врешті РПБО відкрило «Русский дом» по вулиці 13 дивізії, 53 (нині вулиця С. Петлюри). Товариство також користувалося житловим будинком по вул. Словацького, 10, орендувало одну кімнату по вул. Міцкевича, 32 (назви вулиць збереглися до сьогодні). В «Русском доме» розташовувалася гімназія, російська початкова школа, а в окремі роки площі орендували інші установи. У домі предводителя дворянства депутата І Державної Думи Д. Андро (Дмитрий Федорович Андро) по вул. Словацького розміщувалася канцелярія, бібліотека товариства, почасти організували костюмовані бали, влаштовували благодійні вечори. У приміщенні по вул. Міцкевича діяла швейна майстерня і культурно-просвітницька секція (ДАРО 7: 125–126).

Діячі РПБО започаткували утворення спортивного клубу «Спарта», зареєстрованого польською владою 18 грудня 1935 р. Статут клубу підписали Сергій Панченко, Костянтин Фотієв, Олександр Полішук та ін. (ДАРО 9: 23 зв.). Влада зареєструвала клуб лише після зміни назви «Русский спортивный клуб “Спарта”» на «Спортивный клуб “Спарта”», змусивши прибрати у назві слово «русский» (ДАРО 9: 18). У клубі діяли різні спортивні секції, як то футбольна, легкоатлетична, плавання тощо. Управа обиралася загальними зборами на два роки. Клуб налічував у різні роки 60–90 членів, як правило мешканців м. Рівного, серед яких були випускники російської приватної гімназії (ДАРО 9: 8). Серед членів «Спарти» знаходимо представників старшого покоління: Микола Попов, Євгеній Масловський, Олександр Віноградов, а також 20–30-річну молодь: Олексій Михайленко, Костянтин Фотієв, Валентин Віноградов, Олексій Кондратьєв та ін. (ДАРО 9: 47–47 зв.).

Зустрічається інформація, що «Спарта» виникла на основі клубу «Русская организация молодежи» (РОМ) (ДАРО 13: 15; ДАРО 19: 14). РОМ, ініційована російськими студентами, мала сприяти консолідації

молодшого покоління, зокрема гімназистів. Утворення РОМ схвалював і усіяко підтримував барон Штейнгель (ДАРО 11: 44). Серед російської молоді поширювалися ідеї «Братства Русской правды», зокрема ними цікавились Сергій Сініцький, Лев Андрєєв, Євгеній Ейколович, Євгеній Батурін. Останній за завданнями братчиків у 1935 р. перейшов кордон для організації підпільної роботи на радянській території (ДАРО 14: 25). У Рівному після візитів у 1932-1933 р. Олександра Вюрглера (Александр Эмильевич Вюрглер, 1901 р. н., м. Катеринослав (нині м. Дніпро)), який читав лекції у приватній російській гімназії, виник осередок НТСНП, очолюваний Анатолієм Хаджи (Анатолий Семенович Хаджи, 1910 р. н., м. Рівне) (ДАРО 12: 40). Діяльність білої політичної еміграції і поширення монархічних ідей на території Волинського воєводства потребують окремого детального дослідження.

Основним завданням і досягненням РПБО стала опіка над початковими і середніми російськими школами, насамперед російською приватною гімназією у Рівному. Проблема російського шкільництва залишалася складною увесь міжвоєнний час. Перед початком 1929–1930 н. р. у Польщі діяло 11 російських шкіл: 4 початкових і 7 середніх, із останніх лише 3 користувалися правами урядових гімназій. У всіх цих середніх і початкових школах загалом навчалось 1 508 учнів (ДАРО 8: 239).

Ініціатива відкриття у м. Рівному приватної гімназії з російською мовою викладання для православних дітей вийшла від групи місцевих вчителів, про що 26 червня 1922 р. шкільний інспектор повідомляв староство Рівненського повіту (ДАРО 1: 20). Після затвердження цього рішення Кураторією шкільного округу і Міністерством віросповідань та народної освіти у 1922–1923 н. р. розпочала роботу 8-класна приватна гімназія з російською мовою викладання (ДАРО 3: 117). У гімназії польська мова, історія, географія вивчалися польською, склад вчителів обов'язково затверджувався кураторією напередодні кожного нового навчального року (ДАРО 7: 71). Згідно із законом про шкільництво від 1924 р. (закон С. Грабського), школи національних меншин не отримували державного фінансування, тому їхні права обмежувалися сферою приватного шкільництва. Російська приватна гімназія, як і інші середні навчальні заклади національних меншин, щороку повинна була підтверджувати своє право на функціонування.

Першим директором гімназії був Микола Матвієнко, його наступником – Сергій Апошанський (ДАРО 3: 117; ДАРО 4: 121). У 1924–1925 н. р. директором затвердили Олексія Юшкевича (ДАРО 7: 127). Останній очільник російської гімназії Сергій Лобачевський (Сергей Гвальбертович Лобачевский, 27 грудня 1889 р. н., м. Шумськ Кременецького повіту, помер 26 червня 1942 р. у тюрмі № 2

м. Астрахань) був випускником гімназії м. Острог та історико-філологічного факультету Петербурзького університету. З 1924 до 1934 р. він вчителював у російській гімназії у Варшаві, після цього був переведений до Рівного (ДАРО 19: 4–5).

РПБО, опікуючись російською приватною гімназією із 1924 р., слідкувало за належним станом будівлі навчального закладу, його фінансовим забезпеченням, виступало засновником (концесіонером). Спочатку гімназія містилася у замковій будівлі князів Любомирських, а у 1926 р. для неї було побудовано спеціальне приміщення за благодійні внески та грошової підтримки барона Федора Штейнгеля. У гімназії могло навчатися до 300 учнів, хоча фактично вчилося близько 150 дітей. За перші десять років існування гімназію закінчило 249 випускників, з них 92 отримали матуру, що давало право вступати до вищих навчальних закладів Польщі (ДАРО 7: 127).

РПБО формувало опікунську раду гімназії, котра займалася вирішенням фінансових питань, господарським управлінням, покращенням виховання гімназистів, звільненням незаможних учнів від оплати за навчання. Допомога учням російської гімназії полягала у повному чи частковому відшкодуванні плати за навчання, влаштуванні безкоштовних сніданків бідним учням і придбання для них підручників (ДАРО 8: 124). Частина фінансових витрат гімназії покривалася батьківською оплатою за навчання дітей та членськими внесками діячів РПБО, які сплачували по одному золотому щомісяця (ДАРО 19: 11 зв.). Під опікою РПБО перебувала також початкова школа, у якій навчалося 69 учнів (на 1934 р.). Директором цієї школи був В. Сорока (ДАРО 7: 127).

Учні та вчителі гімназії організовували концерти, вечори, зібрані кошти йшли на потреби найбільш вразливих учнів закладу. Один із перших таких вечорів відбувся 15 грудня 1922 р. та складався із трьох частин: вистави комедії Макса Морєя «Без протекції» (переклад з французької) та художнього ескізу за І. Тургенєвим «Как хороши, как свежи были розы», виступу балету. Третя частина – бал, танці, американський аукціон та ін. (ДАРО 4: 123–123 зв.).

У російській приватній гімназії діяв учнівський загін «бой-скаутів», опікуном чи керівником якого призначали когось із вчителів (ДАРО 19: 14 зв.). Емблемою загону була георгіївська стрічка, а учні носили значок – царський триколон, підкреслюючи цим своє російське походження (ДАРО 16: 10; ДАРО 19: 24).

У 20-х рр. у гімназії було створено струнний оркестр, який очолював учень Сергій Сініцький, старший син згаданого вище юриста Євгенія Сініцького (ДАРО 14: 17). Певний час видавався журнал «Зелений шум» під редакцією вчителя російської мови І. Куліша (ДАРО 19: 14) (Іван Фомич Кулиш, 1873 р. н., м. Шостка Чернігівської губернії). І. Ку-

ліш у 1902 р., на пропозицію барона Штейнгеля, переїхав у с. Городок поблизу Рівного. До 1918 р. працював вчителем російської мови, біології та агрономічних наук училища сільськогосподарського профілю. У міжвоєнний період, крім викладацької діяльності, був відомий як поет: у 1938 р. видав збірку «Золотые поля» (Данильчук 2012: 134).

Вчителем малювання у російській гімназії працював Георгій Косміаді (Георгий Петрович Космиади, 1886 р. н., м. Нальчик), який жив у місті від 1914 р. За його сприяння було організовано виставку художніх робіт талановитих учнів рівненських гімназій (української, російської, польської, єврейської) у Варшавській художній академії.

Незважаючи на успіхи у роботі РПБО, у доповіді перед загальними зборами організації 1 листопада 1934 р. члени управи відзначали, що матеріальне становище товариства погіршується, і викликано це не лише загальним економічним спадом у країні, але й «недостатньою енергією, самодіяльністю, активністю у суспільній роботі» (ДАРО 7: 123).

З початком Другої світової війни представники російської громади опинилися в епіцентрі більшовицьких переслідувань. У 1939 р. РПБО було ліквідовано, його майна конфісковано, а діячі, що залишилися в Рівному, репресовані.

Таким чином, у міжвоєнний період російське середовище у Волинському воєводстві формували ті, хто жив тут ще з часів Російської імперії, та політичні емігранти. Перетворення з титульної нації у національну меншину росіяни переживали важко. Для захисту своїх національних інтересів вони утворювали як політичні, так і громадські організації. Найбільш помітним серед них було РПБО у Рівному, яке розгорнуло культурно-просвітницьку, добродійну діяльність, надавало правову і матеріальну допомогу політичним емігрантам. Вагомим складником його роботи стала опіка над місцевою російською приватною гімназією. До роботи у РПБО залучалися різні групи російського населення, частина з яких поділяла монархічні погляди. Однак політика дерусифікації волинських міст, парцеляція маєтків великих земельних власників, процес українізації православної церкви значно обмежували вплив росіян на суспільно політичне життя у регіоні міжвоєнного часу.

ЛІТЕРАТУРА

Волинское слово 1923 – Волинское слово. 1923. 15 декабря.

ГДА СБУ – Галузевий державний архів Служби безпеки України (ГДА СБУ), м. Рівне. Ф. 5 (Р). Спр. 2630. Архивно-криминальное дело. Елена Владимировна Остольская.

ДАВО 1 – Державний архів Волинської області (ДАВО). Ф. 46. Оп. 9. Спр. 1543. Отчеты о деятельности русского благотворительного общества с 1930 по 1939 г. 36 арк.

ДАВО 2 – ДАВО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 1. Протоколы учредительного собрания Общества им. митр. Петра Могилы от 19 ноября 1931 р., финансовый отчет, журнал «Соборність», 18 арк.

Данильчук 2012 – *Данильчук Г.Ф.* Коріння учительського роду // Рівне у долях його мешканців. Рівне: ПП ДМ. 2012. С. 126–137.

ДАРО 1 – Державний архів Рівненської області (ДАРО). Ф. 30. Оп. 1. Спр. 44. Переписка с школьным инспектором об открытии школ в г. Ровно. 337 арк.

ДАРО 2 – ДАРО. Ф. 30. Оп. 18. Спр. 483. Переписка с Волынским воеводским управлением по вопросу запрещения деятельности «Русского комитета Волыни». 5 арк.

ДАРО 3 – ДАРО. Ф. 30. Оп. 18. Спр. 693. Заявления частных лиц и выдача разрешений на открытие театров, типографий, организацию вечеров, собраний и др. 1922–1923 гг. 113 арк.

ДАРО 4 – ДАРО. Ф. 30. Оп. 18. Спр. 697. Заявления частных лиц на открытие театров, типографий, организацию вечеров, собраний и др. 1922–1923 гг. 70 арк.

ДАРО 5 – ДАРО. Ф. 30. Оп. 18. Спр. 2125. Списки товариществ и союзов, существующих на территории Ровенского повета. 1932–1933 гг. 43 арк.

ДАРО 6 – ДАРО. Ф. 30. Оп. 18. Спр. 2917. Указания Министерства внутренних дел об отношении к эмигрантам, прибывшим из России. 8 арк.

ДАРО 7 – ДАРО. Ф. 30. Оп. 20. Спр. 934. Наблюдательное дело за деятельностью Русского благотворительного общества. 158 арк.

ДАРО 8 – ДАРО. Ф. 30. Оп. 20. Спр. 935. Наблюдательное дело за деятельностью «Русского меньшинства в Польше», «Русского народного объединения» и «Русских монархистов». 1926–1933 гг. 339 арк.

ДАРО 9 – ДАРО. Ф. 30. Оп. 20. Спр. 936. Наблюдательное дело за деятельностью русского Спортивного клуба «Спарта» в Ровно. 50 арк.

ДАРО 10 – ДАРО. Ф. 33. Оп. 2. Спр. 3061. Дело по расследованию случая распространения предвыборных воззваний обществом «РНО» в Польше. 69 арк.

ДАРО 11 – ДАРО. Ф. Р-2771. Оп. 2. Спр. 398. Архивно-криминальное дело. Панченко Сергей Яковлевич.

ДАРО 12 – ДАРО. Ф. Р-2771. Оп. 2. Спр. 408. Архивно-криминальное дело. Масловская Галина Евгеньевна.

ДАРО 13 – ДАРО. Ф. Р-2771. Оп. 2. Спр. 539. Архивно-криминальное дело. Жоли Николай Людвинович.

ДАРО 14 – ДАРО. Ф. Р-2771. Оп. 2. Спр. 722. Архивно-криминальное дело. Синицкий Сергей Евгеньевич.

ДАРО 15 – ДАРО. Ф. Р-2771. Оп. 2. Спр. 2103. Архивно-криминальное дело. Кондратьев Алексей Александрович.

ДАРО 16 – ДАРО. Ф. Р-2771. Оп. 2. Спр. 3276. Архивно-криминальное дело. Фотиев Константин Васильевич.

ДАРО 17 – ДАРО. Ф. Р-2771. Оп. 2. Спр. 3673. Архивно-криминальное дело. Яковлев Михаил Федорович.

ДАРО 18 – ДАРО. Ф. Р-2771. Оп. 2. Спр. 4223. Архивно-криминальное дело. Попов Николай Петрович.

ДАРО 19 – ДАРО. Ф. Р-2771. Оп. 2. Спр. 5547. Архивно-криминальное дело. Лобачевский Сергей Гвальбертович.

Дзвін 1923 – Дзвін. 1923. 16 травня.

Ёлкин 2014 – Ёлкин А.И. В поисках лучшей доли: русские студенты эмигранты в Польше в 20–30-е гг. XX в. // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Харків, 2014. Вип. 48. С. 134–143.

Костерин 2018 – Костерин С.В. Организации русских эмигрантов в Польше. 1919–1939 годы. Система, типология, эволюция: автореф. ... канд. ист. наук. М., 2018. 23 с.

Крамар 2016 – Крамар Ю.В. Общественная и культурная жизнь россиян на западноволыньских землях в межвоенный период // SCIENTIA. Серия: История. Исторические науки. М., 2016. № 3. С. 5–10.

Микуленок 2015 – Микуленок А. Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7, № 6. Ч. 2. Краснодар, 2015. С. 64–69.

Під білим орлом 1923 – Під білим орлом // Дзвін. 1923. 3 листопада.

Станиславский 2006 – Станиславский В. Жизнь на обочине Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой // Новая Польша. 2006. №7-8 (77). С. 91–96.

Drugi powszechny 1938 – Drugi powszechny spis ludności z dnia 7 grudnia 1931. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. T. 70: Województwo Wołyńskie. Warszawa, 1938.

Stanisławski 1996 – Stanisławski W. Emigracja i mniejszość rosyjska w II Rzeczypospolitej: próba charakterystyki społeczności // Sprawy Narodowościowe. Seria Nowa. Poznań, 1996. T. 5. Z. 2 (9). S. 23–60.

REFERENCES

Volynskoe slovo. (1923) 15th December.

The Branch State Archive of the Security Service of Ukraine (State Security Service of Ukraine) in Rivne. (n.d.) *Archive and criminal case. Elena Vladimirovna Ostolskaya*. Fund 5(P). File 2630.

The State Archive of the Volyn Oblast (DAVO). Reports on the activities of the Russian Charity Association from 1930 to 1939. Fund 46. List 9. File 1543.

The State Archive of the Volyn Oblast (DAVO). *Protokoly uchreditelnogo sobraniya Obshchestva im. mitr. Petra Mogily ot 19 noyabrya 1931 r., finansovyy*

otchet, zhurnal "Sobornist" [The minutes of the constituent assembly of the Metropolitan Petro Mohyla Society of November 19, 1931, financial report, "Sobornost" magazine]. Fund 63. List 1. File 1.

Danylchuk, H.F. (2012) *Rivne u doliakh yoho meshkantsiv* [Rivne in the fate of its inhabitants]. Rivne: PP DM. pp. 126–137.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Perepiska s shkolnym inspektorom ob otkrytii shkol v g. Rovno* [Correspondence with the school inspector about the opening of schools in the city of Rivne]. Fund 30. List 1. File 44.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Perepiska s Volynskim vovodskim upravleniyem po voprosu zapreshcheniya deyatelnosti "Russkogo komiteta Volyni"* [Correspondence with the Volyn Voivodeship Directorate on the prohibition of the activities of the "Russian Committee of Volyn"]. Fund 30. List 18. File 483.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). (1922–1923) *Zayavleniya chastnykh lits i vydacha razresheniy na otkrytie teatrov, tipografii, organizatsiyu vecherov, sobranii i dr.* [Applications from individuals and the issuance of permits for theaters, printing houses, evenings, meetings, etc.]. Fund 30. List 18. File 693.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). (1922–1923) *Zayavleniya chastnykh lits na otkrytiye teatrov, tipografii, organizatsiyu vecherov, sobranii i dr.* [Applications of individuals for the opening of theaters, printing houses, organizing parties, meetings, etc.]. Fund 30. List 18. File 697.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Spiski tovarishchestv i soyuzov, sushchestvuyushchikh na territorii Rovenskogo poveta. 1932–1933 gg.* [Lists of partnerships and unions in the Rivne povet. 1932–1933]. Fund 30. List 18. File 2125.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Ukazaniya Ministerstva vnutrennikh del ob otnoshenii k emigrantam, pribyvshim iz Rossii* [Directives of the Ministry of the Interior regarding attitudes towards emigrants from Russia]. Fund 30. List 18. File 2917.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Nablyudatelnoe delo za deyatelnostyu Russkogo blagotvoritel'nogo obshchestva* [Supervision over the activities of the Russian Charitable Association]. Fund 30. List 20. File 934.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Nablyudatelnoe delo za deyatelnostyu "Russkogo menshinstva v Pol'she", "Russkogo narodnogo obedineniya" i "Russkikh monarkhistov". 1926–1933 gg.* [Supervision over the activities of The Russian Minority in Poland, The Russian People's Association and The Russian Monarchists. 1926–1933]. Fund 30. List 20. File 935.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Nablyudatelnoe delo za deyatelnostyu russkogo Sportivnogo kluba "Sparta" v Rovno* [Supervision of the activities of the Sparta Russian Sports Club in Rivne]. Fund 30. List 20. File 936.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Delo po rassledovaniyu sluchaya rasprostraneniya predvybornykh vozzvaniy obshchestvom "RNO" v Pol'she* [Investigation of the case of the dissemination of election campaign slogans by the community "RNO" in Pol'she].

tigation of the dissemination of election appeals by RNO in Poland]. Fund 33. List 2. File 3061.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Arkhivno-kriminal'noe delo. Panchenko Sergey Yakovlevich* [Criminal case. Panchenko Sergey Yakovlevich]. Fund R-2771. List 2. File 398.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Arkhivno-kriminal'noe delo. Maslovskaya Galina Evgenevna* [Criminal case. Maslovskaya Galina Evgenevna]. Fund R-2771. List 2. File 408.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Arkhivno-kriminal'noe delo. Zholi Nikolay Lyudvikovich* [Criminal case. Zholi Nikolay Lyudvikovich]. Fund R-2771. List 2. File 539.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Arkhivno-kriminal'noe delo. Sinitskiy Sergey Evgenevich* [Criminal case. Sinitskiy Sergey Evgenevich]. Fund R-2771. List 2. File 722.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Arkhivno-kriminal'noe delo. Kondratev Aleksey Aleksandrovich* [Criminal case. Kondratev Aleksey Aleksandrovich]. Fund R-2771. List 2. File 2103.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Arkhivno-kriminal'noe delo. Fotiev Konstantin Vasilevich* [Criminal case. Fotiev Konstantin Vasilevich]. Fund R-2771. List 2. File 3276.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Arkhivno-kriminal'noe delo. Yakovlev Mikhail Fedorovich* [Criminal case. Yakovlev Mikhail Fedorovich]. Fund R-2771. List 2. File 3673.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Arkhivno-kriminal'noe delo. Popov Nikolay Petrovich* [Criminal case. Popov Nikolay Petrovich]. Fund R-2771. List 2. File 4223.

The State Archive of the Rivne Oblast (DARO). *Arkhivno-kriminal'noe delo. Lobachevskiy Sergey Gvalbertovich* [Criminal case. Lobachevskiy Sergey Gvalbertovich]. Fund R-2771. List 2. File 5547.

Dzvin. (1923) 16th May.

Elkin, A.I. (2014) *V poiskakh luchshey doli: russkie studenty emigranty v Pol'she v 20–30-ye gg. XX v.* [In search of a better life: Russian emigre students in Poland in the 1920–30s]. *Visnyk Kharkivskoho natsionalnoho universytetu im. V. N. Karazina – Journal of V.N.Karazin Kharkiv National University*. 48. pp. 134–143.

Kosterin, S.V. (2018) *Organizatsii russkikh emigrantov v Pol'she. 1919–1939 gody. Sistema, tipologiya, evolyutsiya* [Organizations of Russian émigrés in Poland in 1919–1939. System, typology, evolution]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Kramar, Yu.V. (2016) *Obshchestvennaya i kul'turnaya zhizn' rossiyan na zapadnovolynskikh zemlyakh v mezhoennyy period* [Social and cultural life of the Russians in the Western Volyn lands in the interwar period]. *SCIENTIA*.

Seriya: Istoriya. Istoricheskie nauki. 3. pp. 5–10.

Mikulenok, A. (2015) Regulation of the legal status of Russian immigrants in Poland in the 1920-s. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl – Historical and social-educational ideas*. 7(6/2). pp. 64–69 (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-64-69

Anon. (1923) Pid bilym orlom [Under the white eagle]. *Dzvin*. 3rd November.

Stanisławski, W. (2006) Zhizn' na obochine. Russkaya emigratsiya na zemlyakh Vtoroy Rechi Pospolitoj [Life on the sidelines Russian emigration on the lands of the Second Polish Republic]. *Novaya Pol'sha*. 7-8 (77). pp. 91–96.

Poland. (1938) *Drugi powszechny spis ludności z dnia 7 grudnia 1931. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe* [Second Universal Census of December 7, 1931. Flats and households. Population. Professional relations]. Vol. 70. Warsaw: [s.n.].

Stanisławski, W. (1996) Emigracja i mniejszość rosyjska w II Rzeczypospolitej: próba charakterystyki społeczności [Emigration and the Russian minority in the Second Polish Republic: an attempt to characterize the community]. *Sprawy Narodowościowe. Seria Nowa*. 5 (2-9). pp. 23–6.

Давидюк Руслана Петровна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Украины Ровенского государственного гуманитарного университета (Украина).

Давидюк Руслана Петрівна – доктор історичних наук, доцент, професор кафедри історії України Рівненського державного гуманітарного університету (Україна).

Ruslana P. Davydiuk – Rivne State University of Humanities (Ukraine).

E-mail: ruslanarivne1963@ukr.net

УДК 94(47)"1918–1920"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/9

СОЮЗ РУССКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩИН В 1918–1920 гг.: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ИДЕОЛОГИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Союз русских национальных общин (СРНО) – крупнейшая русская национальная организация на белом Юге России в годы гражданской войны. К сожалению, ее деятельность и идеология практически не изучены, а исследования, в которых она упоминается, зачастую содержат многочисленные ошибки. СРНО возник на рубеже 1917–1918 гг. в Мелитополе. В его развитии важную роль сыграли три фактора: 1) отряд генерала М.Г. Дроздовского, 2) церковно-приходская общественность, 3) карпаторусские организации, после отступления из Галичины осевшие в Ростове-на-Дону. Находясь в Мелитополе во время своего похода из Румынии на Дон, генерал Дроздовский вошел в тесную связь с местной русской национальной общиной и ее лидером П.И. Квитой, и эти отношения не прекращались до самой смерти генерала. Немаловажную роль в расширении СРНО сыграли церковно-приходские организации (как православные, так и старообрядческие). При этом отделение СРНО в Ростове-на-Дону, ставшем фактически столицей белого Юга, было создано при помощи участников галицко-русских организаций. В связи с тем, что Союз русских национальных общин был объединением различных организаций – церковно-приходских, карпаторусских, монархических, выработать единую политическую линию было не так просто, но его руководство стремилось показать свою приверженность «русской прогрессивно-национальной идее». После разгрома армии генерала А.И. Деникина СРНО перенес свою деятельность в Крым, где на протяжении лета-осени 1920 г. был единственной массовой русской национальной организацией.

Ключевые слова: Союз русских национальных общин, русский национализм, гражданская война, галицко-русское движение, Русский народный совет Прикарпатской Руси, И.А. Корвацкий, М.Г. Дроздовский.

THE UNION OF RUSSIAN NATIONAL COMMUNITIES IN 1918–1920: HISTORY OF CREATION, IDEOLOGY AND ACTIVITY

A.A. Chemakin

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

The Union of Russian National Communities (SRNO) was the largest Russian national organization in the White South of Russia during the Civil War. Unfortunately, its activities and ideology are practically not studied, and the works that mention it often contain numerous errors. The SRNO emerged in Melitopol at the turn of 1917–1918. Three factors played an important role in the course of its further development: 1) General M.G. Drozdovsky's detachment, 2) parochial public, 3) Carpatho-Russian organizations located in Rostov-on-Don after the retreat from Galicia. While in Melitopol during his march from Romania to the Don, General M.G. Drozdovsky entered into close contact with the local Russian national community and its founder P.I. Kvita. Their relationship lasted until General's death. The parochial organizations (both Orthodox and Old Believers) also played a significant role in the expansion of the SRNO. The SRNO branch in Rostov-on-Don, the virtual capital of the White South, was created with the assistance of the members of the Galician-Russian organizations. Since the SRNO was a union of various organizations (parochial, Carpatho-Russian, monarchist), it was not so easy to develop a common political line, but its leadership sought to show its commitment to the "Russian progressive-national idea." After General A.I. Denikin's defeat in 1920, the "national communities" moved their activities to the Crimea, where the SRNO was the only mass and prominent organization of Russian nationalists during the spring and summer of 1920.

Keywords: Union of Russian National Communities, Russian Nationalism, Civil War, Galician-Russian Movement, Russian People's Council of Carpathian Rus, I.A. Korvatsky, M.G. Drozdovsky.

Союз русских национальных общин (СРНО), также именовавшийся Всероссийским союзом русских национальных общин (ВСРНО), – одна из крупнейших, а возможно, и крупнейшая организация, действовавшая в годы гражданской войны на белом Юге России. Однако история

ее изучена недостаточно. СРНО уделено некоторое внимание в статье Я.А. Бутакова, но, к сожалению, автор при ее написании использовал только секретные сводки Отдела пропаганды за лето-осень 1919 г., проигнорировав другие источники, что в итоге и сказалось на качестве материала. Так, например, он считает лидером союза В.М. Скворцова, хотя в действительности им был И.А. Корвацкий; ошибочно полагает, что Н.Н. Львов перешел в СРНО из Южнорусского национального центра – на самом деле Львов был и членом СРНО, и «шульгинской» группы (Бутаков 2002: 12–13). В статье фактически не отражена деятельность союза до лета 1919 г. в Северном Причерноморье и в 1920 г. во врангелевском Крыму. Упоминается СРНО и в работе В.Ж. Цветкова, который утверждает, что союз «считался преемником киевских монархистов 1918 г., его основателями были бывший киевский губернатор и губернский предводитель дворянства Ф.Н. Безак и председатель партии умеренно-правых, член III и IV Государственных Дум П.Н. Балашев» (Цветков 2016: 145). Нельзя исключать, что представители союза в 1918 г. контактировали с киевским Монархическим блоком, но нам представляется не очень достоверной информация о том, что Безак (который никогда не был киевским губернатором) и Балашев являлись его основателями. В одной статье невозможно отобразить всю историю этой организации, т. к. материала, посвященного ей и имеющегося в распоряжении автора, может хватить на небольшую монографию. Поэтому мы остановимся лишь на нескольких моментах – создании СРНО, общих сведениях о его деятельности и идеологии, а также на взаимодействии с галицко-русским движением.

Идея создания национальных общин носилась в воздухе с конца 1917 г., реализована же она была в Мелитополе «крестьянином-малороссом» П.И. Квитой (Во Всероссийском Союзе 1919: 2; Телеграмма 1920: 3). В одной из брошюр СРНО более позднего периода рассказывалось о том, что полковник М.Г. Дроздовский во время своего похода из Румынии на Дон вошел в тесную связь с наиболее крупной русской общиной, которая образовалась в Северной Таврии, и «до своей смерти не прекращал деловых сношений с основоположником русских общин Петром Ивановичем Квитой» (Корвацкий 1919b: 9). Эти данные находят подтверждение в дневнике самого Дроздовского. Так, в записи от 8 апреля 1918 г. отмечено некое русское общество с «всероссийской программой», приславшее к нему в Константиновку (крупное село по соседству с Мелитополем, где расположился отряд) делегацию: «Спрашивали, что могут для нас сделать. Сказал – на местах готовить умы, для меня же связать с общественными деятелями крупных центров, ибо для меня важны три кита: деньги, добровольцы, огнестрельные припасы» (Дроздовский 1923: 110). При мелитополь-

ской русской общине было создано бюро по вербовке добровольцев на Дон, обмундировавшее и снабдившее деньгами на проезд до 500 волонтеров (Корвацкий 1919b: 9). Ротмистр Д.Б. Бологовский, один из приближенных Дроздовского, вспоминал: «...во время нашего похода на Дон я оставлял в каждом городе и почти в каждом селе агента-резидента из местных жителей. В селах это по большей части был священник, а в городах – представитель какой-нибудь интеллигентной профессии» (ГАРФ 2: 85–86). По его словам, «монархическая агентура на Юге России, созданная Дроздовским и мною – не считая дивизии, – была действительно очень широка» (ГАРФ 2: 119). Нельзя исключать, что именно эти связи дроздовцев были использованы национальными общинами, достаточно быстро распространившими свою деятельность по Северному Причерноморью, а позднее, в 1919 г., и по Северному Кавказу.

Лидер СРНО
И.А. Корвацкий
(1907 г.).

Источник: ГАРФ. Ф. 1742.

Оп. 1. Д. 17244. Л. 1об.).

По сведениям генерала Н.С. Батюшина, СРНО «возник еще в 1918 г. в Малороссии, где работал в согласии с Шульгиным, нередко конспиративно. Союз как легальная организация выступил в октябре 1918 года, когда в Киеве был утвержден устав союза» (ВАР: 27). Кадет Б.Е. Шацкий сообщал несколько отличающуюся версию истории организации, полученную им от экс-председателя Государственной Думы: «М.В. Родзянко рассказывал мне, что еще в мае 1917 года к нему явились инициаторы этого дела во главе с Балашевым, затем в 1918 году 25 октября устав Союза был утвержден в гор[оде] Киеве, и тогда во главе дела стоял Безак» (ВАР: 33). Сведения Шацкого выглядят достаточно сомнительно, т. к. в мае 1917 г. национальных общин еще не существовало, хотя нельзя исключать, что один из лидеров киевского Монархического блока Ф.Н. Безак действительно помог СРНО зарегистрировать устав осенью 1918 г., еще при власти гетмана П.П. Скоропадского. Но, на наш взгляд, нет никаких оснований говорить о том, что Безак и Балашев были лидерами СРНО.

В начале 1919 г. крымская пресса сообщала, что в Мелитополе, который к тому време-

Печать с эмблемой
СРНО.

Источник: ГАРФ. Ф. 1742.
Оп. 1. Д. 17244. Л. 1об.

ни был занят Добровольческой армией, «существует весьма интересное по своей деятельности общество, которое носит название "Русская община" и, разделяя лозунг, провозглашенный Добр[овольческой] армией, – "Единая Неделимая Россия", оказывает поддержку частям той армии в полной мере. Имея сеть своих отделений по уезду, "община" пользуется известным влиянием и уважением среди населения...» (Русская община 1919: 1). По всей видимости, эта русская община обладала определенным влиянием и на местные добровольческие власти. Так, например, она ходатайствовала перед штабом

Добровольческой армии об облегчении участи представителей городского и земского самоуправления, арестованных за агитацию против мобилизации; на ходатайство был дан благоприятный ответ (В Мелитополе 1919: 2).

Весной 1919 г., после отступления белых из Северного Причерноморья, вынуждены были вслед за войсками эвакуироваться и деятели национальных общин. Они обосновались на Дону и Северном Кавказе и к началу лета 1919 г. не только возобновили свою работу, но и начали создавать общины в тех городах, в которых раньше их не было. После смерти П.И. Квиты в новое руководство организации вошли глава Мелитопольского русского национального клуба И.А. Корвацкий, члены Ставропольско-Терского союза сельских хозяев агроном Н.Г. Панченко и хуторянин Е.А. Мельников, экс-депутат Государственной Думы и один из лидеров Совета государственного объединения России (СГОР) Н.Н. Львов, член Таврического епархиального собрания тайный советник В.М. Скворцов, профессор Таврического университета Н.Н. Алексеев (будущий евразиец), председатель Кубанского союза христиан-трезвенников протоиерей Н.П. Розанов (ГАРФ 1: 37). Председателем стал журналист, музыкант и поэт Иван Андреевич Корвацкий, сын известного мелитопольского земского врача и краеведа А.В. Корвацкого. В молодости И.А. Корвацкий участвовал в деятельности марксистских организаций и даже 13 месяцев провел в Бутырке и Крестах по делу группы эсеров-максималистов, к деятельности которой не был причастен, что позже и доказал суду (ГАРФ 4: 119). Впрочем, затем он поправел и к 1919 г. уже прочно стоял на позициях русского национализма.

В июле 1919 г. в Ессентуках состоялся съезд представителей национальных общин Дона и Кавказа, а также «сродственных прогрессивно-национальных организаций, старообрядческой общины, Галицийского общества воссоединения Прикарпатской Руси, Русско-народного галицийского совета». На съезде в качестве гостей присутствовали экс-председатель Государственной Думы М.В. Родзянко и бывший лидер фракции русских националистов П.Н. Балашев (Съезд представителей 1919: 3). Хотя большинство сторонников СРНО выступало за конституционную монархию, съезд решил занять «непредрежденческую» позицию. Это объяснялось тем, что провозглашение монархических лозунгов будет непоследовательным, т. к. союз поддерживает адмирала А.В. Колчака и генерала А.И. Деникина, которые не предрешают будущей формы правления. Кроме того, монархические лозунги могли оттолкнуть от СРНО часть его членов, поскольку «в простом народе идеи монархизма не пользуются еще пока широкой симпатией» (ГАРФ 1: 86об.). 14 октября 1919 г. устав ВСРНО был зарегистрирован окружным судом Ростова-на-Дону (Устав ВСРНО 1919: 1). Согласно этому уставу, членами общин могли быть только совершеннолетние русские люди, без различия пола, не опороченные по суду; русскими же людьми признавались «великороссы, малороссы, белоруссы, казаки и карпатороссы» (Устав ВСРНО 1919: 3). Эмблема союза трактовалась следующим образом: «...буквы В.Р. (Великая Россия) – наша конечная цель; два скрещенных государственных флага – наша задача объединить русскую нацию вокруг ее национальной идеи, вручить ей флаг Государства Российского и переплести ее желания с желаниями государственно мыслящих других российских наций, несущих тот же флаг; два креста – путь через единение православной и старообрядческой святых церквей» (ГАРФ 1: 107 об.).

Деятели союза, стремясь отмежеваться от обвинений в черносотенстве, рассылали в редакции газет письма, в которых утверждали, что СРНО «не имел и не имеет ничего общего с прежними реакционными организациями» (Александров 1919: 2). «Русское национальное движение должно быть не только народным и "передовым", оно должно в своем развитии легко справиться с посулами левых интернациональных партий, побив своей подлинной демократичностью все "непобедимые козыри" большевистского происхождения», – писал лидер общин И.А. Корвацкий (Корвацкий 1919а: 1). «Для достижения в восстановленной России национального народоправства союз ставит необходимостью осуществление ряда всесторонних, коренных, разумно-демократических реформ: разрешение земельного и рабочего вопросов при условии нерушимости частной собственности; широкое

развитие национальной промышленности и торговли; освобождение русского капитала от иностранного и инородческого давления; на рождение национальной кооперации; экономическая эмансипация русского народа; всеобщее обязательное народное образование с минимальным шестилетним курсом первоначальной народной школы на национальном принципе; развитие православно-религиозного чувства и морали в первоначальной школе, учебных заведениях и внешкольным путем в народе и обществе; реформа местного самоуправления на принципе национальной пропорциональности и обеспечение на окраинах государства русского меньшинства». Таким образом, делался вывод, что «перед нами не та салонно-патриотическая организация, которые зарятся на покровительство власть имущих; новый союз смело соединяет национализм с радикальной прогрессивностью и путем мобилизации приходов проникает в самую гущу народную» (Деятельность 1919: 3). СРНО объявлял о своей приверженности «русской национально-прогрессивной идее» (ГАРФ 1: 132).

Главкомандующий ВСЮР А.И. Деникин скептически относился к идеологии и деятельности СРНО. Он считал, что это организация монархическая (хотя признавал, что в ней есть как сторонники просвещенного абсолютизма, так и конституционной монархии) и клерикальная, и опасался, что православный приход может стать «орудием самой неожиданной политической комбинации» (Деникин 1926: 161). С лета 1919 г. СРНО получал деньги от бюро секретной информации Отдела пропаганды. Выдачу средств прекратил Деникин в конце того же года (Деникин 1926: 162). Решение это он принял после ареста одного из инициаторов выделения денег штабс-капитана А.А. Пацановского, подозревавшегося в организации заговора против руководства армии. Согласно работам В.Г. Бортневского, следствие воспринимало СРНО как «легальную политическую базу» т. н. Анонимного центра – тайной монархической организации (Бортневский 1999: 298–302). Этот вопрос требует дальнейшего исследования, хотя нет никаких сомнений, что некоторые представители «Анонимного центра» взаимодействовали с СРНО – так, например, присяжный поверенный Н.П. Измайлов, один из его вождей, входил в руководство ростовской национальной общины (Национальная община 1919а). Но, на наш взгляд, в материалах расследования по делу Пацановского нет убедительных доказательств участия СРНО в каком-либо заговоре (ВАР).

Русская национальная община в Ростове-на-Дону, ставшем вскоре де-факто столицей белого Юга России, была организована при поддержке местных русских галичан, эвакуировавшихся на Дон после

отступления русской армии из Галичины в 1915 г. (ГАРФ 1: 32, 37). Как писал священник Андрей Сокальский, к ростовской национальной общине «расположены не только православные, но и старообрядцы, и галичане, и беженцы Прикарпатской Руси. Все любящие Родину и славянство примкнули к национальному движению русского народа. Многие записались в члены ростовской национальной русской общины. Несомненно, что и все мы, русские люди, станем русскими националистами» (Сокальский 1919: 1). В сводках информационной части Отдела пропаганды сообщалось, что летом 1919 г. состоялось соглашение об объединении между Обществом Прикарпатской Руси и СРНО, с одной стороны, и обществом «За Россию» – с другой (ГАРФ 1: 21). На первых порах работа Общества Прикарпатской Руси «сводилась к заботам о беженцах-галичаных, а с занятием Ростова Добрармией начала проявляться также и в пропаганде помощи Добрармии как преследующей цель воссоздания Единой России. Главной целью в данный момент, по заявлению председателя союза [М.Ф.] Глушкевича, союз считает борьбу с агрессивной политикой Польши, которая является главным препятствием воссоединения Карпатской Руси с Россией» (ГАРФ 1: 127–127 об.). На национальном съезде в Ессентуках речь произнес член Общества Прикарпатской Руси священник Рожанский, «изложивший вкратце исторический ход развития русской национальной идеи в Галичине и Червонной Руси» (Съезд представителей 1919: 3). Видимо, он же предоставил на рассмотрение съезда записку о культурно-просветительной и политической деятельности Общества им. Михаила Качковского (Съезд общин 1919: 2). На открытии ростовской русской национальной общины несколько священников из Галичины также произнесли речи (Открытие 1919: 4). Так что, видимо, деятели СРНО рассматривали русских галичан не только как своих русских зарубежных братьев, но и как носителей полезного опыта борьбы за национальное дело.

Тесные отношения у ростовской национальной общины сложились и с Русским народным советом Прикарпатской Руси. На их совместном заседании в июне 1919 г. было решено отправить телеграмму адмиралу А.В. Колчаку с пожеланием, чтобы «с возрождением России не были забыты наши страждущие братья Прикарпатской Руси» (СРНО 1919: 4). Практика совместных заседаний продолжилась и в дальнейшем. Так, например, 6 (19) октября 1919 г. в помещении Карпаторусского кооператива (Рождественская ул., д. 87) состоялось такое совместное собрание с докладом молодого галицко-русского ученого приват-доцента И.О. Панаса (про него подробнее см.: Казарова 2017: 158–165) о событиях в Галичине и русском национальном движении в Прикарпатье (В Народном Совете 1919: 2). На собрании

присутствовало много зрителей, а сам доклад «был интересен фактическими данными, подтверждающими выводы докладчика. Ввиду безвыходности своего положения и нежелания подчиниться исконному врагу галичан, Польше, последние решили, по словам докладчика, временно признать над собой правительство Чехословакии, с тем чтобы потом присоединиться к России. На собрании присутствовал архиепископ Евлогий, известный поборник русского национального дела в Холмщине, в Волини и в Галиции» (ГАРФ 1: 213 об.).

В деятельности СРНО активное участие приняло православное и старообрядческое духовенство. На одном из совместных собраний духовенства и СРНО епископ Арсений (Смоленец) «указал на важность пробуждения в массах подлинного национализма», а генерал Н.С. Батюшин высказал идею об организации сети приходских кооперативов, «которые одновременно послужили бы к сближению прихожан и развитию среди них национального чувства» (Кремлевец 1919: 1). «Наш путь к народу, – отмечал И.А. Корвацкий, – лежит через приходы и духовенство, поэтому конструкция нашей партии идет вполне органическим путем. Национальная ячейка, родившись при приходе, быстро разрастается путем присоединения к ней профессиональных организаций, интеллигенции и тех групп, которые составляют современное служивое общество» (Во Всероссийском Союзе 1919: 2). При национальной общине Пятигорска планировалось создать Русский национальный союз молодежи – организацию, сходную со скаутской, «но с выделением значения русской национальной идеи и христианской морали» (Национальная община 1919b: 2). Совет СРНО призывал «повсюду организовывать русские национальные школы только для русских детей, т. е. великороссов, малороссов, белорусов, казаков» (Русским родителям 1919: 2), и подобная школа была создана в Ессентуках, причем организатором ее выступило Общество русских женщин имени св. княгини Ольги – своеобразный женский филиал национальных общин (Национальная школа 1919: 2). Впрочем, попытки СРНО наладить взаимодействие с высшим церковным руководством успехом не увенчались. Лидеры СРНО просили включить их делегацию в состав Юго-Восточного русского церковного собора, проходившего в Ставрополе, но получили отказ. Кроме того, СРНО хотел получить от собора благословение на свою деятельность, но эта просьба была передана в отдел о приходе и так и не рассмотрена (Юго-Восточный собор 2018).

К 1919 г. национальные общины существовали в Мелитополе, Ялте, Новороссийске, Ростове-на-Дону, Екатеринодаре, Ессентуках, Кисловодске, Железноводске, Ставрополе. Кроме того, имелись

инициативные группы в Симферополе, Сочи, Армавире, Георгиевске и Харькове и ячейки в Гаграх и Салониках. В будущем же планировалось создать общины во множестве городов – Риме, Вене, Праге, Белграде, Афинах, Константинополе, Львове, Черновцах, Ярославле, Галиче, Холме, Варшаве, Нью-Йорке, Нагасаки, Токио, Тифлисе, Баку, Кутаиси и др. (ГАРФ 1: 311–311 об.).

После крушения белого фронта на рубеже 1919–1920 гг. деятельность СРНО была перенесена в Крым. В начале июня 1920 г. была создана севастопольская община, а чуть позже харьковская (состояла из беженцев, эвакуировавшихся из Харькова) (Бурнакин 1920: 1). В Центральный совет ВСРНО, избранный, по всей видимости, летом 1920 г., вошли 24 чел., в т. ч. Н.Н. Алексеев, бывший сотрудник «Нового времени» А.А. Бурнакин, сенатор Г.В. Глинка, петроградский городской голова (в 1917 г.) Ю.Н. Глебов, ялтинский городской голова И.И. Иванов, архиепископ Евлогий (Георгиевский), И.А. Корвацкий, Н.Н. Львов, В.М. Скворцов, бывший начальник киевской контрразведки А.В. Сульжиков, сенатор А.А. Чебышев и др. (Устав ВСРНО 1921: 21).

Национальные общины безоговорочно поддержали политику П.Н. Врангеля, и, видимо, под ее влиянием в программные положения организации были внесены некоторые изменения. Так, например, в новой версии устава, выпущенной в 1921 г., указывалось, что отдельные ветви русской нации – великороссы, белорусы, украинцы (а не малороссы, как ранее!), казачество всех областей, сибиряки и др. – «пользуются правом культурного, бытового и общественного самоуправления». Правда, сохранялся пункт о необходимости, «во имя исторической и национальной справедливости», воссоединения Червонной Руси с Россией (Устав ВСРНО 1921: 2, 4–5). В телеграмме Центрального совета ВСРНО Верховному комиссару Франции подчеркивалось, что общины – это «собрания националистов-демократов», а сам союз «не имеет никаких агрессивных задач в отношении национальных меньшинств»; все отдельные ветви русского народа (великороссов, белоруссов, украинцев, карпатороссов и казаков) союз «мыслит единым народом, объединенным в единое государство на тех началах федеративного его устройства, принцип коего провозглашен нашим правителем» (Телеграмма 1920: 3).

Летом-осенью 1920 г. СРНО был одной из немногих русских умеренно-правых организаций, активно ведущих политическую работу. Новые отделения СРНО были созданы во многих городах Крыма (в частности, в Симферополе (Собрание 1920: 1)), после освобождения Мелитополя возобновила деятельность и местная русская община (Русская община 1920: 2). Ялтинская община проводила молитвенные собрания, «которые привлекли огромное стечение верующих

русских людей всех званий и состояний» (Молитвенные собрания 1920: 2).

В конце 1920 г. главные деятели национальных общин успели выехать из России вместе с армией П.Н. Врангеля. В Константинополе в первые дни после эвакуации был образован Деловой совет союза, который, «временно прекратив свою политическую деятельность, занялся вопросами помощи, объединения и перерегистрации всех членов национальных общин, эмигрировавших за границу». Удалось связаться с общинами, открытыми до эвакуации на Балканах и в Америке; было намечено проведение съезда в Праге. После съезда планировалось открыть Первый русский национальный конгресс (ВСРНО 1921: 16). И.А. Корвацкий и А.А. Бурнакин, обосновавшиеся в Константинополе, создали местную национальную общину и зарегистрировали ее в консульской части Российской дипломатической миссии (Устав ВСРНО 1921: 1). По некоторым данным, они также постоянно появлялись на собраниях, организуемых либералами, и устраивали там скандалы (ГАРФ 3: 25). Национальная община была создана и в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В январе 1922 г. она даже добилась регистрации своего устава в Министерстве внутренних дел королевства. Эта же община в августе 1923 г. переиздала устав ВСРНО, опираясь на ростовское издание 1919 г. и при этом проигнорировав изменения, внесенные во врангелевский период. Это издание было перепечатано без изменений с ростовского издания, «так как основные положения Устава и Декларации союза не только не потеряли своей жизненности с 1919 г. – времени последнего съезда членов союза, но приобрели в настоящее время еще большее значение, являясь первоосновой национального возрождения России, на чем, по-видимому, начинают сходить теперь все правые организации». Центральный совет ВСРНО не посчитал нужным внести даже редакционных правок, не получив на то одобрения съезда всех членов союза, который не мог быть созван «по техническим причинам» (Устав ВСРНО 1923). Но съезд собрать так и не удалось, и постепенно деятельность организации сошла на нет. Отметим, что лидер СРНО И.А. Корвацкий прожил долгую жизнь в эмиграции – сначала в Турции, а затем в Швеции (по крайней мере, его следы прослеживаются вплоть до 1974 г.). В 1957 г. он установил связь с советским Комитетом за возвращение на Родину и развитие культурных связей с соотечественниками, писал для советской прессы, но в СССР так и не переехал (ГАРФ 4: 15, 140).

Можно сделать вывод, что СРНО представлял из себя достаточно примечательное явление жизни белого Юга в 1919–1920 гг. Пытаясь объединить вокруг себя всех русских националистов (от представи-

телей духовенства и приходских общин до членов галицко-русских организаций, от умеренных национально-прогрессивных кругов до консервативно-монархических), он сделал серьезную заявку на то, чтобы играть важную роль в политической жизни России. Но события военно-политического характера, приведшие к поражению белого движения, помешали осуществлению этих планов.

ЛИТЕРАТУРА

Александров 1919 – Александров А. Письмо в редакцию // Северокавказский край. 1919. 21 июля. № 150. С. 2.

Бортневский 1999 – Бортневский В.Г. Разведка и контрразведка Белого Юга (1917–1920 гг.) // Бортневский В.Г. Избранные труды. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 289–305.

Бурнакин 1920 – Бурнакин А. Национальная община // Вечернее слово. 1920. 4 июня. № 130. С. 1.

Бутаков 2002 – Бутаков Я.А. Русские националисты и Белое движение на Юге России // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 5–29.

В Мелитополе 1919 – В Мелитополе // Таврический голос. 1919. 9 февраля. № 29 (102). С. 2.

В Народном Совете 1919 – В Народном Совете Прикарпатской Руси // Свободная речь. 1919. 6 (19) октября. № 215. С. 2.

Во Всероссийском Союзе 1919 – Во Всероссийском Союзе Русских Национальных Общин // Великая Россия. 1919. 17 (30) октября. № 323. С. 2.

ВСРНО 1921 – Всероссийский союз русских национальных общин // Зарубежный клич. 1921. № 1. С. 16.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69.

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259.

ГАРФ 3 – ГАРФ. Ф. Р-6001. Оп. 1. Д. 11.

ГАРФ 4 – ГАРФ. Ф. Р-9651. Оп. 2. Д. 352.

Деникин 1926 – Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том 5: Вооруженные силы Юга России. Берлин: Книгоиздательство «Медный всадник», 1926. 367 с.

Деятельность 1919 – А. М-р. Деятельность Союза русских национальных общин // Жизнь. 1919. 6 (19) октября. № 135. С. 3.

Дроздовский 1923 – Дроздовский М.Г. Дневник. Берлин: Книгоиздательство Отто Кирхнер и К°, 1923. 186 с.

Казарова 2017 – Казарова Н.А. Историк-славист Иван Онуфриевич Панас // Русин. 2017. № 2 (48). С. 158 – 165. DOI: 10.17223/18572685/48/11.

Корвацкий 1919а – Корвацкий И. Национальное возрождение // Свободная речь. 1919. 20 октября (2 ноября). № 227. С. 1.

- Корвацкий 1919b – *Корвацкий И.* Союз русских национальных общин и его деятельность в связи с моментом. Екатеринодар, 1919. 16 с.
- Кремлевец 1919 – *Кремлевец.* Церковь и национальная идея // Свободная речь. 1919. 27 октября (9 ноября). № 232. С. 1.
- Молитвенные собрания 1920 – Молитвенные собрания в национальной общине // Ялтинский вечер. 1920. 27 октября (9 ноября). № 369. С. 2.
- Национальная община 1919a – Национальная община // Жизнь. 1919. 4 (17) августа. № 86. С. 4.
- Национальная община 1919b – Национальная община // Терско-Дагестанский вестник. 1919. 10 сентября. № 134. С. 2.
- Национальная школа 1919 – «Национальная школа» // Терско-Дагестанский вестник. 1919. 8 октября. № 156. С. 2.
- Открытие 1919 – Открытие русской национальной общины // Жизнь. 1919. 30 июля (12 августа). № 81. С. 4.
- Русская община 1919 – «Русская община» // Великая Россия. 1919. 6 (19) февраля. № 131. С. 1.
- Русская община 1920 – Русская община // Голос фронта. 1920. 28 июля (10 августа). № 119. С. 2.
- Русским родителям 1919 – Русским родителям // Терско-Дагестанский вестник. 1919. 30 октября. № 161. С. 2.
- Собрание 1920 – Собрание русской национальной общины // Таврический голос. 1920. 11 (24) октября. № 346 (496). С. 1.
- Сокальский 1919 – *Сокальский А. К.* русским людям (Письмо третье) // Свет Христов. 1919. 15 августа. № 24. С. 1–2.
- СРНО 1919 – Союз русских национальных общин // Жизнь. 1919. 6 (19) июня. № 36. С. 4.
- Съезд общин 1919 – Съезд национальных общин // Терско-Дагестанский вестник. 1919. 17 июля. № 90. С. 2.
- Съезд представителей 1919 – *А. М.-р.* Съезд представителей русских национальных общин (От нашего корреспондента) // Жизнь. 1919. 23 июля (5 августа). № 75. С. 3.
- Телеграмма 1920 – Телеграмма Центрального Совета Всероссийского союза национальных общин Верховному комиссару Франции // Военный голос. 1920. 23 октября (5 ноября). № 163. С. 3.
- Устав ВСРНО 1919 – Устав Всероссийского Союза русских национальных общин. Ростов н/Д, 1919. 20 с.
- Устав ВСРНО 1923 – Устав Всероссийского союза русских национальных общин. Белград, 1923. 22 с.
- Устав ВСРНО 1921 – Устав Всероссийского Союза русских национальных общин. Цели союза. Константинополь, 1921. 21 с.
- Цветков 2016 – *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1920–1922 гг. М., 2016. Ч. 2. 640 с.

Юго-Восточный собор 2018 – Юго-Восточный русский церковный собор 1919 года / Сб. документов под ред. Ю.А. Бирюковой. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2018. 372 с.

BAR - Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 24. Работа монархических организаций на Юге России.

REFERENCES

Aleksandrov, A. (1919) Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editorial office]. *Severokavkazskiy kray*. 21st July.

Bortnevsky, V.G. (1999) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, pp. 289–305.

Burnakin, A. (1920) Natsional'naya obshchina [National community]. *Vechnee slovo*. 4th June.

Butakov, Ya.A. (2002) Russkie natsionalisty i Beloe dvizhenie na Yuge Rossii [Russian nationalists and the White Movement in the south of Russia]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2 (7), pp. 5–29.

Tavricheskiy golos. (1919) V Melitopole [In Melitopol]. 9th February.

Svobodnaya rech'. (1919) V Narodnom Sovete Prikarpatsoy Rusi [In the People's Council of Ciscarpathian Rus']. 6th (19th) October.

Velikaya Rossiya. (1919) Vo Vserossiyskom Soyuze russkikh natsional'nykh obshchin [In the All-Russian Union of Russian National Communities]. 17th (30th) October.

Anon. (1921) Vserossiyskiy soyuz russkikh natsional'nykh obshchin [All-Russian Union of Russian National Communities]. *Zarubezhnyy klich*. 1.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-446. List 2. File 69.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5881. List 2. File 259.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-6001. List 1. File 11.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9651. List 2. File 352.

Denikin, A.I. (1926) *Ocherki russkoy smuty* [Sketches of Russian Distemper]. Berlin: Mednyy vsadnik.

A. M.-r. (1919) Deyatel'nost' soyuza russkikh natsional'nykh obshchin [The activities of the Union of Russian National Communities]. *Zhizn'*. 6th (19th) October.

Drozdovsky, M.G. (1923) *Dnevnik* [Diary]. Berlin: Otto Kirchner i K^o.

Kazarova, N.A. (2017) Historian and Slavist Ivan Onufrievich Panas. *Rusin*. 2

(48). pp. 158–165 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/11

Korvatsky, I. (1919a) Natsional'noe vozrozhdenie [National revival]. *Svobodnaya rech'*. 20th October (2nd November).

Korvatsky, I. (1919b) *Soyuz russkikh natsional'nykh obshchin i ego deyatelnost' v svyazi s momentom* [Union of Russian National Communities and its activities in connection with the moment]. Ekaterinodar: [s.n.].

Kremlevets. (1919) Tserkov' i natsional'naya ideya [Church and national idea]. *Svobodnaya rech'*. 27th October (9th November).

Yaltinskiy vecher. (1920) Molitvennyye sobraniya v natsional'noy obshchine [Prayer Meetings in the National Community]. 27th October (9th November).

Zhizn'. (1919a) Natsional'naya obshchina [National community]. 4th (17th) August.

Tersko-Dagestanskiy vestnik. (1919a) Natsional'naya obshchina [National community]. 10th September.

Tersko-Dagestanskiy vestnik. (1919b) "Natsional'naya shkola" ["National school"]. 8th October.

Zhizn'. (1919b) Otkrytie russkoy natsional'noy obshchiny [Opening of the Russian national community]. 30th July (12th August).

Velikaya Rossiya. (1919) Russkaya obshchina [Russian community]. 6th (19th) February.

Golos fronta. (1920) Russkaya obshchina [Russian community]. 28th July (10th August).

Tersko-Dagestanskiy vestnik. (1919c) Russkim roditelyam [To Russian parents]. 30th October.

Tavrisheskiy golos. (1920) Sobranie russkoy natsional'noy obshchiny [Meeting of the Russian national community]. 11th (24th) October.

Sokalsky, A. (1919) K russkim lyudyam (Pis'mo tret'e) [To the Russian people (Letter 3)]. *Svet Khristov*. 15th August.

Zhizn'. (1919c) Soyuz russkikh natsional'nykh obshchin [The Union of Russian national communities]. 6th (19th) June.

Tersko-Dagestanskiy vestnik. (1919d) S'ezd natsional'nykh obshchin [Congress of National Communities]. 17th July.

A. M-r. (1919) S'ezd predstaviteley russkikh natsional'nykh obshchin (Ot nashego korrespondenta) [Congress of Representatives of Russian National Communities (From our correspondent)]. *Zhizn'*. 23rd July (5th August).

Voennyi golos. (1920) Telegramma Tsentral'nogo Soveta Vserossiyskogo Soyuzu natsional'nykh obshchin Verkhovnomu komissaru Frantsii [Telegram of the Central Council of the All-Russian Union of National Communities to the High Commissioner of France]. 23rd October (5th November).

Anon. (1919) *Ustav Vserossiyskogo Soyuzu Russkikh Natsional'nykh Obshchin* [Statute of the All-Russian Union of Russian National Communities]. Rostov-on-Don: [s.n.].

Anon. (1923) *Ustav Vserossiyskogo Soyuza russkikh natsional'nykh obshchin* [Charter of the All-Russian Union of Russian National Communities]. Belgrad: [s.n.].

Anon. (1921) *Ustav Vserossiyskogo Soyuza russkikh natsional'nykh obshchin. Tseli soyuza* [Charter of the All-Russian Union of Russian National Communities. Goals of the Union]. Constantinople: [s.n.].

Tsvetkov, V.Zh. (2016) *Beloe delo v Rossii. 1920 – 1922 gg.* [White Movement in Russia. 1920–1922]. Book 2. Moscow: Nauka.

Biryukova, Yu.A. (ed. (2018) *Yugo-Vostochnyy russkiy tserkovnyy sobor 1919 goda* [Southeast Russian Church Council 1919]. Moscow: Novospassky Monastery.

The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. Anton & Kseniia Denikin Collection. Box 24. Work of the Monarchist organizations in the South of Russia.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Anton A. Chemakin – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

УДК 94(100)"1915/1917"+341.341

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/10

ВОЕННОПЛЕННЫЕ РУСИНЫ В ЛЕБЕДИНСКОМ УЕЗДЕ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.В. Лобко

Сумский государственный университет
Украина, 40016, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2

E-mail: Lobko@ukr.net

Авторское резюме

Первая мировая война – одна из трагических страниц истории человечества XX в. В настоящее время о событиях тех времен написано немало монографий и статей, защищено много диссертаций. Однако остаются вопросы и проблемы, требующие исследования. Среди них – нахождение военнопленных разных национальностей на территории Российской империи. К малоизученной можно отнести и тему пребывания русинов в военном плену. Объект данного исследования – военнопленные русины в Лебединском уезде Харьковской губернии в годы Первой мировой войны. Предмет исследования – положение пленных русинов, использование их в качестве рабочей силы в экономике уезда, основные условия их содержания и надзора за ними. Автор статьи ставит перед собой цель проанализировать пребывание военнопленных русинов на территории Украины на примере одного из уездов Харьковской губернии в 1915–1917 гг. Используя материалы Лебединской уездной земской управы Харьковской губернии, хранящиеся в Государственном архиве Сумской области, автор показывает роль труда военнопленных как важного экономического фактора при недостатке трудовых ресурсов в военное время. Изучение жизни военнопленных, в т. ч. и русинов, дает возможность сделать вывод, что сутью политики России в отношении военнопленных в годы Первой мировой войны было максимальное использование труда пленных при минимальных затратах на их содержание.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, русины, Российская империя, земства.

RUSIN PRISONERS OF WAR IN LEBEDYN DISTRICT OF KHARKIV PROVINCE DURING WORLD WAR I

N.V. Lobko

Sumy State University
2 Rymyskogo-Korsakova Street, Sumy, 40016, Ukraine
E-mail: Lobko@ukr.net

Abstract

The article dwells on the prisoners of war of different nationalities on the territory of Russian Empire during WWI, with special focus on the Rusins. The object of this study is Rusin war prisoners, used as labour force in Lebedyn District of Kharkiv Province during World War I, their living and working conditions and peculiarities of supervision. The author aims at analyzing the situation when Rusin prisoners of war were in Ukraine on the example of one districts in Kharkiv province in 1915–1917. Using materials from Lebedyn District Zemstvo Administration from the State Archive of Sumy Region, the author argues that the war prisoners' labour was an important economic factor under the shortage of work force in the wartime and concludes that the Russian policy towards prisoners of war during WWI implied their highest possible use as work force at the lowest cost of their maintenance.

Keywords: World War I, prisoners of war, Rusins, Russian Empire, zemstvo.

Первая мировая война – одна из трагических страниц истории человечества XX ст. В настоящее время о событиях тех времен написано немало монографий и статей, защищено множество диссертаций. Однако остаются вопросы и проблемы, требующие исследования. Среди них – пребывание военнопленных на территории Российской империи.

Первые публикации о военном плене появились в 20–30-х гг. XX в. (Жданов 1920: 279–299; Шнейдер 1935; Валхар 1936).

С начала 1990-х гг. исследование темы активизировалось. Следует отметить, что авторами большинства работ являются российские исследователи. Они, используя материалы региональных архивов, рассматривают различные аспекты пребывания военнопленных на территории российских губерний европейской части страны (Безруков 2001; Иконникова 2004; Талапин 2005; Крючков 2006; Гергилева

2007; Еремин 2007; Идрисова 2008; Ниманов 2009; Остроухов 2011; Суржикова 2012; Суржикова 2014; Дмитриева 2013; Васильева 2014; Ничков 2014).

Работ, посвященных военному плену на территории других земель, входивших в состав Российской империи, на данный момент мало. Так, белорусский исследователь А. Самович описывает трудовое использование иностранных военнопленных в 1914–1918 гг. на территории Белоруссии (Самович 2008; Самович 2013). Отрывочно проблема пребывания военнопленных на территории Украины рассмотрена в работах Р. Нахтигаль и В. Саранчи. Первый автор описал лагерь для австро-венгерских военнопленных в поселке Дарница, ныне в черте Киева (Нахтигаль 2010), второй – на территории Кременчугского гарнизона (Саранча 2011).

Недостаточно внимания уделяется и рассмотрению положения военнопленных разных национальностей. Наиболее полно освещен вопрос пребывания на территории Российской империи чешских и словацких военнопленных (Клеванский 1965; Остроухов 2011; Дмитриева 2013).

Условиям содержания и использования труда румынских военнопленных посвящена статья Н. Лобко, В. Гузун, В. Власенко (Lobko et al. 2017).

К малоизученной можно отнести и тему нахождения военнопленных русинов на территории Российской империи. Частично вопросы военного плена затронуты в работах С.Г. Суляка (Суляк 2006; Суляк 2016). Б.В. Колесников более детально описал содержание военнопленных русинов в 1916–1917 гг. в Камышинском казенном питомнике Камышинского уезда Саратовской губернии (Колесников 2018).

Автор данной статьи ставит перед собой цель проанализировать пребывание военнопленных русинов на территории Украины на примере одного из уездов Харьковской губернии в 1915–1917 гг. Основным источником при написании работы послужили документы Лебединской уездной земской управы из Государственного архива Сумской области (ГАСО 1).

Точное количество военнопленных русинов установить сложно, поскольку национальный состав австро-венгерской армии был довольно пестрый. Часто при регистрации военнопленных учитывались подданство, принадлежность к неприятельской армии и вероисповедание. К тому же, как отметил Р. Нахтигаль, деление массы австро-венгерских солдат на славян и неславян не всегда представлялось возможным, потому что венгерские словаки или румыны из венгерской части империи называли себя либо венграми, либо русинами, а поляки и словенцы – австрийцами (Нахтигаль 2014: 148).

В 1914–1915 гг. военнопленных размещали в российских губерниях европейской части страны, в 1916–1917 гг. – и на территории украинских губерний (Нахтігаль 2010; Саранча 2011).

В октябре 1914 г. император Николай II утвердил «Положение о военнопленных», которое базировалось на принципах Гаагской конвенции 1907 г. и определяло правовой статус военнопленных. В частности, отмечалось, что с военнопленными «как с законными защитниками своего отечества» надлежит обращаться человеколюбиво, а их основные имущественные и личные права не должны нарушаться.

В связи с мобилизацией населения в российскую армию уже в начале войны возникла острая нехватка рабочих рук. Поэтому Совет министров России принял решение об использовании труда военнопленных. В 1914–1915 гг. были разработаны и приняты документы, регулировавшие использование труда военнопленных в различных сферах хозяйственной деятельности. Это правила «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» и «О порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств».

Эти документы регламентировали применение труда пленных в сельском хозяйстве, на промышленных предприятиях тыловых губерний Российской империи, устанавливался порядок передачи пленных из военного ведомства другим ведомствам, предприятиям, определялись условия содержания военнопленных, их труд и порядок возврата военному ведомству.

Попавших в плен солдат и офицеров в зоне боевых действий отправляли на сборные пункты, где проводили их допрос, а затем через фронтовые распределительные и пересыльные станции (сортировочные пункты) их направляли во внутренние районы государства и размещали во временных и стационарных лагерях.

Так, в протоколе допроса от 5 мая 1916 г. по делу сбежавшего русина Петра Дывжека (Дивисевич) записаны показания другого военнопленного русина Дмитрия Конищака о том, как они попали в Лебединский уезд. В частности, в протоколе указано, что «военнопленный австрийской армии Дмитрий Конищак, 19 лет, русин, православный, грамотный, не судился: в Степную экономию графа А.В. Капниста прибыл 30 марта 1916 г. вместе с другими военнопленными, среди которых был и Петр Дывжевич, правильнее Дивисевич. Он происходит из одной деревни с Дивисевичем, которая называется Морецея, в Буковине, недалеко от города Сучава и Черновиц.

Они служили в разных полках и попали в плен одновременно, но только лишь встретились в Киеве, откуда были отправлены в Харьков, а потом на работы и таким образом прибыли в Степное. Дивисевич служил в 20 пехотном полку (ландвер), был он рядового звания, он попал в плен в сентябре месяце 1915 года под Почаевом» (ГАСО 1: 381 об.).

На каждого пленного заводили карточку с указанием фамилии, чина (звания), армии, национальности, мастерства (профессии). В материалах архива встречаются карточки с информацией о подданстве, вероисповедании, месте жительства, возрасте, дате рождения, номере воинской части, времени и месте пленения, наличии контузии, состоянию здоровья (ГАСО 5: 39–40в).

Эти карточки вклеивались в записную книжку военнопленного, которую «он должен постоянно хранить у себя и при получении денег, вещей и посылок предъявлять заведующему военнопленными для отметки в соответствующих графах количество выдаваемых денег и время выдачи». В нее также заносилась информация о полученных письмах и денежных переводах, заработанных деньгах, выданных «казенных вещах» и «собственных вещах» пленного.

Периодом максимально активного применения труда пленных были 1916–1917 гг. В соответствии с правилами допуска военнопленных к сельскохозяйственным работам на губернию выделялось не более 10 тыс. чел. Процесс распределения военнопленных для такого рода работ выглядел следующим образом. Желавшие получить военнопленных подавали заявки в земскую управу, которая передавала их губернатору. Заявки, получившие его положительное заключение, направлялись далее в созданную при Главном управлении Генерального штаба Особую межведомственную комиссию по распределению военнопленных (ГАСО 1: 19).

Партии военнопленных поступали в распоряжение уездных земских управ, которые должны были определять условия их труда и размер оплаты. При этом запрещалось привлекать пленных для изнурительных работ и работ, имеющих отношение к боевым действиям и направленных против их государств.

Распределяя военнопленных на работы, земства руководствовались приказом командующего Московским военным округом № 879-1916. В нем указывалось, что «смешение на работах в одной партии немцев и венгров со славянами и румынами воспрещается, так как пленным румынам придется переносить издевательства со стороны немцев» (ГАСО 6: 15).

Летом-осенью 1916 г. в Лебединском уезде находилось 2 612 военнопленных. Из них на сельскохозяйственных работах трудилось

1 878 пленных, в промышленности – 88, 36 чел. выполняли работы общественного назначения (ГАСО 6: 200).

Спрос на рабочие руки пленных в уезде вскоре превысил возможное предложение. Так, на 1917 г. потребность составляла не менее 5 тыс. чел. Особенно были заинтересованы в военнопленных частновладельческие хозяйства, т. к. их благополучие целиком базировалось на применении наемного труда. В сентябре 1916 г. в крупных частновладельческих хозяйствах работало 1 182 военнопленных (ГАСО 3: 178).

Граф А. Капнист в июле 1916 г. писал харьковскому губернатору: «Убедительно прошу исходатайствовать в распоряжение Лебединской земской управы тысячу пленных для уборки урожая семьям призванных. Неполучение теперь же пленных грозит серьезными последствиями» (ГАСО 2: 356).

Вероятно, его просьбу удовлетворили. Ему выделили 113 военнопленных, среди которых было 11 русинов. Работали они в Михайловском имении графа А. Капниста (ГАСО 5: 155 об.).

Однако трудом пленных пользовались и малоимущие собственники, временно утратившие в связи с мобилизацией трудоспособных членов семьи. В таких хозяйствах было задействовано 560 пленных (ГАСО 3: 178). Содержание пленного во время уборки урожая оплачивалось земством (ГАСО 1: 27). Некоторые крестьяне согласны были принять военнопленных только в том случае, если все расходы на их содержание оплачивали из казны. Среди документов архива встречаются просьба солдата о том, чтобы ему выдали военнопленного на тот случай, если его заберут в армию (ГАСО 6: 667), жалоба солдата об отказе его матери дать пленного для уборки урожая (ГАСО 1: 132–133).

Военнопленные направлялись на работу в различные организации: экономии, имения, сахарные заводы, кредитные общества, земские больницы, ветеринарные и фельдшерские пункты, почтовые станции, ремесленные училища, продовольственные комитеты и амбулатории (ГАСО 7: 9–10).

Многие трудились на сахарных заводах. В сентябре 1916 г. таких было 746 чел. (ГАСО 3: 178). Так, на Супруновском сахарном заводе работали 5 русинов-военнопленных (ГАСО 5: 152).

В списках военнопленных, состоявших на учете в Лебединском уезде, значились румыны, русины, чехи, мадьяры, поляки. Установить точное количество русинов нет возможности. Это связано с тем, что не во всех документах, где записаны имена и фамилии пленных, указывалась их национальность. Автору удалось идентифицировать фамилии и имена 58 русинов, находившихся в 1915–1917 гг. на территории Харьковской губернии. Из них 44 чел. пребывали в Ле-

бединском уезде и 14 работали на Павловском рафинадном заводе П.И. Харитоненка в г. Сумы (ГАСО 8). Вероятно, их было больше. Среди документов встречаются отчеты с указанием только количества работавших там пленных.

В 1916–1917 гг. военнопленные русины направлялись на работу в такие организации, как Супруновский свеклосахарный завод (5 чел.) (ГАСО 5: 152), Чупаховская экономия (6 чел.) (ГАСО 5: 163–164), Лебединское ремесленное училище (1 чел.) (ГАСО 5: 164а об.), Василевское имение и виноградный завод Г.А. Глазенапа (2 чел.) (ГАСО 5: 150–151), Михайловское имение графа А.В. Капниста (11 чел.) (ГАСО 5: 155–156 об.), Гринцовская экономия Н.А. Кононенка (8 чел.) (ГАСО 5: 165), мельница Товарищества Кононенко и Пивоваров в г. Лебедине (3 чел.) (ГАСО 5: 166), Лозовское имение (2 чел.) (ГАСО 5: 141–142об.), имение Е.В. Святогор-Штепина (1 чел.) (ГАСО 1: 412).

Анализ хранящихся в Государственном архиве Сумской области списков военнопленных показал, что пленные русины были подданными Австро-Венгерской империи, православного вероисповедания. Служили они в пехотных полках под номерами 7, 9, 10, 15, 17, 19, 22, 23, 24, 30, 32, 33, 34, 35, 37, 45, 55, 61, 67, 71, 77, 85.

По специальности преобладали чернорабочие. Был 1 плотник – Боташ Ион Федорович (ГАСО 5: 165), 1 кузнец – Здерко Михаил Якович (ГАСО 5: 150), 2 хлебопашца – Грицак Василий Васильевич и Томась Михаил Федорович (ГАСО 5: 141–141 об.).

Местное население было хорошего мнения о русинах. Об этом свидетельствует заявление от мещанина г. Белополье П.В. Федоренко в Лебединскую земскую управу от 20 июня 1916 г. с просьбой выписать для работы в имении «военнопленных из русинов» (ГАСО 2: 237).

Пленные трудились 26 дней в месяц (ГАСО 1: 46), получая за это месячную зарплату сначала 8 руб., с осени 1916 г. – 10 руб. Эта сумма делилась на две равные части. Первую военнопленный получал на руки, вторую отчисляли на его содержание, охрану и снабжение одеждой (ГАСО 4: 98). Работодатель должен был содержать и лечить пленных за свой счет. Предусматривались штрафы за плохую работу, запрещалось отлучаться с места работ без письменного согласия хозяина. Работодатель нес полную ответственность за поведение и охрану военнопленных, должен был обеспечить приемлемый уровень жизни пленных.

Имели место конфликты военнопленных с работодателями. Происходили они по вине обеих сторон. Часто работодатели, желая сэкономить, не выполняли указанных выше правил по снабжению пленных продовольствием и одеждой. Так, агроном Н. Тимченко-Рубан

докладывал земской управе: «Самой больной стороной отношений хозяев с военнопленными является то, что учет рабочих дней пленных ведется хозяином произвольно. В результате чего, судя по отчетам хозяев, у многих пленных указано не 26 рабочих дней в месяц, а значительно меньше. Некоторые пленные мне жаловались, что их обсчитали» (ГАСО 1: 350 об.). Власть пыталась бороться с этим, забирая военнопленных у недобросовестных работодателей. Так, у владельца Г.Т. Подоляк отобрали военнопленных за плохое содержание, поскольку «пленные имели 1 пару белья, рубахи старые, изорванные. Кормят их постным борщом с буряка без приправы, т. е. нет сала, масла, не вкусный. Хлеб хороший. Половину части заработной платы не получают» (ГАСО 1: 137–137 об.).

Иногда были виноваты сами военнопленные, поскольку самовольно оставляли работу, уклонялись или отказывались от нее. Бывали случаи правомерного отказа. Так, военнопленные, направленные в Лебединское земское ремесленное училище, отказались «работать на военные нужды враждебного государства» (ГАСО 1: 61), поскольку училище изготавливало повозки для армии, а это противоречило ст. VI Гагской конвенции о военнопленных 1907 г.

Архивные документы свидетельствуют о случаях возвращения работодателями военнопленных, поскольку те «оказались не пригодными к сельскохозяйственным работам» (ГАСО 1: 328), имели «дурное поведение» (ГАСО 1: 6), «работают сколько и когда пожелают, часто притворяются больными, что на медосмотрах не подтверждается. И вообще вредно влияют на остальных сотоварищей» (ГАСО 1: 114).

Основными формами протеста пленных против условий содержания и эксплуатации их труда были отказы от работы и побеги. Военнопленные предъявляли претензии к хозяевам за плохое содержание и обращение. Довольно часто пленные отказывались работать, ссылаясь на недоброкачественную пищу. В протоколах расследования неповиновения военнопленных указывалось, что они хотели мясо, сало, молоко (ГАСО 2: 11). Нередко возникали конфликты по поводу «невыдачи белья и жалования», побоев без причин (ГАСО 6: 536–536 об.).

Полицейские пытались воздействовать на военнопленных, отказывавшихся работать. К ним применялся арест на 3–7 суток. Система охраны лагерей военнопленных не позволяла обеспечить достаточный уровень охраны, и, как следствие, во второй половине 1916–1917 г. возросло число побегов. Система поиска беглецов была четко отлажена, а документация достаточно однообразна. Первыми документами стали сообщение о побеге, ориентировка с приметами беглеца, сообщение о поимке и протокол допроса беглеца. Содержание

провинившихся пленных под стражей было относительно гуманным. Так, в рапорте начальнику Харьковской местной бригады читаем: «В Лебединском уезде были случаи, когда отказавшиеся от работы военнопленные за неимением свободных мест в арестантских камерах при полицейском управлении приговаривались к заключению под арест в подвале при земской управе. Все это сводилось к тому, что они сидели не в подвале, а около подвала во дворе или на улице. Им выдавалось "на хлеб и воду" 25 коп. в сутки. Им разрешалось ходить в лавочку и покупать "хлеб и воду". Собственные деньги у них не отбирались, так что чувствовали они себя здесь гораздо лучше, чем на работах. Эти военнопленные имели свидание с солдатками, которые выбирали себе военнопленных по вкусу. Потом эти военнопленные попадали в кредитные общества, а оттуда каждый уже знал, кто его возьмет» (ГАСО 3: 53).

Среди военнопленных, отказывавшихся работать, были и русины. Один из них – Василий Дьякив. В протоколе допроса указано, что он «нижний чин австрийской армии, русин, вероисповедания православного, 26 лет, в плену находится с декабря 1914 года».

В своем прошении приставу 2-го стана Лебединского уезда землевладелец Е.В. Святогор-Штепин просил наказать военнопленного русина Василя Дьякива за «неоднократно повторяющиеся грубости и упорство настоять на своем в разных случаях, что деморализующее действует на остальных, особенно новоприбывших». Согласно показаниям жены землевладельца Марии Святор-Штепин и приказчика Григория Козьмина, военнопленный В. Дьякив «дерзко обращался, не хотел идти на работу» (ГАСО 1: 412).

Сам обвиняемый дал такие показания на допросе: «В воскресенье, 8 мая, приказчик экономии Григорий Ефимович послал меня на работу, но я стал его просить, чтобы он заменил меня другим, так как я болен, а другие пленные свободны от работы, но он начал меня ругать и доложил об этом землевладелнице, которой я объяснил то же, что и приказчику, но последняя не приняла моего объяснения и препроводила меня в распоряжение пристава 2-го стана Лебединского уезда. От работ не отказываюсь, но просил бы о переводе меня в другую экономию или какое другое место, так как мне плохо жить ввиду неприязненного отношения со стороны служащих» (ГАСО 1: 412 об.).

Следует отметить, что, вероятно, Василий Дьяков был хорошим работником, о чем свидетельствует высказанное в прошении о наказании желание землевладельца Е.В. Святогор-Штепина вернуть его назад в имение после отбытия наказания.

Встречались случаи возврата военнопленных. Так, представители

Торгового дома «Кононенко и Пивоваров» в г. Лебедине просили уездную управу о «принятии 5 человек военнопленных нижних чинов австрийской армии, взятых для работы, так как они отказываются работать, заявляя себя больными». Трое из отказавшихся работать при мельнице были русинами – Дмитрий Козарук, Григорий Олексюк, Дмитрий Стефанчев (ГАСО 1: 179).

Причиной отказа от работ могла служить болезнь, в случае подтверждения ее во время освидетельствования у врача пленный освобожден от работы до выздоровления. Имели место и многочисленные случаи симуляции, влекшие за собой наказание – от непродолжительного ареста до отправки на общественные земляные работы.

В архивных документах встречается информация о сбежавших пленных русинах. Так, заведующий экономией Трофим Ткач 5 мая 1916 г. дал показания о побеге: «Военнопленный австрийской армии по национальности русин Петр Дывжевич находился на работах в Степной экономии с марта 1916 г. Получен он был из Лебединской земской управы вместе с другими военнопленными, с которыми вместе находился и на работах. При военнопленных состоит охранником крестьянин Лебединской волости Михаил Жук, который постоянно за ним наблюдал. Дывжевич спал в одном помещении с охранником Жук. В ночь с 23 на 24 апреля Дывжевич скрылся неизвестно куда из помещения, где ночевал. Сейчас же были приняты меры к его поимке, но безрезультатно. Охранник Жук причин побега не знает. Дывжевич был хороший работник, никогда не заявлял никаких претензий, и не предъявлял никаких требований, и не внушал подозрений. Уходя, он никаких вещей не оставил, а также ничего не взял с собой, кроме того, что было на нем. Одет он был в простой пиджак рыжеватого-серого цвета, черные брюки из простой материи, простые высокие сапоги и черную суконную фуражку с лакированным козырьком. Приметы: 21 год, высокого роста, плотный, блондин, бороды нет, усы чуть-чуть пробиваются, лицо полное, румяное, глаза светлые, особых каких-нибудь примет не имеет. Денег у него не было, и нужно полагать, что убежал он совершенно без денег» (ГАСО 1: 381). Эту информацию подтвердил охранник М. Жук.

В этом же документе имеются и показания военнопленного австрийской армии Дмитрия Конищака: «19 лет, русин, православный, грамотный, не судился». «Прибыв в Степную экономию, Дивисевич начал жаловаться, что ему не нравятся условия экономической жизни, и говорил, что в экономии он жить не будет, а постарается попасть на работы к простому крестьянину. Конищак не придавал этим словам никакого значения, думал, что он шутит и отсюда не уйдет» (ГАСО 1: 381 об.).

Вероятно, сбежавшего Петра Дывжевича (Дивисевича) так и не нашли. В списке работавших военнопленных при Михайловском имении графа А. Капниста его имени нет, а дававший показания Дмитрий Конищак значится (ГАСО 5: 155–156 об.).

Важным аспектом плена было здоровье военнопленных. В случае болезни они размещались в городской больнице или военных лазаретах. Наиболее распространенными заболеваниями были ревматизм, туберкулез, воспаление почек, грыжа, малокровие, раны на ногах, бронхит. Встречаются и такие диагнозы, как болезни яичек, душевная болезнь (ГАСО 1: 344). Неизлечимо больных отправляли на родину.

Умерших военнопленных хоронили на городских кладбищах. В архиве сохранилась переписка губернских и земских властей за август 1918 г. по вопросу местонахождения могил умерших военнопленных в Лебединском уезде. Эта информация понадобилась императорскому и королевскому представительству Австро-Венгрии на Украине.

Интерес представляют «Сведения о могилах умерших военнопленных в Лебединском уезде» и отчет Лебединской уездной управы об умерших пленных, которые были отправлены в Центральное справочное бюро о военнопленных в Петербурге. В списке из 8 чел. указывалась следующая информация: «...имя, фамилия, каких частей войск; когда и где попал в плен; последнее место работы; когда умер; № могилы или имя и фамилия; в порядке ли могилы» (ГАСО 7: 28).

Автор изучила метрические книги церквей, находящиеся в тех населенных пунктах, где умерли и были похоронены пленные, и выявила, что среди умерших пленных был русин. В метрической книге Троицей церкви г. Лебедин есть запись такого содержания: 6 октября умер, а 8 октября был отпет и похоронен «военнопленный русин Антон Банаш», ему было 22 года, причина смерти – тиф. Сведений о причащении перед смертью нет. Обряд отпевания провел священник Александр Червонецкий. Похоронили умершего на приходском кладбище (ГАСО 9: 463 об.–464).

Лебединская земская управа не только занималась принуждением военнопленных к работам, но и стояла на страже их законных интересов. Международные законы предусматривали определенные нормы поведения властей по отношению к этой категории лиц. Австрийские и немецкие подданные имели возможность получать письма и посылки от родных. В документах архива встречаются обращения уездной управы к правлениям экономий такого содержания: «Уездная управа просит контору объявить находящемуся у вас на работах военнопленному Павлу Патлуц, что на его имя в управе получено 19 руб., за получением которых он должен явиться в самое непродолжительное время» (ГАСО 4: 136).

Плененным солдатам разрешалось еженедельно направлять одно письмо-открытку и ежемесячно два закрытых письма в конверте. Это было предусмотрено правилами корреспонденции Главным управлением Красного Креста. Все письма проверялись военными цензорами. Затем при помощи Красного Креста они направлялись в указанные страны, где подвергались повторной цензуре, на них ставили соответствующие штампы, а затем отправляли адресату. Военная цензура предупреждала уездные учреждения о том, что «огромное количество открытых писем военнопленных содержат междустрочный невидимый текст» (ГАСО 1: 208). Для этого использовали симпатические чернила (чаще всего молоко). Некоторые пленные старались писать в тех местах, где, по их мнению, цензор не будет проверять письмо (под марками, внутренняя сторона конверта).

Таким образом, характерной особенностью военного плена в годы Первой мировой войны было использование пленных в качестве рабочей силы. Привлечение их к работам в сельском хозяйстве и промышленности началось в 1915 г. и с каждым годом усиливалось. Правила использования труда военнопленных, основные требования к пленным, порядок надзора за ними были изложены в ряде документов. Согласно этим документам, пленным должен был быть обеспечен приемлемый уровень жизни. Однако в реальной жизни наиболее острыми в организации их жизнедеятельности и труда были вопросы нехватки обмундирования и питания. Имели место и конфликты военнопленных с нанимателями. Происходили они по вине обеих сторон. Следует отметить, что власти пытались объективно разбираться в различных ситуациях. Так, у недобросовестных нанимателей забирали военнопленных, а в отношении тех пленных, которые самовольно оставляли работу или предъявляли завышенные требования, принимали решительные меры.

Среди военнопленных были представители разных национальностей, в т. ч. и русины. Это подтверждается документами Государственного архива Сумской области. Гражданское население к ним относилось лояльно. Военнопленные имели возможность получить необходимую медицинскую помощь, вести переписку с родными. В случае смерти их хоронили с соблюдением православного обряда.

Таким образом, анализ архивных документов показал, что условия пребывания военнопленных в годы Первой мировой войны в Лебединском уезде Харьковской губернии были удовлетворительными, насколько это было возможно в условиях военного времени.

ЛИТЕРАТУРА

Безруков 2001 – *Безруков Д.А.* Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001.

Валхар 1936 – *Валхар Ф., Форст Л.* Организация военнопленных в Симбирске // 1918 год на Родине Ленина. Куйбышев, 1936. С. 135–151.

Васильева 2014 – *Васильева С.Н.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014. 426 с.

ГАСО 1 – Государственный архив Сумской области (далее ГАСО). Ф. 251. Оп. 2. Д. 9. Отношение частных лиц и учреждений об использовании труда военнопленных. Списки военнопленных. 1916 г.

ГАСО 2 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 11. Копия циркуляра Московского штаба военного округа. Заявления в земскую управу об использовании труда военнопленных. 1916 г.

ГАСО 3 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 12. Копии циркуляров Харьковского губернатора, министра земледелия об использовании труда военнопленных на рудниках и в сельском хозяйстве. Списки военнопленных. 1916 г.

ГАСО 4 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 13. Циркуляр Харьковского губернатора, прошения Лебединской городской управы об использовании труда военнопленных. 1916 г.

ГАСО 5 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 15. Циркуляры, постановления Харьковского губернаторского продовольственного комитета о надзоре за военнопленными. Списки военнопленных австрийской и германской армии. 1916–1917 гг.

ГАСО 6 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 16. Циркуляры, постановления Харьковского губернского по земским и городским делам присутствия и учреждений об использовании труда военнопленных. 1917 г.

ГАСО 7 – ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 18. Сведения об нахождении могил военнопленных. 1918 г.

ГАСО 8 – ГАСО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 30. Именной список австрийских и германских военнопленных. 1915–1917 гг.

ГАСО 9 – ГАСО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 257. Метрическая книга Троицкой церкви г. Лебедин. 1916 г.

Гергилева 2007 – *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007. 123 с.

Дмитриева 2013 – *Дмитриева О.* Особенности пребывания чехов и словаков в российском плену в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *European Researcher*. 2013. № 10–1. С. 2393–2403.

Еремин 2007 – *Еремин И.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // *Известия Томского политехнического университета*. 2007. Т. 310, № 1. С. 259–263.

Жданов 1920 – *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920. Ч. I–III. 376 с.

Идрисова 2008 – *Идрисова Э.С.* Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008.

Иконникова 2004 – *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004. 177 с.

Клеванский 1965 – *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус // Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России (1914–1922 гг.). М., 1965.

Колесников 2018 – *Колесников Б.В.* Положение военнопленных русинов и других словян в 1916 – 1917 гг. (по материалам Камышинского казенного питомника) // Русин. 2018. № 1 (51). С. 291–232. DOI: 10.17223/18572685/51/14

Крючков 2006 – *Крючков И.В.* Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006. 144 с.

Нахтигаль 2010 – *Нахтигаль Р.* Дарницький табір військовополонених під час Першої світової війни // Український історичний журнал. 2010. № 2. С. 103–116.

Нахтигаль 2014 – *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 142–156.

Ниманов 2009 – *Ниманов Б.И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Ничков 2014 – *Ничков Е.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Курганском уезде // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2014. № 5 (29). С. 84–90.

Остроухов 2011 – *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

Самович 2008 – *Самович А.* Трудовое использование иностранных военнопленных в 1914–1918 годах на территории Беларуси // Беларуская думка. 2008. № 11. С. 36–41.

Самович 2013 – *Самович А.* Содержание писем из русского плена в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4. С. 160–163.

Саранча 2011 – *Саранча В.* Військовополонені Першої світової війни в Кременчуцькому гарнізоні // Краєзнавство. 2011. Ч. 4. С. 84–92.

Суляк 2006 – *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

Суляк 2016 – *Суляк С.Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны // Русин. 2016. № 2 (44). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6.

Суржикова 2012 – Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии // *Sahiers du Monde russe*. 2012. № 53. С. 247–266.

Суржикова 2014 – Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 426 с.

Талапин 2005 – Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 – май 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

Шнейдер 1935 – Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России в 1915–1919 гг. // *Борьба классов*. 1935. № 3. С. 54–61.

Lobko, Guzun, Vlasenko 2017 – Lobko N., Guzun V., Vlasenko V. Romanian prisoners of war Lebedin county of Kharkiv province during World War I // *Analele Universităţii din Craiova. Istorie. Anul XXII*. 2017. № 2 (32). P. 53–66.

REFERENCES

Bezrukov, D.A. (2001) *Sistema upravleniya voennoplennymi i ispol'zovanie ikh truda v Novgorodskoy gubernii 1914–1918 gg.* [Management system for prisoners of war and the use of their labour in Novgorod Province in 1914–1918]. History Cand. Diss. Veliky Novgorod.

Valkhar, F. & Forst, L. (1936) *Organizatsiya voennoplennykh v Simbirske* [Organization of prisoners of war in Simbirsk]. In: Chistov, B. (ed.) *1918 god na Rodine Lenina* [1918 in Lenin's homeland]. Kuybyshev: Kuybyshev izdatelstvo. pp. 135–151.

Vasilieva, S.N. (2014) *Voennyi plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.)* [Military captivity in the Russian provinces (1914–1922)]. Moscow: ROSSPEN.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1916) *Otnoshenie chastnykh lits i uchrezhdeniy ob ispol'zovanii truda voennoplennykh. Spiski voennoplennykh. 1916 g.* [Attitudes of individuals and institutions to the use of war prisoners' labour. Lists of war prisoners]. Fund 251. List 2. File 9.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1916) *Kopiya tsirkulyara Moskovskogo shtaba voennogo okruga. Zayavleniya v zemskuyu upravu ob ispol'zovanii truda voennoplennykh. 1916 g.* [Copy of the circular of the Moscow Military District Headquarters. Applications to the county council on the use of prisoners of war's labour. 1916]. Fund 251. List 2. File 11.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1916) *Kopii tsirkulyarov Khar'kovskogo gubernatora, ministra zemledeliya ob ispol'zovanii truda voennoplennykh na rudnikakh i v sel'skom khozyaystve. Spiski voennoplennykh* [Copies of circulars of the Kharkov governor, Minister of Agriculture on the use of labour of prisoners of war in mines and in agriculture. Lists of prisoners of war]. Fund 251. List 2. File 12.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1916) *Tsirkulyar Khar'kovskogo gubernatora, prosheniya Lebedinskoy gorodskoy upravy ob ispol'zovanii truda voennoplennykh. 1916 g.* [The circular of the Kharkov Governor, the petition of the Lebedinskaya Town Council about the use of the labour of prisoners of war. 1916]. Fund 251. List 2. File 13.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1916–1917) *Tsirkulyary, postanovleniya Khar'kovskogo gubernatorskogo prodovol'stvennogo komiteta o nadzore za voennoplennymi. Spiski voennoplennykh avstriyskoy i germanskoy armii. 1916–1917 gg.* [Circulars, resolutions of the Kharkiv Governor's Food Committee on the supervision of prisoners of war. Lists of prisoners of war of the Austrian and German army. 1916–1917]. Fund 251. List 2. File 15.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1917) *Tsirkulyary, postanovleniya Khar'kovskogo gubernatskogo po zemskim i gorodskim delam prisutstviya i uchrezhdeniy ob ispol'zovanii truda voennoplennykh. 1917 g.* [Circulars, resolutions of the Kharkov Governorate on land and city affairs of presence and institutions on the use of prisoners of war's labour. 1917]. Fund 251. List 2. File 16.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1918) *Svedeniya ob nakhozhdenii mogil voennoplennykh. 1918 g.* [Information on finding the graves of prisoners of war]. Fund 251. List 2. File 18.

The State Archive of Sumy region (GASO). (1915–1917) *Imennoy spisok avstriyskikh i germanskikh voennoplennykh. 1915–1917 gg.* [Name list of Austrian and German prisoners of war]. Fund 1045. List 1. File 30.

The State Archive of Sumy region (GASO). *Metricheskaya kniga Troitskoy tserkvi g. Lebedin. 1916 g.* [The metric book of the Trinity Church of Lebedin]. Fund 743. List 1. File 257.

Gergileva, A.I. (2007) *Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny na territorii Sibiri* [Prisoners of World War I in Siberia]. Krasnoyarsk: [s.n.].

Dmitrieva, O. (2013) Czechs and Slovaks in Russian Captivity during World War I (1914–1918). *European Researcher*. 10-1. pp. 2393–2403 (In Russian).

Eremin, I.A. (2007) *Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny v Zapadnoy Sibiri* [Prisoners of World War I in West Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 310 (1). pp. 259–263.

Zhdanov, N. (1920) *Russkie voennoplennye v mirovoy voyne 1914–1918 gg.* [Russian prisoners of war 1914–1918]. Moscow: [s.n.].

Ildrisova, E.S. (2008) *Inostrannye voennoplennye Pervoy mirovoy voyny na Yuzhnom Urale v 1914–1922 gg.* [Foreign prisoners of World War I in the South Ural in 1914–1922]. History Cand. Diss. Orenburg.

Ikonnikova, T.Ya. (2004) *Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1918 gg.)* [Prisoners of World War I in the Far East of Russia (1914–1918)]. Khabarovsk: UPP VOS.

Klevansky, A.Kh. (1965) *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodanny kor-*

pus: Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii (1914–1922 gg.) [Czechoslovak internationalists and sold corps: Czechoslovak political organizations and military formations in Russia (1914–1922)]. Moscow: Nauka.

Kolesnikov, B.V. (2018) The situation of Rusin and other Slavic prisoners of war in 1916–1917 (a case study of Kamyshin State Forest Nursery). *Rusin*. 1. pp. 291–232 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/14

Kryuchkov, I.V. (2006) *Voennoplennyye Avstro-Vengrii, Germanii i Osmanskoj imperii na territorii Stavropol'skoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Prisoners of war from Austria-Hungary, Germany, and Ottoman Empire in Stavropol Province during World War I]. Stavropol: [s.n.].

Lobko, N., Guzun, V. & Vlasenko, V. (2017) Romanian prisoners of war in Lebedin county of Kharkiv Province during World War I. *Analele Universității din Craiova. Istorie*. 2 (32). pp. 53–66.

Nakhtigal, R. (2010) Darnits'kiy tabir viys'kovopolonenikh pid chas Pershoi svitovoï viyni [Darnytsky POW camp during the First World War]. *Ukrains'kiy istorichnyi zhurnal – Ukrainian History Journal*. 2. pp. 103–116.

Nakhtigal, R. (2014) Prisoners of War in Russia during World War I. *Quaestio Rossica*. 1. pp. 142–156 (In Russian).

Nimanov, B.I. (2009) *Osobennosti i osnovnye faktory soderzhaniya i khozyaystvennoy deyatelnosti voennoplennykh v 1914–1917 godakh v Povolzh'e* [Specificity and principal factors of maintenance and economical activity of prisoners of war in Volga River basin in 1914–1917]. History Cand. Diss. Moscow.

Nichkov, E.A. (2014) Captives of the First World War in the Kurgan District. *Vestnik Volgogradskogo gos. universiteta. Ser. 4 – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 5 (29). pp. 84–90 (In Russian).

Ostroukhov, A.I. (2011) *Voennoplennyye chekhi i slovaki v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyny* [Czech and Slovakian prisoners of war in Russia during the First World War]. History Cand. Diss. Moscow.

Samovich, A. (2008) Trudovoe ispol'zovanie inostrannykh voennoplennykh v 1914–1918 godakh na territorii Belarusi [Content of letters from Russian captivity during World War I]. *Belaruskaya dumka*. 11. pp. 36–41.

Samovich, A. (2013) Soderzhanie pisem iz russkogo plena v gody Pervoy mirovoy voyny [Content of letters from Russian captivity during World War I]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 4. pp. 160–163.

Sarancha, V. (2011) Viys'kovopoloneni Pershoi svitovoï viyni v Kremenchuts'komu garnizoni [Prisoners of the First World War in the Kremenchug Garrison]. *Kraeznavstvo*. 4. pp. 84–92.

Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusins during WWI and the Russian Troubles]. *Rusin*. 1 (3). pp. 46–65.

Sulyak, S.G. (2016) Rusins in the memoirs of the participants of the Great war. *Rusin*. 2 (44). pp. 73–92 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

Surzhiikova, N.V. (2012) Rossiyskiy plen 1914–1917 gg. kak prostranstvo politiko-ideologicheskikh manipulyatsiy: teorii tsentra i praktiki periferii [Russian captivity of 1914–1917 as a space of political and ideological manipulations: The theory of centre and practice of periphery]. *Cahiers du Monde russe*. 53. pp. 247–266.

Surzhiikova, N.V. (2014) *Voennyi plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.)* [Military captives in the Russian province (1914–1922)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

Talapin, A.N. (1918) *Voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny na territorii Zapadnoy Sibiri: Iyul' 1914 – may 1918 gg.* [Prisoners of World War I in West Siberia: July 1914 – May 1918]. History Cand. Diss. Omsk.

Sneider, I. (1935) *Revolutsionnoe dvizhenie sredi voennoplennykh v Rossii v 1915–1919 gg.* [Revolutionary movement among prisoners of war in Russia in 1915–1919]. *Bor'ba klassov*. 3. pp. 54–61.

Приложение

**Список военнопленных русинов, пребывавших в Лебединском уезде
в 1916–1918 гг.**

Фамилия, имя, отчество военнопленного	Место службы (№ пехотного полка)	Специальность
Михайловское имение графа А. Капниста		
Илиясь Патер Мойсеевич	37	чернорабочий
Шмингельский Иван	10	чернорабочий
Буранич Стефан	33	чернорабочий
Мощканюк Василий	55	чернорабочий
Конищак Дмитрий	55	чернорабочий
Пребела Прокофий	55	чернорабочий
Ткачук Василий	17	чернорабочий
Матийчук Михаил	17	чернорабочий
Богатирец Илий	17	чернорабочий
Мельник Николай	9	чернорабочий
Барковский Михаил	22	чернорабочий
Дывжевич (Дивисевич) Петр	20	чернорабочий
При заводах и имениях Супруновского свеклосахарного завода		
Сончак Алексей Иванович	24	чернорабочий
Дремуша Михаил Петрович	85	чернорабочий
Мази Василий Николаевич	35	чернорабочий
Одинак Василий Терентьевич	35	чернорабочий

Бойчук Иван Васильевич	15	чернорабочий
Гринцевское имение Н. Кононенко		
Дуцу Эфта Алисимович	61	чернорабочий
Пирже Владислав Ильич	67	чернорабочий
Пржебань Иову Янисевич	23	чернорабочий
Блайкон Мойсе Дмитриевич	23	чернорабочий
Шише Петр Николаевич	24	чернорабочий
Бадьо Ион Ионович	17	чернорабочий
Милош Николай Семенович	7	чернорабочий
Боташ Ион Федорович	33	плотник
При мельнице Товарищества Кононенко и Пивоварова, г. Лебедин		
Ребечук Дионисий Иосифович	19	чернорабочий
Бенке Николай Георгиевич	67	чернорабочий
Урсан Александр Петрович	32	чернорабочий
Козарук Дмитрий		чернорабочий
Олексюк Григорий		чернорабочий
Стефанчев Дмитрий		чернорабочий
Лебединское ремесленное училище		
Шкалубана Теодор Михайлович	45	
Чухаховская экономия		
Букаино Петр Иванович	77	чернорабочий
Роек Василий Дмитриевич	9	чернорабочий
Лушак Якоб Андреевич	30	чернорабочий
Камарницкий Антон Иванович	34	чернорабочий
Марью Николай Григорьевич	9	чернорабочий
Коняк Иван Михайлович	35	чернорабочий
Васильевское имение генерал-лейтенанта Г. Глазенапа		
Здерко Михаил Якович	не солдат	кузнец
Гренюк Николай Михайлович	12 Венгерский	работник
Лозовское имение		
Грицак Василий Васильевич	9	хлебопашец
Томась Михаил Федорович	24	хлебопашец
Имение Е.В. Святогор-Штепина		
Дьякив Василий		
Банаш Антон	Похоронен на приходском кладбище Троицкой церкви. Лебедина	

Источники: ГАСО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 9. Л. 412 об., 179; Ф. 251. Оп. 2. Д. 15; Ф. 743. Оп. 1. Д. 257. Л. 463 об.-464.

Лобко Наталия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумского государственного университета (Украина).

Nataliia V. Lobko – Sumy State University (Ukraine).

E-mail: Lobko@ukr.net

УДК 94(470)"1918":327.8

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/11

УКРАИНСКО-РУМЫНСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ И ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ФОНЕ БЕССАРАБСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В 1918 г.

С.И. Дегтярев¹, В.Н. Завгородняя²

Сумский государственный университет
Украина, 40007, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2

¹E-mail: starsergo2014@gmail.com

²E-mail: v.zavhorodnia@uabs.sumdu.edu.ua

Авторское резюме

Статья посвящена выявлению характера и особенностей дипломатических и торгово-экономических отношений между Украинской державой и Румынией на фоне территориального конфликта, возникшего в связи с бессарабским вопросом. В работе исследуется влияние бессарабского кризиса на развитие торговли и иных экономических связей между двумя странами, уделено внимание попыткам поиска компромиссов, а также опыту дипломатического взаимодействия государств в условиях взаимных территориальных притязаний в 1918 г. И Румыния, и Украина в рассматриваемый период претендовали на бессарабские территории, что порождало дипломатический конфликт между ними, усугубляемый разными векторами внешней политики этих государств. Бессарабия же в 1918 г. в силу ряда внутренних и внешних политических причин не имела полноценной возможности отстаивать свои интересы. Оба государства, находясь в сложной политической ситуации, тем не менее, пытались наладить цивилизованные отношения в дипломатическом формате. Многие начинания, прежде всего в области торгово-экономического сотрудничества и взаимного установления правового режима государственной собственности, находящейся на иностранной территории, имели вполне реальные перспективы завершиться к взаимной выгоде сторон. Однако как у правительства Украинской державы, так и у румынских властей отсутствовала политическая воля к признанию права населения Бессарабии самостоятельно и демократически определить свою дальнейшую судьбу. По мнению авторов, именно такой подход в сложившейся истори-

ческой ситуации был бы единственно продуктивным и позволил бы снять взаимные претензии, избежать политических манипуляций и многих трений, имевших место в отношениях Украины и Румынии в последующие годы.

Ключевые слова: Украина, Румыния, Бессарабия, бессарабская проблема, дипломатия, международные торгово-экономические отношения.

UKRAINIAN-ROMANIAN DIPLOMATIC AND ECONOMIC RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE BESSARABIAN QUESTION IN 1918

S.I. Degtyarev¹, V.N. Zavhorodnia²

Sumy State University

2 Rimskogo-Korsakova Street, Sumy, 40007, Ukraine

¹E-mail: starsergo2014@gmail.com

²E-mail: v.zavhorodnia@uabs.sumdu.edu.ua

Abstract

The article focuses on the nature and specificity of diplomatic and trade-economic relations between Ukrainian State and Romania in the context of territorial conflict following the Bessarabian question. The author examines the influence of the Bessarabian crisis on the development of trade and economic relations between the two countries, diplomatic interaction between the states in the context of mutual territorial claims in 1918, and pays attention to the attempts to compromise. Both Romania and Ukraine laid their claims on Bessarabian territories, which caused diplomatic conflicts, deepened by different vectors of their foreign policy. In 1918, due to a number of internal and external political reasons, Bessarabia did not have an opportunity to defend its interests. Being in a difficult political situation, both countries tried to establish diplomatic relations. Many endeavors, especially in trade and economic cooperation and regulation of the legal status of state property located on foreign territory, had real prospects to be mutually successful. However, both governments lacked the political will to recognize the right of the Bessarabian people to determine their future in an independent and democratic way. The authors believe that such recognition in the given historical context would be the only productive decision, which would eliminate mutual claims and complications without political manipulations in relations between Ukraine and Romania in the subsequent years.

Keywords: Ukraine, Romania, Bessarabia, Bessarabian question, diplomacy, trade and economic international relations.

Установление дружеских и добрососедских отношений с сопредельными странами является одной из наиболее важных внешнеполитических задач любого государства, в особенности вновь созданного, проходящего сложный процесс становления и признания на международной арене. Далеко не всегда эту задачу удается успешно решить, избегнув территориальных претензий, экономических, политических и даже военных конфликтов. Билатеральные отношения Украины и Румынии как самостоятельных государств с самого начала их возникновения в период Украинской революции 1917–1921 гг. и в последующие периоды были осложнены целым рядом факторов. В частности, к ним можно отнести вхождение в 1918–1941 гг. отдельных территорий современной Украины в состав Великой Румынии, участие румынских войск в оккупации Украины во время Второй мировой войны, спорный статус острова Змеиный, а также окружающих его морского шельфа и экономической зоны, который лишь в 2009 г. был определен Международным судом ООН (Maritime Delimitation 2009), и т. д. Нельзя назвать безоблачными и современные отношения между этими странами. Несмотря на тесное сотрудничество двух государств в области безопасности, инфраструктуры, экологии, защиты культурного наследия, космической и других сферах, часть проблем не находит своего решения, а скорее, отодвигается на второй план. Очевидно, что такое положение вещей заключает в себе определенные угрозы взаимовыгодному партнерству и в целом стабильному развитию Днестровско-Дунайского региона.

Поиск путей улучшения создавшейся ситуации лежит в достаточно широкой плоскости политического и межкультурного диалога. Важная роль в этой связи принадлежит изучению исторического контекста осложнений и конфликтов в дипломатических отношениях Украины и Румынии, первоначально возникших в связи с т. н. бессарабским вопросом.

Целью настоящей статьи являются выявление характера и особенностей этих отношений, установление влияния бессарабского кризиса на развитие торговли и иных экономических связей между двумя странами, рассмотрение попыток поиска компромиссов, а также опыта дипломатического взаимодействия государств в условиях территориального конфликта 1918 г. В данной работе будет сделан акцент на нескольких аспектах украинско-румынских отношений, а именно:

– попытках разрешить бессарабский вопрос, минимизируя при этом политические разногласия (и Румыния, и Украина претендовали

на бессарабские территории, что порождало дипломатический конфликт между странами, усугублявшийся разными векторами внешней политики данных государств);

– дипломатических мероприятиях, направленных на сближение Украины и Румынии (через Румынию украинское правительство намеревалось наладить контакты с представителями стран Антанты), в частности путем экономического сотрудничества.

В качестве источников в данном исследовании выступили прежде всего нормативные акты обозначенного периода, материалы периодики и мемуарная литература. Для объективного освещения материала в работе с ними мы активно применяли критический подход, т. к. ни один из этих источников не может позиционироваться как абсолютно достоверный:

– в нормативных актах, с одной стороны, фиксировались или были запланированы конкретные действия правительств, но с другой – не все из этих шагов в итоге были реализованы;

– периодическая печать оперативно освещала разные аспекты отношений между Румынией, Украиной и Бессарабией, переговорные процессы между их представителями, но эта информация часто содержала невыверенные данные, журналистские предположения, базировавшиеся на догадках, и т. п.;

– воспоминания современников об изучаемых событиях 1918 г. дают много дополнительных сведений, интересных с научной точки зрения, но часто эти источники все же в той или иной степени политически ангажированы (авторы мемуаров, как правило, были сторонниками различных политических образований и разные события могли либо излишне критиковать, либо завышать их положительное значение), содержат не всегда объективные оценки других участников событий и т. д.

До нынешнего времени опубликовано большое количество научных и публицистических работ авторов советского периода, ученых из постсоветских и западных государств, которые в большей или меньшей степени проливают свет, в т. ч. и на следующие важные вопросы истории:

– дипломатия Румынии и Украины в первые годы после Первой мировой войны;

– проблема Бессарабии, которая стремилась к созданию своей государственности, и место в ней как соседних держав, так и государств – основных членов военно-политических блоков Антанта и Тройственный (Четверной) союз.

Наиболее богатыми в контексте указанной проблематики являются молдавская, румынская, российская и украинская историографии.

Существуют даже отдельные исследования, посвященные историографии указанных вопросов. В первую очередь, стоит выделить работы С. Назарии, И. Левита, В. Бенюка, П. Бойко, П. Шорникова, В. Макаρχука, И. Цуркану и др. (Turcanu 1998; Левит 2000; Шорников 2007; Шорников 2010; Левит 2012; Макаρχук, Рудый 2012; Назария 2013a; Назария 2013b; Бойко 2014; Бенюк, Назария 2017; Benyuk et al. 2017). Еще в 1920-х гг. видный политический деятель Х. Раковский посвятил отдельный труд румынско-бессарабским отношениям первых лет после Первой мировой войны, в котором давал оценку политике румынского и украинского правительств в отношении Бессарабии (Раковский 1925: 16). Оценка эта была преимущественно негативной, как и у большинства (если не всех) исследователей советского периода. Имеют место и единичные исследования западных ученых (Baar, Jakubek 2017; Bold, Locovei, Ioniță 2008). Например, американский исследователь Ч.А. Кларк, изучая бессарабский вопрос 1918 г., оценивал политику в отношении этого региона как со стороны Румынии, так и со стороны Украины (а конкретно – правительства Центральной Рады) как захватническую (Clark 1927a; Clark 1927b).

В то же время недостаточно изученным остается вопрос отношений между Украиной и Румынией в 1918 г., хотя этой проблемы касались в разной степени некоторые ученые, посвящая ей специальные исследования или поверхностно затрагивая ее в контексте изучения более обширных тем. В частности, некоторые аспекты украинско-румынских отношений в своих работах рассматривали П. Гай-Нижник, В. Кройтор, Б. Левик, В. Макаρχук, М. Несук, А. Пономарев, Н. Рудый, П. Сацкий и др. (Гай-Нижник 1997; Кройтор 2001; Несук 2007; Пономарьев 2007; Сацкий 2007; Макаρχук, Рудый 2012; Левик 2017; Degtyarev, Zavorodnia 2018), а также румынские исследователи Г. Кожокару, В. Добринеску, И. Попа и Л. Попа (Dobrinescu 1991; Sojocaru 1997; Попа 2010). Уделяли внимание этому вопросу и некоторые современники, в частности из числа тех, кто принимал непосредственное участие в налаживании указанных отношений. Из украинских политических деятелей, писавших об этом в своих воспоминаниях, в первую очередь следует назвать возглавлявшего Украинскую державу П. Скоропадского и министра иностранных дел того времени Д. Дорошенко (Дорошенко 2007: 294–298; Скоропадський 2016: 269, 310).

Непосредственно этой проблеме свою статью посвятил М. Гедин (Гедин 2012). Эти авторы также предпринимали попытку изучения отношений между Румынией, Украиной и пытавшейся создать свою государственность Бессарабией в 1917–1918 гг. Сделаны выводы о том, что Бессарабия в силу ряда внутренних и внешних политических причин не имела полноценной возможности отстаивать свои

интересы. А Украина и Румыния, в принципе, нуждаясь в поддержке друг друга, так и не смогли наладить эффективного взаимодействия между собой именно из-за нерешенности т. н. бессарабского вопроса (Degtyarev, Zavorodnia 2018).

В целом же можно с уверенностью утверждать, что украинско-румынские отношения, которые имели место в 1918 г., никогда не исследовались учеными и не описывались современниками вне контекста бессарабской проблемы. При этом, по нашему мнению, недостаточно внимания уделено некоторым аспектам украинско-румынских отношений, в частности вопросам экономических отношений между этими государствами и участию в них непосредственно самой Бессарабией.

Развал Российской империи, отправной точкой которого стал Октябрьский переворот 1917 г., повлек за собой ряд попыток автономизации национальных и территориальных образований, а также создания независимых национальных государств. Среди таких образований была и Бессарабия – территория с полиэтническим составом населения, включавшим молдаван, украинцев, румын, а также другие более или менее многочисленные национальные общности.

В ноябре 1917 г. в Бессарабии в качестве высшего политического представительского органа был создан Сфатул Цэрий (Совет страны). Исследователи отмечают, что его легитимность изначально подвергалась большим сомнениям из-за чрезвычайных условий формирования (вне демократических выборов), несправедливости распределения мест для национального и социального представительства, значительного преобладания политических сил прорумынской ориентации, что не соответствовало реальным настроениям большинства населения Бессарабии. Не менее сомнительными с точки зрения законности и соблюдения демократических процедур выглядят и решения, принятые Сфатул Цэрий (Назария 2013а: 140–141, 144–145).

2 декабря 1917 г. Сфатул Цэрий провозгласил Молдавскую Демократическую Республику в качестве автономного образования в составе будущей федеративной России, а 24 января 1918 г. был декларируван суверенитет республики как независимого государства. Однако позднее, когда Бессарабия уже находилась под контролем румынских войск, 27 марта 1918 г. в результате открытого поименного голосования Сфатул Цэрий принял решение об объединении с Румынией (Румынизация 1918).

Румынское правительство в исследуемый период рассматривало Бессарабию исключительно как неотъемлемую часть Румынии, ссылаясь на многочисленность румынского населения, проживавшего на ее территории, интерпретируя факты румынской и молдавской истории в свою пользу, пытаясь повлиять на Сфатул Цэрий и, наконец,

введя румынские вооруженные силы на территорию Бессарабии под предлогом защиты бессарабских румын и их собственности. Итогом интервенции стали аннексия этих земель и фактически полная ликвидация любых прав Бессарабии на самоуправление (Румыния и Бессарабия 1918).

Права Украины на Бессарабию румынская власть отрицала, опираясь на то, что во время подписания Брест-Литовского мирного договора украинская сторона «не предъявляла претензий на территорию Бессарабии и считала ее отдельным государством» (Гедін 2012: 108).

Со своей стороны Украина также претендовала на территорию Бессарабии, хотя позиция украинских правительств несколько отличалась от румынской. Правительство Центральной Рады при этом опиралось на решение земских собраний пяти из восьми уездов Бессарабии (Аккерманского, Бендерского, Измаильского, Сорокского и Хотинского) об их присоединении к Украине. Во времена Украинской державы более популярной была идея вхождения в состав Украины всей Бессарабии, но на правах автономии. Так, в одном из официальных документов, подписанном главой Совета министров Ф. Лизогубом и министром иностранных дел Д. Дорошенко, конкретно указывалось, что «Правительство Украинской державы, однако, не думает предпринимать актов какого бы то ни было насилия в отношении к правам Бессарабии на справедливое и целесообразное национальное самоопределение» (Дорошенко 2002: 142).

Украинское правительство в ноте, последовавшей в качестве реакции на принятое Сфатул Цэрий под давлением румынских властей решение об объединении, заявило, что не признает права Румынии на эту область и выступает за предоставление Бессарабии права самостоятельно решать свою судьбу. В случае же изъявления населением этого региона желания присоединиться к Украинской державе правительство давало обещание «предоставить населению политическую автономию, обеспечивая права общественно-политического строительства». При этом украинские правительственные круги надеялись, что данное «недоразумение» может быть решено путем «обычных культурных способов улаживания международных конфликтов» (Українська держава 2015а: 51; Нота 1918: 2).

При этом следует отметить, что Бессарабию нельзя рассматривать исключительно как объект чьих-либо интересов. Она претендовала на роль субъекта международных отношений и пыталась отстоять собственную позицию в сложившейся обстановке. Так, до румынской оккупации планировалось участие бессарабской / молдавской делегации в мирной конференции в Брест-Литовске. Для нее были подготовлены специальные инструкции. Делегаты должны были

настаивать на признании их официальными представителями Молдавской Республики и полноправными субъектами конференции; на включении в проект мирного договора пункта, гарантирующего полную автономию Молдавской Республики в границах бывшей Бессарабии, дальнейшую судьбу которой в последующем должно было решить Народное собрание; на неделимости территории Молдавии и невозможности ее отчуждения в пользу правительств других государств и т. п. (Clark 1927b).

Окончательно земли Бессарабии были аннексированы Румынией в ноябре 1918 г. Украинское правительство не могло эффективно препятствовать этому процессу. Через Министерство иностранных дел оно обращалось и к румынскому правительству, и к государствам Антанты с протестами, которые оказывались безрезультатными. Например, когда румынское военное командование объявило о присоединении Хотинского уезда Бессарабской губернии к Румынии, министру иностранных дел Украины было поручено подготовить проект ноты румынскому правительству с протестом против таких действий (Українська держава 2015а: 361, 384).

Политика румынизации, активно проводившаяся на бессарабских землях, еще более осложнила взаимоотношения между Украиной и Румынией, приведя к конфликтам, прежде всего в экономической плоскости.

Решать территориальную проблему, подобную бессарабской, можно было военными методами либо при помощи дипломатических и экономических механизмов. Но Украинская держава не располагала значительной и боеспособной армией. К тому же, ввиду ряда внешнеполитических угроз (в первую очередь, со стороны большевиков), вызывает сомнение сама возможность использования Украиной военных сил для решения бессарабского вопроса. Так или иначе, попытки урегулирования проблемы предпринимались в дипломатической и экономической плоскостях.

Еще Центральная Рада отправляла в Румынию своего посла М. Галагана, который после гетманского переворота вернулся на Украину. Новый посол уже от Украинской державы назначен не был. Там находились лишь консулы, на которых возлагалась функция надзора и охраны военного имущества, которое осталось на молдавских землях после развала бывшего российского (позже – украинского) фронта (Дорошенко 2007: 297).

В первую очередь, именно по причине спорного вопроса о Бессарабии правительство гетмана П. Скоропадского не спешило направлять своих дипломатов в Румынию, хотя решение о создании такого посольства было принято еще 21 июня 1918 г. А 22 июня в Совет

министров Украинской державы морским министром был внесен законопроект об учреждении должностей морских агентов в ряде государств, в т. ч. и Румынии (в Яссах). Эта инициатива была утверждена правительством (Українська держава 2015а: 95). Фактически речь шла о введении в штаты дипломатических представительств Украины должностей военных атташе, назначение которых инициировалось военным министерством.

Но к концу лета дипломатическая активность Украинской державы значительно повысилась. Послы, консулы и другие дипломаты были посланы в целый ряд стран. В частности, в Румынию отправились консулы К. Чеботаренко и С.Билецкий (Скоропадський 2016: 269). Они находились в Яссах. В Галаце пребывал консул барон Притвиц.

Упомянув о попытках украинского правительства наладить дипломатические отношения в 1918 г. с рядом государств, А. Деникин ошибочно утверждает, что в румынские Яссы готовилось посольство во главе с бывшим начальником гетманского штаба генералом В. Дашкевичем-Горбацким (Деникин 1990: 151). На самом деле это была чрезвычайная дипломатическая миссия с целью заключения украинско-румынского торгового договора (Дорошенко 2007: 298). Кандидатура генерала Дашкевича-Горбацкого была одобрена на заседании Совета министров 11 октября, хотя сам гетман считал это назначение не очень удачным (правда, причин этого он не называл) (Українська держава 2015а: 330; Скоропадський 2016: 310). В Румынии этот дипломат был даже удостоен встречи с королем и королевой.

Газеты сообщали о том, что В. Дашкевич-Горбацкий в конце ноября телеграфировал Министерству иностранных дел и уведомлял, что «договор между Украиной и Румынией подписан после совещания румынского правительства с представителями держав Согласия в Яссах». В правительственных кругах Украины это было воспринято как проявление симпатий со стороны Антанты. Представители этого блока планировали прибыть в Киев 19 ноября. Но в Яссах якобы высказывались мнения о том, что посылать на Украину военную помощь не стоит до тех пор, «пока политическая борьба на Украине не приведет к реальным результатам» (Союзники и Украина 1918: 2; Союзники 1918: 2).

Кроме того, с дипломатической миссией в Румынию направлялся и И. Коростовец. В дипломатических кругах Румынии он имел неплохие связи, о чем упоминает в своих воспоминаниях сам П. Скоропадский (Скоропадський 2016: 310). Наверное, по этой причине именно он был послан с миссией в Яссы (для этого была перенесена на более поздний срок его поездка в США), и, возможно, именно это позволило ему найти возможности для встреч с дипломатами Антанты.

В целом взаимопонимания по бессарабскому вопросу правительства Украинской державы и Румынии не удалось достичь. Чтобы решить эту проблему, украинское правительство применило в т. ч. и экономические санкции, началась т. н. таможенная война. В частности, уже 11 мая было издано распоряжение о запрете на вывоз товаров из Украины в Румынию и Бессарабию. В документе назывались и причины такого шага: аннексия Румынией Бессарабии и то, «что условия политико-хозяйственных отношений между Румынией и Украиной до этого времени еще не установлены». В то же время на территории Украины запрещалась деятельность тех румынских частных фирм, которые занимались закупкой продовольственных товаров (Українська держава 2015b: 79, 401). На временной границе с Бессарабией в начале июля были установлены две приграничные станции – в Тирасполе и Рибнице (Временная граница 1918: 2). Попасть в Бессарабию с Украины можно было, лишь имея специальное разрешение-пропуск, которое выдавалось Министерством внутренних дел (Пропуски 1918: 3). Румынская власть со своей стороны также применила меры, касавшиеся ограничения товарооборота с Украиной, перекрывала границы и т. п. (Закрытие 1918: 2).

Сложившаяся ситуация явно вредила экономическому благополучию обоих государств, поэтому поиск путей к ее улучшению велся постоянно и достаточно активно, однако ощутимых результатов не дал. Так, министр торговли и промышленности поднимал этот вопрос на заседании Совета министров уже 25 июня, но правительство решило продолжить принятую ранее таможенную политику в отношении Румынии и Бессарабии (Українська держава 2015a: 99).

Украинское правительство довольно активно поддерживало (в основном материально) те элементы в Бессарабии, которые являлись сторонниками идеи объединения с Украинской державой. По распоряжениям Министерства финансов бессарабским кооперативам отпускались по низким ценам некоторые товары, в частности сахар. Министерство юстиции продолжало выплачивать жалование чиновникам судебного ведомства Бессарабии, не присягнувшим румынскому королю (Дорошенко 2007: 296).

Наиболее существенные последствия «таможенной войны» почувствовало в первую очередь именно бессарабское население. Следует иметь в виду, что Бессарабия пострадала от неурожая, зерна не хватало даже для будущих посевных работ. Это вынуждало представителей бессарабских органов местного самоуправления и членов продовольственных организаций самим вмешиваться в украинско-румынские отношения, вести переговоры с представителями власти Украины. Например, в начале осени 1918 г. через Одессу в Киев из Бессарабии

отправились земские деятели и другие заинтересованные лица (Косович, Мими и др.). Их целью было «ходатайствовать перед украинским правительством о разрешении ввоза в Бессарабию известной партии зерна для озимых посевов». Делегация заостряла внимание на том, что «таможенная война» нарушила всю экономическую жизнь Бессарабии» (Ввоз в Бессарабию 1918: 3). Хотя министр иностранных дел Украинской державы Д. Дорошенко считал, что торговые отношения с Украиной в большей степени были нужны не Бессарабии, а самой Румынии, которая была экономически ослаблена войной (Дорошенко 2007: 296), мы считаем, что Бессарабия все же была заинтересована не меньше Румынии в заключении торговых договоров с Украиной. В начале июля в газетах сообщалось о голоде, который там начался. В Бессарабии даже вводилась карточная система на хлеб. Местные власти установили также ежедневную норму кукурузы для населения, определив ее в 400 граммов, а для солдат – по 500 (В Бессарабии 1918а: 3; В Бессарабии 1918b). Продовольственная проблема остро стояла и в самой Румынии. Например, рабочие румынских железнодорожных мастерских во второй половине октября прекратили работы, «получая недостаточные порции хлеба». Они требовали увеличения пайков хлеба и муки (Забастовка в Румынии 1918: 4).

Переговоры между украинскими и румынскими делегациями, где одним из ключевых вопросов был экономический, проводились постоянно. Переговорный процесс был очень сложным, все его участники, пытаясь минимизировать конфликтность ситуации (особенно, по нашему мнению, в этом была заинтересована украинская сторона, поскольку Румыния была союзницей Антанты, с которой правительство П. Скоропадского пыталось наладить контакты), но при этом не желали уступать свои интересы другому государству.

Украинская периодическая пресса сообщала в начале октября, что такая украинско-румынская конференция «за закрытыми дверями» начала свою работу в Киеве, в помещении Министерства иностранных дел. На эту встречу Украина возлагала большие надежды. Хотя Украинская держава не очень нуждалась в заключении торгового договора с Румынией, все же одним из его результатов должно было стать признание украинской государственности румынской стороной, а также возможность на этой основе войти в непосредственные отношения с государствами Антанты в Яссах или Бухаресте. В связи с этим и бессарабский вопрос украинским правительством было решено временно «законсервировать», отставив его решение до окончания войны и не ставя его преградой в налаживании дипломатических и экономических отношений с Румынией. Румыны даже отдельно отмечали, что политические вопросы «не должны служить тормозом

для экономических соглашений, т. к. эти соглашения чрезвычайно насущны для этих держав» (К переговорам 1918: 2; Украина-румынская конференция 1918а: 3; Украина-румынская конференция 1918b: 2).

Совет министров еще 2 октября постановил для украинско-румынских переговоров при Министерстве иностранных дел «учредить особое совещание, назначив со стороны украинского правительства в состав этого совещания министров финансов, иностранных дел и торговли и промышленности» (Українська держава 2015а: 316). В состав этой комиссии вошли профессор О. Эйхельман, А. Галип, А. Яковлев, товарищ министра торговли С. Бородаевский и один представитель от Министерства финансов (Дорошенко 2007: 297).

У румынской делегации были преимущественно экономические задачи, а именно достижение торгового соглашения между Украиной и Румынией. Глава этой делегации К. Концеску даже был назначен полномочным министром (послом) румынского правительства при правительстве Украинской державы.

На первом заседании, которое состоялось 7 октября, после ответственных слов делегации обменялись своими представлениями о качестве и количестве тех продуктов, которые могли бы стать предметом товарообмена между Украиной и Румынией на условиях свободного вывоза. Украинская сторона должна была довести эту информацию до сведения соответствующих министерств и уже после этого, на последующих заседаниях, должны быть определены конкретные действия и условия, касающиеся такого товарообмена.

Румыния предлагала поставить на Украину сахарную свеклу, гашеную и негашеную известь, дрова, соль, свежие и сушеные фрукты, соленую рыбу, мармелад и вина (о последних говорилось, что их производство в текущем году «отличается обилием и хорошим качеством»). От Украины румынское правительство хотело получить сахар, зерно, руду, чугун, железо и, при наличии возможности, невыделанные кожи. Все это должно было совершаться «на правах свободного вывоза и взаимных компенсациях по стоимости обмениваемых товаров». К тому же, чтобы наладить товарообмен, следовало обеспечить надлежащее функционирование железнодорожного транспорта и телеграфной связи между двумя государствами, которое на этот момент было полностью прервано.

Вероятно, румынская делегация надеялась на положительный результат переговоров с Украиной. Подобные настроения имели место и в самих Румынии и Бессарабии. Так, когда 9 октября в Аккерман прибыл генеральный комиссар Бессарабии А. Войтояну, к нему обратились владельцы виноградников («садовладельцы»), которые жаловались на препятствия при товарообмене с Украиной, в т. ч. свя-

занные с перевозкой вин и винограда (причем жаловались именно на преграды со стороны румынской таможни). Комиссар пообещал хозяевам, что вопрос с вином решится в ближайшее время «в положительном смысле», а вывозить виноград уже можно свободно (Положение в Бессарабии 1918; Садовладельцы 1918: 3).

Но уже 10 октября газеты сообщали, что, скорее всего, договоренности о товарообмене с Румынией достичь не удастся. Официально украинская сторона заявила, что румыны хотят получить от Украины высокоценные на данное время товары, в то время как сами предлагают малоценные продукты. В беседе с К. Концеску Д. Дорошенко указал, что из всей продукции, которую Румыния могла бы поставить на Украину, особое предпочтение отдавалось бензину. Поставлять этот товар для Румынии было затруднительно. Но К. Концеску все же обещал «добыть бензин». Он сказал, что по всей Румынии будет запрещено частное движение автомобилей и весь сэкономленный таким образом бензин будет направлен на Украину (Дорошенко 2007: 298). В качестве компромисса украинская делегация соглашалась поставить в Румынию 500 тыс. пудов зерна в обмен на определенное количество негашеной извести и «некоторых товаров по выбору Украины». При этом в украинских средствах массовой информации выражались сомнения в возможности договоренностей на таких условиях со стороны Румынии. Таким образом, украинско-румынская конференция, направленная на установление экономических отношений, фактически оказалась безрезультатной (Украино-румынские переговоры 1918: 2).

Одну из главных причин этого, на наш взгляд, следует искать именно в нерешенности бессарабского вопроса и других территориальных проблем, существовавших между Украинской державой и Румынией. Сам Д. Дорошенко указывал, что украинская делегация «взяла слишком резкий тон» в отношениях с румынской стороной, фактически высмеивая предложения К. Концеску.

Но вопрос о товарообмене не исчез с повестки дня обоих государств. На одном из заседаний Совета министров Украинской державы в конце октября даже рассматривался проект экономического соглашения с Румынией, которое опиралось именно на результаты указанной украинско-румынской конференции (К товарообмену 1918: 3). После того как текст проекта украинско-румынского торгового договора был составлен, его направили на утверждение в Совет министров. Против заключения договора резко выступили министр торговли С. Гутник и министр финансов А. Ржепецкий. Разгорелись дебаты, и договор был провален. Сразу же после этого министр иностранных дел Д. Дорошенко обратился лично к гетману

с просьбой повлиять на процесс заключения договора, обосновав его важное политическое значение для Украины. Уже на следующий день этот документ снова обсуждался в Совете министров. Д. Дорошенко рассказывал министрам о его политической значимости и временном характере. С некоторыми трудностями договор все же был утвержден правительством. Но в действие он уже не успел вступить из-за свержения власти гетмана П. Скоропадского (Дорошенко 2007: 298).

Еще одним направлением, определявшим содержание официальных контактов между Румынией и Украинской державой, был вопрос о судьбе военного имущества, принадлежавшего этим государствам, но находившегося вне их пределов (украинского в Румынии, а румынского на Украине).

29 июня 1918 г. Совет министров принял постановление о создании комиссии по ликвидации имущества Украинской державы в Румынии и имущества Румынского государства на Украине. На эту комиссию предполагалось возложить следующие функции:

1) установление того, какое имущество было эвакуировано на Украину во время отступления румынских войск и какое было оставлено украинскими войсками при выходе из Румынии и Бессарабии;

2) выяснение судьбы оставленного имущества (что было разграблено или уничтожено, а что сохранилось и в каком состоянии);

3) определение способов присмотра за ним и охраны;

4) поиск условий, на которых имущество Украины могло быть обменено на румынское.

В состав комиссии должны были войти лица, назначенные военным министром, а также один представитель от почтово-телеграфного ведомства.

Глава комиссии по ликвидации имел право вызывать представителей любых ведомств, на балансе которых имелось имущество Румынии, а также контактировать с окружными и губернскими властями, служащими контролирующими учреждений и железнодорожной администрации.

Было решено создать специальные временные склады для охраны румынского имущества на территории Украины в Одессе, Селешине, Тирасполе, Кременчуге и Карловке (Українська держава 2015b: 134–135).

Важность вопроса о ликвидации беспокоила обе стороны, которые считали крайне необходимым соглашение по данной проблеме облечь в форму договора, «содержание которого подлежит тщательному рассмотрению как по существу, так и с юридической стороны». Комиссия по ликвидации украинско-румынского имущества была создана 25 сентября (Українська держава 2015a: 306).

Чуть ранее, 23 сентября, Совет министров рассматривал возможность предоставления генералу Г. Рауху (представитель украинского правительства при австрийском военном командовании) права ликвидации украинско-румынского имущества. Вопрос этот был отложен до ознакомления с ним всех министерств. Но уже 25 сентября кандидатура Г. Рауха была одобрена правительством, и он занял должность председателя тогда же созданной комиссии по ликвидации.

В состав комиссии также вошли лица, определенные самим генералом Раухом, и представители министерств путей сообщения, торговли и промышленности, финансов, продовольствия, иностранных дел и морского министерства. Советом министров в комиссию были назначены также три юриста (Г. Блюменфельд, И. Титкин и Васьковский) (Українська держава 2015а: 301, 306).

Г. Раух как председатель комиссии имел право обращаться лично в Совет министров по всем срочным вопросам и «входить в сношения с представителями румынского правительства». На него же возлагалась обязанность разработать проект соответствующего украинско-румынского договора (Українська держава 2015а: 306–307).

Правительство требовало, чтобы комиссия немедленно начала свою работу, однако представители министерств, включенные в ее состав, долгое время не являлись на ее заседания. Это объяснялось тем, что сама комиссия находилась в Одессе и многим ее членам нужно было туда добираться из Киева. По состоянию на 2 октября полноценная работа этого органа так и не началась, на что в своей телеграмме правительству жаловался сам генерал Раух (Українська держава 2015а: 315–316). Свержение правительства гетмана Скоропадского в конце 1918 г. обусловило прекращение попыток решения вопроса о судьбе государственного имущества Украины в Румынии. Подобным же образом и усилия по установлению взаимовыгодных торгово-экономических отношений были сведены на нет.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что обе стороны, находясь в весьма сложной политической ситуации и пребывая, по сути, в состоянии территориального конфликта, тем не менее пытались наладить цивилизованные отношения в дипломатическом формате. Многие начинания, прежде всего в области торгово-экономического сотрудничества и взаимного установления правового режима государственной собственности, находящейся на иностранной территории, имели вполне реальные перспективы завершиться к взаимной выгоде сторон. Препятствовали такому развитию событий прежде всего внешнеполитическая обстановка (приведшая в результате к прекращению существования независимой Украинской державы) и нерешенность бессарабского вопроса. Как у правительства Украины,

так и у румынских властей в рассматриваемый нами период отсутствовала политическая воля к признанию права населения Бессарабии самостоятельно и демократически определить свою дальнейшую судьбу или, по крайней мере, независимо участвовать в ее определении. По нашему мнению, именно такой путь был бы единственно продуктивным. Он позволил бы снять взаимные претензии, избежать политических манипуляций и многих последующих трений, имевших место в отношениях Украины и Румынии в XX и начале XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

Бенюк, Назария 2017 – *Бенюк В.А., Назария С.М.* Эволюция общественно-политической ситуации Бессарабии в конце 1917 г. и начало румынской военной интервенции // Русин. 2017. № 3 (49). С. 28–57.

Бойко 2014 – *Бойко П.* Бессарабский вопрос по итогам Первой мировой войны // Русин. 2014. № 4 (38). С. 47–60.

В Бессарабии 1918a – В Бессарабии // Луч. 1918. № 33. 2 июля.

В Бессарабии 1918b – В Бессарабии // Луч. 1918. № 120. 8 ноября.

Ввоз в Бессарабию 1918 – Ввоз в Бессарабию // Луч. 1918. № 73. 10 сентября.

Временная граница 1918 – Временная граница Украины // Луч. 1918. № 39. 9 июля.

Гай-Нижник 1997 – *Гай-Нижник П.* Торговельно-промислова політика уряду Української Держави Гетьмана Павла Скоропадського 1918 р. // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. К.: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 1997. Т. 2. С. 353–396.

Гедін 2012 – *Гедін М.* Українсько-румунські відносини напередодні та в період гетьманування Павла Скоропадського // Вісник КНЛУ. Серія «Історія, економіка, філософія». 2012. Вип. 17. С. 107–115.

Деникин 1990 – *Деникин А.И.* Гетманство и Директория на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых (Репринтное воспроизведение издания 1930 г. М.; Л., 1930). Киев: Изд-во политической литературы Украины, 1990. С. 136–185.

Дорошенко 2002 – *Дорошенко Д.І.* Історія України, 1917–1923: в 2 т.: Документально-наукове видання. Т. II: Українська Гетьманська Держава 1918 року. Київ: Темпора, 2002. 352 с.

Дорошенко 2007 – *Дорошенко Д.* Мої спомини про недавнє минуле (1914–1920 роки): Науково-популярне видання. Київ: Темпора, 2007. 632 с.

Забастовка в Румынии 1918 – Забастовка в Румынии // Луч. 1918. № 108. 25 октября.

Закрыццё 1918 – Закрыццё румынскай мяжы // Луч. 1918. № 56. 18 августа.

К перагаворам 1918 – К перагаворам з Румыніяй // Луч. 1918. № 95. 8 октября.

К таварообмену 1918 – К таварообмену з Румыніяй // Луч. 1918. № 106. 22 октября.

Кройтор 2001 – *Кройтор В.* Бессарабська проблема в українсько-румунських політичних відносинах 1917–1918 рр. // Історія в школі. 2001. № 1. С. 4–8.

Левик 2017 – *Левик Б.* Зовнішньополітичні орієнтири уряду Павла Скоропадського (за архівно-мемуарними матеріалами) // Схід. 2017. № 4 (150). С. 69–74.

Левит 2000 – *Левит И.Э.* Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинёв: Центральная типография, 2000. 498 с.

Левит 2012 – *Левит И.Э.* Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). Тирасполь: Литера, 2012. 240 с.

Макарчук, Рудый 2012 – *Макарчук В., Рудый Н.* Восточные границы межвоенной Румынии (1918–1940 гг.): аспекты международного права // Русин. 2012. № 2 (28). С. 55–66.

Назария 2013а – *Назария С.М.* Сфатул Цэрий, «объединение» с Румынией и отношение к нему молдаван и нацменьшинств Бессарабии (1917–1918 гг.) // Русин. 2013. № 3 (33). С. 138–154.

Назария 2013б – *Назария С.М.* Аннексия Бессарабии Румынией с позиций международного права и отношение к этому жителей края // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. № 2. С. 45–48.

Несук 2007 – *Несук М.Д.* Бессарабське питання в українсько-румунських відносинах 1917–1918 рр. // Проблеми балканістики, сходознавства та міжнародних відносин: зб. наук. пр. пам'яті д-ра іст. наук, проф. С.М. Пархомчука. Київ, 2007. С. 153–174.

Нота 1918 – Нота українського правительтва по вопросу о Бессарабии // Луч. 1918. № 23. 20 июля.

Положение в Бессарабии 1918 – Положение в Бессарабии // Луч. 1918. № 122. 10 ноября.

Пономарьов 2007 – *Пономарьов О.* Бессарабське питання в українсько-румунських відносинах у 1917–1918 роках // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. 2007. № 89–90. С. 44–49.

Попа 2010 – *Попа И., Попа Л.* Румыны, Бессарабия и Приднестровье. Кишинев: Prut international, 2010. 263 с.

Пропуски 1918 – Пропуски в Крым и Бессарабию // Луч. 1918. № 50. 11 августа.

Раковский 1925 – *Раковский Х.* Румыния и Бессарабия. К семилетию аннексии Бессарабии. М.: Издание Литиздата Н.К.И.Д., 1925. 56 с.

Румынизация 1918 – Румынизация Бессарабии // Луч. 1918. № 102.

17 октября.

Румыния и Бессарабия 1918 – Румыния и Бессарабия // Луч. 1918. № 91.

3 октября.

Садовладельцы 1918 – Садовладельцы и генеральный комиссар // Луч. 1918. № 99. 12 октября.

Сацький 2007 – *Сацький П.В.* Українсько-румунські прикордонні відносини наприкінці 1917 – у 1918 рр. і роль російсько-румунського договору 5–9 березня 1918 р. // Зб. наук. пр. Наук.-дослід. ін-ту українознавства. Київ, 2007. Т. 15. С. 441–450.

Скоропадський 2016 – *Скоропадський П.П.* Спогади: кінець 1917 – грудень 1918. Київ: Наш формат, 2016. 480 с.

Союзники и Украина 1918 – Союзники и Украина // Луч. 1918. № 131. 21 ноября.

Союзники 1918 – Союзники и украинская власть // Луч. 1918. № 131. 21 ноября.

Украино-румынская конференция 1918a – Украино-румынская конференция // Луч. 1918. № 94. 6 октября.

Украино-румынская конференция 1918b – Украино-румынская конференция // Луч. 1918. № 95. 8 октября.

Украино-румынские переговоры 1918 – Украино-румынские переговоры // Луч. 1918. № 99. 12 октября.

Українська держава 2015a – Українська держава (квітень-грудень 1918 року). Документи і матеріали: у двох томах, трьох частинах. Київ: Темпора, 2015. Т. 1. XVIII + 790 с.

Українська держава 2015b – Українська держава (квітень-грудень 1918 року). Документи і матеріали. У двох томах, трьох частинах / упоряд.: П. Пиріг (керівник) та ін. Київ: Темпора, 2015. Т. 2 XX + 412 с.

Шорников 2007 – *Шорников П.* Молдавская государственность и молдавская национальная идентичность в XX – начале XXI в. // Русин. 2007. № 4 (10). С. 70–79.

Шорников 2010 – *Шорников П.* Русское сообщество Бессарабии и Румынское государство. 1918–1940 гг. // Русин. 2010. № 4 (22). С. 72–88.

Baar, Jakubek 2017 – *Baar V., Jakubek D.* Divided National Identity in Moldova // Journal of Nationalism, Memory & Language Politics. 2017. Vol. 11, is. 1. P. 58–92. URL: <https://www.degruyter.com/downloadpdf/j/jnmlp.2017.11.issue-1/jnmlp-2017-0004/jnmlp-2017-0004.pdf> (дата об'раження: 25.08.2018).

Benyuk, Nazariya, Sprinchane 2017 – *Benyuk V.A., Nazariya S.M., Sprinchane M.V.* The Emergence of the Bessarabian Question in 1917–1918 and Interpretation of These Events in the Historiography and Memoirs of Romanian Politicians // Conference: Conference: A glance through the century: the revolutionary transformation of 1917 (society, political communication, philosophy,

culture). P.105–119. URL: http://sociosphera.com/images/Books/Books_2017/Vzglyad_cherez_stoletie/105-119_benyuk_v_a_nazariya_s_m.pdf (дата обращения: 25.08.2018).

Bold, Locovei, Ioniță 2008 - *Bold Em., Locovei R.O., Ioniță A. Relațiile româno-sovietice (1918–1941)*. Iași, Editura Demiurg, 2008.

Clark 1927a – *Clark Charles Upson. The Ukraine Encroaches // Bessarabia: Russia and Roumania on the Black Sea*. New York, 1927. URL: http://depts.washington.edu/cartah/text_archive/clark/bc_16.shtml (дата обращения: 28.08.2018).

Clark 1927b – *Clark Charles Upson. Anarchy In Bessarabia // Bessarabia: Russia and Roumania on the Black Sea*. New York, 1927. URL: http://depts.washington.edu/cartah/text_archive/clark/bc_19.shtml#bc_19 (дата обращения: 28.08.2018).

Cojocar 1997 – *Cojocar Gheorghe E. Integrarea Basarabiei în cadrul României (1918–1923)*. București, 1997. 270 p.

Degtyarev, Zavhorodnia 2018 - *Degtyarev S.I., Zavhorodnia V.M. The Bessarabian Question in 1917–1918: The Relations of Romania, Bessarabia and Ukraine // Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. P. 872–879.

Dobrinescu 1991 – *Dobrinescu V.Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918–1940*. Iași: Editura «Junimea», 1991.

Maritime Delimitation 2009 – *Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine)*, Judgment, I.C.J. Reports 2009. P. 61. URL: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/132/132-20090203-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 20.07.2018).

Țurcanu 1998 – *Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări*. 1918. Chișinău: Tipografia Centrală, 1998. 260 p.

REFERENCES

Beniuc, V.A. & Nazariya, S.M. (2017) The socio-political evolution of Bessarabia at the end of 1917 and the beginning of the Romanian military intervention. *Rusin*. 3(49). pp. 28–57 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/49/3

Boyko, P. (2014) Bessarabian question in the outcome of WWI. *Rusin*. 4 (38). pp. 47–60 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/4

Luch. (1918a) V Bessarabii [In Bessarabia]. 2nd July.

Luch. (1918b) V Bessarabii [In Bessarabia]. 8th November.

Luch. (1918c) Vvoz v Bessarabiyu 1918 [Import to Bessarabia]. 10th September.

Luch. (1918d) Vremennaya granitsa Ukrainy [Temporary border of Ukraine]. 9th July.

Gay-Nizhnik, P. (1997) Torgivel'no-promislova politika uryadu Ukraïns'koï

Derzhavi Get'mana Pavla Skoropads'kogo 1918 r. [Trade and industrial policy of the Ukrainian State Government under Hetman Pavlo Skoropadsky, 1918]. *Naukovi zapiski. Zbirnik prats' molodikh vchenikh ta aspirantiv*. 2. pp. 353–396.

Gedin, M. (2012) Ukraïns'ko-rumuns'ki vidnosini naperedodni ta v period get'manuvannya Pavla Skoropads'kogo [Ukrainian-Romanian relations before and during Hetman Pavlo Skoropadsky's rule]. *Visnik KNLU. Seriya "Istoriya, ekonomika, filozofiya"*. 17. pp. 107–115.

Denikin, A.I. (1990) Getmanstvo i Direktoriya na Ukraine [Hetmanstvo and Directory in Ukraine]. In: Popov, N.N. (ed.) *Revolyutsiya na Ukraine po memuarom belykh* [Revolution in Ukraine in Memoirs of the White]. Kyiv: Izd-vo politicheskoy literatury Ukrainy. pp. 136–185.

Doroshenko, D.I. (2002) *Istoriya Ukraïni, 1917–1923: v 2 t.* [The history of Ukraine, 1917–1923. In 2 vols]. Vol. 2. Kyiv: Tempora.

Doroshenko, D. (2007) *Moi spomini pro nedavne minule (1914–1920 roki)* [My memories of the recent past (1914–1920)]. Kyiv: Tempora.

Luch. (1918e) Zabastovka v Rumynii 1918 [Strike in Romania]. 25th October.

Luch. (1918f) Zakrytie rumynskoy granitsy [The closure of the Romanian border]. 18th August.

Luch. (1918g) K peregovoram s Rumyniyei [To negotiations with Romania]. 8th October.

Luch. (1918h) K tovaroobmenu s Rumyniyei [To the trade with Romania]. 22nd October.

Kroitor, V. (2001) Bessarabs'ka problema v ukraïns'ko-rumuns'kikh politichnikh vidnosinakh 1917–1918 rr. [The Bessarabian problem in the Ukrainian-Romanian political relations of 1917–1918]. *Istoriya v shkoli*. 1. pp. 4–8.

Levik, B. (2017) Zovnishn'opolitichni orientiri uryadu Pavla Skoropads'kogo (za arkhivno-memuarnimi materialami) [Foreign policy guidelines of Pavlo Skoropadsky's government (for archival memoirs)]. *Skhid*. 4 (150). pp. 69–74.

Levit, I.E. (2000) *Moldavskaya respublika (noyabr' 1917 – noyabr' 1918)* [The Moldavian Republic (November 1917 – November 1918)]. Chişinău: Tsentral'naya tipografiya.

Levit, I.E. (2012) *Bessarabskiy vopros v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy (1919–1920 gg.)* [Bessarabian question in the context of international relations (1919–1920)]. Tiraspol: Litera.

Makarchuk, V. & Rudyi, N. (2012) Vostochnye granitsy mezhvoennoy Rumynii (1918–1940 gg.): aspekty mezhdunarodnogo prava [The eastern borders of interwar Romania (1918–1940): aspects of international law]. *Rusin*. 2 (28). pp. 55–66.

Nazariya, S.M. (2013a) Sfatul Tseriy, "ob"edinenie" s Rumyniyei i otnoshenie k nemu moldavan i natsmen'shinstv Bessarabii (1917–1918 gg.) [Sfatul Tarii, "unification" with Romania and the attitude towards it by Moldovans and

Bessarabian Minorities (1917–1918)]. *Rusin*. 3 (33). pp. 138–154.

Nazariya, S.M. (2013b) Anneksiya Bessarabii Rumyniei s pozitsiy mezhdunarodnogo prava i otnoshenie k etomu zhitel'ey kraia [The annexation of Bessarabia by Romania in terms of international law and how it was perceived by the residents]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2. pp. 45–48.

Nesuk, M.D. (2007) Bessarabs'ke pitannya v ukrains'ko-rumuns'kikh vidnosinakh 1917–1918 rr. [The Bessarabian Question in the Ukrainian-Romanian relations of 1917–1918]. In: Parkhomchuk, S.M. (ed.) *Problemi balkanistiky, skhodoznavstva ta mizhnarodnikh vidnosin* [Problems of Balkan Studies, Oriental Studies and International Relations]. Kyiv: [s.n.]. pp. 153–174.

Luch. (1918i) Nota ukrainskogo pravitel'stva po voprosu o Bessarabii [The note of the Ukrainian government on the issue of Bessarabia]. 20th July.

Luch. (1918j) Polozhenie v Bessarabii [The situation in Bessarabia]. 10th November.

Ponomariyev, O. (2007) Bessarabs'ke pitannya v ukrains'ko-rumuns'kikh vidnosinakh u 1917–1918 rokakh [The Bessarabian Question in Ukrainian-Romanian relations in 1917–1918]. *Visnik Kiivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka – Bulletin of Taras Shevchenko National University of Kyiv*. 89–90. pp. 44–49.

Popa, I. & Popa, L. (2010) *Rumyny, Bessarabiya i Pridnestrov'e* [Romanians, Bessarabia and Transnistria]. Chişinău: Prut international.

Luch. (1918k) Propuski v Krym i Bessarabiyu [Passes to the Crimea and Bessarabia]. 11th August.

Rakovskiy, Kh. (1925) *Rumyniya i Bessarabiya. K semiletiyu anneksii Bessarabii* [Romania and Bessarabia. To the Seventh Anniversary of the Bessarabia Annexation]. Moscow: Izdanie Litizdata N.K.I.D.

Luch. (1918l) Rumynizatsiya Bessarabii [Romanization of Bessarabia]. 17th October.

Luch. (1918m) Rumyniya i Bessarabiya [Romania and Bessarabia]. 3rd October.

Luch. (1918n) Sadovladel'tsy i general'nyy komissar [Garden Owners and General Commissioner]. 12th October.

Satskiy, P.V. (2007) Ukrains'ko-rumuns'ki prikordonni vidnosini naprikintsi 1917 – u 1918 rr. i rol' rosiys'ko-rumuns'kogo dogovoru 5–9 bereznia 1918 r. [Ukrainian-Romanian border relations at the end of 1917–1918 and the role of the Russian-Romanian treaty of March 5–9, 1918]. *Zb. nauk. pr. Nauk-doslid. in-tu ukrainoznavstva*. 15. pp. 441–450.

Skoropadsky, P.P. (2016) *Spogadi: kinets' 1917 – grudon' 1918* [Memoirs: the end of 1917 – December 1918]. Kyiv: Nash format.

Luch. (1918o) Soyuzniki i Ukraina [Allies and Ukraine]. 21st November.

Luch. (1918p) Soyuzniki i ukrainskaya vlast' [Allies and the Ukrainian power]. 21st November.

Luch. (1918q) Ukraino-rumynskaya konferentsiya [Ukrainian-Romanian

Conference]. 6th October.

Luch. (1918r) Ukraino-rumynskaya konferentsiya [Ukrainian-Romanian Conference]. 8th October.

Luch. (1918s) Ukraino-rumynskie peregovory [Ukrainian-Romanian negotiations]. 12th October.

Ukraine. (2015a) *Ukrains'ka derzhava (kviten'–gruden' 1918 roku). Dokumenti i materialy* [Ukrainian state (April–December, 1918). Documents and materials]. Vol. 1. Kyiv: Tempora.

Ukraine. (2015b) *Ukrains'ka derzhava (kviten'–gruden' 1918 roku). Dokumenti i materialy* [Ukrainian state (April–December, 1918). Documents and materials]. Vol. 2. Kyiv: Tempora.

Shornikov, P. (2007) Moldavskaya gosudarstvennost' i moldavskaya natsional'naya identichnost' v XX – nachale XXI v. [Moldovan statehood and Moldovan national identity in the 20th – early 21st centuries]. *Rusin*. 4 (10). pp. 70–79.

Shornikov, P. (2010) Russkoe soobshchestvo Bessarabii i Rumynskoe gosudarstvo. 1918–1940 gg. [The Russian Community and the Rumanian State, 1918–1940]. *Rusin*. 4 (22). pp. 72–88.

Baar, V. & Jakubek, D. (2017) Divided National Identity in Moldova. *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics*. 11 (1). pp. 58–92. [Online] Available from: <https://www.degruyter.com/downloadpdf/j/jnmlp.2017.11.issue-1/jnmlp-2017-0004/jnmlp-2017-0004.pdf> (Accessed: 25th August 2018).

Beniuc, V.A., Nazariya, S.M. & Sprinchane, M.V. (2017) *The Emergence of the Bessarabian Question in 1917–1918 and Interpretation of These Events in the Historiography and Memoirs of Romanian Politicians*. [Online] Available from: http://sociosphera.com/images/Books/Books_2017/Vzglyad_cherez_stoletie/105-119_benyuk_v_a_nazariya_s_m.pdf (Accessed: 25th August 2018).

Bold, Em., Locovei, R.O. & Ioniță, A. (2008) *Relațiile româno-sovietice (1918–1941)* [Romanian-Soviet Relations (1918-1941)]. Iasi: Editura Demiurg.

Clark, Ch.U. (1927a) *Bessarabia: Russia and Roumania on the Black Sea*. New York: Dodd, Mead & Company. [Online] Available from: http://depts.washington.edu/cartah/text_archive/clark/bc_16.shtml (Accessed: 28th August 2018).

Clark, Ch.U. (1927b) *Bessarabia: Russia and Roumania on the Black Sea*. New York: Dodd, Mead & Company. [Online] Available from: http://depts.washington.edu/cartah/text_archive/clark/bc_19.shtml#bc_19 (Accessed: 28th August 2018).

Cojocaru, Gh.E. (1997) *Integrarea Basarabiei în cadrul României (1918–1923)* [Integration of Bessarabia within Romania (1918–1923)]. Bucharest: Semne.

Degtyarev, S.I. & Zavhorodnia, V.M. (2018) The Bessarabian Question in 1917–1918: The Relations of Romania, Bessarabia and Ukraine. *Bylye Gody*. 48 (2). pp. 872–879. DOI: 10.13187/bg.2018.2.872

Dobrinescu, V.F.L. (1991) *Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918–1940* [The

diplomatic battle for Bessarabia. 1918–1940]. Iasi: Editura Junimea.

International Court of Justice. (2009) *Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine)*, Judgment, I.C.J. Reports 2009. [Online] Available from: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/132/132-20090203-JUD-01-00-EN.pdf> (Accessed: 20th July 2018).

Țurcanu, I. (1998) *Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918* [Unification of Bessarabia with Romania. Preludes, premises, achievements. 1918]. Chișinău: Tipografia Centrală.

Дегтярев Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумского государственного университета, главный редактор научного исторического журнала «Сумський історико-архівний журнал» (Украина).

Sergey I. Degtyarev – Sumy State University (Ukraine).

E-mail: starsergo2014@gmail.com

Завгородняя Владислава Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного, европейского и экологического права Сумского государственного университета (Украина).

Vladyslava N. Zavorodnia – Sumy State University (Ukraine).

E-mail: v.zavorodnia@uabs.sumdu.edu.ua

УДК 355.318.2(=162.1)(478)“1917/1918”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/12

МІЖ БОЛГРАДОМ І СОРОКАМИ: ПОЛЬСЬКІ ВІЙСЬКОВІ ФОРМУВАННЯ В БЕССАРАБІЇ В ЛИСТОПАДІ 1917 – БЕРЕЗНІ 1918 р.

А.Г. Папакін

Київський національний університет ім. Т. Шевченка

Україна, 01033, м. Київ, вул. Володимирська, 60

E-mail: artempapakin@knu.ua

Авторське резюме

Протягом Першої світової війни, починаючи з 1914 р., у складі російської армії створювалися польські національні формування. Після Лютневої революції 1917 р. відбувається формування Польської стрілецької дивізії російської армії, а влітку 1917 р. розпочалося створення 1-го Польського корпусу. В цей же час по всій російській армії проходив процес створення Об'єднань військових поляків, що виступали за створення окремої польської армії. Після листопада 1917 р. процес формування польських національних з'єднань у російській армії посилювався, розпочалося створення 2-го і 3-го Польських корпусів. Стаття розглядає обставини створення польських військових формувань на Румунському фронті російської армії, який відбувався протягом листопада 1917 – березня 1918 р. і призвів до формування 2-го Польського корпусу. У статті на підставі архівних документів показаний процес колонізації військових частин і з'єднань російської армії, формування нових польських підрозділів і їх об'єднання у складі 2-го Польського корпусу, що відбувалося на території Бессарабії.

Ключові слова: російська армія, польські військові формування, 2-й Польський корпус, Румунський фронт, Бессарабія.

МЕЖДУ БОЛГРАДОМ И СОРОКАМИ: ПОЛЬСКИЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В БЕССАРАБИИ В НОЯБРЕ 1917 – МАРТЕ 1918 г.

А.Г. Папакин

Киевский национальный университет им. Т. Шевченко
Украина, 01033, г. Киев, ул. Владимирская 60
E-mail: artempapakin@knu.ua

Авторское резюме

В течение Первой мировой войны, начиная с 1914 г., в составе российской армии создавались польские национальные формирования. После Февральской революции 1917 г. произошло формирование Польской стрелковой дивизии российской армии, а летом 1917 г. началось создание 1-го Польского корпуса. В то же время по всей российской армии шел процесс формирования Союзов военных поляков, выступавших за создание отдельной польской армии. После ноября 1917 г. процесс формирования польских национальных соединений в российской армии усилился, началось создание 2-го и 3-го Польских корпусов. Статья рассматривает обстоятельства создания польских воинских формирований на Румынском фронте русской армии, который проходил в течение ноября 1917 – марта 1918 г. и привел к формированию 2-го Польского корпуса. В статье на основании архивных документов показаны процесс полонизации воинских частей и соединений российской армии, формирование новых польских подразделений и их объединения в составе 2-го Польского корпуса, что происходило на территории Бессарабии.

Ключевые слова: российская армия, польские воинские формирования, 2-й Польский корпус, Румынский фронт, Бессарабия.

BETWEEN BOLGRAD AND SOROKA: POLISH MILITARY TROOPS IN BESSARABIA FROM NOVEMBER 1917 TO MARCH 1918

A.H. Papakin

Taras Shevchenko National University of Kyiv
60 Volodymyrska Street, Kyiv, 01033, Ukraine

E-mail: artempapakin@knu.ua

Abstract

During the First World War, since 1914, Polish national units were formed as part of the Russian Army. The February Revolution of 1917 saw the formation of the Polish Rifle Division of the Russian Army, followed by the formation of the 1st Polish Corps in the summer of 1917. At the same time, the entire Russian army was in the process of forming Military Polish Unions, which supported the formation of separate Polish army. After November 1917, the formation of Polish national troops in the Russian army intensified, so the 2nd and 3rd Polish Corps began to form. The article examines the circumstances under which the Polish military formations on the Romanian Front of the Russian Army were formed during November 1917 – March 1918, which resulted in the formation of the 2nd Polish Corps. Drawing on archival documents, the author shows the process of 'polonization' in the Russian army, the formation of new Polish units and, consequently, 2nd Polish Corps in Bessarabia.

Keywords: Russian Army, Polish military troops, 2nd Polish Corps, Romanian front, Bessarabia.

У 1916 р. після вступу Румунії до війни на боці держав Антанти і ряду поразок, нанесених румунській армії військами Австро-Угорщини і Болгарії, на допомогу союзнику Росія перекинула на територію Бессарабії і в сусідні регіони війська, що склали основу нового, Румунського фронту російської армії. Лютнева революція 1917 р. призвела до помітних змін у житті армії, що позначилися, зокрема, широким поширенням національних рухів, в тому числі серед військових. Одним з народів, що восени 1917 р. на території етнічно строкатої Бессарабії заявив про свою національну окремішність і бажання створити власну армію, були поляки. У складі російських військ Румунського фронту з листопада 1917 р. починають створюватися польські добровольчі військові формування, що ставили за мету боротьбу проти армій Центральних держав за звільнення батьківщини.

Проблема не знайшла належного висвітлення у історіографії. Польська історіографія може похвалитися кількома позиціями, повністю чи частково присвяченими даній проблемі, однак єдина монографія, що описує формування 2-го Польського корпусу на Румунському фронті (Bergel 1921), написана переважно на підставі мемуарів і не дозволяє детально прослідкувати процес створення корпусу; інші праці написані на підставі обмеженого кола документів, що зберігаються у Польщі (Bagiński 1921; Wrzosek 1969). У російській історіографії питання, пов'язані з польськими військовими

формуваннями в Бессарабії, згадувалися лише побіжно (Френкін 1965; Істрати 1973; Істрати 1988). Питання було частково висвітлене в українській історіографії (Папакін 2004; Папакін 2007), де, крім того, є спеціально присвячена цій темі стаття (Руккас 2004), однак згадані у цих працях дані потребують уточнення за рахунок даних архівних документів. У статті було використано документи з фондів головнокомандувача арміями Румунського фронту, армій фронту і полонізованих з'єднань, що зберігається у Російському державному військово-історичному архіві (Москва), документи 2-го і 3-го Польських корпусів з Центрального військового архіву (Варшава) та документи Державного архіву Київської області (Київ), що містять детальну інформацію про перебіг утворення польських національних військових формувань у всіх чотирьох арміях Румунського фронту. Залучення архівних документів як російського командування, так і самих польських військових формувань дозволяє максимально повно висвітлити процес утворення 2-го Польського корпусу зі з'єднань і частин російської армії Румунського фронту на території Бессарабії.

У 1917 р. війська Румунського фронту склалися з шести армій: VIII армія у межиріччі Дністра і Сірета та частково на лівому березі Дністра (11-, 16-, 17-, 23-, 33-й армійські корпуси та 2-й кавалерійський корпус); IX армія (10-, 18-, 26-, 29-, 40-й армійські та 6-й кавалерійський корпуси) між річками Сіретом і Молдовою; IV армія (2-, 8-, 24-, 30- та 36-й армійські корпуси) у районі молдавських Карпат; VI армія (4-й Сибірський, 4-, 7- і 47-й армійські корпуси) у нижній течії Сірета та Дунаю. Дії російської армії підсилювали I та II румунські армії, що склалися з 5 корпусів (Россія в мирової війні 1925: 27). Командував фронтом з квітня 1917 р. «помічник головнокомандувача Румунським фронтом» (скорочено поглавкорум) генерал від інфантерії Дмитро Щербачов, будучи формально підпорядкованим у командуванні румунському королю Фердинанду.

Серед солдатів фронту було чимало поляків, проте до листопада 1917 р. їх виділення в окремі військові формування, засновані на національній ознаці, не проводилося. Польські добровольчі формування у складі російської армії існували з 1914 р., коли розпочалося формування Польського легіону і двох ескадронів польських уланів. В якості піших дружин і кінних сотень у складі 104-ї бригади державного ополчення ці формування билися на фронті в Царстві Польському та Білорусії, починаючи з березня 1915 р. Після важких боїв польські формування були включені до складу Польської стрілецької дивізії, яка взяла участь у боях Західного фронту, а у лютому 1917 р. розпочалося її розгортання до дивізії. Після участі Польської стрілецької дивізії і Польського уланського полку в літньому наступі російської

армії в Галичині у складі військ Південно-Західного фронту російське командування вирішило розгорнути її до Польського корпусу, що у серпні 1917 р. розпочав формуватися у тилу Західного фронту.

Питання про утворення окремих військових частин з поляків в Україні і Бессарабії виникло вже у травні 1917 р., коли постав проект створення трьох польських корпусів (ДАКО 29: 54). Однак після видання офіційного дозволу на формування 1-го Польського корпусу на Західному фронті російська влада вирішила цим обмежитися. З вересня 1917 р. усі бажаючі поляки могли переводитися до 1-го Польського корпусу, проте фактично виділення польських солдатів у національні частини було обмежено тереном Північного та Західного фронтів. Командувач 29-го армійського корпусу (Румунський фронт) генерал-лейтенант Євгеній де Геннінг-Міхаєліс зазначав у своєму рапорті командувачу ІХ армії від 7 вересня 1917 р., що ненадання найближчим часом солдатам фронтів можливості виділення у національні частини може призвести до зростання серед них антивоєнної агітації та більшовицьких настроїв (ДАКО 29: 54–54 зв.). Єдиним виходом з цієї ситуації було розширення заходів щодо утворення польських формувань у армії Російської Республіки, а саме створення нових з'єднань.

В російській армії в 1917 г. активно діяли Об'єднання військових поляків (ОВП). Вони існували у більшості військових частин та гарнізонів, у майже кожному з'єднанні та у кожній армії, фронті та військових округах. Незважаючи на політичну неоднорідність членів, у ОВП не були помітними впливи більшовиків, оскільки по-більшовицьки налаштовані солдати (що ставили національне питання на другий план у порівнянні з соціальним) знаходили своє місце у солдатських радах, що існували майже у кожній військовій частині. Але в ОВП були і військові, що стояли на менш активних позиціях, або ж просто не вбачали необхідності у створенні польської армії. Головним лейтмотивом перебування польських військовослужбовців у ОВП була ідея не створення польського війська, а повернення додому, якщо вдасться, зі зброєю в руках, «збереження польської крові» (Bagiński 1921: 326). На Загальному з'їзді військових поляків у Петрограді 8 червня 1917 р. було створено Головний польський військовий комітет (Начполь), що мав зайнятися організацією польських добровольчих частин.

Найбільш активними у питанні створення армії виявилися діячі ОВП на Румунському фронті. Об'єднання поляків у частинах і з'єднаннях фронту були створені ще навесні 1917 р. і скоро відбулися армійські з'їзди: ІV армії – 20–23 травня 1917 р. у Бирладі, ІХ армії – 28 травня – 5 червня 1917 р. у Романі (Румунія) (ДАКО 13: 6–9;

ДАКО 24: 1–4 зв., 44–46 зв.; ДАКО 36: 4). Армієські з'їзди утворили ОВП армії фронту, невдовзі були створені ОВП у Яссському та Одеському військових округах, що відбули кілька нарад з армієськими об'єднаннями фронту (17 липня, 29 серпня, 20–22 вересня) (ДАКО 2: 17–17зв.; ДАКО 27: 118, 123–124). Ці з'їзди і наради висловили побажання скликання фронтового з'їзду, створення на добровільній основі польської армії у Росії.

Восени 1917 р., коли за нових політичних умов (більшовицький переворот у Петрограді) з'явилася можливість утворення польських національних формувань в Україні та Бессарабії, відбуваються другі з'їзди поляків Румунського фронту: 7–11 листопада 1917 р. – делегатів ІХ армії (у Сучаві), 12–15 листопада – ІV армії (у Романі), 15 листопада – VIII армії (у Могилеві-Подільському) (ДАКО 35: 27; ДАКО 44: 16–16 зв.). На них з новою гостротою постало питання створення польських частин на Румунському фронті, до якого більшість делегатів поставилися прихильно. Між іншим в ухваленій на з'їзді резолюції зазначено, що незадоволення російською владою вимог «термінового виділення військових, які того прагнуть, у окремі польські формування», протягом трьох тижнів «змусить нас до реалізації їх революційним шляхом» (ДАКО 36: 4).

Потреба у виробленні спільної тактики дій щодо принципових питань спричинила скликання фронтового з'їзду ОВП, що відбувся 25 листопада – 2 грудня 1917 р. у Кишиневі. У справі польської армії делегати з'їзду ухвалили, що всі поляки «як громадяни незалежної Польської держави повинні бути звільнені зі служби в усіх арміях воюючих країн», повинні бути утворені окремі Польські збройні сили, а демобілізація польських частин може бути здійснена «лише на території Польської держави». На ньому ж було створено комітет Румунського фронту на чолі з капітаном Леоном Бобіцьким, завданням якого було порозуміння з командувачем фронту Д. Щербачовим (ДАКО 14: 246; ДАКО 20: 1–4; ДАКО 23: 1–2 зв.; ДАКО 40: 1–42 зв.; Bergel 1921: 15–16).

Для координації процесом виділення військових поляків та утворення нових польських військових частин як на Румунському, так і на Південно-Західному фронті, а також у якості верховної політичної влади над існуючими формуваннями 3 грудня 1917 р. було утворено тимчасовий Інспекторат польських збройних сил в Україні. На посаду Головного інспектора було призначено генерала Є. Міхаеліса (ДАКО 38: 22, 26; САУ 3: 34; Michaelis 1929: 15).

29 листопада 1917 р. на нараді, в якій брали участь Є. Міхаеліс, представники Начполю, ОВП Південно-Західного фронту, представник Румунського фронту та ОВП Одеського округу, було ухвалено розпо-

чати формування національних частин на Румунському та Південно-Західному фронтах, де відповідно повинні були бути сформовані 2-й та 3-й Польські корпуси (Wrzosek 1969: 140, 144).

Тимчасом, незалежно від згаданих рішень «знизу», поглавкорум Д. Щербачов, прагнучи, за його словами, «зробити все можливе для збереження армії та продовження боротьби з Центральними державами» (Истрати 1973: 109), вирішив реорганізувати армію. Для підвищення боєздатності армії та запобіганню розвалу фронту поглавкорум пішов на формування добровольчих загонів та націоналізацію військових частин. Така реорганізація армії могла бути проведеною без ускладнень, оскільки 26 листопада було укладено перемир'я з військами Центральних держав на усіх ділянках фронту. Д. Щербачов мав намір створити п'ять національних корпусів: два українських, один мусульманський та два польських, а також окремі молдавські, вірменські, грузинські, литовські та латиські національні частини (Френкин 1965: 214, 300; Руккас 2004: 22).

З'їзди військових поляків армій Румунського фронту прихильно поставилися до створення національного з'єднання з солдатів фронту. 21 листопада 1917 р. ОВП IV, VI, VIII та IX армій, начальники штабів цих армій та військово-революційний комітет Румунського фронту отримали телеграму № 166511 зі штабу Д. Щербачова, в якій говорилося: «Поглавкорум проти організації національних польських частин [у] межах фронту заперечень не має при умові не послаблення боєздатності фронту», даючи таким чином дозвіл на утворення польського корпусу (ДАКО 16: 45; САУ 5: 5). У додатку до телеграми пояснювався механізм виділення поляків фронту. Після з'ясування числа поляків, що виявили бажання служити у національному з'єднанні, належало зводити їх у полках у роти, у дивізіях – у батальйони, переводячи весь непольський склад у інші підрозділи. Полонізовані роти мали поповнюватися до досягнення штатного розпису за рахунок переведення поляків з інших частин. Утворені таким чином польські роти належало зводити у батальйони, а ті – у полки, командні посади та штаби, у яких мали заміщатися лише поляками. Польські національні частини мали підлягати у господарчих питаннях попередньому командуванню, у відношенні ведення занять – безпосереднім польським начальникам, у всіх інших питаннях, передусім пов'язаних з подальшим виділенням – розпорядженням начполю. У внутрішній кореспонденції та командах дозволялося використання польської мови (ДАКО 33: 2; САУ 3: 6–7). Наступною телеграмою штаб командувача Румунським фронтом призначив місце формування польських національних частин – м. Сороки над Дністром (тепер – територія Молдови), у розпорядженні 9-го запасного полку (ДАКО 33: 4; САУ 3: 10). За наказом

командувача ІХ арміі генерала Анатолія Келчевскага 23 студня полк атрымаў назву польскага, яго камандіром прызначана палковніка А. Бабіха (Руккас 2004: 25).

Праце камандування фронту не абмежылася выдзяленням окреміх рот і батальёнаў. Для нацыяналізацыі вырашана надати частіны та з'яднання фронту, найменш надійны та боездаты з точки зору камандування. 29 лістапада 1917 р. фронтовае камандування дазволіла надаваці для палонізацыі цэлі дывізіі, што падлягалі розфармуванню, па адній на армію (ДАКО 9: 76; ДАКО 33: 5). Для гатовых палонізаваных частін прызначана канцэнтрацыйны пункты: для ІV арміі – Раман, для VI арміі – Болград, пізніше Кішыніў, для ІХ арміі – Сучава; акрім таго, у Кам'янці-Падільскаму та Проскураві праводзілася канцэнтрацыя польскіх частін, створываных на Південна-Західнаму фронці, які маві увійці да 2-го корпусу. Поповненню корпусу польскімі саудатамі служылі й утворены за наказам ген. Є. Міхаеліса етапна-канцэнтрацыйны пункты у Одесі, Мікалаеві, Вознесенску, Кривому Розі, Єлізаветграді, Бендерах та Могілеві-Падільскаму (Bergel 1921: 17; Wrzosek 1969: 144).

Асновным з'яднанням ІV арміі, прызначеным да палонізацыі, була 2-я піхотна дывізія (24-й арміўскі корпус), у якой было багата полякві, і яку планувалося палонізуваці разам з усіма іі закладамі, 2-ю арцілерійскаю бригадою та 7-м піхотным Ревельскім полком. У студні 1917 р. у ІV арміі також было намічана да палонізацыі 52-ю ополченску саперну роту, 36-й обозній батальён і вклучены да яго складу 241-й транспорт 49-го обознаго батальёну, 3-ю автороту; для укомплектування польскіх частін было вырашана перадаці полякам 75-й запасній полк (ДАКО 2: 185; ДАКО 9: 4; ДАКО 12: 9, 11, 37; ДАКО 15: 9, 14). Місцем зібрання цих частін прызначана м. Раман (Румунія) (ДАКО 9: 4). Напрыкінці студня было сфармована піхотну та саперну роту і транспорт, а 22 студня запланавана створення звіднаго ескадрону кавалерыі (за штатам окремаї прыкордоннаї сотні прыкордоннаго корпусу), на чолі якога став корнет Гузовскі (ДАКО 10: 3–3 зв.; ДАКО 12: 24–25 зв.; ДАКО 17: 31; ДАКО 18: 43; ДАКО 21: 27).

1 січня 1918 р. з палонізаваных частін арміі было утворена польскі етапній батальён (4 роты), уланскі ескадрон, протягом січня 1918 р. палонізавана штаб 2-ї піхотнаї дывізіі, 2-у арцілерійскаю бригаду, 52-ю саперну роту і 241-й транспорт (ДАКО 9: 4, 77 зв., 92; ДАКО 10: 16 зв.; ДАКО 11: 1 зв., 10; ДАКО 12: 50; ДАКО 18: 207). Труднощі вынікалі пры палонізацыі частін, які не маві наказів штода звільнення непольскага складу, через протідію саудатскіх комітетаў, а також таму, што багата вйськовых выіжджалі проста да 1-го Польскаго корпусу ў Мінск; напрыклад, через брак людзей у

36-му обозному батальйоні вдалося лише забрати транспорти (ДАКО 17: 31; ДАКО 18: 207 зв; ДАКО 42: 33). 17 січня ескадрон, саперна рота, етапна рота і 241-й транспорт отримали наказ вирушати до місця концентрації усіх польських частин Румунського фронту – м. Сороки (ДАКО 42: 19). Усі інші полонізовані частини і підрозділи, які нараховували близько 1 тис. осіб, вирушили до Сорок 26 січня 1918 р. (ДАКО 9: 78; Kozłowski 1993: 326).

Найбільш повільно проходив процес створення польських військових частин у VI армії. Лише 24 грудня 1917 р. її командувач армії генерал від кавалерії Афанасій Цуриков ухвалив «скористатися зведенням, розгорненням та розформуванням з метою вільної націоналізації, для чого у всіх частинах армії зводити людей за національностями у роти, батареї, ескадрони, полки» (РГВИА 2: 297), проте протягом грудня 1917 – січня 1918 р. більш-менш успішно в армії проходила лише українізація (РГВИА 2: 477, 533, 545; РГВИА 3: 351; РГВИА 4: 3, 12). Власне з українізованої 8-ї кавалерійської дивізії (8-ї Української кінно-козачої дивізії), а саме з її уланського Вознесенського, гусарського Лубенського та драгунського Астраханського полків було виділено два кінні польські ескадрони, кулеметну команду та взвод зв'язку. Біля Болграду до них долучилися загони, що самовільно організовувалися з грудня 1917 р. під командуванням підполковника Стефана Грабовського, та солдати-поляки з Ізмаїльської кінної прикордонної бригади (Hlawaty 1973: 11, 13). На терені розміщення військ VI армії у Кишиневі перебував 75-й запасний піхотний полк, переданий для потреб польських формувань, і польський етапний пункт, де 20 грудня 1917 р. було утворено 1-у окрему пішу роту (САУ 4: 1, 13). Було також виділено польський ескадрон у 75 шабель з українізованого 21-го прикордонного полку, однак без коней і зброї (ДАКО 42: 2). 31 січня 1918 р. всім польським частинам армії наказано виїхати до Сорок для прилучення до 2-го Польського корпусу (ДАКО 42: 44). Однак до Сорок прибули лише кінні ескадрони, а піший загін з обозами було затримано і роззброєно біля Бірзули австро-угорськими частинами (Bergel 1921: 18).

Досить успішно проходила полонізація частин у VIII армії. Наказом по армії від 26 листопада 1917 р. тут було заплановано створити польський піхотний полк, кінний дивізіон (3 ескадрони під командуванням ротмістра Станіслава Сохачевського) та мортирну батарею з парком (ДАКО 19: 3 зв.–4 зв.; РГВИА 6: 82). Основою для польського піхотного полку мав стати один з полків 160-ї піхотної дивізії, намічений до розформування (РГВИА 6: 94). Солдатів для поповнення піхотного полку слід було виділяти з 16-го армійського корпусу

(він підлягав українізації) (РГВИА 6: 94) і прикомандировувати до 16-го авіаційного загону, а артилеристів – до 23-го мортирного дивізіону, направляючи їх до Романкауці. Активно виділялися поляки з піхотних частин, інженерного полку та артилерії 33-го армійського корпусу, що розміщувався у Хотині. Для полонізації було виділено 2 батареї 112-ї артилерійської бригади з парком (ДАКО 3: 107, 109; ДАКО 19: 1, 3; РГВИА 6: 74а). Кавалерійський дивізіон створювався при 1-му Заамурському кінному полку і поповнювався солдатами з 9-ї кавалерійської дивізії (РГВИА 6: 68–69). Розпочато полонізацію взводу 9-го кінно-артилерійського дивізіону, батареї 23-го мортирного дивізіону та двох батарей 112-ї бригади і утворення польського триескадронного кінного дивізіону (РГВИА 6: 109). У середині грудня при VIII армії заплановано сформувати цілу польську піхотну дивізію (полонізувати штаб 160-ї дивізії та розширити існуючі вже 4 польських батальйони до піхотних полків), 4-ескадронний полк кінноти та артилерійську бригаду (ДАКО 19: 6; ДАКО 21: 25, 32; ДАКО 22: 121). У грудні до кавалерійського загону долучається самостійно утворена польська кінна батарея; також полякам передано 755-й військовий транспорт (РГВИА 6: 169; Kozłowski 1993: 326, 328). 22 січня 1918 р. у наказі по армії № 3288 було оголошено про створення польського загону при VIII армії у складі: новостворених Польського стрілецького та Польського кавалерійського полків (у складі трьох ескадронів та кулеметної команди), кінної батареї (три гармати), а також полонізованих 2-го дивізіону 112-ї артилерійської бригади (під новою назвою «Польський легкий артилерійський дивізіон»), 3-го парку 32-го паркового артилерійського дивізіону («Польського легкого артилерійського парку»), 755-го військового транспорту та 335-го польового рухомого шпиталю, загальним числом понад 1 700 чол. (ДАКО 44: 51–51 зв.; РГВИА 6: 171).

Процес створення польських частин у VIII армії зустрів деякі труднощі. Спроба полонізувати один з піхотних полків 160-ї дивізії провалилася через небажання солдатів інших національностей переводитися до інших частин. У частинах VIII армії більш, ніж у інших, відчувався процес розпаду армії. У середині грудня 1917 р. відновив свою роботу розігнаний командувачем армії генерал-лейтенантом Миколою Юнаковим військово-революційний комітет, який оголосив про перехід влади у армії до армійського виконкому і звільнив М. Юнакова, обравши на місце командувача прапорщика Л. Александровича, і скоро VIII армія стала ядром радянських військ Румунського і Південно-Західного фронтів (Френкин 1965: 335; Хохлов 1987: 569–570; Бумеранг братанія 1997: 39; Залесский 2000: 246). Революційне командування армії заважали виділенню

поляків у національні частини, закликаючи їх вступати до «польської соціалістичної армії» (ДАКО 44: 51 зв.; Голуб 1958: 229–230). Ревком 33-го армійського корпусу, що захопив командування корпусом, заборонив виділення поляків (однак безуспішно, бо 14 січня ОВП корпусу оголосило, що всі бажаючі поляки 33-го корпусу вже перейшли до національних формувань) (ДАКО 3: 111, 112 зв.). Після того, як польський загін при VIII армії було сформовано, 27 січня 1918 р. більшовицьке командування армії наказало ввести там «демократизацію» (РГВИА 6: 177), однак наказ не було виконано.

Польські частини вступили у конфлікт з революціонерами. Ревком заарештував 16 офіцерів польського загону і роззброїв комендатуру (ДАКО 6: 118). У Ямполі польський загін розігнав і заарештував місцеву раду, проте коли наприкінці січня 1918 р. більшовизовані частини 59-ї піхотної дивізії та 2-го кавалерійського корпусу прийшли на підмогу арештантам, польський загін вийшов з міста (РГВИА 8: 11; Хохлов 1987: 576; Френкин 1965: 332–333). Коли наприкінці січня 1918 р. польський загін при VIII армії отримав наказ про вирушення до місця розташування 2-го Польського корпусу для приєднання, революційне командування армії виділило деякі частини 160-ї піхотної дивізії для спостереження за рухом поляків, вбачаючи у цьому «таємному перегрупуванні» «контрреволюційні дії проти радянських організацій» (РГВИА 5: 2). Під час переправи через Дністер під Ямполем відбувся бій між польською кінною батареєю і революційними солдатами, а одна польська батарея була ними роззброєна (ДАКО 7: 118; Френкин 1965: 333; Kozłowski 1993: 328). Агітація серед солдатів польських частин армії призвела до того, що дві батареї у Могилеві спочатку вагалися, чи слід приєднуватися до 2-го Польського корпусу, а потім, у лютому 1918 р., приєдналися до вже існуючих двох польських революційних батальйонів (ДАКО 6: 118; Френкин 1965: 334; Wrzosek 1972: 316). Проте більшість польських частин VIII армії дісталася Сорок без ускладнень.

У IX армії формування польських частин проходило без особливих складнощів. Наказом від 8 грудня 1917 р. до полонізації тут було віддано заплановану до розформування 166-у піхотну дивізію (ДАКО 25: 42; ДАКО 26: 3–3 зв.). 19 грудня вирішено віддати полякам 1-у стрілецьку дивізію з її артилерією і майном, яку мав очолити генерал-майор Владислав Глясс (ДАКО 25: 106; ДАКО 33: 22; ДАКО 45: 67). Також проводилася полонізація 2-го парку 2-го стрілецького дивізіону, 1-ї батареї 23-го окремого польового важкого артилерійського дивізіону, 183-ї артилерійської бригади, 3-го Сербського паркового артилерійського дивізіону, 3-ї автомобільної роти, 33-го мортирного дивізіону (ДАКО 26: 3–3 зв.; ДАКО 33: 29; ДАКО 34: 32–32 зв., 55, 117; Руккас 2004: 22).

Асновою для майбўтняга 2-га Польшкага корпусу мав стати 29-й армііскі корпус (камандувач генерал Є. Міхаеліс) (ДАКО 28: 1), в якому панувалі більшовіцкія агітаторы. Корпусніі комітэт 26 жовтня прывітав солдатів з поваленням Тымчасовага ўраду та заклікав іх стати на захіст рэвалюцыі (Рэвалюцыйнае дывіжэнне 1968: 514–515; Істраты 1973: 92–93; Істраты 1988: 113). 23 студня 1917 р. А. Келчэвскіі падпісаў наказ про рэфармування ненадійнага корпусу, на аснове якога павінні былі постаты Польшка стрэлецка дывізія та 3-я Кавказка стрэлецка дывізія. На камандні посады ў польскіі дывізііі прызначаліся офіцеры польскіі нацыянальнасці, що служылі ў рільных частынах Румынскага фронту, а офіцеры іншых нацыянальнасцей былі звільнены і відрахованы за штат чынів та до рэзерву Одэскага вільскавага округу. Ніжны чыны теж рэфодільваліся за нацыянальнаю прыналежнасцю: мусульман, українцаў та уродженцаў Кавказу відсылалі до навуотвореных нацыянальных частын, солдатів іншых нацыянальнасцей залышалі на місці до спецыяльнага рэфодраджэння (ДАКО 26: 9–11 зв.; Руккас 2004: 23–24).

На шляху створення польскіих частын постаты дэякі праблемы. Так, нерэальным выяўваліся наказы перадачы майна 166-й дывізііі польшкам внаслідок перадачаснаі іі ліквідатыі, чэрэз що А. Келчэвскіі прыняў рільнення перадачы польскіі дывізііі майно та артылерію 3-й Туркестанскай дывізііі, що перетварувавалася на більшовіцка частыну (ДАКО 34: 125–125 зв.). Не вдалося палонізуваці 183-ю артылерійска брыгаду, що була до таго українізувана і в якой не залышылося більше расійскіих батарей (ДАКО 34: 51, 125). Не вдалося прыняці віддільнені до палонізаціі залізнычны батальёны чэрэз самовільну дэмабілізацію іх солдатів (ДАКО 41: 1, 2 зв., 10).

Однак польска дывізія ІХ арміі швідко збільшувала свій склад. Вже на пачатку місця була створена адін стрэлецкіі полк, кавалерійскіі полк, кілька батарей артылеріі, дві інженерны роты і адну комендантска роту. 25 студня 1917 р. палонізувана 166-а дывізія відправалася до Сорак, щоб стати асновою для 2-га Польшкага корпусу, туды ж 31 студня відправлено парк 2-га стрэлецкага дывізіону (ДАКО 33: 15, 29; ДАКО 34: 7, 27, 53). Однак створення польскіих частын ў арміі не было прыпынено. Протягом січня – лютаго 1918 р. было відано наказы палонізуваці 33-й мортырныі артылерійскіі дывізіон, 22-е і 46-е броньові віддільнення (9-го броньовага дывізіону) під назвою «Першыі польскіі броньовыі аўтамабільныі загін», 4-й аўтамабільныі, 46-й аўтамабільныі санітарныі та 16-й Лондонскіі вільскавыі санітарныі загін («Польшка аўтамабільныі санітарныі загін»), 18-й павітроплавальныі загін, 236-й транспорт (ДАКО 15: 5–6; ДАКО 25: 53, 95; ДАКО 26: 6–6 зв.; ДАКО 31: 262 зв.; ДАКО

32: 14, 15, 27, 29, 38, 42–42 зв., 54; ДАКО 38: 31–33; ДАКО 41: 33). Полонізація частин у армії, що переживала розклад, відбувалася не без проблем: майно броньових відділень (передусім машини) довелося мало не силою відбирати у українізованого 26-го корпусу, до якого вони належали; 33-й дивізіон виявився передчасно розформованим для запобігання розграбування його майна деморалізованими солдатами (ДАКО 41: 48–50; ДАКО 46: 2). Утворення польських частин та підрозділів армії тривало аж до березня 1918 р., наприклад у середині березня розпочато полонізацію 236-го транспорту (ДАКО 26: 16). Лише 19 березня 1918 р. польські частини ІХ армії, сконцентровані у Ботошань, вирушили у місце розташування штабу 2-го Польського корпусу (ДАКО 26: 14).

Крім цих армійських частин, до полонізації передано частини фронтового підпорядкування та гарнізонів: було полонізовано 4-й залізничний батальйон, що належав до військ зв'язку Румунського фронту (РГВИА 1: 17; УТ 1918: 2); 22–23 лютого 1918 р. на з'єднання з польськими частинами у Сороках вирушив польський гарнізон м. Роман (близько 140 осіб) (ДАКО 46: 35). Польські солдати виділялися і з тилових частин і закладів фронту. Для цього були створені етапно-концентраційні пункти у Одесі, Миколаєві, Вознесенську, Кривому Розі, Єлисаветграді, Єкатеринославі, Могилеві, Мелітополі, Микитівці та Умані (ОКВВР 1917: 4), проте через передання полякам двох запасних полків на Румунському фронті пункти виявилися майже непотрібними, через них до місця розташування польських частин прибували лише окремі невеликі підрозділи.

Полонізація багатьох військових частин та з'єднань часто відбувалася не так, як було заплановано, а фактично мала характер виділення поляків до новостворених військових формувань, яким передавалося майно полонізованих частин. Так, штаб 29-го корпусу, що за наказом командування мав бути полонізований, а всі не поляки – звільнені чи переведені до інших частин – продовжував існувати і після наказу про його розформування 23 грудня 1917 р., перетворившись на більшовицьке з'єднання з обраним начальством та «суворими революційними порядками». 4 січня 1918 р. корпус було включено до складу революційної VIII армії (РГВИА 7: 280, 281, 285). Подібним чином відбулася полонізація 2-ї піхотної дивізії, звідки фактично виділили і направили до Роман всіх бажаних поляків (РГВИА 9: 37; РГВИА 10: 627). Отже, полонізація не завжди означала передачу військової частини, з'єднання чи штабу полякам.

8 січня генерал Д. Щербачов наказав звести всі польські національні частини Румунського фронту у 2-й Польський корпус, що підлягав би командуванню фронту, який належало розмістити у Со-

роцькому та Білецькому повітах Бессарабії, де вже перебували штаб 29-го арміяьскаго корпусу, 1-а стрілецька дівізія, 166-а піхотна дівізія та деякі частіні 2-ї стрілецькай дівізіі (ДАКО 33: 87; ДАКО 39: 29; WT 1918: 2). На чолі 2-го Польскаго корпусу став генерал-майор (генерал-підпоручнік за польскаю терміналогією) Сільвестр Станкевіч (ДАКО 33: 85). За наказом Д. Щербачова від 10 січня 1918 р. до корпусу було включено: штаб і управліня колишняго 29-го корпусу, 4-у, 5-у та 6-у польські стрілецькі дівізіі (колишні 1-а стрілецька, 2-а та 166-а піхотні дівізіі) у складі 13–24-го стрілецькіх полків (1–3-я Польські стрілецькі дівізіі з артилерією і 1–12-м стрілецькімі полкамі були у складі 1-го Польскаго корпусу на Західному фронті); 4-а та 5-а польські стрілецькі артилерійські бригади (російські 2-а артилерійська та 1-а стрілецька артилерійська бригади); 4-й та 5-й польські стрілецькі паркові дівізііні (2-й парковий та 1-й стрілецький парковий дівізііні російскай арміі), 2-й польський мортирний дівізііні (колишній 25-й російський); 5-й та 6-й польські уланські полки (зведені з різніх кавалерійскай частіні фронту); 4-й та 5-й польські запасні полки (російські 9-й та 75-й); польську автомобільну роту (російська 3-я автомобільна рота), залізнічний батальйіні (сформований з 4-го російскаго), 2-й польський авіаційний загін (російський 14-й корпусний авіазагін), 2-й польський обозний батальйіні (36-й обозний батальйіні) та інженерну роту при 5-й стрілецькай дівізіі (колишня 52-а саперна рота). Новий корпус мав підпорядковуватися безпосередньо командувачу фронту (ДАКО 37: 17).

Перелічені вище частіні входили у склад корпусу номінально, оскільки деякі існували лише на папері, деякі мали бути сформовані чи полонізовані у майбутньому. Остаточні у складі корпусу опінілася лише одна дівізія (4-а) у складі: 13-го польскаго стрілецькаго полку (полонізований 661-й піхотний Новоселіцький полк, складений з польскай солдатів і офіцерів ІХ арміі), 14-го полку (662-й Дністровський) (Bergel 1921: 19), 15-го та 16-го польскай стрілецькіх полків (з піхотінців Польскаго полку при VIII арміі та іншіх арміі) і 6-батарейна 4-а стрілецька артилерійська бригада (2-а артилерійська бригада ІV арміі та артилерісті різніх арміі) (Kozłowski 1993: 326). Існували також кадри для 5-ї стрілецькай дівізіі (полонізований штаб 2-ї піхотнай дівізіі), до середини лютого 1918 р. у її складі номінально числилися 15-й та 16-й стрілецькі полки, а також 6-ї стрілецькай дівізіі (штаб 166-ї дівізіі), однак для нїх не вистачало людей. З кавалерійскай підрозділів створено два уланські полки, що відповідно до існуючїх та намічених до створення у 1-му Польскаму корпусі отримали нумерацію 5-й і 6-й. Основою 5-го Польскаго уланскаго полку підполковніка С. Сохачевскаго став Польський кавалерійський

полк при VIII армії, що прибув з Могилева (ДАКО 46: 73), ескадрони IX армії та кінний ескадрон армії VI-ї. 6-м уланським полком названо польський дивізіон, створений з військових VI армії, до якого у Кишиневі у лютому 1918 р. приєднався ескадрон з Чорноморського кінного полку. На чолі полку став підполковник С. Грабовський (Hlawaty 1973: 13). У складі корпусу також перебували 2-й інженерний полк (4-а, 5-а та 6-а роти з полонізованих саперних рот IV, VIII та IX армій), окрема кінна батарея, 2-й дивізіон важкої артилерії, окремий парковий дивізіон легкої артилерії, санітарні заклади (полонізовані 335-й рухомий шпиталь і 16-й Лондонський санітарний загін) та допоміжні підрозділи і спеціальні роди зброї (броневих автомобілів, авіація), що їх не було упорядковано у підрозділи в складі корпусу (CAW 1: b. p.; Kozłowski 1993: 326, 330). До кінця лютого 1918 р. частини 2-го Польського корпусу перебували у наступних місцевостях: штаб корпусу та 4-ї дивізії, інтендантське управління, дивізійний шпиталь, 13-й і 15-й стрілецькі полки, 2-й інженерний полк, окрема кінна батарея з запасним піхотним полком – у Сороках, 4-а артилерійська бригада – у с. Бужаровка-Волова, 4-й парковий дивізіон, 16-й стрілецький полк, окремий парковий дивізіон легкої артилерії – у Рублениці, 2-й важкий артилерійський дивізіон з парком – у Христині, 14-й стрілецький полк – у Околіні, 5-й уланський полк був розташований у Воловиці, Парканах, Реді та Черешнівці, 6-й уланський полк і полонізований 37-й передовий перев'язочний загін – у Паковиці, 5-й запасний полк і 3-я автомобільна рота – у Кишиневі та авіаційний загін – у Яссах (Bagiński 1921: 340–341; Руккас 2004: 30). ОВП окремих армій, гарнізонів та частин було ліквідовано з моменту виходу частин до Сорок і приєднання їх до 2-го Польського корпусу, а ОВП Румунського фронту було перетворено на Комісаріат при корпусі (ДАКО 38: 41; ДАКО 39: 128).

Наприкінці січня 1918 р., коли здавалося, що створення 2-го Польського корпусу проходить успішно, було прийнято рішення про початок формування на Румунському фронті корпусу 3-го. Ще 15 грудня 1917 р. було вирішено полонізувати 8-у стрілецьку дивізію, що перебувала у складі військ VI армії, де найменш успішно проходила полонізація, проте ще на 29 січня 1918 р. її не було розпочато (ДАКО 34: 55; РГВИА 2: 559). За наказом, 2-й Польський корпус мав включати три дивізії (подібно до 1-го корпусу), однак людей, установ та полонізованих технічних частин заледве вистачало для 4-ї та 5-ї дивізій, тому від ідеї тридивізійного корпусу скоро відмовилися. У середині лютого командування змушене було відмовитися і від формування 5-ї дивізії.

Управління 6-ї Польської стрілецької дивізії разом з російською

8-ю стрілецькою дівізією було вирішено передати для потреб 3-го Польського корпусу, що мав формуватися з солдатів Південно-Західного фронту. Їх планували розмістити у Білецькому, Сорокському, Ямпільському чи Могилівському повітах (ДАКО 30: 88; ДАКО 43: 49, 58). Оскільки Є. Міхаеліс зволікав з виданням наказу на прийняття цих дівізії, начальник польського району Південно-Західного фронту генерал-підпоручник Едмунд Піотровський взяв справу у свої руки. Він запланував спочатку прийняти матеріальну частину на Румунському фронті, а сформований таким чином корпус перенести на терен VII армії, де він мав бути укомплектований людьми та військовими частинами і підрозділами. Зокрема, з артилерії, що концентрувалася у той час Проскуріві, планувалося сформувати артилерійську бригаду для 8-ї стрілецької дівізії. Запасними полками для 3-го Польського корпусу мали стати 4-й Польський запасний полк у Кишиневі (для 8-ї стрілецької дівізії.) та 5-й Польський запасний полк у Сороках (для 6-ї Польської дівізії) (ДАКО 4: 73 зв., 74; ДАКО 8: 36; ДАКО 30: 105; САУ 3: 77). Заплановано відсилати людей з Південно-Західного фронту групами по 30–50 осіб під командуванням офіцерів, до Кишинева було відправлено кілька офіцерів для прийняття майна 8-ї дівізії і навіть призначено тимчасових начальників і командирів (ДАКО 1: 20; ДАКО 5: 68; ДАКО 30: 93, 95, 107). Однак полонізацію цих двох дівізії було розпочато надто пізно, коли розклад російської армії на Румунському фронті досяг апогею. Навіть прийняти майно чи перенести намічені до полонізації дівізії на терен Південно-Західного фронту не вдалося. Тому створення 3-го Польського корпусу відбувалося на Південно-Західному фронті шляхом утворення польських частин і підрозділів на концентраційних пунктах з солдатів, що внаслідок самовільної демобілізації залишали позиції на фронті.

В лютому - березні 1918 р. російської армії вже не існувало. На відносно організованому Румунському фронті відбулися руйнівні процеси: владу в VIII армії захопили більшовики, невдовзі революційні частини залишають терени Румунії та Бессарабії; у січні 1918 р. відбулося кілька зіткнень армійських корпусів IX армії, що самовільно залишили позиції, з румунськими частинами; після відмови 13 січня 1918 р. Д. Щербачова керувати фронтом через незгоду з проголошенням незалежності Українською Народною Республікою українізовані 10-й та 26-й корпуси відмовилися коритися його наказам (ОЛ 1918: 1; Рябинин-Скляревський 1925: 115; Ковжун 1936: 106). На фронті залишилися лише нечисленні добровольчі частини та національні війська: Українські та Мусульманський корпус генерала-лейтенанта Матвія Сулькевича, які виконували розпорядження національних властей. Таким чином, частини 2-го Польського корпусу стали само-

стійними військами, підлеглими своєму польському командуванню та Інспекторату Польських збройних сил в Україні й фактично вже не належали до російської армії.

Укомплектування 2-го Польського корпусу тривало весь період його існування. На початку 1918 р. чисельність корпусу була дуже низькою, досягши лише 4–5 % від запланованого штатним розписом складу. Протягом листопада 1917 – лютого 1918 р. ледве вдалося організувати кавалерію, частину артилерії та полк інженерії, у той час як піхота мала лише штаби дивізій і полків та величезний табір. Артилерійські частини мали 35–50-відсотковий надлишок у солдатах, проте нестачу фахових офіцерів. У корпусі не було лазаретів, оскільки майно полонізованих дивізійних лазаретів виявилось загубленим через безпорядки на фронті, бракувало медиків, медичних препаратів (ДАКО 42: 82; ДАКО 47: 74, 78; Bergel 1921: 20; Kozłowski 1993: 328). Станом на 14 лютого 1918 р. чисельність частин, що входили до складу 2-го Польського корпусу, складала лише 4339 чол., з них 388 офіцерів (у тому числі 70 офіцерів у т. зв. Рицарському легіоні) (САВ 2: б. р.), і лише 3130 фронтових солдатів, при чому кількість коней (4 387 тис.) перевищувала кількість людей. Таким чином, на час зайняття території Бессарабії військами Австро-Угорщини корпус не перетворився на боєздатне з'єднання, що могло протистояти ворогу.

Командир корпусу С. Станкевич не мав наміру залишати місця розташування корпусу, навіть коли стало відомо, що Румунія зобов'язалася окупувати Бессарабію і ліквідувати там всі національні формування. Командуванням було лише видано наказ вийти з Бессарабії, переправившись на лівий берег Дністра, що відбулося з 8 по 11 березня 1918 р. Становище 2-го Польського корпусу ускладнили солдати Польського допоміжного корпусу австро-угорської армії (колишніх легіонерів бригади Юзефа Галлера), які в ніч з 15 на 16 лютого 1918 р. перейшли фронт під Раранчею біля Чернівців і приєдналися 6 березня 1918 р. до 2-го Польського корпусу, укомплектувавши 5-у Польську стрілецьку дивізію та 6-й Польський уланський полк (Czerer 1988: 135–153). Оскільки в разі потрапляння легіонерів у зону австро-угорської присутності на них чекав трибунал за зраду, вони не могли залишатися на зайнятій австрійцями території і мусили переконати командування корпусу вирушати на схід. Коли австро-угорське командування надіслало вимогу до частин корпусу перейти до району Вінниці і залишатися там, С. Станкевич був близький до виконання вимоги, однак у 2-му Польському корпусі стався переворот, і командування захопила «Головна військова рада», складена переважно з колишніх легіонерів, яка обрала на посаду командувача корпусом полковника Юзефа Галлера. Під його керівництвом

2-й Польський корпус почав відступати на схід, дійшовши у квітні 1918 р. до району Канева, де після бою з німецькою армією був 12 травня 1918 р. роззброєний (Папакін 2007: 110–115; Папакін 2014: 32–35).

Таким чином, утворення польських формувань на Румунському фронті, що розпочалося у листопаді 1917 р. шляхом полонізації (заміни непольського особового складу поляками і перейменування військових частин), приносило непогані результати, порівняно з сусіднім Південно-Західним фронтом. Однак через розпад російської армії, що на початку 1918 р. досяг апогею, протидію створенню польських частин з боку більшовиків, що поступово захоплювали владу в з'єднаннях і частинах фронту та їхню агітацію серед польських солдатів чисельність 2-го Польського корпусу залишалася низькою. Політична ситуація, що призвела до зайняття Бессарабії румунською армією і введення до України військ Австро-Угорщини та Німеччини, призвела до ліквідації корпусу у травні 1918 р.

ЛІТЕРАТУРА

Бумеранг братання 1997 – Бумеранг братання (публікація С.Н. Базанова, А.В. Пронина) // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 34–41.

Голуб 1958 – Голуб П. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 года – февраль 1918 года). Киев: Государственное издательство политической литературы УССР, 1958. 254 с.

ДАКО 1 – Державний архів Київської області (ДАКО). Ф. 1787. О. 1. С. 1. Накази по управлінню Головного командування польськими легіонами. 28 грудня 1917 – 31 березня 1918 р. 22 арк.

ДАКО 2 – ДАКО. Ф. 1787. О. 1. С. 2. Відозви і листування з головним комітетом Об'єднання військових поляків у Росії в Петрограді про формування польських частин. 3 вересня 1917 – 21 січня 1918 р. 345 арк.

ДАКО 3 – ДАКО. Ф. 1787. О. 1. С. 3. Протоколи засідань польського комітету 33-го корпусу. 9 грудня 1917 – 14 січня 1918 р. 120 арк.

ДАКО 4 – ДАКО. Ф. 1787. О. 1. С. 23. Інструкції, рапорти і листування з етапно-вербувальними бюро про їх роботу. Березень – квітень 1918 р. 87 арк.

ДАКО 5 – ДАКО. Ф. 1787. О. 2. С. 2. Листування з військовими частинами про формування польських частин. 20 листопада – 29 березня 1918 р. 230 арк.

ДАКО 6 – ДАКО. Ф. 1787. О. 2. С. 4. Листування з польським комітетом про формування польських частин. Листопад 1917 – березень 1918 р. 144 арк.

ДАКО 7 – ДАКО. Ф. 1787. О. 2. С. 5. Листування з військовими частинами та польськими комітетами про формування польських легіонів. Грудень 1917 – січень 1918 рр. 124 арк.

ДАКО 8 – ДАКО. Ф. 1787. О. 2. С. 8. Листування з польськими комітетами про формування польських легіонів. Січень 1918 р. 101 арк.

ДАКО 9 – ДАКО. Ф. 1787. О. 3. С. 1. Накази, протоколи засідань комітету, листування з військовими частинами та військовослужбовцями про формування польських військ. Травень – грудень 1917 р. 536 арк.

ДАКО 10 – ДАКО. Ф. 1787. О. 3. С. 2. Накази по IV армії, список частин армії та листування з військовими частинами про формування польських легіонів. Серпень 1917 – лютий 1918 рр. 77 арк.

ДАКО 11 – ДАКО. Ф. 1787. О. 3. С. 3. Накази комітету Об'єднання військових поляків IV армії. 11–31 грудня 1917 р. 16 арк.

ДАКО 12 – ДАКО. Ф. 1787. О. 3. С. 8. Заклики Центральної ради та накази командування IV армії. 24 листопада 1917 – 15 січня 1918 рр. 69 арк.

ДАКО 13 – ДАКО. Ф. 1787. О. 3. С. 9. Матеріали 2-го з'їзду Об'єднання військових поляків IV армії. 12–15 жовтня 1917 р. 118 арк.

ДАКО 14 – ДАКО. Ф. 1787. О. 3. С. 17. Листування з польськими комітетами про формування польських легіонів. Травень 1917 – січень 1918 рр. 247 арк.

ДАКО 15 – ДАКО. Ф. 1787. О. 3. С. 18. Телеграми польських комітетів та військових частин про формування польських легіонів. Грудень 1917 – 17 січня 1918 рр. 206 арк.

ДАКО 16 – ДАКО. Ф. 1787. О. 3. С. 20. Листування з польськими комітетами та військовими частинами про формування польських легіонів. Червень – грудень 1917 р. 106 арк.

ДАКО 17 – ДАКО. Ф. 1787. О. 3. С. 21. Телеграми польського комітету IV армії. Грудень 1917 – січень 1918 р. 138 арк.

ДАКО 18 – ДАКО. Ф. 1787. О. 3. С. 22. Листування з польськими комітетами IV армії про формування польських легіонів. 15 грудня 1917 – 21 січня 1918 р. 375 арк.

ДАКО 19 – ДАКО. Ф. 1787. О. 4. С. 1. Постанови з'їздів військових поляків VIII армії, листування з військовими частинами та ін. матеріали про формування польських частин. 2 липня 1917 – 18 січня 1918 р. 75 арк.

ДАКО 20 – ДАКО. Ф. 1787. О. 4. С. 2. Постанови 1-го з'їзду військових поляків Румунського фронту та листування з військовими частинами про формування польських легіонів. 4 жовтня 1917 – 21 січня 1918 р. 57 арк.

ДАКО 21 – ДАКО. Ф. 1787. О. 4. С. 6. Листування з командуванням Південно-Західного фронту та VIII армією про взаємовідносини польських військ з загальновійськовим командуванням. 6 червня 1917 – 5 січня 1918 р. 151 арк.

ДАКО 22 – ДАКО. Ф. 1787. О. 4. С. 7. Листування з військовими частинами та ін. матеріали про діяльність Об'єднання військових поляків VIII армії. 2 липня 1917 – 9 січня 1918 р. 131 арк.

ДАКО 23 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 2. Постанови 1-го з'їзду військових поляків Румунського фронту. 23 листопада – 2 грудня 1917 р. 4 арк.

ДАКО 24 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 3. Матеріали 1-го з'їзду військових поляків IX армії. Травень 1917 р. 50 арк.

ДАКО 25 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 4. Заклік камітету вайсковых поляків ІХ арміі та лістунання з частінамі про укомплектування польскіх частін. 22 вересня 1917 – 23 лютаго 1918 р. 127 арк.

ДАКО 26 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 5. Наказі камандувача ІХ армією, польскаго комісара ІХ арміі, начальніка гарнізону м. Ботушані. 30 серпня 1917 – 12 березня 1918 р. 16 арк.

ДАКО 27 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 6. Протоколі засідань камітету, заклікі та лістунання з вайсковімі частінамі про фармування польскіх легіонів. Ліпень – грудень 1917 р. 187 арк.

ДАКО 28 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 7. Протоколі засідань армііскіх і дівізійніх польскіх камітетів, пасвідчэння вайсковослужбовців. 16–22 грудня 1917 р. 66 арк.

ДАКО 29 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 14. Лістунання з камітетамі Об'яднання вайсковых поляків ІХ арміі про фармування польскіх частін. 25 травня – 11 грудня 1917 р. 102 арк.

ДАКО 30 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 17. Лістунання з вайсковімі частінамі Румунскаго фронту про фармування польскіх частін. Грудень 1917 – січень 1918 р. 145 арк.

ДАКО 31 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 18. Лістунання з вайсковімі частінамі про фармування та постачання польскіх легіонів. 4 травня 1917 – 8 лютаго 1918 р. 500 арк.

ДАКО 32 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 19. Лістунання зі штабом ІХ арміі та вайсковімі частінамі про фармування польскіх легіонів. 21 грудня 1917 – 19 лютаго 1918 р. 68 арк.

ДАКО 33 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 20. Телеграмі штабу Румунскаго фронту, польскіх камітетів ін. фронтів та ін. матэрыялі про становішце та фармування польскіх частін. 9 грудня 1917 – 23 чэрвеня 1918 р. 112 арк.

ДАКО 34 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 21. Телеграмі та павідомлення комісара Цэнтральнай рады на Румунскаму фронці про фармування нацыянальных частін, про палітыку Цэнтральнай рады та ін. пытаньня. Грудень 1917 – січень 1918 р. 164 арк.

ДАКО 35 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 23. Рапарты, пасвідчэння вайсковых поляків, Травень 1917 – травень 1918 р. 256 арк.

ДАКО 36 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 32. Постановы з'їзду, бюлетені та ін. матэрыялі дзяльнасці камітету Об'яднання вайсковых поляків ІХ арміі. 3–9 січня 1918 р. 51 арк.

ДАКО 37 – ДАКО. Ф. 1787. О. 5. С. 33. Лістунання з вайсковімі частінамі про фармування польскіх легіонів. Січень – люты 1918 р. 146 арк.

ДАКО 38 – ДАКО. Ф. 1787. О. 6. С. 1. Наказі та циркуляры штабу Румунскаго фронту. Грудень 1917 – січень 1918 р. 49 арк.

ДАКО 39 – ДАКО. Ф. 1787. О. 6. С. 3. Протоколі засідань камітету. 3 грудня 1917 – 14 березня 1918 р. 134 арк.

ДАКО 40 – ДАКО. Ф. 1787. О. 6. С. 5. Матеріали 1-го з'їзду військових поляків Румунського фронту. 7 грудня 1917 р. 42 арк.

ДАКО 41 – ДАКО. Ф. 1787. О. 6. С. 8. Листування з польськими комітетами про формування польських легіонів. Грудень 1917 – січень 1918 р. 115 арк.

ДАКО 42 – ДАКО. Ф. 1787. О. 6. С. 10. Листування з польськими комітетами про формування польських легіонів. Грудень 1917 – серпень 1918 р. 132 арк.

ДАКО 43 – ДАКО. Ф. 1787. О. 6. С. 11. Листування з польськими комітетами фронтів та Головним польським комітетом про формування польських легіонів і про взаємовідносини Об'єднання військових поляків з командуванням російської армії. Грудень 1917 – лютий 1918 р. 97 арк.

ДАКО 44 – ДАКО. Ф. 1787 О. 6. С. 13. Листування з польськими комітетами та військовими частинами про формування польських легіонів. Наявні газети польських комітетів. Грудень 1917 – лютий 1918 р. 61 арк.

ДАКО 45 – ДАКО. Ф. 1787. О. 6. С. 18. Листування з польськими комітетами про формування польських легіонів. Січень – березень 1918 р. 89 арк.

ДАКО 46 – ДАКО. Ф. 1787. О. 6. С. 19. Листування з військовими частинами та польськими комітетами про формування 2-го Польського корпусу. Лютий – березень 1918 р. 86 арк.

ДАКО 47 – ДАКО. Ф. 1787. О. 6. С. 20. Листування з польськими комітетами про укомплектування польських легіонів медичним персоналом. Січень – лютий 1918 р. 268 арк.

Залесский 2000 – *Залесский К.А.* Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. 576 с.

Истрати 1973 – *Истрати Е.Н.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. Кишинев: Штиинца, 1973. 148 с.

Истрати 1988 – *Истрати Е.Н.* Большевики Румынского фронта в борьбе против империалистической войны // Революционное движение в русской армии в 1917 году: Сборник статей. М.: Наука, 1988. С. 110–118.

Ковжун 1936 – *Ковжун П.* Спроба організації українського легіону на боці Антанти. (Спогад) // Историчний календар-альманах «Червоної Калини» на 1937 рік. Львів: Червона Калина, 1936. С. 104–107.

ОЛ 1918 – Одесский листок. 1918. № 54. 27 (14) марта.

Папакін 2004 – *Папакін А.Г.* Створення польських військових формувань у складі російської армії під час Першої світової війни // Наука. Релігія. Суспільство. 2004. № 4. С. 32–43.

Папакін 2007 – *Папакін А.* 2-й Польський корпус в Україні (березень – травень 1918 р.) // Вісник Київського славістичного університету. Серія «Історія». 2007. № 32. С. 106–115.

Папакін 2014 – *Папакін А.* Останній польський бій на східноєвропейському театрі воєнних дій Першої світової війни – Канів, 11 травня 1918 рр. // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Історія». 2014. № 3 (121). С. 32–35.

РГВИА 1 – Російскі дзяржаўны военна-історычны архіў, г. Москва (РГВИА). Ф. 2085. О. 2. Д. 128. Перапіска о нацыяналізацыі частей фронту, фарміраванні рускіх і добравольчэскіх брыгад. 14–21 декабря 1917 г. 228 л.

РГВИА 2 – РГВИА. Ф. 2126. О. 1. Д. 217. Сведзенія о боевым складзе і боевыя распісанія войск арміі. 9 ноября 1917 – 3 января 1918 г. 366 л.

РГВИА 3 – РГВИА. Ф. 2126. О. 1. Д. 233. Данасенія і распаражэння частей войск арміі. 2 декабря 1917 – 22 февраля 1918 г. 444 л.

РГВИА 4 – РГВИА. Ф. 2126. О. 1. Д. 663. Перапіска со штабамі ваіньскіх частей і салдат о іх нацыяналізацыі. 8 октября 1917 – 4 января 1918 г. 58 л.

РГВИА 5 – РГВИА. Ф. 2134. О. 6. Д. 128. Пратокол засяданій Савета, Военно-рэвалюцыйнага і Ісполніцельнага камітэтаў штаба VIII арміі о рэарганізацыі камітэтаў і палажэнні VIII арміі ў сувязі с вторжэннем Румыніі і польскіх войск. 23 января – 2 февраля 1918 г. 17 л.

РГВИА 6 – РГВИА. Ф. 2134. Оп. 6. Д. 1309. Прыказы VIII арміі і перапіска о фарміраванні польскіх частей. 18 октября 1917 – 16 марта 1918 г. 177 л.

РГВИА 7 – РГВИА. Ф. 2236. О. 1. Д. 1066. Прыказы по 29-му армейскому корпусу. 30 января 1917 – 6 января 1918 г. 285 л.

РГВИА 8 – РГВИА. Ф. 2244. О. 1. Д. 551. Сабшчэнне военна-рэвалюцыйнага камітэта VIII арміі о ўнутрэннепалітычэскім палажэнні ў краіне і сводкі штабаў дывізіяў, ўваходзячых ў склад корпуса, о палітычэскіх настроеннях ў войсках. 1–10 февраля 1918 г. 135 л.

РГВИА 9 – РГВИА. Ф. 2332. О. 1. Д. 6. Пратоколы засяданій дывізіянага камітэта і засяданія прадстаўніцтва камітэтаў частей 2-й пехотной дывізіі. 28 ноября 1917 – 2 февраля 1918 гг. 49 л.

РГВИА 10 – РГВИА. Ф. 2332. О. 1. Д. 279. Прыказы по 2-й пехотной дывізіі. 1 января 1917 [22 февраля 1918] гг. 653 л.

Рэвалюцыйнае дзвіжэнне 1968 – Рэвалюцыйнае дзвіжэнне ў рускай арміі. 27 февраля – 24 октября 1917 года: зборнік дакументаў / Под ред. Л.С. Гапоненко. М.: Наука, 1968. 622 с.

Россия в мировой войне 1925 – Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. 103 с.

Руккас 2004 – Руккас А.О. Створення польскіх нацыянальных частін на Румыньскім фронце (лістапад 1917 р. – березень 1918 р.) // Над Дніпром і Віслою. Матэрыялы міжнароднага навуковага канферэнцыі «Україна і Польша ў вызвольных змаганнях XIX – пачатку XX ст.». Київ, 2004. С. 18–36.

Рябінін-Склярэвскі 1925 – Рябінін-Склярэвскі А. Оккупацыя Бессарабіі Румыніяй // Летопись революции. 1925. № 1 (10). С. 97–138.

Хохлов 1987 – Хохлов Т.М. За ўладу Рад // Удні Жовтня. Спогады ўчаснікў барацьбы за ўладу Рад на Украіне. Київ: Выдавецтва палітычнага літэратуры Украіны, 1987. С. 562–577.

Френкін 1965 – Френкін М.С. Рэвалюцыйнае дзвіжэнне на Румыньскім

фронте. 1917 г. – март 1918 г. Солдаты 8-й армии Румынского фронта в борьбе за мир и власть Советов. М.: Наука, 1965. 368 с.

Bagiński 1921 – *Bagiński H.* Wojsko Polskie na Wschodzie. 1914–1920. Warszawa: Główna Księgarnia wojskowa, 1921. 598 + IX s.

Bergel 1921 – *Bergel R.* Dzieje II Korpusu polskiego. Warszawa: Główna Księgarnia wojskowa, 1921. 64 s.

CAW 1 – Centralne Archiwum Wojskowe, Warszawa. I.122.71.1. Oddział Sztabu Generalnego dowództwa II Korpusu Wojsk Polskich. Kwiecień – maj 1918 r.

CAW 2 – CAW. I.122.72.1. Akta. Kwiecień – sierpień 1918 r.

CAW 3 – CAW. I.122.72.8. Odpisy akt dotyczących się oddziałów polskich na Ukrainie, sporządzone przez Komisję Likwidacyjną-Rewizyjną Wojsk Polskich na Ukrainie. Grudzień 1917 – marzec 1918 r.

CAW 4 – CAW. I.122.95.6. Rozkazy komendanta Polskich Sił Zbrojnych rejonu Bessarabii (Kiszyniów). 20 grudnia 1917 r.

CAW 5 – CAW. I.122.99.52. Korespondencja z frontem Południowo-Zachodnim. Listopad 1917 – styczeń 1918 r.

Czerep 1988 – *Czerep S.* Bój II Brygady Legionów pod Rarańczą z 15 na 16 lutego 1918 r. // Zeszyty naukowe filii UW w Białymstoku. 1988. Zeszyt 60. Humanistyka. T. XI. Dział H – Prace Historyczne. S. 135–153.

Hlawaty 1973 – *Hlawaty A.* Dzieje 6 pułku ułanów Kaniowskich. Londyn: Wydawnictwo «Przeglądu Kawalerii i Broni Pancerne» 1973. 148 s.

Kozłowski 1993 – *Kozłowski W.* Artyleria polskich formacji wojskowych podczas I wojny światowej. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1993. 491 s.

Michaelis 1929 – *de Henning-Michaelis E.* Burza dziejowa. Część III. W zamęcie. Przyczynki do historii formacji polskich w Rosji 1917–1918. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1929. 190 s.

OKWWP 1917 – Okolnik Komitetu Wykowawczego Wojskowych Polaków frontu południowo-zachodniego. Żytomierz, 1917. № 1. 19 grudnia.

WT 1918 – Wiadomości Tygodniowe. Botoszany, 1918. № 2. 12 stycznia.

Wrzosek 1969 – *Wrzosek M.* Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917–1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1969. 366 s.

Wrzosek 1972 – *Wrzosek M.* Polskie rewolucyjne formacje wojskowe w Rosji w latach 1917–1920 // Historia wojskowości polskiej. Wybrane zagadnienia. Warszawa: MON, 1972. S. 310–322.

REFERENCES

Bazanov, S.N. & Pronin, A.V. (1997) Bumerang brataniya [The boomerang of fraternization]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 1. pp. 34–41.

Golub, P. (1958) *Soldatskie massy Yugo-Zapadnogo fronta v bor'be za vlast' Sovetov (mart 1917 goda – fevral' 1918 goda)* [Soldiers of the South-Western

Front in the struggle for the Soviet power (March 1917 – February 1918)]. Kyiv: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury USSR.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO1). *Nakazi po upravlinnyu Golovnogo komanduvannya pol's'kimi legionami. 28 grudnya 1917 – 31 bereznya 1918 r.* [Orders for the management of the Head command of the Polish Legions]. Fund 1787. List 1. File 1.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO2). *Vidozvi i listuvannya z glavnyim komitetom Ob'ednannya viys'kovikh polyakiv u Rosii v Petrogradi pro formuvannya pol's'kikh chastin. 3 veresnya 1917 – 21 sichnya 1918 r.* [References and correspondence with the main committee of the Union of Military Poles in Russia in Petrograd on the formation of Polish units. September 3, 1917 – January 21, 1918]. Fund 1787. List 1. File 2.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO3). *Protokoli zasidan' pol's'kogo komitetu 33-go korpusu. 9 grudnya 1917 – 14 sichnya 1918 r.* [Minutes of the meetings of the Polish Committee of the 33rd Corps. December 9, 1917 – January 14, 1918]. Fund 1787. List 1. File 3.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO4). *Instruktsii, raporti i listuvannya z etapno-verbuval'nimi byuro pro ikh robotu. Berezen' – kviten' 1918 r.* [Instructions, reports and correspondence with station-recruitment offices about their work]. Fund 1787. List 1. File 23.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO5). *Listuvannya z viys'kovimi chastinami pro formuvannya pol's'kikh chastin. 20 listopada – 29 bereznya 1918 r.* [Correspondence with the military units on the formation of Polish units. November 20 – March 29, 1918]. Fund 1787. List 2. File 2.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO6). *Listuvannya z pol's'kim komitetom pro formuvannya pol's'kikh chastin. Listopad 1917 – berezen' 1918 r.* [Correspondence with the Polish Committee on the formation of Polish units. November 1917 – March 1918]. Fund 1787. List 2. File 4.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO7). *Listuvannya z viys'kovimi chastinami ta pol's'kimi komitetami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. Gruden' 1917 – sichen' 1918 rr.* [Correspondence with the military units and Polish committees on the formation of Polish legions. December 1917 – January 1918]. Fund 1787. List 2. File 5.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO8). *Listuvannya z pol's'kimi komitetami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. Sichen' 1918 r.* [Correspondence with Polish committees on the formation of Polish legions. January 1918]. Fund 1787. List 2. File 8.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO9). *Nakazi, protokoli zasidan' komitetu, listuvannya z viy-s'kovimi chastinami ta viys'kovosluzhbovtsyami pro formuvannya pol's'kikh viys'k. Traven' – gruden' 1917 r.* [Orders, minutes of committee meetings, correspondence with military units and troops on the formation of Polish troops. May – December 1917]. Fund 1787. List 3. File 1.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO10). *Nakazi po IV armii, spisok chastin*

armii ta listuvannya z viys'kovimi chastinami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. Serpen' 1917 – lyutyi 1918 rr. [Orders for the IV Army, the list of units of the army and correspondence with the military units on the formation of Polish legions. August 1917 – February 1918]. Fund 1787. List 3. File 2.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO11). *Nakazi komitetu Ob'ednannya viys'kovikh polyakiv IV armii. 11–31 grudnya 1917 r.* [Orders of the Union of Military Poles of the Fourth Army. December 11–31, 1917]. Fund 1787. List 3. File 3.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO12). *Zakliki Tsentral'noi radi ta nakazi komanduvannya IV armii. 24 listopada 1917 – 15 sichnya 1918 rr.* [The Appeals of the Central Council and the Orders of the command of the Fourth Army. November 24, 1917 – January 15, 1918]. Fund 1787. List 3. File 8.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO13). *Materiali 2-go z'izdu Ob'ednannya viys'kovikh polyakiv IV armii. 12–15 zhovtnya 1917 r.* [Materials of the Second Congress of the Union of Military Poles of the Fourth Army. 12–15 October 1917]. Fund 1787. List 3. File 9.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO14). *Listuvannya z pol's'kimi komitetami pro formuvan-nya pol's'kikh legioniv. Traven' 1917 – sichen' 1918 rr.* [Correspondence with Polish committees on the formation of Polish legions. May 1917 – January 1918]. Fund 1787. List 3. File 17.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO15). *Telegrami pol's'kikh komitetiv ta viys'kovikh chastin pro formuvannya pol's'kikh legioniv. Gruden' 1917 – 17 sichnya 1918 rr.* [Telegrams of Polish committees and military units on the formation of Polish legions. December 1917 – January 17, 1918]. Fund 1787. List 3. File 18.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO16). *Listuvannya z pol's'kimi komitetami ta viys'kovimi chastinami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. Cherven' – gruden' 1917 r.* [Correspondence with Polish committees and military units on the formation of Polish legions. June – December 1917]. Fund 1787. List 3. File 20.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO17). *Telegrami pol's'kogo komitetu IV armii. Gruden' 1917 – sichen' 1918 r.* [Telegrams of the Polish Committee of the Fourth Army]. Fund 1787. List 3. File 21.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO18). *Listuvannya z pol's'kimi komitetami IV armii pro formuvannya pol's'kikh legioniv. 15 grudnya 1917 – 21 sichnya 1918 r.* [Correspondence with Polish committees of the IV Army on the formation of Polish legions. December 15, 1917 – January 21, 1918]. Fund 1787. List 3. File 22.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO19). *Postanovi z'izdiv viys'kovikh polyakiv VIII armii, listuvannya z viys'kovimi chastinami ta in. materiali pro formuvannya pol's'kikh chastin. 2 lipnya 1917 – 18 sichnya 1918 r.* [Orders of the Congresses of military Poles of the Eighth Army, correspondence with military units, and other materials on the formation of Polish units]. Fund 1787. List 4. File 1.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO20). *Postanovi 1-go z'izdu viys'kovikh polyakiv Rumuns'kogo frontu ta listuvannya z viys'kovimi chastinami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. 4 zhovtnya 1917 – 21 sichnya 1918 r.* [Decisions of the 1st Congress of the Poles of the Romanian Front and correspondence with the military units on the formation of the Polish Legions]. Fund 1787. List 4. File 2.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO21). *Listuvannya z komanduvannyam Pivdenno-Zakhidnogo frontu ta VIII armieyu pro vzaemovidnosini pol's'kikh viys'k z zagal'noviys'kovim komanduvannyam. 6 chervnya 1917 – 5 sichnya 1918 r.* [Correspondence with the Command of the Southwest Front and the VIII Army on the Relationship of the Polish Armed Forces with the General Military Command]. June 6, 1917 – January 5, 1918]. Fund 1787. List 4. File 6.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO22). *Listuvannya z viys'kovimi chastinami ta in. materialy pro diyal'nist' Ob'ednannya viys'kovikh polyakiv VIII armii. 2 lipnya 1917 – 9 sichnya 1918 r.* [Correspondence with military units and other materials about the activities of the Unions of Military Poles of the VIII Army. July 2, 1917 – January 9, 1918]. Fund 1787. List 4. File 7.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO23). *Postanovi 1-go z'izdu viys'kovikh polyakiv Rumuns'kogo frontu. 23 listopada – 2 grudnya 1917 r.* [Decisions of the 1st Congress of the Poles of the Romanian Front. November 23 – December 2, 1917]. Fund 1787. List 5. File 2.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO24). *Materialy 1-go z'izdu viys'kovikh polyakiv IX armii. Traven' 1917 r.* [Materials of the 1st congress of military Poles of the IX Army]. Fund 1787. List 5. File 3.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO25). *Zaklik komitetu viys'kovikh polyakiv IKH armii ta listuvannya z chastinami pro ukomplektuvannya pol's'kikh chastin. 22 veresnya 1917 – 23 lyutogo 1918 r.* [Appeal of the Committee of the Military Poles of the IX Army and correspondence with units on the staffing of the Polish units]. Fund 1787. List 5. File 4.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO26). *Nakazi komanduvacha IX armieyu, pol's'kogo komisara IX armii, nachal'nika garnizonu m. Botushani. 30 serpnya 1917 – 12 bereznya 1918 r.* [The orders of the commander of the IX Army, the Polish commissar of the IX Army, the head of the garrison of Botoșani]. Fund 1787. List 5. File 5.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO27). *Protokoli zasidan' komitetu, zakliki ta listuvannya z viys'kovimi chastinami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. Lipen' – gruden' 1917 r.* [Minutes of committee meetings, appeals and correspondence with military units on the formation of Polish legions]. Fund 1787. List 5. File 6.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO28). *Protokoli zasidan' armiys'kikh i diviziynikh pol's'kikh komitetiv, posvidchennya viys'kovosluzhbovtziv. 16 – 22 grudnya 1917 r.* [Protocols of the meetings of the Army and Divisional Polish Committees, the IDs of servicemen. December 16 – 22, 1917]. Fund 1787.

List 5. File 7.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO29). *Listuvannya z komitetami Ob'ednannya viys'kovikh polyakiv IX armii pro formuvannya pol's'kikh chastin. 25 travnya – 11 grudnya 1917 r.* [Correspondence with Committees of the Military Poles of the IX Army on the formation of Polish units. May 25 – December 11, 1917]. Fund 1787. List 5. File 14.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO30). *Listuvannya z viys'kovimi chastinami Rumuns'kogo frontu pro formuvannya pol's'kikh chastin. Gruden' 1917 – sichen' 1918 r.* [Correspondence with the military units of the Romanian Front on the formation of Polish units]. Fund 1787. List 5. File 17.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO31). *Listuvannya z viys'kovimi chastinami pro formuvannya ta postachannya pol's'kikh legioniv. 4 travnya 1917 – 8 lyutogo 1918 r.* [Correspondence with military units on the formation and supply of Polish legions. May 4, 1917 – February 8, 1918]. Fund 1787. List 5. File 18.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO32). *Listuvannya zi shtabom IX armii ta viys'kovimi chastinami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. 21 grudnya 1917 – 19 lyutogo 1918 r.* [Correspondence with the staff of the IX Army and military units on the formation of Polish legions. December 21, 1917 – February 19, 1918]. Fund 1787. List 5. File 19.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO33). *Telegrami shtabu Rumuns'kogo frontu, pol's'kikh komitetiv in. frontiv ta in. materiali pro stanovishche ta formuvannya pol's'kikh chastin. 9 grudnya 1917 – 23 chervnya 1918 r.* [Telegrams of the headquarters of the Romanian Front, Polish Committees of other fronts and other materials on the situation and the formation of Polish units. December 9, 1917 – June 23, 1918]. Fund 1787. List 5. File 20.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO34). *Telegrami ta povidomlennya komisara Tsentral'noi radi na Rumuns'komu fronti pro formuvannya natsional'nikh chastin, pro politiku Tsentral'noi radi ta in. pitannya. Gruden' 1917 – sichen' 1918 r.* [Telegrams and messages from the Central Rada's commissar to the Romanian Front on the formation of national units, on the policy of the Central Rada, etc. December 1917 – January 1918]. Fund 1787. List 5. File 21.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO35). *Raporti, posvidchennya viys'kovikh polyakiv, Traven' 1917 – traven' 1918 r.* [Reports, IDs of military Poles, May 1917 – May 1918]. Fund 1787. List 5. File 23.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO36). *Postanovi z'izdu, byuleteni ta in. materiali diyal'nosti komitetu Ob'ednannya viys'kovikh polyakiv IX armii. 3–9 sichnya 1918 r.* [Congressional resolutions, ballot papers, other materials of activity of the Committee of the Union of Military Poles of the IX Army]. Fund 1787. List 5. File 32.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO37). *Listuvannya z viys'kovimi chastinami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. Sichen' – lyutiy 1918 r.*

[Correspondence with military units on the formation of Polish legions. January – February 1918]. Fund 1787. List 5. File 33.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO38). *Nakazi ta tsirkulyari shtabu Rumuns'kogo frontu. Gruden' 1917 – sichen' 1918 r.* [Orders and Circulars of the Romanian Front Headquarters. December 1917 – January 1918]. Fund 1787. List 6. File 1.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO39). *Protokoli zasidan' komitetu. 3 grudnya 1917 – 14 bereznya 1918 r.* [Minutes of committee meetings. December 3, 1917 – March 14, 1918]. Fund 1787. List 6. File 3.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO40). *Materiali 1-go z'їzdu viys'kovikh polyakiv Rumuns'kogo frontu. 7 grudnya 1917 r.* [Materials of the 1st Congress of military Poles in Romanian Front. December 7, 1917]. Fund 1787. List 6. File 5.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO41). *Listuvannya z pol's'kimi komitetami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. Gruden' 1917 – sichen' 1918 r.* [Correspondence with Polish committees on the formation of Polish legions. December 1917 – January 1918]. Fund 1787. List 6. File 8.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO42). *Listuvannya z pol's'kimi komitetami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. Gruden' 1917 – serpen' 1918 r.* [Correspondence with Polish committees on the formation of Polish legions. December 1917 – August 1918]. Fund 1787. List 6. File 10.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO43). *Listuvannya z pol's'kimi komitetami frontiv ta Golovnim pol's'kim komitetom pro formuvannya pol's'kikh legioniv i pro vzaemovidnosini Ob'ednannya viys'kovikh polyakiv z komanduvannyam rosiys'koї armii. Gruden' 1917 – lyutiy 1918 r.* [Correspondence with the Polish Front Committees and the Main Polish Committee on the Formation of Polish Legions and the Relationship of the Union of Military Poles with the Command of the Russian Army]. Fund 1787. List 6. File 11.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO44). *Listuvannya z pol's'kimi komitetami ta viys'kovimi chastinami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. Nayavni gazetiv pol's'kikh komitetiv. Gruden' 1917 – lyutiy 1918 r.* [Correspondence with Polish committees and military units on the formation of Polish legions. Newspapers of Polish committees. December 1917 – February 1918]. Fund 1787 List 6. File 13.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO45). *Listuvannya z pol's'kimi komitetami pro formuvannya pol's'kikh legioniv. Sichen' – berezen' 1918 r.* [Correspondence with Polish committees on the formation of Polish legions. January – March 1918]. Fund 1787. List 6. File 18.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO46). *Listuvannya z viys'kovimi chastinami ta pol's'kimi komitetami pro formuvannya 2-go Pol's'kogo korpusu. Lyutiy – berezen' 1918 r.* [Correspondence with the military units and Polish committees on the formation of the 2nd Polish Corps. February – March 1918]. Fund 1787. List 6. File 19.

The State Archive of Kyiv Region (DAKO47). *Listuvannya z pol's'kimi komitetami*

pro ukomplektuvannya pol's'kikh legioniv medichnim personalom. Sichen' – lyutiy 1918 r. [Correspondence with Polish committees on the staffing of Polish legions by medical staff. January – February 1918]. Fund 1787. List 6. File 20.

Zaleskiy, K.A. (2000) *Pervaya mirovaya voyna. Biograficheskii entsiklopedicheskiy slovar'* [First World War. Biographical Encyclopedia Dictionary]. Moscow: Veche.

Istrati, E.N. (1973) *Demokraticheskoe dvizhenie za mir na Rumynskom fronte v 1917 godu* [The Democratic Movement for Peace at the Romanian Front in 1917]. Chişinău: Ştiinţa.

Istrati, E.N. (1988) Bol'sheviki Rumynskogo fronta v bor'be protiv imperialisticheskoy voyny [Bolsheviks of the Romanian front in the struggle against the Imperialist War]. In: Gaponenko, L.S. (ed.) *Revolutsionnoe dvizhenie v russkoy armii v 1917 godu* [Revolutionary movement in the Russian army in 1917]. Moscow: Nauka. pp. 110–118.

Kovzhun, P. (1918) Sproba orranizatsii ukraïns'kogo legionu na botsi Antanti [An attempt to organize the Ukrainian legion on the side of the Entente]. In: *Istoričniy kalendar-al'manakh "Chervonoï Kalini" na 1937 rik* [Historical Almanac "Red Kalina" in 1937]. Lviv: Chervona Kalina. pp. 104–107.

Odesskiy listok. (1918) 27th (14th) March.

Papakin, A.G. (2004) Stvorenniya pol's'kikh viys'kovikh formuvan' u skladi rosiys'koï armii pid chas Pershoï svitovoï viyni [Polish military formations in the Russian army during the First World War]. *Nauka. Religiya. Suspil'stvo.* 4. pp. 32–43.

Papakin, A. (2007) 2-y Pol's'kiy korpus v Ukraïni (berezen' – traven' 1918 r.) [The 2nd Polish Corps in Ukraine (March–May 1918)]. *Visnik Kiïvs'kogo slavistichnogo universitetu. Seriya "Istoriya"*. 32. pp. 106–115.

Papakin, A. (2014) Ostanniy pol's'kiy biy na skhidnoevropeys'komu teatri voennikh diy Pershoï svitovoï viyni – Kaniv, 11 travnya 1918 rr. [The last Polish battle at the East European theater of hostilities of the First World War – Kaniv, May 11, 1918]. *Visnik Kiïvs'kogo slavistichnogo universitetu. Seriya "Istoriya"*. 3 (121). pp. 32–35.

The Russian State Military-Historical Archive (RGVIA1). *Perepiska o natsionalizatsii chastey fronta, formirovanii russkikh i dobrovol'cheskikh brigad. 14–21 dekabrya 1917 g.* [Correspondence on the nationalization of parts of the front, the formation of Russian and voluntary brigades. December 14–21, 1917]. Fund 2085. List 2. File 128.

The Russian State Military-Historical Archive (RGVIA2). *Svedeniya o boevom sostave i boevye raspisaniya voysk armii. 9 noyabrya 1917 – 3 yanvary 1918 g.* [Information on the combat composition and military schedules of the army. November 9, 1917 – January 3, 1918]. Fund 2126. List 1. File 217.

The Russian State Military-Historical Archive (RGVIA3). *Doneseniya i rasporyazheniya chastey voysk armii. 2 dekabrya 1917 – 22 fevralya 1918 g.* [Reporting and disposition of army troops. December 2, 1917 – February 22,

1918]. Fund 2126. List 1. File 233.

The Russian State Military-Historical Archive (RGVIA4). *Perepiska so shtabami voinskikh chastey i soldat o ikh natsionalizatsii. 8 oktyabrya 1917 – 4 yanvaryaya 1918 g.* [Correspondence with the headquarters of military units and soldiers on their nationalization. October 8, 1917 – January 4, 1918]. Fund 2126. List 1. File 663.

The Russian State Military-Historical Archive (RGVIA5). *Protokol zasedaniy Soveta, Voенно-revolutsionnogo i Ispolnitel'nogo komitetov shtaba VIII armii o reorganizatsii komitetov i polozhenii VIII armii v svyazi s vtorzheniem Rumynii i pol'skikh voysk. 23 yanvaryaya – 2 fevralya 1918 g.* [Minutes of the meetings of the Council, the Military Revolutionary and Executive Committees of the Staff of the VIII Army on the reorganization of the committees and the position of the VIII Army in connection with the invasion of Romania and the Polish troops. January 23 – February 2, 1918]. Fund 2134. List 6. File 128.

The Russian State Military-Historical Archive (RGVIA6). *Priказы VIII armii i perepiska o formirovaniі pol'skikh chastey. 18 oktyabrya 1917 – 16 marta 1918 g.* [Orders of the VIII Army and correspondence on the formation of Polish parts. October 18, 1917 – March 16, 1918]. Fund 2134. Op. 6. File 1309.

The Russian State Military-Historical Archive (RGVIA7). *Priказы po 29-mu armeyskomu korpusu. 30 yanvaryaya 1917 – 6 yanvaryaya 1918 g.* [Orders for the 29th Army Corps. January 30, 1917 – January 6, 1918]. Fund 2236. List 1. File 1066.

The Russian State Military-Historical Archive (RGVIA8). *Soobshchenie voенно-revolutsionnogo komiteta VIII armii o vnutrennepoliticheskom polozhenii v strane i svodki shtabov diviziy, vkhodyashchikh v sostav korpusa, o politicheskikh nastroeniyakh v voyskakh. 1–10 fevralya 1918 g.* [Report of the Military Revolutionary Committee of the 8th Army on the internal political situation in the country and reports from the headquarters of the divisions that make up the corps on political moods among the troops. February 1–10, 1918]. Fund 2244. List 1. File 551.

The Russian State Military-Historical Archive (RGVIA9). *Protokoly zasedaniy divizionnogo komiteta i zasedaniya predstaviteley komitetov chastey 2-y pekhotnoy divizii. 28 noyabrya 1917 – 2 fevralya 1918 gg.* [Minutes of the meetings of the divisional committee and the meeting of representatives of the committees of the 2nd Infantry Division. November 28, 1917 – February 2, 1918]. Fund 2332. List 1. File 6.

The Russian State Military-Historical Archive (RGVIA10). *Priказы po 2-y pekhotnoy divizii. 1 yanvaryaya 1917 [22 fevralya 1918] gg.* [Orders for the 2nd Infantry Division. January 1, 1917 [February 22, 1918]]. Fund 2332. List 1. File 279.

Gaponenko, L.S. (ed.) (1968) *Revolutsionnoe dvizhenie v russkoy armii. 27 fevralya – 24 oktyabrya 1917 goda* [Revolutionary Movement in the Russian Army. February 27 – October 24, 1917]. Moscow: Nauka.

The Central Statistical Committee. (1925) *Rossiya v mirovoy voyne 1914–1918 goda (v tsifrakh)* [Russia in World War 1914–1918 (in figures)]. Moscow: Department of Military Statistics.

Rukkas, A.O. (2004) Stvorenniya pol's'kikh natsional'nikh chastin na Rumuns'komu fronti (listopad 1917 r. – berezen' 1918 r.) [Polish National Troops on the Romanian Front (November 1917 – March 1918)]. In: Sribnyak, I. (ed.) *Nad Dniptom i Visloyu. Ukraïna i Pol'shcha u vizvol'nikh zmagannyakh XIX – pochatku XX st.* [Above the Dnieper and the Vistula. Ukraine and Poland in the liberation struggles of the nineteenth and early twentieth centuries]. Kyiv: Consortium scientificoéducatif international Lucien Febvre. pp. 18–36.

Ryabinin-Sklyarevskiy, A. (1925) Okkupatsiya Bessarabii Rumyniei [Occupation of Bessarabia by Romania]. *Letopis' revolyutsii*. 1(10). pp. 97–138.

Khokhlov, T.M. (1987) Za vladu Rad [For the Soviet Power]. In: Kolisher, T.M. (ed.) *U dni Zhovtnya. Spogadi uchasnykiv borot'bi za vladu Rad na Ukraïni* [In October. Memoirs of participants in the struggle for the Soviet power in Ukraine]. Kyiv: Vidavnytstvo politichnoi literaturi Ukraïni. pp. 562–577.

Frenkin, M.S. (1965) *Revolutsionnoe dvizhenie na Rumynskom fronte. 1917 g. – mart 1918 g.* In: *Soldaty 8-y armii Rumynskogo fronta v bor'be za mir i vlast' Sovetov* [Revolutionary movement on the Romanian front. 1917 – March 1918 Soldiers of the 8th Army of the Romanian Front in the struggle for peace and power of the Soviets]. Moscow: Nauka.

Bagiński, H. (1921) *Wojsko Polskie na Wschodzie. 1914–1920* [Polish Army in the East. 1914–1920]. Warsaw: Główna Księgarnia wojskowa.

Bergel, R. (1921) *Dzieje II Korpusu polskiego* [The history of the Second Polish Corps]. Warsaw: Główna Księgarnia wojskowa.

The Central Military Archives, Warsaw. *Oddział Sztabu Generalnego dowództwa II Korpusu Wojsk Polskich. Kwiecień – maj 1918 r.* [Branch of the General Staff of the command of the II Corps of Polish Army. April - May 1918]. I.122.71.1.

The Central Military Archives, Warsaw. *Akta. Kwiecień – sierpień 1918 r.* [Files. April - August 1918]. I.122.72.1.

The Central Military Archives, Warsaw. *Odpisy akt dotyczących się oddziałów polskich na Ukrainie, sporządzone przez Komisję Likwidacyjną-Rewizyjną Wojsk Polskich na Ukrainie. Grudzień 1917 – marzec 1918 r.* [Copies of files regarding Polish branches in Ukraine, prepared by the Liquidation and Review Commission of the Polish Armed Forces in Ukraine. December 1917 - March 1918]. I.122.72.8.

The Central Military Archives, Warsaw. *Rozkazy komendanta Polskich Sił Zbrojnych rejonu Bessarabii (Kiszyniów). 20 grudnia 1917 r.* [Orders of the commander of the Polish Armed Forces of the Bessarabia region (Chişinău). December 20, 1917]. I.122.95.6.

The Central Military Archives, Warsaw. *Korespondencja z frontem Południowo-Zachodnim. Listopad 1917 – styczeń 1918 r.* [Correspondence with the South-West front. November 1917 - January 1918]. I.122.99.52.

Czerep, S. (1988) Bój II Brygady Legionów pod Rarańczą z 15 na 16 lutego 1918 r. [the Second Brigade of the Legions at Rarańcza from 15 to 16 February 1918]. *Zeszyty naukowe filii UW w Białymstoku*. 60 (11). pp. 135–153.

Hlawaty, A. (1973) *Dzieje 6 pułku ułanów Kaniowskich* [History of the 6th Kaniow Lancers Regiment]. London: Przeglądu Kawalerii i Broni Pancерnej.

Kozłowski, W. (1993) *Artyleria polskich formacji wojskowych podczas I wojny światowej* [Artillery of Polish military formations during the First World War]. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.

Henning-Michaelis, E.de (1929) *Burza dziejowa. Część III. Wzajemie. Przyczynki do historii formacji polskich w Rosji 1917–1918* [Historical storm. Part III. In turmoil. A clipping path to the history of Polish formation in Russia in 1917–1918]. Warsaw: Gebethner i Wolff.

Southwest Alliance Army Expatriation Committee. (1917) *Okolnik Komitetu Wykowawczego Wojskowych Polaków frontu południowo-zachodniego* [The Southwest Alliance Army Expatriation Committee]. 1.

Wiadomości Tygodniowe. (1918) Botoszany [Botoszany]. 12 January.

Wrzosek, M. (1969) *Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917–1918* [Polish military corps in Russia in 1917–1918]. Warsaw: Książka i Wiedza.

Wrzosek, M. (1972) *Полские революционные формирования в России в 1917–1920* [Polish revolutionary military formations in Russia in 1917–1920]. In: Biegański, W., Stawecki, P. & Wojtasik, J. (eds) *Historia wojskowości polskiej. Wybrane zagadnienia* [History of Polish army. Selected Issues]. Warszawa: MON. pp. 310–322.

Папакин Артём Георгиевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Центральной и Восточной Европы исторического факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

Папакін Артем Георгійович – кандидат історичних наук, асистент кафедри історії Центральної та Східної Європи історичного факультету Київського національного університету ім. Т. Шевченка (Україна).

Artem G. Papakin – Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

E-mail: artempapakin@knu.ua

УДК 327(477+497.1)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/13

РОЛЬ РЕЛІГІЙНОГО ЧИННИКА В УТВЕРДЖЕННІ ЕТНІЧНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ РУСИНІВ НА БАЛКАНАХ

Г.В. Саган

Київський університет ім. Б. Грінченка
Україна, 04212, м. Київ, вул. Тимошенка, 13-Б
E-mail: galinasagan@gmail.com

Авторське резюме

Стаття розкриває роль релігійного чинника в житті українсько-русинської діаспори на землях югослов'ян. З часів переселення в середині XVIII ст. і в даний час переважна більшість українсько-русинської діаспори залишається вірною Української греко-католицької церкви. Для українців і русинів греко-католицька віра мала чітку національну орієнтованість. Релігійні обряди були тісно переплетені з національними традиціями, і тому церква виховувала не тільки релігійну, а й національну свідомість. Релігійне життя українців-русинів в Югославії до Другої світової війни знало і неприємні моменти. Вони були породжені протистоянням між греко-католиками і іншими конфесіями. Період 40-х – початок 90-х рр. XX ст. в життя релігійної громади українців Югославії виявився досить складним. Однак більшість проблем було все-таки подолано: відновлені храми, відкриті нові парафії, налагоджено культурно-просвітницьку діяльність при церквах. Всі ці дії починалися з ініціативи невеликої групи активістів в тому чи іншому українсько-русинському центрі. Згодом такі ідеї знаходили підтримку всієї української спільноти, плекало національно-релігійну ідентичність, допомогло її зберегти і зміцнити.

Ключові слова: русини, українці, релігійне життя, національна ідентичність, Балкани.

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В УТВЕРЖДЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУСИНОВ НА БАЛКАНАХ

Г.В. Саган

Киевский университет им. Б. Гринченко
Украина, 04212, Киев, ул. Тимошенко, 13-Б
E-mail: galinasagan@gmail.com

Авторское резюме

Статья раскрывает роль религиозного фактора в жизни украинско-русинской диаспоры на землях югославян. Со времен переселения в середине XVIII в. и до настоящего времени подавляющее большинство представителей украинско-русинской диаспоры остается верной Украинской греко-католической церкви. Для украинцев и русинов греко-католическая вера имела четкую национальную ориентированность. Религиозные обряды тесно переплетались с национальными традициями, и потому церковь воспитывала не только религиозное, но и национальное сознание. В религиозной жизни украинцев-русинов Югославии до Второй мировой войны были и неприятные моменты. Их породило противостояние между греко-католиками и другими конфессиями. Период 40-х – начала 90-х гг. XX в. в жизни религиозной общины украинцев Югославии оказался довольно сложным. Однако большинство проблем было все-таки решено: восстановлены храмы, открыты новые приходы, налажена культурно-просветительская деятельность при церквях. Все это произошло по инициативе небольшой группы активистов того или иного украинско-русинского центра. Впоследствии такие идеи находили поддержку всей украинской общности, что помогло ее сохранить и укрепить национально-религиозную идентичность.

Ключевые слова: русины, украинцы, религиозная жизнь, национальная идентичность, Балканы.

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE FORMATION OF THE RUSIN ETHNIC IDENTITY IN THE BALKANS

G.V. Sagan

Boris Grinchenko Kyiv University
13-B Tymoshenko str., Kyiv, 04212, Ukraine
E-mail: galinasagan@gmail.com

Abstract

The article reveals the role of the religious factor in the life of the Ukrainian-Rusin diaspora in Yugoslavia. Since the relocation in the middle of the 18th century and up to now, the vast majority of the Ukrainian-Rusin diaspora has remained loyal to the Ukrainian Greek Catholic Church. For Ukrainians and Rusins, the Greek Catholic faith has a clear national orientation. Religious rituals closely intertwined with national traditions; therefore the church raised not only religious, but also national consciousness. The religious life of Ukrainians-Rusins in Yugoslavia before World War II also knew unpleasant moments, generated by the opposition between the Greek Catholics and other confessions. The life of the religious community of Yugoslavian Ukrainians was quite difficult during the period from the 1940s to the early 1990s. However, most of the problems were fixed, with churches restored, new parishes opened, cultural and educational activities organised by churches. It was possible due to the initiative of a small group of activists in a particular Ukrainian-Rusinian center. Subsequently, such ideas were supported by the entire Ukrainian community, which helped to cherish and preserve the national-religious identity.

Keywords: Rusins, Ukrainians, religious life, national identity, Balkan.

На території колишньої Югославії (тепер – Сербія, Хорватія, Словенія, Македонія, Чорногорія, Боснія і Герцеговина) проживає близько 50 тис. українців. Їхні предки почали переселятися на Балкани із прикарпатських сіл та селищ в середині XVIII ст. Активний громадський діяч діаспори Юліан Колесар писав про цих піонерів: «Вимучені бідую, худі, пелехаті, зодягнуті у розписані кожухи й широкі грубі холошні, покидали вони свої підгірські селища і з клунками в руках зорганізовано або й самотужки прямували на рівнину, до Бачки і Банату, де могли дістати землю на обробіток. Спускались гірськими переходами найбідніші мешканці Югаші, Барнове, Горняки й інші» (Малиновська 1995: 18).

Переселення з України до земель югослов'ян відбувалося кількома хвилями, як наслідок – утворювалися колонії українців. Першу, найбільш чисельну колонію було засновано 1746 р. в регіоні Бачка (сербська Воєводина у складі Габсбурзької імперії) у с. Руський Керестур групою переселенців із Закарпаття і Лемківщини, переважно із Пряшівщини й околиці Горлиці. Наприкінці ХХ ст. ця громада нараховувала близько 7 тис. осіб, а їхня парафія Св. Миколая є найстаршою, найбільшою і найбагатшою у Сербії. Наступні поселення Бачки, де зупинилися українці, – це Коцур (1765), Новий Сад (1780), Вербас (1848), Дюрдьове (1870), Господинці (1780), Кула та ін.

Це була перша група емігрантів цього регіону. Їхні нащадки себе називають *русинами*, як це започаткували свого часу їхні предки, а місцеве населення ще уточнює – *бачванські* (від назви околиці Бачка). Вони розмовляють стародавнім пряшівським діалектом – мовою своїх предків (Лучечко 1985: 148–149).

Другу групу переселенців на зламі ХІХ–ХХ ст. сформували галичани, які поселилися в регіонах Боснії і Славонії за часів австро-угорського цесаря Франца Йосифа І. Місцями компактного проживання українців стали населені пункти Прнявор, Деветіна, Храпчани, Баня-Лука, Вуковар, Сремська Митровиця, Сараєво і Загреб. Вони розмовляли вже іншим діалектом – галицьким – і називали себе *українцями*.

У документі, знайденому у фундаменті греко-католицької церкви в с. Козарц (побудованої 1911 р.), окрім іншого, записано: «Усі русини у Боснії греко-католицької віри прийшли зі Східної Галичини, поселилися спочатку у м. Прнявор, а пізніше в Деветіні, Храпчанах, Дуброві, Камениці, Челінцу біля Баня-Луки, у Яблонові, Козарцу, Марічці, Домброві, у Предору, у Церовлянах біля Градішки. Окрім того, багато робітників-русинів у Завідовічах і у Варешу біля Сараєва. Ось як розмістилися бідні переселенці» (Малиновська 1995: 18).

Перша та друга хвиля переселенців з України – представники т. зв. трудової еміграції, чия основна мета – знайти вільну землю і провадити на ній сільське господарство. Як з'ясувалося згодом, порівняно з місцевим населенням українці володіли передовими методами обробітку землі. Вони вперше запровадили на цих теренах залізний плуг, продемонстрували переваги глибокої оранки. Принесли зі собою раніше не відомі в Боснії культури – жито, гречку, картоплю, хміль, а ще збагатили країну досвідом садівництва, городництва і бджільництва. Від українців місцеве населення запозичило звичай використовувати солом'яну січку для годівлі худоби, навчилося штукатурити і білити будівлі, використовувати у побуті ліжко і кухонну плиту.

Попри економічні труднощі та клопоти, із якими доводилося справлятися на чужині, переселенці намагалися не втрачати зв'язку з рідною

землею. Краще освічені – переважно галичани – підтримували контакти з Товариством «Просвіта» у Львові, звідки переселенцям надсилали книжки, календарі й часописи, забезпечуючи їхні мінімальні національно-духовні потреби. Однак найважливіше те, що на нових землях українські емігранти (незалежно від інтелектуального рівня) відразу облаштовували своє життя: засновували парафії, будували церкви і школи.

Релігійна свідомість українських переселенців була настільки міцною, що церква в діаспорі стала для них культурно-просвітницькою інституцією. Відомий український етнограф В. Гнатюк писав: «Тамошній руський нарід... набожний, спокійний, запопадливий і над міру роботящий. Церкви має обширні, прекрасно мальовані, спів церковний з дяками й численним хором, а школи порядні і з учителями устроєні» (Гнатюк 1901: 5). Ідеться насамперед про греко-католицьку церкву, оскільки майже всі українські переселенці були греко-католиками і, потрапивши на чужину, залишалися вірні цій конфесії. Спочатку служби Божі відправляли в хатах, обладнаних під храми, а згодом почали споруджувати дерев'яні церкви за зразками з рідного краю.

Про роль церкви для українських переселенців священник Роман Мизь¹ писав: «Священики були перші і одинокі освічені люди, котрі дбали не лише про духовні потреби своїх вірних, але заразом були й батьками, вчителями, лікарями та опікунами наших людей. У Боснії і Славонії протягом цих три чверті століття дійшло до того, про що деякі народи можуть лиш мріяти – народ став церквою, а церква – народом» (Мизь 1969: 85).

Таку ж важливу роль уніатська церква відігравала і в інших регіонах – місцях осілости русинів. Так, для русинів Словаччини, Польщі та румунської Трансільванії релігійний фактор був визначальним у збереженні етнічної приналежності. Про це у своїх працях пише М. Дронов. Зокрема, він зазначає, що в руках греко-католицької церкви опинилися одні з головних важелів впливу на ідентичність русинів Словаччини (Дронов 2014: 1). Саме приналежність до уніатства виокремлювала русинів від словаків, поляків чи румун.

На перших порах релігійні потреби українців на землях югослов'ян задовольняли хорватські католики та православні серби. Священики цих конфесій відкрито агітували переселенців переходити до їх церков. Частина українців таки змінила віру: деякі греко-католики у Славонії були записані у католицьких церковних книгах (Барщевський 2002: 132). З одного боку, це об'єктивно нівелювало духовну самобутність українців, оскільки вони почали вести життя згідно з католицьким обрядом. З іншого боку, окатоличення стримувало асиміляцію українців у сербську культуру, оскільки православна куль-

тура сербів була близька до РПЦ, що загалом формувало сприйняття українців як частини російського народу. А це виключало потребу у збереженні на державному рівні національної самобутності та інтересів переселенців з України.

Перша українська греко-католицька парафія почала працювати в Бачці у 1751 р. Зі збільшенням українських поселень створювалися нові парафії, якими згодом управляла Крижевська єпархія, створена 17 жовтня 1777 р. (Кечіч 2002: 185). На момент переселення українців до Боснії єпархія опікувалася вірними Марчанської та Ужгородської уній. Від 1919 р. юрисдикція єпархії поширилася на всіх греко-католиків Югославії та об'єднувала парафіан п'яти уній: Брест-Литовської (1596), Марчанської (1611), Ужгородської, Румунської (1698) та Македонської (1860). Від заснування і до 70-х рр. XX ст. єпархія зросла від 6 парафій та 7 тис. вірних до 50 парафій і 47 тис. вірних. За час належності українців до цієї єпархії її владиками були Юрій Дрогобицький (1891–1920), Діонізій Няраді (1920–1940), Янко Шімрак (1942–1946). Після 30-літнього керівництва блаженнішого владика Гавриїла Букатка 1984 р. єпархію очолив владика Славомір Мікльовш, нині Нікола Кекич (з 2009) (Лучечко 1985: 150).

Наприкінці XIX ст. влада Австро-Угорщини максимально спростила переїзд емігрантів із Галичини до Боснії. Урядові потрібні були люди для заселення безлюдної Боснії, тому переселенцям спростили оформлення документів для переїзду. На той час Галичина і Боснія належали до австрійсько-віденської корони дуалістичної монархії, а Хорватія, Срем і Бачка були частиною корони св. Стефана, тобто Угорського королівства. Через це галицьким українцям сприяли в переселенні до Боснії, а не до Бачки, де вже раніше були поселені закарпатські українці, які традиційно називали себе русинами. З цієї ж причини боснійські українці до 20-х рр. XX ст. у церковних справах не підлягали крижевському греко-католицькому владіці, а були під юрисдикцією львівського або римо-католицького сараєвського владика і мали свою власну апостольську адміністрацію.

Як зазначалося вище, висока релігійність стала прикметою поселенців від моменту їхньої появи на землях югослов'ян. Парафії були виявом не тільки релігійних потреб, а й національної єдності, а дні свят у парафіях перетворювалися на своєрідні національні маніфестації. Про такі святкування священник Роман Мизь писав: «Празники були і є своєрідною маніфестацією нашої віри й нашого українського походження. На празники-відпусти сходяться люди з цілої Боснії. Це дні, коли зі скринь добуваються вишивані сорочки й блюзки, коли пішки перейдеться й кілька десятків кілометрів, коли в душах скріпляється віра, коли роздмухується вугілля любови до ближнього» (Марунчак 1969: 56).

На початку ХХ ст. духовним і національним осередком боснійських українців стало місто Прнявор. Осівши в регіоні, переселенці відразу почали облаштовувати своє церковне життя в Боснії. Активну участь у цьому брав Андрей Шептицький, який 17 вересня 1899 р. став станіславським єпископом, а 1901 р. відбулася його інтронізація на посаду митрополита. Українці, переселившись на землі Боснії, тривалий час вважали своїм релігійним керівництвом Львівську митрополію, хоча офіційно належали до Сараєвської католицької митрополії.

Слід зазначити, що українські переселенці були дуже активними у формуванні свого духовного світу. Серед них поширювалася думка, що найкращими священиками можуть бути тільки галицькі. Тому було вирішено написати до митрополита А. Шептицького про допомогу. З цією метою митрополит 1900 р. прибув до Боснії у супроводі священика А. Сегеді. Владика відвідав усі українські поселення в регіоні та, бажаючи покращити господарський стан ще економічно слабких селян, дав А. Сегеді гроші на придбання у Камениці земельної ділянки на горі Діван для розведення там винограднику (Мизь 1998: 47).

Вдруге митрополит А. Шептицький прибув до Боснії 1902 р. (Куницький 1917). Він постійно цікавився духовними та матеріальними потребами переселенців. Цього разу він витратив чималі кошти і придбав кілька ділянок землі для потреби церкви, а також для покращення господарського становища українських переселенців. Проте важлива фінансова допомога, яку він надавав, не могла вирішити ще багато проблем українських емігрантів. До Львова надалі надходили розпачливі листи від переселенців. Тому митрополит вирішив відрядити до Боснії свою довірену особу – ченця Йосафата, аби той безпосередньо на місці допомагав людям і віднайшов спосіб, як краще організувати духовне життя українських переселенців.

7 жовтня 1907 р. Йосафат Гродський виїхав до Боснії, де пробув три тижні. Після зустрічі з українськими переселенцями Й. Гродський зробив висновок, що людей турбували не стільки економічні питання, скільки духовні. Вони просили: «Пришліть священиків, які говорили б нашою мовою» (Мизь 1998: 48). Складність питання полягала в тому, що українці спересердя переходили до інших конфесій. Це питання особливо загострювалося, коли народжувалися діти і за усталеними українськими звичаями їх треба було охрестити. За відсутності греко-католицьких священиків переселенці найчастіше зверталися до православних сербських священиків. Ті всіляко заохочували: за те, що у них хрестили дітей, давали «то барана, то чвертку фасолі тощо» (Мизь 1998: 48).

Період після Першої світової війни мав низку інших проблем, які відчула Крижевська єпархія. Саме на її території розпочалася війна,

і чи не найбільших матеріальних збитків зазнали греко-католицькі парафії. Майже з усіх церков познімали дзони для виготовлення з них гармат. Частина храмів було зруйновано до фундаменту. Окрім цього, суттєво підірвалися міжнаціональні зв'язки. Народи Югославії служили у різних військах, які воювали один проти одного.

Однак не тільки війна спричинила проблеми і нові вимоги до організації релігійного життя вихідців з України. Ще до війни основні центри проживання русинів – Руський Керестур та Коцур – були перенаселені, що стало причиною другої еміграції; тепер уже з Керестура і Коцура у ближні міста і села. Нові поселення українців з'явилися за Дунаєм, у Сремі та Славонії. Для їх релігійних потреб було засновано нові парафії у Сремі в Беркасові (1919) і Миклушевцях (1930), у Бачці в Господінцях (1939), а також у Белграді.

Єпископ Д. Няраді був переконаний у тому, що найбільша відповідальність за збереження національної та церковної єдності українців на чужині покладена на священників. Тому на високому рівні була організована просвітницька діяльність серед духовенства. Намагаючись підвищити духовний рівень своїх священників, владика запровадив конкурси на отримання парафій, проводив інформативні місячники тощо (Simrak 1937: 66).

Водночас єпископ не забував і про матеріальні потреби священників. Майже всі вони були одруженими, мали дітей, а тому потребували належного фінансового забезпечення. Священники, обслуговуючи розкидані на великих територіях парафії, через брак часу мало уваги приділяли своїм родинам. Владика розумів, що єпархія має допомогти у вирішенні матеріальних потреб священників, і з цією метою заснували благодійне Товариство св. Йосафата.

Греко-католицька церква зі своїм кліром і вірними охоплювала весь українсько-русинський народ на цих просторах. Хто відвідував храм, той не міг не знати українських колядок, гаївок, своїх звичаїв. Слухаючи щонеділі Святе Письмо і проповіді українською мовою, люди знали, що святе не тільки євангельське слово, а й українське, яким воно було висловлене. Так формувалася повага до рідної мови, пісень, звичаїв. В умовах еміграції, окрім церкви, цієї ролі так добре не могло відіграти жодне інше культурно-просвітнє товариство.

Водночас релігійне життя українців в Югославії до Другої світової війни пережило і прикрі моменти, які були спричинені протистоянням між греко-католиками та насамперед православними унаслідок переходу вірних від однієї церкви до іншої. Православний рух, який намагався переманити українських греко-католиків, мав підтримку Сербської ПЦ, яка в період Королівства СХС була фактично державною релігією.

Попри всі негаразди, релігійність українців була високою. Їх духовність, вірність традиціям викликали захоплення місцевого населення. Одна із мешканок Баня-Луки, спостерігаючи, як українці сходилися до церкви, зауважила: «Мені шкода, що не розумію по-українськи, бо і я прийшла би послухати. [...] бо то не мала річ, коли люди по роботі в такому числі сходяться до своєї церкви» (Банялука Місії 1935: 1). Тож і пересічні громадяни Югославії з повагою ставилися до релігійних уподобань українців.

Після Другої світової війни українці Югославії опинилися у вкрай складному становищі: матеріальному, релігійному, національно-культурному. Передумови цих проблем виникли ще під час війни. У роки війни були спалені греко-католицькі храми у Баня-Луці, Печеї, Грубру, Стойдрагі, парафіяльні будинки у семи селах та жіночий монастир у Сошинцях (Румянцев 2008: 233–234).

Через належність окремих українців Югославії до ОУН, осередки якого були створені і працювали під час війни на Балканах (Костельник 1970: 71–77; Лаврів 1981: 51; Бурда 2002: 173–181; Ліський 2002: 69; Мацях 2002: 51–61), активні представники української діаспори (першими з них були священики) опинилися в полі зору каральних органів. За священиками полювали і енкаведисти, і влада т. зв. «нової Югославії», яка по війні приступила до розбудови соціалізму. Окрім цього, новий державний устрій, атеїстичний за своєю суттю, вимагав впровадження нової релігійної політики щодо віруючих та всіх церковних інституцій на території Югославії.

Під найбільшу загрозу покарань потрапили католики, яких звинувачували у співпраці з НДХ (Незалежна Держава Хорватія), яка за підтримки фашистів функціонувала на частині югославських земель у роки Другої світової війни. Через таку позицію щодо югославських католиків влада агресивно-вороже сприймала будь-які контакти віруючих із Апостольською столицею. Греко-католики, які разом з католиками знаходилися під опікою Ватикану, також отримали тавро «зрадників і ворогів» соціалістичної держави. Складна ситуація виникла в тих українських греко-католицьких парафіях Боснії, які знаходилися в одних населених пунктах із парафіями Сербської ПЦ.

Більшість українці-русинів почали покидали репресивні місця Боснії і їхали до більш багатих північних регіонів Югославії. Це були Бачка (Сербія) і Славонія (Хорватія) (Лещешин 2002: 164). Ці місцевості приваблювали не тільки кращими економічними показниками, а й тим, що, наприклад, у Бачці сформувалася стійка українська громада ще з першої хвилі переселенців з України, на допомогу якої сподівалися переселенці з Боснії. А в Хорватії як у республіці з переважно католицьким населенням був відсутній тиск православних, що по-

1957 р. прокотилася хвиля репресій проти священників (Юриста 2003: 5)². Крім цього, практикувалися репресивні заходи іншого характеру. Наприклад, 1948 р. з українських парафій «народна влада» вилучала, нібито для перепису, церковні документи (метрики, хроніки, списки тощо); їх і до тепер не повернули (Барщевський 2002: 126). Для багатьох українських родин це було чи не єдине джерело дізнатися про національність та релігійну належність. Окрім цього, у Деветіні зламали хрест, який поставили перші українці-переселенці. Самі ж українці вважали його символом національної духовності в Боснії, і вже наступного дня він був відновлений (Барщевський 2007: 46–64).

Траплялися конфлікти між українськими священниками з католицьким духовенством. Зокрема, 1958 р. в семінарії у Загребі, де більшість семінаристів були українцями, ректор заборонив розмовляти українською у класах та в їдальні. Пізніше заборонили і русинську говірку, що викликало постійні протести семінаристів. До цих утисків, що мали виражене антиукраїнське забарвлення, додалися матеріальні збитки унаслідок землетрусу 1969 р. в Боснії: було зруйновано та пошкоджено церкви і парафіяльні будинки у Лішні, Храпчанах, Бреку, Козарцю, Деветіні, Прняворі та в інших населених пунктах (Румянцев 2008: 234–235). Без сумніву, все це погіршило і так хитке матеріальне та духовне становище української діаспори у повоєнній Югославії. Проте ні суб'єктивні, ні об'єктивні причини не вплинули на дух українства та віру в нормалізацію ситуації.

Частину пошкоджених церковних приміщень у Боснії було відновлено. Не менш актуальним залишалось питання створення нових парафій у Воєводині та Хорватії, куди переселялися українські родини з Боснії. Разом із переселенцями на нові землі переходили і священники. А от відсутність церковних приміщень змушувала переселенців прилаштовуватися до нових умов. На початках священники здійснювали церковні обряди у житлових будинках. Згодом почали створюватися нові парафії у Воєводині та Славонії. 1956 р. заснували парафію та монастир Св. Трійці отців василіан у Кулі (Комбиль 2007: 63), 1960 р. – парафію у Вербасі, 1965 р. – в Інджії. Українці долучалися до русинських парафій у Нові Саді, Шиді, Бачинцях, Руському Керестурі, Коцурі, Господинцях. У зв'язку з переселенням українців до Славонії 1962 р. заснували парафію у Вуковарі (Румянцев 2008: 236). Велику роль у розбудові релігійного життя української громади відігравав особистісний фактор.

Мова йде про душпастирів, які присвячували своє життя облаштуванню та службі у греко-католицьких українських парафіях. Зокрема з великою вдячністю згадують священника Стефана Пітку – засновника української греко-католицької парафії м. Інджія (Сербія). Його хіротото-

нізував крижевський єпіскоп Гаврііл Букатка у серпні 1964 р. А вже через рік С. Пітка створив парафію в Інджії. Перші богослужіння відбувалися у пристосованій для цього хаті, але досить швидко збудували храм. 1966 р. він заснував також українську греко-католицьку парафію в Белграді. На кошти, зібрані українськими греко-католицькими парадфіями єпархії, було придбано будинок під церкву (Гочан 2006: 55).

С. Пітка також був активним громадським діячем, відіграв вагому роль у культурному житті української діаспори. Його вважають одним із засновників Світового конгресу українців, на якому він був єдиним представником від Східної Європи. Допомагав розбудовувати греко-католицькі парафії українців в Канаді, Німеччині та ін. (Гочан 2006: 55).

Не менш героїчними були старання пароха Дмитра Стефанюка, який 17 березня 1962 р. організував парафію у Вуковарі. Богослужіння спочатку відправляв у власному будинку. На будівництво храму не вистачало коштів, і 1968 р. він поїхав до Вінніпега, де з допомогою української діаспори зібрав необхідну суму. Із його поверненням відразу було зведено храм. Щойно завершили будівництво, як велика повінь зруйнувала храм. Однак Д. Стефанюк не здавався: він знайшов кошти і побудував новий, модерний храм Христа Царя. Коли встановлювали іконостас, розпочалися воєнні дії. Під час боїв за Вуковар церква зазнала значних пошкоджень. 1998 р., коли місто знову опинився під захистом хорватської влади, Д. Стефанюк черговий раз розпочав відбудову парафіяльної церкви. Йому допомагали ті українці, які залишилися в місті. У підвалі церкви відправляли богослужіння.

Через похилий вік Д. Стефанюкові не вдалося завершити відбудову храму; її здійснили вже молодші священики (Стефанюк 2003: 13). Завдяки старанням таких людей українська греко-католицька громада Югославії упродовж 1945–1970-х рр. мала 9 парафій і була об'єднана в Крижевській єпархії. За цей період підготовлено 34 українські священики. У 60-х рр. XX ст. єпархія поділялася на чотири вікаріати: Воєводинський, Боснійсько-Славонський, Жумберацький та Македонський. Майже всі українці опинилися в перших двох.

Наприкінці XX ст. Крижевська єпархія загалом нараховувала 26 парафій, розкиданих майже по всій Югославії. Також єпархія мала 55 священиків і 15 діючих монастирів (серед яких лише один чоловічий – отців василіан) в Осієку, Новому Саді, Шиду, Міклошевцях, Вуковарі, Загребі та ін. (Лучечко 1985: 150). Представники української діаспори належали і до інших конфесій, насамперед до православної. У Югославії наприкінці 90-х рр. XX ст. існувала одна українська православна община, створена в Поточанах (Храпчанах) у 20-х–30-х рр. XX ст. Там раз на місяць сербський священик відправляв службу (Ляхович 1993: 17).

Воєнні події в першій половині 90-х рр. ХХ ст. завдали значної шкоди українським греко-католицьким парафіям в Югославії. Багато храмів було знищено, частина зазнала сильних руйнувань. Відразу після припинення воєнних дій до своїх місць поверталися люди і відбудовували одночасно власне житло і церкви. Через брак коштів громада сходилася і самотужки піднімала з руїн храм. У Хорватії віруючі отримали певну фінансову підтримку від Міністерства з відновлення та розвитку. Допомогали відбудовувати храми і майстри з України. Наприклад, до села Канижі прибули художники з Тернопільщини, які розписали храм за символічну ціну (Ступяк 1998: 22–23).

Таким чином, проведене дослідження дає змогу сформулювати висновок про те, що практично вся українсько-русинська діаспора залишилася вірною українській греко-католицькій церкві. Для українців і русинів греко-католицька віра мала чітку національну зорієнтованість. Релігійні обряди були тісно переплетені з національними традиціями, і тому церква виховувала не тільки релігійно, а й національно свідомих українців. Релігійне життя українців-русинів в Югославії до Другої світової війни знало й прикрі моменти. Вони були породжені протистоянням між греко-католиками та іншими конфесіями, насамперед православними, що виникали на ґрунті переходу віруючих від однієї церкви до іншої. Православний рух, який намагався переманити до своїх приходів греко-католицьких українців, користувався підтримкою Сербської ПЦ, яка в період Королівства СХС фактично була державною релігією.

Період 40-х – початок 90-х рр. ХХ ст. у житті релігійної громади українців Югославії виявився доволі складним. Проте більшість проблем було все-таки подолано: відбудовано зруйновані храми, відкрито нові парафії, налагоджено культурно-просвітницьку діяльність при церквах, а священники самовіддано працювали у своїх парафіях, обслуговуючи кілька населених пунктів відразу. Всі ці дії почалися з ініціативи невеликої групи активістів у тому чи іншому українсько-русинському осередку. Згодом такі ідеї знаходили підтримку всієї української громади, що плекало національно-релігійну ідентичність, допомогло їй зберегти і зміцнити.

ПРИМІТКИ

1. Священик Роман Мизь народився 14 серпня 1932 р. в Дрогобичі, Україна. Початкову школу закінчив у Липовлянах (Хорватія), а гімназію і студії теології – у Загребі. Ієрейські свячення отримав у Загребі. Перших десять років виконував обов'язки пароха у Липовлянах, а від 1968 р. аж по сьогодні він є парохом у м. Нові Сад.

2. Петра Шлапака з Белграда засудили на 8 років; Фелікса Біленького з Лішні – на 5 років; Михайла Юриста з Козарца – на 3 роки; Григорія Біляка з Пнявора – на 1 рік.

ЛІТЕРАТУРА

Банялука Місії 1935 – Банялука Місії // Рідне слово, 25 листопада, 1935. Число 13. С. 1–3.

Барщевський 2007 – *Барщевський І. О.* Михайло Юриста в моїх споминах. Його життя, праця і доба (1897–1982) // Славонський Брод, Видання Славонського деканату 3. 2007. С. 46–64.

Барщевський 2002 – *Барщевський І.* Українці в Бродсько-Посавській області // Українці в Хорватії. Книга перша. Документи і матеріали. Загреб, 2002. С. 125–139.

Бурда 2002 – *Бурда С.* Історія і актуальні проблеми українців та русинів Хорватії // Українці Хорватії. Книга перша. Загреб, 2002. С. 173–181.

Гнатюк 1901 – *Гнатюк В.* Словаки чи русини // Записки Наукового товариства ім. Шевченка, 1901. Т. XLII. С. 1–81. URL: http://shron1.chtyvo.org.ua/Hnatiuk_Volodymyr/Slovaku_chy_Rusyny7_Prychynky_do_vyiasnena_sporu_pro_natsyonalnist_zakhidnykh_Rusyniv.pdf (останній перегляд: 14.01.2019).

Гочан 2006 – *Гочан М.* Вічна пам'ять – отець Стефан Пітка // Українське слово: Часопис українців у Югославії з питань культури, літератури та суспільного життя. Новий Сад, 2006. Число 10. С. 55.

Дронов 2014 – *Дронов М.* Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1939). М., 2014. 31 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/399185/a/?#page=31> (останній перегляд: 14.01.2019)

Кечіч 2002 – *Кечіч Н.* Наукова конференція, присвячена кріжевачкому єпископу Юлію Дрогобицькому // Українці Хорватії. Матеріали і документи. Книга перша. Загреб, 2002. С. 182–196.

Комбіль 2007 – *Комбіль Я.* Греко-католицька парафія в Кулі // Українське слово. Часопис українців у Югославії з питань культури, літератури та суспільного життя. Новий Сад, 2007. Число 13. С. 63.

Костельник 1970 – *Костельник В.* Югославські руснаки-українці в боротьбі проти фашизму та в народній революції Югославії (1941–1945 рр.) // Український історичний журнал. Київ: Наукова думка, 1970. № 11 (116). С. 71–77.

Куницький 1917 – *Куницький Л.* Над Босною // Нива. Львів, 1917. № 12. С. 2.

Лаврів 1981 – *Лаврів Р.* З пам'яті народної (II). Спогади Дмитра Мороза, Лішня // Нова думка: Часопис Союзу русинів і українців Республіки Хорватія. 1981. Рік X, № 28. С. 51.

Лещешин 2002 – *Лещешин Я.* Сьогодення українців Західної Славонії і Мославіни // Українці Хорватії. Книга перша. Загреб, 2002. С. 164–169.

Ліський 2002 – *Ліський Б.* Антон Івахнюк – великий українсько-хорватський патріот // *Українці Хорватії.* Книга перша. Загреб, 2002. С. 62–74.

Лучечко 1985 – *Лучечко І.* Українські поселення в Югославії // *Альманах Українського народного союзу.* Нью-Йорк, 1985. № 75. С. 148–150.

Ляхович 1993 – *Ляхович М.* Хресна дорога українців Боснії. Ужгород, 1993. С. 17.

Малиновська 1995 – *Малиновська О.* Українська діаспора в південнослов'янських землях: короткий історичний нарис // *Українська діаспора.* Київ; Чикаго, 1995. Число 8. С. 12–24.

Марунчак 1969 – *Марунчак М.* Українці в Румунії, Чехо-Словаччині, Польщі, Югославії. Вінніпег, 1969. С. 56.

Мацях 2002 – *Мацях Є.* Українці в Хорватії // *Українці Хорватії.* Книга перша. Загреб, 2002. С. 51–61.

Мизь 1969 – *Мизь Р.* Історичні образки // *Християнський календар.* Ruski Kerestur, 1969. St. 85.

Мизь 1998 – *Мизь Р.* Початки церковної організації серед українців у Боснії // *Глас Союзу.* Новий Сад, 1998. № 2. С. 47.

Румянцев 2008 – *Румянцев О.* Галичина – Боснія – Воєводина: українські переселенці з Галичини на території югославських народів в 1890–1999 роках. Київ: ФАДА, ЛТД, 2008. 256 с.

Стефанюк 2003 – *Бл. п. о. Дмитро Стефанюк* (1920–2003) Лист співчуття // *Наша газета.* Вуковар, 2003. 7 вересня. № 17. С. 13.

Ступяк 1998 – *Ступяк М.* Торжество у Канижі // *Нова думка: Часопис Союзу русинів і українців Республіки Хорватія.* 1998. № 104. С. 22–23.

Юриста 2003 – *Юриста М.* Ювілею отця Фелікса Біленького // *Наша газета.* Новий Сад. 2003. № 15. С. 5.

Simpak 1937 – *Simpak J.* Spomenica. Zagreb, 1937. 82 s.

REFERENCES

Ridne slovo. (1935) Banyaluka Misii [Banaluka mission]. 25th November. pp. 1–3.

Barshchevskiy, I.O. (2007) Mikhaylo Yurista v moikh spominakh. Yogo zhittya, pratsya i doba (1897–1982) [Mikhail Yurist in my remembrances. His life, work and the day (1897–1982)]. *Slavons'kiy Brod.* 3. pp. 46–64.

Barshchevskiy, I. (2002) Ukraïntsi v Brods'ko-Posavs'kiy oblasti [Ukrainians in Brodsky-Posavsky Region]. In: *Ukraïntsi v Khorvatii* [Ukrainians in Croatia]. Book 1. Zagreb [s.n.]. pp. 125–139.

Burda, S. (2002) Istoriya i aktual'ni problemi Ukraïntsi v ta rusiniv Khorvatii [History and topical problems of Ukrainians and Rusins of Croatia]. In: *Ukraïntsi v Khorvatii* [Ukrainians in Croatia]. Book 1. Zagreb [s.n.]. pp. 173–181.

Gnatyuk, V. (1901) Slovaki chi rusini [Slovaks or Rusin]. *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka.* XLII. pp. 1–81. [Online] Available from: <http://shron1>.

chtyvo.org.ua/Hnatiuk_Volodymyr/Slovakya_chy_Rusyny7_Prychynky_do_vyiasnena_sporu_pro_natsyonalnist_zakhidnykh_Rusyniv.pdf (Accessed: 14th January 2019).

Gochan, M. (2006) Vichna pam'yat' – otets' Stefan Pitka [Perpetual Memory - Father Stefan Pitka]. *Ukrains'ke slovo. Chasopis ukraintsiv u Yugoslavii z pitan' kul'turi, literaturi ta suspil'nogo zhittya*. 10. pp. 55.

Dronov, M. (2014) *Rol' Greko-katolicheskoy tserkvi v formirovanii etnonatsional'noy identichnosti rusinov Slovakii (1919–1939)* [The role of the Greek Catholic Church in the formation of ethno-ethnic identity of the Rusins of Slovakia (1919–1939)]. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/v/399185/a/#?page=31>. (Accessed: 14th January 2019)

Kechich, N. (2002) Naukova konferentsiya, prisvyachena krizhevachkomu episkopu Yuliyu Drogobits'komu [Scientific conference dedicated to Bishop Julia Drohobyczky]. In: *Ukrainci v Khorvatii* [Ukrainians in Croatia]. Book 1. Zagreb [s.n.]. pp. 182–196.

Kombil, J. (2007) Greko-katolits'ka parafiya v Kuli [Greek Catholic Parish in Kule]. *Ukrains'ke slovo. Chasopis ukraintsiv u Yugoslavii z pitan' kul'turi, literaturi ta suspil'nogo zhittya*. 13. pp. 63.

Kostelnik, V. (1970) Yugoslavs'ki rusnaki-ukraintsi v borot'bi proti fashizmu ta v narodniy revolyutsii Yugoslavii (1941–1945 rr.) [Yugoslav Rusnaky-Ukrainians in the struggle against fascism and in the Yugoslav people's revolution (1941–1945)]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal*. 11 (116). pp. 71–77.

Kunitskiy, L. (1917) Nad Bosnoyu [Over Bosnia]. *Niva*. 12. pp. 2.

Lavriy, R. (1981) Z pam'yati narodnoi (II). Spogadi Dmitra Moroza, Lishnya [From the memory of the people (II). Memoirs of Dmitry Moroz, Lishnya]. *Nova dumka: Chasopis Soyuzu rusiniv i ukraintsiv Respubliki Khorvatiya*. 28. pp. 51.

Leshcheshin, J. (2002) S'ogodennyya ukraintsiv Zakhidnoi Slavonii i Moslavini [Present Ukrainians of Western Slavonia and Moslavina]. In: *Ukrainci v Khorvatii* [Ukrainians in Croatia]. Book 1. Zagreb [s.n.]. pp. 164–169.

Liskiy, B. (2002) Anton Ivakhnyuk – velikiy ukrains'ko-khorvats'kiy patriot [Anton Ivakhnyuk - Great Ukrainian-Croatian patriot]. In: *Ukrainci v Khorvatii* [Ukrainians in Croatia]. Book 1. Zagreb [s.n.]. pp. 62–74.

Luchechko, I. (1985) Ukrains'ki poselennyya v Yugoslavii [Ukrainian settlements in Yugoslavia]. *Al'manakh Ukrains'kogo narodnogo soyuzu*. 75. pp. 148–150.

Lyakhovich, M. (1993) *Khresna doroga ukraintsiv Bosnii* [The Crossway of the Bosnian Ukrainians]. Uzhhorod: [s.n.].

Malinovska, O. (1995) Ukrains'ka diaspora v pivdenoslov'yans'kikh zemlyakh: korotkiy istorichniy naris [Ukrainian Diaspora in Southern Slavic Lands: A Short Historical Essay]. *Ukrains'ka diaspora*. 8. pp. 12–24.

Marunchak, M. (1969) *Ukrainci v Rumunii, Chekho-Slovachchini, Pol'shchi, Yugoslavii* [Ukrainians in Romania, Czechoslovakia, Poland, Yugoslavia]. Winnipeg: [s.n.].

Matsyakh, E. (2002) Ukraïntsi v Khorvatii [Ukrainians in Croatia]. In: *Ukraïntsi v Khorvatii* [Ukrainians in Croatia]. Book 1. Zagreb [s.n.]. pp. 51–61.

Myz, R. (1969) Istorichni obrazki [Historical Samples]. In: *Khristiyanskiy kalendar. Ruski Kerestur* [Christian Calendar. Ruski Kerestur]. Col. 85.

Myz, R. (1998) Pochatki tserkovnoï organizatsii sered ukraïntsi v Bosnii [Early church organization among Ukrainians in Bosnia]. *Glas Soyuzu*. 2. pp. 47.

Rumyantsev, O. (2008) *Galichina – Bosniya – Voevodina: ukraïns'ki pereselentsi z Galichini na teritorii yugoslavs'kikh narodiv v 1890–1999 rokakh* [Galicia – Bosnia – Voivodina: Ukrainian settlers from Galicia in the territory of the Yugoslav peoples in 1890–1999]. Kyiv: FADA.

Nasha gazeta. (2003) Dmitro Stefanyuk (1920–2003) List spivchuttya [Dmitro Stefanyuk (1920–2003). Letter of Compassion]. 7th September. p. 13.

Stupyak, M. (1998) Torzhestvo u Kanizhi [Celebration in Kanyazhi]. *Nova dumka: Chasopis Soyuzu rusiniv i ukraïntsi v Respubliki Khorvatiya*. 104. pp. 22–23.

Yurista, M. (2003) Yuvileyu ottsya Feliksa Bilen'kogo [Anniversary of Father Felix Belenky]. *Nasha gazeta*. 15. p. 5.

Simpak, J. (1937) *Spomenica* [Memoirs]. Zagreb: [s.n.].

Саган Галина Васильевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной истории Киевского университета им. Б. Гринченко (Украина).

Саган Галина Василівна – доктор історичних наук, доцент, професор кафедри всесвітньої історії Київського університету ім. Б. Грінченка (Україна).

Galyna V. Sagan – Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

E-mail: galinasagan@gmail.com

УДК 94(=16):373.3 "1941/1945"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/14

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 – 1945 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРСКОЙ ПРЕССЫ)*

А.О. Степнов¹, С.Ф. Фоминых²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: brothe.numb1@gmail.com

²E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Авторское резюме

На материалах периодической печати Сибири и архивной документации исследуется процесс инфильтрации национального дискурса, русского (шире – славянского) мифа в историческую политику СССР времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Подчеркивается, что данная трансформация имела как ситуативные предпосылки, связанные со стратегической ставкой руководства Советского Союза на славянское единство в борьбе с нацистской Германией, так и психологические истоки, апеллирующие к глубинным архетипам национального самосознания. Интеллектуальный потенциал Северной Азии, равно как и всей страны, был мобилизован в «школу воспитания народных масс». Это позволило направить вектор политики памяти на неоромантическую репрезентацию русской нации и славянских народов в целом с точки зрения исключительных качеств его представителей, противопоставления славянского и германского миров, возрождения культа национальных героев. Подобные тенденции нашли свое отражение в газетных публикациях, посвященных героическим страницам русской истории (Ледовое побоище, борьба с иностранными захватчиками в период Смуты, Отечественной войны 1812 г., Первой мировой войны и т. д.), а также фигурам Александра Невского, Дмитрия Донского, М.И. Кутузова и др. Отмечается, что исключительность русской нации была противопоставлена этнокультурным традициям народа германского. Вместе с тем политика

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

памяти времен войны отмечена глубинным противоречием между репрезентацией Германии как этногенетического врага славян и попыткой сохранить советский интернациональный взгляд, равно как и милосердие к народу, пораженному «чумой». Данное противоречие имело свое измерение и в общей эклектизации исторической политики, с одной стороны, обращенной к исконным национальным символам, а с другой – сохранившей традиционно советскую лексику, риторику и символику, что в конечном итоге вылилось в примат гордости за народ, избранный не только для освобождения мира от нацизма, но и для совершения Великой революции 1917 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., историческая политика, политика памяти, национальные дискурсы, славянский мир, русская нация, Германия.

NATIONAL DISCOURSES OF SOVIET HISTORICAL POLICY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 (BASED ON SIBERIAN PERIODICALS)*

A.O. Stepnov¹, S.F. Fominykh²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: brothe.numb1@gmail.com

²E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Abstract

The article studies the infiltration of the national discourse, the Russian (wider – Slavic) myth into the USSR historical policy during the Great Patriotic war of 1941–1945 as reflected in Siberian periodicals and archival documents. It is emphasized that this transformation had situational preconditions related to the strategic choice of the Soviet Union for Slavic unity in the fight against Nazi Germany as well as psychological origins, appealing to the deep archetypes of national consciousness. The intellectual potential of North Asia as well as that of the whole country was summoned up as the “school of mass political education”, which brought about the revived cult of national heroes and the neo-romantic representation of the Russian nation and the

* The results have been achieved as part of the government assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Project 33.1687.2017/4.6.

Slavic peoples as having exceptional qualities and opposed to the German world. Such trends were reflected in newspaper publications devoted to the heroic pages of Russian history (the Battle on the Ice, the struggle against foreign invaders during the Time of Troubles, the Patriotic War of 1812, World War I, etc.) as well as to Alexander Nevsky, Dmitry Donskoy, M.I. Kutuzov and others. It is noted that the exclusivity of the Russian nation was opposed to the ethno-cultural traditions of the Germans. At the same time, the politics of memory in the war period shows a deep contradiction between the representation of Germany as of an ethnogenetic enemy of the Slavs and an attempt to preserve the Soviet international view and mercy to the people affected by the "plague". This contradiction can be seen in the general eclecticization of historical policy, which, on the one hand, appealed to the primordial national symbols and, on the other hand, preserved the traditional Soviet vocabulary, rhetoric and symbols, which ultimately resulted in the primacy of pride for the people chosen not only to liberate the world from Nazism, but also to carry out the Great Revolution of 1917.

Keywords: Great Patriotic War, historical policy, politics of memory, national discourses, Slavic world, Russian nation, Germany.

Одной из заметных тенденций современной историографии новейшей отечественной истории является исследование политики памяти о Великой Отечественной войне, а также ее влияния на массовое сознание россиянина. Вместе с тем и непосредственно период войны стал вехой в развитии самого явления «исторической политики», которая в те годы заставила власть и народ вспомнить о собственном национальном самосознании, об истории славянского единства и русской нации, о ее «вековой борьбе с немецкими захватчиками».

Известное положение, согласно которому история полна лейтмотивов, – положение, успевшее войти в разряд трюизмов, – в исследуемый нами период приобретает особое звучание. Так, в статье, посвященной Отечественной войне 1812 г., лектор Томского горкома ВКП(б), кандидат исторических наук доцент Томского государственного университета Р.Е. Кугель писал о «единственно правильной» тактике Баркляя де Толли по отступлению в глубь страны; о «ложных надеждах» крестьян на то, что «буржуазный император Наполеон I освободит их от помещичьей кабалы»; о том, как, несмотря на эти быстро рассеявшиеся иллюзии, французский император встретил в России ту силу, которая «вскоре положит конец его могуществу», – «силу русского народа». Эта статья была опубликована в томской газете «Красное знамя» 29 июня 1941 г. (Кугель 1941). Впереди была война, во многом проходившая путями 1812 г.

В предлагаемой вниманию статье мы обращаемся к истории реанимации в период Великой Отечественной войны на страницах сибирской прессы, газет «Красное знамя» и «Советская Сибирь», русского (шире – славянского) мифа, его встраивания в конструкт транснациональной советской идеологии.

Говоря об исторических предпосылках генерирования нового подхода в системе советской пропаганды и исторической политики времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., нельзя обойти вниманием то значение, которое в них отводилось конструкту славянского единства. «Нападая подло, предательски на страну Советов, – отмечалось летом 1941 г. в статье "Правды", перепечатанной затем на страницах новосибирской газеты "Советская Сибирь", – фашисты мечтали, что им удастся изолировать СССР, что им удастся подавить украинский, белорусский, русский и другие народы Советского государства, как они подавили в Европе народы Чехословакии, Польши, Югославии...». И далее: «В едином антифашистском фронте призван сыграть большую историческую роль союз славянских народов. В нем участвуют уже великорусский, украинский, белорусский народы, народы Чехословакии, Польши, Югославии. Народы всех славянских земель с оружием в руках поднимаются на борьбу против фашистских поработителей» (Советская Сибирь 1941а).

Преодолевая то геополитическое одиночество, в котором нередко в истории своей оказывалась Россия, советское руководство, преследуя идеологические цели, сделало стратегическую ставку на славянский аспект, на единство исторически родственных народов. Любопытно при этом отметить, что если военный триумф СССР 1945 г. сегодня выстраивается прежде всего как «Победа советского народа», то в конце войны он нередко концептуализировался в качестве «Победы содружества славянских народов в исторической борьбе с их извечным врагом».

Не в последнюю очередь продвижению славянского фактора должен был служить состоявшийся в студии радиокомитета в Москве 10 и 11 августа 1941 г. Первый всеславянский митинг. Открыл его своим обращением А.Н. Толстой, известный своей пламенной патриотической публицистикой времен войны.

Это событие, неоднократно повторявшееся в период Великой Отечественной войны, получило характерное освещение как в центральной, так и региональной прессе, выводя на первый план не столько социально-экономические и политические уклады, разделившие славянские народы после 1917 г., сколько «общую задачу борьбы против злейшего врага». Как было не вспомнить о «великой исторической роли, выпавшей на долю» славян – и в особенности

«самого могучего и самого многочисленного из славянских народов – русского народа» (Советская Сибирь 1941a)?

Летом 1941 г. перед внутренним взором читателей сибирской прессы предстала картина заключительного заседания всеславянского митинга, кульминацией которого стало воззвание «Ко всем угнетенным славянским народам мира». Ментальное кольцо в перспективе славянского братства было очерчено символическим актом: в тот день это воззвание на своих родных языках читали русский писатель А.А. Фадеев, украинский писатель А.Е. Корнейчук, народный поэт Белоруссии Я. Купала, польская писательница В. Василевская, чехословацкий историк и общественный деятель З. Неядлы и др. В газете «Советская Сибирь» отмечалось: «Слова воззвания станут боевым знаменем, с которым подымутся и объединятся на смертный бой со своим заклятым врагом – германским фашизмом – поляки, чехи, словаки, закарпатские украинцы, сербы, черногорцы, словенцы, хорваты, болгары, македонцы и весь многомиллионный славянский мир» (Советская Сибирь 1941b). В последующих выпусках газеты подчеркивалось, что воззвание пробудило «восторженные отклики во многих городах Польши» (Советская Сибирь 1941c); что 14 августа на стенах, витринах и воротах домов Кракова были расклеены листовки с полным текстом воззвания; что дошло оно до самых отдаленных уголков Польши (Советская Сибирь 1941d). Родовая этническая память просыпалась в глубинах сознания, а эффект от новой исторической политики давал свои первые плоды.

Здесь мы имеем основание перейти от ситуативности в предпосылках к иным аспектам, связанным с глубинными механизмами воздействия на сознание современников, с техникой массовых психологических манипулятивных технологий. Дело в том, что категория «советского народа» и «борьбы за дело всего прогрессивного человечества», безусловно, была более предпочтительной в контексте более чем двух десятилетий развития советской пропаганды. И она имела свое хождение в прессе, в особенности в первые месяцы войны. На страницах сибирских газет мы встретим пассажи и о «беспримерной храбрости воинов Красной армии», и о «лучших качествах советских людей – высоком гражданском мужестве, бесстрашии, самоотверженности, высокой идейности, неисчерпаемой вере в победу нашего правого дела», и о «пламенном патриотизме на трудовом и научном фронтах». Вновь звучали речи о «социалистическом соревновании», о «сплоченности вокруг партии Ленина-Сталина», о «чувствах и мыслях трудящихся всех стран». «Пламя патриотизма ярко горит на нашей земле», – отмечалось в очерке, опубликованном в «Красном знамени» (Красное знамя 1941a). Однако перед нами возникает закономерный

вопрос о том, какие смыслы вкладывались в понятие «Наша земля». Обладал ли «победивший социализм» перед лицом «фашистских извергов» достаточным ментальным ресурсом для сопротивления? Наконец, под влиянием какой идеи требовалось пробудить силы в великом народе, призванном заставить врага «пожать ядовитую жатву своих злодеяний»?

Оставляя эти дискуссионные и подчас рискованные вопросы открытыми, мы обратимся к развернутому комментарию, опубликованному 31 июля 1941 г. в «Правде» и затем перепечатанному в сибирских газетах, по поводу подписания в Лондоне правительствами СССР и Польши соглашения о восстановлении дипломатических отношений и «о совместной борьбе против гитлеровской Германии». Здесь автор комментария предпочел обратиться к иной категории и иному дискурсу – «Великому русскому народу». «Это соглашение, – отмечалось в комментарии, – открывает перед польским народом... великую перспективу его возрождения, возрождения его творческих сил, перспективу восстановления его национальной государственной независимости и самостоятельности» (Красное знамя 1941b).

Пришло время и для возрождения исконного русско-славянского мифа, возрождения истории о великом народе. М.Ю. Досталь, исследуя процесс трансформации советской историографии славяноведения в период Великой Отечественной войны, делала акцент на «определенном» влиянии романтических тенденций на историческую мысль того времени. Подчеркивала она и ту роль, которую в этом сыграла пропагандистская «идея славянской солидарности», усилившая «патриотическую ангажированность» историков (Досталь 2002: 314).

Неоромантическая линия проходит через историческую политику СССР военного времени. Память прошлого окрасилась в цвета русской исторической мысли из палитры XIX в. Это и идея противостояния двух миров – германского и славянского, и мысли об особых качествах славян, и культ национальных героев. Память возрождалась под пером лидеров мнения: писателей, ученых, общественных деятелей, чья публицистика в интерьерах «красной державы» оказалась обращена к архетипам примордиального этнического сознания, к тому, что некогда было приговорено к вымиранию.

Закономерно, что реализация этой линии, претворение в жизнь нового проекта массового сознания требовали особого метода, мобилизации дисциплинарного корпуса пропаганды и просвещения, «рожденных в огне священной войны против фашистско-германского зверя». «Сейчас не время швейков, – отмечал упомянутый ранее профессор Неедлы в своем выступлении на первом всеславянском митинге. – Так можно было бороться против гнилой Австрии. Немец-

кий фашизм страшен: никакое оружие не будет слишком твердым, слишком острым, слишком тяжелым против него... Как говорили некогда табориты: теперь не время милосердия, а время кары и грозной расплаты» (Советская Сибирь 1941а).

В годы войны в Томске все более широкую публику собирали лекторы в залах и аудиториях вузов, в красных уголках, всюду, где, как выразился профессор-историк Э.Н. Ярошевский, эвакуированный из Москвы в Томск в сентябре 1941 г. и занимавший должность заведующего кафедрой истории народов СССР Томского университета, «звучит правдивое слово большевистской агитации и пропаганды». Организованный в этом сибирском городе воскресный лекторий для вузовской и рабочей молодежи своим предназначением имел «в яркой, доступной форме и вместе с тем на высоком теоретическом уровне» освещение «важнейших событий многовековой и героической истории». Тот же Ярошевский писал: «На наших лекциях и беседах должны ожить и засверкать перед аудиторией имена героев Великой Отечественной войны, великих полководцев прошлого, великих деятелей науки, искусства и литературы... Пусть эти имена станут еще ближе и роднее нашей молодежи. Пусть чувство гордости за свой великий народ и беспредельная любовь к матери-Родине растут и крепнут» (Ярошевский 1942а). Сам профессор Ярошевский, находясь в Томске, в ноябре 1941 г. организовал выставку на тему «Семь веков героической борьбы славянских народов против немецкой агрессии» (Фоминых 1998: 495). Его лекции пользовались популярностью у студентов (Красное знамя 1941с). Особое внимание уделялось пропагандистской работе и в рамках деятельности Томского комитета ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время – одного из крупнейших в Северной Азии органов по координации научной деятельности времен войны. В его составе функционировали комиссия по работе с научной молодежью под председательством профессора-медика С.А. Адамова, бюро по технической пропаганде во главе с профессором-физиком М.А. Большаниной (ЦДНИ ТО 1: 208). Комитет работал как аппарат по организации массовых собраний ученых и студенчества, массовых научных заседаний, в т. ч. посвященных годовщине со дня смерти академика И.П. Павлова в 1944 г. и «вылившихся в демонстрацию огромной революционизирующей роли русской науки» (ЦДНИ ТО 2: 9 об.).

Дух новой политики памяти с традиционно русскими оттенками был отражен в статье «К работникам исторического фронта!» (1941 г.) за подписью местных и эвакуированных в Томск историков: профессоров Э.Н. Ярошевского, А.И. Неусыхина, К.Э. Гриневича и др.

Ключевым в ней стал акцент на тенденциозной, с точки зрения современной исторической науки, установке – необходимости создания «великой школы воспитания народных масс» из источника «героической истории нашего народа». «В план научно-исследовательской работы, – отмечали историки, – мы включили темы, посвященные многовековой героической борьбе нашего народа с германской агрессией... борьбе славянства с фашизмом. ...Мы стремимся уделить максимум внимания военному прошлому нашего народа и его нынешней священной войне с фашистскими бандами» (Ярошевский, Неусыхин, Гриневиц 1941).

В годы войны положения эти нашли реализацию в статьях упомянутого Р.Е. Кугеля, преподавателя Д. Вильнина, заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Томского медицинского института В. Федорова, в серии развернутых исторических очерков профессора Ярошевского, посвященных Александру Невскому, Дмитрию Донскому и М.И. Кутузову, в отдельных выступлениях томских ученых, большинство из которых не принадлежали к числу гуманитариев.

Обращаясь к русской истории, ученые и пропагандисты балансировали между приоритетом масс и героикой их предводителей в периоды столкновений с татаро-монгольским игом, польскими и шведскими пришельцами, армией Наполеона, наконец, со «старыми и исконными врагами русского, украинского и белорусского народов – немецкими захватчиками» (Ярошевский 1942b). Интерпретация Отечественной войны 1812 г., с точки зрения противостояния объединенной армии Европы и народных масс России, «поднявшихся на войну» против Наполеона, принадлежит, в частности, Кугелю. «Нельзя подавить народ, – писал он, – нельзя его закабалить – вот чему учит Отечественная война 1812 года» (Кугель 1941).

Более последовательное изложение эта мысль получила в просветительских газетных публикациях профессора Ярошевского. Он обращается к корпусу уникальных черт, отличающих русского человека, «который дал миру на протяжении веков великие образцы героизма, бесстрашия и стойкости в боях за родную землю». Профессор восклицал: «Сколько славных битв и победоносных сражений, где русская удаля, бесстрашие и доблесть развернулись с невиданной силой и блеском!» (Ярошевский 1941a).

В то же время Ярошевский обращается и к пассионарным образам русской истории, государственным лидерам и полководцам, в ряду которых, по его мнению, как «великий борец за независимость родной земли» «одним из первых встает перед нами героический образ Александра Невского» (Ярошевский 1941b). Профессор писал: «Бессмертным стал и образ Дмитрия Донского, поднявшего знамя на-

ционального освобождения Руси и разгромившего в день 8 сентября 1380 г. непобедимую до этого монгольскую конницу. Жива в народе память о Минине и Пожарском. ...В дни священной Отечественной войны народ с чувством гордости и безграничной веры вспоминает великие битвы своей героической истории. Вспоминает народ своих великих полководцев Александра Суворова и Михаила Кутузова, чьи имена сверкают в веках как символ воинской доблести...» (Ярошевский 1942b).

Тот же баланс народа, исключительных качеств его представителей и героев соблюден в газетной статье профессора-филолога С.Г. Лаврова, посвященной жизни и творчеству Л.Н. Толстого. Так профессор отзывался о «Севастопольских рассказах»: «Каждая страница этого замечательного произведения говорит о высоких патриотических чувствах и неустрашимой воле русской армии к борьбе захватчиками». Тема героев нашла органичное развитие в бессмертном романе-эпопее Толстого: как отмечал Лавров, в «патриотических образах русского народа и его армии: Кутузова, Багратиона, Дениса Давыдова...» (Лавров 1942).

Безусловно, газетные публикации ученых, в первую очередь историков и филологов, носили не научный, но просветительский и пропагандистский характер, все же отражая в общих чертах уровень исторического знания того периода. Не станет открытием, что для современного историка картины Ледового побоища, Куликовской битвы, Бородинского сражения, а также того социального контекста, который наполняет историческим содержанием эти события, встраивают в континуум отечественной истории. Картины, написанные историками эпохи противостояния Великой Отечественной войны, вызовут в лучшем случае чувство скепсиса. Вместе с тем, по всей видимости, именно необходимость исторического воспитания масс сделала эти картины столь яркими и контрастными, на долгие годы определив наше временами превратное восприятие своего прошлого, которое стало ментальным спутником и двигателем вдохновения «героев и борцов» мировой войны «на борьбу и победу» (Ярошевский 1941с). Пристрастность эта развивалась в определенном русле и апеллировала к источникам национального самосознания, к русскому дискурсу.

Характерной чертой нового течения в обращении с массами стало и возвращение «исконной» национальной лексики, актуализировавшей религиозные символы, доблесть русского народа, державность, а также метафорику «народа-богатыря». Последняя метафора была своеобразным ключом, ставшим традиционным для газетной риторики исследуемого периода. Наряду с упомянутыми историками, с передовицами местных и центральных газет данный оборот исполь-

зовался, к примеру, профессором Томского индустриального института И.Н. Бутаковым (Бутаков 1944) и др.

Временами даже сугубо информативные сообщения, заметки, статьи ученых содержали подобные символические триггеры, указания на русские аспекты бытия и сознания. Репрезентация войны как борьбы «русского народа» против захватчиков имеется в публикациях Б.И. Лаврентьева, С.Г. Лаврова, А.А. Заварзина. Профессор-физик, основатель Сибирского физико-технического института В.Д. Кузнецов в 1942 г. предварил свой газетный отчет о работе ученых в военное время фразой о «нападении кровавого Гитлера на священные границы нашей Родины» (Кузнецов 1942). Категорию «русской земли» мы встретим и в риторике академика Тарле и др.

Рельефное освещение тенденция «русификации сознания» сообщества ученых Сибири нашла в речи «старого» томского профессора Н.И. Карташова, печатный вариант которой, «Священный долг ученого», был опубликован в «Красном знамени». Будучи из числа тех ученых, которых в жаргонном стиле того времени называли «бывшими», он уже как советский ученый эклектично воплотил в своей речи как символы и элементы советской партийной культуры, так и понятия, восходящие еще к дореволюционной эпохе («держава», «Отечественная война»), а также, что особенно любопытно, элементы религиозного звучания, проявившиеся как в самом заглавии обращения, так и в его содержании: «поприще ученого», «вера в силу и доблесть своих сынов» и т. д. (Карташов 1941).

Историческая школа воспитания масс развивалась в русле диалогизации – репрезентации ментальности и истории русской нации в контрасте с этнокультурными традициями народа германского. Это противопоставление этнокультурных идентичностей двух народов стало одним из ключевых на арене артикуляции массового сознания, что проявилось не только на страницах сибирских газет, но и в публичных лекциях историков. Одну из таких лекций эвакуированный в Томск профессор-медиевист А.И. Неусыхин посвятил вопросу о том, «существовала ли когда-нибудь “северная раса”» (Красное знамя 1941d).

Той же цели должна была служить подборка красноречивейших цитат русских писателей «о немцах». О тех самых немцах, которые, по словам Л.Н. Толстого, чья фигура, по замечанию С.Г. Лаврова, в дни войны «встает во весь свой гигантский рост» (Лавров 1942), «самоуверенны» и «противнее всех»; о немцах, по М.Е. Салтыкову-Щедрину, «самых бессердечных притеснителях русского рабочего человека», «безжалостных педагогах», «глупых администраторах», «злых, мстительных, снабженных вонючим самолюбием и злой па-

мьятью». О немцах с «мертвой хваткой» (Н.А. Некрасов), с «дребезжащим горловым казарменным голосом, наглым смехом, похожим на кашель» (А.И. Герцен); о тех, за чьей «самодовольной физиономией сидит образцовый сознательный зверь» (Г.И. Успенский).

Следует отметить, что подборка данных цитат, составленная В. Хромовым и печатавшаяся на протяжении военных лет во многих газетах, с одной стороны, вполне корректна и не отличается наличием реплик героев или авторских ремарок из художественного творчества великих и выдающихся русских писателей. «Как мне здесь все ненавистно. Какие подлые немцы», – читаем мы выдержку из дневников Ф.М. Достоевского, написанных на немецком курорте. С другой стороны, как известно, писатели, равно как и все мыслители, нередко противоречивы в массиве своего литературного наследия, оставляя простор для самых различных субъективных интерпретаций своей жизни и мнений. Бесспорно, для знатока эпистолярного и публицистического наследия русских авторов вполне посильной окажется задача составления и благоприятных отзывов о великом немецком народе. Впрочем, цели конструирования памяти эпохи войны имели иную направленность, подчас не оставлявшую для читателя альтернативного выбора. «Если бы взбесившийся зверь мог говорить, – приводились в газете “Красное знамя” слова Горького, – то он непременно говорил бы языком Гитлера и Муссолини» (Красное знамя 1943а).

В ином свете предстала и история Первой мировой войны, и непростые исторические перипетии на Украине. Не отказываясь от «империалистической» сущности той войны, Д. Вильнин в своей газетной статье переместил ее в национальный контекст, и, поскольку солидарность с царским правительством в реалиях тех лет была утопией, центральной в интерпретации оказалась вновь романтическая контрверза германского и славянского миров. «Ограбленную и истерзанную Россию, – отмечал автор, – германские хищники в своих наглых мечтах отбрасывали далеко от Балтийского и Черного морей и ставили в рабскую зависимость от Германии. В итоге “высший германизм” торжествует над “низшим славянством”» (Вильнин 1941). Той же миссии порабощения одного народа другим в историко-пропагандистской сетке была подчинена «германская оккупация на Украине в 1918 г.». Германия же в свою очередь представляла как «злейший враг украинского народа» (Рябцев 1941).

Реабилитация русского национального дискурса сделала возможной газетную публикацию 1943 г. (после освобождения столицы УССР) академика А.И. Белецкого, эвакуированного в Томск из Киева. Его статья была посвящена этому «Великому городу» как купели русской

цивилизации. Белецкий отмечал: «Колыбель культуры трех братских народов нашего Союза – украинского, белорусского, русского... вновь раскрывает измученные, исплаканные глаза». Заслуживает внимания и живописное описание академиком Киева, очень славянское по лексике и историко-филологическим отсылкам: «Город Владимира-Красное Солнышко, город Ярослава Мудрого, воспетый былинами, прославленный русскими и украинскими поэтами от Державина до Пушкина, от Шевченко, Гребенки, Нечуя-Левицкого до Тычины, Бажана, Рильского – снова очищен от “силы поганой”, снова сияет прекрасной звездой среди городов нашей Родины!» (Белецкий 1943).

«Русский расцвет» в старейшем академическом центре Северной Азии – г. Томске не мог не обернуться историко-просветительской кампанией, в ходе которой фигуры Павлова, Мечникова, Сеченова, Тимирязева предстали как прежде всего «русские ученые», и «за границей», как отмечал профессор П.К. Анохин, «боровшиеся за достоинства русской науки» (Анохин 1942). «Русскую» актуализацию получили поэт Шевченко, баснописец Крылов, драматург Грибоедов и другие знаковые деятели русской – славянской культуры.

Особого внимания в контексте неоромантического дискурса в политике памяти удостоились фигуры русского романтизма, прежде всего крупнейший отечественный поэт-романтик Лермонтов. К 100-летию со дня смерти Михаил Юрьевич предстал перед читающей публикой «романтиком», но при этом «одним из самых земных поэтов». В «Советской Сибири» отмечалось в связи с этой знаменательной датой: «Он жаждал земных дел, в первую очередь, для той земли, которая является родиной, и своим творчеством утверждал, что быть верным сыном и патриотом своей родины – вот счастливая судьба и священное право человеческой личности» (Павлов 1941).

Гордость за богатое русское прошлое в искусстве, литературе, науке становится устойчивым трендом в газетной публицистике времен войны, в особенности заключительного ее этапа, когда сама история готовила почву для этой гордости. Отсюда вытекает и известная склонность к продвижению исключительности русского народа. На Втором всеславянском митинге, состоявшемся 4 и 5 апреля 1942 г. в Москве, прозвучала такая речь: «Фашисты ненавидят славянство, как ненавидят все, что одарено талантом, живой мыслью и благородными человеческими устремлениями. Я горжусь тем, что я русский. Я горжусь тем, что я славянин и принадлежу к племени, которое подарило миру таких талантов, как Пушкин и Лев Толстой. Я горжусь тем, что мои братья по крови, поляки, дали мировой культуре Мицкевича, что мои одноплеменники, сербы, создали эпос, на протяжении долгих столетий являющийся предметом восхищения всего культурного

человечества... Наше искусство ненавистно гитлерам и геббельсам, ибо оно сумело воспеть лучшие качества славянских народов – их беззаветную храбрость, их готовность к самопожертвованию во имя благородных идеалов, их пламенную любовь к Отчизне» (Советская Сибирь 1942). Эти слова прозвучали из уст Дмитрия Шостаковича, великого русского композитора.

Обратной стороной гордости становится ненависть к народу германскому, среди которого, как всем нам известно, также есть немало великих представителей. Знал это, конечно же, и Д.Д. Шостакович, среди любимых и почитаемых композиторов которого были Бах и Бетховен.

«Изверги», «бандиты», «каннибалы» – советский пропагандистский словарь времен войны хранит в себе немало красочных определений для этого народа. И все же на полотне истории Великой Отечественной войны и в конструкции исторической памяти русского человека того времени мы не найдем монолитного изображения, но непременно столкнемся с противоречием. На страницах «Советской Сибири» была напечатана речь немецкого поэта Иоганнеса Бехера: «Невыносимо горько – это особенно остро чувствуют все честные немцы, – что все эти ужасные преступления, что самая подлая, бессовестная ложь распространилась на немецком языке, что от имени Германии совершались поступки, жестокость которых далеко превышает все самое отвратительное, что знала человеческая история». И далее: «В сердцах всех честных немцев нет места никакой расовой ненависти. ...Если бы немецкий народ был свободным, он никогда не дал бы использовать себя ради такого кровавого безнадежного мероприятия» (Советская Сибирь 1941b). Быть может, принадлежность этих слов немцу могла бы стать поводом заподозрить пристрастность, если бы схожие мысли не звучали в нередко тиражируемой на протяжении всех военных лет речи главного человека в СССР – Сталина. «В этой войне, – подчеркивал он, – мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками» (Красное знамя 1941b).

Той же позиции придерживался в своей публицистике академик Е.В. Тарле, делая акцент на «фашистской», но не германской расе как главном враге в войне. И даже рассуждая о «творчестве» «полуграмотного ефрейтора Гитлера и недоучек Розенберга и Геббельса», историк предпочел сослаться на надежное мнение большого немецкого писателя и антифашиста Генриха Манна (Тарле 1941), чем в очередной раз подчеркнул разрыв между фашизмом и Германией – между болезнью и ее несчастной жертвой.

Здесь сходятся возрожденное чувство национальной исключитель-

ности и обманчивая ненависть: русские в поле исторической политики оказались избранными для освобождения немецкого народа от фашистского ига, от «чумы XX века».

Таким образом, концепция германского народа, сраженного «проклятием», контрастно сосуществовала с идеей Германии как этноисторического врага народов славянских, оставляя для нас это объективное противоречие как один из характерных признаков политики памяти времен новых «бури и натиска». Цепь этих противоречий продолжает и то, что процесс инфильтрации национального дискурса в систему пропаганды, как нам удалось убедиться, не носил абсолютного характера – весь период войны он сосуществовал с традиционно советской лексикой, риторикой и символикой. Это определило общую эклектизацию исторической политики. Борьба национальная подчас сливалась с борьбой классовой, а русский народ предстал как избранный для миссии освобождения, для миссии Великой Октябрьской социалистической революции. С.В. Бахрушин отмечал: «Можно с полным основанием сказать, что русский народ был и остается знаменосцем революции». И далее: «После Октября русский народ во всеуслышание провозгласил великие лозунги социалистической революции... Недаром всюду – в Европе и в Америке, в Азии и в далекой Австралии – слово “русский” является синонимом борца за свободу» (Бахрушин 1945).

Этот эклектизм нашел свое рельефное выражение в историко-символическом ореоле «города лучших традиций рабочего класса и передовой русской интеллигенции», города декабристов, революции 1905 г. и Великого Октября, города – родины русской науки, величественных архитектурных ансамблей и великих имен, «которыми справедливо гордится наша великая Родина». Так описывал свой родной Ленинград эвакуированный в годы войны в Томск А.А. Заварзин (Заварзин 1944). Город русского классицизма и в статье Ярошевского предстал как место, где «по-прежнему бьется пламенное и неукротимое сердце революции» (Ярошевский 1942с). И все же разорение Царского села в газетной реплике профессора К.Э. Гриневича оставалось прежде всего «преступлением перед русской нацией» (Гриневич 1944).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что от нашего взора не может уйти и положение, согласно которому дискурс национальной исключительности в некотором роде стал обратным отражением идеологии титульного врага Советского Союза в этой войне, – конечно же, без экстремального выражения этой исключительности в виде расовой гигиены. Можно утверждать, что именно экстремумы исторической политики СССР времен Великой Отечественной вой-

ны выступили вестником того, что в послевоенные годы выльется в крайние формы борьбы с космополитизмом.

В годы войны интеллектуальный потенциал Северной Азии наряду с интеллектом всей страны оказался мобилизован в школу воспитания масс, которая внедрила в систему пропаганды и исторического просвещения русские национальные дискурсы. Все же историческое зеркало героики русской истории и истории германского народа, представленное в сибирской прессе на протяжении всех военных лет, оказалось расколотым глубинным противоречием: между репрезентацией Германии как этногенетического врага славян и попыткой сохранить советский интернациональный взгляд, равно как и, вопреки наставлениям профессора Неедлы, милосердие к народу, погруженному в состояние безумия. Однако вне поля противоречий обращение к образам «русского» прошлого и славянского мира, без сомнения, стало одним из факторов мобилизации сознания в Великой Отечественной войне, подтверждением старой истины о том, что книга будущего подчас пишется пером исторического прошедшего – того, что мы назовем этим прошедшим.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин 1942 – *Анохин П.К.* Великий ученый (к 6-летию со дня смерти академика И.П. Павлова) // Красное знамя. Орган Томского горкома ВКП(б) и городского совета депутатов трудящихся (с августа 1944 г. – Томского обкома ВКП(б) и Областного совета депутатов трудящихся) (далее – Красное знамя). 1942. 26 февр.

Бахрушин 1945 – *Бахрушин С.В.* Русский народ – выдающаяся нация // Красное знамя. 1945. 11 июля.

Белецкий 1943 – *Белецкий А.И.* Слава тебе, великий город Киев – любимец наших народов! // Красное знамя. 1943. 8 нояб.

Бутаков 1944 – *Бутаков И.Н.* Внесем вклады в фонд победы // Красное знамя. 1944. 20 февр.

Вильнин 1941 – *Вильнин Д.* Разгром немецкой армии Вильгельма в период первой империалистической войны // Красное знамя. 1941. 27 июля.

Гриневич 1944 – *Гриневич К.Э.* Немцы за все ответят // Красное знамя. 1944. 28 янв.

Досталь 2002 – *Досталь М.Ю.* Славянская идея и славяноведение в годы Великой Отечественной войны // Славянский альманах. 2001. С. 304–319.

Заварзин 1944 – *Заварзин А.А.* Ленинград победил // Красное знамя. 1944. 11 февр.

Карташов 1941 – *Карташов Н.И.* Священный долг ученого // Красное знамя. 1941. 6 июля.

- Красное знамя 1941a – Пламя патриотизма горит ярко // Красное знамя. 1941. 31 июля.
- Красное знамя 1941b – Единый фронт свободолюбивых народов // Красное знамя. 1941. 2 авг.
- Красное знамя 1941c – Лекции историков // Красное знамя. 1941. 30 дек.
- Красное знамя 1941d – Лекция профессора Неусыхина // Красное знамя. 1941. 28 дек.
- Красное знамя 1943a – В записную книжку агитатора. Русские писатели о немцах // Красное знамя. 1943. 3 июля.
- Кугель 1941 – *Кугель Р.Е.* Отечественная война русского народа против Наполеона // Красное знамя. 1941. 29 июня.
- Кузнецов 1942 – *Кузнецов В.Д.* Работа томских ученых в военное время // Красное знамя. 1942. 25 окт.
- Лавров 1942 – *Лавров С.Г.* Патриотизм и защита Родины в произведениях Льва Толстого (к 32-летию со дня смерти) // Красное знамя. 1942. 26 нояб.
- Павлов 1941 – *Павлов Г.* Великий русский поэт (Заметки о Лермонтове к 100-летию со дня смерти) // Советская Сибирь. Орган Новосибирского обкома и горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся (далее – Советская Сибирь). 1941. 27 июля.
- Рябцев 1941 – *Рябцев И.* Крах германской оккупации на Украине в 1918 г. // Красное знамя. 1941. 20 июля.
- Советская Сибирь 1941a – Все славяне на борьбу против общего врага! (Передовая «Правды» за 12 августа 1941 года) // Советская Сибирь. Новосибирск. 1941. 13 авг.
- Советская Сибирь 1941b – Всеславянский митинг в Москве // Советская Сибирь. 1941. 14 авг.
- Советская Сибирь 1941c – Зарубежные отклики на всеславянский митинг в Москве (ТАСС) // Советская Сибирь. 1941. 17 авг.
- Советская Сибирь 1941d – Зарубежные отклики на всеславянский митинг в Москве (ТАСС) // Советская Сибирь. 1941. 19 авг.
- Советская Сибирь 1942 – Второй всеславянский митинг в Москве // Советская Сибирь. 1942. 8 апр.
- Тарле 1941 – *Тарле Е.В.* Германский фашизм и славянские народы // Советская Сибирь. 1941. 5 авг.
- Фоминых 1998 – *Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В.* Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
- ЦДНИ ТО 1 – Центр документации новейшей истории Томской области (далее ЦДНИ ТО). Ф. 1078. Оп. 1. Д. 4. Переписка по вопросам: о местных природных ресурсах, об установлении связи комитета с предприятиями области и др.

ЦДНИ ТО 2 – ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 1. Информация комитета ученых о работе и переписка с всесоюзным комитетом по делам высшей школы, с Р.С. Землячкой и др.

Ярошевский 1941а – *Ярошевский Э.Н.* Века борьбы и славы // Красное знамя. 1941. 11 нояб.

Ярошевский 1941б – *Ярошевский Э.Н.* Великие полководцы русской земли. 1. Александр Невский // Красное знамя. 1941. 20 нояб.

Ярошевский 1941с – *Ярошевский Э.Н.* Великие полководцы русской земли. 2. Дмитрий Донской // Красное знамя. 1941. 2 дек.

Ярошевский 1942а – *Ярошевский Э.Н.* Усилим политико-воспитательную работу среди молодежи // Красное знамя. 1942. 4 янв.

Ярошевский 1942б – *Ярошевский Э.Н.* Родина // Красное знамя. 1942. 1 янв.

Ярошевский 1942с – *Ярошевский Э.Н.* «Кровавое воскресенье» // Красное знамя. 1942. 21 янв.

Ярошевский, Неусыхин, Гриневиц 1941 – *Ярошевский Э.Н., Неусыхин А.И., Гриневиц К.Э. и др.* К работникам исторического фронта! // Красное знамя. 1941. 23 окт.

REFERENCES

Anokhin, P.K. (1942) Velikiy uchenyy (k 6-letiyu so dnya smerti akademika I.P. Pavlova) [Great scientist (to the 6th anniversary since the death of Academician I.P. Pavlov)]. *Krasnoe znamya*. 26th February.

Bakhrushin, S.V. (1945) Russkiy narod – vydayushchayasya natsiya [The Russians are a great nation]. *Krasnoe znamya*. 11th July.

Beletsky, A.I. (1943) Slava tebe, velikiy gorod Kiyev – lyubimets nashikh narodov! [Glory to you, Kyiv The Great – a favorite of our peoples]. *Krasnoe znamya*. 8th November.

Butakov, I.N. (1944) Vnesem vklady v fond pobedy [Let us contribute to the Victory Fund]. *Krasnoe znamya*. 20th February.

Vilnin, D. (1941) Razgrom nemetskoj armii Vil'gel'ma v period pervoy imperialisticheskoy voyny [The defeat of the German army of Wilhelm during the First Imperialist War]. *Krasnoe znamya*. 27th July.

Grinevich, K.E. (1944) Nemtsy za vse otvetyat [The Germans will pay for everything]. *Krasnoe znamya*. 28th January.

Dostal, M.Yu. (2001) Slavyanskaya ideya i slavyanovedenie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Slavic idea and Slavic studies during the Great Patriotic war]. *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanac*. pp. 304–319.

Zavarzin, A.A. (1944) Leningrad pobedil [Leningrad has won]. *Krasnoe znamya*. 11th February.

Kartashov, N.I. (1941) Svyashchenny dolg uchenogo [The solemn duty of scientist]. *Krasnoe znamya*. 6th July.

Krasnoe znamya. (1941a) Plamya patriotizma gorit yarko [The flame of patriotism is burning brightly]. 31st July.

Krasnoe znamya. (1941b) Edinyy front svobodolyubivyykh narodov [United front of freedom-loving peoples]. 2nd August.

Krasnoe znamya. (1941c) Lektsii istorikov [Lectures of historians]. 30th December.

Krasnoe znamya. (1941d) Lektsiya professora Neusykhina [The lectures of Professor Neusykhin]. 28th December.

Krasnoe znamya. (1943a) V zapisnuyu knizhku agitatora. Russkiye pisateli o nemtsakh [To the propagandist's notebook. Russian writers about Germans]. 3rd July.

Kugel, R.E. (1941) Otechestvennaya voyna russkogo naroda protiv Napoleona [The Patriotic War of the Russian people against Napoleon]. *Krasnoe znamya*. 29th June.

Kuznetsov, V.D. (1942) Rabota tomskikh uchenykh v voennoe vremya [The work of Tomsk scientists during the wartime]. *Krasnoe znamya*. 25th October.

Lavrov, S.G. (1942) Patriotizm i zashchita Rodiny v proizvedeniyakh L'va Tolstogo (k 32-letiyu so dnya smerti) [Patriotism and protection of the Motherland in the works by Leo Tolstoy (To the 32nd anniversary of his death)]. *Krasnoe znamya*. 26th November.

Pavlov, G. (1941) Velikiy russkiy poet (Zametki o Lermontove k 100-letiyu so dnya smerti) [The Great Russian poet (Notes on Lermontov. To the Centenary of his death)]. *Sovetskaya Sibir'*. 27th July.

Ryabtsev, I. (1941) Krakh germanskoy okkupatsii na Ukraine v 1918 g. [The collapse of the German occupation in Ukraine in 1918]. *Krasnoe znamya*. 20th July.

Sovetskaya Sibir'. (1941a) Vse slavyane na bor'bu protiv obshchego vraga! (Peredovaya "Pravdy" za 12 avgusta 1941 goda) [All Slavs to the fight against a common enemy (Editorial of "Pravda" for August 12, 1941)]. 13th August.

Sovetskaya Sibir'. (1941b) Vseslavyanskiy miting v Moskve [The All-Slavic Demonstration in Moscow]. 14th August.

Sovetskaya Sibir'. (1941c) Zarubezhnye otkliki na vseslavyanskiy miting v Moskve (TASS) [Foreign responses to the All-Slavic Demonstration in Moscow (TASS)]. 17th August.

Sovetskaya Sibir'. (1941d) Zarubezhnye otkliki na vseslavyanskiy miting v Moskve (TASS) [Foreign responses to the All-Slavic Demonstration in Moscow (TASS)]. 19th August.

Sovetskaya Sibir'. (1942) Vtoroy vseslavyanskiy miting v Moskve [The Second All-Slavic Demonstration in Moscow]. 8th April.

Tarle, E.V. (1941) Germanskiy fashizm i slavyanskiye narody [German fascism and Slavic peoples]. *Sovetskaya Sibir'*. 5th August.

Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. & Litvinov, A.V. (1998) *Professora*

Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar' [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

The Documentation Centre for Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). *Perepiska po voprosam: o mestnykh prirodnnykh resursakh, ob ustanovlenii svyazi komiteta s predpriyatiyami oblasti i dr.* [Correspondence on questions: about local natural resources, establishment of communication of Committee with the enterprises of area, etc.]. Fund 1078. List 1. File 4.

The Documentation Centre for Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). *Informatsiya komiteta uchenykh o rabote i pe-repiska s vsesoyuznym komitetom po delam vysshey shkoly, s R.S. Zemlyachkoy i dr.* [Information of the Committee of Scientists on the work and correspondence with the All-Union Committee for Higher Education, with R.S. Zemlyachka, etc.]. Fund 1078. List 2. File 1.

Yaroshevsky, E.N. (1941b) Veka bor'by i slavy [Centuries of struggle and glory]. *Krasnoe znamya*. 11th November.

Yaroshevsky, E.N. (1941b) Velikie polkovodtsy russkoy zemli. 1. Aleksandr Nevskiy [Great warlords of the Russian land. Alexander Nevsky]. *Krasnoe znamya*. 20th November.

Yaroshevsky, E.N. (1941c) Velikie polkovodtsy russkoy zemli. 2. Dmitriy Donskoy [Great warlords of the Russian land. Dmitriy Donskoy]. *Krasnoe znamya*. 2nd December.

Yaroshevsky, E.N. (1942a) Usilim politiko-vospitatel'nyuyu rabotu sredi molodezhi [Let us strengthen political and educational work among young people]. *Krasnoe znamya*. 4th January.

Yaroshevsky, E.N. (1942b) Rodina [Motherland]. *Krasnoe znamya*. 1st January.

Yaroshevsky, E.N. (1942a) "Krovavoe voskresen'ye" ["Red Sunday"]. *Krasnoe znamya*. 21st January.

Yaroshevsky, E.N., Neusykhin, A.I., Grinevich, K.E. et al. (1941) K rabotnikam istoricheskogo fronta! [To the workers of the historical front!]. *Krasnoe znamya*. 23rd October.

Степнов Алексей Олегович – аспирант исторического факультета, лаборант Лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Aleksey O. Stepnov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: brothe.numb1@gmail.com

Фоминых Сергей Федорович – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Sergey F. Fominykh – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

УДК 314.04+(477)+(438)+(497).4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/15

ЛЕМКИ-РУСИНИ У ПРЕДМЕТНОМУ ПОЛІ СУЧАСНИХ АКАДЕМІЧНИХ ДИСКУРСІВ УКРАЇНИ

І.Д. Любчик

Івано-Франківський національний медичний університет

Україна, 76018, м. Івано-Франківськ, вул. Галицька, 2

E-mail:lubczyk-79@ukr.net

Авторське резюме

Серед актуальних тем сучасної гуманітаристики виділяються студії, присвячені проблемам суміжних регіонів, які історично заселяли групи населення з особливим етнокультурним колоритом. Серед науковців проблема дослідження населення з українсько-польсько-словацького пограниччя в останні десятиліття набула особливої популярності. В Україні ця тематика теж викликала наукове зацікавлення вчених, а її предметне поле одержало поліаспектний формат в міждисциплінарному контексті. У запропонованій студії зробили спробу визначити академічний простір проблематики і проаналізувати дисертаційні дослідження молодих науковців. Автор стверджує, що на сьогоднішній день однією із складових вивчення населення західного порубіжжя є усталення дефінітивного апарату та вироблення єдиних методологічних підходів, результатом яких стане формування нової парадигми історіографічних напрацювань з вивчення регіону.

Ключові слова: історіографія, лемки-русини, пограниччя, етнополітика.

ЛЕМКИ-РУСИНЫ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ УКРАИНЫ

И.Д. Любчик

Ивано-Франковский национальный медицинский университет
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Галицкая, 2
E-mail:lubczyk-79@ukr.net

Авторское резюме

Среди актуальных тем современной гуманитаристики выделяются те, что посвящены проблемам смежных регионов, которые исторически заселяли группы населения с особым этнокультурным колоритом. Среди ученых стран Центрально-Восточной Европы проблема исследования населения украинско-польско-словацкого пограничья в последние десятилетия приобрела особую популярность. На Украине эта тематика тоже вызвала научный интерес ученых, а ее предметное поле приобрело полиаспектный формат в междисциплинарном контексте. В предлагаемой статье мы пытаемся определить академическое пространство проблематики и проанализировать диссертационные исследования молодых ученых. Автор утверждает, что на сегодняшний день одной из составляющих изучения населения западного пограничья является упрочение дефинитивного аппарата и выработки единых методологических подходов, результатом которых станет формирование новой парадигмы историографических работ по изучению региона.

Ключевые слова: историография, лемки-русины, пограничье, этнополитика.

THE LEMKOS-RUSINS IN THE SUBJECT FIELD OF MODERN ACADEMIC DISCUSSIONS IN UKRAINE

I.D. Lyubchuk

Ivano-Frankivsk National Medical University
2 Galytska Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine,
E-mail:lubczyk-79@ukr.net

Abstract

Modern Humanities pay a lot of attention to the problems of neighbouring regions, historically populated by peoples with a special ethnocultural identity. Scholars from

Central and Eastern Europe have actively studied the population of the Ukrainian-Polish-Slovak frontier over the recent decades. In Ukraine, the subject field of this topic has acquired a multidimensional format in an interdisciplinary context. This article focuses on the academic space of the problem and analyzes the dissertation researches of young scholars. The author argues that today the study of the western borderland population should aim, among others, at the definitive apparatus and development of common methodological approaches, which would result in the formation of a new paradigm of historiographical practices to explore the region.

Keywords: historiography, Lemkos-Rusins, borderline, ethnopolitics.

Українсько-польсько-словацьке пограниччя є найбільш контрастним порубіжним регіоном, який в умовах сьогодення адміністративно введений до складу трьох держав. Натомість у минулому це територія проживання етнографічної групи лемків-русинів, північна частина яких волею історичних обставин була виселена із своїх прабатьківських етнічних теренів, і тільки їх закарпатська частина сьогодні продовжує проживати в ненайсприятливіших умовах словацької етнополітики. Зважаючи на пошматовану адміністративними кордонами етнографічну цілісність, у радянські часи регіон був майже позбавлений уваги з боку дослідників. Натомість в останні десятиліття важливою складовою наукових дискурсів з вивчення означеного регіону є міжпредметні наукові дослідження.

Виникає необхідність комплексного опрацювання проблеми, що дозволить виважено оцінити історико-етнологічні процеси на пограниччі. Доцільно зробити аналіз цієї проблеми, насамперед в ключі українського наукового дискурсу, свідомо віддаючи перевагу виключно дисертаційним дослідженням молодих українських вчених, проаналізувати їх концептуальне бачення проблеми та представити широкому науковому загалу цю проблему.

Переконаний, що наявність значного масиву наукових дисертаційних праць, присвячених проблемі Лемківщини та лемків-русинів, викликає потребу аналізу позицій авторів, які, працюючи з подібними, а часто одними і тими ж документами, нерідко послуговуються різною термінологією, висловлюють своє бачення минулих подій, приходять до різних висновків.

Наскільки продуктивними і перспективними є такі дослідження, свідчать напрацювання науковців. У статті принципово важливо вважаємо притримуватися принципів наукового плюралізму. Напрацювання з лемко-русинської проблематики охоплюють широкий спектр міждисциплінарних дискурсів.

У цьому контексті насамперед привертають увагу дисертаційні роботи культурологічного напрямку, зокрема, одне з перших в українській фольклористиці дослідження про лемківську весільну обрядову пісню в міжетнічному контексті (Саварин 2003). Об'єктом цього дослідження обрано лемківську весільну пісенність як найконсервативніший сегмент регіональної обрядової етнокультури. Дисертант переконує, що пограничне розташування лемківського краю та тривале сусідство з іншими етносами, їх культурні та суспільно-політичні контакти зумовили взаємопроникнення елементів весільної пісенно-обрядової інсценізації. Водночас автор резюмує, що лемківські довесільні обряди в своїй основі мають більше рис автентичних, ніж привнесених з аналогічних словацьких чи польських обрядових дійств.

Доречним видається висновок дисертанта про політичний статус сусідніх етносів, який став важливим фактором етнокультурного обміну. На думку автора, між панівним і поневоленим народами завжди виникав психологічний бар'єр відчуження. В той же час між підневільними етносами існувала атмосфера взаєморозуміння, що сприяла культурному взаємообміну. Щоб це підтвердити, автор наводить 18 весільних пісень, які спільні для лемків і словаків, натомість такі зразки майже не виявлені у лемківсько-польські паралелі.

Водночас із дисертаційного дослідження є не зовсім зрозумілим теоретичний підхід автора до окремих і уданому випадку принципово важливих дефініцій. Дисертант вживає визначення «крайня західна етнографічна група українців», пізніше зауважує вже «невелика етнічна група». Не зовсім правильним нам видається вживання терміну «українські лемки».

До дисертаційних досліджень у сфері фольклористики належить і робота Л. Халюк (Халюк 2011). Вивчаючи усні наративи переселенців про трагічні події 1940-х рр. дисертант стверджує, що вони є незаперечним свідченням розпорошення українців у Польщі з метою їх повної асиміляції. Робота містить спеціальний підрозділ, який присвячений відображенню національної ідентичності українців-переселенців. Автором відзначено, що значне місце в досліджуваних наративах займають оповіді про тотальний нагляд за українським середовищем з боку радянських спецслужб, заборона спілкуватися українською мовою та збиратися гуртом.

Водночас авторка відзначає, що попри констатований високий рівень української національної свідомості у респондентів-оповідачів, все ж спостерігається певна напруженість, «двоїстість» життя української громади. Вони зберігають тісні стосунки через зустрічі, фестивалі, проте за місцем проживання свідомо приховують своє походження.

Тематично наближеною до фольклорної тематики є дисертація О. Фабрики-Процької (Фабрика-Процька 2007), об'єктом вивчення якої стала лемківська культура ХХ ст. Дисертант свідомо зосередила увагу на тих областях, де компактно проживають депортовані у ХХ ст. лемки та діють найактивніші лемківські громади (Тернопільська, Івано-Франківська та Львівська області).

Опрацювавши дослідницький матеріал про пісенний фольклор лемків, автор відзначає, що у ньому сильніше даються взнаки на-шарування різних пісенних епох; з огляду на історичні обставини інтенсивніше відбувався процес асиміляції з пісенними культурами сусідніх народів та пристосування лемківських пісенних зразків до загальноукраїнських регіональних музичних стилів.

Особливості збереження зразків пісенного лемківського фольклору досліджувала К. Чаплик (Чаплик 2010). Хронологічні межі, яких автор досліджувала лемківську народну пісенність як одну з регіональних складових української національної культури, охоплюють всі сфери життя лемків у другій половині ХХ ст. Оригінальністю дослідження відзначається джерельна база, яка насичена емпіричним матеріалом. Запис польових матеріалів автор проводила у місцях компактного і дисперсного проживання лемків-переселенців у Західній Україні та поселення автохтонних лемків на Закарпатті. Дисертант відзначає міжкордонне геополітичне положення лемківського краю, яке було сприятливим для пограничних впливів сусідніх культур.

На основі зібраних та опрацьованих польових матеріалів дослідниця узагальнює роль фольклору для лемків в контексті етнонаціональних процесів. «Тісний зв'язок з усною народною творчістю допомагав переселенцям упродовж довгих років черпати сили для протистояння асиміляції та був для лемків потужним каталізатором і фактором самоідентифікації» (Чаплик 2010: 12).

Серед новітніх дисертаційних досліджень присвячених вивченню лемків, слід згадати роботу В. Наконечного (Наконечний 2008), де зосереджено увагу на соціокультурній трансформації лемків у ХХ ст., що спричинила кардинальні зміни у всіх сферах їхнього життя. Географічні межі дослідження охоплювали тільки територію Лемківщини у складі Польщі включно із північно-західними землями, де відбулося розселення лемків внаслідок акції «Вісла», а також територію УРСР. Дисертант акцентує увагу на особливостях життя лемків на етнічних землях, їх депортації, процесі адаптації та культурному розвитку у нових геополітичних умовах.

Дослідження українсько-польсько-словацького порубіжжя в контексті лемкознавчого сегменту продовжені у дисертаційних роботах зі спеціальності етнологія (Турчак 1996; Любчик 2008). Останні роки

почали з'являтися окремі дисертаційні дослідження зі спеціальності всесвітня історія, де автори розглядають порубіжний регіон в контексті історичних процесів Словаччини та Польщі. Прикладом можуть служити дослідження М. Васильченко та О. Янчук (Васильченко 2009; Янчук 2015).

О. Турчак у своїй роботі обмежується тільки галицькою частиною Лемківщини, яка перебувала у складі Польщі. Особливістю роботи І. Любчика є Лемківщина як цілісний етнографічний регіон у галицькій та закарпатській її частинах. Автор розкриває форми і методи етнополітики різних урядів, з'ясовує її негативний вплив на національний розвиток лемків, визначає причини, які безпосередньо впливали на запізнільність та неоднорідний характер становлення національної ідентичності лемків.

Дослідниця М. Васильченко простежує історію виникнення та діяльність громадських організацій українців Східної Словаччини, громадсько-політичну, освітню та культурну ситуацію у Словаччині, основні напрямки діяльності українців, а також політику органів місцевої влади і самоврядування щодо українських організацій в другій половині ХХ ст. Автор виокремив три періоди, впродовж яких вирішувалося українське питання, підсумовуючи, що на початок 1990-х рр. воно залишилось відкритим (Васильченко 2009: 11).

Вивчаючи становище української громади у Польщі на тлі кризи 1980-х рр., О. Янчук торкається і проблем у всіх сферах життя лемківської групи. Автор стверджує, що наприкінці 1980-х рр. у Польщі всередині української громади відбулися істотні інституційні перетворення, які найбільше мали вплив на лемківську громаду, зокрема її остаточний розкол.

Доволі оригінальним у науковому вимірі, і особливо актуальним в умовах сьогодення, є дисертаційне дослідження Н. Кічері (Кічера 2015), присвячене питанням русинства, ідентифікації русинів, їх політико-правового статусу та можливостей впливу на етнополітику країн. В контексті розгляду проблемних питань в окресленому регіоні слушним є акцент автора на історичній периферійності території в рамках різних держав, що варто враховувати під час порівняльного аналізу русинської спільноти в запропонованих країнах, враховуючи концепцію «центр – периферія».

Дисертант структурував розділи роботи за проблемним принципом, формуючи їхні підрозділи по окремих країнах (Словаччина, Сербія, Польща та Україна), адже середовище проживання, зміна державної приналежності, пріоритетів етнополітики були визначальними факторами формування політичної свідомості та поведінки русинів.

Дослідниця відзначає не повну політичну суб'єктність русинів

Словаччини, відносно низький рівень політичної активності лемків у Польщі, а постсоціалістичний період характеризує як культурницький етап становлення лемківського руху. Водночас висвітлюючи проблеми русинства в Україні, автор підкреслює неоднозначність політики щодо русинів з боку центральної та регіональної влади. У висновках автор обґрунтовує думку, що найдоцільнішим є узагальнене вживання стосовно русинів категорії «етнічність», погоджуючись, таким чином, із західною традицією, де етнічність визначається як окрема група людей, що володіють певним ступенем зв'язків і солідарності, мають, принаймні латентно, уявлення про спільне походження та інтереси. Однак в Україні автор розглядає русинів як етнографічну групу, автотонну в регіоні проживання.

Важливим засобом самоідентифікації національних меншин в контексті інтеграційних процесів та духовного взаємозбагачення завжди була періодика, яка забезпечувала збереження культури української спільноти, сприяючи розширенню меж її спілкування зі світом. Вивченню журналу «Дукля», який почав виходити у 1950-х рр., присвячене дисертаційне дослідження О. Кушніра (Кушнір 2008). Автор вивчає періодичне видання крізь призму аналізу редакційної політики, структури, змісту, особливості ідейно-тематичної та жанрово-стильової типології публікацій, визначаючи місце друкованого органу в культурному просторі Словаччини. Окремий підрозділ присвячений становленню української журналістики на теренах Словаччини, зокрема періодики Пряшівського краю. Ретельно опрацювавши номери журналу «Дукля» – їхню проблемно-тематичну спрямованість автор зробив висновок, що поява видання «стало специфічно національним виявом самоідентифікації українців у чужій державі» (Кушнір 2008: 13).

Окрему групу наукових досліджень становлять дисертаційні роботи, предметом яких є переселення українців пограниччя та розселення на всій території України. Перші дослідницькі студії (Ткачук 1998; Кіцак 2003) носили узагальнюючий характер щодо усіх переселенців із Закарпаття.

Згодом автори дисертаційних досліджень почали вивчати процеси розселення та адаптації переселенців на території окремо взятих областей. Звуження загальноісторичного питання до меж окремо визначеної області зумовлене необхідністю здійснювати поглиблені дослідження. У цьому контексті виділимо роботи кількох науковців (Данилиха 2007; Боднарчук 2009; Байкеніч 2013).

Вивчаючи особливості депортацій, Д. Байкеніч резюмує, що більшість переселенців, які розмістилися у східних регіонах УРСР, походили з лемківських повітів Кросненського, Новосандецького, Горлицького, Ясельського і Новоторзького, однією з причин чого було

русофільство місцевого населення (Байкеніч 2013: 74–75).

Дослідниця Ю. Боднарчук в контексті розселення переселених в окремі регіони України концентрує свою дослідницьку увагу на Тернопільщині. У дисертації комплексно розглянуто закономірності розселення й адаптації населення, депортованого з Польщі впродовж 1944–1947 рр. Автор відзначає, що найпотужніше в області була представлена саме лемківська спільнота (71 %), а решта припала на підляшців із холмцями і надсянців, що становило загалом 44 % від усіх депортованих лемків (Боднарчук 2009: 10, 13).

У цьому контексті хотілось би згадати і працю українського дослідника (Kabaczij 2012). Вказане монографічне видання є доповненою версією його кандидатської дисертації, яку він захистив під керівництвом проф. Тадеуша Радзика в університеті Марії Кюрі-Склодовської у м. Люблін. Дослідження виразно поділено на дві частини. У першій автор описує сам процес переселення (до кінця 1946 р.), у другій – долі переселених на Херсонщину і Миколаївщину і тих, хто утік звідти у західні області України.

Свідченням полідисциплінарності лемкознавчих досліджень стала поява й дисертації з обширу психологічної науки (Шапаренко 2017). Автора-психолога цікавить насамперед суб'єктивний аспект етнічності, який охоплює соціально-психологічні установки, цінності та стереотипи.

Автор змістовно відтворила прояви етнічної самосвідомості лемків, стверджуючи, що первинно це етнографічна група, яка проживала на тому самому місці де вона історично сформувалася, проте депортаційні процеси 1940-х рр. призвели до переселення всієї лемківської популяції. А тому в умовах сьогодення, стверджує автор, доцільно розглядати лемків як етнічну групу, яка має власну історію, властиві відмінні елементи, а їх самосвідомість є не просто варіантом регіональної самосвідомості українського чи польського етносу.

Загалом можемо стверджувати, що проблематика досліджень українсько-польсько-словацького пограниччя, яка в радянські часи була просто викреслена із наукового простору, останні десятиліття цікавить дослідників різних гуманітарних напрямів.

Водночас доречно наголосити, що у порівнянні із зарубіжною історіографією, як не парадоксально, українська насамперед історична наука все ж відстає. Це при тому, що значна частина представників лемківської етнографічної групи, внаслідок подій середини ХХ ст., дисперсно проживає на території України. Приміром в українському академічному просторі ми не виявили жодної докторської дисертації, яка б була присвячена лемківсько-русинській проблематиці.

На сьогоднішній день однією із складових вивчення населення

західного порубіжжя є насамперед усталення дефінітивного апарату та вироблення єдиних методологічних підходів результатом яких стане формування нової парадигми історіографічних напрацювань з вивчення регіону.

ЛІТЕРАТУРА

Байкеніч 2013 – *Байкеніч Д.В.* Переселення українців із Польщі до Східних областей УРСР у другій половині 1940-х років: дис. ... канд. іст. наук. Луганськ, 2013. URL: www.lemko.org/pdf/Baikenich_2013.pdf (останній перегляд: 12 вересня 2018)

Боднарчук 2009 – *Боднарчук Ю.Ю.* Особливості розселення й адаптації на Тернопільщині українського населення, депортованого з території Польщі (1944–1947 рр.): дис. ... канд. іст. наук. Тернопіль, 2009. 315 с.

Васильченко 2009 – *Васильченко М.А.* Громадсько-політична та культурно-освітня діяльність українців у Східній Словаччині (1945–1992 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2009. 23 с.

Данилиха 2007 – *Данилиха Н.Р.* Соціально-побутова адаптація українців із Польщі в УРСР у 1944–1950-х роках (на матеріалах західних областей України): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2007. 21 с.

Кіцак 2003 – *Кіцак В.М.* Депортація українців з Польщі в УРСР у 1944–1946 рр. та їх соціально-економічна адаптація: автореф. дис... канд. іст. наук. Чернівці, 2003. 21 с.

Кічера 2015 – *Кічера Н.М.* Русини в етнополітиці країни центральної та південно-східної Європи: автореф. дис. ... канд. політ. наук. Чернівці, 2015. 23 с.

Кушнір 2008 – *Кушнір О.В.* Журнал «Дукля» (Словаччина, 1953–2004 рр.): організаційний, проблемно-тематичний та жанровий аспекти: автореф. дис. ... канд. наук із соціальних комунікацій. Київ, 2008. 17 с.

Любчик 2008 – *Любчик І.Д.* Етнополітичні процеси на Лемківщині (90-ті рр. ХІХ – 30-ті рр. ХХ ст.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Івано-Франківськ, 2008. 20 с.

Наконечний 2008 – *Наконечний В.М.* Лемки в ХХ столітті: Життя на етнічних землях та в нових геополітичних умовах: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2008. 19 с.

Саварин 2003 – *Саварин Т.В.* Лемківські весільні обрядові пісні в міжетнічному контексті: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Львів, 2003. 21 с.

Ткачук 1998 – *Ткачук В.Н.* Соціально-політичні процеси на західноукраїнських землях в перше повоєнне десятиріччя (1944–1954): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 1998. 17 с.

Турчак 1996 – *Турчак О.В.* Сільська громада улемків (1866–1939): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 1996. 19 с.

Фабрика-Процька 2007 – *Фабрика-Процька О.Р.* Пісенна культура лемків

XX століття: збереження традицій та новотворчість: автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства. Львів, 2007. 20 с.

Халюк 2011 – *Халюк Л.М.* Усні народні оповідання українців-переселенців Лемківщини, Холмщини та Підляшшя: жанрово-тематична специфіка, художні особливості: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2011. 20 с.

Чаплик 2010 – *Чаплик К.М.* Трансформація пісенного фольклору лемківських переселенців у Західній Україні (повоєнний період): автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства. К., 2010. 23 с.

Шапаренко 2017 – *Шапаренко Ю.В.* Соціально-психологічні особливості етнічної самосвідомості лемків: дис. ... канд. психол. наук. Київ, 2017. 222 с.

Янчук 2015 – *Янчук О.А.* Становище української громади у Польщі (1980–1990): дис. ... канд. іст. наук. Острогож, 2015. 214 с.

Kabaczij 2012 – *Kabaczij R.* Wypnani na stepy. Przesiedlenie ludności ukraińskiej z Polski na południe Ukrainy w latach 1944–1946. Wydawca: Związek Ukraińców w Polsce; Warszawa, 2012. 382 s.

REFERENCES

Baykenich, D.V. (2013) *Pereselennya ukrayintsiv iz Pol'shchi do Skhidnykh oblastey URSS u druhiy polovyni 1940-kh rokiv* [Resettlement of Ukrainians from Poland to the Eastern regions of the UkrSSR in the second half of the 1940s]. History Cand. Diss. Luhansk. [Online] Available from: www.lemko.org/pdf/Baikienich_2013.pdf (Accessed: 12th September 2018).

Bodnarchuk, Yu.Yu. (2009) *Osoblyvosti rozselennya y adaptatsiyi na Ternopil'shchyni ukrayins'koho naseleння, deportovanoho z terytoriyi Pol'shchi (1944–1947 rr.)* [Features of resettlement and adaptation in the Ternopil region of the Ukrainian population deported from the territory of Poland (1944–1947)]. History Cand. Diss. Ternopil.

Vasylchenko, M.A. (2009) *Hromads'ko-politychna ta kul'turno-osvitnya diyal'nist' ukrayintsiv u Skhidny Slovačchyni (1945–1992 rr.)* [Socio-political, cultural and educational activity of Ukrainians in Eastern Slovakia (1945–1992)]. Abstract of History Cand. Diss. Lviv.

Danylykha, N.R. (2007) *Sotsial'no-pobutova adaptatsiya ukrayintsiv iz Pol'shchi v URSS u 1944–1950-kh rokakh (na materialakh zakhidnykh oblastey Ukrayiny)* [Socio-domestic adaptation of Ukrainians from Poland to the Ukrainian SSR in 1944–1950s (on materials of western regions of Ukraine)]. Abstract of History Cand. Diss. Lviv.

Kitsak, V.M. (2003) *Deportatsiya ukrayintsiv z Pol'shchi v URSS u 1944–1946 rr. ta yikh sotsial'no-ekonomichna adaptatsiya* [Deportation of Ukrainians from Poland in the Ukrainian SSR in 1944–1946 and their socio-economic adaptation]. Abstract of History Cand. Diss. Chernivtsi.

Kichera, N.M. (2015) *Rusyny v etnopolitytsi krainy tsentral'noyi ta pivdenno-*

-skhidnoyi Evropy [Rusins in the ethnopolitics of the central and south-eastern European countries]. Abstract of Political Science Cand. Diss. Chernivtsi.

Kushnir, O.V. (2008) *Zhurnal "Duklya" (Slovachchyna, 1953–2004 rr.): orhanizatsiynny, problemno-tematychnyy ta zhanrovyy aspekty* ["Dukla Magazine" (Slovakia, 1953–2004): organizational, problem-thematic and genre aspects]. Abstract of Social Communication Cand. Diss. Kyiv.

Lyubchuk, I.D. (2008) *Etnopolitychni protsesy na Lemkivshchyni (90-ti rr. XIX – 30-ti rr. XX st.)* [Ethnopolitical processes in Lemkivshchyna (the 1890s–1930s)]. Abstract of History Cand. Diss. Ivano-Frankivsk.

Nakonechnyy, V.M. (2008) *Lemky v XX stolitti: Zhyttya na etnichnykh zemlyakh ta v novykh heopolitychnykh umovakh* [Lemkos in the 20th century: Life in ethnic lands and in new geopolitical conditions]. Abstract of History Cand. Diss. Kyiv.

Savaryn, T.V. (2003) *Lemkivs'ki vesil'ni obryadovi pisni v mizhetnichnomu konteksti* [Lemko wedding ceremonial songs in the interethnic context]. Abstract of Philology Cand. Diss. Lviv.

Tkachuk, V.N. (1998) *Sotsial'no-politychni protsesy na zakhidnoukrayins'kykh zemlyakh v pershe povoenne desyatyrichchya (1944–1954)* [Socio-political processes in the western Ukrainian lands in the first post-war decade (1944–1954)]. Abstract of History Cand. Diss. Lviv.

Turchak, O.V. (1996) *Sil's'ka hromada u lemkyv (1866–1939)* [Village community in Lemkos (1866–1939)]. Abstract of History Cand. Diss. Lviv.

Fabryka-Protska, O.R. (2007) *Pisenna kul'tura lemkyv XX stolittya: zberezhennya tradytsiy ta novotvorchist'* [The song culture of the Lemkos of the twentieth century: the preservation of traditions and novelty]. Abstract of Art History Cand. Diss. Lviv.

Khalyuk, L.M. (2011) *Usni narodni opovidannya ukrayintsiv-pereselentsiv Lemkyvshchyny, Kho-lmshchyny ta Pidlyashshya: zhanrovo-tematychna spetsyfika, khudozhni osoblyvosti* [Oral folk tales of Ukrainian immigrants of Lemkivshchyna, Kholmshchyny and Pidlyashchy: genre-themed specifics, artistic features]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kyiv.

Chaplyk, K.M. (2010) *Transformatsiya pisennoho fol'kloru lemkyv's'kykh pereselentsiv u Zakhidniy Ukrayini (povoyennyi period)* [Transformation of song folklore of Lemko migrants in Western Ukraine (post-war period)]. Abstract of Art History Cand. Diss. Kyiv.

Shaparenko, Yu.V. (2017) *Sotsial'no-psykholohichni osoblyvosti etnichnoyi samosvidomosti lemkyv* [Socio-psychological peculiarities of Lemko's ethnic self-sufficiency]. Psychology Cand. Diss. Kyiv.

Yanchuk, O.A. (2015) *Stanovyshche ukrayins'koyi hromady u Pol'shchi (1980–1990)* [The situation of the Ukrainian community in Poland (1980–1990)]. History Cand. Diss. Ostroh.

Kabaczij, R. (2012) *Wynnani na stepy. Przesiedlenie ludności ukraińskiej z Polski na południe Ukrainy w latach 1944–1946* [Expelled to the steppes. Resettlement

of the Ukrainian population from Poland to the south of Ukraine in 1944–1946]. Warsaw: Związek Ukraińców w Polsce.

Любчик Игорь Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения и философии Ивано-Франковского национального медицинского университета (Украина).

Любчик Ігор Дмитрович – кандидат історичних наук, доцент кафедри українознавства і філософії Івано-Франківського національного медичного університету (Україна).

Igor D. Lyubchuk – Ivano-Frankivsk National Medical University (Ukraine).

E-mail: lubczyk-79@ukr.net

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/16

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ КАРПАТСКОЙ РУСИ

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

Термин *Карпатская Русь* возник в XIX в. для обозначения территории, населенной русским (русинским) населением Австро-Венгрии. Границы этой территории в течение многих веков постоянно сужались в результате ассимиляции восточнославянского населения соседними народами. В средние века в Венгерском королевстве существовала Русская марка. Проживали русины и в Трансильвании. Об этом свидетельствует многочисленная русинская топонимика. В XIX – начале XX в. под Карпатской Русью подразумевались регионы компактного расселения русинов Австро-Венгрии (Зарубежная Русь, Подъяремная Русь): Галичина, Буковина, Угорская Русь.

Галичина сегодня составляет территорию Львовской, Ивано-Франковской областей и большей частью Тернопольской и южной части Ровенской областей Украины, южной и восточной частей Подкарпатского воеводства Польши. Северная Буковина стала Черновицкой областью Украины, Южная Буковина – Сучавским уездом Румынии. Подкарпатская (Угорская) Русь после распада Австро-Венгрии оказалась в составе Чехословакии, часть – в составе Румынии (уезд Марамуреш). Часть территории под названием *Подкарпатская Русь* (нынешняя Закарпатская область Украины) стала автономной частью чехословацкого государства, западная часть – Пряшевщина – стала частью Словакии. Часть территории Угорской Руси вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Русины жили и на территории Российской империи. В Бессарабской губернии они компактно заселяли ее северные уезды. Угол Хотинского уезда, который соприкасался с австрийской Буковиной, называли русской Буковиной. Также русины проживали в Холмщине и Подляшье входивших в состав Царства Польского Российской империи.

Выделялись территории, заселенные этническими группами русинов: бойками, гуцулами, лемками. Бойковщина занимает горные районы украинских Карпат и Закарпатья (ряд районов Ивано-Франковской, Львовской и Закарпатской областей Украины). Гуцульщина охватывает юго-восточную часть украинских Карпат (часть районов Ивано-Франковской, Черновицкой и Закарпатской областей Украины), а также часть румынского Марамуреша. Лемковщина расположена на обоих склонах Восточных Бескидов. Ныне это Малопольское и Подкарпатское воеводства Польши, Пряшевщина (Словакия), Великоберезнянский и Перечинский районы Закарпатской области Украины.

В результате послевоенного обмена населением СССР с Польшей и Чехословакией (1944–1947), операции «Висла», проведенной Польшей (1947), продолжающейся ассимиляции существенно изменился национальный состав ряда территорий исторической Карпатской Руси.

Ключевые слова: Карпатская Русь, Галиция, Буковина, Подкарпатская Русь, Угорская Русь, Холмщина, Бессарабия, Бойковщина, Лемковщина, Гуцульщина, русины, бойки, гуцулы, лемки.

ON THE CARPATHIAN RUS' TERMINOLOGY

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The term *Carpathian Rus'* appeared in the 19th century to designate the territory inhabited by the Russian (Rusin) population of Austria-Hungary. For many centuries, the boundaries of this territory constantly narrowed due to the assimilation of the Eastern Slavic population by neighboring peoples. In the Middle Ages, the Marchia Ruthenorum existed in the Kingdom of Hungary. According to the numerous Rusin toponymy, Rusins also lived in Transylvania. In the 19th – early 20th centuries, Carpathian Rus' meant the regions of dense settlement of Rusins in Austria-Hungary (the so-called Foreign Russia, Enslaved Rus Marchia Ruthenorum): Galicia, Bukovina, Ugriic Russia).

Galicia today is the territory of Lviv, Ivano-Frankivsk and most of Ternopil and southern part of Rivne Regions of Ukraine, southern and eastern parts of Subcarpathian Voivodeship of Poland. Northern Bukovina became Chernivtsi Region of Ukraine, Southern Bukovina became Suceava District of Romania. Subcarpathian (Ugrian) Rus',

after the collapse of Austria-Hungary, became part of Czechoslovakia, and part of it was part of Romania (Maramureş county). A part of the territory called *Subcarpathian Rus'* (the current Transcarpathian region of Ukraine) became an autonomous part of the state. The western part – Prešov became a part of Slovakia.

Rusins also lived in the Russian Empire. In Bessarabian province, they densely populated its northern counties. The corner of Khotyn uezd, which was in contact with Austrian Bukovina, was called Russian Bukovina. Rusins lived in Chelm Land and Podlasie as part of the Polish territories of the Russian Empire.

There were territories populated by ethnic groups of Rusins: Boykos, Hutsul, Lemkos. Boykovschina occupies the territory of the mountainous regions of the Ukrainian Carpathians and Transcarpathia (a number of districts of Ivano-Frankivsk, Lviv and Transcarpathian regions of Ukraine). The Hutsul region occupies the south-eastern part of the Ukrainian Carpathians (part of Ivano-Frankivsk, Chernivtsi and Transcarpathian regions of Ukraine), as well as part of the Romanian Maramureş. Lemkovschina is located in the Beskid Mountains. Now it is the Lesser Poland and Subcarpathian Voivodeship of Poland, Pryashchevshchina (Slovakia), Velikoberezyansky district of the Transcarpathian Region of Ukraine.

Because of the post-war exchange of the USSR population with Poland and Czechoslovakia (1944–1947), the Polish Vistula campaign (1947) and the continuing assimilation, the national composition of a number of territories of the historical Carpathian Rus' significantly changed

Keywords: Carpathian Rus', Galicia, Bukovina, Subcarpathian Rus', Ugric Rus', Chelm Land, Bessarabia, Boykovschina, Lemkovschina, Hutsulshchina, Rusins, Boykos, Hutsuls, Lemkos.

В настоящее время наблюдается ничем не обоснованный отход от сложившейся терминологии, относящейся к понятию *Карпатская Русь* (Магочій 2006; Magocsi 2002; Magocsi 2015; Шевченко 2011). Данная терминология широко употреблялась в российской и русинской историографии с XIX в. (Аристов 1977; Бахтин 1915; Будилович 1903; Витте 1903; Витте 1914; Витте, Тураева – Церетели 1915; Головацкий 1875; Головацкий 1878; Де-Воллан 1878а; Де-Воллан 1878b; Де-Воллан 1885; Добрянский 1880; Добрянский 2009; Дулишкевич 1874; Дулишкевич 1875а; Дулишкевич 1875b; Духнович 1853; Духнович 1914; Зубрицкий 1852а; Зубрицкий 1852b; Зубрицкий 1855; Зубрицкий 1864; Казанский 1914; Кочубинский 1881; Кочубинский 1891; Кочубинский 1903; Кочубинский 2009; Купчанко 1895; Купчанко 1896; Купчанко 1897; Петров 1887; Петров 1892b; Погодин

1915; Свенцицкий 1905; Свенцицкий 1906; Свистун 1970; Франко 1929; Филевич 1894; Филевич 1896; Филевич 1907; Филевич 1895; Яворский 1914; Явдык 1904 и т. д.). Также определения, относящиеся к вышеупомянутому региону, разрабатывались украинской историографией (советской, диаспоральной, постсоветской). К сожалению, современных работ, где данная терминология была бы сведена воедино, пока не вышло.

Под **Карпатской Русью** подразумевались территории, населенные русинами и находившиеся в составе Австро-Венгрии: **Буковина, Галиция и Угорская Русь** (Приложения 1, 3; Аристов 1977; Головацкий 1875; Головацкий 1878; Свенцицкий 1905; Свенцицкий 1906; Филевич 1896; Филевич 1907; Филевич 1895 и т. д.).

Племенные земли восточных славян – бужан (дулебов, волынян), тиверцев, белых хорватов и уличей были присоединены к Древнерусскому государству в X в. После смерти Ярослава Мудрого земли белых хорватов, тиверцев, уличей и западная часть земли бужан (известна в летописи под именем червенских городов) были отданы в удел его правнукам Ростиславичам.

Червенские грады – термин, упоминающийся в «Повести временных лет» в двух эпизодах: в 1018 г. их захватил польский князь Болеслав I Храбрый, а в 1031 г. они вернулись под власть киевского князя в результате похода великого князя Ярослава Мудрого и черниговского князя Мстислава Владимировича. Считается, что Червенские города – это регион на западном пограничье Древней Руси с центром в Червене. Скорее всего, тот же регион имел в виду летописец в статье 981 г., говоря о «Червенские и иные грады», которые отобрал у «ляхов» Владимир Святославич. Вероятно, Червенские грады – то же, что и позднее **Червенская земля**, упомянутая в Галицко-Волынской летописи под 1225 г. В таком случае территория Червенских городов на востоке была ограничена Западным Бугом (приток Нарева, бассейн Вислы), на юге – Белзской землей, на западе – Польшей. Северный предел остается неопределенным. Неясно, входила ли в Червенские города будущая Холмская земля.

В конце XI в. на территории Перемышльской и Теребовльской земель утверждаются братья Ростиславичи, Василько и Володарь, которые и положили начало существованию **Галицкой земли**, как особого княжества. Сын Володаря Владимирко (Владимир) объединил Галицкую землю и перенес столицу далее на запад, в Галич, давший свое имя всему княжеству. **Галицкое княжество** занимало северо-восточные склоны Карпатских гор, верховья Днестра, Прута и Серета, на юге его территория доходила до Черного моря и Дуная. Представитель династии Ростиславичей Ярослав Осмомысл (1153–

1187) распространил свою власть до Дуная. Династия прервалась после смерти его сына Владимира (1199). Волынский князь Роман Мстиславович объединил Галицию с Волынью в общее княжество. Наибольшего расцвета оно достигло в годы правления Даниила Романовича (1238–1364).

В латиноязычных источниках, главным образом в XIV в. (в венгерских с XIII в.), Галицкое княжество называли **Королевство Русь** (Королевство русинов, лат. Regnum Russiae, Regnum Ruthenorum). Впоследствии под влиянием этого названия Галицию стали отождествлять с Русью (в узком смысле этого слова). Были коронованы Даниил Галицкий (с 1253) и Юрий Львович. Последний на печати титулуется, как и его дед, «Rex Russiae» (король Руси). В своих грамотах Юрий II Болеслав именовался «князем всей Малой Руси» или «князем Русского королевства». В этом случае понятие **Королевство Русь** было идентично понятию **Королевство Галиция**.

«Королем Руси» титуловал себя и король Польши Казимир III Великий в первые годы после захвата Галицкого княжества в ряде документов 1350–1358 гг. Кроме того, он выпускал отдельную монету для Русского королевства – русский грош.

В исторической и географической литературе для обозначения территории Королевства Руси (бывшего Галицкого княжества) иногда употребляется термин **Червоная Русь** (лат. Russia Rubra, Ruthenia Rubra). Это название – книжного происхождения, и среди местного населения распространения оно не получило.

Под **Галичиной** подразумевают исторический регион, охватывающий территории Львовской и Ивано-Франковской областей, большей части Тернопольской и южной части Ровенской области Украины, южной и восточной частей Подкарпатского воеводства Польши (Лемковщина с Перемышлем). В свое время Н.М. Пашаева обосновала употребление в историографии термина **Галичина** (с ударением на последнем слоге), а не **Восточная Галиция**, т. к. он наиболее полно отражает понятие. В то же время она избегала употребление термина **Западная Украина**, а для галичан – **украинцы**: «эти термины появились лишь со второй половины XIX в., когда в национально-освободительном движении края произошел раскол, породивший антагонизм русских галичан и галичан-украинцев».

Также в качестве синонима исторического региона **Галичина** (или Галичины вместе с Буковиной) применяют термин **Прикарпатье** (Восточное Прикарпатье).

Галицко-Волынское княжество со столицей в г. Галич (старый) было образовано из Галицкой и Волынской земель Романом Мстиславовичем в 1199 г. После смерти Даниила Романовича (1264) оно

было разделено между его сыновьями и братом Василько Романовичем.

В 1156 г. была основана Галицкая епархия, а 1303 г. – Галицкая митрополия (существовала с перерывами до 1347 и в 1371-1401 гг.). Ей первое время подчинялась Молдавская православная церковь.

После смерти последнего представителя династии Романовичей Юрия II Болеслава (он был сыном Тройдена I Пяста, князя Мазовецкого, и Марии Юрьевны, дочери Юрия Львовича) в 1340 г. между Польшей и Литвой началась борьба за Гальцко-Волынское наследство. Со времен правления Юрия II сохранилось несколько грамот. В одной из них Юрий называется «*Dei gratia natus dux minoris Russiae*» (здесь в первый раз встречается термин **Малая Русь**). На Галицкую землю было два претендента: польский король Казимир III как родственник и сюзерен мазовецких князей и один из сыновей великого князя Литовского Гедимина – Любарт, женатый на дочери владимирского князя. Война за галицко-волынское наследство длилась до 1392 г. В год смерти Юрия-Болеслава Казимир III предпринял поход на Галич, овладел Перемышльской и Львовской землей и увез из Львова в Польшу княжеские сокровища. После ухода Казимира галичане восстали, прибегли к покровительству татар и с их помощью изгнали поляков. Любарт захватил Владимир, Кременец и часть Червенской земли.

В 1349 г. Казимир предпринял второй поход на Русь, вытеснил Любарта из Волыни и подчинил себе мелких князей, сидевших там (вероятно, это были потомки Мстислава Даниловича). Любарт, в свою очередь, пошел на Галицкую Русь и проник до самого Галича. По заключенному договору Казимиру отошли Львовская, Перемышльская и Галицкая земли, а Любарту – Волынь, Холм и Бельз. После смерти Казимира польская корона досталась его племяннику Людовику Венгерскому, который считал своим коренным владением Венгрию и потому хотел присоединить к ней и Галицкую Русь. После смерти Людовика Венгрия досталась одной из его дочерей, Марии, а Польша другой – Ядвига. В 1386 г. Ядвига предприняла поход в Галицкую Русь и присоединила ее к Польше. С тех пор Галицкое княжество до разделов Польши оставалось одной из ее провинций.

Данная территория вошла в состав Королевства Польского на правах личного домена короля (Русский домен короля). В 1434 г. на территории бывшего Галицкого княжества было создано Русское воеводство (лат. *Pallatinatus Russiae*; польск. *Województwo Ruskie*) – административно-территориальная единица Королевства Польского и Речи Посполитой, просуществовавшая до 1772 гг. Воеводство состояло из пяти земель: Львовской – с центром во Львове, Галиц-

кой – с центром в Галиче, Перемышльской – с центром в Перемышле (ныне Пшемьсль Подкарпатского воеводства Польши), Холмской – с центром в Холме (ныне Хелм Люблинского воеводства, Польша) и Санокской – с центром в Саноке (ныне Санок Подкарпатского воеводства Польши). Каждая из земель, в свою очередь, делилась на уезды.

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. большая часть воеводства вошла в состав Габсбургской империи (с 1804 г. – Австрийская империя, с 1867 г. – Австро-Венгерская империя). В 1795 г. Габсбургская империя получила южные части Краковского и Сандомирского, а также Мазовецкого и Холмского воеводств. В 1809–1815 гг. Тернопольский округ принадлежал Российской империи. Краков с окраиной с 1809 г. – Варшавскому герцогству (протекторат наполеоновской Франции, созданный в 1807 г.). В 1815–1846 гг. существовала Краковская республика под патронатом Австрии, Пруссии и России. В 1846 г. Краков как Великое княжество Краковское вошел в состав Австрии.

На правах провинции было создано **Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора** (нем. Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogtum Krakau und den Herzogtümern Auschwitz und Zator).

Название данной юго-восточной провинции (с 1850 г. – коронного края) Австрии со столицей во Львове имело целью доказать наследственные права Габсбургов на новоприсоединенных земли: с XIII в. короли Венгрии, стремясь подчинить себе Галицию и Вольнь, титуловались некоторое время «королями Галиции и Лодомерии» (Владимирии, лат. Rex Galiciae et Lodomeriae). Сюда также вошли земли бывших Краковского и Сандомирского воеводств (их неофициально называли Западной Галицией). В 1786 г. в состав королевства включили Черновицкий округ, который в 1849 г. был выделен в отдельное герцогство Буковина.

Королевство состояло из следующих земель, перешедших к Австрии вследствие договоров 1773, 1777, 1815 и 1846 гг.: собственно Червоная Русь (т. е. юго-восточная часть Галиции между Днестром и Саном), Покутия (округ Коломыя), Подолия (округа Тернополь и Чортков, принадлежали Подольскому воеводству), Лодомерия (окрестности Сокола в округе Жолков (Zolkiew), которые принадлежали древней Лодомерии (Вольнскому княжеству)), Силезские герцогства Освенцим и Затор, Буковина (до 1849 г.), Республика Краков, присоединенная в 1846 г. и возведенная в Великое герцогство. Королевство Галиции и Лодомерии просуществовало до распада Австро-Венгрии в 1918 г.

Холмская земля по третьему разделу Речи Посполитой 1795 г. вошла частью в состав Австрии, частью в Российскую империю. По Венскому договору 1815 г. вся Холмщина стала частью Царства Польского в составе Российской империи.

После занятия территории Галичины и Буковины русской армией во время Первой мировой войны было создано Галицийское (Галицко-Буковинское) генерал-губернаторство. Осенью 1914 г. были образованы Львовская, Тернопольская, после занятия Буковины в сентябре - Черновицкая, в апреле 1915 г. - Перемышльская губернии, которые делились на уезды.

После окончания Первой мировой войны 19 октября 1918 г. Украинский национальный совет провозгласил во Львове Западно-Украинскую Республику, которая просуществовала с конца 1918 до начала 1919 г. С июля 1919 до сентября 1939 г. вместе с Западной Волынью Галичина (Львовское, Станиславское и Тернопольское воеводства) пребывала в составе Польши. В 1939–1941, 1944 –1991 гг. большая часть территории Галичины вошла в состав УССР. 4 декабря 1939 г. были созданы Львововская, Дрогобычская, Станиславская (ныне Ивано-Франковская), Тернопольская области (к последней отошли также южные окраины Волынского воеводства) (Бахтурина 2000; Бахтурина 2004; Величко 1892; Витте 1903; Витте, Тураева–Церетели 1915; Войтович 2011; Вортман 2012; Вортман 2013; Грушевський 1905а; Грушевський 1905b; Грушевський 1907; Дашкевич 1873; Ісаєвич 2004; Ісаєвич 2008а; Ісаєвич 2008b; Ісаєвич 2013; Кивлицкий 1892; Котляр 1985; Котляр 1998; Котляр 2004а; Котляр 2004b; Котляр 2004с; Купчанко 1896; Макар 2013а; Михайловський 2012; Пашаева 2001; Пашаева 2007; Пашуто 1950; Петров 1887; Суляк 2015а; Шмедес 1870).

Марамуреш (Мараморош, Мармарош) – историко-географический регион на левобережье Тисы (притока Дуная) в Карпатах. Впервые название *Мараморош* упоминается в грамоте 1199 г. Комитат (жупа) в северо-восточной части Венгерского королевства (1303–1918). С 1526 до 1733 гг. данная территория находилась в составе Трансильванского княжества. В 1919–1930 гг. на основании решений Сен-Жерменского и Трианонского мирных договоров был разделен между Чехословакией (Подкарпатская Русь, 3/5) и Румынией (2/5). В настоящее время его территория относится к Закарпатской области Украины (Раховский, Тячевский, Хустский и Межгорский районы) и румынскому жудецу Марамуреш.

Трансильванское княжество (Трансильвания, Семиградье, Эрдель, Сибенбюрген) – государство под протекторатом Османской империи (1541–1699), автономная часть Священной Римской империи

германской нации (1699–1806), впоследствии – Австрийской империи (1804–1867). Образовалось в результате распада Венгерского королевства. Охватывало части территорий современных Румынии, Венгрии, Словакии, Украины. Столица – г. Дюлафегервар (ныне Альба-Юлия, Румыния). К Трансильвании иногда относят также Мармарошину и Банат. С 1918 г. край вошел в состав Румынии. В 1940–1944 гг. северная часть Трансильвании по решению Второго Венского арбитража (1940) была присоединена к Венгрии. После Второй мировой войны решения Венского трибунала были аннулированы.

Исследователи до сих пор не определили границы упоминаемой в средневековых источниках существовавшей в Венгерском королевстве т. н. **Русской марки** (Marchia Ruthenorum). Однако не вызывает сомнения тот факт, что в средние века в Трансильвании проживало древнерусское (русинское) население, остатки которого сохранились там до конца XIX в. На проживание на территории Трансильвании древнерусского (русинского) населения указывают многочисленные письменные источники, археологические памятники, местные топонимика (в т. ч. и с корнем *рус-*), антропонимика и т. д. (Волощук 2014; Кочубинский 1881; Кочубинский 1891; Грушевський 1904; Кресін 2013; Семигород 1973; Суляк 2015b; Трансильвания 1901).

Молдавское княжество (Moldova, Țara Moldovei) – государство, существовавшее в XIV–XIX вв. в Карпато-Днестровских землях, на территории историко-географических земель Молдовы, Буковины, Бессарабии и Буджака. Официальная дата основания – 1359 г.

В середине 1340-х гг., после разгрома золотоордынского войска, в долине р. Молдова (приток Сирета, бассейн Дуная) возникло государственное объединение (воеводат) Молдавия под властью венгерских королей. Воевода Драгош из Марамуреша был вассалом венгерского короля, возглавившим Молдавскую марку Венгерского королевства.

В середине XIV в. марамурешский воевода Богдан I добился независимости. Созданное государство получило название Цара де Сус (Верхняя страна). В юго-восточной части Карпато-Днестровско-Причерноморского региона и за Днестром сформировалась Цара де Жос (Нижняя страна), в которую вошли земли, освобожденные от татар. Ряд районов, населенных русинами, долгое время обладал в Молдавском княжестве автономией.

Север княжества, регион компактного расселения русинов – **Буковина** (ныне Черновицкая область Украины и Сучавский уезд Румынии) с первыми столицами Молдавии Сиретом и Сучавой, был оккупирован австрийскими войсками в июле 1774 г. и присоединен

к Австрийской империи 7 мая 1775 г. по договору с Турцией. К Австрии отошла территория в 10 438,8 км² с 70 тыс. жителей (около 15 % территории Молдавии).

В 1812 г. территория между Прутом и Днестром, названная позже Бессарабией, вошла в состав Российской империи в результате русско-турецкой войны 1806-1812 гг. согласно Бухарестскому мирному договору.

Оставшаяся часть Молдавского княжества прекратила свое существование, создав с Валахией в 1859 г. государство **Объединенное княжество Валахии и Молдавии** (с 1861 г. – Румыния), ставшее независимым в 1877 г. в ходе русско-турецкой войны (Васильев, Чучко 2010; Віднянський 2009; Жуковський 1991; Макар 2013b; Поп 2006; Суляк 2012; Суляк 2017, Приложение 2).

Для обозначения территории Молдавского княжества (земель, лежащих к востоку от Карпатских гор) в молдавской историографии широко применяется термин **Карпато-Днестровские земли** (иногда – Днестровско-Карпатские). Сюда относились принадлежавшее княжеству Восточное Прикарпатье и Пруто-Днестровские земли (восточная часть Молдавии). В грамоте от 30 марта 1392 г. господарь Роман I именуется владельцем всей Земли Молдавской «от планины (горные пастбища в Карпатах – С.С.) до моря» (История 1951; История 1965, История 1984; История 2015; Стати 2016, Приложение 2).

Буковина – историческое название территории, расположенной между средним течением Днестра и главным Карпатским хребтом в долинах верхнего течения Прута и Серета. В X–XI вв. данная территория входила в состав Древнерусского государства, в XII – первой половине XIV в. была частью Галицкого, затем Галицко-Волынского княжеств. С середины XIV в. Буковина была в составе Молдавского княжества. В середине XIV – первой половине XV в. княжестве автономией пользовалась **Шипинская земля**. В ее состав входили Северная Буковина и Хотинщина. Название происходит от поселения **Шипинцы** (ныне село Кицманского района Черновицкой области Украины). Автономный статус, как писал Д. Кантемир, имел ряд сел **Молдавского Кымпулунга** (Долгополя), входившего в Сучавский уезд. Упомянул он и села **Русского Кымпулунга**, которые были в составе Черновицкой уезда, в контексте попыток поляков во время правления его отца К. Кантемира подчинить их себе, указывая, что эти села подчинялись то Молдавии, то Польше.

Название **Буковина** происходит от больших буковых лесов и появилось в XIV в. Вначале оно обозначало определенное пространство на границах тогдашней Молдавии и Польши, а после занятия территории Австрией распространилось на весь край.

В 1786 г. Буковина в качестве Черновицкого округа вошла в состав Королевства Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора. В 1849 г. данная территория была выделена в отдельное герцогство Буковина (Herzogtum Bukowina). Его административным центром стали Черновцы. После создания в 1867 г. дуалистической Австро-Венгрии входила в ее Цислейтанскую часть. Герцогство граничило на севере с Галицией, на западе с Галицией, Венгрией и Трансильванией, на юге и востоке – с зависимым от Османской империи Молдавским княжеством (с 1878 г. – с Румынией), с 1812 г. на северо-востоке – с Бессарабской губернией.

Во время Первой мировой войны Буковину несколько раз занимали русские войска. На ее территории была создана Черновицкая губерния в составе Галицийского (Галицко-Буковинского) генерал-губернаторства.

После распада Австро-Венгрии в 1918 г. данная территория вошла в состав Румынского королевства. В 1940 г. Северная Буковина была присоединена к СССР и стала Черновицкой областью УССР. Южная Буковина – Сучавский уезд Румынии. Во время Второй мировой войны, с 1941 по 1944 г., Черновицкая область была оккупирована Румынией. Территорию Черновицкой области также называют Северной Буковиной. Она граничит на западе с Ивано-Франковской областью Украины, на севере – с Тернопольской и Хмельницкой, на востоке – с Винницкой областью Украины, на юге – с Румынией и Республикой Молдова. Территория составляет 8,1 тыс. км². Это самая маленькая по площади область Украины (Буковина 1891; Веселова, Холодницький 2003; Верменич 2013; Жуковський 1991; Кубійович, Жуковський 1955b; Пашаева 2003; Симоненко 2003b)

Бессарабия – историческое название территории между Днестром, Прутом, устьем Дуная и Черным морем. Бессарабией вначале назывался юг Пруто-Днестровского междуречья, т. н. Буджак (с турецкого *угол*), степная равнина между устьями Днестра и Дуная. Название **Бессарабия** (Земля Басараба) происходит от имени валашского воеводы Басараба I Великого (1330–1352). На протяжении более полутора веков, с середины XIV до начала XVI в., оно было одним из названий Валахии (Wallachia), княжества к югу от Карпата, упоминавшееся в переписке с Богданием (Молдавское княжество) и во внешних источниках (византийских, сербских, венгерских, польских, турецких и т. д.). В первом десятилетии XV в. небольшая территория в дельте Дуная с центром в г. Килия, ранее принадлежавшая Валахии, перешла под контроль Молдавии, и имя **Бессарабия** (Басарабия, Страна Басараба) сохранилось для юга Пруто-Днестровского

междуречья. После присоединения Пруто-Днестровского междуречья к России название распространилось на весь край.

Территория между Прутом и Днестром вошла в состав Российской империи в результате русско-турецкой войны 1806-1812 гг. согласно Бухарестскому мирному договору. По заключенному 16 (28) мая 1812 г. (за 26 дней до вторжения Наполеона) и ратифицированному 11 июня императором Александром I трактату «О мире между Россией и Оттоманской Портой», «река Прут со входа ее в Молдавию до соединения ее с Дунаем и левый берег Дуная с сего соединения до устья Килийского и до моря будут составлять границу обеих империй». Согласно ст. IV, «Блистательная Порта Оттоманская уступает и отдает Российскому Императорскому двору земли, лежащие по левому берегу Прута, с крепостями, местечками, селениями и жилищами, тамо находящимися, середина же реки Прута будет границей между обеими высокими империями».

В то время Молдавское княжество, номинально владевшее Пруто-Днестровским междуречьем, было вассалом Османской империи. Под турецкое господство оно окончательно попало в конце 30-х гг. XVI в. Часть его земель стала райями, отторгнутыми от Молдавии и управлявшимися турецкими военными властями. Это Белгород (переименованный турками в Аккерман, с 1484 г.), Килия (с 1484 г.), Тигина (Бендеры, с 1538 г.), Измаил (с 1595 г.) и Хотин (с 1715 г.). Степную равнину между устьями Днестра и Дуная (Буджак) турецкий султан отдал в 1569 г. ногайцам (позже получившим название буджакские татары; резиденция мурзы была в Каушанах). Т. е. из 45 800 км² территории, позже получившей название **Бессарабия**, 25,5 тыс. км² входило в состав турецких рай и татарских владений (55,7 % территории междуречья, или 27,2 % всего Молдавского княжества).

До 1828 г. Бессарабия была областью на особом положении, с местными особенностями в управлении. В 1828 г. она утратила статус самостоятельной области и стала частью Новороссийского генерал-губернаторства. В 1873 г. область была переименована в губернию.

В результате Крымской войны 1853–1856 гг., согласно условиям Парижского мирного договора от 18 (30) марта 1856 г., Россия уступила Молдавии южную часть Бессарабии, территории Измаильского, части Аккерманского и Кагульского уездов. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в результате которой Румыния получила независимость, Россия по Берлинскому трактату от 1 (13) июля 1878 г. возвратила себе южную часть Бессарабии без дельты Дуная.

Север Бессарабии был регионом компактного проживания русинов. По сведениям дореволюционных исследователей, общая чи-

сленность русинов в Хотинском, Сорокском, Бельцком, Оргеевском уездах составляла в 1907 г. не менее 270 тыс. чел.

Самый северный уезд Бессарабии – Хотинский, расположенный между Прутом и Днестром, граничил с Австро-Венгрией (австрийской Буковиной и Галицией), Румынией и Подольской губернией. Угол Хотинского уезда, который соприкасался с австрийской Буковиной, называли **русской Буковиной**.

С началом Первой мировой войны Бессарабия стала прифронтовым районом. В 1918 г., воспользовавшись тяжелым положением России, Румыния оккупировала Бессарабию. После ее захвата в крае произошло несколько крупных вооруженных восстаний против оккупантов: Хотинское (январь-февраль 1919 г.), Бендерское (май 1919 г.), Татарбунарское (сентябрь 1924 г.). Самым значительным из них было Хотинское восстание на севере Бессарабии.

28 октября 1920 г. представители Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии подписали «Договор относительно объединения Бессарабии с Румынией», именуемый также Парижским или Бессарабским протоколом. Правительство США так и не подписало этот протокол, считая его противоречащим нормам международного права. Италия протокол ратифицировала только в 1927 г. Япония, подписав, его так и не ратифицировала, без чего он не мог вступить в силу. С 1920 по 1939 г. руководство РСФСР / СССР пыталось решить бессарабский вопрос путем переговоров с Румынией. Бессарабия была присоединена к СССР 28 июня 1940 г. после обмена нотами между правительствами двух стран.

2 августа 1940 г. был принят Закон об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики. В состав МССР вошли г. Кишинев, Бельцкий, Бендерский, Кагульский, Кишиневский, Оргеевский и Сорокский уезды Бессарабии, г. Тирасполь, Григориопольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский и Тираспольский районы МАССР. Остальные районы автономной республики, а также Аккерманский и значительная часть Измаильского и Хотинского уездов Бессарабии отошли к Украинской ССР.

В время Великой Отечественной войны Бессарабия с 1941 по 1944 г. была оккупирована Румынией. На ее территории было создано одноименное губернаторство.

Сегодня большая часть Бессарабии является территорией Республики Молдова, часть – в составе Украины (часть Одесской и Черновицкой областей) (Бессарабия 1996; Бессарабская губерния 1892; Бутович 1916; Несторовский 2005; Петров 1892а; Кубийович, Жуковский 1955а; Симоненко 2003а; Суляк 2012; Суляк 2018; Mihaescu 2000).

Подкарпатская Русь – название части территории Верхнего По- тисья, южных склонов Карпат предгорья, населенного русинами. В середине XIX в. деятели русинского национального возрождения назвали край под Карпатами **Подкарпатской Русью**. В то время это понятие охватывало всю территорию, населенную южнокарпатскими русинами в Венгрии, т. е. тепершнюю Восточную Словакию, Закарпатскую область Украины, часть уезда Марамуреш Румынии.

С XIII в. до 1919 г. Подкарпатская Русь входила в состав Венгерского королевства. Поэтому иногда ее называют **Угорской Русью** (сюда, помимо Подкарпатской Руси, относились и нынешние часть автономного края Воеводина в Сербии, и часть хорватской Славонии). Причем это название применяло и местное русинское население. Русины проживали в 13 комитатах Венгрии (всего их было 63). Ни в одном из них они не составляли большинства населения. Основная масса русинов проживала в семи комитатах: Спише (7,1 % по переписи 1910 г.), Шарише (22 %), Земплине (11,4 %), Унге (38,1 %), Береге (42,6 %), Угоче (37,5 %), Марамороше (44,6 %).

После распада Австро-Венгрии в 1918 г. правительство Венгерской Республики объявило о создании на территории Подкарпатья автономной провинции Русская Крайна, однако ее границы не были четко определены, и она просуществовала до середины мая 1919 г. Она была создана из частей Мароморошской, Угочанской, Бережанской и Ужанской жуп, населенных русинами. 8 мая 1919 г. заседавшая в Ужгороде Центральная русская народная рада высказалась за присоединение Подкарпатской Руси к Чехословацкой Республике. В сентябре 1919 г. это решение окончательно утвердила Парижская мирная конференция. Подкарпатская Русь вошла в состав Чехословакии согласно Сен-Жерменскому (1919 г.) и Трианонскому (1920 г.) мирным договорам. В состав Подкарпатской Руси не вошли русинские населенные пункты отошедшей к Румынии части Марамороша (Марамуреша), а также Пряшевщина, ставшая частью Словакии. Автономия Подкарпатской Руси была закреплена чехословацкой Конституцией от 29 февраля 1920 г., однако на практике полную автономию она не получила. В рамках реформы административного управления 1927 г. **Земля Подкарпаторусская** стала одной из четырех земель Чехословакии (наряду с Чешской, Моравско-Силезской и Словацкой), во главе которой стоял земский президент.

После Мюнхенского сговора в сентябре 1938 г. стала очевидна невозможность существования Чехословакии в прежних границах. 11 октября 1938 г. пражское правительство назначило кабинет министров Подкарпатской Руси во главе с А. Броди (1895-1946 гг.), который был низложен 26 октября 1938 г. Вместо него по ре-

комендации германских дипломатов получил правомочия кабинет украинофильской ориентации во главе с Августином Волошиным (1874-1945). В результате Венского арбитража 2 ноября 1938 г. Чехословакия обязывалась передать Венгрии южные районы Словакии и Подкарпатской Руси. Вследствие изменения границ столицей Подкарпатской Руси стал г. Хуст. Вопреки Конституции автономное правительство сменило название края *Подкарпатская Русь* на *Карпатская Украина*. 22 ноября 1938 г. Национальное собрание Чехословакии приняло Закон об автономии Словакии и Подкарпатской Руси. 15 марта 1939 г. Карпатская Украина провозгласила независимость, Волошина объявили президентом. В ночь с 15 по 16 марта край был оккупирован венгерскими войсками и присоединен к Венгрии.

Став частью Венгрии, Подкарпатская Русь вошла в т. н. Подкарпатскую территорию. Была создана гражданская администрация во главе с регентским комиссаром, государственными языками стали венгерский и русинский. 18 ноября 1944 г., после освобождения Подкарпатской Руси Красной армией в Мукачево по инициативе архимандрита Алексия (Кабалюка) состоялся Православный съезд. Съезд принял обращение к Председателю СНК СССР и Верховному главнокомандующему И. В. Сталину, в котором просил принять Карпатскую Русь в состав СССР в форме шестнадцатой Карпаторусской Советской Республики. Однако 26 ноября 1944 г. местные коммунисты созвали в Мукачево I съезд Народных комитетов, который принял манифест о воссоединении с Советской Украиной. 29 июня 1945 г. правительство СССР подписало договор с правительством Чехословакии о включении Подкарпатской Руси в состав УССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 января 1946 г. в составе УССР была создана Закарпатская область (Вегеш 2007; Верменич 2005; Віднянський 2005; Досталь, Дронов, Юрасов 2008; Кубійович, Маркусь, Лисяк-Рудницький 1955–1957; Магочій 1994; Поп, Поп 2005; Поп 2006; Поп 2010).

Пряшевщина (Пряшевская Русь, Пряшевский край) – исторический регион на южных склонах Карпат, сегодня один из восьми краев современной Словацкой Республики. Составляет прилегающую к Украине узкую полосу в юго-восточной части страны между словацкими и польскими этническими территориями до 150 км в длину и 10–40 км в ширину. В XI–XII вв. территория вошла в состав Венгерского королевства. Вместе с другими регионами Венгрии, населенными русинами, относилась к Подкарпатской (Угорской) Руси. После распада Австро-Венгрии край в составе Словакии стал частью Чехословацкой Республики. После распада Чехословакии

(1993) – часть Словацкой Республики (Віднянський 2012; Краснянський, Кубійович, Маркусь 1970).

С середины XVIII в. часть русинов из северо-восточной части бывшего Королевства Венгрия начала переселяться в районы Бачки и Срема, которые в настоящее время находятся в составе Воеводины (автономного края Сербии) и Восточной Славонии (Хорватия).

Бачка расположена на Среднедунайской низменности, между Дунаем и Тисой, главная часть которой с 1918 г. относится к Югославии (с 2003 г. – к Сербии). С 1526 г. была под властью турок. С 1699 г. Бачка являлась владением Габсбургской монархии. В 1867 г., при образовании Австро-Венгрии, Бачка стала частью Венгерского королевства. После поражения турок и занятия Бачки и Баната Габсбургской монархией (1718 г.) правительство поселило на пустых землях сербов, бежавших от турок. После массовой эмиграции сербов, недовольных австрийской политикой, с середины XVIII в. государственные земли были заселены венграми, немцами, хорватами, словаками и русинами из Северо-Восточной Венгрии (в основном из комитатов Земплен и Боршод). Первые бачванско-русинские колонии – Руски Керестур (сначала назывался Бач-Керестур), ставший центром бачванских русинов (1746 г.), Коцура (1765 г.) и Новый Сад (1784 г.).

Сегодня большая часть региона, наряду с большей частью Срема и частью Баната, входит в состав сербского автономного края Воеводина. Среди населения есть русины (руснаци). Культурным центром русинов Воеводины является **Руски Керестур** (серб. *Руски Крстур*) (Fejsa 2014; Горбач 1955).

В понятие **Карпатская Русь** также входит и часть Западной Галиции, т. н. **Надсанье**. Надсанье (Посанье) – название территории вдоль обоих берегов Сана на север от Лемковщины на украинско-польской (до выселения украинского (русинского) населения в 1945–1947 г.) границе. С юга на север включало части территории Низких и Средних Бескид, Подгорья и Надсанской низменности. Исторически составляло территорию Западной Галиции.

В X–XIV вв. Надсанье входило в состав Древней Руси, а затем – Галицко-Волынского княжества. Польский король Казимир III Великий присоединил в 1340–1349 гг. к Польше значительную часть земель Галицко-Волынского княжества. Надсанье вошло в состав Саноцкой и Перемышльской земель Русского воеводства.

После первого раздела Польши Надсанье входило в состав империи Габсбургов (с 1804 г. – Австрийская империя, с 1867 – Австро-Венгрия) с 1772 по 1918 г. До начала Второй мировой войны (сентябрь 1939 г.) территория находилась в составе Польши. После

поражения Польши на основании Соглашения о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г. было разделено между СССР и Германией вдоль р. Сан. Левобережье вошло в созданное немцами генерал-губернаторство, а правобережье - в состав УССР. После начала Великой Отечественной войны вместе со всей Галицией оказалось в составе генерал-губернаторства. По договору между СССР и Республикой Польша о советско-польской государственной границе от 16 августа 1945 (заключенном на основании решений Ялтинской конференции) почти все Надсанье осталось в составе Польши. Главным городом является Перемышль, крупные города – Ярослав и Санок.

Украинское (русинское) население сильно сократилось в результате депортации в СССР и операции «Висла» (Макар 2010).

На наш взгляд, в понятие *Карпатская Русь* следует включить, помимо т. н. *Зарубежной Руси*, находившейся в составе Австро-Венгрии, и часть территории *Галицкой Руси*, населенной русинами, находившейся в составе Российской империи. Это север Бессарабии (особенно та часть, которая называлась *русской Буковиной*), а также Холмщина и Подляшье.

Холмщина (Холмская земля, Холмская Русь, Забужская Русь, Холмская губерния) – историческая область XIII – начала XX в. на левобережье Западного Буга с центром городом Холм (ныне польский Хелм). Часть Червонной Руси. Холм был столицей Галицко-Волынского княжества в период правления Даниила Галицкого.

После третьего раздела Польши в 1795 г. Холмщина вместе с Подляшьем вошла в состав империи Габсбургов. В 1809-1814 гг. она была частью Варшавского герцогства, а 1815-1915 гг. – Царства Польского в составе Российской империи. В конце XIX в., чтобы избавиться от польского влияния, был выдвинут проект выделения Холмщины и Подляшья в отдельную губернию. Государственная Дума Российской империи приняла закон, который вступил в силу 23 июня 1912 г. Официальное «открытие» губернии произошло 8 сентября 1913 г. Ее территорию составили земли восточной части Люблинской и Седлецкой губерний (Подляшье и Холмщина). Завершению процесса создания губернии помешала Первая мировая война. В годы войны Холмская губерния стала ареной военных действий. Перед отступлением русских войск летом 1915 г. было эвакуировано почти все русинское население (более 120 тыс. чел.). В 1919-1939 гг. край находился под властью Польши. Во время Второй мировой войны Холмщина входила в состав генерал-губернаторства, созданного немцами. В результате обмена населением между Польшей и СССР после войны к августу 1946 г. в УССР было переселено почти 200 тыс. украинцев (русинов) из Холмщины.

Большинство оставшихся были депортированы на запад Польши во время операции «Висла» в 1947 г. (Будилович 1907; Кордуба 1941; Крыжановский 1911; Кубійович 1984; Макар 2013а; Петров 1887; Пастренак 1968; Холмщина 1997; Ясь 2013).

Подлясье – историко-географическая область на белорусско-польском пограничье между Холмщиной на юге и рекой Нарев на севере, занимает территорию между Холмщиной на юге, рекой Нарвой на севере, Мазовией (Польша) на западе и Волинью и Полесьем на востоке. В Речи Посполитой делилось на три уезда и входило в Русское воеводство Малопольской провинции. Вместе с Холмщиной, Надсаньем и частью Лемковщины входит сегодня в состав Польши. Название Подлясье появилась в польских документах в конце XV – начале XVI в. Считается, что Подлясье как историко-географический регион сложилось в начале XVI в., когда в составе Великого княжества Литовского было создано Подляшское воеводство, в которое вошли Берестейская, Бельская и Дорогичинских земли. После Люблинской унии 1569 г. – в составе Речи Посполитой. Вследствие разделов Польши (1772, 1793 и 1795) Южное Подлясье вошло в состав империи Габсбургов, а Северное – Пруссии. В эпоху наполеоновских войн Северное Подлясье вошло в состав Российской империи, а Южное – в Варшавское герцогства. После Венского конгресса 1814–1815 гг. Южное Подлясье было включено в состав Царства Польского Российской империи. Северное Подлясье (Бельский уезд) отошло непосредственно к России, с 1842 г. – в состав Гродненской губернии. Южное Подлясье часто называли Холмщиной (Холмской, или Забужской Русью), т. к. оно в административном, церковном плане подчинялось Холмской епархии (до 1874 г.). В начале XX в. Подлясье входило в состав Гродненской, Седлецкой и Холмской губерний.

В 1919–1939 гг. – в составе Польши, в Люблинском и Белостокском воеводствах. С началом Второй мировой войны с осени 1939 до лета 1944 г. – в составе генерал-губернаторства.

После Второй мировой войны, согласно советско-польскому соглашению, осталось в составе Польши. Значительная часть населения была переселена в СССР, другая часть депортирована во время проведения операции «Висла» в 1947 г. (Пастренак 1968; Холмщина 1997; Ясь 2012).

В историографии выделяются также этнические территории, населенные этническими группами русинов: бойками, гуцулами, лемками.

Бойковщина – этническая территория бойков (верховинцев, одной из этнических групп русинов), которые заселяли центральную

часть украинских Карпат. В конце XIX – начале XX в. эта территория располагалась в следующих границах: р. Ломница (правый приток Днестра) на востоке, верховья Сана на западе, северную границу составляют предгорья Карпат южнее Днестра по линии населенных пунктов с востока на запад: Ясень, Липовица, Луги, Спас, Выгода, Витвица, Болехов, Разгирче, Нижняя и Верхняя Стынавы, Оров, Тустановичи, Опака, Подбуж, Недельная, Сушица, Старая Соль и Лопушна. Южной границей Бойковщины можно считать Полонинский хребет (Полонинские Бескиды) между верховьями рек Уж и Тересвы в Закарпатье.

Территория Бойкивщины занимала около 8 000 км², на которой проживало до 400 тыс. чел., в основном бойков. Территория частично входила в состав Венгерского королевства, частично в Галицкое княжество, затем – в Польшу. После присоединения Венгрии к империи Габсбургов и разделов Польши – в составе империи Габсбургов (Австрии, Австро-Венгрии) до 1918 г. После войны – частично в составе Польши, частично в составе Чехословакии (Подкарпатской Руси).

Сегодня территория бойков охватывает южные горные части Ивано-Франковской и Львовской областей Украины и северно-запад Закарпатской области (северная часть Межгорского и Великоберезнянского районов и весь Воловецкий район). На востоке граничит с Гуцульщиной по р. Ломнице (притоке Днестра, на западе с Лемковщиной, по р. Солинка (ныне в черте Польши)) (Бойки 1891; Бойківщина 1983; Войналович 2003; Ісаєвич 2003; Рабій-Карпинська 1955).

Гуцульщина – территория, населенная гуцулами (одной из этнических групп русинов), занимает на северо-востоке часть украинских Карпат в пределах Галичины, Буковины, Закарпаття и румынского Марамуреша. Территория Гуцульщины - 6,5 тыс. км. Она занимает самую высокую часть украинских Карпат.

С 1387 по 1772 г. части Гуцульщины находились под властью Польши, Молдавского княжества (до 1775 г.), Венгрии (с XIII в.). После первого раздела Польши в 1772 г. польская часть Гуцульщины отошла к Австрии.

После распада Австро-Венгрии в конце 1918 г. была провозглашена Гуцульская Республика (на территории современного Раховского района Закарпатской области Украины). В начале 1919 г. территория была оккупирована Румынией. С 1920 г. часть Гуцульщины, находившаяся в составе Венгерского королевства была присоединена к Чехословакии в составе Подкарпатской Руси.

В 1920–1939 гг. территория пребывала в составе Польши, Румы-

нии и Чехословакии. После присоединения Галичины (1939 г.), Северной Буковины (1940 г.) и Закарпатья (1945 г.) к СССР вошла в состав УССР, кроме части Марамурешского и северо-западной части Сучавского уездов Румынии.

Сегодня Гуцульщина находится в пределах Ивано-Франковской (верховья Прута и его притока Черемоша), Закарпатской (верховья Тисы), Черновицкой (верховья Черемоша, Серета и его притока Сучавы) областей Украины. Восемь сел исторической Гуцульщины находятся на территории Румынии, в Южной Буковине (Сучавский уезд) и Южном Мараморше (уезд Марамуреш) (Гуцулы 1898; Гуцульщина 1987; Домашевський 1995; Домашевський 1985; Домашевський 1986; Закревська 2004; Кайндль 2000; Кубійович, Вінценц, Січинський 1955–1957).

Лемковщина – этническая территория лемков (одной из этнических групп русинов) в Бескидах (среднегорная и низкогорная часть Карпат). Название происходит от слова «лем», которое в лемковском говоре означает «только». Сами лемки называли себя русинами или руснаками. До 1947 г. лемки населяли территорию на обоих склонах Бескид (между реками Сан и Попрад и на запад от реки Ужа), на пограничье – между польскими и словацкими этническими территориями. В средние века часть территории, населенной лемками, входила в состав Древнерусского государства, затем Галицкого княжества. После его захвата Польшей – в составе Польши. Часть Лемковщины была в составе Венгерского королевства. Лемки соседствовали в Галиции с поляками, в Венгрии – со словаками.

После первого раздела Польши в 1772 г. вся Лемковщина входила в состав империи Габсбургов. С 1918 г. территория Лемковщины оказалась в составе Польши (Западная Галиция и Галичина) и Чехословакии (Угорская Русь). В составе Чехословакии лемки проживали в автономной Подкарпатской Руси (нынешняя Закарпатская область Украины) и Восточной Словакии.

До Первой мировой войны среди лемков было сильно русское движение. С началом войны начались массовые репрессии против русинского населения. Были созданы концлагеря для русского населения Галичины и Буковины (Талергоф, Терезин и др.). Зачастую расправы осуществлялись на месте, без суда и следствия. Так, 15 сентября 1914 г. венгерские гонимые убили 44 гражданских лица в Перемышле.

После войны были предприняты попытки создания государственности у лемков. В Западной Галиции русинские села в долине реки Ославы возле местечка Команчи (Команчанская гмина Саноцкого повята Подкарпатского воеводства Польши) создали в ноябре

1918 г. Команчскую Республику (Восточно-Лемковскую Республику, около 30 сел), провозгласившую присоединение к ЗУНР. Республика просуществовала два месяца и пала под ударами польских войск в конце января 1919 г. Во Флоринке (сегодня – село в Польше, в гмине Грыбув Новосонченского повята Малопольского воеводства) 5 декабря 1918 г. 500 делегатов из 130 сел выбрали Начальную раду Лемковщины, которая провозгласила Русскую Народную Республику Лемков (Западно-Лемковскую Республику). Ее целью являлось воссоединение всех русинов в единую державу – Карпатскую Русь – с последующим вхождением в состав России; в связи с невозможностью этого в то время – на правах автономной провинции Чехословакии. В марте 1920 г. она была занята польскими войсками

В 1940 г. почти 4 тыс. лемков переехали в СССР на основании германо-советского договора об обмене населением. В результате послевоенного «выравнивания» границ с Польшей и «обмена» населением больше всего пострадали русины. В СССР было выселено 70–80 % лемков, преимущественно в Дрогобычский, Самборский районы (в то время в составе Дрогобычской области, с 1959 г. Дрогобычская область была включена в состав Львовской области) и Турковский районы Львовской области и в Тернопольскую область. Под предлогом поддержки местным населением деятельности ОУН-УПА, польские власти в 1947 г. во время операции «Висла» переселили оставшееся в Польше после окончания репатриации русинское население в разные районы Западной Силезии.

Сегодня Лемковщина расположена на польско-словацко-украинском пограничье. Север Лемковщины (крупнейший регион их проживания) ныне находится в составе в Малопольского и Подкарпатского воеводств Польши. Меньшая, южная часть – в составе Словакии (Пряшевщина). Небольшая территория Лемковщины расположена на Украине (территория Великоберезнянского и Перечинского районов Закарпатской области) (См.: Половинкин 1896; Кубійович 1962; Лемківщина 1999; Лемківщина 1988a; Лемківщина 1988b; Макар 2009; Суляк 2015a).

Закерзонье – научно-публицистическое название украинских (русинских) земель, расположенных к западу от линии Керзона, которые к 1945 г. не вошли в состав СССР. Линия Керзона – условное наименование линии, которая была рекомендована в декабре 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Общая площадь Закерзонья – около 22 тыс. км², где проживало 1 млн 320 тыс. чел, из них 757 тыс. русинов (украинцев).

К этим землям относились большая часть Лемковщины, часть Любачивщины (Любачувского повята Подкарпатского воеводства),

Равщины и Сокальщины, Подлясье, Посанье и Холмщина.

С некоторыми изменениями в пользу Польши линия Керзона была положена в основу советско-польского договора о границе от 16 августа 1945 г. В 1951 г. СССР передал Польше часть территории Дрогобычской области в обмен на часть территории Люблинского воеводства (Денисенко 2005).

В результате массовой эмиграции населения в Америку со второй половины XIX в., двух мировых войн, в ходе которых на территории Карпатской Руси велись активные боевые действия, обменов населением СССР с Германией в 1939 г., Польшей и Чехословакией в 1944-1947 гг., операции «Висла» изменился этнический состав ряда регионов Карпатской Руси.

С началом Первой мировой войны австро-венгерские власти создали концентрационные лагеря для русских галичан и буковинцев. Всего во время Первой мировой войны австро-венгерские власти, по некоторым оценкам, уничтожили не менее 60 тыс. русинов. Из-за военных действий на территории Прикарпатья и репрессий австро-венгерских властей 422 тыс. чел. вынуждены были покинуть регион. В России оказалось, по некоторым оценкам, около 200 тыс. галичан (Пашаева 2001; Пашаева 2007; Суляк 2015а).

В общей сложности за весь послевоенный период из СССР в Польшу было репатриировано около 2,3 млн поляков. В СССР переселили 518,2 тыс. чел., в т. ч. 481 тыс. украинцев (русинов) и 37 тыс. белорусов. Из депортированных с осени 1944 по июль 1946 г. из Польши в УССР украинцев (русинов) около 200 тыс. были из Холмщины и Южного Подлясья, остальные – из Западной Галиции (Лемковщина и Надсанье). Из Надсанья, по некоторым источникам, было вывезено до 180 тыс. чел. Оставшееся население в результате операции «Висла» (польск. Аксја «Wisła») 1947 г. большей частью было расселено в т. н. Возвращенных землях (в просторечии немецкая Польша). Согласно решениям Потсдамской конференции (июль – август 1945 г.), к Польше были присоединены восточные области Германии, расположенные восточнее линии реки Одер (Нейсе): часть Западной Пруссии и Силезии, Восточная Померания и Восточный Бранденбург, бывший вольный город Данциг, а также округ Щецина к западу от реки. Эти земли составляют треть территории нынешней Польши.

Некоторые местные жители смогли избежать депортации или впоследствии вернуться домой (Макар 2010).

Во время операции «Висла» было депортировано не менее 120 тыс. лемков, большинство из них – на территорию Ольштынского воеводства. После обмена населением и выселения лемков во время

операции «Висла» значительные территории пограничных районов обезлюдели, особенно горные районы Бещады и Низких Бескид и южная часть Пшемысловского повета. В Бещадах, например, компактно населенный раньше район площадью 1,5 тыс. км², на котором было расположено свыше 70 сел, оставался вплоть до 1956 г. совершенно необитаемым. В свою очередь, поляки-репатрианты из СССР изменили демографическую ситуацию в некоторых пограничных районах на востоке Польши, например, в районе города Хелм (Холм) или в городе Пшемысль (Перемышль), где они составили около 25 % населения.

До 1956 г. депортированные практически не имели полных гражданских прав. К началу 1960-х гг. разрешение от польских властей вернуться на исконные земли получили около 4 тыс. лемков. Те, кто вернулся на Лемковщину, были расселены в Горлицком повете Малопольского воеводства и Санокском повете Подкарпатского воеводства Польши. Лишь в нескольких селах лемки поселились компактно.

3 августа 1990 г. Верхняя палата польского парламента (Сенат) осудила насильственное переселение населения в ходе операции «Висла». (См.: Кубійович 1962; Лемківщина 1988а; Лемківщина 1999; Макар 2009; Марианський 1969; Суляк 2015а).

Кроме того, уменьшает количество восточнославянского населения Карпатской Руси продолжающаяся его ассимиляция соседними народами: поляками, словаками, румынами, молдаванами, венграми, которая началась еще в Средние века.

В течение XX в. население Карпатской Руси многократно оказывалось в составе различных государств (к примеру, русины Холмщины последовательно были подданными Российской империи, Польши, созданного Германией генерал-губернаторства, Польши; русины Северной Буковины – Австро-Венгрии, Румынии, СССР, Румынии, СССР, Украины; русины Закарпатья – Австро-Венгрии, Венгрии, Чехословакии, Венгрии, СССР, Украины; русины Молдавии – Российской империи, Румынии, СССР, Румынии, СССР, Молдовы и т. д.), что тоже не могло не сказаться на этническом самосознании местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

Аристов 1977 – *Аристов Ф.Ф.* Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам: в 3 т. М.: Галицко-русское общ-во в Петрограде, 1916. Т. 1. XVI, 304 с., 28 л. ил., портр., факс.

Бахтурина 2000 – *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны / Предисл. В.В. Шелохаева. М.: А ИРО–ХХ, 2000. 263 с., ил., карт., портр.

Бахтурина 2004 – *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392, [1] с., портр.

Бахтин 1915 – *Бахтин Н.Н.* Угорская Русь. Петроград: Синод. тип., 1915. 52 с., 1 л. карт.

Бессарабия 1996 – Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 1996. 380 с.

Бессарабская губерния 1892 – Бессарабская губерния // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (далее – ЭСБЕ). Т. IIIA. Бергер – Бисы. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1892. С. 604–608.

Бойки 1891 – Бойки // ЭСБЕ. Т. IV. Битбург – Босха. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1891. С. 230–231.

Бойківщина 1983 – Бойківщина. Історико-етнографічне дослідження / Відп. ред. Ю.Г. Гошко. Київ: Наукова думка, 1983. 304 с.

Будилович 1903 – *Будилович А.С.* К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси // Живая старина. 1903. Т. III. С. 265–275.

Будилович 1907 – *Будилович А.С.* Холмская Русь и поляки. Три статьи профессора А.С. Будиловича (перепечатка из «Окраин России», 1907. № 2, 3 и 5). СПб.: Тип. «Россия», 1907. 49 с.

Буковина 1891 – Буковина // ЭСБЕ. Т. IVA. Бос – Бунчук. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1891. С. 874–875.

Бутович 1916 – *Бутович В.Н.* Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев: Скоропечатня Х.Ю. Бурштейна, 1916. 58 с.

Васильев, Чучко 2010 – *Васильев В.Ю., Чучко М.К.* Молдавське князівство // Енциклопедія історії України. Т. 7: Мі–О / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: В-во «Наукова думка», 2010. С. 27–30.

Вегеш 2007 – *Вегеш М.М.* Карпатська Україна // Енциклопедія історії України. Т. 4: Ка–Ком / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2007. С. 122.

Величко 1892 – *Величко Г.* Галиция // ЭСБЕ. Т. VIIA. Выговский – Гальбан. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1892. С. 902–909.

Веселова, Холодницький 2003 – *Веселова О.М., Холодницький В.Ф.* Буковина Північна // Енциклопедія історії України. Т. 1: А–В / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2003. С. 397.

Верменич 2005 – *Верменич Я.В.* Закарпатська область // Енциклопедія історії України. Т. 3: Е–Й / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2005. С. 199–200.

Верменич 2013 – *Верменич Я.В.* Черонівецька область // Енциклопедія історії України. Т. 10: Т–Я / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2013. С. 501–502.

Віднянський 2005 – *Віднянський С.В.* Закарпатська Україна, Закарпаття // Енциклопедія історії України. Т. 3: Е–Й / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2005. С. 201–204.

Віднянський 2009 – *Віднянський С.В.* Мараморощина // Енциклопедія історії України. Т. 6: Ла–Мі / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2009. С. 503–504.

Віднянський 2012 – *Віднянський С.В.* Пряшівщина // Енциклопедія історії України. Т. 9: Прил–С / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2012. С. 53–56.

Витте 1903 – *Витте Е.И.* Буковина и Галичина. Лето 1903 г. Сообщ., чит. Е.И. де Витте в общ. собр. Киев. славян. благотворит. общ-ва 22 окт. 1903 г. Киев: тип. И.И. Горбунова, 1903. [2], 49 с.

Витте 1914 – *Витте Е.И.* Угроруссы. Почаев: тип. Почаево-Усп. лавры, 1914. 34 с., ил.

Витте, Тураева-Церетели 1915 – *Витте Е.И., Тураева-Церетели Е.Ф.* Галицкая Русь в ее прошлом и настоящем М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. 69 с., 1 л. карт., ил.

Вортман 2012 – *Вортман Д.Я.* Прикарпаття // Енциклопедія історії України. Т. 8: П–Прик / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2012. С. 503.

Вортман 2013 – *Вортман Д.Я.* Червеньски гради // Енциклопедія історії України. Т. 10: Т–Я / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2013. С. 490.

Войналович 2003 – *Войналович В.А.* Бойки // Енциклопедія історії України. Т. 1: А–В / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2003. С. 324.

Войтович 2011 – *Войтович Л.* Границы Галицко-Волынского государства // Русин. 2011. Т. 25. С. 5–41.

Волощук 2014 – *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції / Відп. ред. Л. В. Войтович. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2014. 496 с.

Головацкий 1875 – *Головацкий Я.Ф.* Карпатская Русь (Историко-этнографический очерк) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CLXXIX. 1875. Июнь. С. 349–396.

Головацкий 1878 – *Головацкий Я.Ф.* Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я.Ф. Головацким. Ч. 1: Думы и думки. М.: Имп. общ-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1878. Думы и думки. [2], 24, 388 557–748 с., 5 л. ил. карт.

Горбач 1955 – *Горбач О.* Бачка // Енциклопедія українознавства.

Словникова частіна (ЕУ–ІІ). Парыж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1955. Т. 1. С. 103–104.

Грушевський 1904 – *Грушевський М.С.* Історія Украіны-Русі. Т.1. До пачатку ХІ віка. Вид. друге, розшырене. Львiв, 1904. 655 с.

Грушевський 1905а – *Грушевський М.С.* Історія Украіны-Русі. Т. 2. ХІ–ХІІІ вік. Вид. друге, розшырене. Львiв, 1905. 647 с.

Грушевський 1905b – *Грушевський М.С.* Історія Украіны-Русі. Т. 3. До року 1340. Вид. друге, розшырене. Львiв, 1905. 605 с.

Грушевський 1907 – *Грушевський М.С.* Історія Украіны-Русі. Т. 4. ХІV–ХІVІ вікі – відносіны палітычны. Вид. друге, розшырене. Львiв, 1907. 552 с.

Гуцулы 1898 – Гуцулы // ЭСБЕ. Т. ІХА. Гравілат – Девінант. СПб.: Тіполітографія І.А. Ефрона, 1898. С. 947.

Гуцульшына 1987 – Гуцульшына. Історыко-этнографічне даслiдженне / Відп. ред. Ю.Г. Гошко. Кіiв: Наукова думка, 1987. 472 с., іл.

Дашкевіч 1873 – *Дашкевіч Н.П.* Княжение Даниіла Галіцкаго по русским и иностранным известиям. Кіев: В Унів. тiп., 1873. [4], 159 с.

Де Воллан 1878а – *Де Воллан Г.А.* Угорская Русь. Исторический очерк // Русский архив. 1878. № 2. С. 235–250.

Де Воллан 1878b – *Де Воллан Г.А.* Угорская Русь. Исторический очерк. М.: тiп. Лебедева, 1878. 49 с.

Де Воллан 1885 – *Де Воллан Г.А.* Угорорусские народные песни. С прил. очерка быта угор., рус. и этногр. карты Венгрии. (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 13, вып. 1). СПб.: Тiп. Министерства внутренних дел, 1885. [4], 265 с., 1 л. карт.; 23.

Денісенко 2005 – *Денісенко Г.Г.* Закерзоння // Энциклопедія історії Украіны. Т. 3: Е–Й / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН Украіны. Інстытут історії Украіны. Кіiв: Наукова думка, 2005. С. 205–206.

Добрянскіі 1880 – *Добрянскіі А.И.* О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // ЖМНП. Ч. ССVІІІ. 1880. С. 134–159.

Добрянскіі 2009 – *Добрянскіі А.И.* О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // Русин. 2009. Т. 18. С. 138–160.

Домашевський 1995 – *Домашевський М.* Історія Гуцульшыны. Друге доповнене выданне. Чикаго; Львiв: Гуцульскіі даслiдныі інстытут, Конференція гуцульскіх таварыств Амерыкі і Канады в Чикаго, 1995. Т. 1. 501 с.

Домашевський 1985 – *Домашевський М.* Історія Гуцульшыны. Чикаго: Гуцульскіі даслiдныі інстытут, Конференція гуцульскіх таварыств Амерыкі і Канады в Чикаго, 1985. Т. 2. 507 с.

Домашевський 1986 – *Домашевський М.* Історія Гуцульшыны. Чикаго: Гуцульскіі даслiдныі інстытут, Конференція гуцульскіх таварыств Амерыкі і Канады в Чикаго, 1986. Т. 3. 441 с.

Досталь, Дронов, Юрасов 2008 – *Досталь М.Ю., Дронов М.Ю., Юрасов М.К.* Закарпатъе // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. Т. 19. С. 538–547.

Дулишкевич 1874 – *Дулишкович И.* Исторические черты угро-русских. Тетради 1–3. Тетрадь 1. Унгар: Печатня Карла Иегера и Альберта Ю. Рейпайя, 1874. 138 с.

Дулишкевич 1875а – *Дулишкович И.* Исторические черты угро-русских. Тетради 1–3. Тетрадь 2. Унгар: Печатня Карла Иегера и Альберта Ю. Рейпайя, 1875. 142 с.

Дулишкевич 1875б – *Дулишкович И.* Исторические черты угро-русских. Тетради 1–3. Тетрадь 3. Унгар, Типография Макс. Полячка, 1875. 241 с.

Духнович 1853 – *Духнович А.В.* Истинная история карпатороссов или угорских русинов. Изданная народолюбцем Александром Духновичем 1853 [рукопись]. [Б.м.], 1853. 216 с.

Духнович 1914 – *Духнович А.В.* Истинная история карпатороссов или угорских русинов. Изданная народолюбцем Александром Духновичем в 1853 году. Сообщено Ф.Ф.Аристовым // Русский архив. 1914. № 4. С. 528–559.

Жуковський 1991 – *Жуковський А.* Історія Буковини. Ч. 1 до 1774 р. Чернівці: РВВ облполіграфвидаву. С. 30–31.

Закревська 2004 – *Закревська Я.В.* Гуцули // Енциклопедія історії України. Т. 2: Г–Д / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2004. С. 264–265.

Зубрицкий 1852а – *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галичско-Русского княжества. С прил. родословной картины. Львов: Институт Ставропигианский, 1852. Ч. 1. [6], 210 с.

Зубрицкий 1852б – *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галичско-Русского княжества. С прил. родословной картины. Львов: Институт Ставропигианский, 1852. Ч. 2. 140 с.

Зубрицкий 1855 – *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галичско-Русского княжества. С прил. родословной картины. Львов: Институт Ставропигианский, 1855. Ч. 3. [4], 314 с.

Зубрицкий 1864 – *Зубрицкий Д.И.* Границы между русинской и польской нациями в Галиции // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1864. Ноябрь. Т. 2. С. 90–118.

Ісаєвич 2003 – *Ісаєвич Я.Д.* Бойківщина // Енциклопедія історії України. Т. 1: А–В / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2003. С. 324–325.

Ісаєвич 2004 – *Ісаєвич Я.Д.* Галичина // Енциклопедія історії України. Т. 2: Г–Д / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2004. С. 40–41.

Ісаєвич 2008а – *Ісаєвич Я.Д.* Королівство Галиції і Лодомерії // Енциклопедія історії України. Т. 5: Кон – Кю / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України.

Інститут історыі Украіны. Київ: Наукова думка, 2008. С. 172–173.

Ісаевіч 2008b – *Ісаевіч Я.Д.* Королівства Русь // *Энцыклапедыя історыі Украіны*. Т. 5: Кон – Кю / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН Украіны. Інститут історыі Украіны. Київ: Наукова думка, 2008. С. 173.

Ісаевіч 2013 – *Ісаевіч Я.Д.* Чэрвона Русь // *Энцыклапедыя історыі Украіны*. Т. 10: Т–Я / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН Украіны. Інститут історыі Украіны. Київ: Наукова думка, 2013. С. 492.

История 1951 – *История Молдавии*. Т. 1. От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. А.Д. Удальцова, Л.В. Черепнина. Кишинев: Шкоала Советикэ, 1951. 654 с.

История 1965 – *История Молдавской ССР*. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. Л.В. Черепнин. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1965. 660 с.

История 1984 – *История Молдавской ССР*. С древнейших времен до наших дней. Кишинев: Штиинца, 1984. 552 с.

История 2015 – *История Республики Молдова*. С древнейших времен до наших дней / В.Е. Андрушак, П.А. Бойко, П.П. Бырня и др. Изд. 3-е, уточненное и доп. Кишинэу: Î.S. F.E.-P. Tipografia Centrală. 384 с.

Казанский 1914 – *Казанский П.Е.* Присоединение Галичины, Буковины и Угорской Руси. Речь в публ. собр. Одес. отд-ния Галицко-рус. благотвор. о-ва, 5 окт. 1914 г. проф. П.Е. Казанского. 2-е изд., без перемен. Одесса: тип. Епарх. дома, 1914. 16 с.

Кайндль 2000 – *Кайндль Р.Ф.* Гуцули: їх життя, звичаї та народні перекази / Пер. с нем. З.Ф. Пенюк. Чернівці: Молодий буковинець, 2000. 208 с.

Кивлицкий 1892 – *Кивлицкий Е.* Галицкое княжество // ЭСБЕ. Т. VIIA. Выговский – Гальбан. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1892. С. 910–913.

Кордуба 1941 – *Кордуба М.* Історія Холмщини й Підляшшя. Краків: Українське Видавництво, 1941. 130 с.

Котляр 1985 – *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев: Наукова думка, 1985. 184 с.

Котляр 1998 – *Котляр М. Ф.* Галицько-Волинська Русь // *Україна крізь віки*: у 15 т. Т. 5 / За заг. ред. В. Смолія. НАН Украіны. Інститут археології, Інститут історыі Украіны. Київ: Альтернативи, 1998. 336 с.

Котляр 2004a – *Котляр М.Ф.* Гальцька земля // *Энцыклапедыя історыі Украіны*. Т. 2: Г–Д / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН Украіны. Інститут історыі Украіны. Київ: Наукова думка, 2004. С. 27–28.

Котляр 2004b – *Котляр М.Ф.* Гальцьке князівства // *Энцыклапедыя історыі Украіны*. Т. 2: Г–Д / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН Украіны. Інститут історыі Украіны. Київ: Наукова думка, 2004. С. 30.

Котляр 2004c – *Котляр М.Ф.* Галицько-Волинське князівства // *Энцыклапедыя історыі Украіны*. Т. 2: Г–Д / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН Украіны. Інститут історыі Украіны. Київ: Наукова думка, 2004. С. 34–36.

Кочубинский 1881 – *Кочубинский А.А.* Славянские рукописи Пештского музея и, в частности, «русская» рукопись 1803 года (Посвящается моему товарищу Ф.И. Успенскому) // Русский филологический вестник. 1881. Т. V. С. 180–207.

Кочубинский 1891 – *Кочубинский А.А.* О русском племени в Дунайском Залесье // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 / Под ред. графини Уваровой. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1891. Т. II. С. 9–66.

Кочубинский 1903 – *Кочубинский А.А.* Частные молдавские издания для русской школы (Библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Июнь. Ч. СССХХХХVII. С. 389–418.

Кочубинский 2009 – *Кочубинский А.А.* Частные молдавские издания для русской школы (Библиографические заметки) // Русин. 2009. Т. 15. С. 163–189.

Краснянський, Кубійович, Маркусь 1970 – *Краснянський О., Кубійович В., Маркусь В.* Пряшівщина // Енциклопедія українознавства. Словникова частина (ЕУ–II). Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1970. Т. 6. С. 2389–2396.

Кресін 2013 – *Кресін О.В.* Трансильванське князівство // Енциклопедія історії України. Т. 10: Т–Я / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2013. С. 135–137.

Крыжановский 1911 – *Крыжановский Е.М.* Русское Забужье (Холмщина и Подлясье): сб. ст. Е.М. Крыжановского, с предисл. [«К холмскому вопросу»] И.П. Филевича. СПб.: тип. «Мирный труд», 1911. XLVI, 438 с.

Кубійович, Маркусь, Лисяк-Рудницький 1955–1957 – *Кубійович В., Маркусь В., Лисяк-Рудницький І.* Закарпаття // Енциклопедія українознавства. Словникова частина (ЕУ–II). Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1955–1957. Т. 2. С. 715–727.

Кубійович, Вінценц, Січинський 1955–1957 – *Кубійович В., Вінценц С., Січинський В.* Гуцульщина // Енциклопедія українознавства. Словникова частина (ЕУ–II). Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1955–1957. Т. 2. С. 466–470.

Кубійович, Жуковський 1955а – *Кубійович В., Жуковський А.* Басарабія // Енциклопедія українознавства. Словникова частина (ЕУ–II). Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1955. Т. 1. С. 89–99.

Кубійович, Жуковський 1955б – *Кубійович В., Жуковський А.* Буковина // Енциклопедія українознавства. Словникова частина (ЕУ–II). Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1955. Т. 1. С. 187–191.

Кубійович 1962 – *Кубійович В.* Лемки // Енциклопедія українознавства. Словникова частина (ЕУ–II). Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1962. Т. 4. С. 1275–1280.

Кубійович 1984 – *Кубійович В.* Холмщина // Енциклопедія українознавства. Словникова частина (ЕУ–II). Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1984. Т. 10. С. 3615–3621.

Купчанко 1895 – *Купчанко Г.* Буковина и её русские жители. Відень: Книгопечатня Фридриха Яспера, 1895. 55 с.

Купчанко 1896 – *Купчанко Г.* Галичина и её русские жители. Відень: Книгопечатня Фридриха Яспера, 1896. 89 с.

Купчанко 1897 – *Купчанко Г.* Угорская Русь и её русские жители Відень: Книгопечатня Фридриха Яспера, 1897. 63 с.

Лемківщина 1999 – Лемківщина. Історико-етнографічне дослідження: у 2 т. / Відп. ред. Ю.Г. Гошко. Львів: Інститут народознавства НАН України, 1999. 360 с., іл.

Лемківщина 1988a – Лемківщина: земля, люди, історія, культура. Т. 1 // Записки Наук. товариства ім. Шевченка. Т. 206 (історично-філософська секція) / Ред. Б.О. Струмінський. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто: Видано коштом і заходами Організації оборони Лемківщини в ЗСА, 1988. 569 с.

Лемківщина 1988b – Лемківщина: земля, люди, історія, культура. Т. 2 // Записки Наук. товариства ім. Шевченка. Т. 206 (історично-філософська секція) / Ред. Б.О. Струмінський. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто: Видано коштом і заходами Організації оборони Лемківщини в ЗСА, 1988. 494 с.

Магочій 1994 – *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород: Поличка «Карпатського краю», 1994. 296 с.

Магочій 2006 – *Магочій П.Р.* Народ нізвідки. Ілюстрована історія карпаторусинів. Ужгород. 2006 р. 120 с.

Макар 2009 – *Макар Ю.І.* Лемківщина // Енциклопедія історії України. Т. 6: Ла–Мі / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2009. С. 106–108.

Макар 2010 – *Макар Ю.І.* Надсаня // Енциклопедія історії України. Т. 7: Мі–О / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2010. С. 159–160.

Макар 2013a – *Макар Ю.І.* Холмщина // Енциклопедія історії України. Т. 10: Т–Я / Редкол. В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2013. С. 406–407.

Макар 2013b – *Макар Ю.І.* Шипинська земля // Енциклопедія історії України. Т. 10: Т–Я / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2013. С. 639.

Марианський 1969 – *Марианський А.* Современные миграции населения. М.: Статистика, 1969. 224 с., черт., карт.

Михайловський 2012 – *Михайловський В.М.* Руське воєводство // Енциклопедія історії України. Т. 9: Прил – С / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2012. С. 396–398.

Несторовский 1905 – *Несторовский П.А.* Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. 180 с.

Пашаева 2001 – *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001. 201 с.

Пашаева 2003 – *Пашаева Н.М.* Буковина // Православная энциклопедия Т. 6: Бондаренко – Варфоломей Эдесский. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. С. 334–335.

Пашаева 2007 – *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Имперская традиция, 2007. 190 с.

Пашуто 1950 – *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 330 с.

Пастренак 1968 – *Пастернак Є.* Нарис історії Холмщини і Підляшшя. Вінніпег, 1968. 466 с.

Петров 1887 – *Петров Н.П.* Холмская Русь. Исторические судьбы русского Забужья / Изд. при Министерстве внутренних дел П.Н. Батюшковым. СПб., 1887. XVI, 216, 63 с., 17 л. ил., карт.

Петров 1892а – *Петров Н.И.* Бессарабия. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. СПб.: Типография Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1892. 321 с.

Петров 1892б – *Петров А.Л.* Заметки по Угорской Руси // ЖМНП. Ч. ССLXXIX. 1892. № 2. С. 439–458.

Погодин 1915 – *Погодин А.Л.* Зарубежная Русь. Петроград: П.П. Сошкин, 1915. 32 с., 3 л. ил., карт.

Половинкин 1896 – *Половинкин Ир.Н.* [Ир.Н.]. Лемки // ЭСБЕ. Т. XVIII: Ледье – Лопарев. СПб.: Типолиитография И.А. Ефрона, 1896. С. 521.

Поп, Поп 2005 – *Поп Д., Поп І.* Історія Подкарпатської Русі, 2005. 264 с.

Поп 2006 – *Поп І.* Енциклопедія Подкарпатської Русі. Ужгород: ПП «Повч Р.М.», 2006. 412 с., ил.

Поп 2010 – *Поп Д.И.* История Подкарпатской Руси через призму христианских идей. Ужгород: [б. и.], 2010. 295 с., [1] л. к., ил.

Рабій-Карпинська 1955 – *Рабій-Карпинська С.* Бойки // Енциклопедія українознавства. Словникова частина (ЕУ–II). Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1955. Т. 1. С. 149–150.

Свенцицкий 1905 – *Свенцицкий И.С.* Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. I. Сношения Карпатской Руси с Россией в I-й половине XIX века. Львов, 1905. 212 с.

Свенцицкий 1906 – *Свенцицкий И.С.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ю пол. XIX в. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1906. [6], 109 с.

Свистун 1970 – *Свистун Ф.И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии / Свистун Ф.И. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Начало истории американской Руси. Написал протопресвитер Петр Коханик. 2-е изд., доп. Trumbull: Hardy Lane, 1970. XII, 645 с., ил.

Семигород 1973 – Семигород // Енциклопедія українознавства. Словникова частина (ЕУ–II). Париж, Нью-Йорк: Вид. «Молоде Життя», 1973. Т. 7. С. 2750.

Симоненко 2003а – *Симоненко Р.Г.* Бессарабія // *Энцыклапедыя історыі Украіны*. Т. 1: А–В / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН Украіны. Інстытут історыі Украіны. Кіў: Навукава думка, 2003. С. 244–246.

Симоненко 2003б – *Симоненко Р.Г.* Буковина // *Энцыклапедыя історыі Украіны*. Т. 1: А–В / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН Украіны. Інстытут історыі Украіны. Кіў: Навукава думка, 2003. С. 395–397.

Стати 2016 – *Стати В.Н.* Основание Молдовы // *История Молдовы*. Т. 1. Страна Молдова в эпоху Средневековья (XI–XVII века) // Коорд. С.М. Назария. Кишинев: Б.и., 2016. 268 с.

Суляк 2012 – *Суляк С.Г.* Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX – начале XX в. // *Русин*. 2012. Т. 27. С. 6–26.

Суляк 2015а – *Суляк С.Г.* Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне) // *Русин*. 2015. Т. 42. С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9

Суляк 2015б – *Суляк С.Г.* Начало христианизации Карпато–Днестровской Руси // *Русин*. 2015. Т. 42. С. 267–307. DOI: 10.17223/18572685/42/19

Суляк 2017 – *Суляк С.Г.* Русины в молдавском летописании // *Русин*. 2017. Т. 50. С. 10–37. DOI: 10.17223/18572685/50/2

Суляк 2018 – *Суляк С.Г.* Хотинское восстание: причины и последствия // *Русин*. 2018. Т. 53. С. 115–151. DOI: 10.17223/18572685/53/8

Трансильвания 1901 – *Трансильвания* // ЭСБЕ. Т. XXXIIIА: Томбигби – Трульский собор. СПб.: Тип. Акц. общ. «Издательское дело», Брокгауз–Ефрон, 1901. С. 699–704.

Франко 1929 – *Франко И.Я.* Захар Беркут. Картина общественной жизни Карпатской Руси XIII века / Пер. с украинск. В. Ф. Дуткевича. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929 (М.: 1-я Образцовая тип.). 196 с.

Филевич 1894 – *Филевич И.П.* Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1894. [2], 32 с.

Филевич 1896 – *Филевич И.П.* История Древней Руси. Т. 1: Территория и население. Варшава: тип. Ф. Чернака, 1896. X, 383, [1] с.

Филевич 1907 – *Филевич И.П.* Из истории Карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни с 1772 г. (1848–1866). Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1907. [2], 162 с.

Филевич 1895 – *Филевич И.П.* Очерк карпатской территории и населения // *ЖМНП*. 1895. № 4. Отд. 2. С. 361–385.

Холмщина 1997 – *Холмщина і Підляшшя: Історико-етнографічне дослідження* / В. Борисенко, Г. Вишнеўська, Ю. Гаврилук та ін. Кіў: Родовід, 1997. 383 с., [17] арк. іл.

Шевченко 2011 – *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: REGNUM, 2011. 410, [3] с.

Шмедес 1870 – *Шмедес Карл.* Географическое и статистическое обозрение

Галиции и Буковины / Пер. полк. Н. Фельдман. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1870. [6], II, 150 с., 2 л. карт., табл.

Яворский 1914 – *Яворский Ю.А.* Записка по вопросу о народном образовании в Карпатской Руси. Львов: тип. Ставропигийского ин-та, 1914. 25 с.

Явдык 1904 – *Явдык Л.Н.* История Угорской Руси. Варшава: тип. Варш. ин-т глух. и слеп., 1904. [4], 80 с., 2 л. карт.

Ясь 2012 – *Ясь О.В.* Підляшшя // *Енциклопедія історії України*. Т. 8: П–Прик / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2012. С. 238–239.

Ясь 2013 – *Ясь О.В.* Холмська губернія // *Енциклопедія історії України*. Т. 10: Т–Я / Редкол. В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2013. С. 403–404.

Fejsa 2014 – *Fejsa M.* The Ruthenian Journey from The Carpathian Mountains to The Panonian Plain // *Русин*. 2014. Т. 36. С. 182-191

Magocsi 2002 – *Magocsi P.R.* Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Toronto: University of Toronto Press, 2002. 520 p.

Magocsi 2015 – *Magocsi P.R.* With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. New York: Central European University Press, 2015. 565 p.

Mihaescu 2000 – *Mihaescu D.* Bucovina si Basarabia (pornind de la numele lor). Iași: Tehnopress, 2000. 170 p

REFERENCES

Aristov, F.F. (1916) *Karpato-russkie pisateli. Issledovanie po neizdannym istochnikam V 3 t.* [Carpatho-Russian writers. Study on unpublished sources. In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Galitsko-russkoe o-vo v Petrograde.

Bakhturina, A.Yu. (2000) *Politika Rossiyskoy imperii v Vostochnoy Galitsii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War]. Moscow: A AIRO-XX.

Bakhturina, A.Yu. (2004) *Okrainy Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.)* [The outskirts of the Russian Empire: public administration and national policy during the First World War (1914–1917)]. Moscow: ROSSPEN.

Bakhtin, N.N. (1915) *Ugorskaya Rus'* [Ugric Russia]. Petrograd: Synodal printing house.

Vinogradov, V.N. (1996) *Bessarabiya na perekrestke evropeyskoy diplomatii: Dokumenty i materialy* [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy: Documents and Materials]. Moscow: Indrik.

Anon. (1902) *Bessarabskaya guberniya* [Besarab Province] In: Brockhaus F.A. & Efron, I.A. (1892) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 3A.

St. Petersburg: I.A. Efron. pp. 604–608.

Anon. (1901) Boyki [Boykos] In: Brockhaus F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 4. St. Petersburg: I.A. Efron. pp. 230–231.

Goshko, Yu.G. (1983) *Boykivshchina. Istoriko-etnografichne doslidzhennya* [Boykivshchyna. Historic and ethnographic research]. Kyiv: Naukova dumka.

Budilovich, A.S. (1892) Chervonorusskaya emigratsiya [Red Russian emigration]. *Slavyanskoe obozrenie*. 3. pp. 15–34.

Budilovich, A.S. (1903) K voprosu o plemennykh otnosheniyakh v Ugorskoj Rusi [On tribal relations in Ugrian Russia]. *Zhivaya starina*. 3. pp. 265–275.

Budilovich, A.S. (1907) *Kholm'skaya Rus' i polyaki. Tri stat'i professora A.S. Budilovicha* [The Kholm Russia and the Poles. Three articles by Professor A.S. Budilovich]. St. Petersburg: Rossiya.

Anon. (1891) Bukovina [Bukovina] In: Brockhaus F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 4A. St. Petersburg: I.A. Efron. pp. 874–875.

Butovich, V.N. (1916) *Materialy dlya etnograficheskoy karty Bessarabskoj gubernii* [Materials for the ethnographic map of the province of Bessarabia], Kiev, Kh.Yu. Burstein Publ.

Vasiliev, V.Yu. & Chuchko, M.K. (2010) Moldavs'ke knyazivstvo [Moldavian Princehood]. In: Smolij, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 7. Kyiv: Naukova dumka. pp. 27–30.

Vegeth, M.M. (2007) Karpats'ka Ukraïna [Carpathian Ukraine]. In: Smolij, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka. p. 122.

Velichko, G. (1892) Galitsiya [Galicia]. In: Brockhaus F.A. & Efron, I.A. (1892b) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 7A. St. Petersburg: I.A. Efron. pp. 902–909.

Veselova, O.M. & Kholodnits'kiy, V.F. (2003) Bukovina Pivnichna [North Bukovina]. In: Smolij, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka. pp. 397.

Vermenich, Ya.V. (2005) Zakarpats'ka oblast' [Transcarpathian region]. In: Smolij, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka. pp. 199–200.

Vermenich, Ya.V. (2013) Cheronivets'ka oblast' [Chernivtsi Region]. In: Smolij, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 10. Kyiv: Naukova dumka. pp. 501–502.

Vidnyanskiy, S.V. (2005) Zakarpats'ka Ukraïna, Zakarpattya [Transcarpathian Ukraine, Transcarpathia]. In: Smolij, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka. pp. 201–204.

Vidnyanskiy, S.V. (2009) Maramoroshchina [Máramaros]. In: Smolij, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 3.

Kyiv: Naukova dumka. pp. 503–504.

Vidnyanskiy, S.V. (2012) Pryashivshchina [Prešov]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 9. Kyiv: Naukova dumka. pp. 53–56.

Witte, E.I. (1903) *Bukovina i Galichina. Leto 1903 g.* [Bukovina and Galicia. Summer 1903]. Kyiv: I.I. Gorbunova.

Witte, E.I. (1914) *Ugorussy* [Ugric Russians]. Pochaev: Pochaevo–Usp. Lavra.

Witte, E.I. & Turaeva–Tsereteli, E.F. (1915) *Galitskaya Rus' v ee proshlom i nastoyashchem* [Galician Rus' in its past and present]. Moscow: A.A. Levenson.

Wortman, D.Ya. (2012) Prikarpattya [Outer Subcarpathia]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 8. Kyiv: Naukova dumka. pp. 503.

Wortman, D.Ya. (2013) Cherven'ski gradi [The Cherven Cities]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 10. Kyiv: Naukova dumka. pp. 490.

Voynalovich, V.A. (2003) Boyki [Boykos]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka. pp. 324.

Voytovich, L. (2011) Granitsy Galitsko-Volynskogo gosudarstva [Borders of the Galician-Volhynian State]. *Rusin*. 3 (25). pp. 5–41 (In Russian).

Golovatsky, Ya.F. (1875) Karpatskaya Rus' (Istoriko-etnograficheskiy ocherk) [Carpathian Rus' (Historical and Ethnographic Essay)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 29. pp. 349–396.

Golovatsky, Ya.F. (1878) *Narodnye pesni Galitskoy i Ugorskoy Rusi, sobrannye Ya.F. Golovatskim* [Folk songs of Galician and Ugric Rus'; collected by Ya.F. Golovatsky]. Part 1. Moscow: Imperial Society of History and Antiquities, Moscow University. pp. 557–748.

Gorbach, O. (1955) Bachka [Bačka]. In: Kubiyovich, V. (ed.) *Entsiklopediya Ukraïnoznavstva. Slovnikova chastina* [Encyclopedia of Ukraine Studies. Glossary]. Vol. 1. Paris; New York: Molode Zhittya. pp. 103–104.

Hrushevsky, M.S. (1904) *Istoriya Ukraini–Rusi* [History of Ukraine–Rus']. Vol. 1. 2nd ed. Lviv: [s.n.].

Hrushevsky, M.S. (1905a) *Istoriya Ukraini–Rusi* [History of Ukraine–Rus']. Vol. 2. 2nd ed. Lviv: [s.n.].

Hrushevsky, M.S. (1905b) *Istoriya Ukraini–Rusi* [History of Ukraine– Rus']. Vol. 3. 2nd ed. Lviv: [s.n.].

Hrushevsky, M.S. (1907) *Istoriya Ukraini–Rusi* [History of Ukraine– Rus']. Vol. 4. 2nd ed. Lviv: [s.n.].

Anon. (1898) Gutsuly [Hutsuls] In: Brockhaus F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 9A. St. Petersburg: I.A. Efron. pp. 947.

Goshko, Yu.G. (1987) *Gutsul'shchina. Istoriko-etnografichne doslidzhennya* [Hutsulshchyna. Historical and ethnographic research]. Kyiv: Naukova dumka.

Dashkevich, N.P. (1873) *Knyazhenie Daniila Galitskogo po russkim i inostrannym izvestiyam* [The reign of Daniil Galitsky on Russian and foreign news]. Kyiv: V Univ. tip.

De Wollant, G.A. (1878a) *Ugorskaya Rus'. Istoricheskiy ocherk* [Ugric Russia. A Historical Essay]. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 235–250.

De Wollant, G.A. (1878b) *Ugorskaya Rus'. Istoricheskiy ocherk* [Ugric Russia. A Historical Essay]. Moscow: tip. Lebedeva.

De Wollant, G.A. (1885) *Ugorusskie narodnye pesni* [Ugro Russian folk songs]. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

Denisenko, G.G. (2005) *Zarzonnja [Zakerzonja]* In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka. pp. 205–206.

Dobryansky, A.I. (1880) *O zapadnykh granitsakh Podkarpatskoy Rusi so vremen sv. Vladimira* [On the western borders of Subcarpathian Rus' since the time of St. Vladimir]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CCVIII. pp. 134–159.

Dobryansky, A.I. (2009) *O zapadnykh granitsakh Podkarpatskoy Rusi so vremen sv. Vladimira* [On the western borders of Subcarpathian Rus' since the time of St. Vladimir]. *Rusin*. 18. pp. 138–160.

Domashevsky, M. (1995) *Istoriya Gutsul'shchiny* [History of Hutsulshchyna]. Vol. 1. Chicago; Lviv: Hutsul Experimental Institute, Conference of Hutsul Communities of America and Canada in Chicago.

Domashevsky, M. (1985) *Istoriya Gutsul'shchiny* [History of Hutsulshchyna]. Vol. 2. Chicago; Lviv: Hutsul Experimental Institute, Conference of Hutsul Communities of America and Canada in Chicago.

Domashevsky, M. (1986) *Istoriya Gutsul'shchiny* [History of Hutsulshchyna]. Vol. 3. Chicago; Lviv: Hutsul Experimental Institute, Conference of Hutsul Communities of America and Canada in Chicago.

Dostał, M.Yu., Dronov, M.Yu. & Yurasov, M.K. (2003) *Zakarpate* [Transcarpathia]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 19. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 538–547.

Dulishkovich, I. (1874) *Istoricheskie cherty ugro-russkikh* [Historical features of the Ugro-Russians]. Vol. 1. Ungvar: Carl Jaeger and Albert Y. Reipaya.

Dulishkovich, I. (1875a) *Istoricheskie cherty ugro-russkikh* [Historical features of the Ugro-Russians]. Vol. 2. Ungvar: Carl Jaeger and Albert Y. Reipaya.

Dulishkovich, I. (1875b) *Istoricheskie cherty ugro-russkikh* [Historical features of the Ugro-Russians]. Vol. 3. Ungvar: Maks. Polyachek.

Dukhnovich, A.V. (1852) *Istinnaya istoriya karpatorossov ili ugarskikh rusinov*. Izdana narodolyubtsem Aleksandrom Dukhnovichem 1853 [The True History of the Carpatho-Russians or Ugrian Rusins. Published by the Aleksandr Dukhnovich in 1853]. [Manuscript].

Dukhnovich, A.V. (1914) *Istinnaya istoriya karpatorossov ili ugorskikh rusinov*. Izdana narodolyubsem Aleksandrom Dukhnovichem 1853 [The True History of the Carpatho-Russians or Ugrian Rusins. Published by the Aleksandr Dukhnovich in 1853]. *Russkiy arkhiv*. 4. pp. 528–559.

Zhukovsky, A. (1991) *Istoriya Bukovini* [History of Bukovina]. Vol. 1. Chernivtsi: RVV oblpoligrafvidavu. pp. 30–31.

Zakrevska, Ya.V. (2004) Gutsuli [Hutsuls]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka. pp. 264–265.

Zubritsky, D.I. (1852a) *Istoriya drevnego Galichsko-Russkogo knyazhestva* [The History of the Ancient Galich-Russian Principality]. Vol. 1. Lvov: Institut Stavropigianskiy.

Zubritsky, D.I. (1852b) *Istoriya drevnego Galichsko-Russkogo knyazhestva* [The History of the Ancient Galich-Russian Principality]. Vol. 2. Lvov: Institut Stavropigianskiy.

Zubritsky, D.I. (1855) *Istoriya drevnego Galichsko-Russkogo knyazhestva* [The History of the Ancient Galich-Russian Principality]. Vol. 3. Lvov: Institut Stavropigianskiy.

Zubritsky, D.I. (1864) Granitsy mezhdru rusinskoy i pol'skoy natsiyami v Galitsii [Borders between the Rusin and Polish nations in Galicia]. *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*. 2. pp. 90–118.

Isaevich, Ya.D. (2003) Boykivshchina [Boykivshchyna]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka. pp. 324–325.

Isaevich, Ya.D. (2004) Galichina [Galicia]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka. pp. 40–41.

Isaevich, Ya.D. (2008a) Korolivstvo Galitsii i Lodomerii [The Kingdom of Galicia and Lodomeria]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka. pp. 172–173.

Isaevich, Ya.D. (2008b) Korolivstvo Rus' [The Kingdom of Russia]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka. pp. 173.

Isaevich, Ya.D. (2013) Chervona Rus' [Red Rus']. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 10. Kyiv: Naukova dumka. pp. 492.

Udaltsov, A.D. & Cherepnin, L.V. (red.) (1951) *Istoriya Moldavii. T. 1. Ot drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi Sotsialisticheskoi revolyutsii* [The history of Moldova. Vol. 1. From ancient times to the Great October Socialist Revolution]. Chişnău: Şcoala sovietică.

Cherepnin, L.V. (red.) (1965) *Istoriya Moldavskoi SSR. T. 1. Ot drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi Sotsialisticheskoi revolyutsii* [History of the

Moldavian SSR. Vol. 1. From ancient times to the Great October Socialist Revolution]. Chişnău: Cartea Moldovenească.

Istoriya Moldavskoi SSR (1984). *Ot drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of the Moldavian SSR. From ancient times to the present day.]. Chişnău: Ştiinţa.

Andruschak, V.E. et al. (2015) *Istoriya Respubliki Moldova. S drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of the Republic of Moldova. From ancient times to the present day]. Chişnău: Î.S. F.E.-P. Tipografia Centrală. 384 c.

Kazansky, P.E. (1914) *Prisoedinenie Galichiny, Bukoviny i Ugorskoy Rusi. Rech' v publ. sobr. Odes. otdeleniya Galitsko-rus. blagotvor. o-va, 5 okt. 1914 g. prof. P.E. Kazanskogo* [Joining Galicia, Bukovina and Ugrian Russia. Prof. P.E. Kazansky's speech in the Public Assembly of Odessa Branch of Galician-Russian Charity Association on October 5, 1914]. 2nd ed. Odessa: tip. Eparkh. Doma.

Kaindl, R.F. (2000) *Gutsuli: ikh zhittya, zvichai ta narodni perekazi* [Hutsuls: their life, customs and folk tales]. Translated from German by Z.F. Penyuk. Chernivtsi: Molodiy bukovinets'.

Kivlitsky, E. (1892) Galitskoe knyazhestvo [Galician Principality]. In: Brockhaus F.A. & Efron, I.A. (eds) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 7A. St. Petersburg: I.A. Efron. pp. 910–913.

Korduba, M. (1941) *Istoriya Kholmshchiny y Pidlyashshya* [History of Kholmshchyna and Podlasie]. Krakow: Ukraïns'ke Vidavnistvo.

Kotlyar, N.F. (1985) *Formirovanie territorii i vozniknovenie gorodov Galitsko-Volynskoy Rusi IX–XIII vv.* [The formation of the territory and the foundation of the cities in Galician-Volhynian Rus' in the 9th – 13th centuries]. Kyiv: Naukova dumka.

Kotlyar, M. F. (1998) Galits'ko–Volins'ka Rus' [Galician-Volhynian Rus']. In: Smoliy, V. (ed.) *Ukraïna kriz' viki* [Ukraine through the ages]. Vol. 5. Kyiv: Al'ternativi.

Kotlyar, M.F. (2004a) Gal'ts'ka zemlya [Galician land]. In: Smoliy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka. pp. 27–28.

Kotlyar, M.F. (2004b) Gal'ts'ke knyazivstvo [Galician [principality]]. In: Smoliy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka. p. 30.

Kotlyar, M.F. (2004c) Galits'ko–Volins'ke knyazivstvo [Galician-Volhynian principality]. In: Smoliy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka. pp. 34–36.

Kochubinskii, A.A. (1881) Slavyanskii rukopisi Peshtskogo muzeya i, v chastnosti, "russkaya" rukopis' 1803 goda (Posvyashchaetsya moemu tovarishchu F.I. Uspenskomu) [Slavic manuscripts of the Pesht Museum and, in particular, the "Russian" manuscript of 1803 (Dedicated to my friend F. Uspensky)]. *Russkiy filologicheskiy vestnik*. 5. pp. 180–207.

Kochubinskii, A.A. (1891) O russkom plemeni v Dunayskom Zales'e [About the Russian tribe in the Danube Zalesie]. In: Countess Uvarova. (ed.) *Trudy Sed'mogo arkhеologicheskogo s'ezda v Yaroslavle. 1887* [Proceedings of the Seventh Archaeological Congress in Yaroslavl. 1887]. Vol. 2. Moscow: E. Lisner i Yu. Roman. pp. 9–66.

Kochubinskii, A.A. (1903) Chastnye moldavskie izdaniya dlya russkoy shkoly (Bibliograficheskie zametki) [Private Moldovan publications for the Russian school (Bibliographical notes)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CCCXXXVII. pp. 389–418.

Kochubinskii, A.A. (2009) Chastnye moldavskie izdaniya dlya russkoy shkoly (Bibliograficheskie zametki) [Private Moldovan publications for the Russian school (Bibliographical notes)]. *Rusin*. 1(15). pp. 163–189 (In Russian).

Kresin, O.V. (2013) Transil'vans'ke knyazivstvo [Transylvanian Principality]. In: Smolii, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraїni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 10. Kyiv: Naukova dumka. pp. 135–137.

Krasnyansky, O., Kubyovych, V. & Markus, V. (1970) Pryashivshchina [Presovshchyna]. In: Kubyovych, V. (ed.) *Entsiklopediya Ukraїnoznavstva. Slovnikova chastina* [Encyclopedia of Ukraine Studies. Glossary]. Vol. 6. Paris, New York: Molode Zhittya. pp. 2389–2396.

Kryzhanovsky, E.M. (1911) *Russkoe Zabuzh'e* (Kholmshchina i Podlyash'e) [Russian Zabuzhze (Chelm Land and Podlasie)]. St. Petersburg: Mirnyy trud.

Kubyovych, V., Markus, V. & Lisyak–Rudnitsky, I. (1955–1957) Zakarpattya [Transcarpathia]. In: Kubyovych, V. (ed.) *Entsiklopediya Ukraїnoznavstva. Slovnikova chastina* [Encyclopedia of Ukraine Studies. Glossary]. Vol. 2. Paris, New York: Molode Zhittya. pp. 715–727.

Kubyovych, V., Vintsents, S. & Sichinsky, V. (1955–1957) Gutsul'shchina [Hutsulschyna]. In: Kubyovych, V. (ed.) *Entsiklopediya Ukraїnoznavstva. Slovnikova chastina* [Encyclopedia of Ukraine Studies. Glossary]. Vol. 2. Paris, New York: Molode Zhittya. pp. 466–470.

Kubyovych, V. & Zhukovsky, A. (1955a) Basarabiya [Bessarabia]. In: Kubyovych, V. (ed.) *Entsiklopediya Ukraїnoznavstva. Slovnikova chastina* [Encyclopedia of Ukraine Studies. Glossary]. Vol. 1. Paris, New York: Molode Zhittya. pp. 89–99.

Kubyovych, V. & Zhukovsky, A. (1955b) Bukovina [Bukovina]. In: Kubyovych, V. (ed.) *Entsiklopediya Ukraїnoznavstva. Slovnikova chastina* [Encyclopedia of Ukraine Studies. Glossary]. Vol. 1. Paris, New York: Molode Zhittya. pp. 187–191.

Kubyovych, V. (1962) Lemki [Lemkos]. In: Kubyovych, V. (ed.) *Entsiklopediya Ukraїnoznavstva. Slovnikova chastina* [Encyclopedia of Ukraine Studies. Glossary]. Vol. 4. Paris, New York: Molode Zhittya. pp. 1275–1280.

Kubyovych, V. (1984) Kholmshchina [Chelm Land]. In: Kubyovych, V. (ed.) *Entsiklopediya Ukraїnoznavstva. Slovnikova chastina* [Encyclopedia of Ukraine Studies. Glossary]. Vol. 10. Paris, New York: Molode Zhittya. pp. 3615–3621.

Kupchanko, G. (1895) *Bukovina i ee russkie zhiteli* [Bukovina and its Russian

inhabitants]. Viden: Knigopechatnya Fridrikha Yaspera.

Kupchanko, G. (1896) *Galichina i ee russkie zhiteli* [Galichina and its Russian inhabitants]. Viden: Knigopechatnya Fridrikha Yaspera.

Kupchanko, G. (1897) *Ugorskaya Rus' i ee russkie zhiteli* [Ugric Rus' and its Russian inhabitants]. Viden: Knigopechatnya Fridrikha Yaspera.

Goshko, Yu.G. (ed.) (1999) *Lemkivshchina. Istoriko-etnografichne doslidzhennya* [Lemkivshchyna. Historical and ethnographic research]. Lviv: Institute of Ethnology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Struminsky, B.O. (ed.) (1988a) *Lemkivshchina: zemlya, lyudi, istoriya, kul'tura* [Lemkivshchyna: land, people, history, culture]. Vol. 1. New York; Paris; Sydney; Toronto: Issued by Means and Measures of the Organization of the Defense of the Lemko Region in the Academy of Sciences.

Struminsky, B.O. (ed.) (1988b) *Lemkivshchina: zemlya, lyudi, istoriya, kul'tura* [Lemkivshchyna: land, people, history, culture]. Vol. 2. New York; Paris; Sydney; Toronto: Issued by Means and Measures of the Organization of the Defense of the Lemko Region in the Academy of Sciences.

Magocsi, P.R. (1994) *Formuvannya natsional'noi samosvidomosti: Pidkarpats'ka Rus' (1848–1948)* [Formation of national consciousness: Subcarpathian Rus' (1848–1948)]. Uzhhorod: Polichka "Karpats'kogo krayu".

Magocsi, P.R. (2006) *Narod nizvidki. Ilyustrovana istoriya karpatorusiniv* [The people from nowhere. Illustrated History of Carpatho-Rusins]. Uzhhorod: V. Padyak.

Makar, Yu.I. (2009) Lemkivshchina [Lemkivshchyna]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka. pp. 106–108.

Makar, Yu.I. (2010) Nadsannya [Enhance]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 7. Kyiv: Naukova dumka. pp. 159–160.

Makar, Yu.I. (2013a) Kholmshchina [Chelm Land]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 10. Kyiv: Naukova dumka. pp. 406–407.

Makar, Yu.I. (2013b) Shipins'ka zemlya [Shipina land]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 10. Kyiv: Naukova dumka. pp. 639.

Mariansky, A. (1969) *Sovremennye migratsii naseleniya* [Modern migration of the population]. Moscow: Statistika.

Mikhaylovskiy, V.M. (2012) Rus'ke voevodstvo [Russian Voivodeship]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraïni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 9. Kyiv: Naukova dumka. pp. 396–398.

Nestorovskiy, P.A. (1905) *Bessarabskie rusiny: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Bessarabian Rusins: a historical and ethnographic essay]. Warsaw: Saturn.

Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX-XX vv.*

[Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: State Public Historical Library of Russia.

Pashaeva, N.M. (2003) Bukovina [Bukovina]. In: Patriarch Alexy II. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 6. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 334–335.

Pashaeva, N.M. (2007) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX-XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: Imperskaya traditsiya.

Pashuto, V.T. (1950) *Ocherki po istorii Galitsko–Volynskoy Rusi* [Essays on the History of Galician-Volhynian Rus']. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Pasternak, E. (1968) *Naris istorii Kholmshchini i Pidlyashshya* [Essay on the history of the Chełm Land and Podlasie]. Winnipeg: [s.n.].

Petrov, N.P. (1887) *Kholm'skaya Rus'. Istoricheskie sud'by russkogo Zabuzh'ya* [Chelm Rus'. The historical fate of the Russian Zabuzhzhie]. St. Petersburg: Ministry of Interior.

Petrov, N.I. (1892a) *Bessarabiya. Istoricheskoe opisanie. Posmertnyy vypusk istoricheskikh izdaniy P.N. Batyushkova* [Historical description of Bessarabia. The posthumous edition of P.N. Batyushkov's historical works]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

Petrov, A.L. (1892b) *Zametki po Ugorskoy Rusi* [Notes on Ugric Russia]. Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. 2. pp. 439–458.

Pogodin, A.L. (1915) *Zarubezhnaya Rus'* [The Foreign Rus']. Petrograd: P.P. Soykin.

Polovinkin, I.N. (1896) Lemki [Lemkos]. In: Brockhaus F.A. & Efron, I.A. (1898) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 17A. St. Petersburg: I.A. Efron. p. 521.

Pop, D. & Pop, I. (2005) *Istoriya Podkarpatskoi Rusi* [History of Subcarpathian Rus']. Uzhhorod: [s.n.].

Pop, I. (2006) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Subcarpathian Rus' Encyclopedia]. Uzhhorod: Povch R.M.

Pop, D.I. (2010) *Istoriya Podkarpatskoy Rusi cherez prizmu khristianskikh idey* [The history of Subcarpathian Rus' through the prism of Christian ideas]. Uzhhorod: [s.n.].

Rabiy-Karpinska, S. (1855) Boyki [Boykos]. In: Kubiiovich, V. (ed.) *Entsiklopediya ukrainoznavstva. Slovnikova chastina* [Encyclopedia of Ukraine Studies. Glossary]. Vol. 1. Paris, New York: Molode Zhittya. pp. 149–150.

Sventitsky, I.S. (1905) *Materialy po istorii vrozhdzheniya Karpatskoy Rusi* [Materials on the history of the revival of Carpathian Rus']. Vol. 1. Lviv: [s.n.].

Sventitsky, I.S. (1906) *Obzor snosheniy Karpatskoy Rusi s Rossiey v 1–uyu pol. XIX v.* [Review of relations between Carpathian Rus' and Russia in the 1st half of the 19th century]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Svistun, F.I. (1970) *Prikarpatskaya Rus' pod vladeniem Avstrii. Nachalo istorii*

amerikanskoj Rusi. Napisal protopresviter Petr Kokhanik [Carpathian Rus' under Austrian rule. The early history of American Rus'. Posted by Protopresbyter Peter Kokhanik]. 2nd ed. Trumbull: Hardy Lane.

Anon. (1973) Semigorod [Transylvania]. In: Kubiyovich, V. (ed.) *Entsiklopediya ukraїnoznavstva. Slovnikova chastina* [Encyclopedia of Ukraine Studies. Glossary]. Vol. 7. Paris, New York: Molode Zhittya. p. 2750.

Simonenko, R.G. (2003a) Bessarabiya [Bessarabia]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraїni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka. pp. 244–246.

Simonenko, R.G. (2003b) Bukovina [Bukovina]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraїni* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka. pp. 395–397.

Stati, V.N. (2016) Osnovanie Moldovy [Founding of Moldova] In *Istoriya Moldovy. T. 1. Strana Moldova v epokhu Srednevekov'ya (XI-XVII veka)* [History of Moldova. Vol. 1. Country Moldova in the Middle Ages (XI-XVII centuries)]. Chisinau: [s.n.].

Sulyak, S.G. (2012) Ethno-Demographic processes in Bessarabia in the XIX –beginning of the XX ages. *Rusin.* 27. pp. 6–26 (In Russian).

Sulyak, S.G. (2015a) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War. *Rusin.* 42. pp. 107–125 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9

Sulyak, S.G. (2015b) The Beginning of Christianization of Carpatho-Dniestrovian Rus'. *Rusin.* 42. pp. 267–307 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/19

Sulyak, S.G. (2017) Rusins in the Moldavian Chronicles. *Rusin.* 50. pp. 10–37 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/50/2

Sulyak, S.G. (2018) The Khotin uprising: causes and consequences. *Rusin.* 53. pp. 115–151 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/8

Anon. (1901) Transil'vaniya [Transylvania]. In: Brockhaus F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 33A. St. Petersburg: I.A. Efron. pp. 699–704.

Franko, I.Ya. (1929) *Zakhar Berkut. Kartina obshchestvennoy zhizni Karpatskoj Rusi XIII veka* [Zahar Berkut. Picture of public life of the Carpathian Rus' in the 18th century]. Translated from Ukrainian by V.F. Dutkevich. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.

Filevich, I.P. (1894) *Ugorskaya Rus' i svyazannye s neyu voprosy i zadachi russkoj istoricheskoy nauki* [Ugric Russia and the related issues and tasks of Russian historical science]. Warsaw: Varsh. ucheb. okr.

Filevich, I.P. (1896) *Istoriya Drevney Rusi* [The History of Old Rus']. Vol. 1. Warsaw: F. Chernak.

Filevich, I.P. (1907) *Iz istorii Karpatskoj Rusi. Ocherki galitsko-russkoj zhizni s 1772 g. (1848–1866)* [From the History of Carpathian Rus'. Essays on Galician – Russian life since 1772 (1848–1866)]. Warsaw: Varsh. ucheb. okr.

Filevich, I.P. (1895) Ocherk karpatskoy territorii i naseleniya [Essay on the Carpathian territory and population]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. 4. pp. 361–385.

Borisenko, V., Vishnevskaya, G. & Gavrilyuk, Yu. (1997) *Kholmshchina i Pidyashshya: Istoriko-etnografichne doslidzhennya* [Chelm Land and Podlasie: Historical and Ethnographic Research]. Kyiv: Rodovid.

Shevchenko, K.V. (2011) *Slavyanskaya Atlantida. Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX–pervoy polovine XX vv.* [Slavic Atlantis. Carpathian Rus' and Rusins in the 19th and first half of the 20th centuries]. Moscow: REGNUM.

Schmedes Karl (1870) *Geograficheskoe i statisticheskoe obozrenie Galitsii i Bukoviny* [Geographical and statistical review of Galicia and Bukovina]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Printing House.

Yavorsky, Yu.A. (1914) *Zapiska po voprosu o narodnom obrazovanii v Karpatskoy Rusi* [Note on public education in the Carpathian Rus']. Lviv: typography of Stavropigiyskii institut.

Yavdyk, L.N. (1904) *Istoriya Ugorskoy Rusi* [History of Ugric Russia]. Warsaw: tip. Varsh. in–t glukh. i slep.

Yas, O.V. (2012) Pidyashshya [Podlasie]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraini* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 8. Kyiv: Naukova dumka. pp. 238–239.

Yas, O.V. (2013) Kholms'ka guberniya [Chelm Province]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii Ukraini* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. Vol. 10. Kyiv: Naukova dumka. pp. 403–404.

Fejsa, M. (2011) The Ruthenian Journey from The Carpathian Mountains to The Panonian Plain. *Rusin*. 2014. 36. pp. 182–191

Magocsi, P.R. (2002) *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto: University of Toronto Press.

Magocsi, P.R. (2015) *With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho–Rusyns*. New York: Central European University Press.

Mihaescu, D. (2000) *Bucovina si Basarabia (pornind de la numele lor)*. Iași: Tehnopress.

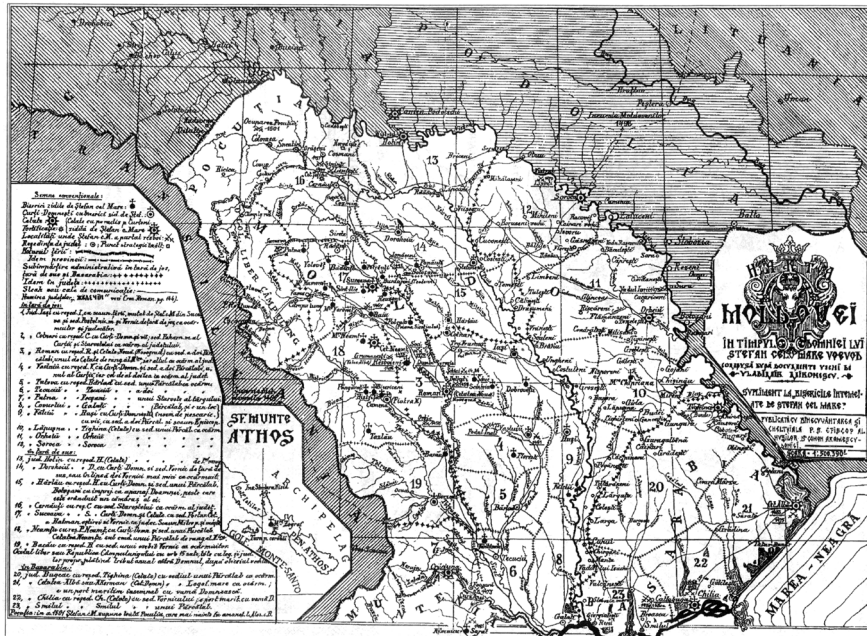
Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Карта Молдавского княжества во время правления Стефана Великого (1457-1504)

Источник: Crăciun V. Istoria ilustrată a românilor. București, 1998. P. 103.

Зарубежная Русь.

Этнографическая карта, составленная Д.Н. Вергуном

Источник: Погодин А.Л. Зарубежная Русь. Пг.: П.П. Сойкин, 1915.

УДК 81-22(574)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/17

АНТРОПОНИМИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛКА БОЛГАРСКИЙ В КАЗАХСТАНЕ (К ВОПРОСУ ЭТНОГЕНЕЗА ГАГАУЗОВ В БУДЖАКЕ)

И.Ф. Грек

Ассоциация историков и политологов «Pro-Moldova»

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Авторское резюме

Антропонимия домохозяев поселка Болгарский 1917 г. рассмотрена в контексте интеграции православного тюркоязычного населения на Балканах (XII–XIV, XV–XVIII вв.) в составе Второго Болгарского царства, Добруджанского деспотства, Османской империи и формирования его гагаузской идентичности в России / СССР (последняя треть XIX – середина XX в.). Начало процесса за Дунаем и его завершение в Буджаке обусловлены политической историей территорий проживания, особенностью смешения на Балканах его составляющих под разными этническими названиями: одни исчезали, другие (*читаки*, прозвище *гагаузы*) исходили от османской власти. Ей удалось разделить их конфессионально (*гаджалы*), но православная часть спасалась от поглощения османами-мусульманами, прячась за самоназваниями *болгары* и *греки*. Признавая себя за Дунаем *болгарами*, *истинными болгарами*, тюркоязычные православные называли *славяно-болгар* экзоэтнонимом *туканы*, чтобы отделить себя от них. Завершение процесса формирования гагаузской идентичности в Буджаке к середине XX в. означало отказ тюркоязычного православного населения от самоназвания *болгары*, признание его за *славяно-болгарами*, осознание себя *гагаузами* и интеграцию под этим этнонимом всех тюркоязычных, ранее называвших себя *читаками*, *греками*, *гаджалами*. Буджак стал этногенетической территорией гагаузского этноса. Это обеспечивалось компактностью его заселения здесь, близостью тюркских говоров, общностью балканских языческо-православных обычаев, обрядов, традиций. Участники тюркоязычной эмиграции из Буджака в Приазовье 1860–1861 гг. и миграции на Северный Кавказ, в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию в 1909–1913 гг. остались с самоназванием *болгары*, не будучи ими по происхождению. Причины – отсутствие или незавершенность процесса огагаузивания на момент ухода из Буд-

жака, дисперсность расселения в регионах переселения. А совместное / пограничное проживание там с иноязычным населением обуславливало ее ассимиляцию. Даже гагаузская эмиграция из Буджака в Латинскую Америку 1925–1927 гг. по этой же причине утратила свою этническую, языковую идентичность и православную веру.

Ключевые слова: тюркоязычные православные болгары, греки, читаки, гаджалы, славяно-болгары, туکانы, миграция, эмиграция, Добруджа, Делиорман, Россия, Буджак (Южная Бессарабия), Приазовье, Северный Кавказ, СССР, Казахстан, Узбекистан, Украина, Молдавия, Латинская Америка.

ANTHROPONYMY OF THE RESIDENTS OF BOLGARSKY VILLAGE IN KAZAKHSTAN (ON ETHNOGENESIS OF THE GAGAUZ IN BUDJAK)

I.F. Greek

ProMoldova Association of Historians and Political Scientists
E-mail: ivangrec39@mail.ru

Abstract

The householders' anthroponymy of Bolgarsky village in 1917 is considered in the context of the integration of the Orthodox Turkic-speaking population in the Balkans (12th – 14th, 15th – 18th centuries) within the Second Bulgarian Kingdom, Dobroudja despotism, Ottoman Empire and the formation of its Gagauz identity in Russia / the USSR in the last third of the 19th – middle of the 20th century). The beginning of the process beyond the Danube and its completion in Budjak were determined by the political history of the territories, with the mixture of population in the Balkans under different ethnic names: some disappeared, while others (*Chitaki*, nicknamed as *Gagauz*) separated from the Ottoman power. They were divided by confession (*Gadzhal*s), but the Orthodox part escaped from absorption by the Muslim Ottomans, hiding behind the self-names *Bulgarians* and *Greeks*. Identifying themselves behind the Danube as *Bulgarians*, or *true Bulgarians*, the Turkic-speaking Orthodox called the *Slavic-Bulgarians* by an exo-ethnonym “*Toucan*s” in order to be separated from them. The Gagauz identity in Budjak finally formed by the middle of the 20th century, followed by the refusal of the Turkic-speaking Orthodox population from the self-name *Bulgarians* in favour of the *Slavic-Bulgarians*, self-awareness as of the *Gagauz* and integration under this ethnonym of all Turkic-speaking people, previously identifying themselves as *Chitaks*, *Greeks*, *Gadzhal*s.

Budjak became the ethnogenetic territory of the Gagauz ethnos, which was ensured by the dense settlement, proximity of the Turkic dialects, common Balkan pagan-Orthodox customs, rituals and traditions. Turkic-speaking emigrants from Budjak to the Azov Sea in 1860–1861 and to the North Caucasus, Siberia, Kazakhstan, Central Asia in 1909–1913 retained *Bulgarians* as their self-name, though being of a different origin, due to the lack or incompleteness of the civilization process at the time of leaving Budjak and disperse settlement in the resettlement regions. A joint / border residence with a population speaking another language led to assimilation. Even the Gagauz emigration from Budjak to Latin America in 1925–1927 lost its ethnic and linguistic identity as well as the Orthodox faith.

Keywords: Turkic Orthodox Bulgarians, Greeks, Chitak, Gadzhaly, Slavic-Bulgarians, Toucans, Migration, Emigration, Dobrudja, Deliorman, Russia, Budjak (Southern Bessarabia), Azov, North Caucasus, USSR, Kazakhstan, Uzbekistan, Ukraine, Moldavia, Latin America.

К истории аграрной миграции потомков задунайских переселенцев.

Как известно, аграрной миграцией в границах Южной Бессарабии была охвачена с последней трети XIX в., как правило, та часть потомков выходцев из-за Дуная конца XVIII – первой трети XIX в., которая представляла этнических *болгар*. Недостаток земли в основанных тогда их предками селах привел к выдавливанию из них безземельных и безнадельных семей. Они основали дочерние поселения на купленной у помещиков земле в самом Буджаке (южная часть Бессарабской области; с 1873 г. – губерния), а также на сопредельной с ним территории (Колесник 2001; Кондов 2005; Грек 2006; Грек 2018). Переселение в Приазовье в 1860–1861 гг. из южного участка Бессарабии, отданного Россией после Крымской войны 1853–1856 гг. Молдавскому княжеству по условиям Парижского мирного договора 1856 г., не относится к категории аграрной миграции, поскольку оно обладало всеми признаками политической эмиграции (Забытые страницы 2011).

Болгары Буджака предпринимали попытки переселения в глубь России еще в 90-е гг. XIX в., но центральные и местные губернские власти не давали им на это согласия (Новаков 2004: 484). Всероссийская перепись населения 1897 г. выявила 468 чел. с болгарским родным языком на Кавказе (скорее всего, все они были выходцами из Приазовья), 43 – в Сибири и 41 – в Средней Азии (Манасиева 2013). За пределами Бессарабской губернии этнические болгары впервые были охвачены массовой аграрной миграцией после столыпинской реформы 1906 г.

На Северном Кавказе были и православные тюркоязычные переселенцы из Буджака. Согласно переписи 1897 г., своим родным

языком они указали турецкий, хотя сами себя называли тогда *болгарами*. Их точная численность неизвестна, поскольку этнодемографы попытались установить ее на основе ошибочной методики – доли фамилий тюркского происхождения (Субботина 2006: 232–245; Субботина 2009: 386–402). Следует подчеркнуть, что молодые семьи из православной тюркской общности Буджака, в отличие от соседей – славяно-болгар, нехотя покидали основанные их отцами и дедами села, в которых они родились, и почти не создали здесь дочерних поселений. Это привело к значительному росту населения в «старых» селах, основанных в первой четверти XIX в. (Грек 2009: 571).

Столыпинская реформа 1906 г. включила в массовый миграционный поток (впервые и сразу за пределами Бессарабии) население и этой общности. Реформа разрушала сельскую общину, приводила к аграрному перенаселению, особенно в густонаселенных поселениях, испытывавших земельный голод. Она пролетаризировала село и выталкивала из него безземельных крестьян. Из-за почти полного отсутствия не введенной в сельскохозяйственный оборот земли реформа Столыпина вынуждала таких крестьян отправляться на поиски таковой в далекие края Российской империи, где ее было в избытке. Бендерское земство отмечало в своем отчете за 1909 г.: «Вопрос переселения изъявивших желание жителей Бендерского уезда (в него входили Чадыр-Лунгская и Комратская волости. – *И.Г.*) в настоящую минуту почти совсем налажен, и в недалеком будущем около 765 семейств, в числе около 4 000 душ обоего пола, без знания русского языка и местных условий, двинется в далекий путь» (Бендерское земство 1910: 6). Массовое переселенческое движение охватило в 1909–1913 гг. «все болгарские и гагаузские села Бендерского и Аккерманского уездов». На «подысканные дорогами земли в Тургайско-Уральской, Семипалатинской и Акмолинской областях (автор так называет уезды Тургайской губернии. – *И.Г.*) ряд семей получил проходные переселенческие свидетельства. К месту нового жительства и хозяйствования в 1909 г. выехало 390 семей, в 1910 г. – 1 220, в 1911 г. – 175, в 1912 г. – 35, в 1913 г. – 168 <...>. Самую большую группу семей-переселенцев дала Чадыр-Лунгская волость – 739, затем Кубейская и Ташлыкская – 418, Комратская – 255, Ивановско-Болгарская – 155 <...>. Большие группы семей выехали из сел Татар-Копчак – 54, Кубей – 49, Тараклия – 45, Дмитриевка – 40, Ново-Троян – 69, Чийшия – 27, Болгария – 30, Томай – 3». Ими были основаны десятки хуторских поселений, которым они «давали по традиции имена своих родных сел в Бессарабии. Среди них поселки «Болгарский», «Тараклийский», «Романовский», «Новороссийский» и др.» (Новаков 2004: 486–488). В монографии по истории села Гай-

дар также отмечается, что «именно после столыпинской реформы возникли села с гагаузским населением (хотя само оно называет себя болгарами) на Северном Кавказе, в Алтайском крае, в Восточной Сибири» (Грек 2011: 175). Автору книги по истории села Кубей М.П. Сакалы известно о 15 кубейских семействах в количестве 59 чел. обоюбого пола, переселившихся в 1913 г. «в Тургайскую, Уральскую и Семипалатинскую области» (уезды. – *И.Г.*). Из них в марте, июне и сентябре семь семей в составе около 35 чел. обоюбого пола поселились на участке «Болгарский Павлодарского уезда Семипалатинской области» (Сакалы 2013: 119–120).

Любопытную информацию о буджакских переселенцах в районе Семипалатинска я обнаружил совсем неожиданно в недавно изданной книге о гагаузах Украины, во второй ее части – «Гагаузы Приазовья». Во время фольклорно-этнографической экспедиции сотрудников АН МССР в Приазовье в сентябре 1987 г. ими были записаны воспоминания двух информантов, которые оказались «столыпинскими» переселенцами. Судьба забросила их к приазовским переселенцам 1860–1861 гг. Один из них – Степан Ильич Кирчев, житель с. Александровка Акимовского района Запорожской области. Он вспоминает, что «в 1914 г. было образовано с. Болгарка в Семипалатинской обл.», его жители – «уроженцы с. Вулканешты и Копчак». И перечисляет несколько фамилий, жителей этой Болгарки: братья Михаил, Семен, Константин и Илья Монастырлы, Кирилл и Георгий Онофрей, Иван и Илья Селемет, Михаил Попазов, Афанасий Драган, Мартин Калчев, Яков Бабов, Кирилл Мырзак. Они организовали партизанский отряд и «участвовали в гражданской войне против белогвардейцев Анненкова, который прорывался в Китай <...>. Село Болгарка было сожжено белыми и, кажется, после этого не восстановилось» (Гагаузы 2016: 206).

Из воспоминаний Михаила Павловича Ериоглу (с. Димитровка того же Акимовского района) узнаем, что он 1902 г. р., уроженец с. Болгарийка (в украинской части Буджака). «Из Бессарабии, – говорит он, – мы переселились в 1910 г. и прожили до 1920 г. в с. Кабан Каргалинского р-на Семипалатинской обл.». Во время гражданской войны жители села также боролись против белогвардейцев Анненкова. Но «в наше село белые не зашли, им это не удалось, так как пришли нам помогать из других сел, в частности мой дядя – Златов, Арнауы, Бабовы из с. Ивановки» (Гагаузы 2016: 192). Таким образом, переселенцы из Буджака основали там село Болгарка и, возможно, село Ивановка, но подсалялись они также и в поселения, возникшие до них.

Вопрос столыпинской аграрной миграции потомков задунайских переселенцев специально не изучен, в т. ч. и в этническом аспекте.

На мой взгляд, этим, в частности, можно объяснить появление в публикациях некорректных с научной точки зрения интерпретаций относительно того, когда и почему тюркоязычные православные переселенцы из Буджака в Среднюю Азию были якобы «записаны» *болгарами*: их «в конце 1930-х годов записали болгарскими, сняв (?) с них таким образом несправедливое лишение гражданских прав, вытекавшее в те времена из их подозрительного этнического происхождения: тюркоязычные православные» (Губогло 2008: 137). А утверждение молодого ученого, что «люди молодого поколения села Майское Ташкентской области забыли о своей принадлежности к гагаузам, считают себя болгарскими, хотя говорят на гагаузском языке и совсем не знают болгарского» (Губогло 1968: 51), призвано убедить читателя в том, что люди старшего поколения в этом поселке считали себя гагаузами. Такое политизированное, не подкрепленное историческими фактами восприятие столыпинского переселения тюркоязычных православных с якобы навязанным им этнонимом *болгары* имеет, на мой взгляд, объяснение. Его автор разделил участь бессарабских болгар и гагаузов, репрессированных советской властью за неделю до нападения немецко-румынских войск на СССР 22 июня 1941 г., а также в конце октября 1948 г. на Украине и в начале июля 1949 г. в Молдавии, высланных в Сибирь, а также в Казахстан. Таким образом, к добровольной столыпинской аграрной миграции начала XX в. советская власть спустя 35–40 лет добавила социально-политических «кулаков-спецпоселенцев», которые справедливо отнесены к жертвам сталинского авторитарного режима. Это, по моему мнению, было оценено как особая несправедливость по отношению к советским гагаузам, а с точки зрения этнической идентичности – и к тюркской православной миграции в Казахстан, Среднюю Азию, на Северный Кавказ в начале XX в. Ее он рассматривает и как этническую жертву советской власти за якобы отказ тем переселенцам в праве называть себя *гагаузами*, которым навязали этноним *болгары*.

Общие данные о жителях поселка Болгарский и их фамилиях. Мой знакомый из Санкт-Петербурга болгарин Альберт Иванович Варбанский, предки которого бежали с территории молдавского (румынского с 1861 г.) участка Южной Бессарабии в Приазовье в 1860–1861 гг. из-за политики румынских властей, любезно предоставил мне архивный документ исключительной важности. Он привлек мое внимание своим названием, за которым могло скрываться то, чем я занимаюсь уже более 50 лет, но особенно последовательно и системно последние 10 лет. Я ищу ответы на два вопроса: 1) Почему православные тюркоязычные выходцы из-за Дуная сами себя называли *болгарами*, *истинными болгарскими*? 2) Сколько времени им понадобилось прожить

в Буджаке, чтобы принять новое самоназвание *гагаузы*?

Архивный источник, о котором будет идти речь, мог позволить мне найти на них ответы. Антропонимический анализ содержащихся в нем данных ставит своей целью выяснить, соответствует ли название поселка Болгарский этнической идентичности его основателей.

Документ хранится в Государственном архиве Актюбинской области Казахстана (Государственный архив). Дело озаглавлено: «Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 года. Губерния Тургайская, уезд Актюбинский, волость Лохвицкая, общество поселковое, населенный пункт пос. Болгарский».

Когда статья была уже написана, ко мне попал еще один архивный документ, касающийся данного поселка. Его мне переслал потомок одних из основателей Болгарского, переселенцев из Чадыр-Лунги, – Алексей Павлович Маглели. Документ составлен годом позже и требует отдельного и разнопланового изучения. Здесь он использован частично, в т. ч. для уточнения того, правильно ли написаны некоторые фамилии домохозяев поселка из первого архивного документа.

В сельскохозяйственной переписи 1917 г. приведены фамилии, имена и отчества 100 домохозяев (без членов семей). Их запись осуществлена по орфографическим правилам того времени. Фамилии, имена и отчества, оканчивающиеся на согласную букву, писались с буквой *ь*. Имя *Георгий* писалось *Георгій*, отчество *Георгиев* – *Георгиевъ*. Встречаются сокращенные записи отчества домохозяев, если оно не вмещалось в отведенную ему графу. Только в трех случаях вместо отчества *Илиевъ* дано русифицированное его написание – *Ильичъ*. Использовалась упраздненная после революции буква *ѣ*. Есть и ряд других особенностей правописания слов того времени.

100 домохозяев представлены 50 фамилиями, некоторые из них даны в различных вариантах. Например, под номерами 43 и 62 домохозяева записаны *Трифоногло*, а под номером 67 – *Трифонов*. Но имена и отчества записанных под двумя последними номерами – *Ивань Демьяновъ* и *Демьянь Иван[овъ]*. Следовательно, *Ивань Демьяновъ Трифоногло* и *Демьянь Ивановъ Трифоновъ* – отец и сын, фамилия которых *Трифоногло*.

Из 50 фамилий домохозяев пос. Болгарский 25 записаны по одному разу, 13 – по два, 7 – по три и 5 – по четыре и более раз.

Обратим внимание на некоторые фамилии домохозяев, записанных по одному разу: *Соколовъ* (№ 9), *Колосовскій* (№ 28), *Протопоповъ* (№ 89), *Губайдулинь* (№ 92), *Вирскій* (99) – всего пять. Такие фамилии не встречаются среди задунайских переселенцев. Следовательно, инициировать название поселка по этническому признаку они не могли.

Фамилии еще трех домохозяев, *Данчъ* (№ 65) и *Орлевъ* (№ 29 и 33),

при сопоставлении их написания со списком 1918 г. уточнены: *Орлевъ* – это *Орлиогло*, а *Данчъ* – это *Данчов*, т. е. обе фамилии принадлежат переселенцам из Буджака. Таким образом, в поселке Болгарский 95 из 100 домохозяев носили фамилии мигрантов из Буджака. Именно они и определили название населенного пункта.

Фамилии трех домохозяев ошибочно записаны по одному разу. В фамилии одного (*Бало*, № 71), на мой взгляд, пропущено окончание *въ*. Под фамилией *Баловъ* числятся пять домохозяев (№ 50–52, 86 и 100), поэтому есть основание считать его шестым домохозяином, носившим эту фамилию. Под разными фамилиями фигурируют домохозяева *Лицкан* (№ 54) и *Люцкан* (№ 81), однако это родные братья: Афанасий Васильевич и Яков Васильевич. Правильное написание фамилии – *Люцкан / Люцканов*, она встречается среди бессарабских болгар и гагаузов. Ошибка допущена и при записи фамилий *Карман* (№ 24) и *Караман* (№ 56): имя и отчество одного Петр Ильич (отец), а другого – Константин Петрович (сын). Правильное написание фамилии – *Караман*, она встречается не только у бессарабских болгар и гагаузов, но и среди молдаван.

Как домохозяева с разными фамилиями записаны *Чалдаръ Константинъ Васил[евъ]* и *Чавдаръ Федоръ Ильичъ* (№ 48 и 69). Возможно, их фамилии – на самом деле антропонимы домохозяев, не являвшихся близкими родственниками. Но не исключена и ошибка в написании фамилии *Чалдаръ*: вместо буквы *в* написана буква *л*. И все же, если и допущена ошибка, то прямая родственная связь между ними (отец – сын, родные братья) не просматривается.

Что касается остальных домохозяев, только один раз указанных в данной переписи, то их фамилии, за редким исключением, идентичны тем, которые встречаются среди болгар и гагаузов Буджака: *Кол[і]огло* (№ 1), *Бобоглу* (№ 22), *Кирчогло* (№ 53), *Петков* (№ 4), *Топал* (№ 8), *Беженюц* (№ 11), *Кройтор* (№ 41), *Греков* (№ 47), *Кулов* (№ 68), *Доброжан* (№ 70), *Бошняк* (№ 85), *Ялама* (№ 87), *Димов* (№ 90), *Каратерзий* (№ 32), *Сырбов* (№ 72), *Кеся* (№ 23), *Малачны* (№ 76). Хотя некоторые из них записаны чуть по-иному, тем не менее, легко угадывается их первоначальное антропонимическое происхождение: *Беженюц* – это Беженарь, *Малачны* – Малачлы, *Каратерзий* – Каратерзи, *Сырбов* – Сербов, Сырф либо Сырбу.

Интерес представляют фамилии домохозяев Болгарского, представленные в переписи двумя и более записями: они однофамильцы или родственники? Домохозяева *Железогло Федор Ильич* (№ 16) и *Александр Ильич* (№ 42) – родные братья. Под № 57 записан домохозяин *Юсембейли Степанъ Ивановъ*, а под № 91 – *Юсумбели Агрипина Антон[ова]* (указано, что у нее не было надела земли). Вполне веро-

ятно, что это две разные фамилии, но нельзя исключить и того, что это различное написание одной и той же фамилии, а вдова Агрипина Антоновна, возможно, жена покойного брата Степана Ивановича. В Буджаке написание этой фамилии – *Юсюмбели*.

Русаль Алексей Ивановъ (№ 3) и *Русаль Михаилъ Ивановъ* (№ 64) – родные братья. *Курдовъ Федоръ Владим[иров]* (№ 5) и *Курдовъ Владимиръ Федор[ов]* (№ 7) – отец и сын. А вот *Кара Иванъ Георгиевъ* (№ 15) и *Кара Георг[ий] Федоровъ* – однофамильцы либо двоюродные братья. Как отец и сын, но в качестве отдельных домохозяев записаны *Гено[в] Евстаф[ий] Никол[аевъ]* и *Гено[в] Николай Евстаф[евъ]* (№ 20, 21), *Орлевъ (Орлиогло) Иванъ Мирон[овъ]* и *Орлевъ (Орлиогло) Михаилъ Ивановъ* (№ 29 и 33), *Дмитровъ Дмитр[ий] Георгиевъ* и *Дмитровъ Спиридон Дмитр[иевъ]* (№ 46 и 80), *Камбуръ Дмитр[ий] Георгиевъ* и *Камбуръ Николай Дмитр[иевъ]* (№ 63 и 66), *Кабаковъ Константинъ Иван[овъ]* и *Кабаковъ Иванъ Афанаси[евъ]* (№ 39 и 55).

Под тремя записями приведены 7 фамилий 18 домохозяев пос. Болгарский: *Трифоногло*, о которых говорилось выше, *Момжи / Мумжи* (№ 2, 73, 78), *Келешъ* (№ 25, 26, 49), *Копуцу* (№ 31, 44, 45), *Кожокаръ* (№ 12, 58, 84), *Костовъ* (№ 36, 37, 48), *Мурзакай* (№ 59, 60, 88). Степень родственных связей между ними, хотя и самая разная, является очень близкой. Под фамилией *Момжи* записаны три домохозяина: два родных брата и сын одного из братьев; по трое домохозяев с фамилиями *Келеш* и *Костов* представлены тремя двоюродными братьями от трех родных братьев; три домохозяина по фамилии *Мурзакай* – это два родных брата, Георгий и Алексей Василевы (№ 59 и 60) и их двоюродный брат или дядя Николай Андр[еев] (№ 88); из трех домохозяев *Копуцу* двое – отец и сын (№ 31 и 44), а один – двоюродный брат (№ 31 и 45). Сложнее установить родство домохозяев еще одной фамилии, по-разному записанной, но, полагаю, их обладатели находились в родственных отношениях: *Кужакаръ Петръ Георгиевъ* (№ 58) и *Кожокаръ Георгий Константиновъ* (№ 88) – это, скорее всего, сын и отец, а *Кожокаръ Николай Николаевъ* (№ 12) может быть двоюродным братом Георгия Константиновича.

Наконец, в пос. Болгарский проживало 26 домохозяев, представлявших всего пять фамилий: *Маклели* (№ 19, 38, 74, 94, 95, 96), *Балов* (№ 50–52, 71, 86, 100), *Ворников* (№ 13, 14, 61, 77, 79), *Марин* (№ 10, 17, 18, 27, 30) и *Пилич* (№ 34, 35, 82, 83).

Маглели / Маклели – это три родных брата, имя отца которых Семен, и еще два родных брата, отца которых звали Павлом. Следовательно, все они – двоюродные братья. *Баловы*: трое – отец (№ 51) и двое сыновей; остальные трое – двоюродные братья, которые могли быть также двоюродными братьями Балова Дмитрия Георгиевича (№ 51).

Ворниковы – это отец (№ 14) и четыре его сына. Наконец, *Пиличи* – их необходимо перечислить поименно: *Пиличъ Георгъ[і]ѣ Трифон[овъ]* (№ 34), *Пиличъ Трифонъ Георгъ[і]евъ* (№ 35), *Пиличъ Трофимъ Георгъ[і]евъ* (№ 82) и *Пиличъ Георгъ[і]ѣ Трифон[о]въ* (№ 83). Смущает то обстоятельство, что у троих Пиличей имя или отчество *Трифон*, *Трифонов*, а у одного – имя *Трофим*. На мой взгляд, допущена ошибка в записи под № 82: вместо имени *Трифон* было написано *Трофим*. Если это так, тогда отца и сына Пиличей (№ 34 и 35) записали в сельскохозяйственную перепись дважды. Либо это абсолютное совпадение трех антропонимов четырех разных домохозяев.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что столыпинская реформа отправляла из Буджака в далекие российские просторы в поисках земли и отдельную семью, и целые родословные фамилии: 46 из 95 домохозяев представляют трех и более мигрантов-родственников.

Антропонимия фамилий жителей пос. Болгарский. Из трехчленной антропонимической модели его жителей (фамилия, имя, отчество) интерес представляет первая ее составляющая – собственно сама фамилия. Анализу будут подвергнуты только те из фамилий, которые указывают на буджакское происхождение их носителей. К сожалению, в документе не приводятся сведения, из какого села переселился каждый домохозяин пос. Болгарский. Поэтому мы не можем выяснить, жители какой языковой общности Буджака – тюркоязычной или славяно-болгарской – в нем преобладали, что имело определяющее значение в этническом названии поселка.

Все фамилии, носителями которых были переселенцы из Буджака, имеют тюркское и славяно-болгарское происхождение, а также относятся к еще одной группе фамилий, в основе образования которых находятся внеязыковые факторы.

Тюркская группа фамилий жителей пос. Болгарский: Колиогло, Момжи / Мумжи, Курдов, Топал, Кара, Железогло, Магтели, Бобоглу, Орлиогло, Кеся / Киося, Караман, Келеш, Копощу, Каратерзий, Пилич, Кройтор, Трифоногло, Чалдар / Чавдар, Кирчогло, Кабаков (она может быть персидского, турецкого, русского происхождения), Юсумбейли / Юсумбели, Мурзакай, Курудимов, Малачлы, Ялама, Кулов (от тюркского *kula*) – всего 26 фамилий (без учета различий в написании некоторых из них).

Славяно-болгарская группа: Петков, Русев, Генов, Марин / Маринов, Костов, Дмитров, Балов, Димов, Данчов, Русал – всего 10 фамилий.

Другие признаки образования, когда в основе фамилий находятся внеязыковые факторы: Беженюц, Кожакаръ / Кожокар / Кужакар, Ворников / Ворник, Греков, Люцкан / Лицкан, Доброжан, Сырбов,

Бошняк – всего 8 фамилий.

Соотношение тюркоязычных фамилий к славяно-болгарским – 2,6 : 1. Если принять во внимание численность домохозяев – носителей тех и других фамилий, то соотношение выглядит следующим образом: 56 домохозяев с тюркскими фамилиями и 19 – со славяно-болгарскими, т. е. соотношение примерно такое же – 2,95 : 1. Но если этническим ориентиром послужит этот внешний фактор, то возникает вопрос: почему поселок назван *Болгарский*? Какие-то умозаключения по этому поводу делаются (некоторые приведены выше), но все дело в том, что у многих этнических болгар в болгарских селах Буджака тюркские по происхождению фамилии. А многие тюркоязычные выходцы из-за Дуная в Буджак – носители славяно-болгарских фамилий! А у некоторых перечисленных выше фамилии состоят из обоих компонентов – тюркского и славяно-болгарского: Колиогло («син на Колю»), Кирчогло («син на Кирчу»), Трифоногло («син на Трифон»), Железогло («син на Желю / Желез»). Следовательно, языковой признак фамилий домохозяев поселка не может быть положен в основу их этнического разграничения на славяно-болгар и тюркоязычных православных.

На помощь могли бы прийти сведения, из каких сел Буджака мигрировали сюда те и другие носители фамилий – жители пос. Болгарский. К сожалению, такие сведения в документе отсутствуют. Тогда остается выяснить, в каких буджакских селах встречаются фамилии, указанные в сельскохозяйственной переписи 1917 г. по пос. Болгарский. В этом нам помог разобраться Георгий Константинович Кышлалы, многие годы занимающийся выявлением в архивах всех антропонимов тюркоязычных православных переселенцев из-за Дуная, обосновавшихся в известных сегодня гагаузских селах обеих частей Буджака. Вот его данные за первую половину XIX в., которые я, с благодарностью к нему, привожу. Носители фамилий Копушу, Юсюмбели, Кирчиогло, Мурзакой – жители только Татар-Копчака, а Бобогло – также и Болбоки, Колиогло – также и Чишмикия; Курудимов, Мумжи – только Комрата; Марин / Маринов – Авдармы, Дезгинже; Пилич – Дезгинже, Баурчи; Келеш – Томая, Баурчи, Чадыр-Лунги, Болбоки; Грек – Авдармы; Киосе (Кеся, Киося), Кроитор, Ворник / Ворников, Железогло, Камбур – многих гагаузских сел; Ялама – Томая, Татар-Копчака, Маглелы / Маглелы – Чадыр-Лунги. Фамилия Доброжан встречается в Чадыр-Лунге и Баурчи, Бошняк – в Чадыр-Лунге и Курчи, а также в болгарских колониях Нижне-Буджакского округа.

Выходцами из Чадыр-Лунги могли быть домохозяева поселка с фамилией Балов и Генов. Первая происходит от *Бали* – болг. *Бальо*, *Бельо*, *бял* в значении «хубав, здрав», т. е. «красивый, здоровый» (Илчев 2012), но ее носителями и в наше время являются гагаузы из

Чадыр-Лунги. Вторая фамилия – Генов – происходит от болгарского имени Геню (рус. Евгений), но упоминание ее носителей – жителей Чадыр-Лунги в начале XX в. я также встречал в литературе.

Таким образом, приведенные в работах С.З. Новакова, М.П. Сакалы данные о *гагаузских* (по отношению к тому времени правильнее их называть *тюркоязычными*) селах Буджака, охваченных столыпинским переселением, указывают на то, что носители фамилий тюркского, а также иногда славяно-болгарского происхождения в пос. Болгарский могли быть ранее жителями таких сел, как Татар-Копчак, Чишмикой, Чадыр-Лунга, Комрат, Авдарма, Дезгинже, Томай, Баурчи, Гайдар, Болбока. **Следовательно, абсолютное большинство фамилий домохозяев пос. Болгарский были православными тюркоязычными переселенцами из Буджака, которые сами себя называли еще по-старому, болгарами, а потому и поселок свой назвали Болгарским.**

Проблема этнической идентичности тюркоязычных православных в России. Она является составной частью общей проблемы этногенеза гагаузов, насчитывающей более 20 или около 30 гипотез, ни одна из которых в научном мире не стала общепризнанной. Ближе всего к такому статусу приблизилась тюркская гипотеза этногенеза гагаузов – на основе смешения трех кочевнических племен: огузов, печенегов и куман (половцев). Ее сторонники ведут ожесточенные дискуссии с теми этнологами, которые отстаивают болгарскую (отуреченные болгары), протоболгарскую, турецкую (исламизированные христиане или мусульмане, перешедшие в православие), греческую (отуреченные греки), проторумынскую, сельджукскую гипотезы (Губогло 2008: 401–402; Атанасов 2009: 401). Особенно острую полемику вызывает мнение тех болгарских ученых, которые считают гагаузов отуреченными болгарами (Маринов 1988) или частью не ославянившихся тюрко-болгар хана Аспаруха (Занетов 1902; Шкорпил 1933–1934). Моя же позиция такова: основные компоненты амальгамы гагаузского этноса состояли из огузов, печенегов, куман (половцев), а дополнением к ним выступали *черные болгары* и остатки не ассимилированных *тюрко-болгар* хана Аспаруха (Гайдаржи 1992: 14; Грек 2010: 289–340; Грек 2013: 307–332).

Вместе с тем процесс смешения тюркских православных племен до XII–XIV вв. и в составе Османской империи в XV–XVIII вв. происходил без этнических определителей (названия или самоназвания): этнонима *гагауз* и глоттонима *гагаузский язык*. Как считают М.Н. Губогло и И.Ф. Грек, первоначально (XV–XVII вв.) их называли *читаки* (Губогло 2006b: 46; Грек 2011: 117–129). С ними полемизирует А.В. Шабашов. Он полагает, что этим «этнонимическим» названием обозначались «различные тюркоязычные группы», т. е. не только узы, печенеги, ку-

маны, черные болгары и не ассимилированные турки-болгары). Но название *читаки* тогда же было отвергнуто теми, кого так называли. Затем османо-мусульмане дали православному главе семьи турка-райа обидное по смыслу прозвище *гагауз*. Впоследствии (XVIII в.) оно стало использоваться как прозвище-название всей православной тюркоязычной группы жителей Османской империи на Балканах, которое также не было ими принято тогда в качестве самоназвания (Шабашов 2017: 70–75). Однако прозвище *гагауз* стало этническим названием тюркоязычных православных, которые стали выступать как «они» для других этноязыковых общин Балкан, в том числе и для славяно-болгар (Тонев 2000: 319–356). Сами же «они» разделились по самоназваниям: одна их часть стала называть себя *болгарами*, а другая, меньшая, – *греками*. Кроме них, среди местных тюркоязычных за Дунаем были и другие – с этноназваниями *читаки* и *гаджалы*.

Здесь необходимо подробнее остановиться на *гаджалах*, поскольку на Балканах их всех относят по вероисповеданию к мусульманам. Там их называли также *черными турками*, и состояли они из этнического конгломерата жителей полуострова, которые в условиях Османской империи приняли, добровольно или насильственно, ислам, использовавшийся властью для их поощрения и причисления к более высокому в социальном отношении слою балканского населения, противопоставив их неверным и райе (Димитров 1988). Среди исламизированных были также славяно-болгары (помаки) и православное тюркоязычное население Балканского полуострова, появившееся здесь за несколько веков до его завоевания Османской империей. *Гаджалы* как этноназвание зафиксировано в XVI в., а затем оно стало и самоназванием местного балканского исламизированного населения. Оно проживало по всему полуострову, но нас интересуют *гаджалы* Делиормана, расположенного юго-западнее Добруджи. Именно их историки, этнологи, лингвисты считают «по культуре и народопсихологии» более близкими «к окружающему христианскому населению», чем к туркам из Анатолии. Интерес представляют рассуждения известного болгарского историка П. Мутафчиева относительно балканского этапа этнической истории гагаузов и гаджал. Он пишет: «Сегодняшнее состояние научных исследований не позволяет, однако, утверждать, что гагаузы или гаджалы являются потомками **одного** или **другого** (здесь и далее выделено мною. – И.Г.) из этих северотюркских племен. **Более основательным было бы предположить, что сохранившиеся здесь остатки печенегов, огузов и куман смешались с течением времени, и от этой амальгамы, может быть, с местным преобладанием одной или другой ее составляющей, произошли и гагаузы и гаджалы. Сегодняшнюю их языковую близость невозможно было бы объяснить,**

если не допустить общие у них корни, а она не была бы такой полной, если бы одни и другие происходили от двух различных племенных общностей. Сколько бы печенег, огузы и куманы со времени их появления в северо-восточных болгарских землях не были родственны по языку, если их части здесь продолжали бы жить изолированно друг от друга, первоначальные диалектные различия у них возросли бы до такой степени, что произошло бы их оформление в полностью самостоятельные языки. **А против этого и вопреки их принадлежности к двум совершенно различным религиям, которые затрудняли их взаимное общение, гагаузы и гаджалы говорят на одном и том же языке.** И если в сравнении с делиорманским гагаузский отличается известными древними чертами, то это объясняется тем обстоятельством, что благодаря христианству гагаузов их диалект был больше огражден от литературного влияния османского» (Мутафчиев 1973: 711). Болгарский историк, опираясь на исследование польского ученого Т. Ковальского, утверждает: «Между гагаузским и делиорманским турецкими диалектами существует близкое родство с целым рядом особенностей, которые характерны для сегодняшних северотурецких диалектов и не встречаются в языке турок в других областях (полуострова. – И.Г.), как и в Анатолии» (Мутафчиев 1973: 699). Он ссылается на работу Т. Ковальского (Kowalski 1933: 26), перевод на русский язык сделан мною. **Из сказанного следует: прежняя (до XV в.) православная тюркоязычная амальгама в Османский период ее истории переформатирована (по ее воле и с «помощью» османомусульман) в новую амальгаму с другими этноназваниями и самоназваниями и раздроблена конфессионально (мусульмане-гаджалы).**

Становление гагаузской идентичности в Буджаке. Тюркоязычные выходцы из-за Дуная заселили Буджак, называя себя *болгарами, греками, читаками, гаджалами*, а единицы носили уличное прозвище *гагауз*. Но все ли они были православного вероисповедания? Из сказанного выше выходит, что всех *гаджал* на Балканах считали мусульманами. Но не было ли среди них людей православного вероисповедания, и как их воспринимали Порты и высшее мусульманское духовенство империи?

У меня нет никаких данных из архивных источников или литературных публикаций, которые свидетельствовали бы о том, что *гаджалы*, основавшие в Буджаке колонию Чишмикиой, были мусульманской веры. В краеведческой книге по истории этого села, в которой, кстати, даже не упомянуто слово *гаджалы*, авторы утверждают, что село основано в 1809 г., в том же году его жители были причислены к православному приходу соседнего села Фрикацей. В мае 1814 г. они получили разрешение на закладку здания собственного православно-

го храма (Карамия, Орган 2009: 520). Г.А. Гайдаржи, проанализировав рассказ писателя Н.Г. Танасоглу, уроженца Кириет-Лунги, в котором тот называет своих односельчан *бизим гажаллар* (*гаджаллар*. – И.Г.) и придает ему толкование «наши гагаузы» вместо точного перевода «наши гаджалы» (Гайдаржи 1992: 18), предположил, что *гаджалы* составляли, по крайней мере, часть населения Кириет-Лунги. Они, по информации В.И. Сырфа, проживали также в Вулканештах, Етулии, Гаваносах, причем здесь «этноним *гаджал* сохранился в памяти как самоназвание». Была гаджалская махала и в Чадыр-Лунге. И везде они – православные. Нет никаких сведений о том, что именно здесь, в Буджаке, *гаджалы* перешли из мусульманской в православную веру. **Это дает основание предположить, что за Дунаем были и гаджалы православного вероисповедания, которые там, возможно, прикрывались исламом ради социальных привилегий, но оставались верными православию.** О православных гаджалах как об этнической группе гагаузов в Буджаке пишет и Г.А. Гайдаржи (Гайдаржи 1992: 18). Проблема *гаджалов* Буджака требует специального изучения.

Что касается *читаков* в Буджаке, то и их Гайдаржи относит к еще одной этнической группе гагаузов, проживающих в Александровке в украинской части Буджака (димитровцы называют «его жителей этнонимом “Читакар”») и отдельными кварталами («Читак маалеси») в Димитровке, Кубее, Копчаке (Гайдаржи 1992: 18). А.В. Шабашов считает термин *читак* этнонимическим названием жителей Александровки и жителей одной махалы села Копчак в молдавской части Буджака. С позиции сегодняшнего дня он называет их *гагаузами-читаками* и также включает в единую по происхождению субэтническую (этнографическую) группу этого народа (Шабашов 2017: 73). Однако если подойти с хронологической точки зрения к проблеме возникновения этноназвания *читаки* (XVI–XVII вв.) и прозвища *гагаузы* (XVIII в.), то *читаки* на Балканах никак не могли быть субэтнической группой несуществующего гагаузского этноса: таковой они стали только тогда, когда в условиях Буджака признали себя частью гагаузского народа во второй половине XX в.

Называя себя здесь *болгарами*, «старые переселенцы» (я включаю в их число всех, кто ушел на север от Дуная до Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.) из числа тюркоязычных православных эмигрантов именовали выходцев-славяно-болгар, как и на Балканах, *туканами*. Такое этническое разграничение между собой и этническими болгарами («мы» – *болгары*, «они» – *туканы*) они сохранили на весь период вхождения Буджака в состав Российской империи. И даже в начале 30-х гг. XX в. гагаузский священник-просветитель М. Чакир писал, что большинство гагаузов «не используют слово *«болгарин»*,

называя болгар прозвищем *туканы*, и прямо говорят: мы – гагаузы, не тулканы (то есть не болгары)», что следует понимать, как «мы – не славяно-болгары», не отуреченные болгары (Чакир 2018: 59). Следовательно, этноназвания-разграничители «мы – болгары, они – тулканы» сохранились у части тюркоязычных православных Буджака и на весь период оккупации Бессарабии королевской Румынией (1918–1940), а также и в 1941–1944 гг. (Нягулов 2010: 156–190).

Однако в научных публикациях относительно *тукан* высказываются и другое мнение. Известный филолог-славист С.Б. Бернштейн в статье, посвященной изучению говора г. Болграда (в исторической ее части о формировании населения города), пишет, что переселенцы-сливенцы и ямбольцы, ставшие его жителями после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., называли *туканами* «старых переселенцев», включая в их число и выходцев из-за Дуная во время предыдущей войны (1806–1812). Все они жили на улице с одноименным названием (Бернштейн 1950: 225–231). Автор считает *тукан* субэтнонимом *болгар*, отражающим болгарскую специфику формирования населения. Следовательно, это слово – местное болгарское изобретение, призванное отделять «старое болгарское население» города от «новых» его жителей-болгар. Но как тогда относиться к тому, что *туканские махалы* были в Комрате, Вулканештах, Конгазе, Кирсово, Казаяклии (Дрон, Курогло 1989: 85–86), возможно, в других колониях с преобладанием в них православного тюркоязычного населения, называвшего себя *болгарами*? Да и в самом Болграде среди обосновавшихся в нем «старых переселенцев» были тюркоязычные православные выходцы из-за Дуная. Не от них ли осталось в городе слово *тулканы* как «экзоэтноним славяно-болгар»?

В такое же русло, но в более широком балкано-буджакском региональном диапазоне, ложатся рассуждения известных украинских этнологов и историков А. Ганчева, В. Мильчева и А. Пригарина. Они считают *туканцев* Буджака, основавших здесь ряд поселений, болгарскими переселенцами из определенного региона Болгарии – Сърнена Средна Гора. Следовательно, по их мнению, *тулканы* в Буджаке – это «микрoэтноним или субэтноним» переселенческого болгарского населения Южной Бессарабии и Приазовья. Все же авторы утверждают, что название *тулканы* «не является избранным представителями самой группы в качестве самоназвания» (Ганчев и др. 2015: 57). Они, как и С.Б. Бернштейн, считают, что само слово *тукан* буджакского происхождения. Эту позицию разделяет и филолог Светлана Топалова, подкрепляя ее справедливым утверждением о том, что «в Болгарии нет такой этнографической группы» (Топалова 1995: 390–392). И авторы «Гагаузско-русско-молдавского словаря», признавая, что

«туканы – гагаузский этноним, обозначающий болгар», подчеркивали, что он относится к «живущим в Молдавии» болгарам. Тем самым придали ему не общебуджакское, а страноведческое – советское и постсоветское – молдавское значение (Словарь 1973: 477; Шабашов 2002: 404). Однако это не так. Авторы могли не знать или не придать значения тому, о чем писал болгарский историк, уроженец гагаузского села Конгаз Г. Занетов: термин *туканы*, которым бессарабские гагаузы называют местных болгар, родился вне Бессарабии: «Позднее, в г. Варне, – пишет он, – я понял, что и там гагаузы называют болгар “туканами”», и «в данном случае имя “туканы” отличает славяно-болгар от “гагаузов”-туканцев» (Занетов 1902: 73–74). Кроме того, они не взяли во внимание тюркское толкование гагаузского аллоэтнонима *тукан*. И.В. Дрон и С.С. Курогло считали, что он «тюркско-кыпчакского происхождения» и «мог образоваться или проникнуть в язык предков гагаузов еще до их переселения на Балканский полуостров» (Дрон, Курогло 1989: 85).

Самоназвание православных тюркоязычных *греки* на Балканах, на мой взгляд, является признаком в большей степени церковно-религиозным, чем этническим, и опять же в антиосманском, а не в антиболгарском смысле. Тем не менее и тюркоязычные *греки* входили в конгломерат тюркоязычных в Буджаке, которым предстояло признать себя под этнонимом *гагаузы*.

Процесс самоопределения себя *гагаузами* начался у православного тюркоязычного населения Буджака в последней трети XIX в. Он охватил почти целое столетие. Поскольку основная масса тюркоязычных выходцев из-за Дуная продолжала идентифицировать себя как *болгар*, это стало главной причиной почти столетней продолжительности заключительного этапа становления гагаузской этничности в Буджаке. В этой связи историков и этнологов заинтересовало, как происходило здесь этническое перекодирование тюркоязычных его жителей. Это нашло отражение в их публикациях, посвященных изучению проблемы так называемой двойной идентичности гагаузов (Губогло 2006: 206–231; Квилинкова 2006: 264–283; Грек 2007: 260–264; Квилинкова 2011: 126–139). Она по-разному трактуется. Здесь не место для детального ее освещения, но суть дискуссии сводится к следующему. Некоторые исследователи считают, что в одно и то же историческое время тюркоязычные православные идентифицировали себя и как *болгары*, и как *гагаузы* (Квилинкова 2011: 126). Другие, справедливо отрицая присутствие с 1812 г. религиозного фактора в их этногенезе в условиях Буджака, вместе с тем отвергают саму возможность такого процесса: «“Вывод” (Е.Н. Квилинковой. – И.Г.) о двойной самоидентификации гагаузов, видимо, имеет свою

логику. Цель состоит в том, чтобы лишний раз в угоду предвзятой (“закадровой”) позиции неперемнной “болгаризации” этничности гагаузов лишить еще одним способом неотъемлемого права народа на самостоятельную этнопсихологическую идентификацию» (Губогло 2006а: 226). Моя позиция, опирающаяся на архивные документы и литературу (не только на работу Г. Занетова), состоит в следующем: тюркоязычное православное население называло себя на Балканах *болгарами*, *истинными болгарами*, и с этим самоназванием оно переселилось в Буджак. Процесс осознания себя не *болгарами*, а *гагаузами* был не одномоментным, а поэтапным. Его я обозначил формулой: *болгары – болгары-гагаузы – гагаузы-болгары – гагаузы*. Т. е. есть двойная идентичность наблюдается лишь на переходных этапах (*болгары-гагаузы*, *гагаузы-болгары*). Двойной идентичности не было, когда они называли себя *болгарами* и когда признали себя *гагаузами*. Но к 1917 г. этот процесс не завершился, к тому же в одних гагаузских селах он проходил быстрее, а в других медленнее (Грек 2011: 147). Проблема в целом остается неизученной не только в аспекте *болгары-гагаузы*, но и в отношении других ее составляющих: *греки-гагаузы*, *гаджалы-гагаузы*, *читаки-гагаузы*.

Этнограф В.Н. Бутович на основе статистических данных за 1907 г. определил национальный состав жителей сел с болгарским и гагаузским населением Бессарабской губернии с использованием этнонимов *болгары* для славяно-болгар и *гагаузы* для тюркоязычных православных. Но, применяя их, он исходил из данных Всероссийской переписи населения 1897 г., а в ней за основу был взят языковой, а не этнический принцип учета. В ней тюркоязычные православные Бессарабии были включены в графу «турецкий язык», так как считалось, что это их родной язык. Приведу из работы В. Бутовича численность болгар и гагаузов по некоторым селам, признанным им как заселенные этническими болгарами и этническими гагаузами. Так, в Бешалме проживало 1 900 гагаузов и 930 болгар, в Комрате, соответственно, 6 200 и 2 100, в Кирсово – 1 700 и 1 800, в Казаяклии – 3 400 и 240, в Татар-Копчаке – 4 575 и 75, в Кубее – 2 800 и 2 135, в Старо-Троянах – 1 054 и 405, в Ташбунаре – 474 и 1 269, в Курчи – 1 770 и 980, в Еникиое – 800 и 1 197, в Табаках – 450 и 900 (Бутович 1916: 47–58).

В. Бутович был знаком с работами В.А. Мошкова, К. Иречека и разделял их мнение: тюркоязычные православные на Балканах, следовательно, и в Буджаке, имеют этническое происхождение, отличающееся от этногенеза славяно-болгар. Поэтому он всех учтенных по переписи 1897 г. с родным турецким языком причислил к гагаузам. Но исследователь проигнорировал тот факт, что тогда далеко не все они относили себя к таковым. Да и сам Бутович признает: «Они довольно твердо

держатся своей народности, **главным образом языка»** (выделено мною. – И.Г.) (Бутович 1916: 23). Это означает, что не все православные тюркоязычные в Буджаке уже признавали по отношению к себе этноним *гагауз*. Методологическая ошибка автора состоит в том, что он отнес к *гагаузам* и *гаджалов* Чишмикия, и *читаков*, населявших Саталык-Хаджи (Александровку) и частично Татар-Копчак (Бутович 1916: 51). Его ошибка заключается и в том, что он уравнивал численность тюркоязычных православных, внесенных в графу «турецкий язык», с количеством фактически идентифицировавших себя тогда с помощью этнонима *гагауз*. А такого равенства не было, поскольку процесс перехода от самоназвания *болгары*, *греки*, *читаки*, *гаджалы* к этнониму *гагаузы* был на начальном этапе, при том что все они были православными тюркоязычными жителями Буджака!

Следует подчеркнуть, что как было ошибкой до 1918 г. причислять всех тюркоязычных православных Буджака к носителям *гагаузской* идентичности, точно так же ошибочно было относить всех, называвших себя тогда *болгарами*, к славяно-болгарам.

С завершением в середине XX в. процесса осознания себя *гагаузами* конгломератом тюркоязычных православных в Буджаке и признания ими своей идентичности на основе этнонима *гагауз* и глоттонима *гагаузский язык у них отпала необходимость идентифицировать славяно-болгар посредством этнического названия туکانы. Они признали себя («мы») гагаузами, а их («они») болгарами.* М. Чакир пишет: «Гагаузы открыто говорят, кто в коммуне (селе. – И.Г.) туکان или болгарин, кто грек или албанец, и действительно, кое-где встречается огагаузившийся туکان (болгарин)... каждого гагаузы знают по имени и указывают, что такой-то является *туканом (болгарином)*» (Чакир 2018: 59–60). Но само слово *туکان* не исчезло, оно остается в научных публикациях и сохранилось как уличное прозвище, ставшее затем фамилией исключительно среди гагаузских жителей Буджака. Все носители фамилии **Туқан** осознают себя *гагаузами*, но мало у кого из них сохранилось в родословной памяти, что предок, которого тюркоязычные жители села называли уличным прозвищем *туқан*, был этническим *болгарином*. **Здесь его потомки огагаузились, а его уличное прозвище стало для них гагаузской фамилией Туқан.**

Из всего вышесказанного следует, что только спустя 100 лет после своего появления в Пруто-Днестровском междуречье (с последней трети XVIII до последней трети XIX в.) православные тюркоязычные переселенцы смогли запустить процесс смены самоназвания *болгары* на *гагаузы*. И им понадобилось еще почти 100 лет совместного компактного проживания в Буджаке (с последней трети XIX до середины XX в.), чтобы свершился интеграционный процесс всего тюркоязычного

населения на основе этнонима *гагауз* и глоттонима *гагаузский язык* и они могли приступить к реализации этнополитического проекта в молдавской части Буджака. Его суть состоит в том, что 153-тысячное тюркоязычное православное население здесь идентифицирует себя посредством этнонима *гагауз*, закрепило за собой в публичном пространстве глоттоним *гагаузский язык* и рассматривает эту часть Буджака в качестве своей этногенетической родины и автономной территории национально-государственного существования в составе Республики Молдова (Губогло 2006b: 121–122, 146, 236, 281, 286–287, 291).

Этническое сознание православных тюркоязычных переселенцев в Приазовье, на Северном Кавказе, в Казахстане и Средней Азии. Исторически так сложилось, что процесс огагаузивания тюркоязычных православных переселенцев из Буджака в Приазовье при их массовой эмиграции (1860–1861) еще не начался. Даже спустя 125 лет (1987 г.) после того переселения участники фольклорно-этнографической экспедиции гагаузских сотрудников АН МССР в приазовских гагаузских селах отметили в своих отчетах: «Говорил только на гагаузском, который здесь называли болгарским»; в селе Дмитровка «проживают болгары и гагаузы. Всех называют болгарами. Но гагаузов, в отличие от настоящих болгар (славянских), называют болгарами турецкими» (по названию их языка тюркча. – *И.Г.*); «Необходимо отметить, что все гагаузы, проживающие в Запорожской области, записаны по национальности “болгары”» (Гагаузы 2016: 167, 171, 198). Спустя полтора десятка лет этнограф Е.Н. Квилинкова, посетив эти же гагаузские села Приазовья, отметила, какими этническими определителями пользуются там гагаузы по отношению к себе и местным болгарам: «Они идентифицируют себя главным образом как “болгары”. При этом проживающих по соседству этнических болгар они называют “туканнар” или “болгары-славяне” и их язык – “туканджя”, себя же называют болгарами, а свой родной язык – “булгарджя”. Местные жители ввиду использования ими тюркского языка, называли их турками» (Квилинкова 2011: 131).

С подобной «болгарской» этнической идентичностью исследователи (Субботина 2006: 236, 239, 245) и участники фольклорно-этнографических экспедиций из Молдовы столкнулись и в селах Северного Кавказа (Симпоев 2015: 12–19). И не только с «болгарской», но и с «гаджалской»! Самоназвание *гаджалы* зафиксировали там участники двух экспедиций (1988 и 1990 гг.) сотрудников сектора гагаузоведения Отдела этнографии, археологии и искусствоведения АН МССР. Видимо, это было для них некоей неожиданностью, поскольку все прежнее тюркоязычное население Буджака уже считало себя

гагаузами. Поэтому Л.С. Чимпоеш в указанной статье интерпретирует *гаджалов* на Северном Кавказе таким образом, что они, мол, также считают себя *гагаузами*, механически перенеся туда процесс огагаузивания *гаджалов* в Буджаке. Как тюркоязычных православных мигрантов из Буджака их формально можно отнести к *гагаузам*, но сами они по-прежнему называли себя *гаджалами*. Это подтвердили и участники экспедиции 1990 г. М.А. Дурбайло и Л.А. Баурчулу. Они посетили станицу Екатериноградскую Прохладненского района Кабардино-Балкарской АССР и село [Нижний] Малгобек Моздокского района Северо-Осетинской АССР. В своих отчетах, хранящихся в архиве Сектора гагаузоведения Института культурного наследия, они отметили, что православные тюркоязычные жители этих сел называют себя *гаджалами* (выражаю искреннюю благодарность В.И. Сырфу за предоставление этой информации).

Те же самоназвания тюркоязычных из Буджака (этнонимы *болгары*, *гаджалы*) относятся и к переселенцам в Восточную Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию (Узбекистан, Кыргызстан) в 1909–1913 гг. Казахский ученый-тюрколог А.С. Аманжолов на основе собранного полевого материала (вторая половина 50-х – 60-е гг. XX в.) писал, что потомки православных тюркоязычных переселенцев (он называет их гагаузами. – И.Г.) «пишутся в документах болгарами», но они и сами **«считают себя по происхождению болгарами»**. А «настоящих болгар (славяноязычных) <...> называют туканами» (Аманжолов 1964: 258–259). В этом контексте представляет интерес коллективная статья трех авторов о «столыпинских» переселенцах в Узбекистан, опубликованная в 1960 г. В ней рассказывается о причине и времени их появления в республике: «Возможность получения земель в районах вблизи Ташкента привела к тому, что часть семей», выслившихся из Буджака в 1909–1913 гг., в 1925 г. «переселилась из районов Актюбинска в Ташкентскую область». В селе Майское этой области их информаторами были учитель Н.В. Маглели, его отец В.П. Маглели, а также А.А. Люцкан, П.П. Караман и др. Указанные фамилии жителей этого села до 1925 г. были и у основателей пос. Болгарский. Следовательно, село Майское основали реэмигранты из Болгарского. И авторы статьи отмечают, что «поселившиеся на новых местах **называли себя болгарами** <...>. Под этим названием они значатся во всех официальных списках» (Бигаев и др. 1960: 62). Но вот что характерно: авторы не фиксируют в Майском экзоэтноним *туканы*. Либо они не спрашивали о нем информаторов, либо среди его жителей, как и жителей Болгарского, его не было из-за отсутствия в этих селах самих славяно-болгар.

Хотя абсолютное большинство столыпинских тюркоязычных

переселенцев из Буджака в Казахстан продолжали называть себя *болгарами*, все же какое-то их число именовало себя и *гаджалами*. По информации, полученной от В.И. Сырфа (она извлечена им из статьи казахского тюрколога А.С. Аманжолова, опубликованной на казахском языке в 1965 г. – И.Г.), столыпинские переселенцы-гаджалы из Чишмикия основали в Семипалатинском уезде (позднее – область) село Романовка. Уроженец села информатор Петр Николаевич Давыдов в 1959 г. назвал его жителей *гаджалами*: «О нас, гаджалах, <...> в стародавние времена не знали о том, что мы есть на белом свете». Это свидетельство того, что при переселении из Буджака жители Чишмикия называли себя *гаджалами*, т. е. они не считали себя ни *болгарами*, ни *гагаузами*.

Однако были и столыпинские переселенцы из Буджака, идентифицировавшие себя как *гагаузы*. Н.С. Державин, ссылаясь на Всесоюзную перепись 1926 г. (т. XVII табл. VI, № 46 и табл. XI, № 39), пишет, что «было зарегистрировано 844 гагауза», из них 830 – в Казахстане и 14 – на Украине. Из 830 казахстанских гагаузов 825 признали гагаузский язык родным, а на Украине – 6 из 14 (Всесоюзная 1929; Державин 2005: 9; Станчев 2009: 126–127).

По данным С.З. Новакова, приведенным выше, в 1909–1913 гг. в Казахстан из Буджака переселилось около 2 000 семей этнических болгар и тюркоязычных православных. В поселке Болгарский в 1918 г. в 94 семьях числилось 548 чел., или в среднем 5,8 чел. на семью. Если из численности 2 000 семей вывести общее количество в них чел. на основе этого среднего показателя, то оно составит около 12 тыс. чел. Мы не знаем, сколько было тех и других в численном отношении, хотя, на мой взгляд, тюркоязычных православных было больше. Но даже если допустить, что их долея пропорция была по 6 000 чел., то те, кто называл себя *гагаузами* (830 чел.), составляли всего 14 % от общего количества тюркоязычных православных. Следовательно, подавляющее большинство столыпинских тюркоязычных переселенцев из Буджака продолжали именовать себя и там, как и прежде, *болгарами*. **Таким образом, из сказанного следует, что поселок Болгарский был так назван православными тюркоязычными его жителями, которые при переселении продолжали идентифицировать себя как болгары.**

А теперь познакомимся с мнением по этому поводу потомка основателей этого поселка, которые переселились из Чадыр-Лунги. Его представил мне Виталий Иванович Сырф: именно между ним и Алексеем Павловичем Маглели состоялся интересный диалог. «Собеседник» В. Сырфа по Интернету родился в 1962 г., детство провел в селе Ильинка, в котором, как он сообщает, «проживало несколько близкородственных семей гагаузов». Его отец родился в 1940 г. в пос.

Болгарский (Алексей называет его Болгарка). Сам Алексей в детстве бывал в этом поселке, например, «когда свадьба», и на нее приглашали «всю родню», независимо от того, где жили эти родственники. Он окончил Томский госуниверситет, радиофизик по образованию, живет в Томске. Переписка началась в середине декабря 2017 г., в ней обсуждался «извечный вопрос – болгары и гагаузы: кто есть кто?». **«АЛЕКСЕЙ: ...Я гагауз, в советском паспорте было написано “болгарин”. В Казахстане близ города Актюбинска (Актобе) есть поселок Болгарка (колхоз “Коммунист”), там издавна проживают в основном этнические гагаузы, которые все имели паспорта с 5-й графой “болгарин”. Писали добровольно, сами себя идентифицировали так, при этом осознавая, что ни язык, ни культура их не являются болгарскими (здесь и далее выделено мной. – И.Г.). ВИТАЛИЙ: ...Это Вы с высоты сегодняшнего дня заявляете, что Вы гагауз, а в былые времена официально наших кардашей (так в тексте. – И.Г.) в документах как XIX, так и XX века записывали болгарами, говорящими на турецком языке, ибо с момента переселения задунайских первобеженцев в Пруто-Днестровском междуречье они сами себя так позиционировали, и лишь к концу XIX века, по переписи 1897 г., гагаузов выделили по языковому признаку – по турецкому языку, но этнически по самоназванию и самосознанию они стали таковыми лишь к середине XX в. Ситуация с казахстанскими гагаузами стоит в том же ряду, что и с гагаузами Приазовья, которые тоже продолжали официально считаться болгарами, но общались тюркче, то есть по-турецки <...>. АЛЕКСЕЙ: <...>** Так-то оно так. Но прикол (так в тексте. – И.Г.) в том, что сами казахстанские и узбекистанские гагаузы про себя толком ничего не знают, откуда взялись и почему они здесь. **Бабушка только говорила, что она родом из Чадыр-Лунги, которая находится в Молдавии.** Все эти нюансы про переселение из Болгарии я вычитал уже в новейшее время. **Папа мой, например, говорит, что никакие мы не гагаузы, а самые настоящие болгары.** И [его] не колышет, что [наш] язык ну никак не славянский. **ВИТАЛИЙ:** Массовое переселение болгар и гагаузов в Среднюю Азию и Казахстан связано со столыпинской аграрной реформой, расчет ее был на то, чтобы малоземельные и безземельные крестьяне Европейской России переселялись в Сибирь, однако большая часть их попадала в смежные регионы – в Тургайско-Уральскую, Семипалатинскую, Актюбинскую, Акмолинскую области; больше всего переселенцев как раз было из Чадыр-Лунгской волости Бессарабской губернии; в связи с началом Первой мировой войны переселение прекратилось, однако тяжелые жизненные условия заставили немалое число новоселов покинуть полученные участки и искать счастья в других местах той же Сибири

и далее на восток или же вернуться на запад, ближе к родным местам <...>. **АЛЕКСЕЙ:** Короче, расселились по всей доступной ойкумене, но в Актюбинске остались. Актюбинск – вообще уникальная в этом плане земля. **Там есть этнические поселки Болгарка (гагаузы), Бессарабка (молдаване), Сазда (немцы). Есть поселки греков, крымских татар, чеченцев, корейцев, всех не упомнишь».**

Из сказанного следует: дисперсно расселенные на огромном российском пространстве тюркоязычные православные выходцы из Буджака не смогли переключить себя на процесс смены самоназвания *болгары, гаджалы* на *гагаузы*. Кроме того, есть основание утверждать, что в их среде ассимиляционные процессы протекали более быстро, что носило объективный характер (преобладающая численность окружавшего их населения другой национальности, смешанные браки, советские темпы индустриализации, освоения новых территорий, образовательное и культурное развитие на основе русского языка и языков союзных и автономных республик СССР). А это не способствовало росту численности дисперсно расселенного тюркоязычного православного населения в местах их проживания, сохранению им народных традиций, обычаев и обрядов и передаче их потомкам. Фольклорно-этнографические научные экспедиции сотрудников АН МССР, как и демографические и лингвистические исследования регионов с дисперсно расселенным православным тюркоязычным населением учеными России, Украины, Казахстана, Узбекистана, имеют несомненную научную ценность. Но они не способны были (и даже не ставили перед собой такой цели) остановить процесс его физического исчезновения и, следовательно, перевести его на гагаузские этнические рельсы.

Общий взгляд на этногенез гагаузов. Антропонимический анализ архивного документа 1917 г. о поселке Болгарский, а также высказывание А. Маггели стали теми кирпичиками, которые отсутствовали в прежних моих работах, посвященных изучению некоторых аспектов этногенеза тюркоязычного православного населения на Балканах с XIII в. и в Буджаке за последние 250 лет его истории.

В названиях и самоназваниях он охватывает несколько этапов истории формирования этногенеза бессарабских *гагаузов*:

– зарождение процесса смешения в доосманский период истории тюркоязычных православных на Балканах (*болгары* или *куманы* в Добруджанском деспотстве);

– специфика его протекания в османский период их истории за Дунаем (*болгары, греки, читак, гаджалы, прозвище гагаузы*);

– развитие и завершение его становления в российский и советский периоды их истории в Буджаке (*гагаузы*).

Рассмотрим специфику их этногенеза на каждом историческом этапе.

1. До основания Третьего Болгарского царства православное тюркоязычное население на Восточных Балканах (огузы, печенеги, куманы, «черные болгары» и часть сохранивших свою идентичность тюркоболгар хана Аспаруха) проживало в границах Второго Болгарского царства (воссоздано в 1185 г.), при его феодальной раздробленности (XIV в.), в границах Добруджанского деспотства (в 40-х гг. XIV в.) и в составе Османской империи (в конце XIV – начале XV в.).

В смешении (амальгаме) указанных выше его составляющих до конца XIV в. особую роль играли их православная вера, а также куманское политическое верховенство в Добрудже, которое и могло быть здесь определяющим в этническом названии всех компонентов тюркской интегрирующейся амальгамы *куманами* либо *болгарами* (по названию Второго Болгарского царства).

2. В Османской империи все они, включая *куман*, стали по религиозному и социальному статусу *неверными* и *райей*, а этническое их название уже не могло быть прежним (*куманы* или *болгары*). Османские власти со второй половины XVI в. назвали их *читаками* (в переводе – «неправильно говорящие на османском языке»). Затем – прозвищем *гагауз*, воспринятым тюркоязычными православными в болгарских землях как уничижительное. Оно было зафиксировано в источниках XVIII в., но не исключено, что могло появиться в конце XVII в. Впоследствии им стали называть на Балканах всех тюркоязычных православных. Сами же они отвергали оба названия – и *читаки*, и *гагаузы* – и называли себя либо *греками* (по вере), либо *болгарами*, *истинными болгарами*. А чтобы отличать себя от *славяно-болгар*, именовали их *туканами*. Следует подчеркнуть, что и в Первом, и во Втором Болгарских царствах словом *болгары* обозначались все их жители, включая две основные языковые общины – славяно-болгарскую и тюркскую. Таким образом, оно представляло собой **политоним**, а не **этноним** (Литаврин 1982: 49–83; Димитров 1995: 154; Грек 2010: 323–324). Продолжая называть себя *болгарами* в XV–XVIII вв., тюркоязычные православные защищали себя от османо-мусульманской этнической и религиозной ассимиляции в условиях нахождения в составе Османской империи. Своим же тюркским языком они подчеркивали *гражданскую* специфику своей болгарскости, отличной от *этнической* славяноязычных болгар. Дополнительным же разграничителем в болгарских землях между двумя языковыми православными общинами стало своеобразное наименование *туканы*, присвоенное славяно-болгарам тюркоязычными православными. В свою очередь последние называли себя *болгарами*, а тюркоязычных – *гагаузами*,

т. е. уличным прозвищем, полученным от османов-мусульман.

Что касается того, что некоторые тюркоязычные православные тогда причисляли себя к **грекам**, то этим они, скорее всего, подчеркивали свою принадлежность к православию, защищая себя от поглощения исламом. Следовательно, они к этому прибегли в исторических условиях нахождения в составе Османской империи.

3. Вместе с тем светской и религиозной (мусульманской) власти Османской империи удалось в XV–XVII вв. раздробить интегрировавшееся в болгарских землях (Делиорман, Добруджа) тюркоязычное православное население, названное *читаками*, заставив одну его часть принять ислам. Под ее координированным давлением оно распалось в религиозном отношении на привилегированных *читаков-мусульман* и неверных *читаков-райя*. Первых стали называть *гаджалы* (высказывается мнение, что власть причислила их к многочисленным социальным группам населения полуострова, назвав их всех *гаджалами*. – И.Г.), а ту часть тюркоязычных, которые остались верными православию, – *читаками*. И сами эти тюркоязычные называли друг друга по-разному: *болгары, греки, читаки, гаджалы*. Сказанное дает основание сделать следующее заключение:

– ту тюркоязычную православную амальгаму, которую Османская империя застала на завоеванных ею Балканах, включая и Добруджанское деспотство, она превратила в XV–XVIII вв. в другую амальгаму, в этнических названиях и самоназваниях которой не осталось следов от прежней, относившейся к XII–XIV вв.;

– в османский период истории указанное выше смешение тюркоязычного православного населения было лишено естественного процесса формирования единой для всех ее составляющих новой этнической общности. Ей навязали другой этнический процесс, при котором от нее откололи одну православную часть населения, принявшую ислам (*гаджалы*). Другая же – бóльшая – ее часть несла на себе крест *неверных* и *райи*, что вынудило ее защищать свою веру, пряча себя и свой тюркский язык под этническими одеждами *греков, болгар, читаков*.

4. Под множеством этноназваний (*болгары, греки, читаки, гаджалы*) тюркоязычные переселялись из Северо-Восточной Болгарии и Добруджи в Дунайские княжества и в Пруто-Днестровское междуречье, ставшее в 1812 г. частью Российской империи. *Читаки* основали в Буджаке Александровку, были они и в Татар-Копчаке, возможно, и в Кубее, а *гаджалы* основали Чишмикиой, но проживали и в Чадыр-Лунге, и в других поселениях. Что касается переселенцев-гаджалов в Буджаке, то, на мой взгляд, за Дунаем некоторые из них (в Добрудже?) только внешне придерживались ислама, внутренне оставаясь вер-

ными православия. Когда им представилась возможность бежать на северо-восток от Дуная, они это и сделали. Но за ними это название *гаджалы*, ставшее и самоназванием, в Буджаке сохранилось: здесь тюркоязычные православные отделяли себя от них, хотя язык был один (Шкорпил 1933–1934; Димитров 1988: 38–39) в двух диалектах и веры они держались одной и той же – православной.

В этом разнообразии этнических названий тюркоязычных задунайских переселенцев последней трети XVIII – начала XIX в. в Буджаке мне встретился с десятком глав семей с уличным прозвищем *гагауз*, носители которого в то же время имели и все три части славяно-болгарской антропонимической модели. Хотя большинство из этих «старых переселенцев» называли себя *болгарами*, но между всеми тюркоязычными выходцами из-за Дуная сохранялось внутреннее деление на *болгар*, *греков*, *гаджалов*, *читаков*. **Следовательно, процесс огагаузивания тюркоязычных в Буджаке состоял не только в том, чтобы те, кто считал себя *болгарами*, изменили свое самоназвание на *гагаузы*, но и в том еще, чтобы тюркоязычные *гаджалы*, *читаки*, *греки* также перешли на это самоназвание.**

Следует подчеркнуть, что официальные власти России не смешивали эти две языковые группы задунайских переселенцев, используя в качестве групповой идентификации их языковые особенности. Православных тюрков они называли «*болгары, говорящие на турецком языке*» (по отношению к этническим болгарам власти использовали этноним *болгары*). В этой **тюркской буджакской православной амальгаме** этнических названий выходцев из-за Дуная было нечто их сближающее, обусловившее запуск процесса *огагаузивания* – тюркская языковая **близость** ее носителей. Назвать ее **языковой общностью** трудно по причине того, что лингвисты выделяют в гагаузском языке два диалекта – вулканештский и чадыр-лунгско-комратский. Они есть и у столыпинских переселенцев в Казахстане и Средней Азии (Сорочану 2011: 108). Хотя изначально, на Балканах, это были, на мой взгляд, говоры, а не диалекты, поскольку не было литературной формы языка. Они сохраняются в разговорной речи жителей Гагаузии до сих пор.

Что же касается этнической и языковой судьбы тюркоязычных православных при дисперсном расселении (вне Буджака) в Российской империи, Советском Союзе, на постсоветском пространстве, то, как уже было сказано, процессом *огагаузивания* не были охвачены ни приазовские переселенцы 1860–1861 гг., ни столыпинская миграция 1909–1913 гг. Тюркская антропонимия (фамилии) жителей пос. Болгарский дает основание утверждать следующее:

1. Абсолютное большинство домохозяев пос. Болгарский были выходцами из тюркоязычных населенных пунктов Буджака, которые

стали известными как *гагаузские* уже после их миграции.

2. Эти тюркоязычные домохозяева поселка сами себя называли *болгарами*, следовательно, за этим их самоназванием не могут скрываться мифические и мифологические этнополитические предположения.

3. Высказывания Алексея Маглели убеждают, что послевоенное поколение жителей пос. Болгарский не было столь привержено убеждениям отцов и дедов в их *болгарской* идентичности. Они уверены, что отличаются от этнических болгар своим тюркским языком и даже своей культурой. На мой взгляд, определенную роль в этом сыграли фольклорно-этнографические экспедиции ученых-гагаузов Кишинева и Москвы в Приазовье, по следам столыпинской миграции, а также научный интерес ученых-тюркологов Казахстана, Узбекистана к православным тюркоязычным гагаузам. Вместе с тем, видимо, только отдельные уроженцы поселка стали называть себя, как Алексей Маглели, гагаузами. Покинув родные села в Буджаке, они со временем утрачивали владение родным языком и становились объектом ассимиляции со стороны русского, а с 1991 г. – казахского, узбекского, кыргызского большинства. Вот как об этом пишет сам А. Маглели: «Мы в Актюбинске жили, в семье по-русски говорили. **По-гагаузски говорили только в селе, куда я часто ездил на лето. Бабушка по-русски очень плохо говорила, поэтому волей-неволей язык знать надо было. Но с тех далеких пор практики не было, все забывается** (выделено мной. – И.Г.)».

4. В советское время, особенно в послевоенные годы, а также после распада СССР в 1991 г., в пос. Болгарский происходили серьезные изменения в его национальном составе. По словам А. Маглели, «сейчас много казахстанской родни переселилось в среднюю полосу России – Подмоскowie, Саратов, Пенза, Тамбовщина, Мичуринск и т. д.». Его «папа с мамой живут в г. Ртищево Саратовской области». А его родня, сообщает он, проживает также и «под Ташкентом, пос. Чирчик и пос. Первомайское» (видимо, имеется в виду село Майское. – И.Г.). Сам он, как было сказано, живет в Томске.

Миграция тюркоязычных православных из пос. Болгарский в Узбекистан, переезд на жительство в Актюбинск, Ильинку, а после 1991 г. эмиграция из Казахстана, Средней Азии в города и веси Российской Федерации свидетельствуют о том, что столыпинское переселение этой части тюркоязычных жителей Буджака вызвало утрату ими прежней идентичности. Но с уходом из пос. Болгарский потомков его основателей возникает вопрос о том, смогут ли они сохранить свое название в суверенном и независимом Казахстане и не исчезнут ли вообще.

Это же происходит или произойдет в перспективе со всеми потомками православных тюркоязычных, предки которых волею судьбы покинули территорию компактного проживания в Буджаке. Приазовские эмигранты, как и стлыпинские мигранты, не смогли огагаузиться. Но даже те, кто покинул Буджак в этническом статусе *гагауз* (830 гагаузов из стлыпинской миграции, 5-тысячная эмиграция бессарабских гагаузов в Латинскую Америку в 1925–1927 гг., несколько десятков представителей гагаузской молодежи, получивших образование в Турции в середине 1930-х гг.), также не сохранили свою гагаузскую идентичность. Такова этническая судьба всех дисперсно расселенных. Исторические обстоятельства сложились таким образом, что гагаузский этнос сможет сохраниться только в молдавской части Буджака.

ЛИТЕРАТУРА

Аманжолов 1964 – *Аманжолов А.С.* О гагаузах в Казахстане и их языке // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964. С. 258–265.

Атанасов 2009 – *Атанасов Г.* Още веднъж за потеклото на гагаузите // Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV век. В. Търново, 2009. С. 401–444.

Бендерское земство 1910 – Бендерское земство. Отчеты, доклады, сметы, раскладки Бендерской уездной земской управы и постановления уездного земского собрания XLI очередного созыва 1909 года. Бендеры, 1910.

Бернштейн 1950 – *Бернштейн С.Б.* О языке города Болграда // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 225–231.

Бигаев, Данилов, Умаров 1960 – *Бигаев Р.И., Данилов П.А., Умаров М.У.* О гагаузах Средней Азии // ИАН УзССР. Серия общественных наук. 1960. № 6. С. 60–65.

Бутович 1916 – *Бутович В.Н.* Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916. 59 с.

Всесоюзная перепись 1929 – Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XVII. Союз Советских Социалистических Республик. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1929.

Гагаузы 2016 – Гагаузы Приазовья / Сост. Л. Чимпоеш, Е. Банкова, Т. Арнаут // Гагаузы Украины. Киев, 2016. 232 с.

Гайдаржи 1992 – *Гайдаржи Г.А.* Гагаузский язык. К родникам истории // Словесник Молдовы. 1992. № 3. С. 14–19.

Ганчев, Мильчев, Пригарин 2015 – *Ганчев А., Мильчев В., Пригарин А.* Специфика миграционной активности населения региона «Сърнена Средна Гора» на рубеже XVIII–XIX вв. и ее влияние на формирование болгарской общины «туканцев» в Южной Бессарабии // Журнал этнологии и культуроло-

логии. Кишинев, 2015. Т. XVII. С. 57–64.

Грек 2006 – Грек И. Гюлмян – Дюльмен – Яровое (Очерки истории болгарского села в Бессарабии). Кишинев, 2006. 264 с.

Грек 2007 – Грек И.Ф. Этноним «гагауз» и глоттоним «гагаузский язык» (этногенезис гагаузов в XIX – начале XX в. в условиях Бессарабии) // Журнал этнологии и культурологии. Кишинев, 2007. Т. 2. С. 260–264.

Грек 2009 – Грек И.Ф. Проявление идентичности в этнопсихологии болгар и гагаузов Молдовы во второй половине XVIII–XX вв. (историко-политологический дискурс) // Stratum Plus. № 6. 2006–2009. Причерноморские этюды. Кишинев, 2009. С. 566–585.

Грек 2010 – Грек И.Ф. Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII – начало XIX в.) // Stratum Plus. 2010. № 6. «Слова и вещи». Кишинев, 2010. С. 289–340.

Грек 2011 – Грек И.Ф. Село Гайдар: очерки истории и культуры // Лукоморье: Археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2011. Вып. 5. С. 81–312.

Грек 2013 – Грек И.Ф. «Черные болгары»: этническая история и историческая судьба // Stratum Plus. 2013. № 6. Культурные слои веры. Кишинев, 2013. С. 307–332.

Грек 2018 – Грек И.Ф. Купоран – Ровное: история, культура, люди болгарского села в Буджаке. Измаил, 2018. 323 с.

Государственный архив – Государственный архив Актюбинской области Казахстана. Ф. 69. Оп. 2. Д. 31.

Губогло 1968 – Губогло М.Н. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968. С. 51–60.

Губогло 2006а – Губогло М.Н. О религиозной (ли?) идентичности // Курсом изменяющейся Молдовы. М., 2006а С. 206–231.

Губогло 2006б – Губогло М.Н. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М., 2006б. 498 с.

Губогло 2008 – Губогло М. Спохои прошлого. Автобиографические затеси. Кишинев, 2008. 560 с.

Державин 2005 – Державин Н.С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов. Кишинев, 2005. 24 с.

Димитров 1988 – Димитров Стр. Някои проблеми на етническите и ислямизиционно-асимилационните процеси в българските земи през XV–XVII в. // Проблеми на развитието на българската народност и нация. София, 1988. С. 33–56.

Димитров 1995 – Димитров Стр. Гагаузкят проблем // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 1995. Т. 4. С. 147–167.

Дрон 1989 – Дрон И.В., Курогло С.С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинев, 1989. 216 с.

- Занетов 1902 – *Занетов Г.* Българското население в средните векове. Русе, 1902. 223 с.
- Забутые страницы 2011 – *Забутые страницы истории Южной Бессарабии (1856–1861 гг.)* / Сост. И.Ф. Грек. Кишинев, 2011. 231 с.
- Илчев 2012 – *Илчев С.* Речник на личните и фамилните имена у българите. София, 2012. 829 с.
- Карамия, Орган 2009 – *Карамия М., Орган С.* Чишмикей. Материалы по истории села (1809–2009 гг.). Кишинев, 2009. 644 с.
- Квилинкова 2006 – *Квилинкова Е.Н.* О принципе двойной самоидентификации гагаузов в прошлом и настоящем // *Курсом изменяющейся Молдовы.* М., 2006. С. 264–283.
- Квилинкова 2011 – *Квилинкова Е.Н.* Формирование самосознания гагаузов // *Гагаузы.* М., 2011. С. 126–139.
- Колесник 2001 – *Колесник В.* Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор: словарь. Одесса, 2001. Т. 3. 287 с.
- Кондов 2005 – *Кондов В.* Кортенските колонии в Бесарабия в светлината на езиковата археология. Ономастика. Език. В. Търново, 2005. 216 с.
- Литаврин 1982 – *Литаврин Г.Г.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII – первая четверть X в.) // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья* / Отв. ред. В.Д. Королюк. М., 1982. С. 49–83.
- Манасиева 2013 – *Манасиева И.* Грамотность болгар в Российской империи по данным Первой переписи населения 1897 г. URL: <https://ava.md/2013/04/24-gramotnost-bolgar-rossiyskoi-imperii> (дата обращения: 18.12.2018).
- Маринов 1988 – *Маринов В.* На гости у бесарабските българи. София, 1988. 112 с.
- Новаков 2004 – *Новаков С.З.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857–1917). Кишинев, 2004. 578 с.
- Мутафчиев 1973 – *Мутафчиев П.* Мнимото преселение на селджушки турци в Добруджа през XIII в. // *Мутафчиев П.* Избрани произведения. София, 1973. Т. II. С. 607–747.
- Нягулов 2010 – *Нягулов Бл.* От единение към разграничение: българи и гагаузи в румънска Бесарабия, 1918–1940 гг. // *Курсом развивающейся Молдовы.* М., 2010. Т. 10. С. 156–190.
- Сакалы 2013 – [*Сакалы М.П.*] Кубей: Очерки и материалы по истории села Кубей-Червоноармейское в Бессарабии. Одесса, 2013. 560 с.
- Словарь 1973 – *Гагаузско-русско-молдавский словарь.* М., 1973.
- Сорочану 2011 – *Сорочану Е.* Диалекты гагаузского языка // *Гагаузы.* М., 2011. С. 107–110.
- Станчев 2009 – *Станчев М.* Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Т. 1 (1711–2006): стат. сборник. София, 2009. С. 126–127.

Субботина 2006 – *Субботина И.А.* Гагаузы Северного Кавказа: об истории переселения и численность. Поиски и находки // Курсом изменяющейся Молдовы. М., 2006. Т. 1. С. 232–245.

Субботина 2009 – *Субботина И.А.* К истории появления гагаузов на Северном Кавказе // Курсом развивающейся Молдовы. М., 2009. Т. 7. С. 386–402.

Тонев 2000 – *Тонев В.* Гагаузите и националноосвободителните борби през Възраждането // Българите в Северното Причерноморие. В. Търново, 2000. Т. 7. С. 319–333.

Топалова 1995 – *Топалова С.* За историята и езика на туканците в Бессарабия (с лингвистичен материал от Болградско) // Българите в Северното Причерноморие. В. Търново, 1995. Т. 4. С. 319–333.

Чакир 2018 – *Протоиерей Михаил Чакир.* Статии по истории и культуре гагаузов Бессарабии в журнале «Viata Basarabiei» («Бессарабская жизнь») / сост. В. Цвиркун, И. Думиника, В. Сырф. Кишинев, 2018. С. 48–64.

Шабашов 2002 – *Шабашов А.В.* Гагаузы. Одесса, 2002. 740 с.

Шабашов 2017 – *Шабашов А.* К вопросу об этнической преемственности средневековых читаков Болгарии и гагаузов // Журнал этнологии и культурологии. Кишинев, 2017. Т. XVIII. С. 71–75.

Шкорпил 1933–1934 – *Шкорпил К.* Материали към въпроса за съдбата на прабългарите и на северите и към въпроса за произхода на днешните гагаузи // *Vyzantinoslavica*. [Т.] V. Praha, 1933–1934. С. 162–182.

Kowalski 1933 – *Kowalski T.* Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord–Est. Krakowie, 1933. 28 s.

Cimpoes 2015 – *Cimpoes L.* Kuzey Kafkasiua Gagauzları'nin Milli Kimlikleri // *Yeni Turkiye*. 2015. № 81. P. 12–19.

REFERENCES

Amanzholov, A.S. (1964) O gagauzakh v Kazakhstane i ikh yazyke [About Gagauz in Kazakhstan and their language]. In: Zhakiev, M., Shofman, A.S. & Tumasheva, D.G (eds) *Problemy tyurkologii i istorii vostokovedeniya* [Problems of Turkology and History of Oriental Studies]. Kazan: Kazan State University. pp. 258–265.

Atanasov, G. (2009) *Dobrudzhanskoto despotstvo. K“m politicheskata, ts“rkovnata, stopanskata i kulturnata istoriya na Dobrudzha prez XIV vek* [Dobrudzha's Despotism. To the political, ecclesiastical, economic and cultural history of Dobroudzha in the 14th century]. V. T“rnovo: [s.n.]. pp. 401–444.

Bendery zemstvo. (1910) *Benderskoe zemstvo. Otcheti, doklady, smety, raskladki Benderskoy uezdnoy zemskoy upravy i postanovleniya uezdnogo zemskogo sobraniya XLI ocherednogo sozyva 1909 goda* [Bendery zemstvo. Reports, estimates, layouts of the Bendery District Zemstvo Council and resolutions of the District Assembly in 1909]. Bendery: [s.n.].

Bernstein, S.B. (1950) O yazyke goroda Bolgrada [On the language of Bolgrad]. *Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya*. 2. pp. 225–231.

Bigaev, R.I., Danilov, P.A. & Umarov, M.U. (1960) O gagauzakh Sredney Azii [On the Gagauz of Central Asia]. *IAN UzSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. 6. pp. 60–65.

Butovich, V.N. (1916) *Materialy dlya etnograficheskoy karty Bessarabskoy gubernii* [Materials for the ethnographic map of the Bessarabian province]. Kyiv: [s.n.].

The Union of Soviet Socialist Republics. (1929) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [The All-Union Population Census. 1926]. Vol. 17. Moscow: [s.n.].

Chimpoesh, L., Bankova, E. & Arnaut, T. (2016) *Gagauzy Priazov'ya* [Gagauz of the Azov]. Kyiv: [s.n.].

Gaydarzhi, G.A. (1992) Gagauzskiy yazyk. K rodnikam istorii [The Gagauz language. To the springs of history]. *Slovesnik Moldovy*. 3. pp. 14–19.

Ganchev, A., Milchev, V. & Prigarin, A. (2015) Spetsifika migratsionnoy aktivnosti naseleniya regiona "Širna Sredna Gora" na rubezhe XVIII–XIX vv. i ee vliyanie na formirovanie bolgarskoy obshchiny "tukantsev" v Yuzhnoy Bessarabii [Specificity of migration activity of the population of the region "Širna Sredna Gora" at the turn of the XVIII – XIX centuries and its influence on the formation of the Bulgarian community "Tukan" in Southern Bessarabia]. *Zhurnal etnologii i kul'turologii – Journal of Ethnology and Culturology*. 17. pp. 57–64.

Grek, I. (2006) *Gyulmyan – Dyul'men – Yarovoe (Ocherki istorii bolgarskogo sela v Bessarabii)* [Gyulmyan – Dulmen – Yarovoy (Essays on the history of the Bulgarian village in Bessarabia)]. Chişinău: [s.n.].

Grek, I.F. (2007) Etonim "gagauz" i glottonim "gagauzskiy yazyk" (etnogenezis gagauzov v XIX – nachale XX v. v usloviyakh Bessarabii) [The ethnonym "Gagauz" and the glottonim "Gagauz language" (ethnogenesis of the Gagauz in the 19th – early 20th century in Bessarabia)]. *Zhurnal etnologii i kul'turologii – Journal of Ethnology and Culturology*. 2. pp. 260–264.

Grek, I.F. (2009) Features of Identity in Ethnic Psychology of Bulgarians and Gagauzes of Moldova in 1750–1900s. (Historical Politological Discourse). *Stratum Plus*. 6. pp. 566–585 (In Russian).

Grek, I.F. (2010) Anthroponymy of Transdanubian Settlers (1770 – early 1800). *Stratum Plus*. 6. pp. 289–340 (In Russian).

Grek, I.F. (2011) Selo Gaydar: ocherki istorii i kul'tury [Village Gaidar: Essays on History and Culture]. *Lukomor'e: Arkheologiya, etnologiya, istoriya Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*. 5. pp. 81–312.

Grek, I.F. (2013) "Black Bulgars": Ethnical History and Historical Fate. *Stratum Plus*. 6. pp. 307–332 (In Russian).

Grek, I.F. (2018) *Kuporan – Rovnoe: istoriya, kul'tura, lyudi bolgarskogo sela v Budzhake* [Kuporan – Rovnoe: history, culture, people of the Bulgarian village

in Budjac]. Izmail: [s.n.].

The State Archive of Aktyubinsk Region of Kazakhstan. Fund 69. List 2. File 31.

Guboglo, M.N. (1968) Etnokul'turnye dannye o kochevom proshlom gagauzov [Ethnocultural data about the nomadic past of the Gagauz]. In: Zelenchuk, V.S. (ed.) *Arkheologiya, etnografiya i iskusstvovedenie Moldavii* [Archeology, ethnography and art criticism of Moldova]. Chişinău: Cartea Moldoveneasca. pp. 51–60.

Guboglo, M.N. (2006a) O religioznoy (li?) identichnosti [About religious (or not) identity]. In: Guboglo, M.N. (ed.) *Kursom izmenyayushcheyasya Moldovy* [The course of the changing Moldova]. Moscow: [s.n.]. pp. 206–231.

Guboglo, M.N. (2006b) *Imenem yazyka. Ocherki etnokul'turnoy i etnopoliticheskoy istorii gagauzov* [In the name of the language. Essays on the ethnocultural and ethnopolitical history of the Gagauz]. Moscow: Nauka.

Guboglo, M. (2008) *Spolokhi proshlogo. Avtobiograficheskie zatesi* [Flashes of the past. Autobiographical notes]. Chişinău: Komrat.

Derzhavin, N.S. (2005) *O naimenovanii i etnicheskoy prinadlezhnosti gagauzov* [On the name and ethnicity of the Gagauz]. Chişinău: [s.n.].

Dimitrov, Str. (1988) Nyakoi problemi na etnicheskite i islyamitsionno-asimilatsionnite protsesi v b'lgarskite zemi prez XV–XVII v. [Some Problems of the Ethnic and Islamic-Assimilation Processes in the Bulgarian Lands in the 15th–17th Century]. In: Dimitrov, Str. et al. *Problemi na razvitiето na b'lgarskata narodnost i natsiya* [Problems of the Development of the Bulgarian Nationality and the Nation]. Sofia: BAS. pp. 33–56.

Dimitrov, Str. (1995) Gagauzkiyat problem [The Gagauzian Problem]. *B'lgarite v Severnoto Prichernomorie – Bulgarians of the Northern Black Sea Coast*. 4. pp. 147–167.

Dron, I.V. & Kuroglo, S.S. (1989) *Sovremennaya gagauzskaya toponimiya i antroponimiya* [Modern Gagauz toponymy and anthroponymy]. Chişinău: [s.n.].

Zanetov, G. (1902) *Blgarskoto naselenie v srednite vekove* [Bulgarian population in the Middle Ages]. Ruse: Skoro-pechatnitsata na Spiro Gulabchev.

Grek, I.F. (ed.) (2011) *Zabytye stranitsy istorii Yuzhnoy Bessarabii (1856–1861 gg.)* [Forgotten Pages of the History of Southern Bessarabia (1856–1861)]. Chişinău: [s.n.].

Ilchev, S. (2012) *Rechnik na lichnite i familnite imena u b'lgarite* [Dictionary of personal and family names in Bulgaria]. Sofia: [s.n.].

Karamilya, M. & Organ, S. (2009) *Chishmikey. Materialy po istorii sela (1809 – 2009 gg.)* [Chishmikey. Materials on the history of the village (1809–2009)]. Chişinău: Serebia.

Kvilinkova, E.N. (2006) O printsipe dvoynoy samoidentifikatsii gagauzov v proshlom i nastoyashchem [On the principle of double self-identification of the Gagauz in the past and the present]. In: Guboglo, M.N. (ed.) *Kursom izmenyayushcheyasya Moldovy* [The course of the changing Moldova]. Moscow: [s.n.]. pp. 264–283.

Kvilinkova, E.N. (2011) Formirovanie samosoznaniya gagauzov [Formation of the Gagauz self-awareness]. In: Kvilinkova, E.N. & Guboglo, M.N. (eds) *Gagauzy* [The Gagauz]. Moscow: Nauka. pp. 126–139.

Kolesnik, V. (2001) *Evgenovka (Arsa). Onomastika. Govor: slovar'* [Evgenovka (Arsa). Onomastics. Dialect: dictionary]. Vol. 3. Odesa: Odesa National University.

Kondov, V. (2005) *Kortenskite kolonii v Besarabiya v svetlinata na ezikovata arkeologiya. Onomastika. Ezik* [Corinthian colonies in Bessarabia in the light of language archeology. Onomastics. Language]. V. T'rnovo: Znak.

Litavrin, G.G. (1982) Formirovanie etnicheskogo samosoznaniya bolgarskoy narodnosti (VII – pervaya chetvert' X v.) [Formation of the ethnic identity of the Bulgarian nationality (7th – first quarter of the 10th centuries)]. In: Korolyuk, V.D. (1982) *Razvitie etnicheskogo samosoznaniya slavyanskikh narodov v epokhu rannego Srednevekov'ya* [The Development of the Ethnic Identity of the Slavic Peoples in the Early Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 49–83.

Manasieva, I. (1897) *Gramotnost' bolgar v Rossiyskoy imperii po dannym Per-voy perepisi naseleniya 1897 g.* [Literacy of Bulgarians in the Russian Empire according to the data of the First Population Census of 1897]. [Online] Available from: <https://ava.md/2013/04/24-gramotnost-bolgar-rossiyskoi-imperii> (Accessed: 18th December 2018).

Marinov, V. (1988) *Na gosti u besarabskite b'lgari* [On a visit at Bessarabian Bulgarians]. Sofia: Otechestvo.

Novakov, S.Z. (2004) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie bolgarskikh i gagauzskikh sel Yuzhnoy Besarabii (1857–1917)* [Social and economic development of the Bulgarian and Gagauz villages of Southern Bessarabia (1857–1918)]. Chişinău: [s.n.].

Mutafchiev, P. (1973) *Izbrani proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 2. Sofia: [s.n.]. pp. 607–747.

Nyagulov, Bl. (2010) Ot edinenie k'm razgranichenie: bylgari i gagauzi v rum'nska Besarabiya, 1918–1940 gg. [From unity to separation: Bulgarians and Gagauz in Bessarabia, 1918–1940]. In: Guboglo, M.N. (ed.) *Kursom izmenyayushcheyasya Moldovy* [The course of the changing Moldova]. Vol. 10. Moscow: [s.n.]. pp. 156–190.

[Sakaly, M.P.] (2013) *Kubey: Ocherki i materialy po istorii sela Kubey-Chervonoarmeyskoe v Besarabii* [Kubey: Essays and materials on the history of the village Kubei-Chervonoarmeiskoe in Bessarabia]. Odesa: [s.n.].

Gaidarzhii, G.A. (1973) *Gagauzsko-russko-moldavskiy slovar'* [Gagauz-Russian-Moldavian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.

Sorochanu, E. (2011) Dialekty gagauzskogo yazyka [Gagauz Dialects]. In: Kvilinkova, E.N. & Guboglo, M.N. (eds) *Gagauzy* [The Gagauz]. Moscow: Nauka. pp. 107–110.

Stanchev, M. (2009) *Bolgary v Rossiyskoy imperii, SSSR, stranakh Baltii i SNG.* [Bulgarians in the Russian Empire, USSR, the Baltic States and the CIS]. Vol. 1.

Sofia: [s.n.], pp. 126–127.

Subbotina, I.A. (2006) Gagauzy Severnogo Kavkaza: ob istorii pereseleniya i chislennot'. Poiski i nakhodki [The Gagauz of the North Caucasus: on the history of resettlement and numbers. Searches and Finds]. In: Guboglo, M.N. (ed.) *Kursom izmenyayushcheysya Moldovy* [The course of the changing Moldova]. Vol. 1. Moscow: [s.n.], pp. 232–245.

Subbotina, I.A. (2009) K istorii poyavleniya gagauzov na Severnom Kavkaze [On the history of the the Gagauz in the North Caucasus]. In: Guboglo, M.N. (ed.) *Kursom izmenyayushcheysya Moldovy* [The course of the changing Moldova]. Vol. 7. Moscow: [s.n.], pp. 386–402.

Tonev, V. (2000) Gagauzite i natsionalnoosvoboditelnite borbi prez V“zrazhdaneto [The Gagauz and the National Liberation Struggles during the Revival]. *B“lgarite v Severnoto Prichernomorie – Bulgarians of the Northern Black Sea Coast*. 7. pp. 319–333.

Topalova, S. (1995) Za istoriyata i ezika na tukantsite v Besarabiya (s lingvistiichen material ot Bolgradsko) [About the history and language of the Toukans in Bessarabia (with linguistic material from Bolgrad)]. *B“lgarite v Severnoto Prichernomorie – Bulgarians of the Northern Black Sea Coast*. 4. pp. 319–333.

Chakir, M. (2018) *Stat'i po istorii i kul'ture gagauzov Bessarabii v zhurnale “Viata Basarabiei” (“Bessarabskaya zhizn”)* [Articles on the history and culture of the Gagauzians of Bessarabia in the journal “Viata Basarabiei” (Bessarabian Life)]. Chişinău: [s.n.], pp. 48–64.

Shabashov, A.V. (2002) *Gagauzy* [Gagauz]. Odesa: Astroprint.

Shabashov, A.V. (2017) K voprosu ob etnicheskoy preemstvennosti srednevekovykh chitakov Bolgarii i gagauzov [On ethnic succession of medieval Chitaki of Bulgaria and the Gagauz]. *Zhurnal etnologii i kul'turologii*. 28. pp. 71–75.

Shkorpil, K. (1933–1934) Materiali k“m v“prosa za s“dbata na prab“lgarite i na severite i k“m v“prosa za proizkhoda na dneshnite gagauzi [Materials on the fate of the Proto-Bulgarians the origin of modern Gagauz]. *Vyzantinoslavica*. 5. pp. 162–182.

Kowalski, T. (1933) *Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord–Est* [Turks and the Turkish language of North-East Bulgaria]. Krakow: Polska Akademia Umiejętności.

Cimpoes, L. (2015) *Kuzey Kafkasiua Gagauzlari'nin Milli Kimlikleri. Yeni Turkiye*. 81. pp. 12–19.

Грек Иван Федорович – кандидат исторических наук, политолог, член Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» (Молдова).

Ivan F. Grek – Pro-Moldova Association of Historians and Political Scientists (Moldova).

E-mail: ivangrec39@mai1.ru

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/18

АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБОВ И ТИПОВ В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Петрикова¹, А. Плишкова²

¹Пряшевский университет в Пряшеве – Институт русского языка
Словакия, 08005, г. Пряшев, ул. 17 ноября, 1
E-mail: anna.petrikova@unipo.sk

²Пряшевский университет в Пряшеве – Центр языков и культур национальных меньшинств – Институт русинского языка и культуры
Словакия, 08005, г. Пряшев, ул. 17 ноября, 15
E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Авторское резюме

Рассмотрены основные способы синхронного словообразования в русинском языке. Один из приоритетов современной лингвистики – динамический подход к изучению лингвистических объектов, который позволяет не только исследовать механизм словообразовательных процессов, но и обозначить тенденции языковой эволюции в целом. Вплоть до середины XX в. лингвисты не выделяли словообразование как самостоятельную область языкознания. Все аспекты словообразования рассматривались в рамках других областей – лексикологии и морфологии. На современном этапе развития лингвистики словообразование имеет статус самостоятельной науки, тесно связанной с другими лингвистическими дисциплинами – такими, как морфология, лексикология, семантика, фонология и др. Большое внимание уделяется флективным языкам с богатой системой средств и способов словообразования; именно такими являются славянские языки (русинский, словацкий, русский). Современные исследования ориентируются на живые словообразовательные процессы в языке, семантические отношения производящего и производного слов, т. е. на проблему уровня синхронной мотивированности производных слов. Теоретические основы словообразования русинского языка опираются на теорию образования слов словацкого лингвиста Ю. Фурдика, который назвал науку о словообразовании дериватологией. Истоки терминологических понятий науки об образовании слов русинского языка (например, мотивація, тіпи мотивації, мотивант, мотиват и др.) также есть в концепции Фурдика. На наш взгляд, исследовать словообразовательные процессы

важно, поскольку это впоследствии поможет в решении морфонологических, морфологических, лексических и других вопросов в синхронном и диахронном аспектах языковой системы.

Ключевые слова: русинский язык, словообразовательный способ, тип, синхрония, диахрония, мотивация, мотивант, мотиват, дериват, формант.

ANALYSIS OF WORD-FORMATION METHODS AND TYPES IN THE RUSIN LANGUAGE

A. Petrikova¹, A. Plishkova²

¹University of Prešov – Institute of Russian Studies

1 17 November Street, Prešov, 08005, Slovakia

E-mail: anna.petrikova@unipo.sk

²University of Prešov – Center for Languages and Cultures of National

Minorities – Institute of Rusin Language and Culture

15 17 November Street, Prešov, 08005, Slovakia

E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Abstract

This article dwells on the basic methods of synchronic word formation in the Rusin language. One of the priorities of contemporary linguistics is the dynamic approach to the study of linguistic items which allows not only examining the mechanism of word formation, but also discerning the trends of language evolution as a whole. Until the middle of the 20th century, linguists did not view word formation as an independent area of language study. All aspects of word formation were examined within the framework of other areas – in lexicology and grammar (morphology). In the present stage of the development of linguistics, word formation has the status of an independent subfield closely linked with other linguistics disciplines such as morphology, lexicology, semantics, phonology, etc. With regard to word formation, much attention is paid to it in inflected languages with a rich system of word-forming means and methods, and the Slavic languages (Rusin, Slovak, Russian) are precisely of this type. Contemporary research is focused on living word-formation processes in language and on semantic relationships between the base word and the derived word, i.e., on the degree of synchronic motivation of the derived word. The theoretical bases for word formation in Rusin draw on the theory of word formation by Slovak linguist Juraj Furdík, who introduced the term *derivatology*. Likewise found in Furdík's

framework are sources of terminology for Rusin word-formation (such as motivation, types of motivation, motivator, motivat (the motivated item) etc.). In our opinion, word-formation processes are worth researching inasmuch as this then assists in resolving morphonological, morphological, lexical, and other questions in the synchronic and diachronic aspects of the language system.

Keywords: Rusin language, word-formation method, type, synchrony, diachrony, motivation, motivator, motivat (the motivated item), derivative, formant.

Методологическая база русинской дериватологии

В русинском языке словообразование является важнейшей отраслью уровневой лингвистики наряду с фонологией, лексикологией, морфологией и синтаксисом.

Исследование современного русинского кодифицированного языка связано с научным описанием словообразовательных процессов в системе языка, которые тесно связаны как с лексикой, для пополнения которой они служат, так и с грамматикой, в соответствии с которой оформляется каждое появляющееся в языке слово.

На развитие словообразования русинского языка как науки повлияли теоретические исследования ученых-словакистов, особенно Ю. Фурдика, яркого представителя лингвистики конца 1990-х гг. Долгое время занимаясь исследованием словообразования лексических единиц (см. труды: «O súčasných smeroch slovotvorného výskumu» (Furdík 1969), «Zo slovotvorného vývoja slovenčiny» (Furdík 1971), «Súpis prác profesora Juraja Furdíka za roky 1995 – 2002» (Dvonč 2002), «Slovenská slovotvorba. (Teória, opis, cvičenia)» (Furdík 2004) и др.), Ю. Фурдик ввел понятие *дериватология* (словац. *derivatológia / náuka o tvorení slov / náuka o slovotvornej motivácii / slovotvorba*) (Furdík 2004) для обозначения науки об образовании слов и выделил *дериватологию / мотивологию* (*derivatológiu / motivatológiu*) в качестве отдельной лексикологической дисциплины. Размышляя над ними, лингвист предпочитает использовать термин *дериватология*, считая *мотивологию* малообоснованным термином: «...термин *мотивация* касается не только словообразовательной мотивации, но и парадигматической, фонической, семантической, синтаксической, фразеологической мотивации. Поэтому дериватология подходит больше, так как в словацком языке центром словообразовательной системы является именно проблема производности / деривации» (Furdík 1995–1996).

Ю. Фурдик приводит еще один аргумент в пользу дериватологии: «термин "мотивология" еще нигде не использовался» (Furdík

1995–1996). Несмотря на то что словацкий лингвист опирался на труды известного чешского дериватолога М. Докулила (Dokulil 1963; Dokulil 1968), Фурдик изучал и работы по словообразованию русских ученых, которые в начале 70-х гг. XX в. писали о проблеме мотивированности: «...70–80-е гг. XX в. получили такие характеристики, как "словообразовательный бум", "паронимический взрыв", "лексикографическая вспышка" и др.» (Блинова 2007: 3). О.И. Блинова в 1974 г. защитила докторскую диссертацию, в которой были «определены в лексикологическом ключе исходные понятия мотивологии, проанализированы лексические процессы, обслуживающие тенденции к мотивированности и произвольности языкового знака, обращено внимание на функции внутренней формы слова. В качестве одного из приложений к диссертации был предложен фрагмент толкового мотивационного словаря» (Блинова 1974: 4).

Ранее, в 1966 г., в «Основах построения описательной грамматики современного русского литературного языка» (Шведова 1955: 57) были введены термины «мотивированные слова» и «мотивирующие слова» как центральные понятия словообразования.

Данное лингвистическое нововведение, однако, не было зафиксировано в исследовании Ю. Фурдика 1969 г. под названием «O súčasňých smeroch slovotvorného výskumu» (Furdík 1969). В этой работе ученый подробно проанализировал зарубежные научные направления в изучении словообразования лексем, уделил внимание польской, американской, а также русской словообразовательным школам: «Советские авторы обращают внимание, главным образом, на определение словообразовательного типа, который понимали как основную единицу классификации словообразовательной системы (Винокур, Левковская, Ковалик)¹. В статье также упоминается «проблема бинарности словообразовательных структур, продуктивности словообразовательных приемов (Шанский, Смирницкий, Нещименкова)» (Furdík 1969: 67).

В своих работах Фурдик определяет предмет дериватологии, который касается словообразовательной системы языка (словац. *slovotvornomotivačný / slovotvorný systém*), лексический запас языка, единицы которого связаны посредством словообразовательной мотивации (Furdík 2004). Термин *slovotvorná motivácia* становится основообразующим понятием дериватологической концепции лингвиста, под которым он понимает единство трех компонентов: процесса, связи и свойства. Предметом изучения синхронного словообразования являются мотивированные слова.

Процесс осмысления мотивированности слова в русинском и словацком языках и связанных с ним научных понятий опирается на три основных принципа: *antropomorfižacia* (аналогия с человеком:

язык – это человеческий продукт; сравнение лексической единицы с человеком как личностью и всей лексики с человеческим обществом), *parametrizácia* (каждая единица имеет собственные параметры: 1) часть речи и ее грамматико-семантическая характеристика; стилистическая характеристика; 2) мотивированность – немотивированность; 3) мотиватор (-ы) (словац. *motivant*, русин. *motivant*); часть речи мотиватора, его грамматико-семантическая характеристика, мотивированность – немотивированность; дополнительная стилистическая характеристика мотиватора; отношения мотиватор – мотивема (словац. *motivát*, русин. *motivam*); характер мотивемы (*motivate*); 4) словообразовательная основа (словац. *slovotvorný základ*, русин. *словотворна основа*, т. е. *основа мотивующего слова*); морфонологическая вариантность; соединительная морфема (при композитах); 5) словообразовательный формант (словац. *slovotvorný formant*, русин. *формант*); тип форманта; вариативность форманта; 6) словообразовательный способ; 7) словообразовательный образец; 8) мотивационное значение; 9) словообразовательное значение; 10) принадлежность к ономаσιологической категории; 11) тип ономаσιологической категории; 12) примеры слов словообразовательного типа; 13) мотивационная интенция, место слова в словообразовательном гнезде; 14) общая характеристика (Furdík 2004: 126–137) и *мотивация* (словац. *motivácia*, русин. *мотивація*) (Furdík 2008: 28). О.И. Блинова также выделяет три принципа мотивологического исследования: «... принцип антропоцентризма (учет осознания мотивированности слова носителями языка), принцип синхронности (поскольку мотивация слов – синхронное явление), принцип системности (мотивационные отношения – один из видов системных связей ЛЕ)» (Блинова 2007: 15). Первый принцип – антропоцентрический. Его как Ю. Фурдик, так и О.И. Блинова считают ключевым принципом «мотивологического и иного исследования посредством обращения к метаязыковому сознанию говорящего, носителя языка» (Блинова 2007: 267).

Итак, многие идеи концепции Ю. Фурдика не были новыми, но, как справедливо замечает М. Олоштяк, «оригинальность и иновативность словообразовательной концепции "мотиватолога"-Фурдика состоит в том, что он один из первых системно анализирует, описывает и объясняет функционирование и динамику лексической системы» словацкого языка (Furdík 2008: 12).

При исследовании словообразования с применением синхронного метода возникает возможность описывать живой язык в сознании его носителей, поэтому «задача синхронных исследований состоит в изучении многомерных мотивационных отношений, в постановке объективных критериев для их определения» (Furdík 2005: 58).

Дериватема как основная единица русинского словообразования

В русинской словообразовательной науке² основной единицей словообразования является *дериватема*, т. е. лексическая единица как составная часть словообразовательной мотивации (Plišková 2015: 151). Словообразовательная структура дериватемы двухсоставная, и она состоит из словообразовательной основы, отождествляемой с мотивантом без его грамматических морфем, и словообразовательного форманта.

Данные типы дериватем выделены на схеме 1:

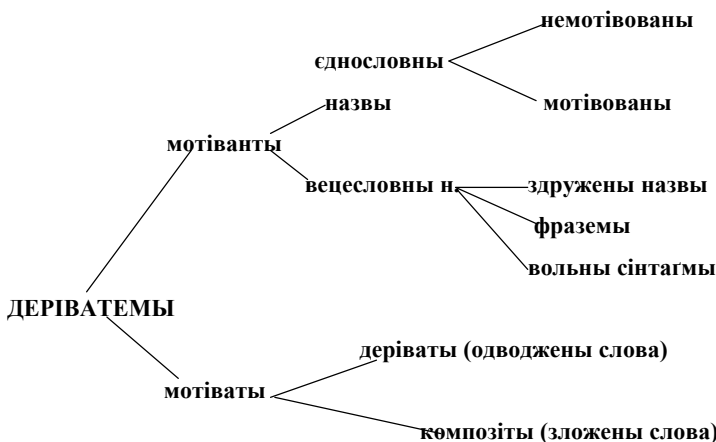

Схема 1. Типы дериватем. *Источники:* Furdík 2004: 29; Plišková 2015: 151.

Как показывает схема, дериватемы – это не только производные сложные слова / композиты, но и их мотиванты, независимо от того, являются ли они мотивированными словами, одноструктурными или составными.

Образование односоставных мотивированных слов реализуется двумя основными способами³:

- а) образованием (одводжованём / деривацией / дериваціов);
- б) сложением, соединением (складанём / композитным способом словообразования / композиціов).

В русинском языке выделяют несколько способов словообразования:

- а) деривационный / деривачный – к одной словообразовательной основе прибавляется один или больше словообразовательных формантов: *писа-тель*, *Під-карпат-я*;

б) композитный способ / композічний – сочетаются две основы или слова: *благожеланя, літ-о-пис, кул-ё-мет, камін-ё-лом; чорно-білий, кіловат-година*;

в) комбинированный / комбінований (компози́чно-деріва́чний) – в одном словообразовательном действии связываются две основы с формантом: *сто років → сто-роч-а, лапати мухы → мух-о-лап-ка*.

Типы словообразования русинского языка с учетом характера дериватора

Типы словообразовательно-мотивационной системы языка⁴ (русин. *словотворно-мотівачна / словотворна система языка*) выделены на основе концепции словацкого ученого Ю. Фурдика: выделяются словообразовательные типы в соответствии с типом форманта, прибавляющимся к словообразовательной основе. Словообразовательные типы в русинском языке изображены на схеме 2:

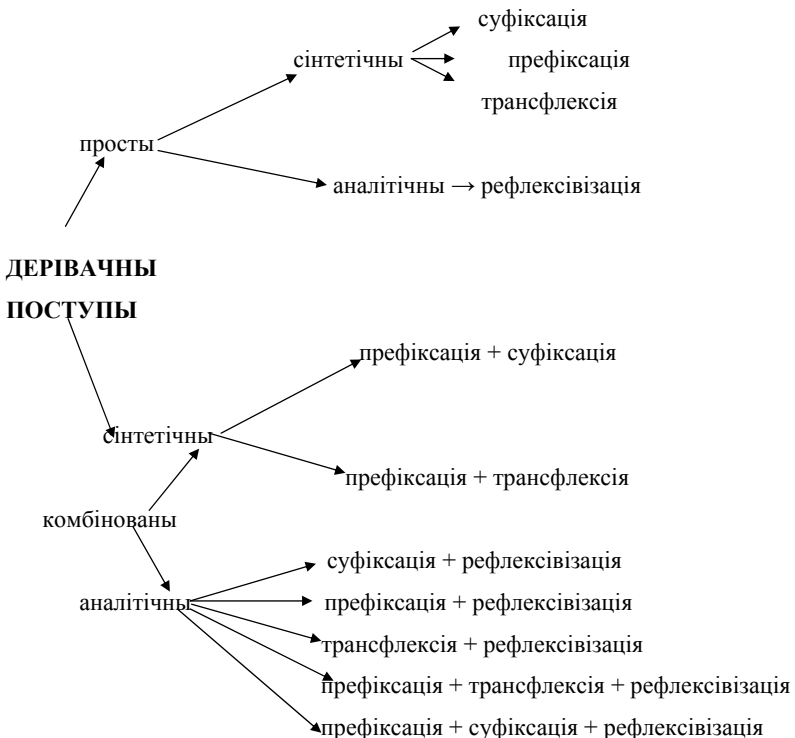

Схема 2. Словообразовательные типы на основе типа форманта.

Источники: Furdik 2004: 65; Плишкова 2011: 71.

В русинской классификации выделяются простые и комбинированные, синтетические и аналитические группы формантов, внутри которых находятся многочисленные типы словообразовательных формантов.

Самым продуктивным способом словообразования в русинском языке является суффиксация, т.е. присоединение суффиксов к корням и основам слов. Суффиксация – это простой синтетический деривационный способ, доминирующий при образовании субстантивов (Плишкова 2011: 70). С точки зрения синхронии, русинский язык для образования субстантивных дериватов использует несколько десятков суффиксов, таких, как *-ок, -ар', -ач, -ак, -ик, -ник, -ан(-чан), -ец', -тел', -іц'(а), -к(а), -ічк(а), -ба, -ко, -а, -ча, -ин(а), -иск(о), -ищ(е)* и мн. др.

В процесс заимствования и адаптации чужих словообразовательных формантов используются следующие суффиксы: *-іста, -ант, -ат, -ер, -ор, -ія* и др., а также префиксы: *анти-, архи-, дис-, де-, віце-* и др. (Ябур, Плішкова 2009: 125–135).

Среди других деривационных способов словообразования субстантивных дериватов можно выделить такие, как:

а) **префиксация** – образование дериватов, при котором новое слово образуется путем присоединения приставки: *під-плуковник, екс-приматор, не-шофер, перед-слово, при-спів, над-вага* и др.; данный способ доминирует при глаголах: *писати – на-писати, спати – пере-спати, летіти – вы-летіти*;

б) **трансфлексия** – словообразование при помощи комплекса грамматических (соединительных) морфем, выполняющих роль словообразовательного форманта; для обозначения трансфлексии в лингвистике используется также термин *конверсия*, т.е. образование путем нулевого суффикса (безаффиксное словообразование);

в) **универбизация** – создание одного слова из словосочетания при помощи суффикса: *мінерална вода → мінерал-ка, учитель математики → математік-арь, асфальтова путь → асфалт-ка* и др.;

г) **рефлексивизация** – добавление возвратного местоимения или аффикса *ся, собі/сі*;

Данный аналитический способ может быть одноструктурным: *мыти → мыти ся, любити → любити ся*, или комбинированным: *бавити → за-бавити ся, повісти → од-повісти собі/сі*;

д) **конфисация** – комбинированный способ деривации, при котором используются двойные, иногда тройные форманты в одном словообразовательном действии.

Среди комбинированных формантов выделяются:

– **префиксально-суффиксальный способ деривации** (комбинация префикса и суффикса): *грудь – по-груд-ніця, путь – рос-путь-я*;

- **префиксально-трансфлексный способ** (префикс и грамматическая морфема): *червен-ый* → *с-червен-ї-ти, садити* – **по-сад-и-ти**;
- **префиксально-рефлексивный способ** (префикс плюс самостоятельная морфема *ся, собі/сі*): *жыти* → **до-жыти ся, позерати** → **по-позерати собі/сі**;
- **суффиксально-рефлексивный способ** (суффикс плюс самостоятельная морфема *ся, собі/сі*): *лижы* → **лиж-овати ся, білый** → **біл-и-ти собі/сі**;
- **трансфлексно-рефлексивный способ** (грамматическая морфема плюс самостоятельная морфема *ся, собі/сі*): *приятель-Ø* → **приятел-и-ти ся, сіль-Ø** – **сол-и-ти собі/сі**;
- **префиксально-трансфлексно-рефлексивный способ** (префикс, грамматическая морфема и самостоятельная морфема *ся, собі/сі*): *крив-ый* → **с-крив-и-ти ся, роб-и-ти** → **по-роб-и-ти собі/сі**;
- **префиксально-суффиксально-рефлексивный способ** (префикс, суффикс и самостоятельная морфема *ся, собі/сі*): *співати* → **по-спів-овати собі/сі, хмара** → **за-хмар-и-ти ся** (Plišková 2015: 172).

К самым продуктивным способам образования deverbальных, десубстантивных и деадъективных субстантивов относятся:

- **девербативный**: *біг-а-ти* → *біг-Ø P* (P – нулевая морфема), *крича-ти* → *крик-Ø*, *плак-а-ти* → *плач-Ø*, *гр-а-ти* → *гра-Ø* и др.;
- **десубстантивный**: *кум-Ø* → *кум-а, сусід-Ø* → *сусід-а, камінь-Ø* → *камін-я, географ-ія* → *географ-Ø* и др.;
- **деадъективный**: *стар-ый* → *стар-оба*, *добр-ый* → *добр-ота*, *лінив-ый* → *лінив-ство*, *чорн-ый* → *чорн-іця* и др.

Среди продуктивных способов образования других частей речи находятся следующие:

- **десубстантивные адъективы**: *злат-о* → *злат-ый, здрав-я* → *здрав-ый*;
- **десубстантивные глаголы**: *кос-а* → *кос-и-ти, жаль-Ø* → *жал-ї-ти*;
- **деадъективные глаголы**: *біл-ый* → *біл-и-ти, ясн-ый* → *ясн-ї-ти*;
- **девербативные глаголы**: *бити* → *за-бити, быти* → *пере-быти, жыти* → *про-жыти, лячі* → *з-лячі* и др.
- **деадъективные наречия**: *красн-ый* → *красн-о, прост-ый* → *прост-о*;
- **денумеральные порядковые числительные**: *вісем-Ø* → *восьм-ый, десять-Ø* → *десят-ый*.

Поскольку суффиксальный способ словообразования в русинском языке является одним из самых продуктивных, рассмотрим морфематическую структуру слов: *вихователь / вихователька* (русин.) / *vyčovávateľ/vyčovávateľka* (словац.) / *воспитатель / воспитательница* (рус.). Морфематическая структура слова многоступенчатая,

словообразовательная структура дериватемы двухсоставная (бинарная).

Строение слова по морфемам (лексема словацкого языка): *učov-áv-a-tel'-k-a*: *učov-* префиксально-деривационная (слов. *prefixálna derivačná*), *-čov-* корневая (слов. *koreňová*), *-áv-* модификационная (слов. *modifikačná*), *-a-* тематическая (*tematická*), *-tel'* деривационная (слов. *derivačná*¹), *-k-* деривационная (слов. *derivačná*), *-a-* реляционная (слов. *relačná*²).

Строение слова по морфемам (лексема русинского языка): *вы-хов-а-тель-к-а* подобно словацкому.

Строение слова по морфемам (лексема русского языка): *воспит-а-тель-ниц-а*: [*воспит*] корень + [*а*] суффикс + [*тель*] суффикс + [*ниц*] суффикс + [*а*] окончание.

Таким образом, пример свидетельствует о производном словообразовании, т. к. оно образовано одним суффиксальным способом.

Русское слово имеет простую основу слова (один корень), она производная, членимая (есть словообразовательные аффиксы).

С точки зрения словообразования, слово *выхователька* делится на две части: словообразовательную основу *выхователь* (мотивант без грамматических морфем) и словообразовательный формант *-ка* (суффиксально-деривационная морфема и флексивная морфема), показывающий на лицо женского пола. В словацком и русинском языках формант используется для образования женского рода от существительных мужского рода (словац. *prechyľovať*): *riaditeľ – riaditeľka*; *doktor – doktorka*, *lekár – lekárka*, *manžel – manželka*.

В словацком и русинском языках в словообразовательном процессе участвуют пять аффиксальных морфем.

В русском эквиваленте не присутствует префиксальная морфема, а есть корневая и четыре аффиксальных морфемы. С точки зрения словообразования, лексема *воспитательница* делится на две части: словообразовательную основу *воспитатель* (мотивант без грамматических морфем) и словообразовательный формант *-ница* (суффиксально-деривационная морфема и флексивная морфема). Суффикс *-ниц-а*, во-первых, обозначает лицо женского пола; во-вторых, при помощи его образуются существительные для обозначения лиц женского пола по их отношению к профессии, учреждению, роду занятий и т. д. (*воспитательница*, *учительница*, *писательница*, *работница*); в-третьих, суффикс *-ниц-а* присоединяется непосредственно к существительным мужского рода на *-тель* или заменяет суффикс мужского рода *-ник* (с чередованием *к/ц*) (Валгина 2002: 128).

Интересным случаем в словацком, русинском и русском языках являются способы словообразования отглагольных существительных,

т. н. общих синонимов, у которых очень похожая словообразовательная структура, но они отличаются формантами. Эту вариативность плана выражения сопровождает вариативность плана содержания; речь идет о связи словообразующей синонимии со ступенчатостью лексикализацией слова. Например, тип – производитель действия. К нему можно отнести слова из словацкого языка *pisateľ* (автор любого письменного высказывания) – *pisár*.

Словацкая лексема *pisateľ* (в переводе на русский: *автор, создатель*) в «Словаре современного словацкого языка» толкуется как автор **любого письменного** высказывания (Buzássyová, Jarošová 2011: 87), а русское слово *писатель* (переводим на словацкий как *spisovateľ*), согласно комментарию «Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой», – это человек, который занимается литературным трудом, пишет **художественные литературные произведения** (Ожегов, Шведова 2006: 518). В близкородственном русинском языке также есть лексема *писатель* (русинский синоним *повідкарь*), которая имеет то же значение, что и в русском языке. Формы слов *pisateľ* и *писатель* тождественны в словацком, русском и русинском языках, но у них разное значение. Эти лексические единицы могут вызывать у носителя языка в контексте языковых контактов неправильные ассоциации. Данное явление мы относим к славянской межъязыковой омонимии. Но поскольку расхождение в плане содержания наблюдается в отдельных оттенках значения или в сфере употребления, то некоторые авторы для обозначения явлений подобного рода предпочитают использовать термин *межъязыковые квазисинонимы* (Buzássyová 1997: 73).

Вторая словацкая лексема – *pisár* (русский эквивалент: *переписчик, писарь*, (истор.) *писец*) обозначает лицо, переписывающее, например, документы, указы и др. (Buzássyová, Jarošová 2011), в русинском языке присутствует синонимичная лексема *писарь* (*писарька*), в русском языке лексема *писарь* имеет ту же форму и значение, что и в вышеупомянутых славянских языках.

Словацкие лексемы *pisateľ* и *pisár* имеют одинаковое общее словообразовательное значение, но они отличаются частичными словообразовательными значениями, которые можно описать путем сопровождающих (дифференциальных) признаков (Buzássyová 1974). Слова различаются прежде всего по принципу лексической мотивации, вытекающей с различного объекта действия (противоположность окказиональной и постоянной деятельности). По словам К. Бузашшиовой (Buzássyová 1974: 87), такие же отношения имеют место между префиксальными дериватами: *odpisovateľ* (тот, кто списывает, воспроизводит что-то) / рус. *списчик* (вагонов), *списатель*

(церк.), *pisateľ, sočiniteľ, spisčik, -čiца, spisovateľ* – *odpisovač, prepisovateľ* – *prepisovač* (переписчик древних документов) / *переписчик* (составитель рукописных книг, *писец* – устар.; в наше время чаще всего используется для обозначения переписчика VHS-кассет; тот, кто занимается переписью населения). Итак, при словообразовательном анализе необходимо учитывать основную парадигматическую мотивацию, а также лексическую, звуковую, семантическую, синтаксическую и фразеологическую. Все типы взаимообусловлены и синергетически взаимодействуют.

На основе вышесказанного можно констатировать, что русинский язык имеет пестрый набор словообразовательных суффиксов. Набор словообразовательных основ обширен, открыт, но переменчив. Словообразовательные форманты также представляют богатый комплекс, но он относительно ограничен и изменяется в течение длительного времени. Их количество сложно точно подсчитать. Иногда даже трудно установить, когда это самостоятельный формант, а когда условный вариант. Во внимание необходимо принимать и динамические процессы заимствования, и адаптацию чужих формантов вместе с новыми лексемами.

Заключение

В данной статье мы выявили методологические предпосылки исследования словообразования в русинском языке, используя научные концепции словацкого и русского словообразования (Нещименко 1987). Русинская дериватология является самостоятельной и активно развивающейся наукой, которая использует знания других дисциплин: фонетики, семантики, морфологии, синтаксиса, фразеологии, ономастики. Основной единицей словообразования является дериватема (*derivátema*), причем понимается в широком смысле слова и как мотивант, и как мотиват. В узком смысле дериватема используется только для обозначения дериватов и сложных слов (композигов).

В словацко-русинской терминологии термин *slovotvorná motivácia* / *словотворна мотивація* становится основополагающим понятием дериватологической концепции. В русской теории словообразования используются термины *мотивология, мотивированность, мотиват, мотивант, мотивема (мотивируемое слово)*. В близкородственных языках практически каждое полнозначное слово может вступать в мотивированные отношения как основное слово / *základové slovo* (*motivant* / *мотівант*) или как составное слово / *zložené slovo* (*motivované slovo* / *мотівоване слово, motivát* / *мотіват*). Основное сло-

во не обязательно должно быть мотивированно. Основным типом мотивированного отношения является такое отношение, в котором мотивантом является немотивированное слово.

Русинский язык Восточной Словакии богат словообразовательными формантами аффиксного типа, который свойствен всем славянским языкам. Это свидетельствует об их генетической связи. К общеславянским явлениям относятся аффиксация (в виде префиксации, суффиксации и префиксально-суффиксации типа *робити – переробити*, *млин – млинарь*, *путь – розпутья*), конверсия морфологических форм (*бігати – біг*, *кричати – крик*), сложение (*літопис*, *кулёмет*, *горізнач*), и аббревиация. Суффиксальный способ словообразования в русинском языке касается таких названий, как лицо, конкретные предметы, явления.

В русинском языке развиты словообразовательная система и ономаσιологические категории. Передаваемые структуры знаний между коммуникантами связаны с определенными словообразовательными конструкциями. Словообразовательная среда, по мнению Е.С. Кубряковой, работает как среда порождающая, в которой «каждая единица способна не только к простому ее воспроизведению в тексте, но и к аналогическому ее повторению в серии единиц» (Кубрякова 2004: 393). Производное слово выступает как единица хранения, «извлечения, получения и систематизации нового знания» (Кубрякова 2004: 393).

К основным словообразовательным признакам русинского языка относится деление всех слов на корневые (непроизводные, словообразовательно немотивированные) и производные (мотивированные). Например, в русинском языке слово *лавочка* мотивированно словом *лавка*; слово *гусярь* – словом *гуслі*; слово *чорнявий* – словом *чорный*; слово *присісти* – словом *сісти*.

При сравнении словообразовательного процесса слов *вихователька / vychovávateľka / воспитательница* в словацко-русинско-русском плане был выявлен словообразовательный формант – суффикс *-к-а*, суффикс *-ниц-а*, указывающие на лицо женского пола и на отношение к профессии. Единицы русинского и словацкого языков в данном случае демонстрируют близость способа словообразования.

Таким образом, рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод, что русинский язык имеет очень богатую систему суффиксов, которая по развитости и когнитивному потенциалу превосходит систему префиксов. У каждой части речи имеется собственный набор суффиксов, которые выполняют в этом случае свои понятийно-когнитивные функции. Самую разнообразную и богатую систему суффиксов имеет имя существительное.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Sovietski autori venovali pozornosť najmä vymedzeniu pojmu slovotvorného modelu (typu), v ktorom videli základnú klasifikačnú jednotku slovotvorného systému (Vinokur, Levkovskaja, Kovalyk) (Furdík 1969: 67).

2. В словацком языкознании словообразовательно мотивированное слово – это билатеральная, формально-семантическая лексическая единица (Ološtiak 2017: 46).

3. Первую развернутую классификацию способов образования в русском языке предложил В.В. Виноградов: а) морфологическое словообразование; б) морфолого-синтаксическое словообразование (синхронный подход); в) лексико-синтаксическое словообразование (диахронный подход); г) лексико-семантическое словообразование (диахронный подход) (Белошাপкова 1989: 318–319).

4. С учетом характера дериватора в русском языке выделяют следующие типы словообразования: суффиксация, префиксация, постфиксация, префиксально-постфиксальный, суффиксальный-постфиксальный (Шведова 1980: 139). П.А. Лекант строит классификацию типов словообразования в плане синхронии с учетом характера форманта: 1) аффиксальные: префиксальный, суффиксальный, постфиксальный, префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный; 2) безаффиксные – с дериватором «операционного» типа: конверсия, сокращение, сложение (чистое сложение, аббревиация, словосложение, сращение); 3) смешанные: префиксально-сложный, суффиксально-сложный, сложение с префиксацией и суффиксацией, сращение суффиксацией, сокращение с суффиксацией, сокращение с префиксацией и суффиксацией (Лекант 2007: 212).

ЛИТЕРАТУРА

Белошাপкова 1989 – *Белошাপкова В.А.* (отв. ред.). Современный русский язык. Издание второе, испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.

Блинова 1974 – *Блинова О.И.* Проблемы диалектной лексикологии. Томск, 1974.

Блинова 2007 – *Блинова О.И.* Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 394 с.

Валгина 2002 – *Валгина Н.С.* Современный русский язык: учеб. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с.

Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Лекант 2007 – *Лекант П.А.* (отв. ред.). Современный русский язык: учеб. для студет. вузов. М.: Дрофа, 2007. 557 с.

Нещименко 1987 – *Нещименко Г.П.* (отв. ред.) Сопоставительное изучение словообразования славянских языков: материалы симп. 4–7 дек. 1984 г. М.: Наука, 1987.

Ожегов, Шведова 2006 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

Плишкова 2011 – *Плишкова А.* Найфреквентованішы словотворны поступы субстантивних дериватів // *Literárna tvorba M. Maľcovskej v kontexte súčasnej rusínskej literatúry: zborník príspevkov z Medzinárodného literárneho seminára k nedožitým 60-tym narodeninám autorky, 2 decembra 2011 / ed. M. Beňková.* Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2011. S. 68–80.

Шведова 1955 – *Шведова Н.Ю.* (ред.) Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1955. 211 с.

Шведова 1980 – *Шведова Н.Ю.* (отв. ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.

Ябур, Плишкова 2009 – *Ябур В., Плишкова А.* Сучасний русинський списовний язык. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові – Інститут русинського языка і културы, 2009.

Buzássyová 1974 – *Buzássyová K.* Sémantická štruktúra slovenských deverbatív. Bratislava: Veda, 1974. 235 с.

Buzássyová 1997 – *Buzássyová K.* Lexikálna synonymia v slovníkovom spracovaní // *Slovenská reč.* 1997. Roč. 62, č. 2. S. 72–79.

Buzássyová, Jarošová 2011 – *Buzássyová K., Jarošová A.* (Eds.) *Slovník súčasného slovenského jazyka.* Bratislava: VEDA, 2011. 1087 s.

Dokulil 1963 – *Dokulil M.* Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti „tvoření slov“ // *Slovo a slovesnost.* Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky. 1963. Roč. 24, č. 2. S. 85–105.

Dokulil 1968 – *Dokulil M.* Stav a úlohy zkoumání morfologické stavby současné češtiny. In: *Slovo a slovesnost.* Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 1968. Roč. 39. S. 231–236.

Dvonč 2002 – *Dvonč, L.* Súpis prác profesora Juraja Furdíka za roky 1995–2002 // *Slovenská reč.* 2002. Roč. 67, č. 6. S. 371–374.

Ološtiak 2017 – *Ološtiak M.* Slovtvorba, slovnodruhovú prechody, preberanie a skracovanie lexém. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2017. 120 s. URL: <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Olostiak11> (дата обращения: 8.11.2018).

Plišková 2015 – *Plišková A.* Lexikológia a slovtvorba rusínskeho jazyka.

Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2015. 194 s.

Furdík 1969 – *Furdík J.* O súčasných smeroch slovtvorného výskumu // *Jazykovedný časopis*. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1969. Roč. 20, č. 1. S. 63–78.

Furdík 1971 – *Furdík J.* Zo slovtvorného vývoja slovenčiny. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1971. 81 + 2 s. V rozšírenej podobe publikované // *Život so slovtvorbou a lexicológiou. Výber štúdií pri príležitosti nedežitých sedemdesiatin* / Eds. M. Ološtiak, L. Gianitsová-Ološtiaková. Košice: Vydavateľstvo LG, 2005. S. 39–186.

Furdík 1995/1996 – *Furdík J.* Prednášky. Teória tvorenia slov. Prešov, 1995–1996.

Furdík 2004 – *Furdík J.* Slovenská slovtvorba. (Teória, opis, cvičenia) / Ed. M. Ološtiak. Prešov: Náuka, 2004. 200 s.

Furdík 2005 – *Furdík J.* Život so slovtvorbou a lexicológiou. Výber štúdií pri príležitosti nedežitých sedemdesiatin / Ed. Martin Ološtiak a Lucia Gianitsová-Ološtiaková. Prešov: Vydavateľstvo LG, 2005.

Furdík 2008 – *Furdík J.* Teória motivácie v lexikálnej zásobe / Editor: Mgr. Martin Ološtiak. Prešov: Vydavateľstvo LG, Košice, 2008. 95 s.

REFERENCES

Beloshapkova, V.A. (ed.) (1989) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Contemporary Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.

Blinova, O.I. (1974) *Problemy dialektnoy leksikologii* [Problems of Dialect Lexicology]. Tomsk: Tomsk State University.

Blinova, O.I. (2007) *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and its Aspects]. Tomsk: Tomsk State University.

Valgina, N.S. (2002) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Contemporary Russian Language]. 6th ed. Moscow: Logos.

Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya: Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Reception of the Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective: The Role of Language in Understanding the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Lekant, P.A. (ed.) (2007) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Contemporary Russian Language]. Moscow: Drofa.

Neshchimenko, G.P. (ed.) (1987) *Sopostavitel'noe izuchenie slovoobrazovaniya slavyanskikh yazykov* [A Comparative Study of Word Formation in Slavic Languages]. Moscow: Nauka.

Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: A TEMP.

Plishkova, A. (2011) Nayfrekventovanishy slovotvorny postupy substantivnykh derivativ [The most frequent word-formation approaches of nominal derivatives]. In: Beňková, M. (ed). *Literárna tvorba M. Mal'covskej v kontexte súčasnej rusínskej literatúry* [The Literary Work of M. Maltsovskaja in the Context of Contemporary Rusin Literature]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry. pp. 68–80.

Shvedova, N.Yu. (ed.) (1955) *Osnovy postroeniya opisatel'noy grammatiki sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Bases for the Formulation of a Descriptive Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow: Nauka.

Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Yabur, V. & Plishkova, A. (2009) *Suchasnyy rusin'skyy spisovnyy yazyk* [The Contemporary Rusin Literary Language]. Prjashiv: Prjashivska univerzita v Prjashovi – Inshtitut rusin'skogo jazyka i kultury.

Buzássyová, K. (1974) *Sémantická štruktúra slovenských deverbatív* [Semantic Structure of Slovak Deverbatives/Deverbalis]. Bratislava: Veda.

Buzássyová, K. (1997) Lexikálna synonymia v slovníkovom spracovaní [Lexical synonyms in dictionary processing]. *Slovenská reč*. 2. pp. 72–79.

Buzássyová, K. & Jarošová, A. (eds) (2011) *Slovník súčasného slovenského jazyka* [Dictionary of the Contemporary Slovak Language]. Bratislava: VEDA.

Dokulil, M. (1963) Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti „tvoreni slov“ [On the concept of comparative characteristics of Slavic languages in the field of word formation]. *Slovo a slovesnost*. 24(1). pp. 85–105.

Dokulil, M. (1968) Stav a úlohy zkoumání morfologické stavby současné češtiny [Status and problems of morphological construction of contemporary Czech]. *Slovo a slovesnost*. 39. pp. 231–236.

Dvonč, L. (2002) Súpis prác profesora Juraja Furdíka za roky 1995–2002 [The List of Professor Juraj Furdík's Works for 1995–2002]. *Slovenská reč*. 67(6). pp. 371–374.

Ološtiak, M. (2017) *Slovotvorba, slovnodruhovú prechody, preberanie a skracovanie lexém* [Word Formation, Word Class Transitions, Borrowing and Shortening of lexemes]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. [Online] Available from: [//www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Olostiak11](http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Olostiak11). (Accessed: 8th November 2018).

Plishková, A. (2015) *Lexikológia a slovotvorba rusínskeho jazyka* [Lexicology and Word Formation in the Rusin language]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry.

Furdík, J. (1969) O súčasných smeroch slovotvorného výskumu [About contemporary trends in word-forming research]. *Jazykovedný časopis*. 20 (1). pp. 63–78.

Furdík, J. (1971) *Zo slovo tvorného vývoja slovenčiny* [From the Word-Formation Development of Slovak]. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. pp. 39–186.

Furdík, J. (1995/1996) *Prednášky. Teória tvorenia slov* [Lectures. A Theory of Word Creation]. Prešov: [s.n.].

Furdík, J. (2004) *Slovenská slovo tvorba (Teória, opis, cvičenia)* [Slovak Word Formation. (Theory, Description, Exercises)]. 1st ed. Prešov: Náuka.

Furdík, J. (2005) *Život so slovo tvorbou a lexikológiou. Výber štúdií pri príležitosti nedožitých sedemdesiatin* [A Life with Word Formation and Lexicology. Selected Studies Published Posthumously on the Occasion of his Seventieth Birthday]. Prešov: Vydavateľstvo LG.

Furdík, J. (2008) *Teória motivácie v lexikálnej zásobe* [The Theory of Motivation in the Lexical Word Stock]. Prešov: Vydavateľstvo LG, Košice.

Петрикова Анна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

Anna Petrikova – Prešov University (Slovakia).

E-mail: anna.petrikova@unipo.sk

Плишкова Анна – доктор философии, доцент, социолингвист, директор Центра языков и культур национальных меньшинств – Института русинского языка и культуры Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

Anna Pliskova – Prešov University (Slovakia).

E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

УДК 811.163+811.161.

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/19

К ВОПРОСУ О КАРПАТИЗМАХ И БАЛКАНИЗМАХ В БОЛГАРСКИХ ГОВОРАХ ЮГА УКРАИНЫ: ОВЦЕВОДСТВО

В.А. Колесник

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
Украина, 65082, г. Одесса, Дворянская, 2
E-mail: vakolesnik2@gmail.com

Авторское резюме

В статье исследуются карпатизмы и балканизмы в болгарских переселенческих говорах юга Украины. Целью работы является определение корпуса карпатоукраинско-болгарских лексических параллелей на материале болгарских переселенческих говоров юга Украины. Изучив материалы болгарских переселенческих говоров и сопоставив их с данными словарей буковинских и гуцульских говоров, мы зафиксировали более тысячи лексических карпатизмов и балканизмов, которые функционируют в болгарских переселенческих говорах юга Украины. Установлено, что в болгарских переселенческих говорах юга Украины в тематической группе «Овцеводство» отмечено значительное количество лексем, имеющих закарпатско-южнославянский ареал. Это названия овец по возрасту и полу, наименования загонов для овец и одежды пастухов. Среди них можно выделить карпатизмы и балканизмы, которые зачастую имеют разные значения в карпатских и в исследуемых болгарских переселенческих говорах. Болгарские говоры юга Украины как неотъемлемая часть болгарского языкового континуума, несомненно, должны привлекаться при анализе различного типа балканизмов и карпатизмов. Функционирование в диалектах карпато-балканского ареала некоторого общего корпуса лексико-семантических единиц, имеющих различный генезис, дает основание предполагать формирование здесь особой лингвистической общности, типологически близкой к «языковому союзу», но актуализированной лишь на одном – лексико-семантическом – языковом уровне. Поэтому украинские говоры карпатской зоны необходимо относить к языкам балканского языкового союза третьего ранга.

Ключевые слова: болгарская диалектология, болгарские переселенческие говоры, карпатоукраинско-болгарские лексические параллели, буковинские и гуцульские говоры, терминология овцеводства, языковые контакты.

ON CARPATHISMS AND BALKANISMS IN THE BULGARIAN DIALECTS OF THE SOUTH UKRAINE: SHEEP BREEDING TERMINOLOGY

V.A. Kolesnik

Odesa I.I. Mechnikov National University
2 Dvoryanskaya Street, Odesa, 65082, Ukraine
E-mail: vakolesnik2@gmail.com

Abstract

The article studies Carpathisms and Balkanisms of the Bulgarian transmigratory dialects of the South of Ukraine. The research aims at determining the corpus of the Carpatho-Ukrainian and Bulgarian lexical parallels on the material of the Bulgarian transmigratory dialects of the south of Ukraine. The author has studied the entries in the dictionaries of Bukovyna and Hutsul dialects to record more more than a thousand lexical Carpathisms and Balkanisms that function in the Bulgarian transmigratory dialects of the south of Ukraine. It has been established that the “sheep breeding” lexical-semantic group in the Bulgarian transmigratory dialects of Southern Ukraine features a significant number of lexemes of the Transcarpathian-South Slavic area, including names of sheep by age and gender, names of sheep pens, and names of shepherd’s clothes. Among them, there are Carpathisms and Balkanisms with different meanings in Carpathian and Bulgarian transmigratory dialects. The Bulgarian dialects of the south of Ukraine as an integral part of the Bulgarian language continuum are to be involved in the analysis of various types of Balkanisms and Carpathisms. A general corpus of lexical and semantic units of different genesis, functioning in the Carpathian-Balkan area dialects, suggests the development of a special linguistic community that is typologically close to a “linguistic area”, yet existing on the lexico-semantic level only. Therefore, the Bulgarian transmigratory dialects, as well as the Ukrainian dialects of the Carpathian zone, are to be attributed to the third rank languages of the Balkan language area.

Keywords: Bulgarian dialectology, Bulgarian transmigratory dialects, Carpathian-Ukrainian-Balkan lexical parallels, Bukovynian and Hutsul dialects, sheep breeding terminology, linguistic contacts.

Постановка проблеми. Причини создавшейся языковой ситуации на Балканах, которая способствовала трансформации синтетических славянских форм в аналитические, в современном балканском

языкознании объясняются в основном языковыми контактами. Возникновение балканского языкового союза (БЯС) обусловлено языковой интерференцией, различными формами билингвизма, восходящими к субстрату, адстрату и суперстрату (Георгиев 1972: 401). Языковой союз рассматривается как остановившееся на полпути движение языков к интеграции (Георгиев 1972: 409). Именно в результате языковых контактов и возникли в болгарском языке инновации, названные позже балканизмами. Под балканизмом понимают все возможные реорганизации грамматической структуры, вызванные качественными и количественными изменениями в условиях балканской языковой среды, при этом берутся во внимание не только чисто балканские языковые модели, но и различные реорганизации исконно славянского материала в условиях балканской языковой среды (Лашкова 1997: 132). К грамматическим балканизмам традиционно относят наличие постпозитивного артикля (в албанском, болгарском, македонском, румынском языках), поссессивного датива, аналитических форм прошедших и будущих времен, замена инфинитива *да*-конструкциями, образование сравнительной и превосходной степени сравнения прилагательных при помощи частиц *по*, *най*- и некоторые другие. Эти черты присущи языкам БЯС первого ранга (албанскому, болгарскому, македонскому, румынскому). Во вторую группу входят греческий, сербский и штоковские говоры хорватского языка. Дискуссионным в балканонологии является вопрос о языках БЯС третьего ранга, поскольку они не находятся на Балканском полуострове, но имеют определенное количество общих лексических (лексико-семантических) элементов с балканскими языками первого ранга. Это турецкий, словенский, венгерский языки и украинские карпатские говоры (Георгиев 1972: 401; Нимчук 1988: 310).

Болгарский язык принадлежит, с одной стороны, к славянской семье – южнославянской, а с другой – к балканскому языковому союзу. Длительное функционирование болгарского языка в балканском языковом окружении изменило, «балканизировало» его грамматический, фонетический и лексический строй, в результате чего он стал членом языковой семьи по отношению к славянским языкам и одновременно с этим членом языкового союза – балканского. Среди других балканских языков болгарский также занимает особое место. Он находился в прямом контакте с каждым из балканских языков и был посредником их взаимовлияния. Полнота и последовательность, с которой представлены балканизмы в болгарском языке, позволили охарактеризовать его как инвариант балканского языкового типа, эталон балканского языкового союза (Асенова 1989: 13) среди бал-

канских языков и «классическим и экзотическим» (Иванчев 1988: 3) среди славянских.

Последние десятилетия XX в. характеризовались становлением и быстрым развитием карпатского языкознания – сравнительно нового направления в ареально-типологической лингвистике. Актуализуются ареально маркированные аспекты славянской диалектологии и лингвогеографии. Термин *карпатские говоры* традиционно включает все говоры вдоль украинских Карпат – гуцульские, закарпатские, бойковские, лемковские и покутско-буковинские. Создание «Общекарпатского диалектологического атласа» (ОКДА) подтвердило важность карпатологических студий для развития славянской диалектологии в целом, в т. ч. числе славянской лингвогеографии. Новые ареалогические данные, отраженные в ОКДА, позволяют значительно расширить контекст, в котором исследуются карпатославянские языки (соответственно, диалекты), и в первую очередь – в отношении реализации тенденции их конвергентного развития. Отмечена необходимость разграничения карпатизмов и балканизмов в украинских карпатских говорах: «Много общих элементов является следствием ассимилированных тех древних индоевропейских языков, которые были распространены на территории Дакии, Паннонии, Мизии и на соседних территориях. Эти элементы в украинских говорах в такой же степени могут считаться южнославянизмами, как и в южнославянских языках – украинизмами. Поскольку эти элементы представлены в румынском языке, иногда – в венгерском, следовало бы все эти общие элементы называть карпатизмами» (Бернштейн 1967: 16). Более поздние заимствования из языков балканского ареала являются *балканизмами*. При этом следует разграничивать более давние элементы – *карпатизмы* и более поздние – *балканизмы*. Основным источником распространения балканизмов в карпатском ареале были восточнороманские языки. Многие балканские инновации могли одновременно возникнуть в разных зонах БЯС, в частности в южнославянской, в результате контактов с ассимилированным населением, язык которого в балканском ареале рассматривается как субстрат.

Следует отметить, что продолжают дискуссии относительно происхождения некоторых лексем-балканизмов. Это связано с недостатком сведений об автохтонных языках. В результате углубленного этимологического анализа лексики общекарпатской и карпатской локализации, которая квалифицировалась как лексика субстратного происхождения, установлены точные фонетические, морфологические и лексические соответствия в разных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках и диалектах в функции как нарицательных названий, так и онимов (личных имен, топонимов)

(Асенова 1989: 11). Для определения лексического субстрата особое значение имеют албано-румынские параллели. Многие общие черты болгарского и румынского языков могут быть объяснены влиянием фракийского субстрата. К общебалканской лексике субстратного происхождения, по мнению П. Асеновой и В. Георгиева, принадлежат лексемы:

болг. *балан* 'животное с белым пятном на лбу' – дако-мизийская;
болг. *грив* 'серый, сивый, пятнистый – о животном' – фракийская;
болг. *скрум* 'что-то горелое, горелая шерсть' – дако-мизийская;
болг. диал. *струнга* 'место доения овец' – дакийская (Георгиев 1972: 403–405; Асенова 1989: 11).

Нетрудно заметить, что все они входят в тематическую группу «Овцеводство». Исследователи отмечают, что балканизмы слабо представлены в Македонии и Фессалии, но характерны для Эпира – зоны прямого языкового взаимодействия между греками, албанцами, арумынами и южными славянами. Этимология многих общебалканских лексем остается неясной, поскольку они могут не иметь соответствий в родственных языках, но иметь параллели в соседних. К таким лексемам, например, относят: болг. диал. *бач* 'пастух, сыровар', которая имеет балкано-карпатский ареал распространения (Асенова 1989: 46); болг. диал. *урда* 'вид сыра', болг. *шут* 'безрогий' – лексема известна и в украинских диалектах (Клепикова 1974: 31). Балканизмами являются и лексемы *коч*, *хазман*, *дзвиска*, *шили*, *струнга*, *сая*, *турма*, *сурия*, *фандачка*, *хагъл*, *сайвант*, *курбан*, *кулестра*, *кърлига*, *колиба*, *каварма*, которые зафиксированы в «Словаре балканизмов» В. Будзишевской как заимствования из турецкого языка, *реже* – из греческого.

Общая характеристика материала. Карпатоукраинско-болгарские лексические соответствия впервые отметил Ю.И. Венелин, комментируя славянские грамоты южнокарпатского региона, однако тогда никто из лингвистов на эти соответствия не обратил внимание (Венелин 1840: 20). Лишь в 30-е гг. XX ст. В. Погорелов в материалах по украинским закарпатским говорам, собранным украинским диалектологом И. Верхратским, нашел характерные черты, которые, по его мнению, заимствованы из болгарского языка и свидетельствуют о контактах предков закарпатских украинцев с болгарскими до прихода венгров в бассейн Тисы и Дуная. Таковыми автор считал:

1) образование превосходной степени сравнения прилагательных при помощи частицы *май* < **нау*: *май слабый*, *май лютый*, *май высокий*; степень сравнения образуется в карпатских говорах также ударной частицей *по-*: *пóкороткий*, *пóширокий*, *пóддовгий*;

2) употребление формы дательного падежа личных местоимений в значении притяжательного, т. е. употребление дательного притяжа-

тельного вместо родительного (поссесивный датив): *говорить жона ми* и др.;

3) употребление неизменяемого «местоимения» *що* вместо *который*, *котрый* (*росте верба над водою, що я йш садила*);

4) редупликация предлога *с* (з) – *зоз, зос*: *зоз другыми газдома*;

5) лексические маркеры: функционирование в восточных карпатских говорах слов: *балта* 'топор', *бердо* 'возвышенность, гора, холм', *брич* 'бритва', *дойка* 'мать, кормилица', *жеб* 'карман', *копилец* 'внебрачный ребенок', *мерша* 'падло, дохлятина', *пазити* 'беречь', *перть* 'тропинка, по которой ведут овец, узкая тропинка', *полонина*, *псовать*, *сербати*, *твердо* 'очень', *читавый* (Погорелов 1935: 3–7).

В.В. Нимчук вопрос о связи всех карпатоукраинских диалектов со всеми южнославянскими языками рассматривает также в контексте давних контактов, а не поздних заимствований. Так, он подчеркивает, что наиболее убедительные сведения о существовании в далеком прошлом давних языковых контактов между южнославянскими и восточнославянскими племенами, в частности белыми хорватами, дает изучение отдельных групп лексики, особенно абстрактной. Отмечено также, что лексические карпато-балканские параллели зафиксированы и в других украинских говорах – лемковских, бойковских, гуцульских и даже подольских: *бир* 'кладка', *грань* 'жар', *копыл* 'внебрачный ребенок', *пырт*, *перт* 'тропинка, протоптанная в снегу; протоптанная скотом', *звур* 'горный ручей, источник, поток', *полонина*, *токма* 'договор (о цене)', *млака* 'болотистая местность'. Некоторые из этих лексем функционируют в словацких говорах (*прт*, *млака*, *токма*) и гуральских польских (Нимчук 1988: 298).

Исследователи отмечают, что изучение карпатоукраинско-южнославянских лексических тождеств может открыть интересные страницы восточнославянско-болгарских контактов в эпоху Первого Болгарского царства – X–XI вв., владения которого доходили до Тиссы и Карпат, и в XII в., когда земли Галицкого княжества достигали Дуная и Черного моря. Позже (XIII–XVII вв.) контакты происходили на территории Молдавии и Трансильвании (Нимчук 1988: 305). Таким образом, контакты восточных славян с наддунайским населением продолжались на протяжении многих столетий и могли быть постоянным источником проникновения в восточнославянскую среду балканских языковых и культурных влияний.

Общая характеристика материала. Процесс диалектной конвергенции, характерный для современных славянских языков, в т. ч. и для болгарского, на территории Бессарабии проходил неравномерно. Он не доходил до интеграции – слияния, смешения разных диалектов. Исследования, проведенные нами в 15 болгарских селах, где уже более

200 лет проживают носители разных болгарских говоров, показывает, что субэтнические элементы говоров очень устойчивы. Это говоры сел Димитровка, Евгеновка, Заря, Каменка, Кирнички, Криничное, Кубей, Кулевча, Лощиновка, Новые Трояны, Ровное, Огородное, Островное, Суворово, Яровое. Исследуемые говоры представляют собой не конгломерат различных говоров, т. н. койне, а разные говоры, отличающиеся в основном фонетическими и лексическими особенностями: носители говора прочно сохраняют диалектные черты материкового говора. На наш взгляд, это можно объяснить как компактным проживанием, так и патриархальным укладом сельской культуры.

Функционируя почти два столетия в инославянской безартиклевой среде, болгарские говоры диаспоры сохранили аналитизм грамматической структуры, основные т. н. примарные балканизмы в именной системе – артикль, энклитические формы местоимений, удвоенное дополнение, аналитические глагольные формы, *да*-конструкции. При этом исконный пласт говоров более «балканизирован», нежели современный болгарский литературный язык. Он сохраняет и многие архаические лексические элементы. На наш взгляд, это можно объяснить капсулированием говоров болгарской диаспоры в районах компактного проживания. Подражательность, автоматизм употребления тех или иных форм – в большей степени свойство устной речи, каковой и является, в частности, диалектная речь.

Овцеводство – важный и наиболее распространенный элемент хозяйственной деятельности карпато-балканского региона. На это указывал один из первых исследователей болгарских колоний в России Н.С. Державин. Он, в частности, отмечал: «В истории колонизации Новороссийского края болгарскими поселенцами мы имеем некоторые данные, свидетельствующие о том, что в конце XVIII ст. и даже в начале XIX предки нынешних наших болгарских поселенцев... были преимущественно скотоводами... Современные частности народного быта, как, напр., болгарский дом, предметы домашней обстановки, пища, народные праздники и т.д., рисуют нам широкую картину их былого кочевого быта, в котором овцеводство было главным занятием народа и составляло главнейший, если не единственный, источник народного благосостояния. Еще в более раннюю пору предки наших болгар... питались молочными продуктами и овечьим мясом, провяленным на солнце или просоленным в кадках; для освещения употребляли овечий жир, отопляли свои юрты овечьим навозом; женщины пряли пряжу, ткали ковры и материи, мужчины пасли стада, стригли и доили овец, приготавливали сыр» (Державин 1914: 50).

На новых землях болгары занимались преимущественно овце-

водством. Поголовье овец к концу XIX ст. возросло почти в четыре раза: «Если в 1832 г. во всем Бессарабском Болгарском водворении насчитывалось 198 560 голов овец, то через 19 лет, в 1851 г., их было 781 152. При этом колонисты осуществляли замену грубошерстной породы на улучшенную, цыгайскую тонкорунную породу. Самыми распространенными породами овец в крестьянском хозяйстве и ныне являются *чушка / цушка, цыгая, меринос, волошская, курдючная, английская, стогоман, шпанка*. Овцеводство их кормило, одевало и обеспечивало им торговлю овцеводческой продукцией на внутреннем рынке, а также возможности вывоза ее за границу» (Грек 2018: 59). В диалектах находим подтверждение этим наблюдениям историков и этнографов. Пастушеская терминология является ценным материалом и при исследовании процессов колонизации, в частности т. н. валашской колонизации Карпат (Клепикова 1974). Лексика, связанная с овцеводством, составляет значительную группу карпатизмов и балканизмов.

Характеристика карпато-балканских параллелей. Материалом для нашего исследования послужили болгарские переселенческие говоры юга Украины. Для выделения карпатизмов привлечены два словаря. Первый – «Словарь буковинских говоров» под редакцией Н.В. Гуйванюк, в котором зафиксировано 11 816 диалектных слов из 227 населенных пунктов Черновицкой области. Исследуя его материалы, мы нашли более тысячи лексических карпатизмов и балканизмов, зафиксированных нами в болгарских говорах юга Украины. «Краткий словарь гуцульских говоров» под редакцией Я. Закревской значительно меньше по объему (225 страниц), но и в нем находим более 200 карпатизмов и балканизмов. Значительную часть этого лексического фонда составляет лексика, связанная с овцеводством.

Для определения балканизмов использовался «Словарь балканизмов в Эгейской Македонии» В. Будзишевской (Будзишевска 1983) и составленный нами «Словарь лексических балканизмов в болгарских переселенческих говорах юга Украины» (Колесник 2005). Основным критерием определения балканизмов является фиксация исследуемой лексемы в балканских языках первого ранга (албанском, болгарском, румынском), что определяется по этимологическим словарям (БЕР 1971–2012).

Обширную группу в болгарских говорах юга Украины в тематической группе «Овцеводство» составляют названия овец по возрасту и полу. Для общего названия женской особи используется общеславянская лексема *овца* (диал. *уфца / уфць, усца / усць, фца*). Для названия мужской особи – лексемы *овен, коч* – племенной баран и *хазман / азман* – кастрированный баран. При этом две из них (*коч* и

хазман) являются балканизмами, они употребляются и в настоящее время во всех балканских языках (Будзишевска 1983) и в некоторых тюркских (Азербайджанцы 2017: 203), что подчеркивает их тюркское происхождение. Кроме лексемы *агне / агни, йегни* (уменьшительное *агънци*), существуют названия ягненка до года – *шили*, после года – *дзвизак / дзвиздак, звизак, дзвиска / звиска*. Впервые оягнившуюся овцу называют *перваскиня / млада дзвиска*, дойную овцу – *сагмал, сагмалка*, бесплодную – *ялова*, старую овцу – *бабана*, ягненка, которого колят на Гергьовден, называют *гергьофче, гергьофско / гергьохсо агне, гергьофче, кужи, кужинце*. В болгарских переселенческих говорах зафиксированы также лексемы: *ланску шили, кужле, сукалчи, сирица, рогушка* (рогатая овца), *шута, чула* (безрогая овца), *кабак, тукан* (коч безрогий), *кудук* – овца, которая ходит за кем-то неотступно. В селе Новые Трояны зафиксированы нами, например, такие лексемы: *кюрпенци* – ягненок, которому 16 дней, *йегни* – до 9–10 месяцев, *шили* – ягненок до 1 года, *дзвиска* – овца от 1 года до 2 лет, *дзвиздак* – от одного года до двух лет, *пудойница* – овца, у которой есть маленькие ягнята, *майка* – овца, которая второй раз окотилась, *коч* – баран двухлетний, *азман* – баран кастрированный, *бабана* – старая овца, *пърнайа* – порода овец с длинной шерстью, *шпанка* – короткошерстная овца, *тукал* – безрогий баран, *рогушка* – рогатая овца. Маркером этих говоров является раритетная лексема *кюрпе, кюрпенци*, а также лексемы *пърная, шпанка* и *тукал*. Все остальные лексемы встречаются почти во всех исследуемых болгарских переселенческих говорах, в литературном болгарском языке и в говорах метрополии.

Следует отметить, что в Болгарии пастушеская терминология довольно подробно отражена в серии региональных описаний истории и этнографии края. Так, в Ловеческом округе зафиксированы такие названия овец по возрасту и полу: *раниче* – ранний ягненок; *сугаре, загаре* – поздний; *агни, агънци, ягне* – ягненок от рождения до того времени, когда его отлучили от матери, *шили, шиле* – ягненок до 1 года, *дзвиска, звиска* – овца от 1 года до 2 лет, *дзвизак, звиськ* – от одного года до двух лет, *прас, зозак, матур, коч* – двухлетний баран, *сирица, подойница* – овца, которая потеряла ягненка, или его продали, старая овца – *мария, църба* (Ловешки край 1999: 50).

В исследуемых словарях карпатских говоров зафиксированы 5 лексем в этой подгруппе: *шутий / шута, чулий, чушка, цигайка / цигоя*. Так, в гуцульских говорах находим лексемы: *шутий* ‘безрогий баран или со сломанным рогом’ (Закревська 1997: 222), в буковинских говорах: *чулий* ‘безрогий’, *чушка* ‘с маленькими ушами’, *цигайка* ‘черная овца’, *шута* ‘безрогая’, *цигоя* ‘порода овец с длинной шерстью’ (Гуйванюк 2005: 623, 651, 654).

Помещения для овец в болгарских говорах Бессарабии имеют следующие наименования:

- летнее помещение для овец во дворе – *хагъл / агъл, гражд, укол*;
- зимнее помещение для овец во дворе – *сая, саичка, кошара*;
- огороженное место в степи – *търла, къшла, стръга, агъл / хагъл*;
- место, где доят овец и делают брынзу – *мандра, струнга, пирде*;
- части огороженного места в степи – *котурка, чардак, навес или шапрон, чипрон, чипрончи*.

В поле находится и жилье пастуха – *колиба (кулиба, кюлиба)*.

Зачастую помещение для овец во дворе и в степи называется одинаково. Наиболее употребительными лексемами в исследуемых болгарских переселенческих говорах являются *хагъл / агъл, кошара, търла, струнга*. Раритетными – лексемы *гражд* и *укол*. Лексема *гражд* в значении ‘летний овчарник, загон для скота’ зафиксирована нами только в чушмелийском говоре (у жителей с. Криничное Болградского района Одесской области и у переселенцев из этого села в с. Богдановка Запорожской области); она является маркером т. н. сыртских болгарских говоров. Лексема *укол* употребляется в говорах сел Новые Трояны и Огородное.

В литературном болгарском языке место, где живут овцы и зимой, и летом, называется *кошара*. Эта лексема употребляется почти во всех славянских языках и их диалектах, а также в румынском и венгерском языках. Чаще встречается в Средней и Восточной Болгарии. Общеупотребительными в болгарском языке являются также лексемы *обора, летовище* и название хижины пастуха *колиба*. В Западной Болгарии (во Врачанском, Трынском и Кюстендильском округах) чаще встречается лексема *сая* (Колев 2000: 112), которая в исследуемых переселенческих говорах употребляется в значении ‘зимнее помещение для овец во дворе’. Зимние и летние помещения для овец называются в болгарских говорах метрополии по-разному. Летние загоны для овец в Восточной Болгарии называются *къшли*, в Западной – *бачии*. В Северной Болгарии чаще употребляется лексема *агъл*, в Западной – *дайма, даяма*, а в Юго-Восточной – *слон (подслон)* (Колев 2000: 113).

В исследуемых карпатских говорах в этой подгруппе находим 7 общих лексем: *кошара, струнга, обора, гражд, колиба, гражд, летовище*. Так, в гуцульских говорах зафиксированы лексемы: *кошара* ‘временный загон для овец’, *струнга* ‘узкий проход в кошаре, через который пропускают овец для дойки’, *летовище* ‘летнее пастбище; время пребывания на пастбище’, *обора* ‘часть усадьбы; загон для животных’, *шопа* ‘1. помещение для хранения инвентаря; 2. помещение, в котором находятся животные’, *колиба* ‘хижина пастуха’, *стая* ‘постоян-

ное или временное летнее жилье пастухов, где они перерабатывают молочные продукты, *застайка* 'пристройка (к *стае*), где спят пастухи' (Закревська 1997: 52, 79, 103, 113, 139, 177, 190, 222).

В буковинских говорах употребляются лексемы *гражда* и *стая*. Лексема *гражда* в буковинских говорах имеет два значения: 1. 'кошюшня' 2. 'летний овчарник, загон для скота' (Гуйванюк 2005: 86), в гуцульских говорах у лексемы *гражда* три значения: 1. 'специальный тип ограды (высокий паркан из досок)'; 2. 'гуцульский двор, имение'; 3. 'старый заброшенный дом' (Закревська 1997: 54). Лексема *стая* также имеет два значения: 1. 'жилье пастухов; 2. отара овец, *струнга* 'загон для овец; узкий проход в кошаре' (Гуйванюк 2005: 651, 654). Обращают на себя внимание сохранение и продуктивность корня – *стай* в карпатских говорах, который продуктивен и в болгарском языке (*стая* – болг. лит. 'комната').

Среди названий построек в исследуемых болгарских переселенческих говорах к балканизмам принадлежат лексемы *хагъл / агъл*, *къшла*, *колиба*, *мандра*, *пирде*, *сая*, *струнга*, *търла*, *чардак*, *шапрон*. Это в основном заимствования из турецкого и греческого языков (Колесник 2005). В буковинских говорах зафиксирована лексема *бурдей*, заимствованная из румынского языка или через румынский: *бурдей* 1. 'землянка, бедное жилье'; 2. 'шалаш' (Гуйванюк 2005: 34). В исследуемых болгарских говорах лексема *бордей / бурдей* имеет значение 'землянка, бедное жилье', в чийшийском говоре (с. Огородное) – 'погреб'.

Названия стад овец также являются балканизмами, в основном тюркского происхождения (Колесник 2005). Обобщающая модель семантической дифференциации названий стад в исследуемых болгарских переселенческих говорах включает следующие семемы: стадо овец (общее название) – *стаду*, *сурия / сюррия*, *билюк*, стадо от 200 до 600 овец – *турма*, более 30 овец – *фандачка*, *кирда*, стадо дойных овец – *сагмал*, стадо яловых овец – *яловник*, *ялувина*, стадо чужих овец – *збирникчия*, смешанное стадо – *смясница*, *перен*. огромное количество чего-то – *билюк*, *сюррия*. Наиболее частотными в исследуемых болгарских переселенческих говорах являются лексемы *сюррия*, *турма*, *сагмал*. В буковинских говорах зафиксированы только две лексемы в этой подгруппе: *турма* 'большая отара овец', *кирд* 'стадо овец' (Гуйванюк 2005: 651).

В исследуемых болгарских переселенческих говорах для наименования пастуха овец нами зафиксированы лишь общие названия: *уфчар*, *уфчарин*, *чубан*, *чубанин*, *пастир* и заимствование из украинского – *чередник*, стрижет овец – *стригал*, доит овец – *сагмалджия*. Только в с. Каменка нами зафиксирована раритетная лексема *търлаш*

‘старший пастух’, которая образована от лексемы *търла* ‘огороженное место для овец в степи’.

Для названия пастуха в болгарских говорах метрополии существует разветвленная система наименований: овчар, который пасет дойных овец, – *сагмалджия, подойничар*, маленьких ягнят пасет *шилигар, шилигарин, шилитар, ягняр*, ялових овец – *яловар, яловичар*, баранов – *кочовар, кочмар, празар*, чужих овец – *збирникчия, махлански, мхленски чубанин*. Главного пастуха называют *кехая, кея, бачия, старши / главин уфчар / уфчер*. Помощник пастуха – *калфа, помошник*, молодой пастух – *чирак, потпасчик*, пастух, который загоняет овец в кошару – *карач, путкарач*, стрижет овец – *стригал*, доит овец – *струнгар, мандраджия*, кастрирует – *бораджия*, считает овец – *бруяч, уфцебруяч*, делает брынзу – *мандраджия, брънзар, сиренар*, готовит еду – *одаджия* (Колесник 2003: 288).

В гуцульских, а также в бойковских и лемковских говорах в значении ‘старший пастух’ употребляется лексема *бачия*, которая употребляется в говорах метрополии (Колесник 2003: 288), но не зафиксирована нами в болгарских переселенческих говорах юга Украины.

Как видим, в болгарских переселенческих говорах разветвленная система наименования пастуха утрачена, сохранились лишь общие названия: *уфчар, уфчарин, чубан, чубанин, пастир* и заимствование из украинского языка – *чередник*, название пастуха, который стрижет овец – *стригал*, и того, кто доит овец – *сагмалджия*, название старшего пастуха в с. Каменка – *търлаш*.

К общему лексическому фонду карпатских и болгарских переселенческих говоров в этой подгруппе следует отнести 3 лексемы *уфчар / вівчар, чубанин / чабан*, заимствование из украинского языка – *чередник*.

Каждый хозяин для распознавания овец в общем стаде прорезает на их ушах собственные знаки, которые называются *нишани* (в некоторых говорах – *лишани, мишани*). Лексема *нишан* является балканизмом, который употребляется в албанском, греческом, турецком, сербском и македонском языках (Колесник 2005: 121). В исследуемых болгарских переселенческих говорах лексема *нишан* расширила свое значение, употребляясь в переносном значении: ‘метка’ > ‘род’: *Чий нишан си?* = Из какого ты рода?

Метка может быть и на одном ухе, и на двух ушах. Обычно на ухе ставят одну метку, реже – две. Наиболее частотными названиями меток на ушах овец в болгарских селах юга Украины были такие: *харлец / арлец, дзамба / замба, копчи, стрела, стрелухо, удбаскану, удрязану, цяпнату, фъркулица, уюк, кисик, бирка, брьсноу, пелеш, къртик, дупка, копчи, кльопки, сечка*. Так, в с. Евгеновка это *копчи, стрела, стрелухо*,

фъркулица, арлец, в с. Суворово – *бирка, хърлец, цяпнату*, в с. Кубей – *замбь, сечка, дюс кисик, уюк, цяпка*, в с. Твардица это *мишани: замба, харлец, кльопка, фаркулица, бирка, цяпнату*. *Мишани* в Новых Троянах: *прау удрягъну* – на двух ушах небольшой разрез, *дзьмба* – круглый разрез на ухе, *пелеш* – дуговидный разрез сзади, *фуркулица* – треугольник на ухе, *прешен брьснаула* – на левом ухе небольшой разрез в длину, *заден брьснаула* – разрез сверху, *прешен арлец* – два разреза на левом ухе, *заден арлец* – два разреза на правом ухе, *кишкитуря* – на левом ухе небольшой разрез, а на правом отрезан верх, *копчи* – на правом ухе круглый разрез, а на левом ухе разрез в длину.

В метрополии метки на ушах овец более разнообразны. Наиболее употребительные из них: *разцапено, цапено, рабош, целухо / целуо, трупено, рязано, утсечено, кутру, рамно, рамичка, дзьмба, перо, брьстна*. *Нишаны* в Страндже, например, могут быть такие: *целухо* – целое ухо, *стрелухо* – в форме стрелы в верхней части уха, *цепухо* – небольшой разрез по длине, *бундруг* – срезано наискось, *брьснухо* – отрезанный верх, *кърнухо* – дуговидный разрез, *жебустро* – прямоугольный разрез сверху, *зауш* – в форме хвоста ласточки (Странджа 1996: 58).

По мнению Г.П. Клепиковой, «при всей кажущейся индивидуальности меток на ушах овец они оказываются в значительной степени универсальными, так же, как и их названия. Часть этих названий известна и большинству украинских бессарабских говоров, карпато-украинских и румынских. Это общий лексический фонд карпато-балканского пространства» (Клепикова 1974: 155–156). К сожалению, в вышедших словарях буковинских и гуцульских говоров (Закревська 1997; Гуйванюк 2005) нами не найдены названия меток на ушах овец.

В ЛСГ «Одежда пастуха» наиболее частотными оказываются названия короткой безрукавки, которая имеет огромное количество названий в болгарских переселенческих говорах: *елек, илече, крутка, раменче, бидян, забун, кужухчи, кюрче, ажемка, джамка / жамка, киптар, минтан* и др. Все они известны и в говорах метрополии (Колесник 2003: 206). Две из них (*жамка* и *киптар*) зафиксированы в исследуемых нами карпатских говорах, например *жамка* – в гюльменском говоре (с. Яровое Тарутинского района Одесской области). В буковинских говорах *жамка* также имеет значение ‘короткая безрукавка’ (Гуйванюк 2005: 110). Лексема *киптар / кептар* ‘меховая безрукавка с орнаментом’ фиксируется почти во всех исследованных болгарских говорах сел Заря, Димитровка, Кулевча, Кубей, Новые Трояны, Огородное, Каменка, Лоциновка, Островное, Суворово: *Киптари кожени и сукнени с джобуй, мъжуйти ги носат, кугату кръсто му були* (с. Кулевча); *Киптар се ший ут офчешка суха кожа* (с. Димитровка). В буковинских говорах она также имеет значение ‘короткая безру-

кавка' (Гуйванюк 2005: 111).

Менее частотным в исследованных болгарских говорах является название жакета – *яке* 'мужской и женский жакет', в буковинских говорах – *які* 'женская верхняя одежда из грубого сукна' (Гуйванюк 2005: 685).

В исследуемых нами болгарских и карпатских говорах находим и другие названия одежды, которую носили не только пастухи. Так, в исследуемых болгарских говорах *манта*, *мантава* – это одежда пастуха, плащ с капюшоном, *гугла* – капюшон. В гуцульских говорах *манта* – это свадебная одежда жениха из серого домотканого сукна, *гугля* 'накидка с капюшоном – свадебная одежда невесты' (Закревська 1997: 55, 120).

В болгарских переселенческих говорах сел Евгеновка, Твардица и Суворово лексема *дулама* имеет значение 'верхняя мужская праздничная одежда из домашнего сукна белого или черного цвета – полукафтан'. Название этой одежды служит маркером этнографической группы твардичан (жителей с. Твардица) в исследуемом регионе (*Твардичаните носат дулами, затуј ги назовават дулами*) – переселенцев из с. Твардица Сливенского округа в Болгарии, где также употреблялась эта лексема в значении 'верхняя мужская одежда' (Колесник 2001: 117). Лексема *дулама* в буковинских говорах имеет значение 'длинная рабочая одежда вольного кроя из домашнего сукна' (Гуйванюк 2005: 105), в гуцульских говорах *дуламан* – 'верхняя одежда преимущественно фабричного производства; ветхая старая одежда' (Закревська 1997: 64).

Лексемы *запасака*, *гугла*, *гащи* зафиксированы нами в болгарских переселенческих говорах, они употребляются и в литературном болгарском языке. В гуцульских говорах *запасака* 'женская поясная одежда, состоящая из двух полотнищ', *гачи* 'штаны из домотканного сукна' (Закревська 1997: 44, 77).

Таким образом, в лексико-семантической группе «Одежда пастухов» наиболее частотными в карпато-балканском ареале являются лексемы: *киптар*, *джамка* / *жамка*, *манта* / *мантава*, *дулама*, которые обозначают различные виды в основном мужской одежды, и лексемы *гащи* / *гачи*, *гугла*, которые являются общеупотребительными в болгарском языке.

К тематической группе «Овцеводство» принадлежат также лексемы, которые не образуют ЛСГ, однако на денотативном уровне их отнесение к этой тематической группе не вызывает сомнения. Это лексемы *колестра* (*кулестра*, *кулястра*, *кулестро*) – 'первое молоко после окота, молозиво'; *кърлига* – 'палка пастуха; орнамент на хлебе в виде палки пастуха'; *кръклига* – 'ножницы для стрижки овец'; *кур-*

бан, каварма – традиционное обрядовое блюдо из овечьего мяса. Они имеют ареальные лексические соответствия в языках карпато-балканского ареала. Все эти лексемы употребляются в болгарских переселенческих говорах и в болгарском литературном языке.

Во всех болгарских селах юга Украины стригут овец в мае (на Гергьовден), а ягнят в августе специальными ножницами, которые называются *крьклизи* во всех исследуемых болгарских говорах. Эта лексема употребляется в говорах метрополии и в литературном болгарском языке (Колесник 2003: 289), но в словарях буковинских (Гуйванюк 2005) и гуцульских говоров (Закревська 1999) нами не найдена.

Палка, которой ловят овец, называется в болгарском языке и в исследуемых болгарских диалектах *кърлига*, в гуцульских говорах – *герлига* ‘палка пастуха’ (Закревська 1997: 52). В болгарских селах Молдавии и в настоящее время на Гергьовден традиционно пекут обрядовый хлеб *овчарник*, на котором изображена *кърлига*.

Сравнительный анализ пастушеской терминологии в болгарских переселенческих говорах юга Украины и в карпатских говорах показывает, что наибольшее количество общих лексем зафиксировано в ЛСГ ‘названия помещений для овец’. В этой подгруппе находим 8 общих лексем: *кошара, струнга, обор / обора, гражд / гражда, колиба, гражд, летовище, бурдей*.

Обширная группа лексем зафиксирована нами в ЛСГ «Названия овец по возрасту и полу» в болгарских переселенческих говорах. Кроме лексемы *агне / агни, йегни* (уменьшительное *агънци*), отмечены лексемы: *шили, дзвизак / дзвиздак, звизак, дзвиска / звиска, перваскиня / млада дзвиска, сагмал, саг малка, пудойница, майка, ялова, бабана, гергьофче, гергьофско / гергьохсо агне, гергьофче, кужи, кужинце, ланску шили, кужле, сукалчи, сирица, азман / хазман, коч, кюрпенци*. Однако в исследуемых нами словарях буковинских и гуцульских говоров этих лексем не найдено.

В ЛСГ «Названия овец по внешнему виду» в переселенческих говорах юга Украины зафиксированы лексемы: *чула, чушка, шута, цигая, шпанка, пърная, рогушка, кабак, тукан*. В исследуемых словарях карпатских говорах отмечены 5 лексем в этой подгруппе: *шутий / шута, чулий, чушка, цигайка / цигоя*.

В лексико-семантической группе «Одежда пастухов» наиболее частотными в карпато-балканском ареале являются общими 7 лексем: *киптар, джамка / жамка, манта / мантава, дулама, гугла / гугля, яке / які*, которые обозначают различные виды в основном мужской одежды, и лексема *гащи / гачі*, которая является общеупотребительной в болгарском языке. Они употребляются в карпатских говорах в

переносном значении, переходят в разряд архаичной лексики.

В болгарских переселенческих и в карпатских говорах утрачена разветвленная система именования стад и названий пастухов, что связано с уменьшением количества овец в хозяйстве. Так, в буковинских говорах зафиксированы только 2 лексемы в подгруппе названия стад овец: *турма* 'большая отара овец', *кирд* 'стадо овец', которые употребляются и в исследуемых переселенческих говорах. Утрачена в болгарских переселенческих говорах и разветвленная система наименования пастуха, сохранились общие названия: *уфчар*, *уфчарин*, *чубан*, *чубанин*, *пастир* и заимствование из украинского языка – *чередник*, а также лексемы *стригал* и *сагмалджия*. К общему лексическому фонду карпатских и болгарских переселенческих говоров в этой подгруппе следует отнести только 3 лексемы: *уфчар* / *вѣчар*, *чубанин* / *чабан*, *чередник*. Но сохранились некоторые раритетные лексемы – названия старшего пастуха: старший пастух – *търлаш* в исследуемых болгарских говорах юга Украины и лексема *бачия* в гуцульских говорах.

В болгарских селах юга Украины нами зафиксированы около 30 названий меток на ушах овец: *арлец* / *харлец*, *бирка*, *бръсноу*, *дзамба* / *замба*, *дупка*, *дюс кисик*, *копчи*, *къртик*, *кльопка*, *пелеш*, *сечка*, *стрела*, *стрелуха*, *удбаскану*, *удрязану*, *цяпка*, *цяпнату*, *фъркулица* / *фуркулица*, *уюк*, *кисик*, *прау удрягъну*, *прешен бръснаула*, *заден бръснаула*, *прешен арлец*, *заден арлец*, *кишкитуря*. К сожалению, в исследуемых словарях буковинских и гуцульских говорах названия меток на ушах овец не представлены.

Таким образом, изучение различных сторон карпатской и балканской лексики свидетельствует о том, что рассмотрение тех или иных фактов изолированно – лишь в рамках собственно карпатского ареала или балканского – оказывается недостаточным. Исследование диалектной лексики в широком ареалогическом контексте славянских языков в значительной степени уточняет картину межславянских языковых контактов в прошлом. Поэтому карпатистика в целом и карпатское языкознание в частности должны включать в свои задачи обращение к балканскому материалу для установления в нем явлений, корреспондирующих с карпатскими говорами, или, напротив, для констатации в обеих зонах несоответственных явлений. Карпато-украинско-болгарские лексические параллели, несомненно, должны быть учтены при составлении Атласа языков балканского языкового союза, при определении ареалов балканизмов, что является одной из актуальных проблем балканистики. Необходимо исследовать не только языки БЯС, но и другие славянские языки и их диалекты, чтобы определить границы распространения балканизмов в западном и

северном направлении. Переселенческие болгарские говоры, в т. ч. и болгарские говоры юга Украины – неотъемлемая часть болгарского языкового континуума. Они, несомненно, должны привлекаться при анализе различного типа балканизмов и карпатизмов.

Функционирование в диалектах карпато-балканского ареала некоторого общего корпуса лексико-семантических единиц, имеющих различный генезис, дает основание предполагать формирование здесь особой лингвистической общности, типологически близкой к «языковому союзу», но актуализированной лишь на одном лексико-семантическом языковом уровне. Наличие в диалектах ареала общих черт хотя бы на одном языковом уровне дает основание рассматривать эти генетически разнородные диалекты не как простую сумму, а как определенным образом организованную лингвистическую протяженность – континуум (Клепикова 1999: 234). Поэтому украинские говоры Карпатской зоны необходимо относить к языкам БЯС третьего ранга.

ЛИТЕРАТУРА

- Азербайджан 2017 – Азербайджан 2017. М.: Наука, 2017. 710 с.
- Асенова 1989 – *Асенова П.* Балканско езикознание. Основни проблеми на Балканския езиков съюз. София: Фабер, 1989. 276 с.
- БЕР 1971–2012 – Български етимологичен речник. София: БАН, 1971–2012. Т. 1–6.
- Бернштейн 1967 – *Бернштейн С.Б. и др.* Карпатский диалектологический атлас. М.: Наука, 1967. Кн. 1. 271 с.
- Будзишевска 1983 – *Budziszewska W.* Słownik bałkanizmów w dialektach Macedonii Egejskiej. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1983. 184 с.
- Венелин 1840 – *Венелин Ю.* Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным. СПб., 1840. 356 с.
- Георгиев 1972 – *Георгиев В.* К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 398–419.
- Грек 2018 – *Грек И.Ф.* Купоран – Ровное: история, культура, люди болгарского села в Буджаке. Измаил: Ирбис, 2018. 324 с.
- Гуйванюк 2005 – *Гуйванюк Н.В.* Словник буковинських говірок. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.
- Державин 1914 – *Державин Н. С.* Болгарскія колоніи в Росіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губерні). София: Мартилен, 1914. 304 с.
- Закревська 1997 – *Закревська Я.* Гуцульські говірки. Короткий словник. Львів, 1997. 232 с.

Иванчев 1988 – *Иванчев Св.* Българският език – класически и екзотичен. София: Народна просвета, 1988. 240 с.

Клепикова 1974 – *Клепикова Г.* Славянская пастушеская терминология: ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М.: Наука, 1974. 256 с.

Клепикова 1999 – *Клепикова Г.П.* Проблемы истории болгарского языка и «Болгарский диалектологический атлас» // Диалектология и лингвистична география. София: БАН, 1999. С. 234–245.

Колев 2000 – *Колев Н.* Българска етнография. В. Търново, 2000. 288 с.

Колесник 2001 – *Колесник В. А.* Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор. Словарь. Одеса: Гермес, 2001. 228 с.

Колесник 2003 – *Колесник В. А.* Дебалканізація болгарських переселенських говірок в Україні. Граматична система. Одеса: Астропринт, 2003. 352 с.

Колесник 2005 – *Колесник В. А.* Словник лексичних балканізмів у болгарських переселенських говірках // Одеська болгаристика. Одеса, 2005–2006. Вып. 3–4. С. 103–133.

Лашкова 1997 – *Лашкова Л.* Основни балкански трансформации на славянските граматични модели и средства в българския език // Общност и многообразие на славянските езици. София: Академично славистично дружество, 1997. С. 128–133.

Ловешки край 1999 – *Ловешки край.* София: Марин Дринов, 1999. 431 с.

Нимчук 1988 – *Нимчук В.В.* Карпатоукраинско-южнославянские языковые параллели и тождества (история и перспективы проблемы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1984. М.: Наука, 1988. С. 294–313.

Погорелов 1935 – *Погорелов В.* Болгаризмы в карпаторусских говорах // Научный сборник в память Е.И. Сабова. Ужгород, 1935. С. 3–7.

Странджа 1996 – *Странджа.* София: Марин Дринов, 1996. 454 с.

REFERENCES

Anon. (2017) *Azerbaydzhan* [Azerbaijan]. Moscow: Nauka.

Asenova, P. (1989) *Balkansko ezikoznanie. Osnovni problemi na Balkanskiya ezikov s"yuz* [The Balkan Linguistics. Basic problems of the Balkan language area]. Sofia: Faber.

Gerogiev, Vl.I. (ed.) (1971–2012) *B"lgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. 1–6. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.

Bernstein, S.B. et al. (1967) *Karpatskiy dialektologicheskiiy atlas* [Carpathian Dialectological Atlas]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Budziszewska, W. (1983) *Słownik bałkanizmów w dialektach Macedonii Egejskiej* [Dictionary of Balkanisms in the dialects of Aegean Macedonia]. Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.

Venelin, Yu. (1840) *Vlakhobolgarskie ili dako-slavyanskije gramoty, sobrannye i ob'yasnennye Yuriem Venelinym* [Vlaho-Bulgarian or Daco-Slavic charters collected and explained by Yuri Venelin]. St. Petersburg: [s.n.].

Georgiev, V. (1972) K voprosu o balkanskom yazykovom soyuze [On the Balkan Language Area]. In: Rozentsveig, V. Yu. (ed.) *Novoe v lingvistike. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Language Contacts]. Moscow: Progress. pp. 398–419.

Grek, I. F. (2018) *Kuporan – Rovnoe: istoriya, kul'tura, lyudi bolgarskogo sela v Budzhake* [Kuporan – Rivne: The history, culture, and people of the Bulgarian village in Budzhak]. Izmail: Irbis.

Guyvanyuk, N. V. (2005) *Slovník bukovins'kikh govirok* [The Dictionary of the Bukovina dialects]. Chernivtsi: Ruta.

Derzhavin, N. S. (1914) *Bolgarskiya kolonii v Rossii (Tavrisheskaya, Khersonskaya i Bessarabskaya gubernii)* [The Bulgarian colonies in Russia (Taurida, Kherson, and Bessarabia Governorates)]. Sofia: Martilen.

Zakrevska, Ya. (1997) *Gutsul's'ki govirki. Korotkiy slovník* [The Hutsul dialects. The Concise Dictionary]. Lviv: Institute of Ukrainian Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Ivanchev, Sv. (1988) *B'lgarskiyat ezik – klasicheski i ekzotichen* [Bulgarian language – classic and exotic]. Sofia: Narodna prosveta.

Klepikova, G. (1974) *Slavyanskaya pastusheskaya terminologiya: ee genezis i rasprostranenie v yazykakh karpatskogo areala* [Slavic shepherd terminology: its origin and diffusion in languages of the Carpathian area]. Moscow: Nauka.

Klepikova, G. P. (1999) Problemy istorii bolgarskogo yazyka i “Bolgarskiy dialektologicheskiy atlas” [Problems of the Bulgarian language history and “Bulgarian Dialectological Atlas”]. In: Radeva, V, Velcheva, B. & Zhobov, V. *Dialektologiya i lingvistichna geografiya* [Dialectology and Linguistic Geography]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences. pp. 234–245.

Kolev, N. (2000) *B'lgarska etnografiya* [Bulgarian Ethnography]. Tarnovo: Abagar.

Kolesnik, V. A. (2001) *Evgenovka (Arsa). Onomastika. Govor. Slovar'* [Evhenivka (Arsa). Onomastics. Dialect. Dictionary]. Odesa: Germes.

Kolesnik, V. A. (2003) *Debalkanizatsiya bolgars'kikh pereselens'kikh govirok v Ukraïni. Gramatichna sistema* [Debalkanization of the Bulgarian transmigratory dialects in Ukraine]. Odesa: Astroprint.

Kolesnik, V. A. (2005–2006) Slovník leksichnikh balkanizmiv u bolgars'kikh pereselens'kikh govirkakh [The dictionary of lexical balkanisms in Bulgarian transmigratory dialects]. *Odes'ka bolgaristika*. 3–4. pp. 103–133.

Lashkova, L. (1997) Osnovni balkanski transformatsii na slavyanskite gramatichni modeli i sredstva v b'lgarskiya ezik [Main Balkan transformations of Slavic grammar models and means in the Bulgarian language]. In: Lekov, I. D. (ed.) *Obshchnost i mnogoobrazie na slavyanskite ezitsi* [Community and diversity of the Slavic languages]. Sofia: Akademichno slavistichno druzhestvo. pp. 128–133.

Mikhailova, G. (ed.) (1999) *Loveshki kray* [Lovech region]. Sofia: Marin Drinov.

Nimchuk, V.V. (1988) Karpatoukrainsko-yuzhnoslavyanskije yazykovye paralleli i tozhdestva (istoriya i perspektivy problemy) [Carpatho-Ukrainian and South Slavic linguistic parallels and sameness (history and perspectives of the problem)]. In: Ivanov, V.V. (ed.) *Obshchoslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya* [Common Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research]. Moscow: Nauka. pp. 294–313.

Pogorelov, V. (1935) Bolgarizmy v karpatorusskikh govorakh [Bulgarianisms in Carpatho-Russian dialects]. In: Pogorelov, V. et al. *Nauchnyy sbornik v pamyat' E.I. Sabova* [Collection of Scholar Works in Memory of Y.I. Sabov]. Uzhhgorod: [s.n.]. pp. 3–7.

Cherkezova, M. (ed.) (1996) *Strandzha* [Strandzha]. Sofia: Marin Drinov.

Колесник Валентина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой болгарской филологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (Украина)

Valentina A. Kolesnik – Odesa I.I. Mechnikov Nation University (Ukraine).

E-mail: vakolesnik2@gmail.com

УДК 75.03+7.07-05

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/20

ХРАМОВАЯ ГОРА В ВЕНЕЦИАНСКОМ ПЕЙЗАЖЕ А.М. КАШШАЯ

С.Д. Абрамович

Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко
Украина, 32301, г. Каменец-Подольський, ул. Огиенко, 61
E-mail: tammuz@bigmir.net

Авторское резюме

Творчество известного художника Закарпатья А.М. Кашшая освещалось в художественной критике советской поры широко, но истоки вдохновения мастера были показаны поверхностно. В частности, не бралась в расчет скрытая конфликтность академической традиции и непосредственного взгляда русина-горца, который воспринимает пространство не так, как житель равнины. При этом знаменитая красочность народного искусства, к которой прибегает мастер, – вовсе не миметическое подражание природе, а стремление расподобить мир человека с достаточно «тусклым» по гамме своей реальным пейзажем. В картине Кошшая «Венеция. Канал Гранде» (собор Санта Мария делла Салуте) присутствует нарушение канонов венецианского пейзажа (Каналлетто, Гварди и др.). Тут нет привычных громад моря и неба, между которыми возникает натуралистически выписанный ряд архитектурных шедевров. Центр зрения – громада храма, верхний край которого срезан рамой; мы смотрим на нее снизу, с противоположного берега канала. Перпендикулярно взгляду зрителя двигаются к воротам собора лодки, преодолевая сопротивление воды; им тесно, что психологически чревато взрывом, опасностью. При этом храм выступает в качестве идейно-эмоционального центра, достигаемого через преодоление сопротивления водной стихии, которая здесь подчеркнута материализована. Вода и небо, разделенные присутствием человека, зеркально зыблются белесоватой синью, причем живописец использует кобальт, как бы разрезающий контуры вещей. Динамизированная в постимпрессионистском духе композиция, контраст туманной голубизны и яркого удара солнца по зданию справа создают экспрессивный образ скрытой борьбы. В равнинно-маринистическом просторе Венеции гостю-горцу не хватает возвышенности. И, согласно М. Элиаде, Священная Гора – центр мира, место

встречи Неба и Земли. Такой централизующей Горой предстал прославленный собор перед горцем-русином, верным собственному складу мировосприятия.

Ключевые слова: Венеция, пейзаж, академизм, конфликтность, национальный образ мира.

TEMPLE MOUNT IN A. KASHSHAI'S VENETIAN LANDSCAPE

S.D. Abramovich

Kamianets-Podilsky National Ivan Ohienko University
61 Ohienko Street, Kamianets-Podilsky, 32301, Ukraine
E-mail: tammuz@bigmir.net

Abstract

Creativity of the famous Transcarpathian artist A. Kashshai was widely covered in the Soviet art criticism; however the sources of his inspiration have never become the subject of profound research. In particular, nothing has been said about the latent conflict between the academic tradition and the direct view of the Rusin-highlander, who perceives the space differently from a flatlander. The famous colorfulness of folk art in his works is not a mimetic imitation of nature, but the aspiration of a highlander to dissimilate the world of man and rather "dull" real landscape. Kashshai's picture "Venice. Canal Grande" (Cathedral of Santa Maria della Salute) violates the canon of the Venetian landscape (Canalretto, Guardi, etc.). It shows no customary bulks of the sea and sky, with a naturalistically drawn architectural ensemble between them. The focus is on the bulk of the Temple, the upper edge of which is cut off by the frame. We look at it from below, from the opposite bank of the canal. Perpendicular to the viewer there are boats overcoming water resistance and moving to the gates of the cathedral. The space looks cramped, which causes a sense of explosion, danger. The Temple acts as an ideological and emotional centre, achieved by overcoming the resistance of emphatically material water. The water and the sky separated by man, mirror each other's whitish blue for which the artist uses cobalt, which makes contours somewhat blurred. The post-impressionist dynamic composition is built on the contrast of misty blueness and the bright sun strike on the right building to create an expressive image of inner struggle. The visitor from the highlands sees the plain-marinitic vast of Venice as lacking hills. According to M. Eliade, the Holy Mount is the centre of the world, the place where

Heaven meets Earth. The glorified Cathedral stands for such a centralizing Mount for the Rusin-highlander, with his peculiar world perception.

Keywords: Venice, landscape, academic tradition, conflict, national image of the world.

Художник А.М. Кашшай (1921–1992), на первый взгляд, представляется лишенным загадок. Полотна ужгородского живописца украшают знаменитые галереи, включая Третьяковскую. Он – ярчайший представитель закарпатской (подкарпаторусинской) школы живописи, щедро обласканный советской властью (народный художник Украины с 1964 г.) и отмеченный художественной критикой.

Тем не менее творчество его освещалось достаточно бегло и, едва ли не за единственным исключением, не слишком глубоко: «Значительный массив данных, связанных с поэтапным развитием А. Кашшай как живописца, находится в искусствоведческой литературе, которая была издана в 1950–1980-х гг. В основном в источниках указанного периода художник упоминается как автор, но также встречается упоминание его имени в контексте изучения закарпатского художественного феномена. В частности, творчеству художника посвящена монография искусствоведа Г. Островского "А.М. Кашшай"¹ <...> в которой основательно анализируется творчество мастера 1950–1960-х гг. Также произведения художника исследуются автором в нескольких монографиях, посвященных развитию изобразительного искусства Закарпатья <...>. Изданные в разные годы, они охватывают хронологические рамки от начала 1950-х – до середины 1970-х гг.» (Кашшай 2017а: 74). Более того, исследователем в другой его статье, где описывается состояние научной разработки темы к 2017 г., уже сделан довольно-таки емкий обзор написанного критиками Советской Украины о Кашшае (24 позиции). При этом берется в расчет не только рассмотрение художественного мира мастера, но и его влияние на формирование закарпатской школы, культурный контекст его творчества, культурно-общественная работа художника и пр. (Кашшай 2017b). Нужно думать, вскоре появится и его диссертация, посвященная роли этого мастера в истории закарпатской школы².

Тем не менее нет особой нужды останавливаться на этих критических оценках. Во-первых, все они в той или иной степени уже принадлежат времени – эпохе тоталитаризма, последовательно распинавшей всякого художника на кресте «эстетики социалистического реализма». Как справедливо пишет другой современный закарпатский искусствовед, «анализ развития живописи в Закарпатье во второй половине XX в. достаточно односторонне, а иногда и тенденциозен. Чрез-

мерно акцентируя благотворное влияние советских художественных новаций, упомянутые источники замалчивали действительные истоки в развитии художественного языка изображения пейзажа и других жанров» (Сіксай 2011: 147).

Тем не менее одна проблема пока что явно остается в тени. Ведь в наследии А.М. Кашшай, как и в творчестве любого крупного мастера, присутствует определенная скрытая конфликтность, которой официальная критика советских лет предпочитала не замечать.

Сразу же скажем, что речь пойдет не о «политике». Кашшай был в глазах властей человеком благонадежным, членом закарпатского отделения союза художников, многократно бывал за границей, чего не-«функционерам» практически не удавалось.

Конфликтность, о которой здесь пойдет речь, изначально запрограммирована на ином, психологическом уровне. Ведь Кашшай сумел не только сказать собственное «живописное слово» о мире и человеке, но и выразить в полотнах мироощущение своей малой родины. Русин по национальности, сын простого лесника, он формировался в условиях мощных перекрестных воздействий австрийской и венгерской живописи, доктрины социалистического реализма и, наконец, чьего-то личного влияния (среди его учителей такие значительные фигуры, как И. Бокшай и А. Эрдели). От чего-то следовало отказываться, с чем-то полемизировать, чему-то противостоять. Творческая индивидуальность, как известно, складывается вовсе не в согласии с господствующими установками, а вопреки им; пусть это противостояние зачастую вовсе не декларируется и составляет часть имплицитной загадки созданного талантливым мастером полотна-текста.

При этом стоит, наверное, отрешиться от привычных искусствоведческих схем, ориентирующих на вялый кивок в адрес жизнеутверждающей фольклорной традиции, чтобы тут же перейти к анализу, скажем, мастерства построения перспективы или к похвалам композиционного решения художника. При таком подходе, устоявшемся со времен Канта, мастер остается фатально замкнутым в рамках своего ремесла. Неоромантический иррационализм все же предпочтительнее. Апелляция к архетипам коллективного бессознательного или к глубинам субъективного мифотворчества даст гораздо больше для осознания национальной ментальности творца, его личного диалога с природой и господствующей в его время живописной традицией, чем анализ «чистой формы».

Осознать это помогает и подзабытая теория И. Тэна, акцентирующая роль природной среды в формировании личности. Сегодняшний психолог верно замечает: «Так, степной житель привык окидывать пространство одним взором, и совсем по-другому ведет себя житель

гор – его ориентация в пространстве иная» (Столяренко 2010: 38). Еще более точно настраивается оптика исследования, если взять в расчет конкретные условия существования именно карпатского горца: «...значительная разобщенность в процессе труда (пастухи со своими стадами отходят друг от друга на большие расстояния), отдаленность изб одна от другой, отсутствие коллективных форм земледелия повлияли на активизацию *невербальных форм общения* <...> приоритет *индивидуального* начала в художественном творчестве...» (Мацієвський 2012: 449)³. При этом характерна исключительная яркость костюма жителя местности с разреженной плотностью населения, и это объясняется стремлением, чтобы тебя уже издали сразу заметили⁴. Житель Карпат – не исключение, он вовсе не стремится «гармонически» слиться с природной средой, а скорее уж не желает иметь с ней в своем повседневном человеческом самоопределении ничего общего, вопреки устоявшимся стереотипам «кабинетно-русоистского» мышления. Уже символика архаичного жилища предполагает прикосновение к неким космическим силовым линиям, а не к данному участку земли. Соприкосновение с «природным» – это сфера земледелия, пастушества, волхвований и т. д.; это «исступление» из человеческой обыденности, карнавальная смена обыденного естества, «*переберія*». И тут карпатский горец неотличим от представителя любой архаической цивилизации, стремящейся, в первую очередь, жестко расподобить мир природы и мир человека⁵.

Поэтому красочность народного искусства, воспринимаемая горожанином, привыкшим к сдержанности цветов в костюме и в интерьере (пресловутый наш «хороший вкус»), как некая «природность», вовсе не есть наследование природы, пусть даже в моменты ее цветения, акрић.

Яркий, обычно не встречающийся в живой природе цвет – один из самых эффективных способов акцентации «человеческого», примета установки искусства (в частности, костюма) вовсе не на мимезис, а, напротив, расподобление с монотонным окружением. И не только в одежде. Недаром в наших селах – и чем ближе к Карпатам, тем явственнее – весьма любят красить дома в ярчайшие цвета – от белого до густо-синего и даже подчас угольно-черного. Не говорю уже о пестрых живописных вставках, культивирующих мотивы флоры и фауны. Но вот зеленой хаты в тон пейзажу вы тут не найдете – мне за всю мою не такую уж и короткую жизнь попалась одна-единственная.

Вызывающая колоритность эта издавна бросалась в глаза этнографам: «Гуцулы в синих или красных широких штанах, тесно зашнурованных на икрах обувными ремешками, белая рубашка, немного выпущенная наружу, на рукавах вышитая красной и белой нитками,

на груди большой латунный крест, с плеч небрежно свисает короткий сердак (верхний кабат с рукавами), белая или красная небольшая шляпа с низкой тульей и довольно широкими полями, спереди украшенная павлиньим пером»⁶. Феерия чистых цветов – белого, красного, синего – активно вырывается из доминирующего буро-зеленого фона обычного карпатского пейзажа, лишний раз иллюстрируя известный тезис о внеположности культуры натуре.

Тем самым мифологема «родной земли» значительно усложняется в ее образно-художественном воплощении, потому что современные пейзажисты в целом, как и представители закарпатской школы живописи, вовсе не склонны в своих пейзажах к тусклой натуралистической палитре в духе ландшафтов Милле или вангоговских «Едоков картофеля».

И если в академической живописи доминирует установка на гармонизацию линий, «сдерживание цвета» и гладкий мазок, то в наследии мастеров закарпатской школы наблюдаются преизбыточность, «загроможденность» пространства, буйство чистых цветов и пастозное письмо. Проблему эту применимо к закарпатской художественной школе еще предстоит решать с надлежащей глубиной. Увы, при мировой славе этой школы и непрекращающемся внимании к ней художественной критики в данной области нет достаточно глубоких исследований.

При этом весьма характерно и то, что часто и многие отечественные ценители знаменитой закарпатской художественной школы, и сами ее представители, чье творчество и взгляды сложились еще в советскую эпоху, в один голос утверждают о некоей первичности карпатского пейзажа и как бы вторичности отражения его в даже собственном творчестве. «Ленинская теория отражения», намертво вьезшаяся в сознание интеллигенции старшего поколения, автоматически превращала каждого творца в Антея, который обретает силы лишь после соприкосновения с Матерью-Землей.

Приведем подборку мнений знаменитых деятелей культуры о закарпатской художественной школе; эти мнения собраны воедино на интернет-сайте журнала «Живописцы Закарпатья» (Закарпатская школа 2006).

«Каждый раз с большим удовольствием еду на Закарпатье в предчувствии встречи с прекрасным живописным краем. Краем роскошных гор, прозрачных и стремительных рек, зеленых полонин. И, безусловно, с такими неповторимыми городами, как Ужгород, Мукачево, Берегово, и многонациональной общественностью, разноязычной и разноголосой. Все это оказывает неповторимое впечатление и вдохновляет на творчество, будит свежие мысли в кругу друзей-

художников», – говорит президент Академии искусств Украины А. Чебыкин. Ему вторит ректор Львовской академии искусств А. Бокотей: «Я счастлив тем, что родился на Закарпатье, в селе Брид Иршавского района. Потому что самые важные чувства, которые впитала моя душа во время общения с этим прекрасным краем и его прекрасными людьми, остались в сердце навсегда. Невозможно передать впечатление от глубокой народной мудрости, которая дышит, смеется, плачет в произведениях искусства, созданных Мастерами своего дела; она еще долго будет изучаться и анализироваться и современниками, и последующими поколениями... Закарпатье – уникальный регион. Хороший климат, богатство земли, красота пейзажей – рощи, сады и простор карпатских полонин – здесь все вдохновляет Творить». Об этом же размышляет и доктор искусствоведения академик А. Федорук, главный редактор журнала «Изобразительное искусство»: «Фундаментальные основы изобразительного искусства заложили художники, которые пытались создать искусство, которое отражало бы своеобразные черты родного края, жизни, традиции и быт этноса, характерные особенности пейзажа». А известный словацкий ученый Н. Мушинка, с энтузиазмом отметивший мировой резонанс закарпатской школы живописи и блеск дарования ее создателей, не менее активно предостерегает молодое поколение здешних мастеров от утраты собственной почвы: «За последние 10–15 лет немало закарпатских художников пытается оторваться от родных традиций и слепо подражают так называемому "модерному" искусству Запада, часто сомнительной художественной ценности».

Все же не одна лишь родная почва всецело определяет художническое видение современного закарпатского живописца. Иные отмечают в первую очередь творческую активность мастеров этой школы, их стремление к преобразению видимой реальности. Известному закарпатскому писателю П. Скунцу принадлежит следующее лапидарное определение: «Искусство Закарпатья – в руках талантливых и вдумчивых мастеров. И пусть у каждого из них собственная концепция художественного мышления, творческое лицо, техника, "почерк", – все это идет только на пользу сохранения и обновления изобразительного искусства Закарпатья». Встречаются оценки еще более усложненные, в которых акцентируется особый *genius loci* этой земли, ее преобразующий человека «магизм»: «Есть места на земле, где с особой силой чувствуешь ее иррациональное притяжение. И высказывание "Я помню" грозит превратиться в чрезмерность контекста. Сюда никогда не вернешься таким, как был, когда уходил отсюда, всегда принося с собой шлейф разочарований. Здесь память равна забытию, архаика просвечивается сквозь признаки цивили-

зации, превращаясь в по-особому оформленное художественное пространство... В этих местах магия и искусство, как в старину, когда они были единым целым, дарят великую иллюзию прикосновения к Вечному», – отмечает уроженец Закарпатья киевский художник Т. Сильваши. Наконец, вопреки опасениям Н. Мушинки, самые видные представители закарпатской школы вовсе не обязательно были столь уж прочно связаны исключительно с собственной почвой, и на их творчестве это сказалось скорее положительно. Так, учитель Кашшай Эрдели, выросший в лоне карпатского пейзажа, оказался восприимчив не только к непосредственным импульсам природы. Живя в Париже, он приобщился к самым сложным поискам западноевропейской традиции; был знаком с импрессионизмом и фовизмом; в его манере опосредственно присутствуют многие влияния, с которыми ведется сложный диалог⁷.

А Кашшай, уроженец с. Добрынич и сын лесника, яркий и своеобразный мастер, не мог воспринимать ту живописную традицию, которую унаследовал от своих учителей, абсолютно раболопно. Не имел он и возможности приобрести европейский лоск – чего стоит уже то обстоятельство, что в годы войны Кашшай был вынужден прервать образование в ужгородской гимназии и трудиться то в лесничестве, то в планово-финансовом учреждении. По сути, он оставался талантливым самоучкой, чье мироощущение подчас не так уж и доверчиво воспринимало влияние учителей.

Нельзя также сбрасывать со счетов и влияние богатых традиций народного искусства русинов. Ведь «синтез принципов народного искусства и основ академического мастерства всегда был одним из фундаментальных приоритетов закарпатской художественной традиции, который существенно влиял на формирование специфической, свойственной региону художественной эстетики (? – С.А.), также присущей и А. Кашшаю» (Кашшай 2017b: 68).

В общем, представляется чрезвычайно интересным рассмотреть художественный мир знаменитого мастера в поле пересечения споров о родной почве, влиянии и собственной, неповторимой аутентичности, без которой точно уж нет художника.

Возьмем в качестве примера картину Кошшай «Венеция. Канал Гранде» (в качестве центрального объекта здесь предстает знаменитый собор Санта Мария делла Салуте). И отправной точкой пусть нам здесь послужит историко-культурный контекст данного сюжета.

Венецианский пейзаж обыкновенно воспринимается европейскими художниками в ракурсе, заданном Каналлетто или Гварди. Тут обычно присутствует громадное пространство моря и такая же громада высокого неба, между которыми возникает череда архи-

тектурных шедевров, выписанных, как правило, дробно и детально. Это составляет отчетливый контраст с широко и мягко написанными образами стихий и заставляет зрителя сосредоточиться на человеке, на его дерзновенной и прекрасной роли в мироустроении. Последующие пейзажисты часто опираются еще и на традицию классициста К. Лоррена, культивировавшего «гладкую» живопись и рационально продуманный сюжет.

Вот изображение Санта Мария делла Салуте на полотнах двух мастеров первой половины XIX в., в которых принципы классической композиции пейзажа и тогдашнее переживание цвета и светотени проявились в полную силу.

Так, у J.W. Jankowski собор предстает как некое ожидающее человека ласковое пристанище в свободном золотистом пространстве утра, в дымке слегка туманящихся неба и воды, и эффект этот достигается почти что полным растворением голубого цвета в щедро примешиваемых художником к скупой взятой лазури охры и сиены (рис. 1).

E. Pritchett помещает тот же собор в глубь центра картины, оттеняя его белизну как бурый по тону строением первого плана, так и беспредельным простором голубого неба. Последнее написано тоже со щедрым разбавлением лазурной первоосновы, хотя на этот раз за счет сильного добавления белил (рис. 2).

Академическое искусство наших дней целиком удерживает этот «канон», хотя после импрессионистов в него вносится уже как бы и неременная «мерцающая» манера письма, обеспечиваемая вниманием к сложности «чистого цвета» и корпускулярностью раскованного мазка (рис. 3).

Так, современный талантливый и весьма популярный российский мастер М. Сатаров видит Венецию «глазами горо-

Рис. 1.

J. W. Jankowski. Санта Мария делла Салуте.

Рис. 2. Е. Pritchett. Санта Мария делла Салуте.

Рис. 3. М. Сатаров. Венецианский пейзаж.

жанина», более того – глазами человека, изначально привыкшего к видению природы как бы сквозь камер-обскуру академической традиции. Пейзаж у Сатарова точно выстроен по законам классической перспективы: тут перед нами настоящее, ничем не нарушаемое эвклидово пространство, воспринятое с единственной точки обзора; белый купол собора составляет естественный композиционный центр; позиция наблюдателя намертво фиксирована; это воистину прекрасное мгновение, остановившееся на полотне по воле художника.

Не то в пейзаже Кошшай. Здесь фактически нет прославленного венецианского небесного и лагунного простора; центр зрения составляет белая и достаточно «рыхлая» громада прославленного храма, верхний край которого почти что срезан рамой⁸; мы смотрим на строение снизу, с противоположного берега канала, что подчеркивается слева направленностью *ферро* – металлических носов гондол (рис. 4).

Перпендикулярно каналу, прямо к воротам собора, движется, преодолевая сопротивление воды, благодаря подчеркнутым усилиям

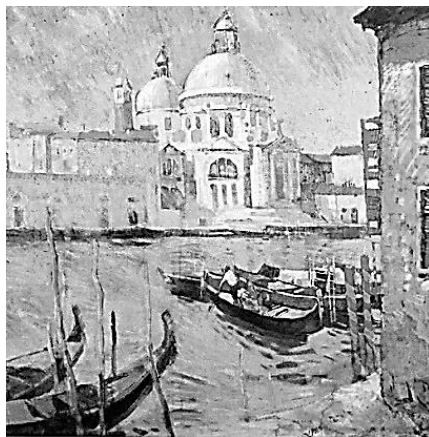

Рис. 4. А. Кашшай. Венеция. Канал Гранде.

гребцов, несколько лодок, которые окончательно определяют направление взгляда зрителя. Им тесно, они кучно и неуклюже начинают свое движение в ограниченном пространстве канала, и это психологически чревато столкновением, взрывом. При этом изображение водно-воздушной стихии также основательно «сжато».

По сути, центральное внимание автора и зрителя сосредоточено на коллизии «человек – храм». Иными словами, храм выступает в композиции картины в качестве идейно-эмоционального центра, достигаемого с усилием через преодоление сопротивления водной стихии, которая здесь подчеркнута «материализована» и,

хочется сказать, как бы обладает некоторой трудноодолимой вязкостью.

И настроение художника вовсе не благостно. Напряженная, исполненная какой-то постимпрессионистской динамики композиция, равно как и зрительный ряд, построенный на драматическом контрасте доминирующей туманной голубизны и ярком ударе солнца по зданию справа, создают достаточно экспрессивный образ напряжения и борьбы.

Вода и небо, разделенные и стиснутые рукотворной архитектурой, как и вообще активным присутствием человека, зеркально зыблются белесоватой синью, причем живописец широко использует кобальт, один из самых «волшебных» цветов современной палитры. Не звучный ультрамарин, не глубокую берлинскую лазурь, популярные в классической традиции для изображения водно-воздушной стихии, а именно «глуховатый» по тональности кобальт. Стоит вспомнить, что Врубель именовал кобальт и охру «божественными красками» за их способность сглаживать жесткие контуры и придавать любой линии оттенок леонардовского sfumato, иными словами – лишать вещи классицистической жесткости и облекать во флер личного настроения.

Возникает летучий соблазн элементарно истолковать эту напряженность как иносказание неформального запрета для лояльного советского человека на посещение церквей, но, похоже, дело гораздо сложнее. Церковь здесь – образ-символ экзистенциальных и сакральных смыслов.

Дело в том, что в равнинно-маринистическом просторе Венеции гостю-горцу не хватает возвышенности. Приблизительно так же, как пришедшим с Кавказа в Месопотамию шумерам невмоготу было поклоняться богам иначе, как на возвышенности; так возникли искусственные сакральные горы – зиккураты. Да и вообще, «Священная Гора – место, где встречаются Небо и Земля, – находится в центре Мира» (Элиаде 1998: 3).

Именно такой централизующей Священной Горой, доступ к которой и затруднен, и необходим, предстал прославленный венецианский собор прикарпатскому горцу-русину, остающемуся среди красот Венеции, многократно воспринятых его предшественниками сквозь призму чужих интерпретаций, верным собственному национальному складу мировосприятия. И почти экспрессионистская манера письма, избранная мастером, позволила выразить этот взгляд с максимальной полнотой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Монография Г. Островского (Островский 1962) при всех ее достоинствах все же основательно устарела.

2. Это станет существенным дополнением к диссертации И.И. Небесника, в которой были рассмотрены разные аспекты деятельности А. Кашшая-педагога (Небесник 2000).

3. По этому же принципу сегодня дорожные рабочие надевают яркие желтые или оранжевые куртки, в последнее время еще и с широкой люминисцентной полосой, – во избежание наезда. В малолюдных горах это, наоборот, сигнал присутствия, возможности встречи с отдаленным путником.

4. Конечно, исключая ситуации, когда, наоборот, нужно притаиться или спрятаться от врага и пр.

5. Строго говоря, раннее человеческое общество еще целиком находится в состоянии непрерывной борьбы с непонятной и враждебной природой, плодом чего является, например, некогда цветущая Сахара, опустошенная древними пастухами. Здесь в чести как раз «искусственное» – от круглых хижин африканских кузнецов-колдунов до интимной жизни шаманов североамериканских индейцев, которые вынужденно меняют пол под насильственным давлением общины.

6. Собственно, подлинный украинский оригинал произведения цитируемого здесь известного москвофила Я.Ф. Головацкого «Подорож по Галицькій та Угорській Русі» (1834) утрачен, и впервые напечатано было это «Путешествие...» по-чешски. Но разыскание печатного перевода данного текста на русский язык, который был опубликован в варшавском славистическом журнале XIX в. «Денница – Jutrzenka» (№ 6. С. 73–82; № 9. С. 114–118), сопряжено с непреодолимыми затруднениями. Поэтому мы опираемся здесь на современный украинский перевод «Путешествия» Головацкого с чешского: «Гуцули в синіх або червоних широких штанях, тісно зішнурованих на литках ремінцями від взуття, біла сорочка, трохи випущена наверх, на рукавах вишита червоною і білою заполоччю, на грудях великий мосяжний хрест, з плечей недбало звисає короткий сердак (верхній кабат з рукавами), білий або червоний капелюшок з низьким дном і доволі широкою крисою, спереду замашений павиним пером» (см.: Подорожі 1993).

8. При этом Эрдели в первую очередь привлекали современные мастера определенного склада, стремившиеся не «изучать», но активно интерпретировать натуру, переносящие центр зрения на внутреннее Я художника.

ЛИТЕРАТУРА

Закарпатська школа 2006 – Закарпатська школа живописи // Живописці Закарпаття. URL: http://art-raschdorf.com/ru/article/03_article.html (дата звернення: 24.11.2018).

Кашшай 2017а – *Кашшай О.С.* Джерельна база дослідження творчості художника Антона Кашшай та стан наукової розробки теми // Теорія і практика сучасної науки: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції (м. Дніпро, 24–25 лютого 2017 року): у 2 ч. Херсон: Гельветика, 2017. Ч. 2. С. 75–77.

Кашшай 2017б – *Кашшай О.С.* Історіографія дослідження творчості художника Антона Кашшай та стан наукової розробки теми // Молодий вчений. № 4 (44). Квітень. 2017. С. 67–70.

Мацієвський 2012 – *Мацієвський І.* Музичні інструменти гуцулів. Вінниця: Нова книга, 2012. 463 с.

Небесник 2000 – *Небесник І. І.* Розвиток художньої освіти у Закарпатті у ХХ столітті: дис. ... канд. пед. наук. Дрогобич, 2000. 180 с.

Островский 1962 – *Островский Г.С.* Антон Михайлович Кашшай. М.: Сов. художник, 1962. 80 с.

Подорожі 1993 – Подорожі в українські Карпати: збірник / Упоряд. М. Вальо. Львів: Каменяр, 1993. 279 с.

Сіксай 2011 – Сіксай І.О. Пейзаж у творчості художників Закарпаття другої половини ХХ ст.: огляд літературних джерел // Дизайн-освіта в Україні: сучасний стан, перспективи розвитку та євроінтеграція. 2011. № 5. С. 146–148.

Столяренко 2010 – *Столяренко Л.Д.* Психологія. СПб.: Питер, 2010. 592 с.

Элиаде 1998 – *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998. 258 с.

REFERENCES

Chebykin, A. et al. (2006) *Zakarpatskaya shkola zhivopisi* [Transcarpathian School of Painting]. [Online] Available from: http://art-raschdorf.com/ru/article/03_article.html (Accessed: 24th November 2018).

Kashshai, A.S. (2017a) [The source base for the study of the artist Anton Kashshai's works and the theme development]. *Teoriya i praktika suchasnoi nauki* [Theory and practice of Modern Science]. Proc. of the International Conference. Dnipro. February 24–25, 2017. Kherson: Gel'vetika. pp. 75–77 (In Ukrainian).

Kashshai, A.S. (2017b) *Istoriografiya doslidzhennya tvorchosti khudozhnika Antona Kashshaya ta stan naukovoy rozrobki temi* [Historiography of the study of the artist Anton Kashshai's work and theme development]. *Molodyy vchenyy*. 4 (44). pp. 67–70.

Matsievskiy, I. (2012) *Muzichni instrumenti gutsuliv* [Huzul Musical Instruments]. Vinnitsya: Nova kniga.

Nebesnik, I.I. (2001) *Rozvitok khudozhn'oi osviti u Zakarpatti u XX stolitti* [The development of artistic education in Transcarpathia in the twentieth century]. Pedagogy Cand. Diss. Drohobych.

Ostrovskiy, G.S. (1962) *Anton Mikhaylovich Kashshay* [Anton Kashshai]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.

Valio, M. (ed.) (1993) *Podorozhi v ukrains'ki Karpati* [Travel to Ukrainian Carpathians]. Lviv: Kamenyar.

Siksay, I.O. (2011) *Peyzazh u tvorchosti khudozhnykiv Zakarpattya druhoi poloviny XX st.: ohlyad literaturnykh dzherel* [Landscape in the works of Transcarpathian artists of the second half of the 20th century: a review of literary sources]. *Dyzayn-osvita v Ukrayini: suchasnyy stan, perspektyvy rozvytku ta evrointehratsiya*. 5. pp. 146–148.

Stolyarenko, L.D. (2010) *Psikhologiya* [Psychology]. St. Petersburg: Piter.

Eliade, M. (1998) *Mifo vechnom vozvrashchenii* [Myth of the Eternal Return]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya.

Абрамович Семен Дмитриевич – заведующий кафедрой славянской филологии и общего языкознания Каменец-Подольского национального университета им. И. Огенко, академик АН ВО Украины, доктор филологических наук, профессор (Украина).

Semen D. Abramovich – Kamianets-Podilskyi National Ivan Ohienko University (Ukraine).

E-mail: tammuz@bigmir.net

ПАМ'ЯТИ ГЕОРГІЯ КОНСТАНТИНОВИЧА КОЖОЛЯНКО

10 января 2019 г. ушел из жизни Георгий Константинович Кожолянко, доктор исторических наук, профессор Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича (ЧНУ).

Георгий Константинович родился 27 июня 1946 г. в с. Каменная Сторожинецко-го района Черновицкой области. В 1972 г. окончил исторический факультет Черновицкого государственного университета, затем аспирантуру при Институте истории АН УССР, защитил кандидатскую диссертацию, в 1992 г. – докторскую на тему «Материальная культура населения Северной Буковины». С 1974 г. до конца своих дней работал в ЧНУ: старшим лаборантом, преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой этнологии, античной и средневековой истории, с 2006 г. был профессором этой кафедры.

За время научно-педагогической деятельности подготовил и опубликовал около 400 научных и научно-методических работ. Среди них – «Етнографія Буковини» («Этнография Буковины») в 3 томах (Чернівці, 1999, 2001, 2004); «Народознавство Буковини. Народна їжа» («Народоведение Буковины. Народная пища», Черновцы, 2000); «Народознавство Буковини. Народна архітектура» («Народоведение Буковины. Народная архитектура», Черновцы, 2000); «Народознавство Буковини. Новорічно-різдвяна обрядовість буковинців» («Народоведение Буковины. Новогодне-рождественская обрядность буковинцев», Черновцы, 2001); «Духовна культура українців Буковини» («Духовная культура украинцев Буковины», Черновцы, 2007) и др.

Г.К. Кожолянко был членом редколлегии ряда журналов: «Гуцульщина» (Торонто, Канада), «Вісті українсько-буковинської громади» (Торонто, Онтарио, Канада), «Буковинський журнал», всеукраинского журнала «Берегиня», научных исторических вестников Черновицкого национального университета, Каменец-

Подольского университета им. И. Огиенко, Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника. С 1997 г. он редактировал «Буковинський історико-етнографічний вісник», с 2002 г. был научным редактором историко-этнологического издания «Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології» ЧНУ.

С 1996 г. профессор Кожолянко руководил Буковинским этнографическим обществом.

В течение 2006–2010 гг. он возглавлял совет по вопросам культуры и духовности при Черновицкой облгосадминистрации.

Лауреат литературно-художественной премии им. Исидора Воробкевича (2007). Депутат Черновицкого областного совета в 2006–2007 гг.

Долгие годы Г.К. Кожолянко сотрудничал с журналом «Русин».

Редколлегия журнала «Русин»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русины

ОСНОВАН В 2003 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2019. Том 55

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 408 стр.

Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028, а/я 1041

Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 29.03.2019. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Бумага офсет 1N^о 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 58.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2019 году международный исторический журнал

«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

СЛАВЯНЕ

К.И. ГАЛЧИНСКИЙ

Нас тьмы и тьмы. Мильонов топот слышен.
Кровь пролита не зря – здесь лишних нет –
Мы вместе, наконец, походом вышли.
Лях, чех и росс воспряли, чуть забрезжил свет.

Серб тоже с нами. Брату сербу слава!
Его не миновал удел суровый.
И снова Щецин – наш. Жива Варшава –
И Лондона она важнее. I am sorry*

И что нам Лувр, что зелень нежная вдоль Сены,
Над Роной цвет мимоз, канцоны заливные?..
Речь наша – хрип да храп, друг, будем откровенны,
А Ченстоховской лик – из Византии.

Да и чудес – с лихвой.
Жертв. Сомосьерр** Восстаний.
Ведь силу одолеть – труд тяжёлый, не забава.
Очнись. Восстань, свободный. Вместе с нами

Твори молитву дел. Дню истинному – слава.
Крестьяне – с нами. Песни херувимской
Они напев найдут – уж цель недалеко.
Песнь раздалась – воз двинулся.

Глянь: под глазурью римской
Жбан с польским прахом, крынка молока...
Пускай кругом слепцы, нож злоба точит свой –
Смеясь, к востоку все часы бегут, к востоку.

Сквозь толщу вод – славянства знак живой –
Девичий лик на золотом нам просиял до срока.
На дело общее ряды сплотились наши.
И не страшны нам ягеллонов тени.

В последний раз идёт по кругу чаша –
Нас общий путь зовёт. И песня – в бой последний.

Перевод М. Кореновой.

* Извините (англ.).

** Имеется в виду битва при Сомосьерре в Испании 30 ноября 1808 г., когда в ходе атаки эскадрона польских улан наполеоновской гвардии на испанские позиции, предпринятой по личному приказу Наполеона были захвачены четыре батареи противника.

Источник: Галчинский К.И. Славяне // Галчинский К.И. Фарландия, или Путешествие в Темноград. М., 2004. С. 189–190.